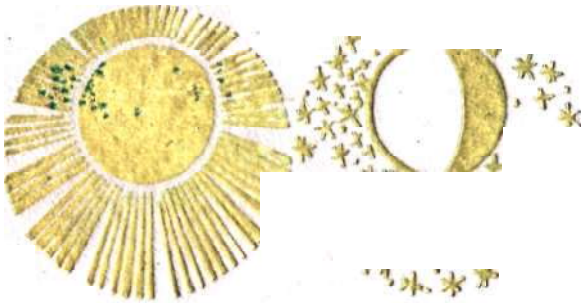
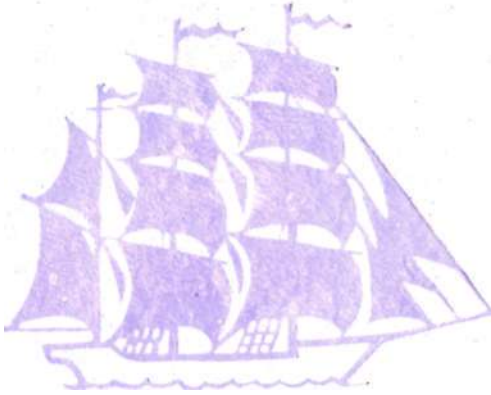
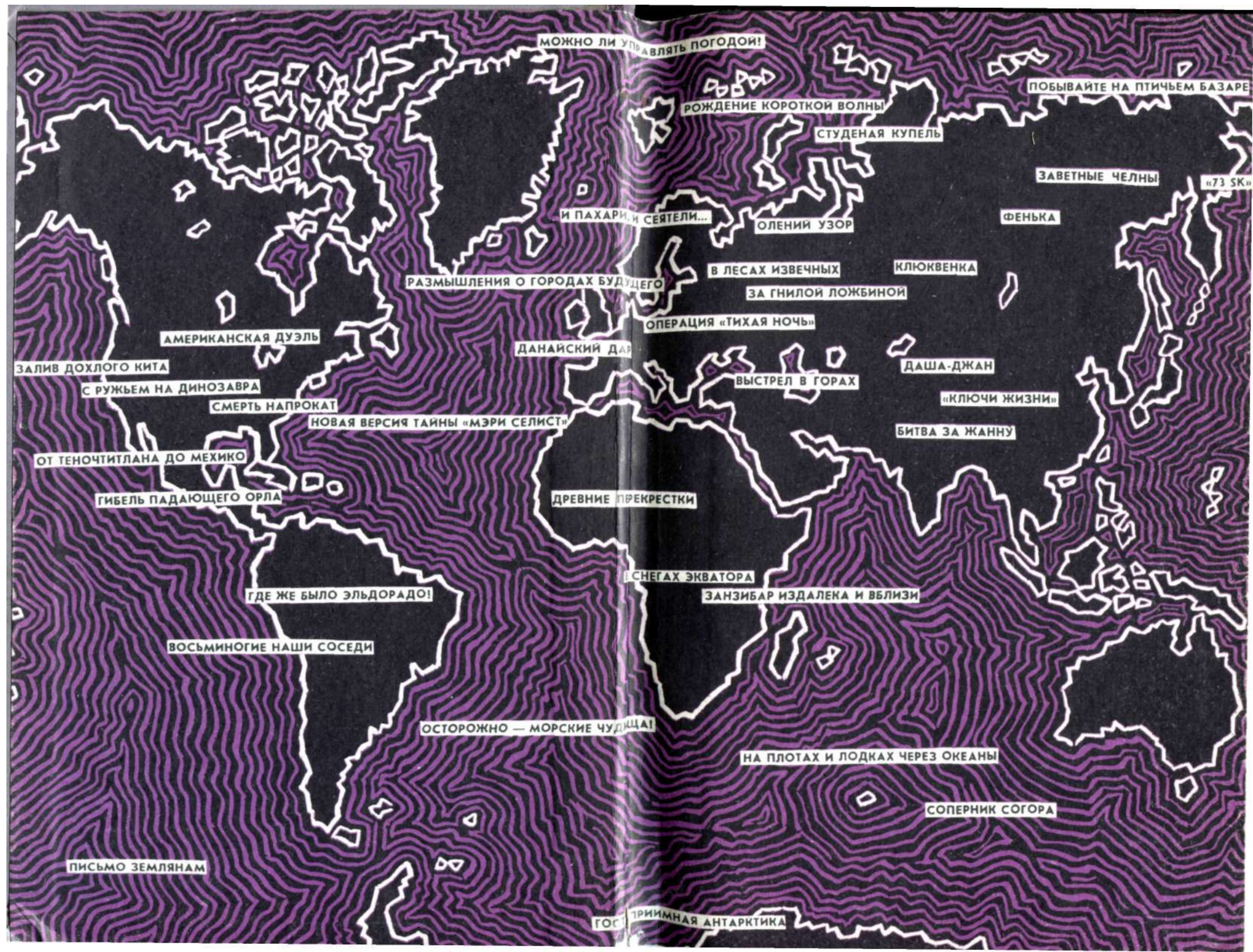





МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОГОДОЙ!
РОЖДЕНИЕ КОРОТКОЙ ВОЛНЫ
ПОБЫВАЙТЕ НА ПТИЧЬЕМ БАЗАРЕ
СТУДЕНАЯ КУПЕЛЬ
ЗАВЕТНЫЕ ЧЕЛНЫ
«73 SK»
И ПАХАРИ, И СЕЯТЕЛИ...
ОЛЕНИЙ УЗОР
ФЕНЬКА
В ЛЕСАХ ИЗВЕЧНЫХ
КЛЮКВЕНКА
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДАХ БУДУЩЕГО
ЗА ГНИЛОЙ ЛОЖБИНОЙ
ОПЕРАЦИЯ «ТИХАЯ НОЧЬ»
АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ
ДАНАЙСКИЙ ДАР
ЗАЛИВ ДОХЛОГО КИТА
ДАША-ДЖАН
ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ
С РУЖЬЕМ НА ДИНОЗАВРА
«КЛЮЧИ ЖИЗНИ»
СМЕРТЬ НАПРОКАТ
НОВАЯ ВЕРСИЯ ТАЙНЫ «МЭРИ СЕЛИСТ»
БИТВА ЗА ЖАННУ
ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА ДО МЕХИКО
ГИБЕЛЬ ПАДАЮЩЕГО ОРЛА
ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ
В СНЕГАХ ЭКВАТОРА
ГДЕ ЖЕ БЫЛО ЭЛЬДОРАДО!
ЗАНЗИБАР ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ
ВОСЬМИНОГИЕ НАШИ СОСЕДИ
ОСТОРОЖНО — МОРСКИЕ ЧУДИЩА!
НА ПЛОТАХ И ЛОДКАХ ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ
СОПЕРНИК СОГОРА
ПИСЬМО ЗЕМЛЯНАМ
ГОСТ ПРИИМНАЯ АНТАРКТИКА

Издательство
«Мысль»

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

НА СУШЕ И НА МОРЕ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ ● РАССКАЗЫ

ОЧЕРКИ ● СТАТЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА • 1970

Р2
Н 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

Н. Я. БОЛОТНИКОВ (составитель), П. Н. БУРЛАКА,
И. А. ЕФРЕМОВ, Б. С. ЕВГЕНЬЕВ.
И. М. ЗАБЕЛИН, А. П. КАЗАНЦЕВ С Н. КУМКЕС,
Н. Н. ПРОНИН (ответственный секретарь),
С. М. УСПЕНСКИЙ

Оформление художника В. Сурикова

2-8-1
128-70

Наш десятый...

Нет географии без путешествий, нет путешествий без приключений. Путешествия, приключения обогащают наше познание, а по мере познания, сказал мудрец, увеличивается сила воображения. И каждый, кто хоть раз в жизни встречал рождение дня над морем или закат у погасшего костра, знает, что настоящее приключение не только граничит, но зачастую и переходит в область фантастики.

Где же быть путешествиям, приключениям, где рождается фантастика, как не на суше и не на море? Суша и море — две великие стихии — арена становления Человека. Правда, наша эпоха внесла поправки. Человек, овладев и третьей стихией — воздушным океаном, шагнул в Космос и уже ступил на другую планету. Перед ним открылась Бесконечность с ее новыми, неведомыми пока еще мирами. И то, что еще так недавно казалось фантастикой, становится реальностью...

Так где же граница фантастического? Да и существует ли она? Ведь и там, на других мирах, Человеку, несомненно, придется осваивать и твердь, и моря, а возможно, и новые, пока еще неизвестные нам стихии. И все же понятия «суша», «море» во все эпохи были и будут связаны у Человека с его колыбелью, с его родиной — планетой Земля. Вот почему в свое время мы и назвали наш сборник на первый взгляд казавшимся архаическим, но на самом деле глубоким по смыслу и емким именем —«На суше и на море». Это название как бы знаменует путь Человечества в его извечном движении.

Наш сборник «На суше и на море» выходит в десятый раз. Без ложной скромности скажем: он полюбился читателям. Об этом можно судить по той молниеносной скорости, с какой исчезает он с прилавков магазинов, по пустующим местам его хранения на книжных полках библиотек, по множеству читательских откликов.

Сборник «На суше и на море» с первых же шагов нашел и прочно занял свое место среди литературных собратьев — «Искателя», «Мира приключений», библиотечек «НФ», «Фантастики», «Прометея» и других периодических и эпизодических изданий. Но место это особое, потому что «На суше и на море» прежде всего сборник географический, а, как известно, география — одна из самых поэтических наук. Джозеф Конрад, вдохновенный певец моря, назвал ее самой безупречной из наук, единственной из всех наук, возникшей «из действия и больше того — отважного действия, которое так захватывает людей домашнего образа жизни, склонных мечтать о суровых и неожиданных испытаниях, как мечтают узники за своими решетками обо всех опасностях и превратностях свободы, столь дорогой сердцу человека».

В издании десяти томов наших сборников приняло участие более трехсот авторов — поклонников музы дальних странствий. Это и ученые всех рангов, и писатели разных жанров, журналисты и исследователи различных отраслей знаний, путешественники и просто люди, влюбленные в природу. Но это и единомышленники авторов — создатели и первые читатели сборников — редакторы и художники, корректоры и машинистки, наборщики и верстальщики, печатники и распространители книги — такие же, как и авторы, очарованные странники в мире неведомого.

Мы благодарны всем им. С их помощью читатели могут наблюдать меняющийся лик нашей социалистической Отчизны, ее устремленность в грядущее, видеть весь земной шар в его бесконечной динамике и, главное, видеть Человека, страждущего, борющегося, дерзающего и побеждающего в своем движении к Великому Будущему.

Этот десятый, юбилейный том нашего сборника выходит в 1970 году, когда все прогрессивное человечество отмечает столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Свет ленинских идей, на протяжении десятилетий озарявший путь нашего устремления вперед, двигавший нашу науку, технику, искусство, литературу — всю нашу творческую, созидательную мысль, нашел отражение и в десяти вышедших книжках сборника «На суше и на море».

Новый Человек, рожденный Октябрем, воспитанный великой Ленинской партией, Человек подвига, труда, исканий, Человек, отвергающий насилие, Человек — радетельный сын и преобразователь природы, дерзновенный исследователь земных недр, горных вершин, океанских пучин, космических пространств и далеких миров,— он был и будет главным героем произведений, публикуемых в нашем сборнике.

«Можно по-разному рассказывать о Земле, о странах и народах, о природных явлениях — в строгих научных монографиях и популярных книгах, в учебниках и специальных статьях... Но есть еще один путь, ведущий к самому широкому читателю,— живой, увлекательный рассказ писателя или ученого-очевидца о сложном и прекрасном мире вокруг нас. Приключенческая повесть, записки путешественника, научно-фантастический роман, публицистическая статья, художественный очерк, воспоминания о минувших событиях — вот далеко но полный перечень жанров, таящих в себе неисчерпаемые возможности для романтического «открытия мира», воспевания подвига, труда, исканий...»

Это кредо было опубликовано в первой книжке «На суше и на море» десять с липшим лет назад. Мы будем следовать ему и впредь. Напоминая об этом кредо, мы призываем читателей активней сотрудничать с нами, присылать свои произведения — новости, рассказы, очерки, научно-популярные статьи, как и своп пожелания по содержанию и оформлению сборника.

Общими усилиями коллектива авторов, создателей книги и ее читателей мы будем стремиться и в дальнейшем вносить свой вклад в романтическое познание мира, ибо, как сказал Фирдоуси:

Если путь твой к познанию мира ведет,
Как бы ни был он труден и долог — вперед!

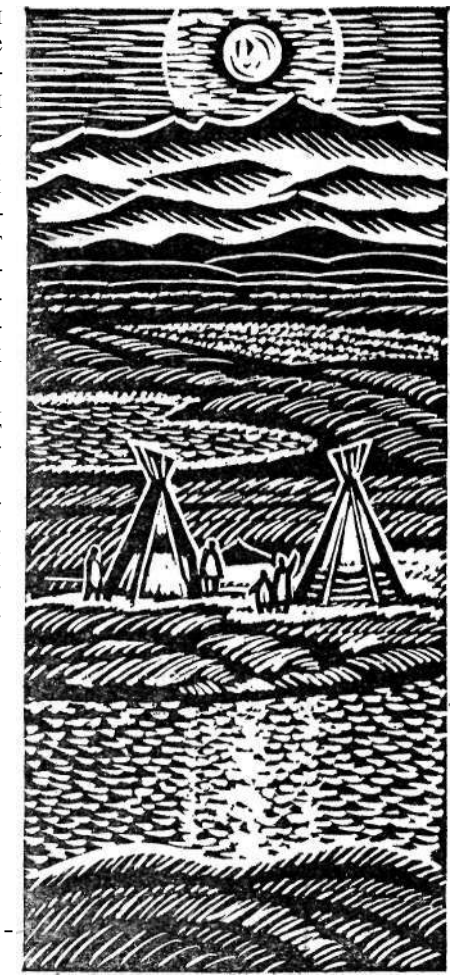
Редакционная коллегия

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ОЛЕНИЙ УЗОР

Николай Димчевский

Повесть



Пряный густой аромат тундры вобрал в себя тысячеверстые просторы. Вдохнешь — замирает сердце, как перед прыжком в неизвестность. Даже когда придышишься и привыкнешь. А сейчас, после долгого сидения в душном городе, переворачивается что-то в груди, вызывает в памяти давнее. Иван Павлович ушел в воспоминания, пробужденные этим настоем багульника, березы и болотных трав.

Мутное, сырое утро. Поезд исчез за поворотом. Скрип допотопных вагончиков пропал сразу, накрытый мокрой подушкой тумана. Только чавкает под сапогами болотистая земля, мокрыми ветками чиркают по коленям березки, похожие на кусты крыжовника, сонная птица бормочет что-то свое рядом с тропой.

Поодаль, за овражком, скорей угадывается, чем виднеется, домишко — белесое пятно на серой мути. Кто не знает — не заметит. Но Иван Павлович знает домик Константина Кузьмича. И в ночной темени нашел бы, а теперь утро.- Да и ночью сейчас не темнота.

В овражке совсем глухо. Даже ручья не слышно. Иван Павлович нагнулся зачерпнуть ладонью воды и только тогда уловил звон струи. Выпив пару пригоршней, отдохнул, прислушиваясь к тишине. Потом поднялся, поправил заплечный мешок, сползший набок, легко перебежал ручей по камням.

И тут сверху залаяли сразу несколько собак. Их лай раскатился, как неожиданный гром. Иван Павлович вздрогнул и рассмеялся. Привычное ухо различило хриплую трубу огромного, похожего на медведя пса, принадлежащего соседу Константина Кузьмича, и разноголосье остальных собак, привязанных по дворам. Лай кончился так же внезапно, как и возник.

Слышался лишь скрип камней под ногой на обрывистом склоне да звон комаров. Они набросились на лицо и руки, кусаясь по-собачьи до крови. Но Иван Павлович знал, что это еще не комар, и он ускорил шаг, отмахиваясь мокрой веткой.

Вот и жилье. То, что виделось издали бледным пятном, было не избой, а забором, сложенным из дров. Сотни полешек, зажатых между стоек, своими желтыми торцами напоминали соты. Поленница была так высока, что из-за нее выглядывала лишь крыша в потеках мха на черной щепе.

Иван Павлович обогнул эту дровяную крепость, защищавшую избу от северных ветров, и подошел к калитке. Знакомый дворик, навес над низкой дверью и на навесе, с краю, смоленая подсадная утка. Сидит, как живая.

Иван Павлович не сразу открыл калитку, а некоторое время рассматривал дворик, узнавал по очереди разные хозяйственные предметы и чувствовал, как необычайный покой наполняет грудь. С каждым вдохом улетучивались остатки протабаченной управленческой суетни и оставалось это исконное, ни часами, ни годами не меренное бытие, этот двор посреди тундры, уходящей к океану, эта деревянная подсадная утка, этот невод, повисший на кольях, и тишина, которую не могут пробить даже комары.

Калитка открылась без труда. Иван Павлович перепрыгнул через лужу, шагнул под навес, прислушался. Ни звука. Собака, привязанная за углом, даже не зевнула. Словно не она только что разрывалась от лая.

Он постучал в дверь. Тихо. Стукнул сильней. В избе что-то зашуршало, и дверь открылась. Она не была заперта. Иван Павлович понял, что опростоволосился: мог бы и не стучать, чтобы никого не будить.

Из-за мешковинного полога, висевшего за дверью, выглянул сам хозяин. Серые глаза на сухощавом лице расширились от удивления.

— Иван Палыч... Вот не ждал, так не ждал! — обрадованно сказал он, отступая в темноту сеней, и пригласил, коверкая слова своим странным ударением.— Заходите в дом-то, заходите!

Иван Павлович переступил порог и обнял хозяина за тощие, но еще крепкие плечи.

— Здравствуй, Константин Кузьмич, здравствуй, дорогой!

Сразу же справился, не приехали ли ветеринары из области. Оказалось, приехали еще днем. А сегодня ждут пастухов из тундры. Они приведут упряжки. Это известие совсем уж обрадовало. Все складывалось ладно и хорошо.

Тьма сеней была пропитана густой вонью. Здесь, как всегда, сохли на вешалах сырые шкуры. Иван Павлович сразу же наткнулся на них, протянув руку, чтобы сориентироваться, куда идти. И даже эта вонь, остро ударившая в нос, не казалась отталкивающей. Она так же, как аромат тундры, возвращала Ивана Павловича к тому, что он любил, к делу, которому отдал жизнь. Да, теперь-то можно так сказать:' отдал жизнь.

Хозяин распахнул низкую дверь, обитую коровьей кожей, Иван Павлович шагнул в мутную полутьму. В избе было парно. Сквозь запотевшие оконца сочился тусклый свет, обрисовывая спящих на полу людей.

Разве когда-нибудь случалось, чтоб у Константина Кузьмича не ночевали гости? Как всегда, полна изба. Иван Павлович остановился у порога, выбирая место, куда поставить ногу и перешагнуть через храпевшего у самой двери человека.

— Кушать будетёэ? — громким шепотом спросил Константин Кузьмич, чудом оказавшийся уже посреди избы с кринкой молока и хлебом в руках.

— Спасибо, спасибо, дорогой, не беспокойся. Мне бы прилечь на часок.

— Ложитесь сюда,— показал Константин Кузьмич под стол, где было свободное место.

Иван Павлович повесил мешок на гвоздь у двери, пробрался к столу и, стоя, с удовольствием выпил кружку густого молока. Потом снял свой брезентовый плащ, постелил; стащил сапоги, лег, с наслаждением вытянул ноги; полежал минуту и лишь после этого накрылся пиджаком.

— Спитёэ,— зевая, сказал хозяин, забираясь на печь.

Днем весь туман сволокло за реку. Правый берег, где стояла деревенька, обнажился, солнце четко выписало на нем каждую мелочь. И на голом холме за домами встали четыре покосившихся креста.

Но за рекой туман еще долго откатывался в тундру, неохотно редел. За полдень северный ветер совсем его иссушил. И тогда обнаружилась даль, отчеркнутая фиолетовым камнем Полярного Урала. По камню — белые прожилки снежников и черные тени от вершин. И ярко-зеленая равнина расхлестнулась во всю ширь.

Иван Павлович стоял у крестов и смотрел за реку. Всякий раз, приезжая в деревеньку, он приходил сюда и подолгу стоял у могил, почти сровнявшихся с землей и заросших стелющейся березкой. Зеленовато-серый лишайник сплошь покрыл кресты. Прошло

столько лет, а Иван Павлович не научился спокойно смотреть на них. Он помнил их свежеструганными, неожиданно появившимися на могилах. Помнил посеревшими, покосившимися из-за таяния вечной мерзлоты, нарушенной людьми. И вот они обросли мохнатым пером лишайника, подгнили, потрескались. С одного креста зимним ветром сорвало доски кровли, по северному обычаю протянутой от вершины к концам перекладины.

Иван Павлович всегда заставлял себя думать только о крестах, но это никогда ему не удавалось. И когда он чувствовал, что воспоминание прорывается вопреки его желанию, садился на могилу, закрывал лицо ладонями и сидел так, пока прошлое само не ослабнет и не отпустит его....

— Хальмермя!* — по-ненецки сказал Савельев.

Проводник-зырянин Костя застыл на нартах. В серых глазах ужас. Он знал, что ветер дует с их стороны к чуму, но страх был слишком велик, и Костя хотел гнать упряжку прочь.

— Э, братец, так нельзя. А вдруг там живые? — сказал Савельев.

Он намеревался пойти один, но с ним вызвались все четверо, кроме Кости. Саженях в двадцати Савельев приказал им остаться и пошел к жилью. Вокруг чума лежало с полсотни издохших оленей. Смрад чувствовался, несмотря на ветер, относивший его в сторону. У входа, сунув головы за полог и сбившись в кучу, лежало несколько животных. Так бывало почти всегда: измученные болезнью олени словно просили помощи у человека. Они подползали к чуму, мордой отодвигали полог и умирали. Кто мог им помочь, если в чуме оставались одни мертвецы?

Савельев знал это лучше своих помощников, совсем молодых ребят, студентов-ветеринаров. И все же он подошел совсем близко к чуму и громко спросил по-зырянски, по-хантыйски и по-ненецки: «Есть живые? Есть живые? Эй!» И хотя никто не ответил, Савельев длинным прутом отодвинул полог, заглянул в чум, крикнул еще раз, бросил прут и махнул рукой.

Ребята вернулись к нартам. Саша Чикин налил в жестянку керосину и, пока Савельев мыл руки сулемой, подошел к чуму, плеснул на шкуры и поджег.

Проводник Костя отвернулся, забормотав молитву.

Только тронулись — олени прянули в сторону: неподалеку валялся издохший волк.

Хальмер! Смерть. Эпидемия.

Вскоре заболели четверо: Савельев, Саша Чикин, Кулешов и Кудрявцев. Там заразились, в другом ли месте, кто знает... Да и надо ли знать... Иван Павлович (тогда-то просто Ваня Рогов) и Костя (теперешний Константин Кузьмич) ухаживали за больны-

* Хальмермя — мертвый чум.

ми как могли. Сначала Савельев советовал, что делать, потом впал в беспамятство. И остальные метались в бреду.

Их похоронили на взгорке. Тела их, как приказал Савельев, засыпали хлорной известью и предали земле.

Никто из них в бога не верил, но, когда через год Иван Павлович приехал сюда на практику, четыре больших креста уже стояли на могилах...

Не надевая своей старой соломенной шляпы, Иван Павлович медленно сошел с холма, побрел по зарослям к реке. Иногда нога натыкалась на багульник, и одуряющий аромат вспыхивал, как костер. Птицы срывались с низких березок, светились редкие цветы, и морошка уже зажелтела яркими пятнами в зелени.

Иван Павлович знал, что Константин Кузьмич где-то рядом. Они никогда не ходили к крестам вместе, но он всегда оказывался неподалеку. Конечно же, вот он, под обрывом у самой воды со своей рыболовной снастью.

Иван Павлович смотрит на друга. Теплая радость разливается в груди. Радость пришла сейчас, неожиданно, неизвестно почему. Может, потому, что они еще живут на земле, или потому, что впереди поездка в тундру. А скорей всего потому, что вот здесь, рядом, стоит этот старый человек в резиновых сапогах, ватнике и треухе с опущенными наушниками.

В руках у него капроновая леска, протянутая к кораблику-дощечке, плывущей на ребре. Поводки с крючками, привязанные к леске, рассекают мелкие волны.

Иван Павлович сбегает по крутой тропке с обрыва, подходит к Константину Кузьмичу, но тот не оборачивается. В молчании они медленно бредут по берегу.

Прозрачная быстрая вода не скрывает цветной гальки на дне. Лишь подальше, где крутятся крепкие витые струи, дно исчезает и вода обретает густой синий цвет. Под ногами лаковые камешки и вытянутые плиты красноватого гранита. Возле розовых валунов, за зеленой щетиной осоки, голубые зеркала маленьких озер.

Константин Кузьмич поднимает леску. Из воды со свистом вырываются поводки. Крючки пусты. Надо менять место.

— Павлович, потяни леску,— говорит Константин Кузьмич и начинает сматывать ее на рогульку.

Иван Павлович входит в воду и потихоньку подтягивает кораблик к берегу.

Они шагают к галечному мысу, виднеющемуся ниже по течению. Словно по негласному уговору, они не вспоминают вслух прошлого, хотя каждый хорошо знает, о чем думает другой.

Мыс глубоко врезается в речное полотно. С него можно достать почти до середины реки. ЗдеСь лучшее место для ловли хариуса. И то, что Константин Кузьмич начал ловить рядом с крестами, говорит лишь о его сочувствии настроению друга.

На самом конце мыса Константин Кузьмич зашел по колено в реку, кинул дощечку. Она повиляла немного и вдруг словно ожила — выправилась, встала носом против течения, поплыла, разбрасывая фонтанчиками воду. Чуть заметными движениями Константин Кузьмич направляет ее к середине реки. Вслед за ней из его рук одна за другой уходят в глубину серебряные капли блесен. Его сжатые губы слегка шевелятся, узкое лицо, прорезанное морщинами, сосредоточено, серые глаза видят только скользящую снасть.

Он поднял руку с леской. Из воды выскочили блесны.

— Хоп!

На дальних крючках прыгают три стальных хариуса. Константин Кузьмич подтягивает их к берегу. Кораблик как живой — нетерпеливо режет волну и норовит уйти обратно. Константин Кузьмич ловко снимает рыб и отпускает снасть.

Рыбы бьются на камнях. Константин Кузьмич роется в кармане и протягивает Ивану Павловичу кусок толстой лески с костяной перекладиной на конце. Тот продевает леску рыбам под жабры, бросает их в воду, хариусы рвутся уйти в глубину и долго не могут смириться с куканом.

— Начало есть, конца не будеэт,— говорит Константин Кузьмич, и голос его вздрагивает от радости.

— Дай мне половить,— не утерпел Рогов.

— Сейчас, сейчас... Не торопись... Рыбы хватёэт. Этот год для рыбы добрый. На вершинёэ реки много мошкиных куколок. Олешкам плохо будеэт, нам с тобой плохо.— Константин Кузьмич засмеялся.— А рыбам хорошо будеэт — маленьким корма много...

Константин Кузьмич не мог отказать другу в просьбе, но и отдавать снасть не хотелось: он чувствовал, как сразу огрузли поводки, едва кораблик отошел к середине. Поэтому и решил отвлечь Ивана Павловича разговором, чтоб протянуть время и вытащить еще пару заметов. Ход был ловкий.

— Вот как, на мошку урожай, говоришь? — оживился Иван Павлович.—Это мне как раз очень нужно.—И уже рассеянно смотрел на кораблик, захваченный своей мыслью.— Понимаешь, Кузьмич, я привез новый препарат для борьбы с гнусом. Он и против овода должен действовать, и против комара. Это мы теперь же проверим. А вот мошку мне очень хочется дождаться. У нас стада как раз в очагах размножения мошки... Это очень удачно, что на нее урожай. Посмотрим, как препарат поведет себя против мошки...

Константин Кузьмич вытянул леску, снял двух рыб и снова отпустил кораблик.

Иван Павлович сажал хариусов на кукан, отмечая про себя, что рыба крупная и красивая, но мысль испытать новый препарат сверх замысла еще и против мошки совсем отвлекла его от ловли.

— Как в тундре с комаром?

— Комар сильный сей год. Не комар — орол. Олешкам нет покою.

— Вот с него и начнем... А потом мошка... Попробуем бороться с этой напастью. Сибирку победили, ящур, чуму — самые страшные болезни уничтожили, а с комаром до сих пор не воевали. Надо, надо ему крылья пообрезать...

Константин Кузьмич оторвал взгляд от снасти и посмотрел на друга. Он хотел что-то сказать, но то ли не решался, то ли не находил слов. Иван Павлович заметил его смятение.

— Ты чего? Или комара пожалел? Экий ты, Кузьмич. Все новое в тундре с тобой начинали, и всегда ты с недоверием. Помнишь, как вакцинации боялся?..

— Вакцина, вакцина...— рассеянно повторил Константин Кузьмич.— Вакцина — то сибирка... От сибирка, от ящур только вред. Хальмер только от них... Мошка, комар — то другое. Сибирка убил — всем хорошо. Мошку убьеэшь, комара убьеэшь — рыбе плохо. Рыбе хальмер придет. Хариуса детки любят кушать от мошки деток... Этот маленький черный...

— Личинка,— подсказал Иван Павлович.

— Да, мошкина личинка. Подрастет детка — кушать хочет комарий личинка — он поболе. А ты его убьеэшь. Хариус не станёэт. Кораблик в печку кинёэм.

Иван Павлович похлопал его по плечу и рассмеялся.

— Не бойся, брат, никакого хальмера рыбе не будет. Мы не дураки личинок уничтожать. Этот препарат, что я привез, отпугивающий. Опрыснем оленя, и ни одна пакость на него не сядет. По нашим подсчетам, одного опрыскивания достаточно по крайней мере на сутки. Представляешь, целые сутки олени смогут отдохнуть, покормиться, не опасаясь ни комаров, ни оводов, ни мошки.

— О, когда так — не страшно. Вези свою самогонку в тундру,— засмеялся Константин Кузьмич, подсек и вытащил еще одного, но очень крупного хариуса.

Так стояли они на мысе, и кукан становился все тяжелее, хотя лов сегодня был не настоящий. Константин Кузьмич сам считал сегодняшний лов забавой, потому что постоянно отвлекался от снасти. Сначала дожидался Ивана Павловича у крестов и забрасывал кораблик на месте, которое хариус навещает редко. Теперь они пришли в уловистое место, но Константин Кузьмич посматривал больше не на кораблик, а на противоположный берег, куда вскоре должен прийти аргиш* из тундры. Разве это лов?

Сегодня самое главное — аргиш.

Отсюда, с мыска, видно, как из дома постепенно вышли все, кто собирается ехать в тундру.

Первой к обрыву из калитки выплыла хантыйка Наташа. Ярким костром зажегся на ветру ее сарафан. Наверное, далеко его видно. Муж ее Данила, который едет с аргишем, должен заметить

* Аргиш — несколько оленьих упряжек.

Наташу из-за реки, с последнего увала перед спуском в долину. Есть в этой женщине что-то сказочное, давнее. Только в тундре осталась еще такая одежда: длинная, до пят, из красной ткани с синей полосой по подолу. А на голове желтый платок с багровыми цветами. Ветер относит сарафан и треплет, как старинную хоругвь, и взметывает, как пламя. А Наташа стоит — не шелохнется. Приложила к черным бровям ладонь, всматривается в заречную даль. И лицо спокойно, только иногда губы трогает едва заметная улыбка. И в этом изгибе губ да в прищуре глаз собрано все ожидание, вся тоска и нетерпение, с которыми Наташа ждет мужа.

Два месяца не виделись, два месяца пробыла Наташа с сыновьями в больнице, два месяца прожила в большом поселке. Никогда еще не уезжала она так надолго. И никогда бы не уехала. Да разве можно спокойно сидеть в чуме и смотреть, как мучаются малыши? Вот и прогнала ее в чужие люди хворь сыновей. Теперь все позади. Теперь должен приехать Данила... А может, батюшка приедет? Может, Даниле пришлось собирать отбившихся оленей? Может, пришлось уехать в соседние стада?.. Ну ладно, пусть батюшка приедет. По батюшке она тоже соскучилась. С ним тоже хорошо промчаться до родного чума...

Теперь они откаслали*, наверное, к озерам. К двум круглым озерам. И чум стоит между озерами, как нос между глазами. И олени на берегах, как брови. И дикая утка с выводком плывет, как слеза...

Стоя у самой калитки, всматривается за пойменный увал Валентин Семенович, ветеринар из области. Очень мешают ему комары. Он то и дело шлепает себя по полной шее, рассматривает ладонь и вытирает о пиджак. Для комаров он лакомый кусок: лицо, налитое густым румянцем, так и выпирает из-под серенькой потертой кепочки. А все, что не укрыто кепочкой,— сочнейший бифштекс для крылатых кровопийц.

Он начинает грузно шагать вдоль дровяной изгородки, поводя неохватными плечами. Ему кажется, что комары прокусили уже и его пиджак, сидящий в обтяжку, и в сапоги забрались, и ягодицы жалят через брюки... Отвык совсем от тундры, засиделся в конторе. Зимой, правда, три месяца крутился по Ямалу, а потом все бумаги да канцелярия.

Интересно, что за препарат привез Рогов? Если хоть часов на шесть сможет защитить оленей, и то овчинка стоит выделки... Бр-р-р... черти, как жалят! В пору на себе испробовать роговскую новинку. Впрочем, подальше от изгороди, на ветру немного легче. И с чего это комары так любят его? Вот Наташа: стоит — не шевельнется...

Петя, студент ветеринарного института, забрался на навес у входа в дом. Он едва не столкнул деревянную подсадную утку,

* Каслать — кочевать, передвигаться, меняя пастбище для оленей.

сидевшую на самом краю навеса. Подхватил ее за клюв, отодвинул подальше, угнездился и поднял уже было бинокль, но опустил, взял утку в руки и принялся рассматривать. Неужели птиц можно обмануть такой грубой подделкой? Черный вар наплывами застыл на спине, клюв из смоленой щепки, глаз жестяной...Чушь какая-то.

А теперь посмотрим в тундру. Где же олени? Совсем пустая равнина...

Константин Кузьмич подергивает леску и сокрушенно качает головой:

— Столько очей смотряат — ни одного олешка не видяат...

— Запаздывают. Что и говорить, запаздывают,— озабоченно вздыхает Иван Павлович, не принимая шутки,— Не случилось ли чего с аргишем?

— С аргишем ничего. С воргой* чего.

— Что ж с воргой?

— Трактор прошел, вездеход прошел, всю воргу помял: нет травы, нет куста — нарты плохо тянут олешки, устают...

Иван Павлович нахмурился. На небритых щеках вздулись бугры. Больно слышать о таком.

Тропка-то едва заметная, ворга эта, олени ее нюхом находят. Идет она, конечно, самым коротким путем — через болота. Но разве нельзя поискать другого пути? Или хоть в десяти метрах от ворги трактор вести? И ведь все знают, что мерзлота здесь в десяти сантиметрах. Только растения и берегут эту мерзлоту, не дают ей превратиться в болото. А сорвут покров, солнце за день все растопит — и на месте тропы, где нарты скользили по траве и мелкому кустарнику, трясина, хлябь, топь или глина...

Ни слова не сказал, но разволновался, махнул рукой и сдвинул шляпу на брови, потому что почувствовал, как влажнеют глаза.

Хариусы на кукане заснули и больше не тянули руку. Новых что-то не попадалось. Константин Кузьмич подергивал леску, блесны искрились на солнце, но рыба не брала: чувствовала — не до нее рыбакам.

Неожиданно Константин Кузьмич стал быстро сматывать снасть.

— Ты чего? — спросил Рогов.

— Аргиш пришел. Развёз не видишь?

Иван Павлович внимательно осмотрел берег, но ничего не заметил. Только вглядевшись туда, куда указал Константин Кузьмич, различил в кустах за рекой нескольких оленей, уже отпущенных пастись.

«Нехорошо, внимание стало рассеянным. Сам не заметил»,— подумал Рогов, вытягивая кукан из воды.

А Константин Кузьмич наматывал леску на рогульки и, приплясывая от радости, приговаривал:

* Ворга — тропа, по которой ездят на нартах.

— Вот хорошо. Вот хорошо. Сейчас на лодке за пастухами слетаю быстро. Обедать будёэм! Песни петь! До ночи долго. Вы в ночь поедётеэ!

Передал Рогову кораблик и побежал к лодкам, запрыгал по камням.

На обрыве у дома — смятение. Валентин Семеныч топчется возле навеса, выпрашивает у Пети бинокль. Петя смотрит, не отрываясь, и, хотя ничего не видит, отдать не хочет.

Из дома выбежали дети и внуки Константина Кузьмича. Вышла, вытирая руки передником, жена его Фекла Тихоновна.

Лишь Наташа стоит на обрыве одна, глядит из-под ладони, и ветер относит ее красный сарафан.

Когда Иван Павлович поднялся по крутой тропке к избе, никого уже не было ни во дворе, ни на обрыве. Зато дома — карусель.

Фекла Тихоновна, которая обычно так тиха и незаметна, что даже, когда глядишь на нее, кажется, будто ее нет, сейчас как бы заполнила всю избу. Она везде: у печки, где что-то кипит и трещит, в чулане, откуда вынимаются припасы, в горнице, где убираются следы ночлежки. Она помогает Наташе переодевать детей, сортирует гору продуктов, вываленных на стол ветеринарами (консервы не надо, шпиг не надо — их лучше взять в тундру; колбасу надо, сыр надо, конфеты надо, водку надо).

Иван Павлович открыл дверь, просунул кукан с рыбой, который нес перед собой, и не успел еще переступить порог, как рыба очутилась на кухонном столе, а Фекла Тихоновна уже чистила и потрошила ее. Еще несколько мгновений — рыба присолена, сложена в миску, и к приходу пастухов будет готова лучшая из всех закуска.

Одна Наташа тихонько сидит у окна, ничего не делая. Она ждет. Просто ждет. И никому не придет в голову попросить ее помочь в приготовлениях или уборке. Отрешенно смотрит она в окно. Она — сам праздник, к которому все еще только готовятся. Для нее он наступил. Она переоделась во что-то малиновое, зоревое, накинула на голову желтую шелковую шаль, и от этого низкая изба осветилась изнутри, точно жар-птицу внесли.

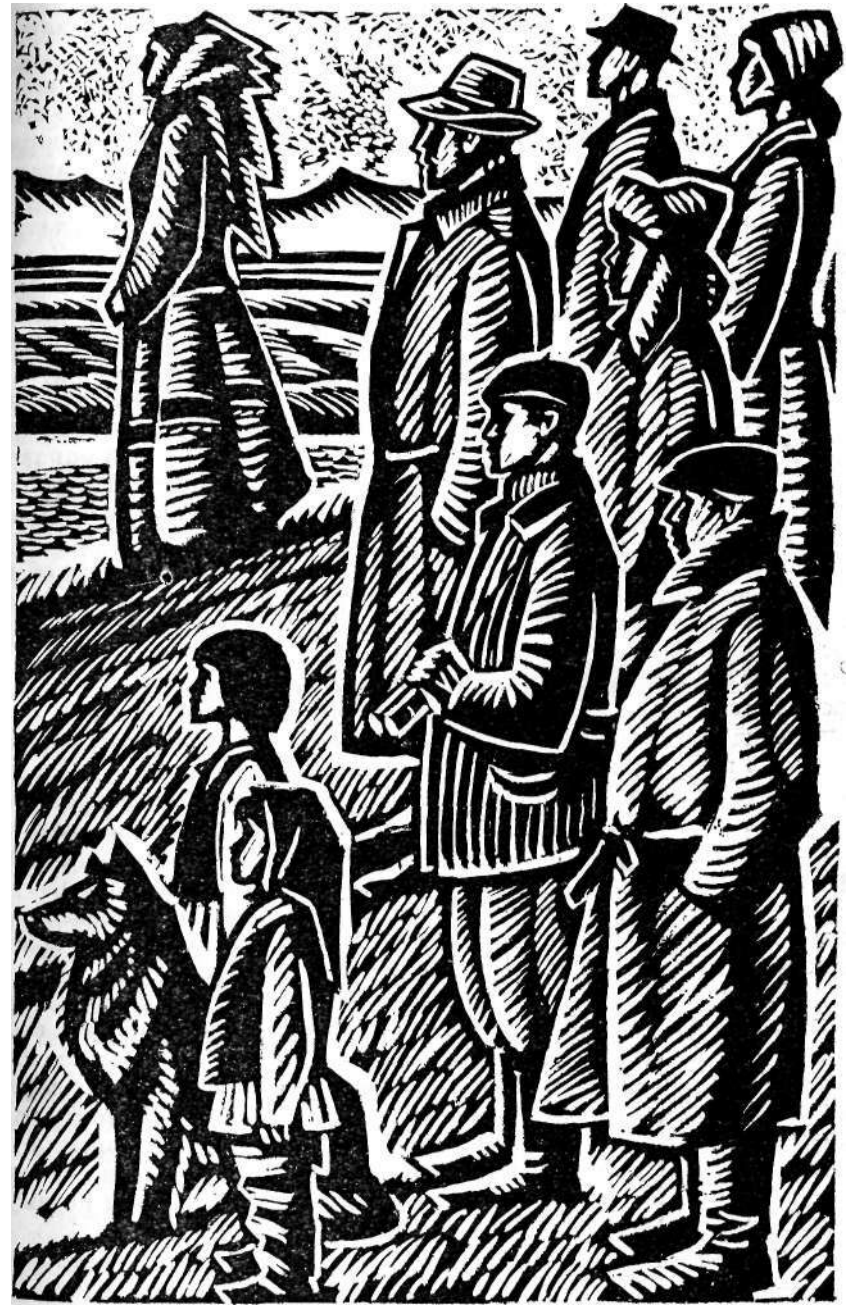
На руках у Наташи малыш, рядом стоит второй. Они тоже застыли — не пикнут, не шевельнутся. Ждут.

И вот Наташа поднялась, взяла старшего сына за ручонку, пошла к двери.

Тогда Фекла Тихоновна сказала: «Приехали!» Карусель закрутилась вдвое быстрей, хотя казалось, быстрей некуда. Дочери, сыновья и невестка заметались по избе, как олени, бегущие от овода.

Едва Наташа прикрыла за собой дверь, все было готово к приему гостей и все высыпали из избы вслед за Наташей.

Никого не удивило, как это Наташа угадала, что приехали. Ведь из окна не видно ни реки, через которую переплавлялись оленеводы, ни калитки, ни двора. Она была словно птица, чувствую-



щая приближение радости. Почуяла и взметнулась навстречу. И никто не спросил, как она узнала, что радость рядом.

Наташа первая вышла к тропке. Там, внизу, уже поднимались по обрыву оленеводы.

Впереди Данила, за ним еще двое хантов и русский фельдшер. Данила, как увидел Наташу, на мгновение задержал шаг. Со стороны не заметить, и сам он никому бы не показал своего волнения. Но так уж вышло, что ноги словно бы оробели, а потом зашагали еще быстрей.

И Наташа не подала виду, что от радости потемнело в глазах и малыш на руках показался вдруг нестерпимо тяжелым. Захотелось опустить его на траву и побежать навстречу мужу. Но она не шевельнулась. Только глаз не отрывала от Данилы, рассматривала его, узнавала каждую ниточку в одежде, каждую пуговку на выгоревшей гимнастерке.

Голова Данилы повязана бледно-зеленым с красной каймой платком, который прикрывает лоб, а концы плотно замотаны вокруг шеи — ни один комар не заберется. В платке, как в оправе, спокойное, четко прочерченное лицо с хваткими глазами. Не слишком раздвинутые скулы и узкий подбородок придают лицу Данилы что-то стремительное.

Широкий пояс перетягивает гимнастерку. По старинному обычаю, он сплошь покрыт узорчатыми латунными бляшками и ремешками, на которых болтаются медвежьи клыки (по одному клыку от каждого убитого медведя). Слева приторочен нож в деревянных ножнах, обшитых кожей. Такие ножи бывают только здесь, в тундре. Он узкий, как шило, и острый, как бритва. В особом кармашке хранится брусочек из черного уральского камня — точить нож. Есть на поясе связка кожаных веревочек и ремешков — на ходу починить оленью упряжь, стянуть нарты. Все есть на поясе.

На ногах у Данилы летние тоборы — длинные, выше колен, то ли кожаные чулки, то ли сапожки. Они из белой замши, а спереди вшита полоса красной кожи, пропущенная до носка. На ступнях поверх сапожек надеты своеобразные тапочки, скроенные из одного куска кожи и стянутые ремешком. Тоборы плотно облегают ногу, придавая походке легкость и упругость.

Наташа сама выделывала для них кожу, сучила нитки из сухожилий старого хора* и долго, стежок за стежком, шила при свете костра. К весне тоборы были готовы, и Данила носит их не снимая — так они понравились ему. Ходит в них по болотам, через речки, в дождь, и они не промокают. Не промокают, потому что пропитаны жиром рыбы (и Наташа знает, где и в какое время эту рыбу ловить), потому что сшиты жилкой, которая плотно соединяет кожу лучше любых ниток. И еще они не промокают потому, что Наташа хочет, чтобы Даниле всегда было хорошо.

Вслед за Данилой идет Зосима. Но их и сравнивать нельзя.

* Хор — олень-самец.

Зосима мал ростом, щупл и давно не молод. Черный платок испачкан глиной, кургузый пиджачишко продрался на локтях, резиновые сапоги загребают землю, на губах блаженная улыбка. Он смотрит на Наташу из-за спины Данилы, машет рукой и кричит что-то приветливое, радостное.

Потом плосколицый сонный Кузя в вельветовой рубахе, залепленной куропаточьим пухом.

Ветфельдшер Василий Матвеевич одет в черный гусь — суконный балахон с капюшоном, из которого выглядывают лишь нос да глаза. Гусь перетянут веревкой и подобран у пояса, чтоб не путался в ногах. Поэтому ноги в резиновых сапогах болтаются под гусем, как язык под колоколом.

Позади всех Константин Кузьмич: привязывал лодку и поотстал — бежит, ветер отбрасывает назад наушники его шапки.

Вот они поднялись по тропке, и на луговине перед домом зашумел целый базар — столько людей собралось. Все заговорили разом на трех языках. Ничего не разобрать. Понятно только, что все рады встрече и всем весело.

Константин Кузьмич ловко протискивается к каждому, вьется, как хариус между камнями, смеется, шутит, справляется о здоровье родни, о делах в стаде, без умолку говорит по-коми, по-хантыйски и по-русски. А если очень уж ему понравится чья-то шутка или слово, переводит для всех на русский и какой-нибудь из местных языков.

Студент Петя фотографирует всех вместе и порознь. То на скамеечку у калитки взберется, то под обрыв спустится. А после на навес забрался, где сохнут сети,— оттуда снять. Все показывали на него руками, смеялись, но едва он собирался щелкнуть затвором — замирали как каменные.

Лишь двое никак не участвовали в этом празднике — Наташа и Данила. Они отошли в сторонку, встали у обрыва и молча смотрят друг на друга. Данила смотрит смущенно и обрадованно, но не хочет показать своей смущенности и обрадованности. От этого лицо его напряженно, и Данилу еще больше бросает в робость, он совсем деревенеет.

Наташа смотрит спокойно и ясно, глаз не отрывает. Но и она ни одним движением не выдает своих чувств. Ни за руки не возьмутся, ни обнимутся, ни слова не скажут. Просто стоят и смотрят.

Но и не касаясь, они слиты радостью, соединены в одно — их уже нельзя разделить: слились их яркие платки и одежда, сомкнулось над ними глубокое небо, легла под ноги студеная река. И если посмотреть на них со стороны, увидишь один цельный рисунок, сделанный чистыми и звонкими красками.

Про них все забыли в толчее. Один Зосима посматривает иногда в' их сторону и сразу переводит взгляд на личико меньшого сына Данилы и Наташи, которого держит на руках. Поправляет платочек на его голове, заскорузлым пальцем ласково дотрагивается До носика, приближает губы к его щечке и что-то говорит поти-

хоньку. В руках у мальчишки золотится спелая морошка — подарок ЗоСимы, привезенный из тундры. И старший тут же — одной ручонкой обнял сапог Зосимы, другой цепляется за полу пиджака, просит тоже взять на руки. Зосима поднимает и его, потряхивает, неловко пробирается между собравшимися и покрикивает словно бы на оленей, будто едет на нартах.

— Ой, ой, глядитеэ, Зосима подкинутых нашел! Ну, Зосима, теперь женись, хозяйку бери! — смеется Константин Кузьмич и повторяет свою шутку по-хантыйски.

Все с добродушной улыбкой смотрят на Данилу и Наташу, но те не шевельнутся, бровью не поведут. Точно запаянные в кусок синего стекла, они не слышали шутки.

Константин Кузьмич кружил среди оленеводов, пока в дверях из-за полога не показалась Фекла Тихоновна, которая подала знак, и хозяин пригласил всех в дом. Но гости пошли не сразу. Некоторое время они еще продолжали беседу, как бы не расслышав приглашения. Тогда Константин Кузьмич взял под руку Рогова и потянул в дом. За ними, как за старшими, потянулись и остальные.

— За вожаком все стадо идет!

Беседа продолжалась на ходу. Приглашение к столу придало ей еще больше огня. Деловые разговоры о комаре и оводе, об упитанности оленей, о болезнях и лечении все чаще перемежались рассказами об охоте и потешными историями.

Изба наполнилась людьми — негде повернуться. За маленький стол в углу, заставленный тарелками и бутылками, казалось, не могли сесть и четверо. Но уселись двенадцать человек: вдоль стен на лавках, а с другой стороны положили две доски на табуретки.

Иван Павлович подцепил самый сочный кусок хариуса, причмокнув, откусил и смаковал с полузакрытыми глазами. Давно не пробовал он свеженины и теперь отводил душу. Нежная рыба таяла на языке, и рот наполнялся речным ароматом. Рогов чувствовал запах цветущей тундры, свежесть ветра, вкус воды, текущей со снеговых вершин.

Петя взял рыбу с опаской. Шутка ли, только что сам видел, как хариусы трепыхались на кукане, и вот их, чуть присоленных, подают к столу. Сначала потихоньку лизнул. Ничего страшного. Откусил, пожевал. Вроде бы похоже на малосольную селедку. Он еще не понимал всей грубости своих сравнений.

Получилось так, что Данила оказался в углу, на противоположном от Наташи конце стола. С ней рядом уселся Зосима, от которого не отходил ее старший сын. Зосима незаметно пожевал чего-то и все время занимался с мальчишкой. Потихоньку ворковал на своем языке — может, сказку рассказывал, может, про дедушку говорил. Мальчик прильнул к нему, обхватил его колено и смотрел не отрываясь в лицо.

А Данила и Наташа глядели на сына. Друг на друга за столом они совсем не смотрели — только на сына. И молчали.

Константин Кузьмич сказал что-то по-коми Фекле Тихоновне, та засмеялась потихоньку и ушла в кухню. Потом то же самое сказал по-хантыйски и перевел для русских:

— Мальчик отцов перепутал. Зосиму за отца принял. Ой, ой, Наташа, получишь от мужа горячих!

Все смеялись. И Наташа смеялась. И Зосима.

Данила едва улыбнулся. В своей задумчивости он, вероятно, не разобрал смысла шутки. Он сидел прямой, не привыкший к избе. Он был словно кусок простора, затиснутого в четыре стены,— и сам не мог уместиться, и стены не могли его удержать. Другие пастухи, как сели за стол, сразу стали домашними, привычными. Один Данила не приспособился к дому и сидел, чужой всей этой домашней обстановке. Он сбросил платок на плечи и завязал большим узлом на груди. Красная кайма тревожным огнем горела на почерневших бревнах стены. Четкое лицо неподвижно и резко прочерчено в густой полутьме, наполнявшей угол.

Разговор неизменно возвращался к оленям, к стадам. Стоило одному слово сказать, как заговорили все.

— Тяжелое лето,— со вздохом сказал Василий Матвеевич,— жара, безветрие... А уж комара и овода — не приведи бог. Олени совсем отощали — по нескольку суток бегают, спасаются от укусов. И днем и ночью покоя нет... Хоть бы холодный ветер подул. Здесь у реки есть, а в тундре совсем тихо вот уж две недели.

Отвлекшиеся было от обычных мыслей и развеселившиеся пастухи согласно закачали головами, приуныли.

— Да, сей год комара много, уток мало,— прервал молчания Константин Кузьмич.— Чего не надо, всегда много. Недавно гуся видёэл. Хотел стрелять, а его орол взял. Унес к себе. Я и не думал, откуда орол? Такой орол — маленько оленя потянёэт. Зачем тут орол? Не нужон. Гусь нужон. Утка нужон. А тебе, пожалуста,— орол! Зимой петли ставил на куропатку. Пошел глянуть — попали совы. Двадцать совов. Зачем столько совов? Не нада. А куропатка идет мало. В день тридцать — сорок. Было раньше сто сорок. Два мешка, несешь, несешь — ой, ой, сколько птиц, тяжело...

— Чего ж удивляешься, что птицы стало меньше? — перебил его Рогов.— Ты два мешка, я два, Данила два — вот и побили птицу. Остались совы да ястребы... Вчера с геологами разговорился. Так они и петель не ставят теперь на куропаток. Идут в горах вдоль телефонных проводов и собирают птицу в мешок. Оказывается, куропатки разбиваются о провода.

Иван Павлович сжал подбородок пальцами и стиснул губы.

Тут Фекла Тихоновна внесла большую миску, полную только что сваренной оленьей печенки.

Вареная оленья печенка очень понравилась Пете. Она была нежней и вкусней куриной. Петя подумал, что не зря согласился специализироваться по оленеводству...

— Кушайте, кушайте. Это для вас. Кто тундра живет, кушает сырую печенку. Заместо соли кровь макает. Русский так не может:

варить надо.— Константин Кузьмич потрепал Петю по спине и рассмеялся.— Только Палыч может, да не хочет...

— Ну уж это вы зря, Константин Кузьмич. Я с удовольствием ем парную печень. И очень люблю,— не без гордости сказал Валентин Семеныч.— Вот айбат по-ненецки не мог. Чего не мог, того не мог. Знаете айбат? — спросил он Петю.— Парное мясо с кров-ью. Ненцы готовят его по-своему. Оленя не режут, а давят: ремень на рога — и под горло. Садятся двое напротив и тянут ремень — каждый к себе. Потом мужчины уходят, и женщины готовят кушанье: сдирают до половины шкуру, вспарывают грудную часть. Каждый своим ножом отрезает кусок, макает в кровь и ест. Говорят, какой-то особый вкус мяса у оленя, забитого именно таким способом. А мне что-то не но себе от такого приготовления. Наверное, поэтому и не ем айбат. Но когда просто олень забит, парное мясо действительно очень вкусно. Да вы еще попробуете, погодите...

Петя кивал головой и улыбался. Улыбался всем. Ну что за прекрасные люди! Это ж свой мир — тундра, олени, айбат, сырая рыба... и платки у мужчин. Не зря его уговаривал декан специализироваться по оленеводству.

Данила, все время молчавший, спросил о чем-то у хозяйки дома. Константин Кузьмич поговорил с ним. Пастухи согласно закивали головами.

— Данила спрашивает, у кого винтовка есть, патроны есть. Нужно ему!

— На какого ж бандита ты так обиделся? — хитро посмотрел Рогов на Данилу, делая вид, что ничего не понимает.

Погасив улыбку, Петя насторожился.

— А что, в тундре бандиты?

— О-хо! — всплеснул руками Константин Кузьмич.— Такой бандит, у-ух!

Под общий смех Петя обиженно отвернулся. Зачем же смеяться, если спросил о чем-то невпопад? Он же впервые в тундре.

Василий Матвеевич взял его за локоть.

— Ну-ну, не обижайся. Тут все свои. А бандюга завелся настоящий: ходит за стадом — то оленей испугает, то теленка прирежет, то консервированное мясо испортит — раскидает по траве, мешки раздерет. Медведь это. Еще увидишь. Данила его недавно встретил. Вышел к реке, а он на другой стороне сидит в кустах, смотрит. Данила закричал, собака залаяла, а медведь сидит и смотрит. Видит, нахал,— пастух без винтовки.

— Не пугай, не пугай молодого человека,— вступился Рогов.— Первый раз в тундру попал, а ты сразу: медведи. Еще про волков расскажи, про росомах. Это все детали в нашем деле... Меня удивляет только, почему ж винтовок нет. Помнится, в эти бригады давали карабины и патроны. Я сам хлопотал...

— Была, была! Патрон стреляли волка. Пустой винтовка ржавел,— почти крикнул Кузя, не сказавший до этого ни слова.— Еще батарейка нужна — «Спидола» плохо говорит.

— Батареек я захватил, всем дам. А патронов и карабинов у меня нет. Оружие беречь надо. Как же вы допускаете, что ржавеют карабины? Патроны достать не трудно, а винтовки — другое дело. Ладно, на месте разберемся.

...Ехать собрались поздно, чтоб комар не мешал. Ночь выдалась холодная и светлая. Солнце здесь заходит, но темнота не наступает. Всю ночь горит пласт полярной зари. И небо светится в проемах между черными облаками.

Пастухи, Василий Матвеевич и Наташа с детьми переправились на другую сторону реки еще вечером — управиться с делами: проверить, как отдохнули олени, поправить упряжь, увязать грузовые нарты, запрячь олешков перед отъездом.

Ветеринары вышли из дому ближе к полуночи. Они вздремнули после обеда и теперь чувствовали себя бодро. Над притихшей рекой в безветрии далеко раскатывались голоса.

Как всегда, обогнав всех, Константин Кузьмич быстро шел к большой смоленой лодке, уткнувшейся в берег. Ловким движением он отвязал веревку, столкнул лодку в воду и потащил против струи. Только галька хрустела под ногами.

Река быстрая, поэтому надо уйти подальше вверх по течению и там начать переправу, чтоб пристать пониже, около пастухов.

— Эй, Кузьмич, ты чего потащил! — окликнул его Рогов.— Дай молодым поразмяться!

Тот, не оборачиваясь, махнул рукой и тащил, не сбавляя шагу, выставив вперед острое плечо.

Валентин Семеныч и Петя догнали его, выхватили из рук веревку.

— Чего вы. чего, вот напали, что медведи,— не отобьешь. Палыч, винт давай, медведи озоруют!

Но они уже тащили лодку. Не сказать, чтоб быстрей, а тащили. Константин Кузьмич снял треух и обмахивался.

— Ох, жарко... Здоровы ребята у тебе, Палыч... Как хоры здоровы — в нарты запрягать надо.

И, обернувшись к тащившим лодку, звонко крикнул:

— До крестов идитёэ! Там стойтеэ!

Шли молча. Галька звенела под ногами, скатывалась и булькала в воде. И больше ни одного звука не раздавалось во всем мире. Тундра, река и берег спали в жидком свете полуночной зари.

Кресты выросли неожиданно. Они встали на бугре, перечеркнутые полосами темных облаков и красного неба. Они раскинули руки, словно собирались лететь.

Сколько раз уходил Рогов от их подножия в тундру: и пешком, и один на упряжке, и с аргишем. И всегда сжималось сердце. И все еще не верилось, что под крестами Савельев, Чикин, и Ваня Кудрявцев, и Кулешов. Точно еще утром разговаривал с ними. Они совсем молодые. Даже Савельев, который тогда считался пожилым, — совсем молодой.

Они остались живыми в памяти. Сколько людей перевидал с тех пор, сколько смертей пережил, и все забывается, а эти живут, будто только расстались.

И странно: здесь, у крестов, вспоминая ушедших, Иван Павлович чувствовал себя таким, как тогда,— крепким, молодым. Он словно бы выскакивал на несколько мгновений из своего нынешнего обличья и уносился в прошлое. Иллюзия была так сильна, что он какое-то время не мог понять, почему же у их проводника Кости глубокие морщины. Ведь он моложе всех...

— Сажайтёэсь, я потом.

Ах, это Константин Кузьмич уже стоит в воде, придерживая лодку за корму...

Расселись быстро. Валентина Семеновича как самого грузного оставили на корме. Петю — на нос.

Константин Кузьмич оттолкнул лодку и перебежал к веслам.

Петя хотел было сесть за весла, но Константин Кузьмич лишь засмеялся. Разве можно их доверить вовсе неумелому парню! Даже Палыча не пустил бы. Никто реки не знает. Только он сам. А не зная реки, никакой силой не возьмешь. Вон она как крутит, как несет. Чуть оттолкнулись — берег полетел мимо. Лодка точно на моторе идет. Течение тащит ее боком поперек реки.

Константин Кузьмич гребет быстро, сильными ударами. Весла так и мелькают. Он работает, как машина. И все никак от берега не отойдут. А по течению сплавились уже далеко. Кресты уменьшились и стали растворяться в ночной дымке.

Ледяная крученая вода пошлепывает по бортам крепкими ладонями. Даже при свете зари на дне видны камни". Лишь потом, когда берег отдалился, струи потеряли прозрачность, замерцали полосами вороненой стали и начищенной меди.

Здесь, на середине, все оценили искусность Константина Кузьмича.

Впереди совсем рядом показались камни. Лодка летела на них бортом. Широкие серые валуны, обточенные волной, как живые, лезли навстречу. Среди водоворотов чудилось даже, что их бока вздымаются от дыхания.

Петя, сидевший на носу, видел, что лодка приближается к камням быстрей, чем продвигается поперек течения. Скорей же! Скорей!

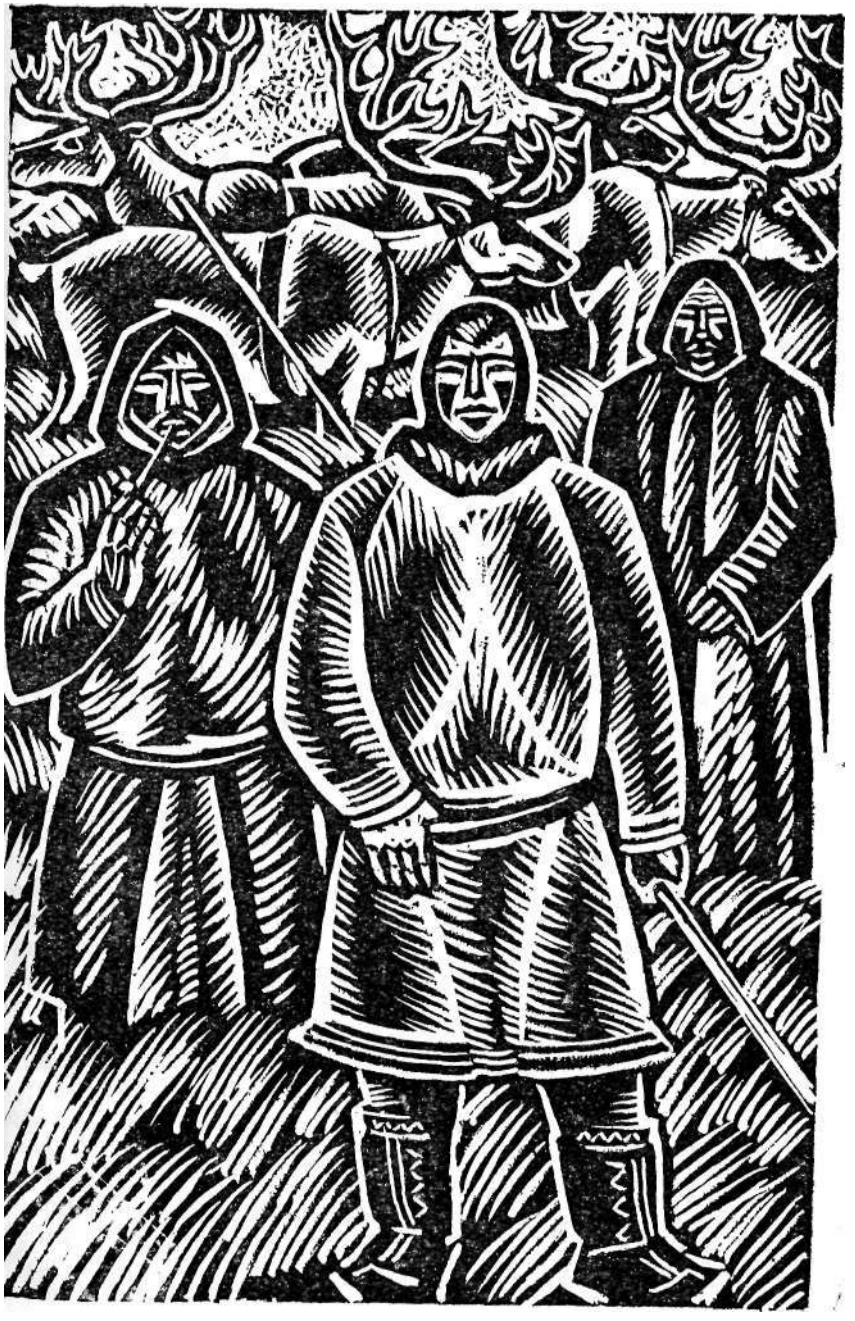
Но Константин Кузьмич греб, не меняя ритма, не прибавляя скорости.

Даже Иван Павлович крякнул и надвинул шляпу на глаза.

Петя совсем перетрухнул и думал только о том, сумеет ли быстро стянуть сапоги и штормовку, оказавшись в ледяной воде...Он на всякий случай расстегнул пуговицы и вцепился в борт.

Вот и все... Корма у камня... Петя почувствовал, что не может разжать пальцы, вцепившиеся в смоленые доски...

Но удара не последовало. Корма проскочила в двух вершках от боковины камня.



— О-хой! Прошли! — крикнул Константин Кузьмич и начал грести медленней.

Только тогда Петя разжал руки и отвернулся от воды. Радость теплой волной ударила в голову. Он закрыл глаза и сидел так почти до конца пути.

Лодка ткнулась в галечник, кое-где пробитый жесткой травой.

Берег пуст. Нигде ни пастухов, ни оленей. Пошли к приречным зарослям, за которыми должен быть привал оленеводов.

Петя шел последним. Вдруг за спиной — глухое постукивание. Он обернулся и замер на месте. Сказочное зрелище. Петя сразу даже и не сообразил, что это олени. Он видел, как по медному полотнищу зари проползало странное сплетение каких-то мохнатых ветвей. Больше он ничего не заметил сначала. Сами олени растворялись в сумраке. Пете почудилось, будто по берегу движется удивительное существо с десятком голов, посаженных на лебединые шеи.

Он побежал к упряжке. Ему показалось, что в нарты запряжено целое стадо — очень много оленей. Потом сосчитал: всего пять...

На нартах сидел Зосима с длинным шестом, хореем, в руках. На кончике шеста — костяной шарик, чтоб ненароком не поранить оленя. Зосима легонько дотрагивался хореем до оленьих спин и что-то пришептывал. Поравнявшись с Петей, он осадил упряжку, соскочил с нарт, принялся поправлять сбрую.

Петя подошел к оленям, стал их рассматривать. Сначала видел он только рога. От них нельзя было оторваться. Это чудо — молодые оленьи рога, еще покрытые мягкой шерстью. Такая торжественная корона, плетеная ваза высотой с самого оленя. Как только ее держит маленькая точеная головка?

Петя легонько погладил мохнатый рог и почувствовал, какой он горячий, мягкий, полный трепетного дыхания. Олень слегка вздрогнул и застыл. Петя знал, что в это время рога болезненны. Олени очень их берегут и опасаются поранить. Знал — и ничего не знал до того мгновения, когда ладонь ощутила дрожь и испуг животного. И сухая оболочка книжных знаний начала наполняться настоящим, живым знанием. И Петя обрадовался.

Он потрепал оленя по мягкой морде и заглянул в большие глаза, где в черно-синей глубине жил красный закат, река, тундра — весь новый, неизведанный мир, в который Петя сделал первый шаг.

Иван Павлович издали смотрел на Петю, не окликая. Пусть понаблюдает оленей, полюбуется, попривыкнет. Сам когда-то так же стоял, не мог оторваться, с места сойти. Самое красивое животное — олень.

Сколько их перевидел, а но привык, не стал равнодушным. Всякий раз точно заново их видишь. И на стадо по-прежнему можно смотреть часами, как на море, на облака, на огонь. Да что он, Рогов! Оленеводы родятся на нартах, у детей вместо игрушки олененок, и едят оленя, и одеты в оленя. И все равно видят его красоту.

Иван Павлович любил рассматривать зимнюю одежду хантов я коми, все эти малицы, совики, гуси-парки, тобоки, чижи, кисы... Что ни возьмешь — произведение искусства. Здешние женщины диво как шьют из оленьих шкур. Вырезают из кусочков меха каждая свой узор, собирают в полосы и нашивают на одежду. Такому орнаменту только завидовать да любоваться им. Научиться нельзя. Для этого надо родиться и прожить всю жизнь в тундре.

Давным-давно спросил как-то Иван Павлович у одной мастерицы, что же означает узор, который она шьет.

— Олений узор,— ответила.— От оленьих рогов взят. Матушка шила, меня научила. Бабушка шила, матушку научила. Спокон веку олений узор шьем...

Через всю жизнь проходит олений этот узор. Сразу его узнаешь, на любой одежде, но всегда он разный. Каждая мастерица по-своему шьет его. Нет двух одинаковых оленей, двух одинаковых людей, двух одинаковых жизней, и поэтому всегда разные узоры получаются.

Пока не знаешь, не присмотришься, все узоры одинаковы, все олени на один вид. А поживешь с пастухами — и откроется сокровенное, не доступное беглому взгляду...

Зосима возился со сбруей, бесцеремонно расталкивал оленей, перебирая ремешки и пряжки. Все было буднично, обычно.

А Петя никак не мог прийти в себя. С волнением глядел он на вторую упряжку, выплывающую из-за мыска. Странно смотреть, как сани тащатся по камням, переваливаются через крутые валуны. По такому бездорожью лошадь и без упряжи прошла бы с трудом, а олени легко и ловко тянут нарты. Остальные упряжки Иван Павлович просил не перегонять на берег: незачем полозья зря драть о камни, проще всем выйти на луговину за кустами и там устроиться по нартам.

Константин Кузьмич приставил ладони ко рту и крикнул по-хантыйски, чтоб оставили оленей на траве. Потом крикнул еще что-то.

От темных кустов отделились черные фигуры в гусях, спущенных до пят. Это пастухи вышли к реке. Они медленно плыли среди камней. Закругленные капюшоны плавно переходили к плечам, широкие рукава струились вниз, непомерные полы скрадывали движение ног, поэтому фигуры в тяжелой одежде двигались необычно, как бы плыли.

Но даже и в этом удивительном одеянии, даже в сумраке Данилу можно было узнать сразу. Он был выше всех, и капюшон его гуся был откинут на спину. В красноватых отблесках зари светилось его лицо, откованное из самородной меди. Здесь он хозяин, это его мир, его простор, его жилище. Привольем и ширью полнилась его осанка, каждое движение — поворот головы, взмах руки.

Пастухи шли прощаться с Константином Кузьмичом.

И вот опустел берег. Константин Кузьмич остался один около своей лодки. Теперь он не уходил в тундру. Стар стал. Теперь он

только провожал других. Заломив шапку на макушку, он прислушивался к голосам за кустами. А голоса все дальше и дальше уплывают. Вот совеем пропали. Остался перезвон воды за спиной. Но Константин Кузьмич долго еще слушает — может, донесется еще чей-то голос. Тишина. Уехали.

Он прыгает в лодку и гребет. И от того, что грести легко, ему становится грустно.

На нарты Зосимы попросился Петя. Сел, свесил ноги, как с телеги, поставил каблуки на полоз.

Пока ехали по камням, Зосима бежал рядом.

— Э-э-э, нога поберегай! Нога не так ставил! — крикнул он.

Петя поджал ноги под сиденье.

— Ай, ай, не так...—засмеялся Зосима и остановил упряжку.— Слезай. Гляди, как нада.

Сел на нарты верхом, поставил ступни на полозья.

— Так нада.

Потом вытянул одну ногу на передок, а вторую поставил на полоз.

— Так нада.

Потом обе ноги протянул на передок.

— Так нада. Так ехай. Так нога хорошо будет.

Петя вытянул ноги, уцепился руками за сиденье. Зосима тронул упряжку. Олени побежали, не разбирая камней. Нарты стало валять по валунам, и у Пети сразу заныли от напряжения руки: при вытянутых ногах вся нагрузка приходилась на руки. Иногда полоз наскакивал на большой камень, нарты резко кренились набок, и Петя удерживался лишь чудом. Пока миновали прибрежную полосу и подъехали к кустам, Петю в жар бросило — точно в шубе на брусьях гимнастикой занимался.

За кустами — заросшая травой дорожка, и по ней вытянулся весь аргиш. Зосима выскочил со своей упряжкой вперед и хотел гнать, но Рогов его удержал, подошел посмотреть, как Петя сидит. Тот с непривычки не мог держать обе ноги на передке, поставил одну на полоз. Рогов нагнулся, посмотрел и присвистнул.

— Э, дорогой, так нельзя. У тебя носок с полоза внутрь сошел. Видишь? Попадется на пути кочка или камень, зацепишь ногой — и ее под нарты заломит. И от нарт носок нельзя отставлять — кустами схватит и вывернет. Держи всю ступню на полозу. Полоз все подминает, и нога в безопасности. Главное, брат, ноги береги. Тут этим не шутят. Понял? Ну, пошел,— сказал Рогов Зосиме.

...Это в третьей бригаде, кажется, пастух оплошал. И ведь не пьян был, не болен. Заломило на камнях ногу — всю измочалило. Полгода в больнице пролежал. Поправилась нога, но сколько муки перенес. Как его, беднягу, из тундры тащили до поселка... Воспоминание мельком пронеслось в голове у Ивана Павловича. Хорошо

еще, новокаин нашелся и шприц удалось прокипятить. Парень только зубами скрипел. Крепкий парень. Случись такое с Петей — на всю жизнь к тундре страх останется. А новые люди здесь нужны, и пугать с самого начала нельзя, особенно молодых. Пусть попривыкнет, увлечется...

Зосима тронул хореем оленей, побежал рядом и с разбегу завалился на нарты. По мокрой от росы луговине полозья скользили легко и мягко.

— Ш-ш-ш-ш,— тихонько шипел Зосима, подбадривая оленей и щекоча их хореем между ног.

Олени набавляли ход, а Зосима все шипел, постепенно повышая голос почти до крика:

— Кщ-кщ-кщ-щ-щ-щы-ы-ыи!

Нарты вырвались в узкую щель между зарослями. Здесь, по ворге, свободно могли бежать лишь три оленя из пяти, собранных в упряжку. Для вожака слева и молодого оленя справа места на дороге не было. Они бросались грудью на кусты, подминали их под себя, ломали и перескакивали через стволы. Иногда, устав, они пытались протиснуться вперед, на свободное пространство, но упряжь не пускала, и олени продолжали свой почти невероятный бег по зарослям. Петю раза два так ударило по ноге упругими кустами, что он сразу же убрал ее с полоза. Он совсем сжался на нартах. Их бросало и кренило из стороны в сторону... Да, ворга — это совсем не то, что он привык считать дорогой...

Вот на пути высокая кочка. Нарты встали на один полоз боком. Зосима спрыгнул, а Петя почувствовал, что летит в кусты. Но едва он это почувствовал, как нарты уже выправились и Зосима снова сидел рядом.

И еще Петю все удивляло пыхтенье паровоза, словно бы доносившееся издали. Поглощенный одной заботой — не упасть и увернуться от свистящих веток, он ничего не замечал. Только это пыхтенье слышал. Когда же немного попривык и внимательней присмотрелся к оленям, увидел, как из их ноздрей с силой вырываются крутые клубы пара, четко обозначенные в холодном воздухе. Быки работали, как машины. Их дыхание ни разу не сбилось с одного ритма — точно пять поршней выбрасывали по очереди отработанный пар.

Зосима чутко и спокойно следил за их работой. Петя увидел лицо Зосимы и удивился. Так безмятежен бывает возница, когда лошадь бредет по сонному проселку.

За спиной тоже слышалось пыхтенье. Теперь Петя знал: это упряжка, бегущая следом. Не знал он только, что на ней Рогов. Не знал и того, что Рогов с беспокойством посматривает, верно ли Петя держит ноги. Иван Павлович забыл предупредить Зосиму, чтоб не слишком гнал. А в остальном Рогов был спокоен. Радостно, незамутненно спокоен. Он уже придышался к воздуху тундры, присмотрелся к простору. И теперь если где-то частицей сознания споминалась вдруг комната министерства, канцелярская повсед-

невность, то все это казалось чем-то нереальным, нелепым и невозможным.

Реальными были олени, ворга, тяжелый хорей и поводок сбруи. Да, хорей стал тяжел. Рогов пытался уверить себя, что тяжел он с непривычки, но сам этому уже не верил, хотя мысль о старости не тревожила его, не нарушала радости и спокойствия. Он здесь, он делает свое дело, и не все ли равно — тяжел хорей или легок. Если тяжел, значит, дело делать тяжелей. Только и всего. Но ведь дело остается, и оно делается. Вот для Пети хорей не тяжел, да только он его и держать не умеет. Умение всегда тяжело дается. И чем дольше живешь, тем больше умения и тем оно тяжелей.

Иван Павлович вспоминал Чукотку, Индигирку, Оленек, вспоминал Таймыр, Ямал, вспоминал Норвегию... Господи, сколько же всего было! Неужели все это было с ним? Отрывочно мелькают в памяти вспышки прошлого... Где-то пурговал — двое суток пролежал под сугробом в «куропаткином чуме», как тут говорят. Закутался в малицу, прижался к оленям и замер. И двое суток ушли из жизни, чтоб сохранилась жизнь. Где-то вводили вакцину молодняку. Сотни уколов. Немеет правая рука, и большой палец уже не чувствует шприца. И перед глазами мертвый чум и Савельев, который мечтал об этой вакцине... Куда-то под Новый год привез мандаринов. Вез за пазухой в самолете, пешком, на нартах. Добрался до чумов, отдал ребятишкам, а они этими мандаринами стали кидаться, как мячиками,— не знали, что за штука...

А тот случай, когда позвали на стойбище, где бешеный волк покусал людей... Пастух рассказывал и плакал. Там жили его родственники. Волк забрался в чум, где сидела старуха с внуком, набросился на ребенка и так искусал, что мальчишка упал почти замертво. Бабушка хотела его отбить, тогда волк кинулся на нее. Она была в малице. Села на корточки, уткнулась лицом в колени и закрыла голову руками. Волк погрыз ей затылок и руки. Может, и больше ее поранил бы, да тут вошел сын, отец мальчика. Бросился на зверя с ножом, а волк совсем обезумел — никакой нож не страшен. Исполосовал всю одежду, искусал, где только мог. Все перевернули в чуме, костер погасили, когда катались в схватке. В дыму, в темноте боролись. И человек одолел. Но он был уже не жилец на этом свете.

Когда приехал Рогов, прошло несколько дней. Мальчик умер. Сын старухи заболел и страшно мучился. В жутких приступах бешенства он раздирал и ломал все, что попадало под руку. Его вязали, но он рвал ременные арканы, которые удерживали оленя на бегу. Такая сила в нем появилась.

Мать тоже болела и сокрушалась, что нет шамана — выгнать злых духов. Иван Павлович еще по рассказу пастуха-родствен-

ника предположил бешенство, но сыворотки не было. И тогда же, прежде чем ехать в чум, он вызвал по радио вертолет с врачами и сывороткой. А была пурга... Когда пришел вертолет, все было кончено и сыворотка не понадобилась.

Рогов проводил врачей в чум, где под пологом лежали умершие — старуха, сын и внук. У входа валялся волк. Двадцать ножевых ран насчитали на нем...

Рогов положил хорей на нарты, выпрямил затекшую руку. Олени шли хорошо. Правда, упряжка Зосимы бежала еще лучше. Теперь она показывалась лишь на мгновение, когда ворга вытягивалась в прямой коридор среди зарослей. Иван Павлович всматривался и видел, что Петя держится молодцом. И это радовало его.

Петя приноровился правой ногой отстранять распрямляющиеся кусты, со свистом проносящиеся мимо. Головка сапога теперь сплошь покрыта ошметками коры и прилипшими листьями. Правый рукав штормовки до плеча в перетертой зелени. Потом сквозь зелень стал проступать еще какой-то бурый цвет. Сначала Петя не обратил на него внимания. Да и некогда было рассматривать — знай увертывайся от хлыстов тальника. Но когда упряжка промчалась по длинной луже, затопившей воргу, и из-под копыт в лицо полетели комья грязи, Петя, загородившись рукавом, увидел на нем свежие следы крови. Да, вся рука до плеча в крови. И на груди штормовка забрызгана кровью.

Петя осмотрел кисть, провел рукой по лицу — нигде ни царапины... Э, да это ж олень пристяжной ранен! Петя показал Зосиме кровь, тот засмеялся и сказал, что это пустяки — олень ободрал молодые рога об острые ветки и теперь мажет кусты, а с них кровь попадает на рукав. Петя пожалел оленя и сказал, что надо рог забинтовать. Зосима тут и вовсе развеселился.

Постепенно заросли начали редеть. Хлестнули последние кусты, и упряжка вырвалась на широкое болото, заросшее тощей синеватой осокой с пятнами желто-рыжего мха. Посреди болота озерко. Олени, не сбавляя ходу, бросились вперед, почти до колена проваливаясь в густую жижу. В голове у Пети замелькали страшные картины из фильмов, где трясина засасывала людей. А Зосима вздохнул с облегчением: кончились заросли, теперь олешкам полегче. Из-под копыт летят брызги и комья сырого мха. Петя смотрит на полоз и видит, что он даже не залит водой. Нарты легко скользят по болотной подушке. И все же лучше бы Зосима обогнул это место...

Зосима же правит прямо на озерко, так и норовит в самую хлябь. Вот прошуршала под полозом щетка осоки, и нарты скользнули в воду. Олени теперь бегут в веере брызг. Петя сжался, ожидая, когда вода проглотит нарты.

И тут Зосима остановил упряжку. Так и остановил посреди озера, около одиноко торчащего стебля куги, соскочил с нарт — вода не доходила ему до колена — принялся осматривать сбрую. Олени бесшумно пили коричневатый настой мха и осоки.

Сзади слышалось хлюпанье и плеск — на болото выходили остальные упряжки. Пастухи и ветеринары перекликались, по-домашнему переговаривались. Рогов осадил упряжку рядом с нартами, на которых сидел Петя.

— Обрати внимание, как олени пьют болотную воду. Чем больше она поржавела, протухла, тем они до нее жадней. А вот в чистой горной речке пьют неохотно. Нехватка солей...— Рогов стряхнул с плаща волокна мха, встал на нартах, потянулся.— Будешь в тундре зимой — посмотришь, как они за мочой охотятся. Метра на полтора под снегом чуют такое место. Целый сугроб раскопают, чтоб добраться до лакомства.

Зосима подошел к нартам Рогова, осмотрел сбрую, поправил.

— Спасибо, дорогой. Все в порядке у меня.

— Порядка! — засмеялся Зосима и пошел к Пете.

Тронул оленей. Они подняли головы от воды, помедлили и побежали.

— Ворга, проищи! — махнул рукой Зосима.-- Тундра поедем. Дальше ворга плохой — трактор ворга портил.

За озерком болотная луговина, потом плотная стена тальника. Зосима подбадривает оленей и правит прямо на стену. Нарты скользят все быстрее. Петя видит, что заросли раза в три выше оленей и в их гущине нет ни щели, ни тропки.

— Кщ-кщ-кщ-щ-щ-щ!—погоняет Зосима.

Сейчас олени вонзятся в тальник и застрянут в нем...

Но олени, добежав до зарослей, встали на дыбы, разом все пятеро упали на кусты, подмяли под себя и стали быстро пробираться между вывернутых, сломанных, измочаленных стволов и веток. Нарты кидало из стороны в сторону.

Горький запах свежесломанного тальника, паровозное дыхание оленей, напряженная фигура Зосимы, его суженные всевидящие глаза и путь напрямик, путь, не скованный чертой ворги, путь по бездорожью!

Проломившись сквозь заросли, упряжка вырвалась на равнину, полого поднимающуюся к югу. Равнина заросла низкими кустиками полярной березы — не выше нарт — и мхом. Вид равнины, простора и шири вызвал у Зосимы прилив пьянящего возбуждения

Зосима отрешился от всего, кроме гонки по тундре, полета на нартах, прорыва через пространство. На ходу вскочил на сиденье, встал позади Пети и принялся погонять мчащихся оленей. Он почти не дотрагивался до них хореем. Хорей лишь помогал ему пропарывать воздух, бросаться вперед. Белой молнией вонзался он в сумрак тундры. Зосима погонял оленей страхом: пронзительно закричал по-птичьи, завыл по-волчьи, заверещал, залопотал по-шаманьи.

Петя закинул голову и увидел в его глазах клокочущее черное пламя.

— А-а-а-а-а-а-кя-кя-кя!

— У-у-у-у-у-у-э-э-эх-хе-хе-хе-хы-ы-ы-ыи!

— И-и-и-и-ях-ха-ха-ха-хо!

Раскатилось по тундре до самого хребта, мутно проглядывающего впереди. Олени прижали рога к спине и, почти не касаясь земли передними ногами, взвились в воздух, со свистом и стоном выбрасывая из ноздрей горячий пар, колотя копытами мокрую землю.

Петя понял, что весь предыдущий путь по ворге был лишь присказкой.

— Бу-у-у-бу-бу-бу! Ба-а-а-а-ба-ба-ба-ба!

— Ках-ках-кях-кых-хы-хы-ы-ы-хых! — самозабвенно выкрикивал Зосима.

И Петя вдруг забыл обо всех опасностях, которые мерещились ему, забыл все: забыл, зачем приехал сюда, забыл всю свою жизнь, забыл самого себя. Он видел отверстый рот Зосимы, видел крик, от которого смещались пласты облаков, видел черное пламя, изливающееся из глаз пастуха, черное пламя, от которого зардели края туч; почувствовал, как ветер плотной пряной волной ударил в подбородок и закричал вслед за Зосимой. Не понимал и не помнил, что закричал, но их голоса слились в один пронзительный и захватывающий звук, летевший впереди оленей.

И в этот момент Петя понял, что останется в тундре, что больше ему ничего не нужно, что это и есть то, для чего надо жить.

Вслед вырвались остальные упряжки. Здесь, на просторе, нет нужды тянуться друг за другом. Здесь каждый летит сам по себе, как в небе.

Вон Данила, стоя, скользит по равнине. Издали за кустиками березы не видно нарт, виден лишь гусь, черным парусом выгнутый вслед за оленями. Протянув хорей, Данила летит над тундрой, вверх по склонам пологих холмов.

Чуть поотстав, плывет Наташа, стоящая на полозе нарт. Она не кричит, не улюлюкает. Плавно и быстро, как по волшебству, идут ее нарты. Редкостной белой масти вожак пластается по равнине, закинув корону алебастровых рогов. На шее расшитый красным узором ремешок с серебряными колокольчиками, позванивающими нежно, как льдинки в весеннем ручье. Сбруя в серебряных пряжках, сверкающих на черных ремнях. Остальные четыре оленя тоже белой масти. Они летят, как лебеди, вспугнутые с синего озера.

Но это чудо — лишь полчуда. Чудо — сама Наташа, скользящая за лебедями на полозе своих нарт. Праздничная расшитая накидка легким облачком парит над темной равниной. Желтая шаль горит солнечной каплей, золотой бусиной, покатившейся по ночной тундре. Встречный ветер развевает шалевые кисти, лучами относит их назад.

В одной руке у Наташи поводок с блестками резных украшений, в другой легкий хорей. А в глазах ее радость, и простор, и Данила, с птичьим криком мчащийся впереди. И еще там лица

матушки и батюшки, и приветливый костер чума, и полог, и мягкие оленьи шкуры, и подушки нежного куропаточъего пуха, и дыхание Данилы на губах и плечах, и его руки, и губы. И так все мысли начинаются с Данилы и кончаются Данилой.

Наташа посматривает на нарты. Старший сын, закутанный в старый отцовский гусь, крепко привязан ременной веревкой к сиденью. Он спит. Младший — в берестовой люльке, тоже приторочennой к нартам. Иногда он просыпается и плачет, но тут же снова засыпает, укачавшись от быстрой езды.

Взгляд Наташи скользит по земле и отмечает испуганно вытянутую шейку куропатки, притаившейся совсем рядом в кустах. На след полоза высыпают птенцы и с любопытством катятся за нартами. Эй, эй, прячьтесь, дурачки, бегите за матерью в заросли! Эй, эй! Сзади едет Кузя с собакой!

Не успели. С треском взвилась куропатка, выбросилась в серое небо, замелькала белыми подкрылками, тонко запищал птенец, сдавленный собачьими клыками.

Так вот и случается — растишь-растишь, радуешься детям, а подкрадется болезнь — и нет птенца. Хорошо еще, доктора могут помочь. Наташа вспоминает больницу и оглядывает родной простор. Нет, уж лучше не болеть, а всегда быть здесь, с Данилой и сыновьями.

Вслед за Кузей, далеко отстав, едет Василий Матвеевич и еще дальше Валентин Семенович. У того что-то не ладится со сбруей. Он то и дело останавливается, поправляет и снова пытается догнать аргиш.

Только Рогов гонит почти вровень с пастухами, Его брезентовый плащ задубел в сыром воздухе, и капюшон торчит на голове длинной дудкой. Эх, лихой старик, этот Рогов! Не дает ему покоя дух тундры — так и тянет, и манит к себе, и зовет из теплых московских краев, из каменной шестиэтажной избы. Что за сила в этом духе! Вот и Петю сегодня захватил. И Петя позабыл свой город, и полетел за Зосимой, и залился шаманьим криком.

Они еще впереди всех гонят. Данила хочет догнать, да не выходит пока. По пологому склону выскочили на увал и — вниз, как провалились, помчались под уклон в овраг, к ручью с крутыми каменистыми берегами.

— Прыгай!— дико крикнул Зосима, соскочил с нарт и побежал рядом, не выпуская из рук поводка и хорея.

Петя оттолкнулся от сиденья — пружиной отлетел в сторону, не веря, что удержится на ногах. Но его подхватил дух тундры — он не только не упал, а, не сбавляя ходу, помчался вслед за упряжкой.

Олени на всем скаку перемахнули ручей, пустые нарты лишь крякнули на камнях и полетели вверх по склону, увлекая Зосиму.

Петя остановился на берегу и только тут заметил, что перед ним глубокое русло, полное скользких камней. Теперь уж он не мог одним махом перескочить ручей. Он стал осторожно спускаться.

придерживаясь за кусты. Ноги скользили и слегка дрожали. Вода доходила почти до верха голенищ. Он перебрел на другую сторону, вскарабкался по склону, ободрав руку об острый камень. Дух тундры оставил его. Петя, точно проснувшись, почувствовал тяжесть своего тела, неуклюжесть и медлительность движений. Он побежал вслед за нартами, но бег был вял и неловок. Петя понял, что без Зосимы и оленей он здесь ничто. Останься сейчас один — конец. Ему захотелось поскорей к Зосиме, к упряжке. Захотелось еще раз почувствовать полет.

Зосима ждал его на вершине увала. Олени уже легли, подвернув под себя передние ноги, и щипали березки, торчащие перед мордой: ловко цепляли губами ветку снизу и быстрым движением головы счищали в рот листья, оставляя голый прут.

В это время Рогов только переезжал ручей. Держась за нарты, он бежал за упряжкой через камни. И мимолетно, так же быстро, как ручей, мелькнула в памяти другая переправа.

...Тоже летом на двух нартах он ехал с пастухом в поселок за вакциной. Путь лежал через реку, которую сегодня переплывали на лодке. Пастух знал место, где нарты могли проскочить по камням. Говорил, что, если встать на сиденье, вода будет по щиколотку.

Утром в тумане подъехали к реке. Что за черт! Вся галька на берегу словно каша — перемешана с мясной тушенкой. Собака сразу принялась ее пожирать. Следы гусениц и раздавленные банки...

Как могли промерили дно. Вроде глубина небольшая. Другой переправы не было, и решили перебираться здесь. Сначала упряжка бежала по грудь в воде, и нарты лишь чуть заплескивало. А на середине олени разом провалились и поплыли — одни головы торчат. Рогов едва успел уцепиться за сиденье. Ледяная вода сдавила дыхание, сковала ноги. Выручила правая рука — вросла, как железная, в перекладину. Так и выволокли его из реки олени.

В поселке рассказали, что в этом месте застрял трактор с волокушей. Вытаскивали двумя другими тракторами. Ну и выгребли все камни, углубили дно. В суете передавили несколько ящиков тушенки, упавших с волокуши...

С увала открывалась низина, залитая туманом, и противоположный пологий склон.

— Тама олешек кормить будем. Отдыхать,— сказал Зосима, кивнув на гребень склона.

Пете показалось, что это совсем рядом. На склоне были видны кусты, вышка триангуляции торчала на самом высоком месте.

Довольно долго мчались по равнине, но склон не приближался— все такими же виделись кусты и вышка.

Врезались в туман. Олени утонули в нем, как в сметане. Первой вошла упряжка Данилы, и Петя видел, как под белым полотнищем пропали сначала нарты и ноги оленей, потом остались только головы и Данила по колено, потом одни рога корягой поплыли впереди Данилы. Наконец Данила один, окунувшись по плечи, долго еще скользил, пока совсем не утонул.

Равнина продолжалась, но в тумане виднелись только мелькавшие рядом кусты березы — больше ничего. Ехали перекликаясь, чтоб не потеряться. Петя вскоре потерял всякое представление о времени и пространстве. Ему начало казаться, что они кружатся на одном месте. Перескочили ручей. Ехали, ехали — снова ручей, потом еще раз пересекли ручей... Те же камни, тот же куст тальника на берегу, те же волны тумана то прорежаются, то наплывают.

Зосима замкнулся в своем гусе — торчат одни брови, покрытые капельками влаги. Изредка крикнет и прислушивается, как глухо, нехотя доносится сквозь туман чей-то ответ.

— Не сбились? Дорогу-то знаешь? — неуверенно спрашивает Петя, ежась от въедливой сырости.

— Знаешь, знаешь...— бурчит Зосима и щекочет хореем оленей.

Пете стало тоскливо и одиноко. Он больше ни о чем не спрашивал Зосиму. Поднял воротник куртки, уткнулся в него и старался согреть дыханием замерзший кончик носа.

— Ты ветеринар будешь?— неожиданно спросил Зосима.— Про олешка книжки читаешь? Эх-хех...— Вздохнул, легонько кшикнул на оленей и снова надолго замолчал.

Ручьи кончились. Тундра, ограниченная туманом, катилась под полозья плоско и однообразно. Пете казалось, что нарты стоят на месте и олени только перебирают ногами, не двигаясь.

— Эх-хех...— опять вздохнул Зосима.— Хотел шофером я учиться. На вездеходе шофером. Вездеход, знаешь, быстрей олешка. Уй, как по тундре прет!.. А так чего я? Пастух...

— Почему ж не стал шофером?— спросил Петя, взглянув через окошечко гуся в лицо Зосимы. Под мокрыми бровями совсем сжались его глаза. В них не было больше черного пламени. В них чувствовалась горечь и беспомощность. Да, зрелая горечь и детская беспомощность.

— Почему, почему...— Зосима отвернулся.— Почему дурак был... Молодой дурак был... Интернат учился... Книжка читал... писал...

Зосима вдруг оборвал разговор, остановил упряжку, подошел к кореннику, повертел в пальцах ремень сбруи. Ремень был порван. Зосима вобрал руку в рукав гуся, ловко достал нож, висевший на поясе под гусем, быстро прорезал концы ремня, сорвал под ногами пучок какой-то травы и скрепил ремень.

— Скучал тундра...— продолжал он, погоняя оленей.— Батюшка, матушка скучал, братья, сестры... Убежал интернат... Учить кончал, дурак оставался... Эх-хех... Мой друг — вместе учился — сейчас в городе начальник стал... Я-то пастух...

— Ничего, ты же хороший пастух, а это...— начал было Петя, но Зосима прервал его:

— Ладна, ладна, харош пастух — почет, уважение, грамота, часы, знаю...

И здесь, так же внезапно, как началась, кончилась полоса тумана. И гребень склона, и вышка были уже действительно рядом.

И небо стало утренним. Медная заря побледнела, засветилась латунью, облака поредели, поднялись, вся округа засияла, запела красками.

Из тумана, как из озера, выплывали на склон упряжки и бежали к гребню. За гребнем начиналось тундровое плоскогорье. До этого момента горизонт был скрыт то кустами, то увалами, то склоном, а сейчас ничто не останавливало взгляда. Справа за тусклым серебром росной тундры поднялся Уральский хребет. Он видится как огромная плоская стена, прорезанная трещинами снежников. Неожиданным взмахом сломал он равнину, нарушил однообразие. Его подошва в белесой дымке, а вершины в смоляных облаках.

На север и запад развернулась низина, залитая туманом. Отсюда она как замерзшее море. Кое-где ее пропороли купола возвышенностей и черные клинья далеких лесов. А южнее, в ярко-зеленой тундре, просветились озера. Они были совсем круглые, и из каждого прямо в небо поднимался столб пара.

Голоса людей. и дыхание животных лишь оттеняли неколебимую тишину.

Зосима выпряг оленей и пустил пастись. Они не стали ложиться — пошарили под кустами, метнулись в сторону, сбившись в кучу, прильнули мордами ко мху, опять отбежали.

— Смотри, смотри,— крикнул Рогов Пете,— грибы ищут!

Олени шарахнулись по зарослям карликовой, не выше травы, березки вдоль по склону. За ними и остальные, выпряженные и с нартами.

Пастухи бросились вдогонку.

— Когда грибное место проезжаешь, олени просто бесятся, не повинуются,— продолжал Рогов,— идут по грибы, да и только. Ты их и хореем, и криком, и уздой — ничего не помогает. Бывает, так понесут, что и. седока свалят в азарте, и в тундру убегут сами по себе. Чего там! Грибы для них первое лакомство сейчас.

Он пошарил среди мха и достал маленькую крепкую шляпку подберезовика.

— Никогда не ел сырых грибов? На-ко, отведай.

Петя с опаской, так же как вчера сырую рыбу, взял шляпку, пожевал упругую мякоть и почувствовал, как необычайно пряный, острый аромат наполняет рот. Это было гораздо вкусней, чем вареный или соленый гриб.

— Ну, как? Теперь оленей понимаешь?

Иван Павлович рассмеялся и отправил в рот бледно-коричневый подберезовик.

Среди мха молодые грибки были рассыпаны, как яички,— только подбирай. И тут же сочные лепешки зажелтевшей поспевающей морошки.

Пастухи привели оленей, привязали к нартам, и олени, поняв, что по грибы все равно не уйдешь, ложились на мох, подгибая сначала передние, потом задние ноги, и щипали березки.

Собрались у нарт Данилы, выпили по пластмассовому стаканчику водки, закусили сырыми грибами и морошкой. На нарты кто-то положил кожаный мешочек соли. С ней грибы оказались еще вкуснее.

Когда тронулись в путь, взошло солнце. Тундра покрылась пластинами киноварной зелени и светлого серебра. От быстрого движения пластины, переливаясь, переходили одна в другую, меняли очертания, вспыхивали и тускнели. Столбы пара над озерами загустели и встали мраморными колоннами, поддерживающими небо. А березки и мох, покрытые росой, загорались по обе стороны от нарт, как крылья стрекозы.

Солнце стало пригревать, и Петя с удовольствием оглядывался вокруг, наблюдая утреннюю тундру.

Только Зосиме было не до восхищений.

— Ай, ай,— озабоченно причитал он, посматривая на солнце,— тепло пришел. Ай, не успел до чума ехать...

Засмотревшийся Петя не очень прислушивался к бормотанию Зосимы. Из созерцательного состояния его вывел резкий, жалящий укол в щеку, потом в руки, в лоб. Петя посмотрел на рукав штормовки и увидел вялых после ночного холода, но уже злых и настырных комаров. Они тыкали рыжими хоботками, перелетали, собирались в кучки. Чем сильнее пригревало солнце, тем больше их становилось. Руки и лицо теперь нестерпимо жгло от укусов. Особенно доставалось правой руке, которой Петя держался за сиденье,— она стала прямо-таки кормушкой для комаров.

Петя пытался их отгонять, но они уже насели роем, лезли в нос, в уши, в рот, жалили в губы, в веки, забрались за ворот и, изжалив шею, ползли до спине. Черный капюшон Зосимы стал серым от тысяч насекомых, облепивших его.

Тут уж не до красот природы. Теперь Петя видел только комаров. Они заполнили весь мир — жгли, хлестали, кололи, от них не было избавления.

Олени понесли как безумные. Но теперь в этой гонке нет ни веселья, ни лихости. Олени хотели движением спастись от комаров — ветром очистить свои тела от кровопийц. Зосима не кричал, не шаманствовал. Он спрятал руки в рукава гуся, которые кончались чем-то вроде суконных варежек, натянул край капюшона на нос и замер.

Зато Петя крутился, как на сковороде. Он чуть не плакал от боли и бессилия. Несколько раз, когда нарты не очень валяло, он тер правую руку тыльной стороной о штормовку и чувствовал, как в это время комары впиваются в ладонь. Рука была в крови, в месиве раздавленных насекомых.

Зосима посмотрел на него, покачал головой и остановил упряжку. Густой звон наполнил уши. При езде комаров отгоняло ветром, а теперь они замельтешили перед глазами и облепили все, как серый живой снег.

— Ай, ай, парень. Комариный мазь нада. Так плохо будет.

Тундра не был, не привык. Плохо будет,— повторял Зосима, с болью глядя на Петю. Его черный гусь оброс шевелящимся мхом.

Петя поднял воротник, спрятал было руки в карманы, но тут же вынул — отгонять комаров от лица. Он чувствовал, что губы распухли и во рту появились волдыри.

— Погоди, парень, сичас Палыча комариный мазь берем.

Рогов догнал их сразу.

— Ах ты, мать честная! Как же мы забыли тебе репудин дать? Ну, скорей мажься!

Достал из плаща пузырек, плеснул Пете на ладони.

— Сначала руки натри, а потом лицо. Да смотри в глаза не попади. И шею натирай, и уши — все натирай.

От одного сознания, что спасен, Пете стало легче. Руки и лицо жгло по-прежнему, но комары на них больше не садились.

— А теперь иди на оленей посмотри,— кивнул Пете Рогов.

Комариный рой висел над упряжкой, точно густой пар. Беззащитные животные лишь вздрагивали и крутили головами. Их морды покрывал шевелящийся слой: тысячи крыльев и хоботков теснились возле ноздрей, губ и глаз, где тело не защищено шерстью. Рога тоже были покрыты живым налетом: короткий ворс не спасал от кровососов. Петя провел ладонью по морде вожака — рука в крови. Провел по рогам — кровь.

— Вот, брат, тебе и дело на всю жизнь — защита от гнуса,— сказал Рогов, обняв Петю за плечи.— Подумай над этим, тема очень стоящая. Если заинтересуешься, я тебе кое-что расскажу и почитать дам. Ладно, это потом. Держи пузырек. Начнут жрать — мажься снова. Поехали!

Теперь впереди упряжки Данилы и Наташи. Они скользят рядом. Каждый стоит на полозе своих нарт. Посматривают друг на друга, коротко переговариваются: Наташа скажет слово, Данила слово. Наташа улыбается и всматривается в даль. Данила не хочет показать виду, что смотрит в ту же сторону, а глаза сами тянутся к зеленым увалам, за которыми вот-вот прорежутся острые конуса чумов.

Сыновья все еще спали, пригретые солнцем. Люльку меньшого Наташа затянула от комаров ситцевым пологом, старшему тоже накрыла лицо. Она смотрела на детей, на мужа, и улыбка все время жила в ее глазах.

Скоро, скоро. Скоро чум. Как далеко откаслали пастухи, пока она была в больнице. И морошка поспевает, и грибов уже много, и у куропаток оперились птенцы... Где же поставили чум? На том ли месте, что в прошлом году? Или ближе к озеру?..

И тут Наташа вскрикнула и хореем показала влево.

Там над равниной торчали два еле приметных голых кустика. Конечно, кустиками их мог назвать только человек, никогда не бывавший в тундре. То виднелись концы перехваченных сверху шестов, которые держат чум. Сами чумы еще были скрыты холмистой далью. Но постепенно они поднимались.

А когда упряжки одолели последний подъем, открылась просторная луговина между двумя озерами и на ней два белых конуса, два чума — единственное людское поселение на сотни километров в округе.

И из чумов заметили упряжки, поэтому над их вершинами всплыл синий дымок.

— Чай пить будем! — обрадованно толкнул Зосима Петю.— Отдыхать будем! Ой, хорош у нас!

Залился птичьим криком, взметнул хорей, и олени понесли из последних сил.

Над тундрой в жарком безветрии висело солнце. Роса высохла. Зеленая равнина, холмясь, убегала к горам и там разбивалась о подножие хребта, дыбилась каменными глыбами.

Начался день, долгий трудный день, наполненный комариным гудением и непрерывным бегом оленьего стада, спасающегося от комаров.

Об авторе

Димчевский Николай Владимирович, член Союза журналистов СССР. Родился в 1926 году в Москве. Работает в издательстве «Советская Россия». В альманахе выступал дважды (в выпусках 1966 и 1969 годов). В 1968 году в издательство «Советский писатель» вышла книга его стихов «Прорубь». В настоящее время работает над сборником рассказов «Июль на краю света».

ПО СТВОРАМ

Владимир Толмасов

Рассказ

По профессии я моряк, и вся моя жизнь моряцкая в основном проходит на море. Там мы, моряки, живем, там работаем, а на берегу вроде бы в гостях. И так уж человек устроен, что привыкает к своей работе. Бывает, посидишь на берегу в отпуске месячишко-другой, и уж берег этот надоест так, что дальше некуда. И начинаешь ненароком заглядывать в пароходство. Придешь в службу эксплуатации с таким видом, будто диспетчеров век не видал и очень рад, что все они живы и здоровы. Но там тебя насквозь видят. Подмигивают. Между делом сообщают, что судно твое придет туда-то и тогда-то. Готовься, значит, Александр Иванович, снова в просторы морские, без которых жить тебе совсем невмоготу. А что готовиться? Не с квартиры на квартиру перебираться. Чемоданчик в руку — и пошел в дальнее месяцев на восемь. И забываешь тогда, что ждет тебя снова качка-болтанка, туманы и снегопады, бессонные ночи и работа без выходных.

Однако иной раз и на море До того тошно станет, думаешь:

ну что понесло тебя туда разнесчастного? Слово даешь: все, хватит, пора на берег, довольно воду морскую мутить. А как пройдут неприятности, про минутную слабость и вспомнить стыдно... А как же иначе? Выбрал дорогу в жизни — шагай, с курса не сбивайся.

Помню такой случай. Плавал я капитаном на пароходе «Жижгин». Пароходик старенький, можно сказать, на ладан дышал, ходил только в малый каботаж, и даже начальство пароходское, глядя на него, диву давалось: «Как же это мы его до сих пор на металлолом не списали?» А «Жижгин» тем временем утюжил да утюжил морские волны, пыхтел, кряхтел и доставлял в прибрежные селения генеральный груз мелкими партиями.

В тот раз закончили мы разгрузку в одном таком селении. Рейсом все были довольны. Груз сдали полностью, до последней луковицы. Надо сказать, что возни с этим генеральным грузом у моряков предостаточно. К примеру, везем здоровенный сейф, а к нему ключи в отдельном ящичке. Документ на сейф один, а мест два. Выгрузят сейф, а проклятый ящичек, как нарочно, куда-нибудь запропастится. Матрос, который принимал сейф при погрузке, клянется и божится, что собственноручно его в трюм отправил. Ан, нет ящичка! Ну, тут, понятно, всеобщая ругань начинается, и всем миром бросаются эти ключи искать. Попробуй не найди — целую навигацию будешь объяснительные записки строчить. Страсти кипят, а ключей нет. И вдруг второй помощник себя по лбу — хлоп! Это он вспомнил, что спрятал ящичек от греха подальше в своей каюте иод диваном...

В общем всякое бывает. Но тогда все обошлось благополучно. Ничего не потерялось, не сломалось, не разбилось. А меня беспокойство гложет. До порта переход немногим больше суток, но ведь осень глубокая. Завоет штормяга в нашем Белом морюшке, и сутки эти тремя обернутся.

Старпом доложил, что судно к плаванию готово и с якоря можно сниматься. Вышел я на мостик и ахнул. Небо на закате бронзой отливает. Красиво. Да только не для меня: быть шторму. Я в штурманскую рубку. Глянул на барограф — батюшки-светы! Перышко, которое на ленте давление воздуха вычерчивает, чуть ли не на глазах вниз ползет. А тут еще суставы заныли. Ревматизм учуял ненастную погоду и разыгрался вовсю.

Только с якоря снялись, и не успел я на карте курс проложить, заходит в рубку радист. Лицо грустное, а морщится так, будто все зубы разом заныли. Протягивает метеосводку, а в ней сказано, что глубочайший циклон движется в нашу сторону и не далее как через сутки обрушится шторм в десять, а то и все двенадцать баллов. Я читаю сводку, а радист на меня искоса поглядывает. Небось думает: «Ну как, капитан? Видать, тоже небо с овчинку показалось?»

И впрямь, настроение мое поползло вниз, точно перышко у барографа. Пароходик наш древний, пустой, как барабан, и, коли не успеем добежать до порта, покажет нам погодка кузькину мать...

— Александр Иваныч,— вдруг говорит радист этаким виноватым тоном,— может, отстоимся? Спокойнее как-то на якоре. И место здесь безопасное.

— Еще чего! — говорю.— Нас в порту ждут, а мы тут загорать будем? Ежели все суда от каждого шторма в убежища прятаться станут, кому же тогда груз возить? И вообще, кто тебе дал право капитана учить? Уходи отсюда, пожалуйста, не разводи паники.

Радист что-то еще хотел сказать, но я так глянул на него, что он быстрехонько исчез.

Ночь прошла спокойно, но не для меня, конечно. Принял решение — выполняй. И просидел я всю ночь за расчетами. Все прикидывал, когда же этот окаянный циклон шарахнет по нашему району и какой же наилучший вариант пути выбрать. И так, и этак считал; получалось, что к двадцати двум часам засвистит вестовый ветер и начнется кутерьма. Однако к этому времени «Жижгин» должен успеть-таки проскочить узкий качал на баре при подходе к порту. Но в море — не в избе на печи. Навалится туман или зарядит снегопад — пиши пропало. Ход сбавлять надо: этого правила требуют, да и сам не захочешь на рожон лезть. А скорость снизится — время потеряешь. И тут уж останется только одно: носом на волну. И это бы ничего, но уж больно слаб пароходик. Как говорят, сто лет в субботу стукнет. Выдержим ли?

В ту ночь я так и не прилег. А в шесть утра растолкал радиста, помахал у него перед носом листком бумаги:

— Вот это передашь.

— Срочную подавать, Александр Иваныч?

— Самую обычную информацию о подходе,— говорю.

Присел на диванчик, закурил, глаза закрыл... Хорошо в радиорубке. Приемник тихо попискивает, от радиатора парового отопления приятное тепло идет.

Радист опять:

— Александр Иваныч, тут написано: «Полагаю прибыть в двадцать часов». Может, проще стукнуть: «Приход двадцать», а?

— Я тебе стукну... За двенадцать часов в нашей жизни всякое случается. Не болтай зря, передавай, как приказано, а я пока покурю здесь.

Затушил я папиросу и вышел на палубу. Дождь накрапывает, сыро, холодно, и море какое-то студенистое, стылое. Поднялся в рубку, краем глаза поглядел на барограф: «Что же ты, родной, показываешь?» А перышко совсем вниз съехало, того и гляди, соскочит с барабана, на который лента намотана.

Старпом скучный, нахохлился, как воробей. И матрос за штурвалом тоже хмурый.

— Сколько оборотов машина дает? — спрашиваю у старпома.

Тот брови поднял:

— Механики говорят—семьдесят.

— Передайте механикам, чтоб не вздумали прибавлять оборотов,— говорю, а сам чувствую, что старпом втихомолку договорился с третьим механиком сделать как раз наоборот.

Придал я своему лицу значительное выражение и этак строго произнес:

— Предупреждаю, Юрий Дмитрич, коли прибавите хоть один оборот, разговор у нас с вами будет долгим и неприятным.

Для сухопутного человека удивительно: с чего вдруг капитан не желает скорость увеличить? По пятам циклон гонится, а у него пароход идет, как на прогулке. Что стоит добавить полузла? И уж не в двадцать часов, а в девятнадцать с чем-нибудь притопали бы мы в порт. Хорошо? Куда уж лучше. Но беда в том, что староват «Жижгин» для таких гонок. Подшипники гребного вала и без того греются. По моим расчетам получается, что налетит шторм в двадцать два часа. Но у небесной канцелярии свои вычисления. Начнись заваруха раньше — кричи караул. С перегретыми подшипниками машине против ветра не выгрести, и понесет «Жижгина» куда-нибудь на отмели. А машина нужна, ой как нужна будет, когда станем бар проходить...

Заглянул я в машинное отделение. Пахнет маслом и перегретым паром, на трубах клинкеты шипят. Старший механик Василий Петрович, опираясь на поручни, вниз глядит, на цилиндры. В тех цилиндрах бьются восемьсот лошадиных сил. Только по теперешнему возрасту «Жижгина» это восемьсот некрасовских саврасок.

Стармех меня увидал, помахал рукой. Лицо круглое, как блин масленый, лоснится, и рот до ушей.

— Не спится, Александр Иваныч? Мне вот тоже не до сна. Как там, наверху, порядок?

— Порядок,— отвечаю.— Порядочек. Циклон на нас прет.

Рот у Петровича вполовину меньше сделался.

— Ну и когда же он?..

— Очень,— говорю,— скоро.

Петрович поскреб в затылке:

— Оборотиков прибавлять не будем?

«Дались им эти оборотики,— думаю.— Уж ты-то должен соображать, к чему это приведет». А вслух сказал:

— Всякому овощу свое время.

— Понятно, понятно,— заторопился Петрович.— И то верно — старушка наша не ахти как гребет. Маслица перерасход опять же...

— Ты смотри,— говорю,— как к бару подходить станем, с этой старушки глаз не спускай.

Петрович помигал немного.

— Ну, ну... Только того... Заранее предупредить надо.

Не успел он договорить — «дзинь-дзинь!» — машинный телеграф залязгал. Петрович загремел ботинками вниз по трапу. Не так-то уж шумно вели себя савраски в цилиндрах, а тут и совсем их не слышно стало: ход сбавили.

«Эх,— думаю,— началось! Либо туман, либо еще какая напасть». Выскочил на палубу. Так и есть! Вокруг белые мухи летают — снегопад.

Вверху захрипело. Из парового свистка сначала ведра два воды вылилось, а потом загудел наш «Жижгин». Утробно, скучно.

Вбежал я на мостик и сразу к радиолокатору. Включил тумблер, смотрю на зеленую тарелку экрана, а там три пятнышка впереди по курсу мерцают — три судна. Надо расходиться. Вахтенного помощника на крыло отправил: смотреть, слушать, сигналы подавать.

Так и стоял я у локатора, времени счет потерял. Разозлился на погоду, на осень глубокую, на старика «Жижгина» и вообще на весь свет.

Третий помощник сдал вахту второму, а снегопад не унимается. Сырость во все щели лезет и в носу щекочет противно. Начал я чихать. Чихаю, на рулевого посматриваю, а остановиться не могу. Ведь на мне только китель да фуражка.

В это время буфетчица распахивает дверь рубки:

— Александр Иваныч, обедать.

— Какой там к черту обед!

Рявкнул и тут же пожалел: ну зачем накричал на женщину? Пришел человек с добром, а тут...

И только я это подумал, дверь в рубку снова отворяется, и буфетчица вносит ватник и шапку-ушанку. Тут мне окончательно стыдно стало, и пробурчал я, чихая, слова благодарности.

Кончился снегопад часам к пятнадцати. Я к тому времени согрелся немного, и чихание прекратилось. Но настроение было жиже нуля: три часа ходу потеряли, ведь едва-едва плелись. Теперь достанется! Для успокоения сердечного выпил три стакана чаю и ушел к себе в каюту. Вызвал боцмана, стармеха, старпома, отдал нужные распоряжения, чтобы приготовили судно к передряге. Когда все ушли, задремал прямо в кресле.

...Что-то хлопнулось мне на колени. Открыл глаза: все справочники на коленях горой лежат. Пока я их разглядывал, они к ножкам кресла свалились, как живые, в сторону поехали и под столом Исчезли. Понятно. Началось! К тому же судно курс сменило и теперь с борта на борт переваливается.

Зазвонил телефон. Беру трубку.

— Вахту сдал. Ветер вестовый восемь баллов,— докладывает старпом,— до приемного буя двадцать миль.

И тут же огорошил:

— Александр Иваныч, радист извещение принес, что все плавучее ограждение снято на зимний период.

— Спасибо,— отвечаю,— Юрий Дмитрич, за приятные новости. Хоть створные-то огни горят?

— Про створы ничего не сказано.

— Ну и слава богу, Юрий Дмитрия, а не то ведь, знаете, недолго и заблудиться.

Поднял я справочники, положил на койку — оттуда не свалятся. Балансируя, как клоун на канате, одеваюсь потеплее и отправляюсь наверх.

Ветерок дует что надо. Соловей-разбойник, а не ветер. В этом районе море мелкое, и потому волна здесь крутая, хлесткая. Судно валяется в бортовой качке ванькой-встанькой. Машина наша захлебывается, а, когда корма выскакивает из воды, пароходик трясется, как малярийный, от киля до клотика.

Кругом темень непроглядная. Казалось бы, идут моряки, сами не знают куда. Но у нас на штурманском столе карта, и на ней весь путь отмечен. Старпом показывает точку, определенную в двадцать часов. Смотрю и удивляюсь: уж что-то больно быстро шло судно на его вахте. Гляжу на старпома пристально, а он отворачивается, глаза прячет.

Я ему прямо:

— Обороты прибавляли?

А он как невинный младенец:

— Так ведь самую малость, Александр Иваныч.

— Сколько эта малость продолжалась?

Молчит старпом, в черновом судовом журнале яертиков рисует.

— Все ясно,— говорю.— Пока капитан отдыхал, вы тут самовольничали.

Сник старпом, даже чертей рисовать бросил.

— Ну ладно. Разговор об этом завтра состоится. А теперь идите и проверьте самочувствие рулевого устройства.

Исчез старпом, как ветром сдуло.

Звоню в машинное отделение. Только «дед» трубку взял, я на него накинулся:

— Что у тебя там творится? Кто позволил машину насиловать?

Петрович оправдывается: мол, знать ничего не знает, сейчас разберется. А потом спрашивает, с чего это я так разволновался, уж не заболел ли.

— Заболел!— кричу.— Заболел и уйду к чертовой бабушке лечиться! Провались все это плавание вместе с такими механиками...

Бросил я трубку, прижался лбом к холодному мокрому стеклу переднего окна, смотрю в темноту и думаю: «Кто знает, может быть, правы старпом со стармехом, что с повышенной скоростью шли четыре яаса?.. Нет, не правы. Выиграли они от силы каких-нибудь полчаса, а выдержат ли теперь валовые подшипники при переходе через бар? Форсированная работа машины нужна тогда, когда без этого уж никак не обойтись».

А ветер все крепчает, и меня новые мысли одолевают. Как встретит «Жижгин» напор ветра на баре, не сдаст ли машина? Слишком узок канал через отмели. Может быть, благоразумнее уйти подальше от опасных мест и переждать шторм в море? Но непогода на севере осенью — история долгая.

И тут разглядел я во мраке огни встречного судна. Шло оно левее, и, судя по всему, капитан его решил встретить шторм в море. Большое судно, водоизмещением тонн тысяч десять — двенадцать. Этакого гиганта ни один лоцман в шторм не поведет через бар.

Разошлись мы левыми бортами, и оно вдруг стало поворачивать. Смотрю, мигом поставило его лагом к волне и начало класть с борта на борт. Топовый огонь на мачте почти полукруг описывает. Пока судно делало поворот, отнесло его далеко к берегу.

«Ну и ну,— думаю,— как его, беднягу, ворочает. Ведь какой колосс, а справиться с ветром не может. Куда уж нашему «Жижгину» штормовать. Моргнуть не успеешь, как на мели очутишься». Все сомнения разом отпали. Надо идти через бар! Позвонил я в машинное отделение и сказал, чтобы через два часа машину не жалели. А о том, когда именно, дам сигнал машинным телеграфом...

Время шло... И вот показались вдали белый и красный огни один над другим — створные знаки канала. Вахтенный помощник докладывает:

— До приемного буя осталось пять миль...

— Три мили...

— Одна миля...

Собственно, никакого приемного буя уже не было. Сняли его на зиму вместе с прочим плавучим ограждением.

Штурман коротко:

— Подошли.

Все ясно. На том месте, где мы сейчас находимся, еще вчера буй стоял.

— Ну, Евдокимыч,— говорю я рулевому,— сбрасывай ватник. Сейчас баня начнется.

— Чувствую,— отвечает Евдокимыч,— да ведь не впервой, Александр Иваныч.

А сам уже штурвал крутит с борта на борт, чтобы судно на створах удержать. Это немалых трудов стоит: на мелководье «Жижгин» вконец заупрямился, а рулевая передача ручная. Волна стала бить в правый кормовой подзор, и пошел наш пароходик мотаться из стороны в сторону, точно пьяный. Только что были на линии створов, а вот уж слева от них. Рулевой право на борт положил, и «Жижгин» медленно пошел вправо.

Кричу:

— Одерживай!

Евдокимыч с натугой:

— Есть одерживать!

Пароход норовид, как взбесившийся конь, броситься вправо, а Евдокимыч его удержал на месте. Снова волна под корму. «Жижгин» в сторону покатился.

— Лево на борт!

— Есть лево на борт!

Евдокимыч — рулевой искусный, но тяжело старику. Вызвал я второго вахтенного матроса.

— Управляйтесь вдвоем. Все же легче.

Приноровились матросы. Держат «5Кижгина» в узде.

— Как там с местоположением? — спрашиваю у штурмана.

— Сейчас войдем.

Так... Начинается самая узкая часть канала. Ширина метров семьдесят, не более. А за бровкой канала глубины полметра. Дважды звякаю телеграфом — даю сигнал в машинное отделение, а у самого на душе кошки скребут. Не выдержит машина четверти часа напряженной работы — и все. Но отступать некуда. Помянул я недобрым словом чересчур ретивых помощников, а мыслишка обывательская мозг сверлит: «Коли удастся пройти этот чертов бар, завтра же подам рапорт об уходе на берег. Буду ревматизм лечить, телевизор смотреть, в театр ходить... Уж сколько раз этак решал, да все откладывал. Но на этот раз обязательно точку поставлю, уйду — и баста!»

Чувствую: затрясся наш «Жижгин». Механики обороты увеличивают. Рулевым, конечно, легче. Судно начало лучше слушаться руля. А у меня даже во рту горько стало. И жду я с нетерпением только одного: когда же желтый маячный огонь окажется на левом траверзе. Пройдем траверз — тогда все в порядке...

Наконец замигал маяк совсем рядом с траверзом. У меня глаза, как у жулика, бегают, со створов на маяк, с маяка на створы.

Еще немного... Еще...

— Легче как будто стало на руле-то стоять,— вдруг говорит Евдокимыч.

Значит, кончился бар. Все!

Только тут я почувствовал, как онемели пальцы моей правой руки, сжимавшие рукоятку телеграфа.

А на мостике, в рубке, штурманы собрались, радист в угол забился, и все дышат тяжело, дух переводят, словно они «Жижгина» под корму толкали.

Пароход пошел со створной линии, как по ниточке. Позвонил я в машину:

— Точка! Держать обороты нормальными.

— Есть держать нормальными! — отвечает стармех, и слышно по тону, что «деду» тоже стало легче дышать. Радехонек Петрович.

Тогда я решил холодной водичкой на него побрызгать:

— Ты особенно-то не радуйся, дедуня. Впереди тридцать миль узкостей. Чтоб машина была как часы.

Петрович помолчал обиженно, а потом и сам шпильку подпустил:

— С тебя, Иваныч, приходится бутылочка. Я уж с приходом обязательно к тебе загляну.

— Это в честь чего же?

А Петрович нарочито удивленным голосом:

— Как в честь чего? Небось забыл? Уходить на берег собираешься. А я, как твой сослуживец, проводить тебя должен, хорошие слова на прощание сказать, прослезиться...

Тут и я возмутился:

— Кто это такую чушь сказал, что я уходить хочу?

Петрович в телефон скрипит:

— Небось думал так, Александр Иваныч... Ревматизм, мол, поедешь лечить, ванны там всякие принимать...

— Какой ревматизм? — окончательно разозлился я.— Завтра на собрании я с тебя и старпома шкуру снимать буду за самовольство. А на «Жижгине» через этот канал мы еще тысячу раз пройдем. Вот так-то!.. Циклон, говоришь? Что нам циклон! Через неделю и не вспомним о нем. А нам с тобой плавать да плавать, работать надо.

Об авторе

Толмасов Владимир Александрович. Родился в 1932 году в Архангельске. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала Макарова. В качестве штурмана и капитана дальнего плавания ходил на различных судах в Атлантике, Индийском и Северном Ледовитом океанах. Автор опубликовал несколько научно-популярных статей («Бутылки в океане», «Судьба фрегата «Нева»», «Андреевский флаг», «Полярные робинзоны») и рассказов («Когда бушевал норд», «В море студеном», «Белокрылая «Аврора»», «Пароходы, как люди...» и другие). В альманахе выступает второй раз. В настоящее время работает над книгой «Соловецкая повесть» и морскими рассказами.

ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ

Вп. Монастырев

Повесть

I

Директор заповедника вышел из-за стола и протянул Петрову обе руки.

— Здравствуйте, Андрей Аверьянович, очень рад, что вы откликнулись на мой зов и приехали. Садитесь.

Андрей Аверьянович, оставив у двери саквояж, пожал директору руку и опустился в глубокое кресло. Валентин Федорович, директор заповедника, сел в кресло напротив.

— Как ехалось? — спросил он, протягивая гостю ящичек с папиросами.

— Спасибо,— Андрей Аверьянович от папирос отказался.— Ехалось сносно, дорога к вам, слава богу, стала приличная.

Он с интересом огляделся. С одной из стен целилась в него короткими рогами голова зубра, с другой смотрели настороженные глаза оленя. При жизни это был, должно быть, великан: роскошные рога размахнулись широко и ветвисто.

Андрей Аверьянович давно собирался побывать в заповеднике, но все было некогда. Теперь представился случай — несколько дней назад Валентин Федорович, старый знакомый еще с военных времен, позвонил и попросил взять защиту сотрудника заповедника, который убил в лесу браконьера, превысив, по мнению следствия, пределы необходимой обороны.

— Тут вообще странная история,— рассказывал директор.— Кушелевич утверждает, что он не стрелял в этого Моргуна, но тот убит. А у ружья Кушелевича один ствол разряжен...

— Бывает, что с испугу отрицают все, самые очевидные факты.

— Не тот случай,— возразил директор.— И не тот человек Кушелевич. Вы его сами увидите и убедитесь.

— Что ж,— сказал Андрей Аверьянович,— попробуем разобраться в этой печальной истории.

— Да уж куда печальней. Отличный человек Николай Михайлович Кушелевич, ценный работник. Кандидатскую собирался защищать, и вот на тебе.

— Вы с ним давно работаете?

— Четыре года. Уж если он говорит — не стрелял, значит, яе стрелял.

Валентин Федорович, насколько помнил его Андрей Аверьянович по прежним встречам, не был ни слишком доверчивым, ни слишком восторженным человеком. И не из тех, кто будет отстаивать неправого только потому, что он свой сотрудник. Но и следователь, который вел дело, тоже не мальчик. Он, конечно, меньше знает обвиняемого, но опирается на факты. Впечатление, какое оставил человек, много значит, но факты более весомы и убедительны. Андрей Аверьянович осторожно высказался в этом смысле.

— Мне тоже факты известны,— возразил Валентин Федорович.— Кушелевич все мне рассказал. И предысторию я великолепно знаю. На моих глазах все происходило.

— А есть и предыстория?

— Есть. Если вы не устали с дороги и не проголодались...

— Нет, не устал и не проголодался. Рассказывайте.

— История эта началась со дня организации заповедника — с браконьерами тут воюют постоянно. Однако в последнее время наши отношения с ними обострились. С помощью Кушелевича районная милиция поймала с поличным нескольких браконьеров, все из поселка Желобного, есть у нас такой рассадник любителей незаконной охоты. У одного из нарушителей отобрали нарезное оружие — немецкий карабин. Браконьеры вели себя нагло, выкрикивали в адрес Кушелевича угрозы. Двоих арестовали, но через неделю они вернулись в поселок, отделавшись штрафами, которые с них обычно взыскивают с трудом и подолгу. И опять угрожали Кушелевичу, обещая с ним расправиться. Тогда он написал в газету письмо, рассказав, как бесчинствуют у нас браконьеры и как Работники охраны общественного порядка либеральничают с ними. Письмо напечатали, в милиции спохватились, быстренько призвали наиболее резвых охотников к ответу, двоим дали сроки, с остальных взыскали штрафы. В поселке Желобном попритихли. На людях уже не говорили, что убьют Кушелевича, однако злобу

затаили и отомстить ему собирались. До нас такие слухи доходили. Особенно опасен был Григорий Моргун, ему по справедливости место рядом с осужденными, но он ушел от наказания и вел себя так, будто все это его не касается.

Валентин Федорович закурил, подвинул к себе тяжелую пепельницу из серого с прожилками камня и продолжал:

— Кушелевич не робкого десятка человек, угрозы на него не произвели особого впечатления, но мы все-таки старались одного его в горы не пускать. Осторожности у нас хватает, как известно, не надолго. Прошло некоторое время, и об опасности забыли думать. И в тот злополучный день Кушелевич ушел с кордона один. Было у него охотничье ружье, двуствольное, заряженное на волка: в верховьях Лабенка появилась стая, которая бесчинствовала. Так вот, Кушелевич отправился вверх по Лабенку и в двух километрах от туристского приюта встретил Моргуна. Не знаю, случайная то была встреча или Моргун следил за Кушелевичем и заступил ему дорогу на узкой тропке. Узкая она там в прямом смысле. Моргун снял с плеча ружье и взял на руку. Кушелевич сделал то же. Так стояли они друг против друга, разделяли их метров тридцать. Надо вам сказать, что самое опасное — встретиться с браконьером один на один, тут он скорее всего пустит в ход оружие, потому что свидетелей нет. Вдвоем они менее опасны: по опыту известно, что двое секрет не сохранят, кто-то где-то по пьяному делу может разболтать или повздорят между собой. А одному бояться некого. Кушелевич это знал, но рассчитывал, что Моргун не решится стрелять, видя перед собой вооруженного, готового к отпору человека. На всякий случай он сделал полшага влево, так что ствол пихты скрыл его наполовину. А Моргун был весь на виду, только ноги в зарослях рододендрона. Тут и раздался выстрел. Моргун упал.

— Это все Кушелевич вам рассказывал?

— Кушелевич. У нас такие отношения, что изворачиваться и врать он не стал бы. И потом нотки фальши у человека, которого хорошо знаешь, нельзя не заметить. В общем у меня ни на минуту не возникало сомнения в правдивости Кушелевича.

— А у следователя?

— Мне показалось, что и следователь ему поначалу поверил. С Кушелевича тогда взяли подписку о невыезде, и только. Но потом дело осложнилось: мать убитого написала в газету. Мол, сын ее ни за что ни про что убит в лесу научным сотрудником заповедника, убийца разгуливает на свободе, а дело это хотят замять. В прокуратуру полетели запросы от вышестоящих, а в таких случаях все мы теряем равновесие и торопливо начинаем принимать меры. Никто, конечно, дело это заминать не собирался, просто следствие шло спокойно, а тут заспешили. Кушелевича арестовали, и следствие стало склоняться к тому мнению, что стрелял Кушелевич, превысив необходимые пределы обороны.

— А Кушелевич?

— Продолжал стоять на своем: не стрелял, а значит, не убивал.

— Но вы сказали, что из одного ствола его ружья в тот день был произведен выстрел? — спросил Андрей Аверьянович.

— Кушелевич говорит, что стрелял еще утром, ранил волка, но тот ушел в чащу, и преследовать его он не стал. Разряженный ствол, конечно, улика, но и Кушелевичу не верить оснований у меня нет: вел-то он себя не как убийца, то есть с точки зрения убийцы предельно глупо, а он далеко не глуп.

— Мог растеряться и наделать глупостей.

— Нет, на него это не похоже.

— И как же он поступил, когда упал этот Моргун?

— А вот как: подбежал к нему, перевернул на спину, послушал пульс и убедился, что Моргун мертв. Пуля попала ему в горло, и он сразу захлебнулся собственной кровью. Оставив все, как было, Кушелевич поднялся к туристскому приюту и привел оттуда людей. Там как раз располагалась на ночлег очередная туристская группа. До приезда следователя возле убитого дежурили сторож приюта и туристы посменно. Об этом тоже позаботился Кушелевич. Ну, допустим, он, увидев против себя Моргуна с ружьем в руках, испугался и выстрелил первым. Моргун убит. Испуг и растерянность прошли. Кушелевич мог бы выстрелить из ружья убитого и потом сказать, что защищался, ответил выстрелом на выстрел. Мог бы, наконец, просто уйти, его же никто не видел. Почистил бы ружье, зарядил снова — и никаких следов не осталось. Мог бы еще что-то придумать, если бы хотел выкрутиться. Но он не выкручивается и ничего не выдумывает.

— Но улики против него?

— Увы. Кроме всего прочего оказалось, что у Моргуна в патронах были дробовые заряды. В сумке нашлись патроны, и с картечью, а в стволах — бекасинник. Вроде бы выходит, что он и не собирался стрелять в Кушелевича, не угрожал его жизни.

— Но Моргун оказался на территории заповедника с ружьем — это нарушение закона?

— Нарушение, но его можно квалифицировать как неумышленное. При желании.

— 1о есть?

— Это случилось на границе заповедника.

• Андрей Аверьянович, сказав «м-да», встал, подошел поближе к голове зубра и, заложив руки за спину, долго разглядывал ее.

— Трудно будет защищать Кушелевича? — спросил наконец Валентин Федорович.

— Трудно защищать интересы человека, который вызывает антипатию, неприятен.

— В таких случаях можно отказаться, наверное?

— Не всегда. Хотя бы потому, что самый отвратительный преступник Имеет право на адвоката.

— Надеюсь, Кушелевич не вызовет у вас антипатии.

— Будем надеяться,— сказал Андрей Аверьянович.

2

На другой день, официально вступив в свои адвокатские права, Андрей Аверьянович познакомился с делом Кушелевича.

Следователь настойчиво спрашивал обвиняемого, точно ли, что Моргун был один, не видел ли он кого еще до встречи с браконьером или после выстрела. Кушелевич отвечал, что не видел и не встречал до самого туристского приюта. В приюте были только туристы да сторож, который с утра никуда не отлучался.

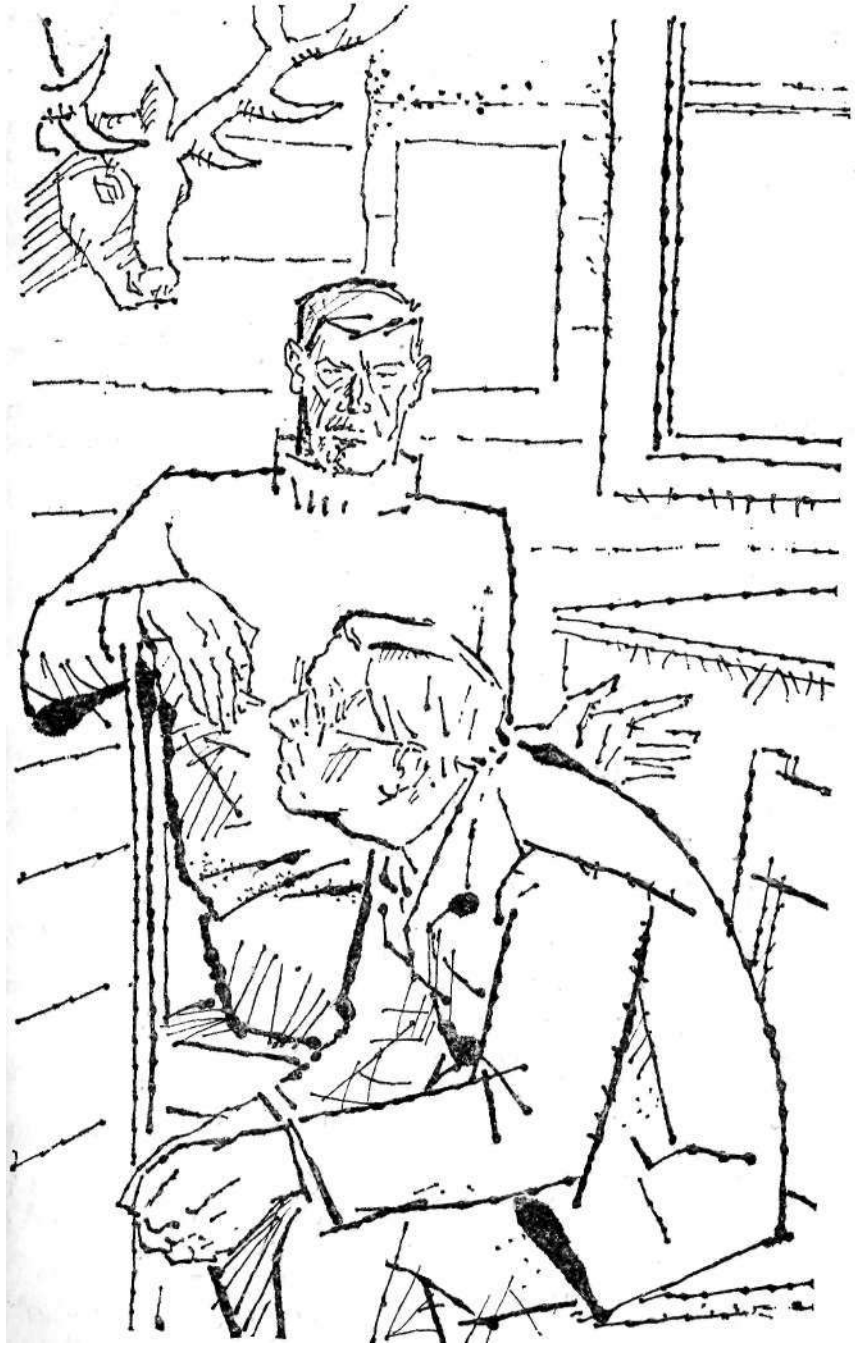
И в поселке Желобном, допрашивая близких и приятелей убитого, следователь пытался дознаться, кто в этот день уходил в лес и с кем. Уходило восемь человек по разным надобностям, трое — ненадолго, пятеро — на целый день. Все они утверждали, что не видели Моргуна в лесу, когда и куда он ушел из поселка — не знали. Мать убитого показала, что сын не сообщал ей, с кем и куда уходит.

Андрей Аверьянович полагал, что любой из пятерых жителей поселка, уходивших в лес, мог отправиться с Моргуном или встретить его там. Так же, видимо, думал и следователь. Он постарался выяснить, кто из этих пятерых и как был связан с Моргуном. Установил, что трое — Павел Лузгай, Владимир Кесян и Виктор Скибко — его приятели. Но ни один из них в тот день Моргуна не видел, так они утверждали. И никаких доказательств того, что они знают об этой истории больше, чем говорят, следователь не добыл.

Обследование места происшествия не дало следствию вещественных доказательств. Пыжа от заряда не нашли, пулю тоже, она пробила горло Моргуна навылет. Экспертиза засвидетельствовала, что стреляли не ближе чем с двадцати метров. Могли стрелять и с сорока, и с пятидесяти, но это стало несущественным после того, как провели следственный эксперимент на месте убийства и установили, что из того молодого пихтарника, на который указывал. Кушелевич, нельзя было прицельно стрелять с Моргуна. А Кушелевич стоял на своем — стреляли оттуда. Он утверждал, что хотя стрелявшего и не видел, но явственно слышал, откуда прозвучал выстрел.

После следственного эксперимента следователь, видимо, перестал колебаться и отбросил все остальные версии, если они и были у него. Осталась одна: стрелял Кушелевич.

Чтобы собраться с мыслями, Андрей Аверьянович, покинув прокуратуру, отправился побродить по городу. Он здесь не был года три и с любопытством оглядывал новые дома, площадь с бронзовым Лениным. Центральная улица выглядела нарядной, строго под прямым углом пересекали ее другие улицы, широкие, уходившие одним концом в степь, другим упиравшиеся в лесистый холм, за которым рисовались вершины гор, и казалось, что они совсем близко, стоят прямо за тем холмом. А до них было добрых полсотни километров.



«Так и у нас бывает,— пришло в голову Андрею Аверьяновичу,— кажется, истина — вот она, рядом, стоит только протянуть руку. А до нее идти и идти...»

Во второй половине дня Андрей Аверьянович получил свидание с подзащитным.

Николай Михайлович Кушелевич был высок, в плечах — косая сажень; когда здоровались, Андрей Аверьянович ощутил пудовую тяжесть и сдерживаемую силу его широкой ладони. И лицо у Кушелевича было широкое, с крутым лбом, с белесыми бровями, со светло-серыми, широко расставленными глазами, которые глядели на собеседника прямо и неотступно. Говорил он неторопливо, степенно, частенько произносил вместо «я» «а», и получалось у него не «упрямо», а «упрамо». Не надо было заглядывать в анкету Кушелевича, чтобы определить, что родился и вырос он в Белоруссии.

Сидел Николай Михайлович на табурете не сгибаясь, широко расставив тяжелые ноги в сапогах сорок пятого размера, руки спокойно лежали на коленях. Он рассказал Андрею Аверьяновичу то же, что и директор заповедника.

— Откуда раздался выстрел? — спросил Андрей Аверьянович.

— Стреляли у меня за правым плечом.

— Вы заметили, откуда?

— Я оглянулся на выстрел, но никого не увидел и бросился к Моргуну.

— Почему вы сразу бросились к Моргуну? Падение могло быть инсценировкой, чтобы побудить вас выйти из-за укрытия.

— Об этом я в тот момент не подумал. Слишком естественно выронил Моргун ружье и схватился за горло, никакой актер, наверное, так не сыграл бы. Убедившись, что Моргун мертв, я пошел к тому месту, откуда стреляли. Это метрах в тридцати от того места, где я стоял, там выделялся пихтовый молодняк, место приметное,

— Нашли вы там что-нибудь?

— Нет. Там никого не оказалось.

— И следов никаких не обнаружили?

— Я не присматривался, не искал следов. Увидел, что никого нет, и пошел к туристскому приюту.

— С того места, откуда прозвучал выстрел, можно было попасть в вас?

— Можно.

— Вы не допускаете мысли, что стреляли в вас, но промахнулись и попали в Моргуна?

— Это исключено. Мы с Моргуном стояли не на одной линии.

— Следователь там ничего не обнаружил?

— Нет, ничего. Он полагает, что я все это придумал, что там никаких следов и быть не может. Он считает, что стрелял я. А я в Моргуна не стрелял!

— М-да,— сказал Андрей Аверьянович,— следователь утверждает, что с того места, откуда, по вашим показаниям, раздался выстрел, нельзя было стрелять в Моргуна.

— И все-таки стреляли оттуда, это я собственными ушами слышал. Я понимаю, в каком нелепом положении оказался. Понимаю, но смириться не могу. Чувствовать себя правым и не иметь возможность доказать, что ты прав,— это же бесит и приводит в отчаяние.

Говоря это, Кушелевич по-прежнему неподвижно сидел на табуретке, только пальцы побелели, так сильно он сжимал колени.

— Может быть, вообще никакой защиты не нужно? — высказал он предположение.— Скажу на суде одно: не стрелял — и точка. Что хотите, то и делайте.

— Зачем же отказываться от защиты. Насколько могу судить по первому впечатлению, вы человек прямолинейный и открытый, такие как раз нуждаются в защите.

Кушелевич хотел возразить, но Андрей Аверьянович предупредил возражение:

— Вы сильный человек и умеете за себя постоять, это я вижу. Но у сильных и прямолинейных, как правило, открыты фланги. В общем не советую отказываться от защиты.

— Ладно, не буду,— согласился Кушелевич,— хотя и не возлагаю на защиту надежды. Чтобы потом не разочаровываться.

— Спасибо за откровенность,— усмехнулся Андрей Аверьянович,— тем более, что никаких надежд я пока что вселить в вас не могу.

Рабочий день уже кончился, но директора заповедника Андрей Аверьянович застал в его служебном кабинете.

— Что вы узнали в прокуратуре? — спросил Валентин Федорович, когда Андрей Аверьянович уселся в кресло возле письменного стола.

— Ничего утешительного,— ответил Андрей Аверьянович,— все, что я там узнал, вам уже известно. Кушелевич тоже не внес ясности.

— Вы с ним виделись?

— Виделся.

— Какое он произвел на вас впечатление?

— Хорошее.

— Гад это слышать. Значит, защищать его вам будет не трудно.

— То есть?

— Вы же сказали, что трудно защищать человека, вызывающего антипатию.

— У вас цепкая память,— улыбнулся Андрей Аверьянович.— В смысле моральном, полагаю, мне будет легко, что касается юридической стороны дела, то я в затруднении.

Теперь директор заповедника спросил:

— То есть?

— Если бы Кушелевич стрелял и убил, я бы постарался доказать, что выстрел его — необходимое в целях обороны действие. Так бы оно, видимо, и было. Если бы он стрелял, повторяю. Но он стоит на своем — не стрелял.

— И я ему верю,— вставил Валентин Федорович.

— Допустим, что и я ему верю.

— Почему, допустим? Вы не убеждены, что он говорит правду?

— Я его недостаточно знаю. Но допустим, я ему верю. Что из этого? Для суда это не доказательство. Нельзя же встать и заявить: «Граждане судьи, я верю, что Кушелевич не стрелял, поэтому прошу оправдать его». Заявить-то так можно, но толку от этого мало. Нужны аргументы, доказательства. А их нет, улики против Кушелевича.

— Бывает же такое стечение обстоятельств! — Валентин Федорович даже ладонью о стол прихлопнул от досады.

— Бывает,—подтвердил Андрей Аверьянович,—каких только казусов не бывает.— Он смотрел на мохнатую голову зубра и прикидывал, что раньше сделать: побывать на месте происшествия или собрать сведения о Кушелевиче здесь, в городе. Еще не решив окончательно, спросил:

— Мы сможем навестить семью Кушелевича?

— Конечно,— ответил директор.— Когда бы вы хотели?

— Сегодня. Если не возражаете, сейчас.

— Идемте,— Валентин Федорович встал, высокий, сухопарый, взял с вешалки соломенную шляпу и остановился у двери.

Андрей Аверьянович не без сожаления и не так легко покинул глубокое удобное кресло: устал за день. Кивнул, как старым знакомым, зубру и оленю и вышел из кабинета.

3

Семья Кушелевича занимала двухкомнатную квартиру в новом доме.

— Два месяца назад въехали,— пояснил Валентин Федорович, когда они поднимались на третий этаж,— а до этого скитались по частным, натерпелись.

Дверь открыла маленькая, аккуратная женщина в передничке.

— Анна Ивановна, жена Николая Михайловича,— представил директор.

Она покраснела и застеснялась.

— Извините, я сейчас...

Убежала на кухню, чтобы снять передник. Андрей Аверьянович заметил, что она успела и причесать свои светлые вьющиеся на висках волосы. Села на стул и, как муж, положила руки на колени. Руки были тонкие, с трогательными голубыми прожилками, с длинными красивыми пальцами.

«Рядом с огромным мужем она выглядит девчушкой»,— подумал Андрей Аверьянович и отметил, что глаза у нее совсем синие и что смотрит она так же прямо и неотступно, как муж. И хотя он громадный и тяжелый, а она маленькая и легкая, они чем-то похожи друг на друга, отсутствием суетливости, умением смотреть на собеседника, что ли.

Небольшая комната казалась просторной от того, наверное, что в ней было мало мебели — стол, несколько стульев, этажерка с книгами и легкий старомодный диванчик с плетеной спинкой.

Заметив беглый взгляд Андрея Аверьяновича, Анна Ивановна сказала, словно бы извиняясь:

— У нас не очень уютно, недавно переехали.

«Наверное, собирали деньги на новую мебель»,— подумал Андрей Аверьянович.

— А где же Елена Викторовна? — спросил директор.

— Гуляет с Борей,— ответила Анна Ивановна.— А вот и они...

В передней стукнула дверь, щелкнул замок. В комнату вошли сухонькая, похожая на Анну Ивановну старушка и крупный, на толстых ножках мальчик, крутолобый, как отец, и синеглазый, как мать.

Андрей Аверьянович встал и пожал руку Елене Викторовне, присел на корточки и сказал мальчику:

— Ну, здравствуй, будем знакомы.

— Здр-равствуй,— четко выговаривая «р», ответил мальчик.

— Я поставлю чайник.— Анна Ивановна сорвалась с места и кинулась было на кухню.

— Не стоит,— остановил ее Валентин Федорович,— мы не надолго.

— А я бы не отказался от стакана крепкого чая,— сказал Андрей Аверьянович,— с вашего позволения.

За чаем Андрей Аверьянович расспрашивал обо всем: и о том, какое хозяева любят варенье, и где Анна Ивановна познакомилась с Кушелевичем, и кем работал покойный муж Елены Викторовны. Принесли альбом с семейными фотографиями, и Андрей Аверьянович с интересом смотрел их, выслушивал пояснения, переворачивал карточки, ища даты и надписи.

Он увидел Кушелевича в таком же возрасте, как сейчас его сын. Сходство было несомненным. Мальчик на фотографии одет в матроску и во взрослые брючки со складочкой: парадный костюм, в котором родители водили его с собой на прогулку. Мальчишке было неудобно в этом одеянии, и это читалось на его смышленой мордашке. Потом Кушелевич, вытянувшийся, худущий, с запавшими глазами, стоял, склонив голову набок, и тоскливо смотрел в аппарат. 1945 год. Отец погиб в сорок втором, мать одна растила сына и двух Дочерей, жили трудно, голодно. Год спустя из разоренной Белоруссии они переехали на Кубань, к родственникам матери, но и здесь им поначалу пришлось не сладко. Кубань тоже не обошла война: в 1947 году весной во многих станицах пекли лепешки из свекольной ботвы, а буханка хлеба на краснодарском базаре стоила 150 Рублей.

Тринадцати лет Николай Кушелевич пошел работать. Был вдовым в колхозе и прицепщиком, сопровождал скот по железной Дороге. Потом семья перебралась в город, и Николая взяли на Мебельную фабрику, сначала разнорабочим, потом учеником сто-

ляра. Был он не по годам рослым и сильным, и в отделе кадров сквозь пальцы посмотрели па его несовершеннолетие. Работа в колхозе не оставила следа в семейном альбоме, зато в первый же год работы на фабрике Николай фотографировался трижды, и можно было проследить, как неуклюжий, длиннорукий подросток превратился в стройного парня, как твердел, делался уверенным его взгляд, как он становился рабочим человеком.

В том же году Кушелевич пошел учиться в вечернюю школу. Осталось много снимков с друзьями по школе, групповых, сделанных в конце учебного года,— ученики в несколько рядов лесенкой, в центре преподаватели. На этих снимках Андрей Аверьянович легко находил Кушелевича: он стоял всегда в последнем ряду, возвышаясь своей лобастой головой над соседями.

Работая мастером на фабрике, Кушелевич окончил вечернюю школу и поступил в институт, на заочное отделение.

— Почему он выбрал зоологию? — спросил Андрей Аверьянович.

— Он с детства любил природу,— ответила Анна Ивановна,— любимая книга у него — «Жизнь животных» Брема.

— Давний и постоянный читатель Брема? У него, наверное, и дома были животные, но почему-то на фотографиях я их не вижу?

— Он мечтал завести собаку, но жили мы на чужих квартирах, тут уж не до собаки. Одно время была у нас ланка, Николай принес из леса, нашел у трупа оленухи — ее подстрелили браконьеры. Оленуха ушла от них и в лесу погибла, а детеныш-то остался. Мы эту ланку через соску молоком кормили, привязались к ней очень.

— Где же она теперь, эта ланка?

— Подросла, и Николай отвел ее в лес. И выпустил.

— Значит, бегает теперь в заповеднике лань, вскормленная через соску?

— Бегала. Ее тоже подстрелили браконьеры. Перед тем, как выпустить, Николай пометил ее. Прошлой осенью нашел в лесу освежеванную. Он был уверен, что это дело рук Моргуна.

— Почему именно Моргуна?

— Николай знал их повадки и приемы, кто, где и как бьет зверя. Он говорил, что у браконьеров, как у сыновей лейтенанта Шмидта из «Золотого теленка», заповедник поделен на зоны. Негласная конвенция. Моргун, конечно, был не один, но он верховодил.

— Однако посадили в тюрьму не Моргуна, а других?

— Моргун вышел сухим из воды,— вставил Валентин Федорович,— ловили главным образом его, а с поличным попались другие. Рано или поздно попался бы и Моргун, но,— Валентин Федорович развел руками.— ему была уготована иная судьба.

Андрей Аверьянович допил чай и стал прощаться. На улице он сказал Валентину Федоровичу:

— Этот ваш Кушелевич — великий мастер создавать против себя улики. Так прямо и напрашивается версия: ловил Моргуна, но не поймал, тот оказался хитрым и изворотливым. Встретил его

в лесу, вспомнил все, что браконьер тут натворил; конечно же, пришла на память и лань, которую Кушелевич вспоил молоком через соску; подумал он и о том, что Моргун еще может наделать, и — ружье было заряжено на волка,— как по волку, ударил по злостному хищнику. И еще прошу заметить: люди, идущие в высшие учебные заведения не на ту специальность, которая до этого была их профессией, как правило, одержимые. Кушелевич достиг определенного положения на мебельной фабрике — мастер, но оставил все и пошел на зоологический факультет. Это его давняя страсть и призвание, и он полагал себя обязанным не только изучать, но и охранять животный мир заповедника всеми средствами.

— Кушелевич действительно зоолог по призванию и работал со страстью,— сказал Валентин Федорович,— тут вы правы. И версия ваша логически выстроена правильно. Но это формальная логика. Так рассуждать можно только, если отвлечься начисто от живого Кушелевича, от его характера, от его биографии, от его семьи. Но я не могу от этого отвлечься, отстраниться.

— Я тоже,— отозвался Андрей Аверьянович.— Логическое построение это пришло мне в голову только потому, что оно может возникнуть у судей. Значит, нужно иметь средства, чтобы его разрушить.

— Наш визит к Кушелевичам вооружил вас чем-нибудь для этого?

— Я лучше увидел Кушелевича. Жена его, как я понял, работает библиотекарем?

— Да, в городской библиотеке. Это тоже имеет значение?

— Едва ли. Я просто так спросил, чтобы удостовериться. Она хорошо держится: видимо, женщина с характером.

— Хорошая семья,— вздохнул Валентин Федорович,— милые люди. Я с удовольствием бывал у них дома. Атмосфера дружбы у них, любви, доброжелательства. Все это ненавязчиво, не напоказ. Теперь в этой семье черные дни: муж в тюрьме, жена терзается неизвестностью, в страшной тревоге. Обвинение в убийстве! Легко сказать! Когда я об этом подумаю, места не нахожу. И главное, из-за чего все это? Почему честные, добрые люди должны страдать и мучиться? Потому, что мы попустительствуем браконьерам и прочей нечисти, церемонимся с ними, миндальничаем.

— У матери убитого сейчас тоже не праздничные дни,— вставил Андрей Аверьянович.

— Разумеется. Матери больно, ее можно пожалеть, но и спросить с нее можно: сын-то вырос лесным волком. Кто виноват?

— Классический вопрос. Сталкиваясь с бедой или преступлением, люди в категорической форме спрашивают: кто виноват? И ждут однозначных и безусловных ответов.

— Как же иначе?

— Мой опыт подсказывает, что далеко не всегда можно дать категорический ответ на вопрос «кто виноват?».

Они подошли к гостинице.

— Завтра мы сможем поехать в лес? — спросил Андрей Аверьянович.

— Сможем,— ответил Валентин Федорович,— во второй половине дня. До восточного отдела на машине, а там — по коням. Для вас уже отловили и объездили дикого мустанга.

4

Административный центр восточного отдела размещался в большом поселке, раскинувшемся на берегу реки в просторной долине. Со всех сторон были горы, еще не очень высокие, но уже закрывшие горизонт. Издали они выглядели плюшевыми, округлыми; казалось, если их погладить, под рукой залоснится мягкий, податливый ворс. По мере приближения это впечатление рассеивалось: горы были покрыты дубняком, заплетены колючими растениями, в изобилии росли здесь дикая груша, кизил, ежевика. Вблизи видны были и просеки для лесовозных дорог, и крупные проплешины сплошных вырубок.

Река в этом месте, вырвавшись из горных теснин, торопливо разбегалась на несколько рукавов, шумела на перекатах, была по-горному холодна. Контора заповедника стояла на берегу одной из проток — деревянный дом, крытый дранью, просторный двор с вместительными, добротно построенными сараями: там и склады, и конюшни, и кузнечный горн с инструментом для ковки лошадей.

Ночевали Валентин Федорович и Андрей Аверьянович в местной гостинице, которую тут возвели, когда поселок был районным центром. Недавно случилось очередное укрупнение, и районный центр переместился в другой населенный пункт, а гостиница осталась. Двухэтажная, рассчитанная на крупные районные мероприятия, она пустовала. Жило здесь несколько заготовителей и ревизор, приехавший сверить счета в леспромхозе.

Вечером директор заповедника засиделся со своими сотрудниками, разбирая накопившиеся в отделе бумаги. Андрей Аверьянович вышел из прокуренной горницы и уселся на ошкуренное бревно возле протоки. Стояла глубокая тишина, только река шумела на перекатах, но шумела ровно, монотонно, ухо привыкло и не воспринимало этот шум. Поселок погрузился в сумерки, короткие южные сумерки, которые живы лишь быстро гаснущим светом закатного неба. Оно светилось в распадке гор широкой полосой, но полоса эта на глазах сокращалась.

Андрей Аверьянович встал и по белеющей тропке пошел вдоль берега. Высокий кустарник закрыл от него гаснущую полоску неба.

Андрей Аверьянович отчетливо услышал шум реки. Где-то в поселке залаяла собака, по шоссе прошла тяжелая машина — лесовоз, наверное. Он пошел назад, думая о завтрашнем дне, который предстояло провести верхом на лошади. При мысли о лошади Андрей Аверьянович ощутил легкое беспокойство: как-то он справится?

Во время войны ему приходилось ездить верхом. Но тогда чего только не приходилось делать. И тогда ему не было и тридцати, а сейчас... Лошадь, на которой предстоит ехать, ему сегодня показали. Не маленькая и не большая, гнедая, с белым пятном на лбу, с добрыми глазами. Скакуном ее не назовешь, клячей тоже. Кличка у лошади классически нейтральная — Гнедко. «Как-нибудь справимся,— в конце концов решил Андрей Аверьянович, поднимаясь на крыльцо.— Бог не выдаст, свинья не съест».

Выехали из поселка на рассвете.

Солнце пряталось еще за горами, а трое всадников уже проехали поселок лесопункта, покинули набитую дорогу и втянулись в лес. Впереди на крупном сером жеребце ехал наблюдатель заповедника Иван Николаевич Прохоров, за ним — Андрей Аверьянович на своем гнедом, последним двигался директор заповедника на черной кобыле, с белыми чулками на стройных ногах. Когда на дороге они ехали рядом, директор и Андрей Аверьянович, то очень походили на Дон Кихота и Санчо Пансу. Валентин Федорович, худой, высокий, сидел в седле прямо и даже иногда ноги в стременах оттопыривал, как делал это рыцарь печального образа на известных иллюстрациях Кукрыниксов. Андрей Аверьянович был не то чтобы очень толст, но грузноват, плечи опустил, отчего стал округл и на две головы казался ниже «несгибаемого» Валентина Федоровича.

Широкая тропа сначала была сухой и гладкой, но, чем дальше углублялась в лес, тем больше портилась — становилась вязкой и неровной.

— Тут близко подпочвенные воды,— объяснил Валентин Федорович, когда Андрей Аверьянович высказал недоумение: внизу было сухо, а на подъеме — болото.

Под ногами у лошадей чавкало, они с трудом выдирали ноги из густого месива, и Андрей Аверьянович пожалел своего Гнедко, несущего самый тяжелый груз в этой компании: чистого веса у седока добрых восемьдесят пять килограммов, да сапоги, да стеганка, в которые его обрядили перед путешествием, да спальный мешок, притороченный к седлу с одной стороны, да палатка в чехле — с другой.

Но вот тропа вышла из леса на широкую поляну, поросшую высоким разнотравьем, и сразу подсохла, сгладилась, и мир после зеленого лесного сумрака показался огромным и светлым. Андрей Аверьянович увидел слева обрыв, уходящий к реке, поднял голову и ахнул от восторга. Над другим берегом реки высоко вознеслась скала, поросшая пихтарником. Невидимое солнце пронизывало кроны деревьев жаркими лучами. Они казались материальными, осязаемыми, эти лучи, отлитые из светоносного и пропитанного светом сплава. А над скалой, исходившее от лучей и от пронизанного светом леса, трепетало золотое сияние.

— Красота какая! — воскликнул Андрей Аверьянович.

— Красиво ,— согласился директор заповедника.— Такое увидишь только в горах.

Они постояли на поляне, глядя на осиянную скалу. На глазах у них выглянуло из-за скалы солнце и залило все ровным светом, изгнав из ущелья тени. Лучей не стало, они истаяли в воздухе, и скала сделалась заурядной, такой, как и другие, громоздившиеся на том берегу. Колдовство кончилось.

Всадники пересекли поляну и вновь двинулись по лесной тропе. Андрей Аверьянович с удивлением отметил, что лес изменился, а он и не заметил, когда это случилось. Теперь они ехали через пихтарник, перемешанный с буком. Деревья стояли, как огромные колонны, то светлые с зеленоватым оттенком, то темные до черноты. Под ногами лежала пружинистая хвоя, с деревьев свешивались длинные бороды темно-зеленых мхов, они едва шевелились, как водоросли на морском дне. Солнце не проникало под кроны могучих деревьев, все вокруг настороженно молчало, усиливая сходство с подводным царством.

Во второй половине дня, преодолев два невысоких перевала, всадники выбрались на широкую поляну, где стоял островерхий дом, обстроенный сараями, обнесенный изгородью из жердей. Здесь, на кордоне, решили заночевать.

Андрей Аверьянович спешился и, осторожно ступая, прошелся. Ноги были как деревянные, сгибались с трудом. Он попытался растереть колени и убедился, что поясницу тоже надо массировать, иначе она отказывается служить.

Валентин Федорович стоял в стороне и улыбался снисходительно.

— Ничего, пройдет,— утешал он,— самое трудное позади: перевалы вы преодолели мужественно.

Андрей Аверьянович приосанился. Он вспомнил, как страшно было во время спуска с первого перевала. Временами ему казалось, что Гнедко споткнется, оступится и они загремят в пропасть, которая все время проглядывалась слева. Был момент, когда он хотел сойти с коня — так круто уходила вниз трона, так угрожающе шумела на дне пропасти река. Но он все-таки не сошел, доверился лошади, и она не подвела.

Палатку решили не ставить, ночевать можно было в сарае, на сеновале.

— Чудесно! — радовался Андрей Аверьянович.— Не помню, когда и спал на сеновале. Это же прелесть — всхрапнуть на свежем сене, вспомнить молодость!

Но от домашнего обеда, который предложила жена егеря, живущего на кордоне, он наотрез отказался и затеял готовить кулеш на костре.

— В походе надо питаться по-походному, чтобы кулеш припахивал дымком, чтобы в котелке с чаем плавали угольки,— говорил Андрей Аверьянович, и глаза под припухшими веками у него блестели, и вообще он чувствовал себя молодым и сильным:

ноги уже отошли, поясница позволяла сгибаться и собирать сушняк.

Вечером сидели у костра и потягивали чай с угольками. Андрей Аверьянович расспрашивал егеря, которого директор заповедника называл по фамилии — Филимонов. Лицо его с глубокими складками вокруг губ, выдубленное солнцем и ветрами, было не молодым и не старым, но морщинистая шея выдавала возраст: Филимонову до пенсии оставалось около года.

Андрей Аверьянович задавал егерю вопросы, тот односложно — да, нет — отвечал. Но вот зашла речь о зубрах, и Филимонов постепенно разговорился. Он вспомнил, как привезли в канун войны первых пять зубробизонов из заповедника Аскания-Нова — одного самца по кличке Журавль и четырех самок.

О том, что зубры на Кавказе были истреблены начисто в двадцатые годы, Андрей Аверьянович знал. И о том, что в 1940 году начали работу по их восстановлению, ему тоже известно, а вот как это делалось, он понятия не имел и сейчас слушал егеря, участника тех событий, с интересом, подогревая энтузиазм рассказчика вопросами и сочувственными восклицаниями.

— Везли их, как тех баронов,— продолжал Филимонов,— пассажирским поездом. В клетках, конечно. Довезли быстро, за трое суток. Выгрузили на Хаджохе, погнали на Кишу. Одна самка, Волна по кличке, сбежала. Восемь дней искали. Еле нашли. Поместили их в загоне. Ну, кормили концентратами, пасли, как коров. Первым делом они обглодали кору с жердей на ограде. Думали мы поначалу — от большой прожорливости, а потом объяснил нам зоотехник, что кора их любимое лакомство... Хватили мы с ними горя, как началась война и немцы пришли на Кавказ. Они же совсем рядом были. И бомбили. Мы уж под Новый год старались от загонки до кордона не ходить, чтобы следов не оставлять: на свежем снегу следы хорошо видны, а фашисты, как увидят с воздуха, что на кордоне есть движение, так и бомбят. Зубров отогнали в лес, повыше, чтобы на глаза не попадались немцам, если они на кордон придут. Сберегли. От тех первых и пошло стадо, сейчас уже пятьсот голов по горам ходит, из загонок выпустили, на воле путешествуют.

— На людей не нападают? — спросил Андрей Аверьянович.

— Бывает — бросаются, только редко. Местные привыкли к ним, знают, как обращаться. Они когда и в загонках жили, тоже не очень мирные были. Пустим на выпас, одичают — и кидаются. Так мы первые в них палки бросаем, они и уходят.

— Браконьеры их не трогают?

— Бывает, что и трогают. Браконьеры, они отца родного не пожалеют.

Сделав такое заключение, Филимонов умолк, и разговорить его еще раз не удалось. Вскоре он ушел спать. Прохоров отправился посмотреть лошадей. Ровно горел костер, вокруг была глубокая горная тишина. Ночное небо с крупными яркими звездами каза-

лось близким, горы вокруг лежали черными глыбами, одинокий костер, выхвативший из мрака маленький зыбкий круг, словно бы затерялся в бесконечности мироздания и летел в космосе по неведомой орбите, среди звезд, над глыбами немых, неподвижных гор.

Андрей Аверьянович, которому пришли в голову эти космические сравнения, по обыкновению, усмехнулся над собой, подумав, что городского жителя на природе почему-то тянет на всякие мудрствования, он делается высокопарным и сентиментальным. Сказав об этом Валентину Федоровичу, он спросил:

— А вам что приходит в голову возле этого костра под звездным небом?

— Я ведь тоже городский житель,— ответил директор заповедника,— так что и мне не чужды романтические сравнения. Ночь в этих горах, разговор о зубрах, которые, как известно, современники мамонтов, могут увести мысли очень далеко и высоко. Но сейчас я думаю о другом. Кто такие браконьеры? Это ведь не какая-то определенными границами очерченная группа правонарушителей. Если б так, с ними легко было бы справиться. Помните, когда мы вышли от Кушелевичей, я произнес тираду о негодяях, из-за которых страдают порядочные люди, и о том, что мы с ними, с негодяями, церемонимся и миндальничаем? А вы этак легонько щелкнули меня по носу, заметив, что не на всякий лобовой вопрос можно дать определенный ответ.

— Ну, положим, я говорил не о лобовых вопросах.

— Смысл один и тот же. Я вспоминаю об этом к тому, что хочу сказать — вы были ближе к истине.

— Если вопрос ставится так...

— Не говорю, что вы во всем правы, не обольщайтесь. Так вот, вернемся к нашим браконьерам. Есть среди них отпетые люди, которые по нерадению милиции разгуливают на свободе. Но ведь есть и такие, что работают, живут, как все, а ружьишком балуются в свободное, так сказать, время. У них живуча привычка считать природу собственной кладовой, из которой можно брать все, что ты способен взять. По их понятиям, лес ничего не стоит, потому что сам вырос, никто его не сажал, живущий в том лесу зверь тоже ничейный, никто его не растил, не поил и не кормил. Запреты? Есть люди, которые полагают, что на то они и существуют, чтобы их обходить. Мы свои запреты плохо подкрепляем пропагандой и воспитанием. Вот в чем беда. И тут уж я ближе к истине. Никакие запреты не помогут, если мы с малых лет не привьем детям любви к родной природе, сознательного к ней отношения.

— То есть гражданских чувств в самых изначальных и вместе с тем необходимых, фундаментальных проявлениях.

— Совершенно верно. В этом смысле мать Моргуна несет ответственность безо всяких скидок.

— Несет, конечно,— согласился Андрей Аверьянович,— но ее самое не воспитывали, вот беда. Круг ответственных лиц, таким

образом, расширяется до размеров полной безответственности. И опять мы вернулись к вопросу: «Кто виноват?»

Помолчали. Валентин Федорович пошевелил палкой нагоревшие в костре малиновые угольки.

— А еще о чем вы думали, сидя у такого располагающего к высоким думам костра? — спросил Андрей Аверьянович, явно предлагая переменить тему разговора.

— О вас,— ответил Валентин Федорович.

— Обо мне? Что же вы обо мне думали, если не секрет?

— Умеете вы разговаривать с людьми. Филимонов наш — молчун, из него слова надо клещами вытягивать, а сегодня разговорился.

— Не столько разговаривать, сколько слушать,— сказал Андрей Аверьянович.— Это профессиональное. Адвокаты, как раньше попы, выслушивают множество исповедей. Чтобы добраться до сути дела, надо слушать терпеливо и заинтересованна.

— Пожалуй,— согласился Валентин Федорович.— Умение слушать — дар божий. Насколько бы легче жилось, если б мы умели друг друга слушать, внимательно и заинтересованно.

— Теперь и я вижу, что вы городской человек,— усмехнулся Андрей Аверьянович,— и на природе вас кидает на мудрствование.— Он встал и потянулся до хруста в костях.— А не пора ли нам на сеновал?

— Пора,— согласился Валентин Федорович.— Завтра вставать чуть свет.

И снова лошади шли по узкой тропе, которая на этот раз полого уходила вниз. Мерно покачивалась впереди широкая спина Прохорова, перечеркнутая наискось двустволкой. Приклад ее торчал над плечом объездчика, стволы смотрели в придорожный кустарник.

Тропа вышла из леса, и глазам всадников открылась ужасная картина: широкая низина загромождена была камнями и мертвым лесом. Будто сказочное чудовище высунулось из-за горы и дунуло со страшной силой вниз, сорвав со склона и лес, и почву до матерой скалы. Перемешалось все, переломалось и завалило низину так, что ни проехать ни пройти. Остатки деревьев, как поверженные богатыри, валялись друг на друге, вздымая окостеневшие руки-ветви. Мертво и глухо было в этой долине, в которую и зверь не забегал, и птица не залетала.

— Лавина,— пояснил Валентин Федорович,— во-он с той высоты сорвалась несколько лет назад.

Они спешились и повели лошадей в поводу, пробираясь подобием тропки, пробитой в этом хаотическом нагромождении камней и мертвых стволов. Шли долго, осторожно перелезая через по-

валенные деревья, уклоняясь от острых сучьев, следя, чтобы лошади не оступились, не выкололи глаз. Кони нервничали, пугливо косили глазами, вскидывали головы.

Когда мертвая долина осталась позади, Андрей Аверьянович вздохнул с облегчением.

— Неуютное место,— сказал он, взбираясь на Гнедко.

— Стихия,— подхватил Валентин Федорович.— Страшна во гневе природа-матушка. Время от времени напоминает о себе.

Снова был лес, только помельче и пореже, за ним неширокая речка, впадавшая в Малую Лабу, немолчно шумевшую слева. Справа была та речка, которую только что перешли; она падала белой пенистой лентой с высоченной горы.

Прошли еще метров двести, и очутились на зеленой поляне, невысоко приподнятой над Лабенком. Река здесь была совсем не та, что внизу, она сузилась до двух десятков метров, русло загромоздили малые и большие валуны, которые быстрая вода еле прикрывала или обтекала, обдавая брызгами. Вокруг вздымались скалистые зубцы и стены, лес кончался в трехстах метрах от полянки, будто его отрезали зазубренным ножом. И какой это был лес! Буковые стволы толщиной с руку склонились к руслу реки, переплелись чахлыми кронами. Зимой толстенный, в несколько метров, слой снега сгибает их, прижимает к скале, так они и растут, не успев распрямиться за лето. Над этим поставленным на колени лесом взмывают вверх скалы с белыми пятнами снежников, под ними берут начало ручьи, стремительно сбегающие в русло Лабенка.

Солнца путники сегодня не видели всю дорогу: то скрывал его лес, то оно пряталось за набегавшими тучами. Там, внизу, откуда они пришли, проглядывает чистое небо, а здесь рваная муть то и дело заволакивает седловину перевала, цепляется за скалы, змеится по распадкам, уплотняется, тяжелеет. Прохоров расседлал лошадей, поставил палатку и принялся готовить обед.

— Вот здесь это и случилось,— сказал Валентин Федорович. Он пересек поляну и по тропе, петлявшей вверх по склону, отмерил шагов пятьдесят.

— Здесь шел Кушелевич. А Моргун появился из зарослей гнутого бука и поджидал его вон в тех рододендронах.

Андрей Аверьянович стал рядом с директором заповедника, огляделся, прикинул расстояние.

— А звук выстрела шел оттуда? — Он указал на пихтовый молодняк, заплетенный колючкой, метрах в тридцати сзади и правей, в стороне от тропы.

— Кушелевич утверждает, что стреляли оттуда.

— Давайте проверим.

Он позвал Прохорова и попросил стать в пихтовом молодняке, Валентина Федоровича отправил на место Моргуна, а сам сделал с тропы шаг в сторону, наполовину скрывшись от Валентина Федоровича за деревом.

— Меня вы видите? — спросил он у Прохорова.

— Вижу,— ответил тот.

— Ничто не мешает стрелять в меня?

— Не мешает.

— А в Валентина Федоровича вы можете попасть оттуда?

Прохоров приподнялся на цыпочки, пригнулся, сделал шаг в сторону.

— Неудобно,— ответил он наконец,— кустарник мешает.

— А с какого места удобно в него стрелять, как вы думаете? — спросил Андрей Аверьянович.

— От вас,— ответил Прохоров.

— От меня удобно,— согласился Андрей Аверьянович.

Отпустив Прохорова к костру, он направился к Валентину Федоровичу.

— Выходит, следователь прав,— сказал он,— с того места, которое Кушелевич указал, нельзя было прицельно стрелять в Моргуна.

— Но могли же все-таки стрелять в Кушелевича, а попасть в Моргуна? Случайно.

— Кто мог это сделать? Ребенок, не умеющий обращаться с оружием? Злой дух, который парил над кустарником и не оставил следов? Что-то здесь не так, что-то Кушелевич путает, и у следователя есть все основания полагать, что он просто не хочет признаться.

— Постойте здесь, я сам посмотрю. — Валентин Федорович пошел на то место, где стоял Прохоров. Андрей Аверьянович ждал.

Директор заповедника пробыл за кустами с десяток минут, потом пробрался сквозь них на открытое место.

— Оттуда действительно нельзя стрелять в вас прицельно,— крикнул он.— А отсюда можно.

Сделав знак, чтобы он оставался на месте, Андрей Аверьянович вернулся к дереву, возле которого стоял Кушелевич. Отсюда до Валентина Федоровича было совсем близко.

— Если бы стреляли оттуда, где вы стоите,— сказал он,— Кушелевич тем более увидел бы стрелявшего: он говорит, что оглянулся на выстрел.

— Увидел бы,— согласился Валентин Федорович,— тут спрятаться некуда. Чертовщина какая-то! — Он все еще не хотел примириться с мыслью, что Кушелевич мог солгать, пытаясь уйти от ответственности.

Молча вернулись к костру. Прохоров достал жестяные тарелки, разлил кулеш, выложил на брезентовый полог помидоры, огурцы, копченую рыбку.

Андрей Аверьянович почувствовал, что он очень голоден, и готов был накинуться на еду. Но пришлось отложить обед и перебираться в палатку: тучи опустились еще ниже, и пошел дождь.

Перенося припасы и тарелки в укрытие, Прохоров не без тревоги посмотрел на небо. Андрей Аверьянович тоже поглядел вверх и замер, изумленный: такого он никогда не видывал. Тучи уже не летели в однэм направлении, как раньше, они толклись в котловине, обработанной окружающими скалами, вспухали, расползались, пронизывали друг друга, смешивались, выпуская зловещие свинцовые щупальца. В этом жутком месиве исчезли седловина перевала, ближние скалы со снежниками, гнутый бук и вершины пихт на той стороне реки. И без того узкая, сдавленная горами долина стала вовсе тесной. Глухо шумела река. Воздух словно загустел, и дышать стало трудней. И вдруг что-то сверкнуло — ощущение было такое, будто все, что захватывал глаз, проявилось и на мгновение увиделось как черно-белый негатив. И тотчас ударил гром, от которого Андрей Аверьянович вздрогнул и невольно пригнулся. Ему показалось, что рушатся скалы — и слева, и справа, и сзади. Обвальный грохот катался по ущелью, бился о глухие стены, множился и повторялся. Звук шел отовсюду, и невозможно было определить, где он возник и где угас.

Еще не утих этот диковинный многократный гром, а небо разверзлось, и хлынул поток воды, который и не назовешь дождем. Вода падала отвесно, сплошной стеной, отгородив палатку и троих путников от всего мира. Не стало видно ни того берега реки, ни деревьев на этом.

Люди укрылись в палатке. На этот раз Андрей Аверьянович не заметил, когда сверкнула молния, но грохот услышал. Скалы многократно повторили тугие, полновесные удары, и казалось, что рожденный в ущелье гром никогда не вырвется отсюда и будет бесконечно, как исполинское ядро, метаться от стены к стене, круша все на своем пути.

Валентин Федорович сидел, обхватив ноги руками и положив острый подбородок на колени. «Как складной метр»,—подумал Андрей Аверьянович, и это сравнение вернуло ему самообладание и способность рассуждать более или менее спокойно.

Река, полчаса назад глухо урчавшая среди камней, менялась на глазах, она полнилась, вспухала, заплескивала крутые валы высоко на скалы и с грохотом катила по дну каменья, которые недавно бессильно обтекала. Кусты лещины и одинокую пихточку среди них, стоявшие на полпути от реки до палатки, уже лизали мутные волны, подмывая корни, которые обнажились и повисли в воздухе.

Андрей Аверьянович не мог оторвать глаз от беснующейся воды, от кустов, которые содрогались под ударами волн, как живые, держались из последних сил, вцепившись в землю остатками корней. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Неравная борьба. Медленно, как бы нехотя куст лещины склонился к воде, несколько минут висел, касаясь верхними ветками гребней мутного потока, и упал в реку. Она зло крутнула его, выбросила на стремнину и накрыла очередной волной. Куст вынырнул, вскинул ветви, словно взывал о помощи.

Теперь молодая пихточка осталась один на один с осатанев-шей рекой. И ее корни обнажились и царапали воду, рвавшую волчьими рывками куски береговой тверди.

Прохоров натянул брезентовый плащ и выбрался из палатки.

— Лошадей посмотрю,— сказал он и исчез за дождевой за-весой.

Валентин Федорович тоже потянулся за дождевиком.

— И вы лошадей смотреть? — спросил Андрей Аверьянович.

— Как бы не пришлось нам искать место повыше,— ответил директор заповедника.— Давайте-ка соберем наши котомки.

Андрей Аверьянович хотел было усомниться, что вода дойдет до палатки, но в этот момент молодая пихта, на которую он снова бросил взгляд, стала медленно заваливаться в реку. Вот она уже зависла над водой, из последних сил цепляясь подмытыми кор-нями за косогор, вот дрогнула в последний раз и плашмя рухнула в кипящий поток, словно ее и не было. И Андрей Аверьянович поверил, что надо искать место повыше. А и как не поверить, если мутная, с грязно-белой бахромой вода заплескивала на траву в двух десятках шагов от палатки.

Пришел Прохоров. Не снимая плаща, втиснулся в палатку и, стоя на коленях у входа, сказал, обращаясь к Валентину Федо-ровичу:

— Чистая тоже вздулась. И на скалы дороги нет, там под горой старица, по ней вода идет, не перебраться.

Андрей Аверьянович почувствовал себя неуютно.

— Что будем делать? — спросил у Прохорова Валентин Фе-дорович.

— Тут недалеко есть старые пихты; если вода еще на полметра поднимется, придется на них лезть, отсиживаться.

Андрей Аверьянович подумал, что и старая пихта может рух-нуть, как рухнуло молодое деревцо. Но высказывать своих опа-сений не стал, решив, что Прохоров и Валентин Федорович больше его смыслят в лесной жизни и лучше помалкивать и де-лать, как они скажут.

Быстро сложили вещи, приготовили веревку, с помощью кото-рой Прохоров рассчитывал забраться на пихту.

— Палатку снимем в последний момент,— сказал он.

— А лошади как же? — не утерпел Андрей Аверьянович.

— Отстоятся за деревьями,— ответил Прохоров,— не снесет, вода настолько едва ли поднимется.

— Будем надеяться,— глухо сказал Валентин Федорович.

Теперь три пары глаз следили за рекой, которая бросками брала косогор, приближаясь к палатке.

Дождь немного утих, гром пророкотал глухо — видимо, где-то за горой. Андрею Аверьяновичу очень не хотелось покидать па-латку, шлепать по воде и карабкаться на огромное, неохватное дерево. Он представил себе и мокрую колонну ствола, и первые сучья пихты высоко над головой. Не просто до этих сучьев доб-

раться, даже с помощью веревки. Лет тридцать назад, когда он весил шестьдесят килограммов и лихо делал «склепочку» на тур-нике, пихтовый ствол не смутил бы его, но теперь эта гимнастика была ему, кажется, не по силам.

На той стороне реки стали видны деревья и скалы. С неба лило не переставая, но сейчас это был все-таки дождь, а не водопад. Андрей Аверьянович до боли в глазах смотрел на одинокий ва-лун, вросший в землю на склоне. Поток то подкатывал к нему, то отливал назад, готовясь для нового прыжка. Несколько раз ва-лун торчал, как голый остров. Но вода не смогла удержать своих позиций и откатывалась ниже, чтобы с новой силой ринуться на косогор. Вот уже с десяток минут она ни разу не захлестнула камень целиком, и Андрей Аверьянович проговорил с надеждой:

— Кажется, перестала прибывать.

Ему не ответили. Только спустя минут десять Валентин Федо-рович, который тоже следил за рекой по какому-то ориентиру, сказал:

— Похоже, что держится на одном уровне.

Дождь утихал, теперь это не вызывало сомнений, редела во-дяная завеса, и открылся ближний снежник; стало видно, как по водотокам летели вниз одетые пеной потоки.

— Кажется, пронесло,— с облегчением сказал Прохоров.

Дождь все шел, но смирный, обыкновенный, река по-прежнему мчала бешеные волны мимо палатки, ревела, но вода больше не угрожала людям, она даже отступила немного, оставив в покое одинокий валун, который не выпускал из виду Андрей Аверья-нович. Путники вспомнили, что они сегодня не обедали, и наскоро поели.

Стало темнеть. Прохоров ухитрился разжечь костер, и все обсушились. Спать легли двое, третий должен был бодрствовать на тот случай, если ночью дождь усилится и река начнет прибы-вать. Чтобы не застала врасплох: с горной водой шутки плохи.

Первым вызвался дежурить Андрей Аверьянович.

— Все равно не усну,— сказал он, когда Валентин Федорович запротестовал и хотел уложить его спать. Ему и в самом деле не хотелось спать. Тело устало предельно: непривычная верховая езда, эта ужасная гроза с ливнем — все это отчаянно утомило. Но сейчас он ощущал ленивый покой, состояние, которое хоте-лось продлить, наслаждаясь им. И голова была совершенно ясная, легко думалось. Шаг за шагом он перебрал в памяти события се-годняшнего дня. Этот гром, который катался от стены к стене, как живой, и нельзя было установить, где он возник и где угас. Горное эхо. В разных горах оно звучит по-разному, об этом он где-то читал. Как оно ведет себя в этом ущелье, он убедился сам.

И тут Андрей Аверьянович подумал о Кушелевичо и о том, как тот обернулся на выстрел. Точно ли на выстрел? Он обернулся на звук выстрела. .И никого не увидел. И не мог увидеть, потому что там, куда он посмотрел, никого и не было....

Глубокой ночью Андрей Аверьянович разбудил Прохорова, а сам лег на его место.

— За время моего дежурства никаких происшествий не случилось,— пробормотал он,— дождь идет, но не сильный.

Лег, укрылся с головой, думал, что уснет не сразу, но сон сразил его моментально.

6

Дождь перестал еще ночью, и река поутихла, ушла в прежнее русло. Там, где она побывала, полегла трава, на месте вырванных кустов и деревьев зияли ямины. Прохоров, ходивший на разведку, сообщил, что у рощи гнутого бука смыло тропу.

Андрей Аверьянович пошел посмотреть. Метрах в ста от палатки тропа, идущая к перевалу, обрывалась, будто ее срезали: огромный пласт земли с тропой, со всем, что на нем росло, сполз в реку, и следов от него не осталось.

Тучи, как и вчера, плыли над головой быстро, но уже в одном направлении. Седловина перевала то погружалась в туман, то проступала отчетливо со всеми своими снежниками.

Андрей Аверьянович вернулся к палатке. Мирно вился, истаивая среди деревьев, дымок от костра, в котелке закипал чай.

— Через часок тронемся в обратный путь,— сказал Прохоров.

— Чистая пропустит? — спросил Валентин Федорович.

— Если опять дождь не пойдет, через час пропустит.

— А на ту сторону реки можно перебраться? — спросил Андрей Аверьянович.

— Здесь едва ли,— ответил Прохоров.— Если выше подняться, то можно.

— Вам нужно на ту сторону? — удивился Валентин Федорович.

— Нужно. Одно предположение проверить. Для начала довольно будет, если кто-то один туда переправится. С ружьем.

— Я могу,— сказал Прохоров,— если надо.

— Надо,— подтвердил Андрей Аверьянович.

После завтрака Прохоров отправился вверх но течению и довольно скоро нашел место, где можно перебрести угомонившуюся реку. Когда он показался на том берегу, Андрей Аверьянович, пригласив с собой Валентина Федоровича, пошел к дереву, где стоял в день убийства Кушелевич.

— Теперь стреляйте!— крикнул он Прохорову.

Раздался выстрел, и Валентин Федорович, непроизвольно глянув за правое плечо, на три молодые пихты, вопросительно посмотрел на Андрея Аверьяновича.

— Эхо,— ответил тот.— Я подумал о нем ночью, когда вспомнил, как по ущелью катался гром.

— Значит, стреляли с того берега?

— Значит, могли стрелять и оттуда. Давайте-ка и мы переберемся, посмотрим, как он выглядит, тот берег.

На той стороне реки тоже обнаружилась тропка, не такая широкая и набитая, как на этой, но вполне сносная. С нее видно и дерево, за которым стоял Кушелевич, и рододендроны, в которых поджидал его Моргун. Стрелять можно было и в того, и в другого, оба находились отсюда примерно на одинаковом расстоянии, метрах в сорока — сорока пяти.

— Если стреляли отсюда,— сказал Валентин Федорович,— то ни о каком случайном промахе и речи быть не может.

Андрей Аверьянович согласился: целиться в одного, а попасть в другого отсюда невозможно.

Вернулись на левый берег, и он попросил Прохорова стать на место, где упал Моргун.

— Возьмите ружье на руку,— скомандовал Андрей Аверьянович.

Прохоров снял ружье с плеча и бросил стволы на левую ладонь, при этом стал вполоборота к Андрею Аверьяновичу.

— Кушелевич утверждает, что Моргун стоял в таком положении, что ему оставалось только поднять приклад к плечу. Это и заставило Кушелевича укрыться за дерево.

— Так оно, видимо, и было,— согласился Валентин Федорович.— Вы вчера едва не заставили меня усомниться, но сегодня я твердо верю, что Кушелевич говорит правду. Все сходится.

— Не все,— возразил Андрей Аверьянович. Он достал из кармана блокнот и карандаш.— В медицинском заключении написано, что пуля вошла в горло убитого справа от кадыка и, порвав пищевод и дыхательные пути, вышла слева.— Андрей Аверьянович на листке нарисовал изгиб реки, поставил точки: две на левом берегу, одну на правом. Соединил их прямыми линиями, и получился треугольник, вершина падала на точку, в которой находился Моргун. В этой точке карандаш изобразил круг со стрелочкой.— Представим себе, что это шея,— пояснил Андрей Аверьянович,— стрелочка — кадык. Положение списываю с натуры: так стоит и держится Прохоров. И что же получается? С той стороны реки стрелок не мог попасть в шею справа от кадыка, мой элементарный чертеж наглядно убеждает в этом.

— Но Кушелевич со своего места тем более не мог попасть.

— Совершенно верно. Если бы он выстрелил, то пуля пробила шею Моргуна не справа налево, а наоборот.

— И что же из этого следует?

— Видимо, следует предположить, что Моргун стоял не левым, а правым боком к Кушелевичу, а значит, не держал ружья на Руке, а если и держал, то не угрожал им.

— Опять улики против Кушелевича? Но мы установили, что стреляли с того берега...

— Мы этого не установили,— перебил Андрей Аверьянович.— Мы пришли к заключению, что могли стрелять с того берега, что. это не противоречит заявлению Кушелевича, будто звук выстрела он услышал справа от себя. Так могло быть. Но у нас нет никаких доказательств, что так было. Сами понимаете, искать на том берегу следы, вещественные доказательства после такого ливня, спустя столько времени бесполезно.

— Час назад мне казалось, что мы уже бесспорно установили правоту Кушелевича.— Валентин Федорович развел руками.— На самом деле мы ничего не знаем.

— Не совсем так,— Андрей Аверьянович крикнул Прохорову, чтобы тот покинул свой пост, а сам направился к палатке.— Не совсем так,— повторил он, .когда Валентин Федорович смог идти рядом.— Я почти убежден, что Кушелевич не стрелял в Моргуна. Говорю «почти» потому, что в цепочке рассуждений, приходивших мне в голову сегодня ночью, недостает нескольких звеньев.

— Поза Моргуна? — спросил Валентин Федорович.

— И это смущает. Но поза Моргуна не самая трудная из задачек, которые тут возникают. Вернемся в город, повидаюсь с Кушелевичем, и он прольет свет на эту загадку. Сложнее другое: почему выстрелили в Моргуна, а не в Кушелевича, хотя все, кто балуется здесь с ружьишком, скорее всего должны были стрелять именно в Кушелевича?

— А не заехать ли нам в Желобной,— предложил Валентин Федорович,— для полноты впечатления?

— Втроем приедем, народ перебаламутим,— сказал Прохоров, уже вкусивший от поискового азарта.— Вы поезжайте на кордон и ждите нас там,— обратился он к директору,—.а мы с Андреем Аверьяновичем завернем в поселок, крюк невелик.

— Что же, давайте заедем в поселок,— согласился Андрей Аверьянович,— смотреть так уж смотреть.

Минут через двадцать тронулись в путь.

Когда переправлялись через Чистую, Прохоров вел лошадь Андрея Аверьяновича в поводу. Большая вода ушла, но все-таки поток был бурлив и мутен, и кони шли трудно, особенно тяжело приходилось жеребцу Прохорова — он первый принимал на себя напор течения, беря наискосок, грудью пробивался к другому берегу. Под его прикрытием Гнедко шагал безбоязненно, и все обошлось благополучно, только намок Андрей Аверьянович до пояса.

Выбравшись на берег, всадники спешились, вылили воду из сапог, выкрутили брюки и тронулись дальше. Андрей Аверьянович чувствовал себя уже бывалым наездником и, когда штаны на нем пообсохли, согрелся и в безопасных местах ухитрялся даже подремывать в седле.

Тропа в Желобной сворачивала за несколько километров до кордона.

— Пока вы там будете путешествовать, мы с Филимоновым форельки наловим,— сказал Валентин Федорович, остановись у развилки.

— А мы в поселке и закусим,— пообещал Прохоров,— есть там у меня старый знакомец, хлебосольный человек.

— Вот и отлично,— одобрил директор.

— Я ему Андрея Аверьяновича родственником отрекомендую,— сказал Прохоров. — Мол, приехал в отпуск, с разрешения начальства показываю ему кавказскую природу.

— У нас с вами и сходство есть,— усмехнулся Андрей Аверьянович, — оба небриты, стеганки одинаковые, только шевелюра у меня подгуляла,— он снял кепочку и провел ладонью по сильно поредевшим волосам.

Прохоров скупо улыбнулся. У него волосы росли буйно, из-под фуражки на правый висок наплывал казацкий чуб.

— Только выдавать меня ни за кого не надо, — посерьезнел Андрей Аверьянович, — мы не следователи, вести сыск, да еще под чужим именем, нам не положено.

7

Желобной несколько лет назад был поселком лесопункта. Теперь лес тут не рубили: по берегу реки его уже свели, высоко в горы лезть дорого и несподручно, тем более что правила рубок стали жесткими — сплошных лесосек не дают, выборочно на здешних склонах леспромхоз рубить еще не изловчился.

Население поселка сократилось, но он не опустел вовсе, как это случается с некоторыми бывшими лесопунктами. Жили здесь семьи наблюдателей заповедника, семьи лесорубов, работавших на соседних лесопунктах. Были люди без определенных занятий, в том числе и молодые: одни ждали, когда придет их время служить в армии, другие собирались с мыслями после армии.

Часть домов в поселке стояли заброшенными, с заколоченными ставнями, но и они, и те, в которых жили, отличались прочностью и ухоженностью. И скот здесь водился, и птица бродила по улице, и магазинчик торговал бойко.

— В городе, чтобы узнать подноготную целого района,— сказал Андрей Аверьянович,— надо суметь разговорить маникюршу.

— Тут маникюрши нет,— отозвался Прохоров,— тут есть тетка Эльмира, продавщица в магазине.

— Вы с ней знакомы?

— Не так с ней, как с ее сожителем. Мы к нему сейчас и наладимся.

Дом продавщицы Эльмиры стоял на отшибе, отступив из общего порядка к самому лесу. Срублен он был из пихтовых стволов, покрыт дранкой, наличники на окнах резные, замысловатого рисунка, крыльцо тоже изукрашено резьбой.

— Чья это работа? — спросил Андрей Аверьянович.

— Ипатыча,— ответил Прохоров.

— Он что же, из ярославских или владимирских? Там такие наличники делают.

— Точно, из тех краев, после войны здесь осел, срубил себе избу и живет.

Они спешились и привязали лошадей к изгороди. На крыльце появился крупный русобородый мужчина. Лет ему было пятьдесят с небольшим. Легко переставляя деревянную култышку, ремнями пристегнутую к правому бедру, он сошел с крыльца и пожал руку Прохорову.

Ипатыч серыми спокойными глазами глянул на гостя, крепко пожал руку и пригласил в дом.

В просторных сенях стены были заняты инструментом, на видном месте висела коса. В горнице бросалась в глаза большая русская печь, аккуратно побеленная; загнетка задернута ситцевой занавеской. Чисто выскоблен деревянный стол, прочны табуретки вокруг стола и у стен. На стене — ружье и патронташ.

Занавеска висит и на дверном проеме, ведущем в другую комнату. Сейчас она не задернута, и видны фотографии в темных рамках, край деревянной кровати с горой подушек, накрытых кружевным покрывалом. Пол деревянный, без щелей, тоже чисто выскоблен и вымыт, доски не скрипят, не прогибаются. Пахнет печеным хлебом и какой-то травкой.

Понравилось Андрею Аверьяновичу в этом доме — добротно, аккуратно, чисто. Витал в нем дух центральной России, которую он так любил.

Ипатыч пригласил гостей садиться, а сам, откинув за печкой люк, полез в подвал и достал соленые огурчики, маринованные грибы, квашеную капусту — все это было пахучее, ядреное, такое аппетитное, что сама собой во рту скапливалась голодная слюна.

Появились на столе графин с прозрачной жидкостью и графин с желтоватой, мясо с чесноком и душистый хлеб, выпеченный в русской печке.

— Закусим,— пригласил Ипатыч.— Эльмира моя придет не скоро, ждать ее не будем.

— Откуда она родом? — спросил Андрей Аверьянович.— Имя у нее вроде не русское.

— Родом она, как и я,— ответил Ипатыч,— из Ярославской области, а имя от нее независимо: родитель дал. Самого родителя звали Панкратом, и это прозвание ему не нравилось, потому как он был сильно привержен ко всему новому и поповские имена не признавал. Свое имя менять он не решился, а дочь нарек Ревмирой, что означало Революция мира или, по-другому, Мировая революция. Ну, кличут ее больше Панкратьевной, а то Эльмирой — привычней уху, и выговорить легче.

Выпили по стопочке из графина светлого. Андрей Аверьянович с непривычки поперхнулся.

— Имя у нее чудное,— продолжал Ипатыч,— а воспитал Панкратьевну родитель правильно: хозяйка она хорошая, все эти соленья-варенья — ее рук работа. И чистоту любит. А это для бабы первое дело. Мы с ней еще на фронте сошлись-то, когда я об двух ногах был. Она меня не бросила, когда мне ногу-то оторвало, разыскала в госпитале и сюда увезла. В свою Ярославскую мы не поехали, после войны там и на двух-то ногах мужики еле стояли, а мне с одной и соваться туда не стоило. А тут у нас корешок фронтовой жил, звал приезжать. Мы и приехали. По первости и здесь было несладко — после немца разор кругом. Потом ничего, обжились. Я по плотницкому делу, по столярному, корзины из прутьев могу изготовить всякие. А она по торговой части пошла, у нее это получается.

Ипатыч успевал и говорить, и закусывать. Ел аккуратно, вкусно, приятно было на него смотреть. Андрей Аверьянович смотрел и слушал, выказывая интерес к тому, что рассказывал хозяин. Прохоров, боясь, что Ипатыч так и не доберется до дела, их интересующего, попытался вмешаться, но Андрей Аверьянович сделал знак, чтобы он не вмешивался, и таким тоном, будто его больше ничего на свете не занимало, спросил, почему же Ипатыч не узаконил до сего времени свои отношения с Ревмирой Панкратьевной. Хозяин на это ответил охотно:

— Сразу после войны Панкратьевна хотела, чтобы мы поженились,— рассказывал он, наливая еще по одной,— но я не соглашался: зачем ей инвалида с деревянной культей себе на шею вешать? Живем — хорошо, не заладится — разбежались в разные стороны, и делу конец. Теперь оно и поздно разбегаться-то, а уже неловко перед людьми свадьбу играть. А и зачем она? Детей у нас нет, капиталов не нажили, делить и отказывать нечего...

Незаметно разговор перешел на историю с убийством браконьера.

— Мы тут сильно удивлялись,— сказал Ипатыч,— когда узнали, что арестовали Кушелевича. Не верилось, что он Гришку Моргуна подстрелил. Потом говорят — улики против него собрались. Никто, как он. И вроде бы Гришка в него и стрелять не собирался, а он будто с испугу, как его увидел в лесу, так и пальнул. Выходит, раньше времени.— Ипатыч усмехнулся.— Надо было подождать, когда бы Гришка его продырявил, тогда принимать меры.

— А что, Гришка этот мог бы и продырявить? — не без наивности спросил Андрей Аверьянович.

— Гришка-то? Первый бандит в лесу был, никого не жалел и не миловал. Весь поселок его боялся. По правде сказать, народ у нас Кушелевича жалеет, потому как по справедливости Кушелевичу, если это его рук дело, надо благодарность объявить, а

не в тюрьму сажать. Даже дружки Гришкины и те радуются, что его прибили. Он ведь и корешков своих, которые с ним по лесу шастали, вот так держал.— Ипатыч сжал кулак и потряс им над столом.— Иногда и поколачивал.

— Силен был? — спросил Андрей Аверьянович.

— Пашке Лузгину зуб выбил, Володька Кесян от него синяки носил. На что здоровые мужики лесорубы у нас были и те с ним не связывались: с окаянной бил, как конь 'копытом.

— С окаянной, говорите? Он что же, левша?

— Левша. И ложку в левой держал, и стрелял с левого плеча.

Андрей Аверьянович тотчас вспомнил, как стоял в рододендронах Прохоров. У него левое плечо было выставлено вперед. Левша, держащий ружье на руке, подставит правый бок. И если в него выстрелить с другого берега, то пуля как раз войдет в шею справа от кадыка, выйдет слева. Как и засвидетельствовано в медицинском заключении.

— Они тут сильно злобились на Кушелевича,— продолжал Ипатыч,— за то, что он застукал одну компанию. Моргун тогда сухим из воды вышел, а родный братец Пашки Лузгина, Федор, загремел в тюрьму. Пашка божился, что рассчитается за братца, и я голову на отрез дам, что это он навел Моргуна-то на Кушелевича. Он не дюже храбрый, тот Пашка, но злой и хитрый, как хорек, чужими руками мастер жар загребать. Без него тут никак не обошлось. В тот день, когда Моргуна убили, в поселке его как раз не было, это факт.

— А сам Пашка что говорит? — спросил Прохоров.

— А ничего не говорит, ходит себе, усмехается. Следователь его допрашивал, а он доказал, что не имеет к этому делу касательства, потому как находился в другом месте, на пастбищах колхоза Кирова, там его видели, свидетели есть. Знать, говорит, ничего не знаю. А если что и знаю, про себя держу и другим советую. Это он, конечное дело, не следователю, а тут говорил. Вроде предупреждение делал, чтобы не трепались, языки не распускали. Он теперь вроде бы за атамана у охотников, которые мясо промышляют: хитер, ловок, стреляет метко. В стрельбе-то он самому Моргуну не уступал — за тридцать шагов консервную банку влет навскидку бил...

Ревмира Панкратьевна пришла домой, когда гости уже подтягивали у коней подпруги, собираясь в дорогу. Полная, но быстрая на ногу женщина метнулась в горницу, выбежала обратно и сокрушенно воскликнула:

— Та вы ж варенья кизилового не отведали... Что же ты их чаем-то не напоил? — Этот упрек относился к Ипатычу.

— Что ты, мать,— добродушно ответил он,— какой после вина чай.

Андрей Аверьянович заверил гостеприимную хозяйку, что они и без чая сыты и довольны, но его заверения не убедили Панкратьевну: на круглом, с двойным подбородком лице ее чита-

лось огорчение, которое не рассеялось, даже когда всадники отъехали от дома и обернулись, чтобы в последний раз махнуть рукой хозяевам.

8

Вернувшись в город, Андрей Аверьянович еще раз внимательно просмотрел дело Кушелевича. Еще там, в горах, поинтересовался Андрей Аверьянович, далеко ли от места убийства Моргуна до пастбищ колхоза имени Кирова. Прохоров сказал, что хороший ходок, отлично знающий горные тропы, за два часа сможет «добежать» до пастбищ. Меньше чем за два часа никак не добраться. «А если верхом?» — спросил Андрей Аверьянович. Прохоров ответил, что верхом еще дольше, потому что полдороги коня надо вести в поводу по крутякам и осыпям и разогнаться вообще там негде.

Пастухи колхоза имени Кирова засвидетельствовали, что после полудня Лузгин еще был у них на пастбище. После полудня — понятие растяжимое, следователь это понимал и не успокоился до тех пор, пока не допросил некоего Вано Курашвили, экспедитора, прибывшего в тот день из-за перевала, из Абхазии. Курашвили утверждал, что помнит, сколько было времени, когда они виделись с Лузгиным. Тот подряжался закупленное экспедитором масло доставить в селение Пслух. Расстались они в два часа дня. Курашвили ориентировался во времени по часам, а не по солнцу.

Выходило, что в два часа пополудни Лузгин был еще на пастбищах колхоза Кирова, а убили Моргуна в три часа дня. Это время назвал Кушелевич и подтвердили медики. За час, уверял Прохоров, Лузгин при всем желании не мог с горных пастбищ «добежать» до места происшествия. То же сказал директор заповедника, ходивший теми тропами. Не было оснований и для предположения, что Лузгин склонил Курашвили дать неверные показания: они с тех пор не виделись.

Виктор Скибко и Владимир Кесян, приятели Моргуна и Лузгина, в тот день тоже находились в лесу. Скибко целый день торчал на лесосеке, его там видело несколько человек. Было алиби и у Владимира Кесяна. В полдень встретил его Филимонов возле кордона, без ружья, с самодельной удочкой. Ушел он не вверх, а вниз по реке. В четыре часа дня, через час после убийства, видели Кесяна геологи, бившие свои шурфы в одной из щелей за хребтом, отделяющим Малую Лабу от Большой.

Андрей Аверьянович взял карту и стал прикидывать, далеко ли от той щели до места убийства. По прямой выходило не так уж и далеко. Но по прямой в горах не ходят. Следователь, конечно, проверял, можно ли за час «добежать», как здесь говорили, от геологов до места происшествия. Пришел к выводу, что нельзя.

Надо было проверить этот вывод, и Андрей Аверьянович в конце дня направился к директору заповедника.

Зубра и оленя, смотревших со стен кабинета, он приветствовал, как старых знакомых. Сел в покойное кресло у стола.

— Этот у вас давно? — Кивок в сторону короткорогой головы.

— Этого я принял вместе с кабинетом,— ответил Валентин Федорович.— Говорят, погиб он на осыпи — зашибло большим камнем, пришлось пристрелить.

Андрей Аверьянович спросил насчет тропы от геологов до верховьев Лабенка.

Вместе с Валентином Федоровичем долго водили они карандашами по карте, висевшей за спинкой директорского кресла.

— Отсюда поближе, чем с горных пастбищ,-- сказал наконец Валентин Федорович,— и не одна, а две тропы выводят к тому месту, откуда стреляли в Моргуна, но...

— Что вас смущает?

— А то смущает, что короткой тропой здесь давно не пользуются — оборвался висячий мостик через ущелье. Вот здесь.— Он показал на карте, где был висячий мостик.— А другая вон как идет, вкруговую.

— Выходит, что у трех наиболее вероятных кандидатов в убийцы,— сказал Андрей Аверьянович, возвращаясь в кресло,— есть алиби. И снова мы возвращаемся к Кушелевичу:

— Но мог быть кто-то четвертый, кого мы и не подозреваем?

— Мог быть и четвертый, но мы о нем понятия не имеем, значит, практически четвертого не дано. Четвертый — Кушелевич. Он же пока что первый, кому предъявлено обвинение в убийстве... Я возлагаю большие надежды на судебное разбирательство.

— Суд может согласиться с доводами и выводами следствия.

— Может, конечно. А может и не согласиться... Кстати, первая забота адвоката как раз о том, чтобы суд не просто с кем-то согласился, а рассмотрел все обстоятельства дела заинтересованно и объективно, тем более что дело это не такое уж заурядное, как может показаться с первого взгляда. Хотя бы потому, что обвиняется один, а убийца скорее всего кто-то другой. По элементарной логике убить должны были Кушелевича, а убили Моргуна. Почему?

— Вот именно, почему?

— Если бы у Лузгина или Кесяна не было алиби, я бы предположил, что это сделал кто-то из них. И тем и другим Моргун помыкал, даже, случалось, поколачивал их. Весь поселок Моргуна побаивался, многие не любили, в том числе и приятели его, особенно Павел Лузгин, который сам хотел верховодить молодежью. Если он и не убивал, то руку к этому делу приложить мог.

— Но доказательств его причастности ни у следователя, ни у нас нет. Видите,— усмехнулся Валентин Федорович,— я уже рассуждаю по вашей методе. С одной стороны, мы убеждены, что

Кушелевич не убивал, с другой — убеждены, что тут не обошлось без браконьеров, с третьей — у нас нет никаких доказательств, которые можно предъявить суду.

— Ход мыслей в общем-то правильный. Главное в нашем деле — не обольщаться. Очень заманчиво принять желаемое за действительное, но это ни к чему хорошему не приводит. Никогда и никого. Мы действительно не имеем доказательств того, что Кушелевич не стрелял в Моргуна. Но у нас уже есть основания утверждать, что в показаниях Кугаелевича нет тех противоречий, какие усмотрел следователь. Обвинителю трудно будет уличить подсудимого, и суд может вернуть дело на доследование. К чему нам и следует стремиться. Мы не располагаем таким аппаратом и возможностями, какими располагает следствие, поэтому нам труднее докопаться до истины. Но у нас есть возможность предотвратить несправедливое решение.

— Буду рад, если так оно и случится, хотя, признаюсь, ваш анализ всех за и против не дает радужных надежд.

— Что делать?— Андрей Аверьяиович поднялся из кресла.— Будем надеяться на лучший исход.

9

Шел допрос свидетелей. Перед судейским столом — мать убитого. Сухопарая, в черном платочке на седеющих волосах, она хотела казаться скорбной, но время от времени забывалась и сухое, остроносое лицо ее выражало откровенную неприязнь и подозрительность. И отвечала она так, словно бы хотела сказать: «Знаю я вас, запутать меня хотите». Подозрительность, наверное, была у нее в характере; кроме того, кто-то скорее всего подогревал в ней это недоброе чувство, внушая, что дело хотят замять, а убийцу выгородить.

Больше всего вопросов матери убитого задавал один из заседателей, тот, что сидел справа от судьи, седоусый, с седыми висками лобастый мужчина, рабочий-мебельщик. У Андрея Аверьяновича сложилось впечатление — этот заседатель не убежден, что подсудимый преступил пределы необходимой обороны. Вернее, он убежден в обратном.

Судья непроницаем, глаза его под щегольскими очками без оправы посверкивали остро, он внешне бесстрастен и не проявляет личного отношения к показаниям свидетелей, не отдает предпочтения, как это случается, обвинителю перед защитником. Судья ни разу не прервал адвоката, и Андрей Аверьянович чувствовал, что он и дальше не будет мешать.

— Не случалось вам слышать от сына фамилию Кушелевича?— спрашивает седоусый заседатель.

— Может, и случалось,— отвечает мать убитого.— В поселке все знали Кушелевича.

— И сын ваш его знал?

— И сын знал.

— И говорил о нем в вашем присутствии?

— Не помню.

— Откуда же вам известно, что он знал его?

— Кто же его в поселке не знал?

— Вам не было известно о том, что Кушелевичу собирались отомстить за поимку браконьеров?

— Нет, не было известно.

— В поселке Желобном об этом говорили не стесняясь.

— Не слышала.

— Какие у вас были отношения с сыном?

— Обыкновенные.

— Он рассказывал вам о своих жизненных планах, о том, что собирался делать в ближайшее время?

— Нет, не рассказывал.

— Значит, ничем с вами не делился, ни горем, ни радостью?

— А чего ему делиться?

— Что же он, не разговаривал с вами?

— Почему не разговаривал?

— О чем же?

— Рубаху велит постирать, залатать что...

„Заседатель пожал плечами и сокрушенно сказал:

— У меня вопросов больше нет.

Обвинитель поинтересовался, на какие средства жила мать убитого. Она ответила, что получала пенсию за мужа, дочь присылала иногда рублей пять.

— Сын работал?

— Работал.

— Где?

— Шофером в леспромхозе.

— Постоянно?

Она сделала вид, что не поняла вопроса.

— Последнее время он работал в леспромхозе?

Выяснилось, что уже около года Моргун в леспромхозе не работал.

— На какие же средства он жил? — это спросил седоусый заседатель.

— Кто ж его знает, на какие,— ответила мать Моргуна,— я его не допрашивала.

— Чем же он питался? Обедал где?

— Дома обедал, где же еще.

— А деньги на харчи давал?

— Давал, а как же. Кто же его задаром кормить станет?

— Где же он брал деньги, если почти год не работал?

— Кто же его знает где, про то он мне не докладывал.

Андрей Аверьянович про себя улыбается: если обвинитель хотел своими вопросами подвести дело к выводу, что смерть Мор-

гуна лишила престарелую мать кормильца, то попытку его нельзя признать удачной.

Судья поворачивает голову к защитнику:

— У вас есть вопросы?

— Есть,— говорит Андрей Аверьянович.— Ваш сын был левша?

Мать Моргуна повернула к защитнику свое востроносое лицо, на котором отразилось удивление. Ответила не сразу, словно бы думала, как получше ответить.

— Ел левой рукой, это верно,— сказала она тихо, видимо, так и не решив, какой вред может произойти от этого признания.

— А стрелял с какого плеча?

— Кто же его знает, с какого, при мне он не стрелял,— тут уж она отвечала уверенно, как по заученному.

— Скажите, кто вам писал письмо в газету?

Она опять замешкалась, но быстро справилась с замешательством.

— Нашлись люди добрые, написали.

— Кто именно, вспомните?

Она поглядела на судью, словно бы ища у него поддержки, но тот смотрел на свидетельницу сквозь стекла очков строго и не собирался выручать ее.

— Лузгин Павел писал,— опустив голову, произнесла свидетельница.

Выслушав ответ, Андрей Аверьянович сказал:

— У меня вопросов больше нет.

В зал вошел Владимир Кесян, крепкий, очень широкий в плечах юноша со смуглым лицом, с шапкой черных вьющихся волос на голове. Этот не отрицал, что ругал Кушелевича и произносил угрозы в его адрес, делал это сгоряча, по глупости. Моргун говорил, что с Кушелевичем надо бы поговорить по душам. Что он имел в виду? Да ничего особенного. Попугать, наверное, хотел, а убивать его никто не собирался.

Когда судья и заседатели прекратили вопросы, Кесян откровенно вздохнул с облегчением и подкладкой кепочки, которую мял в руках, вытер со лба пот. Но радость его оказалась преждевременной.

— Вы давно знаете Моргуна? — спросил Андрей Аверьянович.

— Давно. Вместе выросли.

— Он был левша?

— Да, левша.

— И стрелял с левого плеча?

— И стрелял с левого.

— У вас были с ним ссоры?

— Н-нет,— неуверенно ответил Кесян.

— Как же нет, если Моргун вам даже зуб выбил в драке?

- Не выбивал он мне зуба,— горячо возразил Кесян,— неправильно вам сказали. Пашке он зуб выбил, это было, а мне только ухо поцарапал.

— Значит, драка все-таки была? Из-за чего же?

Кесян понял, что сказал лишнее.

— Так, поспорили,— неопределенно сказал он и умолк.

Где он был в день убийства, у Кесяна уже спрашивали. Андрей Аверьянович спрашивает еще раз. Свидетель повторяет свое показание: видел его Филимонов, потом видели у геологов, без ружья, в четыре часа дня. А убили Моргуна в три. За час не мог Кесян дойти от места убийства до геологов, тем более что шел он к ним не сверху, от перевала, а снизу — это засвидетельствовано очевидцем.

Мог — не мог... В горах это относительно. Прохоров, например, утверждал, что мог Кесян за час добежать с верховьев Лабенка до геологов. Что был там, на короткой тропе, переход через ущелье: кто-то повалил пихту так, что она легла, как мост. Сейчас ее уже снесло, а тогда была. Сам Прохоров не видел, но говорят. А это «говорят» на суде не предъявишь. На всякий случай Андрей Аверьянович спрашивает:

— Сколько же времени нужно, чтобы дойти от места убийства до геологов?

— Если хорошо идти, часа два с половиной, а то и три.

— А по короткой тропе?

— Там два года уже не ходят: висячий мост сорвало.

— И замены мосту нет?

— Сейчас, может, и есть, не знаю, давно там не ходил.

— Как давно?

— Да с полгода.

— А в день убийства?

— Я ж говорил — шел снизу, а не с перевала.

Андрей Аверьянович отпустил свидетеля, и тот забился в угол на последней скамье, встревоженный и растерянный: то ли испуган тем, что сболтнул лишнее, то ли почувствовал, что усомнились в надежности его алиби.

Следующий свидетель — Виктор Скибко, парень длиннорукий, большеголовый, с круглыми навыкате глазами. И у этого Андрей Аверьянович спросил, из-за чего подрались Моргун, Кесян и Лузгин. Отвечал Скибко, не сильно задумываясь: его эта драка вроде не касалась. Из ответа можно понять, что все молодые ребята Моргуну покорялись, а Пашка Лузгин иногда ершился. Один на один с Григорием ему не справиться, подговорил Кесяна, но и вдвоем они славы не добыли: обоим от Моргуна попало.

Андрей Аверьянович слушал ответы свидетеля с интересом, а народные заседатели, сбитые с толку, бросали на адвоката взгляды, в которых читалось недоумение. В самом деле, они изо всех сил стараются вывести на свежую воду приятелей Моргуна, которые все были заодно, заранее сговорились, как отвечать на

суде, и мать убитого научили. Конечно же, они собирались свести счеты с Кушелевичем, который стал поперек их преступной дороги, и, конечно же, адвокату следовало доказывать, что выстрел в Моргуна не преступление, а необходимое в целях обороны действие. А адвокат занимается чепухой, выясняя, кто кому зуб выбил и какой рукой хлебал щи убитый.

И сочувствие к подсудимому со стороны заседателей, и растущее их недоумение по поводу позиции адвоката отлично видел и понимал Андрей Аверьянович. Когда судья объявил перерыв, он собрал бумаги и вышел, стараясь не обращать внимания на заседателей, которые смотрели на него с укором.

У выхода ждали Андрея Аверьяновича Валентин Федорович и жена Кушелевича. Анна Ивановна была бледна, веки припухли и покраснели. Мужчины проводили ее до дома.

— Не отчаивайтесь,— сказал на прощание Андрей Аворьяиович,— будем надеяться на лучшее.

Она покивала головой в знак согласия и быстро ушла в подъезд.

— Неважный вы утешитель,— заметил Валентин Федорович, когда они остались одни.

— Что делать, не люблю предвосхищать решения суда, если хотите, просто боюсь обнадеживающих предсказаний.

— Насколько я понял по вашим вопросам к свидетелям, вы не собираетесь доказывать, что Кушелевич выстрелил в целях самозащиты.

— Вы наблюдательны,— ответил Андрей Аверьянович,— я собираюсь доказывать, что Кушелевич не стрелял в Моргуна.

— Но кто-то в него стрелял?

— Эту загадку должно разрешить следствие.

— А ваше мнение?

Андрей Аверьянович пожал плечами.

— Кесян?

— Его алиби не кажется мне бесспорным. Мог это сделать и он. Однако мог — это еще не значит совершил. Доказательств того, что стрелял Кесян, у нас, увы, нет. И вообще в данной ситуации доказывать, что стрелял не Кушелевич, гораздо сложнее, чем защищать Кушелевича, убившего браконьера. Вы обратили внимание на заседателей? Эти люди не сильны в букве закона, но верно понимают его дух, и вот они всей душой за Кушелевича, даже на меня бросают испепеляющие взгляды за то, что я, по их мнению, в бирюльки играю, а не защищаю подсудимого. Шутки шутками, а они сделали немало своими дотошными житейскими: вопросами для освещения гнусных сторон бытия этих лесных разбойников. И заговор браконьеров против Кушелевича очевиден, а раз так, он должен был обороняться, встретив в лесу вооруженного правонарушителя, да еще такого отчаянного, как Моргун. У того в стволах были патроны, заряженные бекасинником, но Кушелевич не мог знать, какими патронами заряжено ружье, на него направленное. В конце концов это принципиальный вопрос: жестокие и вероломные бандиты ставят перед честными людьми дилемму — либо погибнуть от их руки, либо самим наносить упреждающие удары, что и является в таких случаях необходимой обороной. Я бы, наверное, смог убедить судью, тем более что заседатели — мои помощники, а не противники, да и толкование соответствующих статей закона в последнее время склоняется к расширению прав обороняющегося. В результате если не оправдание, то приговор не жесткий, может быть условный.

— Если вы уверены в таком исходе, стоит ли усложнять задачу и доказывать, что Кушелевич не стрелял? А вдруг не удастся доказать, не убедите судью и заседателей?

— Но ведь Кушелевич не стрелял в Моргуна?

— Не стрелял, но...

— А кто-то стрелял. И этот кто-то останется безнаказанным и завтра выстрелит еще раз, теперь уже в Кушелевича. Или в вас. Как хотите, но меня такой вариант не устраивает. Вас, я полагаю, тоже.

10

На следующий день одним из первых допрашивали свидетеля Вано Курашвили, сухумского экспедитора, который показал, что виделся с Павлом Лузгиным в два часа пополудни на альпийских лугах.

Курашвили, еще не старый, по уже не первой молодости красивый грузин, одетый в черную пару и лакированные туфли, говорил с достоинством.

— Вы точно помните время, когда расстались с Лузгиным,— спросил Андрей Аверьянович,— или приблизительно?

— Зачем приблизительно,— ответил Курашвили,— я на часы смотрел. У меня часы всегда точно идут, на семнадцати камнях, за неделю на полминуты вперед забегают. Вот, пожалуйста, можете убедиться.— Он приподнял рукав и показал плоские, на золотом браслете часы.— Одиннадцать часов двадцать две минуты.

Андрей Аверьянович взглянул на свои часы, они показывали десять часов двадцать одну минуту.

— Ваши на час вперед,— сказал он свидетелю.

— Вах, извините,— Курашвили улыбнулся, блеснув влажными зубами,— у меня тбилисское время, не перевел на местное.

— А тогда, на пастбище, какое время было на ваших часах?

— Тоже тбилисское, я же туда из Сухуми прибыл.

— Спасибо, у меня вопросов больше нет,— сказал Андрей Аверьянович.

«Как же я раньше не догадался,— укорил он себя мысленно,— конечно же, у Курашвили часы показывали тбилисское время. Два пополудни на часах Курашвили — это час по местному.

Убили Моргуна в три. Значит, и у Лузгина алиби сомнительное: за два часа тот мог дойти с пастбища до верховьев Лабенка...»

Теперь он с нетерпением ждал появления Павла Лузгина. Почему-то казалось Андрею Аверьяновичу, что увидит он парня с лисьей улыбкой на остром личике, невысокого и верткого. Лузгин действительно был невысок, но ладно сложен, лицо у него было правильное, с румянцем во всю щеку, густые длинные ресницы прикрывали черные блестящие глаза. Он был бы очень красив, если бы не тонкие, в ниточку, губы, застывшие в полуулыбке, отчего казалось, что он собирается оскалить зубы.

Лузгин повторил прежние свои показания, не тушуясь отвечал на вопросы заседателей. Его спросили, как он относится к брату, угодившему в тюрьму за браконьерство.

— Я за брата не ответчик,— сказал Лузгин.

— Вы грозились после ареста брата свести счеты с Кушелевичем?

— Сгоряча, по глупости, может, и сказал чего, сейчас пе помню.

— А Моргун грозился?

— Может, и грозился, не припомню.

Он, видимо, не опасался, что его уличат, ссылаясь на показания свидетелей, выступавших до него: односельчане помалкивали раньше, страшась мести Моргуна, будут молчать и теперь, боясь его, Павла Лузгина, который тоже шутить не любит.

Заседатели отступились.

— Какие у вас были отношения с Моргуном? — спросил Андрей Аверьянович.

— Обыкновенные, в одном поселке жили, считай — соседи.

— А дрались с ним из-за чего?

Лузгин, конечно, уже знал о показаниях Кесяпа. Ответил сразу:

— Девок не поделили.

— Причина уважительная,— согласился Андрей Аверьянович.— Скажите вот еще что: куда вы отправились в день убийства с горных пастбищ?

— На пастбищах я был до двух часов дня,— подчеркнул Лузгин,— потом спустился в грушевую рощу посмотреть, много ли в этом году дички, потом...

— Вы никого не встретили по пути?

— Никого.

— А не могло так случиться, что вы никого не заметили, а вас видели?

— Где же это?

— В три часа дня в верховьях Малой Лабы, на правом берегу,— говоря это, Андрей Аверьянович глядел в бумагу, лежавшую на его конторке, словно сверялся с написанным. Ничего подобного записано у него не было, просто он решил проверить, как отреагирует на его вопрос этот уверенный в себе Лузгин.

На этот раз он ответил не сразу. Лизнул языком узкие губы, попытался усмехнуться.

— Никак не мог я там оказаться в три часа дня,— сказал он по-прежнему уверенно и напористо,— потому что в два часа еще был на пастбище колхоза Кирова. Это и пастухи могут подтвердить, и экспедитор товарищ Курашвили.

— А сколько же времени нужно, чтобы с тех пастбищ добежать до верховьев Малой Лабы?

— Часа два, никак не меньше.

— Если часа два,— спокойно произнес Андрей Аверьянович,— тогда могли увидеть. Курашвили сообщил здесь, что часы его показывали тбилисское время, то есть на час вперед против местного. Расстался он с. вами в два часа по своим, значит, в час дня по местному. Так что вполне могли встретить вас в три часа на Малой Лабе.

Лузгин соображал. Тонкие губы его разжались, прямой нос сморщился, вот-вот он зарычит.

— Не был я там,— резко, срываясь на высокие ноты, почти выкрикнул Лузгин.— Кто видел? Пусть докажет.

— У меня больше вопросов нет,— сказал Андрей Аверьянович.

Последним допрашивали обвиняемого. Кушелевич стоял на своем: в Моргуна не стрелял. Кто стрелял, не видел, никаких объяснений тому, что следов стрелявшего не обнаружили, дать не может.

Седоусый заседатель пытался ему помочь, спросил, не целился ли в него Моргун. Но Кушелевич не принял этой помощи и ответил, что Моргун держал ружье «на руке», еще не целился.

Допрос окончен. Помолчав с минуту, судья поднял голову от бумаг и спросил:

— У обвинителя есть заявления?

Обвинитель сказал, что у него заявлений нет. Андрей Аверьянович встал.

— У меня есть.

Судья откинулся на спинку стула.

— Мы вас слушаем.

— Судебное разбирательство,— начал Андрей Аверьянович,— дало нам в руки новые факты, пролив свет на взаимоотношения жителей поселка Желобного, на их отношение к Кушелевичу. Яснее вырисовалась и фигура самого Кушелевича. Это бесспорно добросовестный, влюбленный в свое дело работник, любящий муж и отец, гуманный человек — хранитель живой природы, изучать и оберегать которую он считает своей обязанностью. Это наш современник, советский человек шестидесятых годов во плоти, мы гордимся такими, говоря: смотрите, какие выросли у нас люди, как высоки их моральные качества! И такого человека видим мы не на Доске почета, а на скамье подсудимых. Как же это случилось? Что привело его на эту скамью?

Куптелевич столкнулся с темной, враждебной нашему обществу силой,— продолжал Андрей Аверьянович,— с браконьерами, с теми, кто расхищает народное достояние, с людьми, которые нарушают советские законы, понимая, что действия их есть преступление. Кушелевич и здесь поступил, как должен поступать настоящий советский человек — пошел навстречу опасности и помог органам милиции схватить браконьеров за руку. Из материалов дела ясно видно, что Кушелевичу за это грозили расправой и угрозы были не шуточные: на свободе остались родственники арестованных браконьеров, остался Григорий Моргун, который в этот раз не угодил за решетку, но все знали, что он был одним из самых дерзких нарушителей законов, человек властный и, по свидетельству односельчан, скорый на расправу. Насколько такие угрозы серьезны, могут засвидетельствовать местные жители — на их памяти не один случай расправы браконьеров с лесниками и наблюдателями заповедника...

Андрей Аверьянович сделал паузу. Слушали его внимательно, заседатель с седыми висками даже головой иногда кивал в знак согласия.

— Работники заповедника,— Андрей Аверьянович бросил быстрый взгляд на Валентина Федоровича,— отлично понимали, какая опасность грозит их сотруднику, и кто-то из них всегда сопровождал Кушелевича, когда он отправлялся в горы. Но спустя некоторое время бдительность их стала ослабевать, и Кушелевич оказался в верховьях Малой Лабы один. Тут-то и встретил его на тропе, ведущей к перевалу, Григорий Моргун, ранее грозивший свести с ним счеты. Представьте себе психологическое состояние человека, над которым, долгое время висит дамоклов меч смертельной опасности. Сначала он остро воспринимает эту угрозу, потом ощущение опасности притупляется, иногда забывается, будто ее и вовсе нет. Человек расслабился, отдаваясь без оглядки жизни, работе. И. вдруг опасность возникает на пути, внезапно, застав врасплох. В считанные доли секунды надо сообразить, что делать. В эту минуту он может сделать неверное движение, необдуманный — да у него и нет времени на обдумывание — шаг. Кушелевич встретился в лесу один на один с врагом, который искал случая отомстить, свести счеты. Кушелевич знает нравы и психологию браконьеров — в одиночку они гораздо опаснее, потому что один не боится свидетелей. Моргун стоял на тропе один и ружье держал в боевой готовности. В материалах следствия можно найти утверждение, что Моргун не собирался стрелять, не угрожал ружьем Кушелевичу — об этом свидетельствует его поза перед смертью. Это неверное утверждение. Действительно, перед тем как прогремел злополучный выстрел, Моргун стоял правым боком к Кушелевичу, но это как раз и говорит о том, что он готов был выстрелить, так как стрелял, держа приклад не у правого плеча, а у левого, он же был левша... Итак, стволы браконьерского ружья смотрели в грудь Кушелевичу, времени для

раздумий ему не оставалось, и можно ли винить его за то, что он в этой смертельно опасной ситуации поднял оружие в защиту своей жизни? И если бы Кушелевич выстрелил в Моргуна, я имел бы, все основания утверждать, что это был выстрел, продиктованный необходимостью защищаться... Но вы слышали, что сказал здесь сам Кушелевич: он не стрелял в Моргуна. Узнав Николая Михайловича и его жизнь поближе, вникнув в документы этого дела,, побывав на месте преступления и в поселке Желобном, где проживал убитый, я убедился: Кушелевич говорит правду — он не стрелял. На чем же покоится моя убежденность?

Следствие нашло в показаниях Кушелевича некоторые противоречия. Я имел возможность убедиться, что все им сказанное правдиво и точно рисует .картину трагедии, разыгравшейся на берегу Малой Лабы. Одно из кажущихся противоречий.мы уже рассмотрели: нрав Кушелевич, утверждающий, что Моргун направил ружье на него, хотя и стоял необычно для изготовившегося стрелка. Далее, Кушелевич показал, что он обернулся на выстрел, но никого не увидел. Следствие считает, чго никого он и не мог увидеть, потому чго стрелял сам. В том месте, откуда, по утверждению Кушелевича, раздался выстрел, следователь добросовестно искал следы, справедливо полагая, что Человек, если он в том месте находился да еще и стрелял, не мог не оставить следов, хотя бы самых незначительных. Однако ничего обнаружить не удалось: ни отпечатков сапог, ни заломанных веток, ни пыжа от заряда. Болыпе того, с указанного места нельзя было прицельно стрелять в Моргуна: мешали сучья деревьев и кустарник. Странно? Действительно странно, если Кушелевич правильно указал место, откуда кто-то неизвестный нам выстрелил, в Моргуна. Но ничего странного во всем этом не будет, если иметь в виду следующее обстоятельство: горы, стиснувшие в том районе долину, так причудливо отражают звук, что место его зарождения не соответствует тому, откуда слышится он уху. Если бы следствие поставило эксперимент, оно убедилось бы, что Кушелевич оглянулся вправо на выстрел, который произвели совсем в другом месте, а именно на нравом: берегу реки. Могут спросить: как это не новичок в горах, научный сотрудник заповедника так легко поддался слуховому обману? Отвечу: во-первых, слуховая иллюзия очень убедительна, во-вторых, надо помнить, в какой ситуации он оказался. Ни о чем другом не раздумывая, Кушелевич бросился к упавшему Моргуну. Позже, потрясенный случившимся, Кушелевич направился к туристскому приюту, чтобы, привести людей. Меньше всего в эти минуты он заботился о себе, не думая о том, чем грозит ему самому это происшествие. Хочу подчеркнуть, что и в данной ситуации Кушелевича упрекнуть не в чем и противоречия в его поведении и показаниях усмотреть трудно... Еще одно противоречие в показаниях Кушелевича относится к характеру огнестрельного ранения на шее Моргуна. Пуля вошла справа от кадыка, вышла слева. На этом основании

делалось предположение, что Кушелевич выстрелил в человека, который даже и не смотрел в то мгновение в его сторону. Характер ранения действительно странен, если считать, что стрелял Кушелевич. Но если иметь в виду, что выстрелили с другой стороны реки, то характер ранения не противоречит показаниям Кушелевича, а подтверждает, что Моргун стоял к нему вполоборота, положив ружье стволами на правую руку. Прошу ознакомиться со схемой, которую я набросал...

С этими словами Андрей Аверьянович передал на судейский стол вычерченную им схему расположения действующих лиц драмы, разыгравшейся на берегах Лабенка.

Судья бегло взглянул на схему и отдал заседателю, протянувшему за ней руку. Защитник продолжал свою речь:

— Суд немало внимания уделил характеристике обвиняемого, значительно хуже представляем мы себе фигуру Моргуна. Браконьер, нарушитель закона, игравший одну из первых ролей среди людей, занимавшихся незаконной охотой. А что он за человек? Какие взаимоотношения сложились у него с односельчанами, с людьми близкими? Небесполезно знать, потому что все это имеет прямое отношение к рассматриваемому делу. Свидетели Кесян, Скибко, Лузгин слегка приоткрыли завесу, и мы увидели, что отношения между этими людьми были вовсе не безоблачными. Если поговорить с жителями Желобного, они расскажут, что Григория Моргуна в поселке побаивались, что среди приятелей он поддерживал свой престиж с помощью крепкого кулака. Попадало от него Кесяну, попадало и Лузгину, который не желал быть на вторых ролях, а на первые, пока жив Моргун, выйти ему не удавалось. Все это выглядит более серьезно, чем может показаться на первый взгляд. Работники суда лучше других знают, что подобные уличные распри, личные счеты, борьба самолюбий в той среде, к которой принадлежал Моргун, решаются отнюдь не дипломатическими средствами и часто приводят к уголовно наказуемым действиям. Говоря определеннее, хочу обратить внимание суда вот на какое обстоятельство: не исключается предположение, что не только с Кушелевичем, но и с Моргуном хотели свести счеты некоторые жители поселка Желобного. И не поражал ли одним выстрелом сразу две цели неизвестный, стрелявший с правого берега реки: сводил счеты с Моргуном и ставил в положение убийцы Кушелевича? Кто мог это сделать? Следствие остановило внимание на всех жителях поселка, кто в тот день был в лесу. Скибко, Кесян, Лузгин — любой из них мог поднять руку на Моргуна, особенно двое последних. Но они представили доказательства своей непричастности к убийству, которые, к сожалению, не подверглись проверке. Мне алиби Кесяна и Лузгина не представляются бесспорными. На короткой тропе, ведущей от верховьев Малой Лабы до места, где работали геологи, давно нет висячего моста. Но никто не проверил, не было ли там какого-то временного перехода. Если был, то Кесян мог за час дойти от

места преступления до геологов. Следствие полагало, что Лузгина видели на горном пастбище за час до убийства и за это время он никак не мог добраться оттуда до верховьев Лабенка. Но свидетель Курашвили показал, что видел в последний раз Лузгина в два часа пополудни по тбилисскому времени. Значит, Лузгин имел в запасе не один, а два часа и мог к пятнадцати часам оказаться на месте преступления. Мог — это еще не значит оказался, и я здесь не выступаю с обвинением, прошу не истолковать мои предположения превратно. Я только хочу сказать, что следствие не сопоставило и не проверило всего, что можно и нужно проверить и сопоставить для выяснения истины...

Обвинитель, молодой человек с высоким чистым лбом, выслушав заявление адвоката, согласился, что новые факты, выявившиеся на суде, требуют внимательного рассмотрения.

II

— Как же теперь,— спросила Анна Ивановна,— новое следствие?

— Суд вернул дело на доследование,— Андрей Аверьянович подчеркнул последние слова.

— А Николай будет' в тюрьме?

— Я думаю, его освободят до нового суда,— сказал Валентин Федорович.

— Об этом мы похлопочем. Возьмем его на поруки.— Андрей Аверьянович улыбнулся, заметив, как вытянулось лицо Анны Ивановны.

Они сидели в кабинете Валентина Федоровича, Андрей Аверьянович — в глубоком кресле у стола, Анна Ивановна — в другом кресле, напротив.

— До суда, может быть, и не дойдет,— проговорил Андрей Аверьянович, разглядывая голову зубра.— Суд, конечно, состоится, но теперь уже, надеюсь, не над Кушелевичем. Он будет свидетелем.

— Я вам так благодарна,— сказала Анна Ивановна,— если б не вы, Николая засудили бы.

— Не думаю,— возразил Андрей Аверьянович.— Если не в первой, то в последующих инстанциях разобрались бы. А благодарить надо прежде всего Валентина Федоровича: он непоколебимо верил в Кушелевича и мне внушил свою веру. И еще за то, что он подобрал мне смирную лошадь. В самом деле, если бы не эта поездка в горы, я, наверное, долго бы плутал в потемках.

— Горное эхо? — спросил Валентин Федорович.

— Эхо — это деталь. Вообще поездка много дала. И этот мертвый лес, и километровый водопад, и небывалая гроза, и разговоры с Филимоновым и Ипатычем — тут не только детали и догадки, но и атмосфера, настрой жизни, нравы и характеры.

Без этого трудно понять, на что способны живущие здесь люди, чего от них можно ожидать... Я, наверное, туманно изъясняюсь?

— Что же тут туманного? Совершенно ясно,— сказал Валентин Федорович.

— Как-нибудь специально приеду и попрошу Кушелевича отвезти меня в лес, поглядеть на живых зубров.— Он встал и подошел к голове зубра.— Хорошо бы зимой пожить в домике у Филимонова, походить по лесу...

— Это можно,— заверил Валентин Федорович.

— Да Николай с удовольствием...— воскликнула Анна Ивановна.

— Будем считать, что договорились,— рассмеялся Андрей Аверьянович.— Поедем в горы, если я соберусь,— вздохнул и добавил: — Что маловероятно.

Суд действительно состоялся. На этот раз на скамье подсудимых сидел Павел Лузгин. Да, это он стрелял в Моргуна. Спустившись с пастбищ и выйдя к реке, он увидел Кушелевича. Минут десять они шли по разным берегам Лабенка вверх по течению. Кушелевич Лузгина не видел, тот же не спускал с него глаз. Велик был соблазн выстрелить, но Лузгин не решался. На тропе появился Моргун. И тут хитроумному Лузгину пришла в голову мысль свести счеты с обоими своими врагами, не навлекая на себя подозрения.

Кушелевич выступал на суде свидетелем.

Андрея Аверьяновича Петрова на суде не было, он с головой ушел в новое дело.

Об авторе

Монастырсв Владимир Алексеевич, член Союза писателей СССР. Родился в 1915 году в Москве. По образованию историк. В годы войны — корреспондент дивизионной газеты. С начала пятидесятых годов перешел на литературную работу, живет на Кубани, возглавляет Краснодарскую писательскую организацию. Автор сборников рассказов и повестей: «Рассказы о пластунах», «Горная баллада», «Тетрадь с девизом», «Норд-Ост» и других — всего около 20 книг. Сейчас работает над циклом повестей об адвокате — главном герое повести «Выстрел в горах». В альманахе публикуется впервые.

КЛЮКВЕНКА

Евгений Кондратьев

Рассказ

Снял я комнатку.

Мы с хозяином, конечно, отметили мое вселение в его избу, и, когда я выпил стакан водки и еще полстакана, а потом отказался наотрез, домовладелец чуть не прогнал меня с квартиры за неуважение.

Пьяные разговаривают, как беззубые. И он сказал невнятно, но непримиримо:

— В-вам сибиряков н-не понять н-никогда...

«Чтобы понять человека, обычно надо съесть с ним пуд соли; чтобы понять сибиряка, сколько надо с ним выпить?» — так я подумал.

Скучный этот город!

Может быть, скучный потому, что дожди. Двухэтажные деревянные здания центра почернели от воды, как обуглились. На работе — под ливнем. В избе не топлено: август. Выйдешь на яр, что возвышается над Обью,— скучная вода, скучная затуманенная даль противоположного берега в серых пятнах кустарника. Над Обью тянется вой пса из ближайшего двора. Отчего он воет? От знобящей сырости? От тоски?

А может быть, городок скучен потому, что я не начинаю новой жизни и не делаю первого шага? Я здесь временно. Как почувствовать эту землю своей, близкой, если нет и не предвидится здесь родни? А называется эта земля неловко, нелепо — Колпашево, и, когда я это название повторяю, оно вызывает у меня в голове какой-то странный образ: нечто вроде шипящего колпака.

Но я говорю себе: «Хоть бы найти поселок с красивым названием!» И разворачиваю карту.

При взгляде на нее, на этот зеленый лист с сотнями недвусмысленных штрихов (болота), я сразу вижу, как лечу в «ЛИ-2», скоро Колпашево, внизу,— словно больная оспой, земля, по всему ее телу блестит в оспинах вода, дробя тайгу на клочки, на жалкие зеленые острова. Болота тянутся до горизонта — сыпь кочек, зыбучая поверхность нездорового цвета вызывают мысли о лихорадке, лишениях, нечистоте... В свое время сюда ссылали людей — какая здесь может быть поэзия?.. Под стать этим местам и названия: Назино, Напас, Пудино, Каргасок, Бакчар, Кривошеино, Могильный Мыс!..

Что у меня за натура? Как не сказать: «Блажишь, парень! Не все ли равно, где зарабатывать деньги? Тонкости ему нужны».

Но все-таки я нашел, что искал!

Клюквенка!

Весь день и потом вечером, засыпая, думал об этом поселке. Сначала я поражался красоте слова, неожиданной среди серых, угловатых названий. Затем мне то ли приснилось, то ли примечталось: там живут необычные люди! Человек, поставивший там первый сруб и давший имя, был с душой, нежной по-есенински. Люди Клюквенки умеют слагать песни, говорить свежим, сочным языком, вобравшим лучшее, что есть в сибирской речи, умеют праздновать успехи труда, ловли, охоты, придумывать обряды, украшать избы резьбой, деревянной скульптурой... Вот бы слетать к ним, как закончим с двигателем!

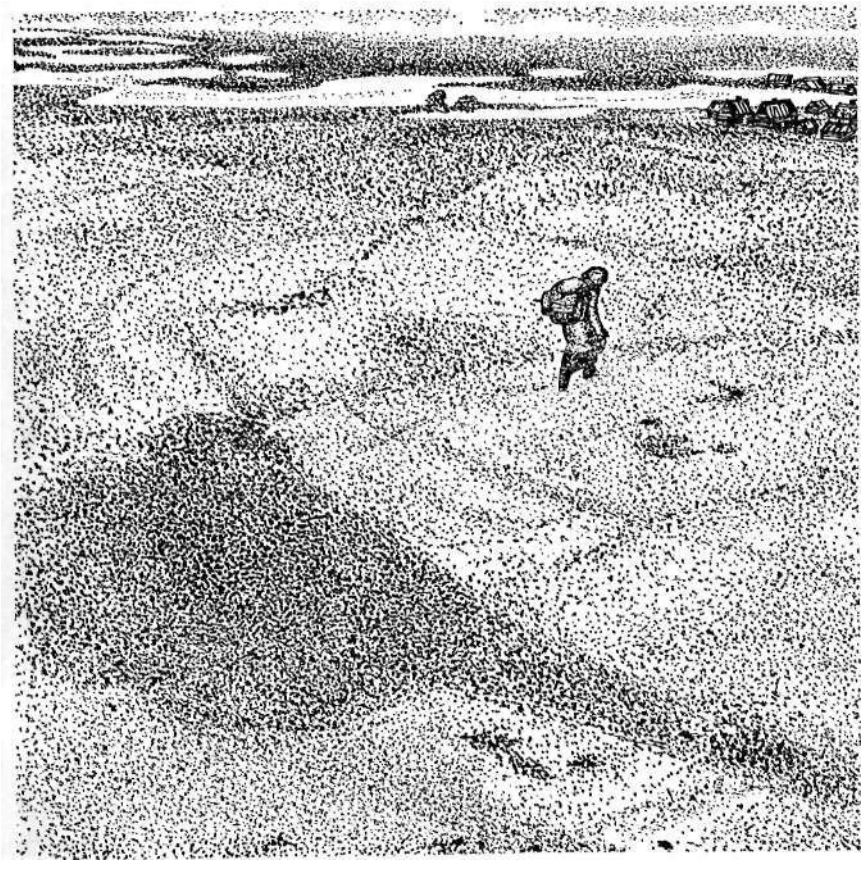
Вскоре оттуда вернулась маленькая винтокрылая машина с известным обликом, который техники определяют словом «шило». Пилот рассказывал, как отыскал в тайге заблудившегося пацана. Люди стояли, смеялись шуткам веселого пилота, а я думал: «Спросить или не спросить? Какая она?» Но спрашивать было неуместно. А потом некогда было, и я был рад, что некогда. Ведь вдруг человек сказал бы то, что и следовало ожидать:

— Деревня деревней. Чудак!

Но вот я в Клюквенке.

Не стоит ее описывать. Хотя для меня и было маленьким чудом ее название, но настоящих чудес в наш век не бывает.

Я обслуживаю вертолет .«МИ-4». Спереди он похож на узколобую голову зайца с лопастями-ушами. Вертолет здесь вместо



автобуса: возит людей на работу, и люди даже не говорят «полетим», говорят «поедем».

— Поехали на буровую!

Голубоглазый бригадир доволен, что летит с женой-поварихой. Остальные балагурят: зря жену взял, вся ваша жизнь на виду будет, расстраиваться будешь.

— А я ее за клюквой пошлю,— отвечает он.— Она у меня ласковая.

Женщине под защитой мужа легко смеяться, одергивать — «не болтай»,— а вот молоденькая практикантка-стряпуха в яркой косынке и с узенькими коленями, стянутыми сатиновыми брючками, в сапогах, та скоро начнет узнавать, какова она, жизнь, среди оравы мужиков! Будет плакать, если нелетная погода, а продукты кончились. Будет радоваться, когда пойдет газ и ударит фонтан нефти. Будет привыкать мерзнуть в выстывающем зимой вагончике. И научится грубо ругаться, если кто обидит...

Бывают у нашего вертолета и другие рейсы. Полмесяца назад отправили старуху-остячку в дом престарелых. Та старуха была то ли злая, то ли рассерженная. Предугадать это по ее нерусскому лицу было трудно, и Савва, наш словоохотливый бортмеханик, сразу попал впросак:

— Бабуся, у вас, значит, никого не осталось?

— Ты цо, власть, цо меня спрасывас? — отрезала бабуся.— Рот разинул, как медведь!

Все же Савва захотел узнать, сколько ей лет.

— Хоцес, цоб я померла?

Савва только головой покрутил и действительно подержал рот открытым.

По виду ей можно было дать шестьдесят. Старухе было восемьдесят...

Как же я удивился: на днях старуха-остячка вернулась к нам в Клюквенку. Она устроила побег из дома престарелых! И Савва помог ей в этом. На свой страх и риск он скрыл ее от рассеянного взгляда командира вертолета, приказав закутаться в платок, притвориться спящей. В Клюквенке все пассажиры высадились, командир и второй пилот отправились ужинать, а старуха вышла последней и поплелась полем аэродрома к поселку. Я тогда поглядел ей вслед. Согбенная, но без клюки. И современный рюкзачок за спиной... Помереть в родной избе решила, что ли? Или, наоборот, с того света вернулась, спохватившись, что не все дела на земле переделала?

— Ох и влетит еще тебе от командира! — сказал я Савве, глядя в его хитровато-беспечное лицо и сдержанно ожидая пояснений.— Что за контрабанда?

— Старикам везде у нас почет,— пропел Савва.— Не мог! Ну не мог отказать, черт ее подери! Как снова прилетел туда, так вдруг бабуся откуда ни возьмись с ножом к горлу: спаси ты меня, помираю в приюте. Смерти моей хочешь?

— Да чем там плохо? Тихо, чисто, кормят...

— Ты не понимаешь? Я понимаю. Правильно, там чистая кровать. Зачем ей это? Ей надо сидеть у костра, ей нужно ружье и чтоб рядом собака. Вот ее счастье! Ее счастье мужское.

— Тогда она соглашалась.

— Уговорили. Прихворнула, уговорили, а как взбодрилась, так заупрямилась.

— А не боишься, чего наделал?

— Пустяки, техник!.. Давай лучше тебе помогу...

Управились с делами — и вот в общежитии я сажусь чистить картошку, а он берется потрошить подстреленного мной косача. Закатав рукава свитера и пританцовывая, Савва поет «Научи на гармошке игра-а-ть», в ритме песни общипывая дичь. Он мил широким и круглым лицом, которое все добродушно светится от лба до подбородка. Самоуверен, но мягок, а его хозяйственность заразительна. Раньше, бывало, я разогрею банку карася с гречневой кашей, творение колпашевского рыбокомбината, и доволен, а теперь мы кухарничаем вместе, да и других кормим, кто на спасибо не скупится.

Завтра у нас выходной. Рыбачить будем или охотиться? Дело-то в общем ясное. Ружье у нас одно, бортовое, и всего три патрона с дробью. Случайно, может быть, что-нибудь и подстрелим, но идти следует на рыбалку.

И вот на рассвете в тумане, чмокая по болоту, мы идем к реке.

А надо сказать, что в это лето здесь какой-то невиданный урожай на медведей. Говорят, их пригнали сюда северные пожары. Вертолетчики, нередко пролетающие над зверем, уже привыкли к нему, а медведи в свою очередь притерпелись к вертолетам, как лошади к грузовикам, и даже не поднимают головы, если едят клюкву. Нам бы хоть один патрон с пулей, чтобы чувствовать себя в некой призрачной безопасности!

А как безмятежны поплавки на узенькой, змеисто петляющей речушке! Туман выветривается из кустов противоположного берега, день разгуливается, мы увлекаемся рыбалкой, а происшествие уже назревает...

Нет, мы не совершаем ничего героического, когда на том берегу из кустов выходит медведь и, не заметив нас, мирно плюхается в воду и плывет к нам. Савва, правда, выпаливает из ружья, но скорее от неожиданности, чем по здравому рассуждению. К счастью, он, видно, не ранил медведя, а то мы поплатились бы за это. Напуганный медведь за нами не погнался.

Возможность оценить событие появилась у нас только в километре от речушки, почти у самого аэродрома. Хорошие мы, оказывается, бегуны! Теперь можно сесть на кочку и спокойно перекурить.

— Как все просто,— ставя ружье меж колен и вытирая лоб, говорит Савва,— Живешь себе на свете и не знаешь, что ты всего-навсего закуска для Михайло Потапыча. Оскорбительно!

— Никакого уважения,— соглашаюсь я.

— Так у меня здорово клевало!

— И у меня... Надо забрать удочки. Вернемся?

— Нож у тебя хоть есть?

— Перочинный.

— Вот что, ты не ходи, я один,— говорит Савва, заряжая одностволку.

— Нет уж, вместе...

Происшествие заканчивается немножко грустной комедией с медвежонком.

Медведь (исчез и больше не появляется: возможно, это была молодая глупая нянька — есть у них такая должность. Но зато на берег выкатывается медвежонок. Это столь большая голова и такое короткое туловище, что кажется, голова бегает на лапах. Вот-вот она перевесит, и медвежонок свалится с ног.

Только бы не вызвал няньку!

Медвежонок рявкает на нас, бросается в воду, но боится утонуть и вылезает. Как он спешит за нами по другому берегу! Попадает в ямы, обегает куст, повернув к нам голову, раскрывает пасть — все это серьезно, с азартом, и на него смешно смотреть. Может, и мы, дразня его и страшась появления няньки, смешны, и если бы звереныш обладал юмором, то улыбнулся и махнул бы на нас лапой. Тогда бы я опомнился и смог удержать от выстрела не менее азартного Савву. Но медвежонок не остановился. Он подбежал к речке в узком ее месте...

Разве можно убить дробью медведя?! Но медвежонка, оказывается, можно.

К нашему недоумению, будто споткнувшись о звук выстрела, медвежонок ударяется головой о землю, перекувыркивается через голову и с невысокого, но отвесного бережка падает в воду, где

замирает брюхом кверху, раскинув все четыре лапы. Мелкая вода, чуть обступая его, мочит шерсть.

Одна-единственная дробинка, пройдя между ребрами, попала ему в сердце...

— Зачем?.. Эх ты! — Я недовольно гляжу на Савву. Он отводит глаза.

...Ужин у нас богатый.

Ребята нахваливают уху и жареную медвежатину. К нам приходят из других экипажей. Все выпивают, слегка нарушая предполетный отдых, и мы с Саввой, охмелев, расписываем как можно страшней и завлекательней встречу с медведем-нянькой: рычание, пасть, клыки... Нянька уже начинает расти и двоиться...

Затем появляется грубоватый и насмешливый командир нашего вертолета. Он где-то задержался. Почти наверняка в женском обществе. Командир у нас — местный уроженец с примесью какой-то нерусской крови. У него характерное лицо цвета копченой рыбы.

— Кончай детские историйки,— командует он и садится за стол.— Угостите, что ли! Послушали бы, что здешняя старуха отчебучила — постеснялись бы болтать. Ну, посрамила она вас, ха-ха. Та самая остячка, которую мы отвозили, а она опять здесь.— Командир одаряет косым взглядом Савву й пододвигает к себе полную миску.— Жалко, вкусная уха, а то пошерстил бы кое-кого! Разобрался бы, откуда здесь эта бабуля. Представляете, вернулась в поселок. Даже доски с окон не содрав, вытащила из какого-то тайника ружье и ушла с соседской собакой в тайгу. А сегодня в Клюквенке только и разговоров, как старушенция завалила матерого медведя. Как она не рассыпалась, когда стрелила? От одной отдачи? Вот история. А ваша? Ха-ха...

Мы не сразу поверили словам нашего командира. Чем не обычный аэрофлотский апектод? Однако в следующее воскресенье мы сами потрогали добытую старухой шкуру.

Ее домик стоит почти сразу за изгородью аэродрома. Изба как изба. Остяки в таких раньше не жили. Наверняка эту избу ныне покойному хозяину построила «Заготпушнина».

— Бабуся,— сказал Савва, постучав в окно,— к вам гости.

Шаркающие шаги. Кашель. Мне вспомнилась моя старенькая, хворая бабушка. Вот-вот сейчас спросит дрожащим от слабости голоском: «Николенька, это ты, внучек?»

— Хе, Савва! — узнала старуха.— Это кто? Тебя тозе я видел,— сказала она мне.— Посли избу.

В кухне она сразу занялась делом: взяла недочищенную картофелину, нож и наклонилась над ведром. А мы сели под плакатом о борьбе с долгоносиком и под открыткой, изображающей девочку с ягненком. И пока Савва говорил, старуха то словно забывала о нас, то, подняв лицо, тянула «Э-э-э?!», похожее на русское «Да ну-у?», и повторяла конец Саввиной фразы.

— Э-э-э? Медвезонка убили? Хы-хы...

Говоря так, она морщила нос, делала глаза полумесяцами, и ее беззубый рот сильно, круто уходил в глубь широкоскулого лица. Все ей было смешно.

— Зацем пошла тайгу? Не знаю. Хы-хы. Так смешно мне. Скучилась.

Ее смешили наши вопросы, смешило, видно, выражение наших глаз, с которым мы на нее смотрели, смешили как будто и ее собственные ответы.

— Как я убил? Стрелил — убил. Он хотел меня кушать. Он сделал так...— Старуха, растопырив пальцы с ревматическими шишками, подняла кисти рук,, и мы невольно улыбнулись: старуха изображает зверя! — Кароший медведь убегает, это шибко плохой медведь, который человека ест, больной... Хе, раньше я много их убивал...

«Какой жизнью она жила и продолжает жить!» — подумал я.

Слушая разговор, глядя на большие, с очень длинными пальцами руки старой женщины, на ее клетчатый платок, чистую пеструю рубаху и пеструю юбку, потом на ее спину, сильно чувствующую земное тяготение, когда она повела нас к медвежьей шкуре, я не мог отделаться от ощущения, что присутствую при каком-то чуде природы. Прав был наш командир: и как она только не рассылалась!.. Слыхал я, что эвенков, остяков медведь боится больше, чем русских. А тут зверь все же напал: подумаешь, какая-то тень человека!

Он был убит тотчас, как двинулся на старуху.

Трофей был распялен снаружи, на стене избы. Две сороки, счищавшие со шкуры остатки сала, стрекоча полетели со двора.

Мы потрогали жестковатый, как сапожная щетка, медвежий мех, вдохнули запах еще не совсем просохшей шкуры, прикинули длину медведя. Наша охотница была в два раза меньше ростом. Старуха стояла, сгорбившись, рядом с нами, поглаживая бурую шерсть. Внезапно подумалось: вот такими были колдуньи!

— Тязело одной стало,— сказала колдунья.— Савва, айда вместе тайгу, когда будет белка? И товарися возьми... Э-э! Незя? Работа? Со старой не интересна!

Мы засмеялись.

— Что вы, бабуся, с вами интересно хоть в космос!

— Да, да...— Мне показалось, что она утомилась, как-то вдруг заскучала. Хотелось еще поговорить с ней о. ее жизни, но пора было и честь знать.

Уже на аэродроме я сказал Савве:

— Теперь я понимаю, что такая могла уговорить, чтоб, ты умыкнул ее из приюта.

— То-то! — ухмыльнулся он...

Я не узнаю Колпашево: оно изменилось, как будто здесь я нашел девушку и полюбил ее.

Или благодарить осень? Она словно свалила на город цветные охапки листвы, так что нарушился, дрогнул серый строй улиц. Кажется, даже у самолетов в аэропорту лирично настраиваются их механические чувства, когда в небе пролетает косяк гусей. А сколько здесь синиц, раскрашенных, как попугайчики! Это тоже украшение, только мелкое, но я-то имел возможность его заметить, глядя на Колпашево из больничного окна. Я упал с вертолета, расшибся. А экипаж с новым техником все еще в Клюквенке.

Я пока на больничном. Чем заняться? Ни медведей, ни глухарей, ни настоящей рыбалки вблизи Колпашево нет, да и ноги еще неважно ходят. Однако можно ездить по клюкву — на болота, как здесь говорят.

Заядлые грибники меня бы поняли, если б я сказал, что собирать клюкву так же увлекательно, как белые грибы. Ее можно

брать с кочки горстями! Ее будто кто-то черпал ковшом из несметной кладовой и на каждую кочку высыпал по ковшику — в подставленные моховые ладони. Ягоды на тонких ниточках и с мелкими посиневшими листиками в пасмурные дни утопают в этих ладонях, а когда пригревает солнце — поднимаются, вылезают, как ящерки, которые хотят погреться. Вот когда они показывают себя во всей красе! И кочки словно хвалятся своим богатством и украшением, и каждая старается привлечь твое внимание: «У меня еще лучше, гляди: ягода с вишню!»

Но если не жадничаешь и не в азарте, выбери себе доброе семейство кочек, садись в их круг, втяни воздух, пахнущий не затхлостью или гниением, а чисто — вялой травой и мхом, и, не сходя с места, не утруждая больной ноги, кидай в ведро тяжелую, гремящую по стенкам ягоду...

— Какая клюковка! — слышишь ты отдаленный женский голос. Чисто разносятся звуки в осеннем воздухе. Голос тебя волнует, кажется свежим и приятным, и ты его запоминаешь. А потом, когда все собираются у машины с полными ведрами, ты видишь, что обладательница того голоса набрала больше всех. Она не так молода. У нее глаза с сильным прямым блеском, но веки, щеки и лоб тусклые. Не из тех ли она, что кажутся старше, когда незнакомы, и почти девчонками, если их знаешь? «Клюковка,— повторяешь ты и думаешь: — А есть еще Клюквенка»,— и тебя осеняет догадка.

Ты ведь так и не узнал, кто придумал это название. Теперь ты говоришь себе: ну конечно, какая-то женщина! Ты задумываешься о ее жизни. Возможно, она была счастливой. Но могло быть и так, что она одна, без мужика, поставила первую избушку на песчаном холме будущего поселка. И у нее были дети, которых в долгие зимы спасала эта простая ягода. А летом над болотами стояли дымчатые закаты, словно клюква, подернутая инеем. В неласковой жизни сильной душевной женщины все же пришла минута, когда она сказала, как спела: «Клю-квенка».

В этом имени — кислота осенней и сладковатость зимней ягоды. И есть что-то девическое.

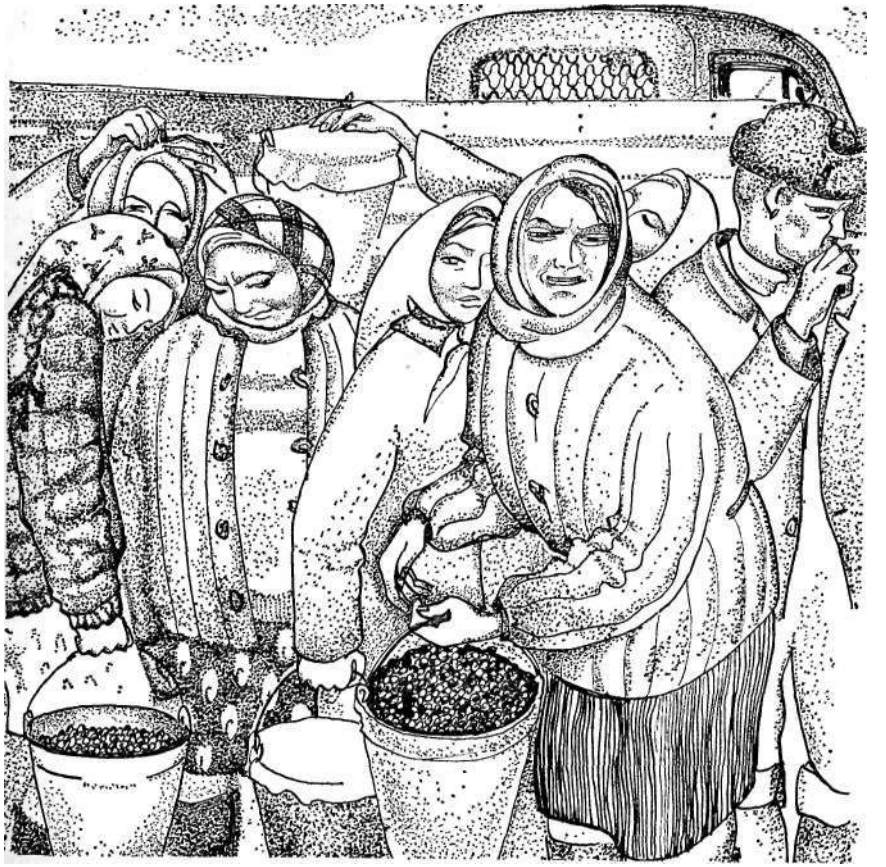
...Ох и гнал наш шофер машину, спеша на собственные именины! Иногда она кренилась, как резко сдвинутая набок кепка водителя. Женщина, сказавшая «клюковка», пела — хорош был ее голос, немного похожий на голос Людмилы Зыкиной! Возле магазина шофер грубо затормозил, и все захохотали сквозь ругань. Образовалась куча людей и батарея завязанных, чтоб не рассыпалась ягода, загремевших ведер.

Я спрыгнул с машины. Савва! Мы обрадовались друг другу. Оказалось, он только что прилетел. Стоял с буханкой хлеба.

— Еще хромаешь? — спросил Савва, оглядывая меня.

— Ничего. Как вы там жили? Без приключений?

— Не завидуй. Приключений больше не было. А приятно



вспомнить, как мы с тобой... да? — Посмеявшись, Савва посерьезнел. — Ты еще не знаешь? Скончалась наша бабуся. Та самая.

— О! А что?

— Медведь не задавил, так насморк. Опять в тайгу, дождь, простудились...

— Вот ведь как... Ты не каешься?

— Что привез ее в Клюквенку? Сначала было что-то. Нет, она меня и на небесах благодарит. Человек была бабуся! Верно?

— Конечно, все правильно. Жаль... Рад я тебе! Через час встретимся?

— Встретимся!

Я залез в кузов.

«Клюквенку придумала женщина,— твердил я себе, пока машина неслась с прежней дорожной скоростью по улицам го-

ройка.— Замечательная, причем, сибирячка!» — Повторять это мне доставляло удовольствие.

Уже успело свечереть... Закат был клюквенного цвета.

Об авторе

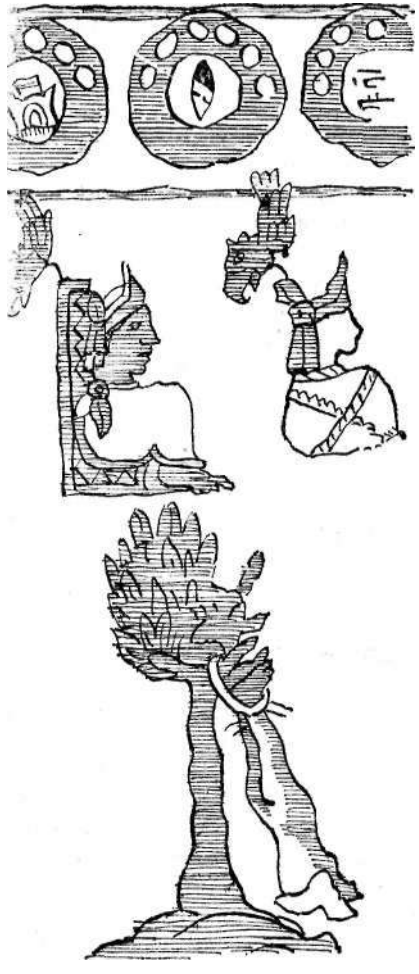
Кондратьев Евгений Николаевич, писатель, кандидат биологических наук. Родился в 1930 году в Бийске. Окончил в 1953 году биологический факультет МГУ. До 1960 года работал по специальности физиология животных. После плавания в Антарктике на китобойной флотилии «Советская Украина» перешел на литературную работу, опубликовал записки «На китобойце» в журнале «Новый мир», выпустил книгу рассказов «Убу», печатал рассказы и очерки в альманахе «На суше и на море». В настоящее время работает над романом о хирургах и рассказом в жанре фантастики.

ГИБЕЛЬ ПАДАЮЩЕГО ОРЛА

В. Гуляев

(Судьба последнего императора ацтеков)

Падение Теночтитлана



Кровавые сполохи пожаров день и ночь висели над израненным городом. Тушить их было некому и нечем. Акведук с ключевой водой давно разрушили испанцы, и драгоценную влагу добывали с трудом, по каплям, из старых колодцев, вода была затхлой и полусоленой.

Почти три месяца голода, жажды и непрерывных яростных сражений с бледнолицыми чужеземцами, стальным кольцом обложившими город. Казалось, еще один удар — и Теночтитлан падет: ведь есть же предел выносливости и терпения даже у самых стойких. Но наступал новый день, и, повинуясь призывному реву императорской трубы, сделанной из гигантской морской раковины, до предела истощенные ацтекские воины с новыми силами бросались на врага.

И все же неизбежное свершилось. По иронии судьбы день 13 августа 1521 года был отмечен в ацтекском календаре знаком «Микиштли», что означает «смерть». Это и была смерть — смерть столицы, империи и целого народа *. К полудню ис-

———————

* Ацтеки были почти полностью Уничтожены за годы Конкисты.

панцам удалось пробиться почти к самому центру Теночтитлана. Кое-где подобно языкам угасающего пламени вспыхивали еще короткие, но ожесточенные схватки. Однако большинство уцелевших защитников бросилось к лодкам, чтобы по воде вырваться из агонизирующего города, заваленного грудами трупов и захлебнувшегося в волнах огня. В три часа дня над руинами ацтекской столицы в последний раз прозвучали резкие звуки диковинной трубы императора Куаутемока. По сигналу своего владыки десятки индейских суденышек появились на водной глади бескрайнего озера Тескоко. Там, на противоположном берегу, едва заметном в голубоватой дымке тумана, ждало спасение. Но как только ацтеки выбрались из лабиринта каналов на просторы озера, на них, словно коршуны, набросились испанские бригантины. Ветер был попутный. И одетые в белую кипень парусов, корабли легко настигали утлые челны индейцев и безжалостно топили их, тараня своими корпусами и расстреливая из пушек и мушкетов.

В соленых водах озера Тескоко нашли свою могилу тысячи отборных воинов, составлявших главную силу и гордость ацтекской империи.

Уже под вечер капитан одной из испанских бригантин Гарсиа Ольгин заметил три большие индейские пироги, быстро идущие на веслах к противоположному берегу. Догнать их для парусника не составляло труда. И когда дула мушкетов и орудий угрожающе нацелились на сидевших в лодках людей, в одной из них раздался крик: «Не стреляйте! Здесь наш повелитель!» В то же мгновение молодой индейский воин, безучастно сидевший до этого на корме ладьи, вскочил и, бросив свой меч и щит, воскликнул: «Я Куаутемок. Ведите меня к Малинцину *. Я его пленник, но не причиняйте зла моей жене и слугам!»

Вместе с ацтекским императором в плен попали правители Тескоко и Тлакопана, несколько других знатных вельмож и сановников, а также юная жена Куаутемока — красавица Текухичпоч.

Встреча

Кортес находился в это время в пригороде Теночтитлана — Амашаке, в доме местного вельможи Астакоацина. Узнав о пленении Куаутемока, он приказал немедленно доставить его к себе. Плоскую крышу дома, на которой разместился Кортес и его свита, украсили кусками красного сукна и циновками. Чуть в стороне специально для изголодавшихся пленников был накрыт стол со множеством различных яств и напитков. Все приготовления делались молча, без шума и суеты. Казалось, все присутствующие прониклись сознанием особой исторической важности предстоящего события. Ведь должны встретиться два великих человека, как бы олицетворявших собой те непримиримо враждебные и чуждые друг другу миры, которые столкнулись в смертельной схватке на землях древнего Анахуака.

Куаутемок появился перед конкистадором, окруженный плотным кольцом испанской стражи — целым отрядом отборных пехотинцев с мушкетами и копьями наготове. Твердым и спокойным шагом поднялся он на крышу дома, где ожидал его Кортес. Ацтекский монарх первым нарушил напряженное молчание:

— Я сделал все, что мог, для защиты моего народа. Но судьба была против меня. Поступай со мной, Малинцин, как тебе будет угодно. — А потом, взявшись за рукоять кинжала, который Кортес носил на поясе, с горечью добавил: — Убей меня этим кинжалом и тем избавь от ненавистной жизни.

Гордая осанка молодого императора, его мужественные слова настолько поразили Кортеса, что он постарался своей нарочитой учтивостью несколько утешить Куаутемока.

— Не беспокойся,— сказал он,— ты не подвергнешься ни малейшему оскорблению. Ты защищал свою столицу как храбрый воин: испанцы умеют уважать мужество даже в неприятеле.

Все лицемерие этих слов сказалось буквально через несколько дней. Но льстивые летописцы, шагавшие по пятам за конкистадорами, поспешили увековечить их для потомков,

Кортес торжествовал. Сбылись его самые сокровенные мечты: поверженная страна ацтеков со всеми своими богатствами лежит у его ног, а последний ее император сдался на милость победителя. Так вот он какой, грозный Куаутемок — одиннадцатый по счету тлатоани * Теночтитлана.

Куаутемок

Этот рослый, атлетического сложения юноша с открытым и привлекательным лицом получил императорскую корону всего за пять месяцев до пленения, в марте 1521 года, когда скоропостижно умер от оспы его предшественник — тлатоани Куитлауак. Куаутемок был племянником обоих предшествующих ему ацтекских монархов (Монтесумы II и Куитлауака) и получил в жены свою двоюродную сестру — прелестную принцессу Текухичпоч, которая считалась единственной дочерью злополучного Монтесумы.

По странному стечению обстоятельств Куаутемок вступил на престол во время месяца Панкецалистли, когда у ацтеков происходят пышные церемонии в честь главного бога — бога войны Уицилопочтли. И действительно, недолгие месяцы царствования Куаутемока прошли в огне незатухающих сражений с испанцами и их индейскими союзниками из Тлашкалы. Храбрый юноша

* Так звали индейцы предводителя испанских конкистадоров Кортеса.

* Тлатоани *(ацтекск.)* — правитель города или государства.

всегда был в первых рядах своей армии и не раз наносил чувствительные удары врагу. Наконец, словно оправдывая свое гордое имя *, он, как орел, пронзенный на лету стрелой, рухнул из небесной выси на острые скалы Чапультепека и разбился насмерть.

К сожалению, до наших дней не дошли сколько-нибудь достоверные изображения Куаутемока, если не считать маленькой миниатюры, представляющей собой позднюю копию с портрета императора, сделанного в XVI веке. Зато мы располагаем прекрасным словесным портретом, который сохранил для последующих поколений простой испанский солдат Берналь Диас дель Кастильо — очевидец и участник всей драматической эпопеи завоевания Мексики.

«Куаутемок,— пишет Берналь Диас,— имел необычайно приятную наружность; он был пропорционально стожен, глаза его казались то суровыми, то ласковыми, и не было в них никакого коварства. Ему было двадцать три или двадцать четыре года, и кожа его имела более светлый оттенок, чем у других индейцев».

Таков был этот юный повелитель ацтеков, взявший в спои руки царский скипетр в наиболее грозный для его родины ч\с и сумевший доставить испанцам массу неприятностей и хлопот в дни героической обороны Теночтитлана.

В ночь после падения ацтекской столицы над долиной Мехико разразилась невиданной силы гроза. Яркие молнии, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, вырывали на миг из густой темноты руины дворцов и храмов, груды неубранных трупов и сломанного оружия. А затем на многострадальную землю обрушился чудовищный тропический ливень, словно спешивший смыть с каменных плит улиц и площадей лужи крови. Казалось, это языческие боги навсегда покидают развалины древнего города, оплакивая его славное прошлое и трагический конец.

Тайна сокровищ Монтесумы

Через несколько дней, когда хмель победы несколько выветрился из голов конкистадоров, в испанском лагере воцарилось всеобщее уныние. Теночтитлан, стоивший завоевателям стольких жертв и лишений, дал в конце концов лишь жалкие крохи тех сказочных ацтекских сокровищ, ради которых и отправились за океан все эти авантюристы. По самым оптимистическим подсчетам, общий объем добычи, захваченной в городе, составлял не более 130 тысяч золотых кастельянос. Это была примерно пятая часть того, что испанцы нашли в 1519 году в тайниках дворца Монтесумы и растеряли затем во время своего панического бегства в роковую «Ночь печали» *. По договору, именно эту сумму (королевская доля составляла всегда пятую часть добычи) Кортес должен был отослать в Мадрид Карлу V. Так он и поступил, собрав для своего короля лучшие изделия ацтекских ювелиров. Но когда испанский корабль, нагруженный золотом из Теночтитлана, приблизился к европейским берегам, на него напали французы. И обладателем диковинных заморских сокровищ неожиданно стал вместо Карла V французский король Франциск I. Золото и драгоценные камни, обагренные кровью несчастных индейцев, так и не попали тогда в руки самого могущественного монарха Европы, подданные которого во имя святой веры и испанской короны творили на американской земле страшные злодеяния.

Среди солдат Кортеса росло недовольство. Разочарованные и озлобленные конкистадоры: ломали голову, куда могли деться то фантастические груды золота, которые видели в кладовых теночтитланских дворцов их товарищи в 1519 году. И вдруг кто-то вспомнил об угрозе молодого ацтекского императора в разгар осады Теночтитлана.

— Передайте Малинцину,— заявил тогда Куаутемок,— первое, что мы сделаем — это бросим все наши сокровища в воды озера, где вы их никогда не найдете, потому что мы не хотим, чтобы вы после нашей смерти наслаждались нашими же богатствами.

Над головой плененного теперь Куаутемока стали сгущаться тучи. Раздавались возмущенные голоса и по адресу самого Кортеса. Более того, на белых стенах, солдатских бараков ежедневно начали появляться едкие шутки и эпиграммы, высмеивающие жадность и скупость завоевателя Мексики. Кортеса прямо обвиняли в том, что он обманом захватил для себя большую часть добычи: «одну пятую как главнокомандующий и одну пятую как король». Только угроза суровой расправы заставила солдат прекратить такие нападки. Но на этом всеобщее недовольство отнюдь не кончилось. Напротив, с каждым днем напряжение росло.

Наконец наступил момент, когда королевский казначей Альдерете открыто обвинил Кортеса в том, что тот вступил в сговор с Куаутемоком и присвоил себе все спрятанные сокровища ацтеков. Одновременно чья-то опытная рука подбивала раздраженную солдатскую массу схватить Куаутемока и хотя бы с помощью пытки вырвать у него тайну пропавшего клада. Кортес сначала колебался и медлил, не решаясь отдать юного пленника в руки палачей. Еще бы, ведь речь шла о его личном престиже и рыцарской чести! Но затем, видимо испугавшись обвинений в заговоре против короля, уступил. И злодеяние свершилось.

---

* «Куаутемок» означает по-ацтекски «падающий орел». В старинных индейских рукописях возле изображения сидящего на троне Куаутемока стоит иероглиф в виде головы орла, обращенной клювом вниз.

* В 1519 г. отряд Кортеса по разрешению Монтесумы вступил в Теночтлтлан, но жестокости и вероломство испанцев вскоре вызвали всеобщее восстание ацтеков. Испанцы были разбиты и позорно бежали из города.

Через семь дней после падения Теночтитлана Куаутемок, правитель Такубы и несколько других ацтекских вельмож были подвергнуты жестокой пытке огнем. Однако молодой император, доказавший свою храбрость на поле брани, не дрогнул и на этот раз. А когда правитель Такубы, не выдержав ужасных мучений, тихо застонал, Куаутемок повернулся к нему и с ледяным презрением сказал:

— Малодушный, а я, ты думаешь, наслаждаюсь или нахожусь в своей купальне?

Палачам так и не удалось сломить волю Куаутемока, и Кортес приказал прекратить пытку, что, впрочем, не может смыть с него пятна позора. Слово, данное им при капитуляции Теночтитлана повелителю ацтеков (не причинять пленным вреда и обиды), было нарушено.

Позднее Куаутемок еще раз подтвердил, что большую часть золота ацтеки, как и намеревались, утопили в водах озера Тескоко. И все усилия лучших испанских ныряльщиков найти этот клад оказались напрасными. Зато поиски другой группы испанцев, несколько дней копавшихся среди обгоревших развалин дворца Куаутемока и в окружающем его саду, частично увенчались успехом. Из земли был извлечен огромный и тяжелый диск с изображением солнца, отлитый из чистого червонного золота.

Основная же часть ацтекских сокровищ бесследно исчезла. Тайна их не раскрыта и до сих пор *.

Вина конкистадора

Во всей этой истории труднее всего понять позицию самого Кортеса. Какими мотивами руководствовался он, отдавая роковой приказ о пытке? Яростный защитник конкистадора номер один, его личный капеллан Франсиско Лопес де Гомара в своем пространном труде «История завоеваний Эрнандо Кортеса» утверждает, что вина за мучения Куаутемока целиком лежит на королевских чиновниках, и прежде всего на казначее Альдерете. Они, дескать, разжигали воображение озлобленных солдат сокровищами, спрятанными ацтекским монархом, а Кортес изо всех сил противился их требованиям и, лишь испугавшись обвинений в заговоре против испанского короля, нехотя уступил. Но затем при первой возможности прекратил пытку и вырвал Куаутемока из рук палачей.

Оставим эти измышления на совести льстивого придворного летописца. Кортес, искусный и трезвый политик, когда того требовали обстоятельства, умел быть и безжалостным, и ласковым со своими противниками. И в данном случае подоплека его «гуманности» была весьма прозаичной: он попросту опасался, что гордый пленник, не выдержав пыток, умрет, а вместе с ним уйдет в могилу и тайна сокровищ Монтесумы. Кроме того, ни сам Кортес, ни королевский казначей Альдерете не знали, как отнесется к этому испанский король. Ведь Кортес так и не осмелился упомянуть об истязаниях Куаутемока в своих знаменитых «Письмах» к Карлу V, где подробно описан каждый шаг завоевателя по мексиканской земле.

Куаутемок был избавлен от мученической смерти на костре, но с тех пор навсегда остался хромым, получив тяжелые ожоги обеих ног. Иезуитское лицемерие испанского полководца в полной мере сказалось и здесь. Сразу же после окончания варварской экзекуции Кортес прислал к искалеченному юноше своего личного врача — некоего Кристобаля де Охеду. Последний написал в своих воспоминаниях: «...И я видел также, как этот упомянутый дон Эрнандо Кортес пытал упомянутого Гватемосина *, прижигая ему огнем руки и ноги для того, чтобы тот рассказал о сокровищах этого города... И впоследствии, будучи врачом, я много раз ходил лечить Гватемосина по приказу дона Эрнандо».

Не правда ли, до чего умилительная картина: палач, еще вчера истязавший свою жертву, сегодня проявляет о ней трогательную заботу и присылает личного врача.

Мятеж де Олида

Прошло три года с тех пор, как было сломлено отчаянное сопротивление защитников Теночтитлана и вся подвластная ацтекам территория покорилась горстке испанских солдат. Но аппетиты конкистадоров росли. Кортес, полный честолюбивых замыслов, лихорадочно рассылал свои отряды по всей Мексике, стремясь подчинить испанской короне как можно больше новых земель. Во главе этих отрядов стояли ближайшие друзья и сподвижники Кортеса: Альварадо огнем и мечом завоевывал Гватемалу, Сандоваль. — южное побережье Мексиканского залива, а Кристобаль де Олид отправился с целой эскадрой кораблей основывать колонию на побережье Гондураса. Первые успехи и обладание неограниченной властью вскоре вскружили голову де Олиду, и он, забыв свои прежние клятвы, решил править во вновь основанной колонии совершенно самостоятельно, не подчиняясь Кортесу, генерал-капитану Мехико.

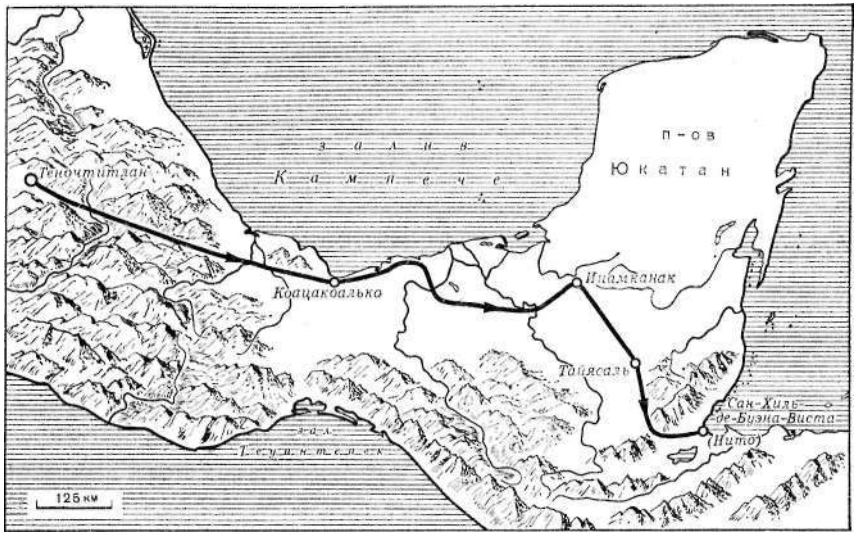
Огромное расстояние, отделявшее его от столицы Новой Испании**, казалось, сулило полную безнаказанность. Но мятежный

---

* В настоящее время в центральной части Мехико-Теночтитлана прокладываются под землей линии метро. И если сокровища ацтеков действительно были зарыты в районе главного храма или бывшего дворца Куаутемока, то есть надежда, что они попадут в конце концов в руки археологов. Во всяком случае уже сейчас там найдены великолепные статуи ацтекских богов,

* Так звали Куаутемока испанцы.

** Мексика.



идальго., видимо, плохо знал характер Кортеса, если: надеялся избежать его мести.

Прослышав об измене, Кортес немедленно направил в Гондурас три корабля, на борту которых находился сильный отряд, возглавляемый Франсиско де Лас Касасом. Приказ генерал-капитана был краток и суров: схватить мятежника и доставить его для суда в столицу. Но случилось непредвиденное. Когда корабли Лас Касаса подошли к нужному пункту, внезапный шквал выбросил их на прибрежные рифы. Все уцелевшие при кораблекрушении, в том числе и сам командующий карательной экспедицией, попали в плен к торжествующему де Олиду.

Правда, в конце концов пленники смогли объединить вокруг себя верных Кортесу людей из местного гарнизона, и взбунтовавшийся Олид сам оказался за решеткой. По приговору скоротечного суда палач отрубил ему на рыночной площади голову.

Но Кортес, находившийся за сотни миль от Гондураса, ничего об этом не знал. До него лишь дошли слухи о полной неудаче экспедиции Лас Касаса. Медлить было нельзя. Дурной пример де Олида, оставшись безнаказанным, мог вдохновить и других сепаратистов, что привело бы к развалу всей системы колониальных владений испанского короля в Новом Свете.

К тому же, по слухам, в Гондурасе имелось немало золотых рудников, которые пришлись бы весьма кстати для конкистадоров с их сильно отощавшими кошельками. И Кортес решает лично возглавить карательный поход против де Олида, выбрав на этот раз сухопутный маршрут. Предстояло преодолеть сотни миль горных хребтов, болот и джунглей, пройти через самые глухие и безлюдные районы Центральной Америки, где не ступала

еще нога европейца. Предприятие подобного рода и в наши дни многим показалось бы безумным. По завоевателю Мексики были совершенно чужды сомнения и нерешительность.

Поход на Гондурас

15 октября 1524 года на улицах Мехико-Теночтитлана, где за громадами строящихся католических соборов еще виднелись остатки древних ацтекских пирамид, царило необычное оживление. Толпы горожан, прижимаясь к стенам домов, с любопытством взирали на колонны войск, двигавшихся на восток, в сторону Чолульской дороги. Генерал-капитан и губернатор Новой Испании дон Эрнандо Кортес покидал свою столицу.

Его сопровождал отряд отборных испанских солдат и вспомогательные войска, состоявшие из трех тысяч ацтекских воинов. Последние в походе должны были также исполнять обязанности носильщиков и рабочих. Личной свите Кортеса мог бы позавидовать любой восточный владыка: юные пажи в ярких костюмах — выходцы из самых благородных семей Кастилии, дворецкий, врач, повар, прислуга, музыканты, танцоры и шуты пестрым роем окружили молчаливого и мрачного генерал-капитана. Чуть позади под надежным конвоем испанских кавалеристов рослые индейцы несли узорчатый паланкин, украшенный яркими перьями птиц и золотыми бляхами. В нем, слегка покачиваясь в такт своим невеселым думам, сидел Куаутемок, облаченный в пышный наряд ацтекских государей. Кортес побоялся оставить пленника в покоренной столице и взял его с собой в свой фантастический по замыслу поход по непроходимым дебрям Южной Мексики.

Сначала Кортес направился в провинцию Коацакоалько, расположенную на южном побережье Мексиканского залива. Здесь к нему присоединились многие его старые друзья — ветераны былых походов, получившие когда-то из щедрых рук своего полководца большие наделы земли в этом плодородном крае. Именно здесь проходила тогда граница испанских владений в Мексике. Дальше на восток, вплоть до атлантического побережья Гондураса, лежала страна, о которой завоеватели не имели ни малейшего представления. Правда, индейские торговцы из Табаско снабдили Кортеса превосходно выполненной картой тех земель, куда ему предстояло идти. «И была она великолепной,— пишет Лопес де Гомара,— потому что на ней имелись все реки и горы, по которым нам нужно было проходить, и все крупные города и селения...»

Используя эту карту и свой верный компас, Кортес в конце концов благополучно пересек ту обширную и плоскую равнину У основания полуострова Юкатан, которая тянется от реки Коацакоалькос до Гондурасского залива.

«Я, как обычно,— начинает он одно из своих писем к Карлу-V,— дам Вашему Величеству отчет о наиболее важных событиях, происшедших во время моего путешествия, каждое из которых могло бы составить тему для отдельного повествования».

И Кортес отнюдь не преувеличивал.

Сначала путь лежал через низкую и болотистую равнину, которую пересекали бесчисленные реки и ручьи, текущие на север, в Мексиканский залив. Только для того, чтобы переправиться через самые крупные из них, солдатам Кортеса пришлось построить на протяжении ста километров около пятидесяти мостов, причем один из таких мостов имел более девятисот шагов длины.

Тропический лес со всех сторон обступал горстку измученных, оборванных людей. Деревья-великаны смыкали свои гигантские кроны, почти не пропуская солнечных лучей. Под ногами чавкала зловонная болотная жижа. Гибкие лианы цеплялись за амуницию, вьюки, опрокидывая зазевавшегося путника наземь.

Тысячи опасностей подстерегали здесь людей на каждом шагу. И все же змеи, москиты и ягуары — истинные владыки американских джунглей — казались совершенно безобидными существами по сравнению с самым страшным врагом человека — голодом. А он стал теперь постоянным спутником отряда. Жители редких лесных деревушек, встречавшихся иногда на пути, при появлении бледнолицых чужеземцев, восседавших на спинах диковинных четвероногих зверей, обычно сжигали свои дома и убегали в джунгли, в тайные убежища. Незадачливым же искателям приключений доставались лишь груды дымящихся развалин да зеленые початки незрелого маиса на окрестных полях.

С каждым днем росло число больных. Многие погибли от голода и лишений или же утонули при переправах через реки. Отставших и заблудившихся никто не искал. Возвращение назад означало верную гибель. Там, где прошли солдаты Кортеса, не оставалось уже ни одного маисового зернышка, ни единого съедобного корешка.

Когда же сильно поредевшее войско выбралось наконец из этих бесконечных джунглей, на пути встала новая неожиданная преграда: в предзакатных лучах тропического солнца лениво катила свои серебристые воды громадная река. Положение было отчаянным. Вконец измученные люди оказались в ловушке, которую подготовила им сама природа.

Конкистадоры метались по берегу реки, проклиная своего незадачливого полководца, притащившего их в этот зеленый ад. Напрасно Кортес призывал своих солдат не тратить времени даром и приступить к постройке моста. Работа эта казалась испанцам невыполнимой.

Можно представить себе, сколько проклятий, жалобных стенаний и горячих молитв к всевышнему раздавалось в этот день на берегу широкой и мутной реки под зеленым пологом деревьев. Но бесстрастные лесные исполины молчали. Кругом стояла ка-

кая-то настороженная, зловещая тишина. И только резкие крики насмешниц-обезьян да тихий ропот речной волны нарушали ее.

— Безумец, куда ты завел нас? Немедленно возвращайся назад! — кричали в лицо Кортесу солдаты.

«Никогда еще Кортес не испытывал таких неудач,— пишет Лопес де Гомара.— Он не спорил и не ругался с испанцами, а попросил их лишь подождать пять дней. Он дал обещание повернуть назад, если по истечении этого срока моста не будет».

Бесславное возвращение в Мехико означало полный крах всех планов Кортеса. Был лишь один способ избежать этого. И не слишком веря в успех своего предприятия, конкистадор направился к шатру Куаутемока.

На этот раз Кортес был весьма красноречив: витиеватые приветствия, щедрые посулы, смиренные просьбы — все было пущено в ход, чтобы завоевать расположение пленного ацтекского императора и его вельмож. Испанскому полководцу нужны были крепкие рабочие руки; в этом мог помочь только Куаутемок: из трехтысячного вспомогательного отряда индейских воинов уцелела еще добрая половина. Случилось так, что именно они, вчерашние враги и сегодняшние пленники конкистадора, пришли ему на помощь в тяжелую минуту.

Гигантский мост был построен руками ацтеков за четыре дня. Для этого потребовалось около тысячи древесных стволов «толщиной с туловище взрослого человека», как пишет испанский летописец, и бесчисленное множество мелких деревьев и сучьев. Плотно пригнанные друг к другу бревна надежно соединили оба берега реки. А когда последний солдат Кортеса перешел через мост и скрылся в лесной чаще, из зеленой стены джунглей бесшумно вынырнули смуглые человеческие фигуры и в изумлении застыли на берегу. Это местные индейцы поспешили выбраться из своих тайных убежищ, чтобы полюбоваться на деревянное чудо ацтеков. Слава об изумительном сооружении разнеслась вскоре по всей округе, и еще долгие годы «мост Кортеса» верно служил путникам, неизменно поражая их своими громадными размерами и прочностью.

За рекой, доставившей испанскому полководцу столько хлопот, раскинулась плодородная и обширная провинция Акалан. Именно здесь, в деревушке Ицамканак, 28 февраля 1525 года и разыгрались драматические события, сценарий которых готовился в течение всех предшествующих лет.

Трагедия в джунглях

По мере того как беспощадное время отсчитывает свои невидимые «верстовые столбы», многие исторические события как бы теряют четкость очертаний и расплываются в туманной дымке веков. Навсегда забываются, исчезают из памяти многие важные под-

робности. Гибнут ценнейшие документы со свидетельствами очевидцев. Чьи-то пристрастные руки «дописывают» летопись событий, «исправляя» историю на свой лад. Да и ученые мужи в зависимости от своих убеждений и симпатий нередко защищают от суда поколений угодных им героев и, не жалея грязи, чернят своих «пасынков».

С веками многие события или факты так искажаются, что подчас пробиться к истине чрезвычайно трудно. К числу подобных исторических событий относится и убийство Куаутемока, навсегда покрывшее позором не только самого Кортеса, но и напыщенных испанских грандов, католическое духовенство и королевский двор — организаторов и вдохновителей Конкисты.

«Здесь, в этой провинции (Акалан.— *В. Г.),*— говорит Кортес в своем письме к Карлу V,— произошло одно событие, которое хороню было бы знать и Вашему Величеству. Дело в том, что один честный гражданин из города Теночтитлана по имени Мехикальсинго, а после крещения — Кристобаль, пришел ко мне к большой тайне ночью... И желая ознакомить меня с тем, что все это значит, сказал, будто Гватемосин и правитель Такубы много раз беседовали между собой... о том, что хорошо бы найти какое-либо средство вернуть свою прежнюю власть и земли, отнятые испанцами».

Далее из слов Кортеса явствует, что Куаутемок вместе с другими ацтекскими вождями и сановниками составил заговор против испанцев. Заговорщики якобы хотели внезапно напасть на отряд, когда он войдет в какой-нибудь глубокий овраг или болото, и перебить всех испанских солдат. После этого ацтеки двинулись бы в Гондурас и вырезали там колонию де Олида. Затем Куаутемок намеревался будто бы с триумфом вернуться в Мехико и восстановить свою прежнюю власть над исконными владениями ацтеков.

«Поскольку я был столь тщательно информирован этим Кристобалем,— продолжает Кортес,— о замышлявшейся измене против меня и испанцев, я воздал хвалу нашему господу богу и затем на рассвете схватил всех этих сеньоров и, поместив их отдельно друг от друга, начал допрашивать...» Ацтекские вельможи, как пишет Кортес, признали сам факт заговора, но утверждали, что он был задуман Куаутемоком и что они отказались поддержать в этом своего повелителя. Куаутемок и правитель Такубы не подтверждали и не отрицали достоверности выдвинутых против них обвинений, они упорно молчали.

«И эти двое были повешены, а других я отпустил, потому что мне показалось, что единственная их вина в том, что они слышали об измене, хотя одного этого уже было достаточно для предания их смерти».

Так описывает ход событий сам Кортес.

Однако присутствовавший при этом Берналь Диас уверяет, что оба, и Куаутемок, и правитель Такубы, твердо заявили о полной своей невиновности. По их словам, они действительно не

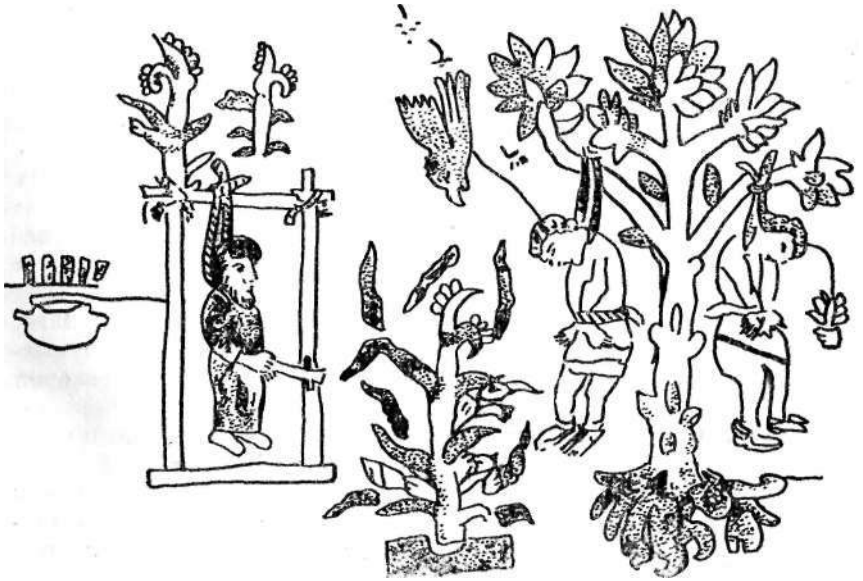


Рисунок из индейсиой рукописи с изображением секбы. на ветвях которой висят трупы Куаутемока и правителя Такубы. Рядом на виселице повешенный монах Хуан де Текто

раз. беседовали между собой о тех невзгодах и страданиях, которые испытали в пути. Говорили они и о том, что лучше умереть сразу, чем видеть, как ежедневно гибнет от голода и болезней множество их соотечественников. О заговоре же никто из них и не помышлял. Но эти заявления не могли уже ничего изменить. Кортес приказал немедленно повесить Куаутемока и его двоюродного брата — правителя Такубы.

Когда ацтекского императора подвели к роковому дереву, то он, в который уже раз, проявил поразительное мужество и абсолютное презрение к смерти. Вот последние слова героя, донесенные до нас Берналем Диасом:

— Я знал, что нельзя полагаться на твои ложные обещания, Малинцин. Знал я и то, что ты давно задумал убить меня, с тех пор, как вступил в мой город Теночтитлан. Почему же ты убиваешь меня столь бесчестно? Бог спросит с тебя за это!

Правитель Такубы в свою очередь успел крикнуть перед казнью, что он считает великим счастьем умереть рядом со своим повелителем. И несчастные пленники (а вместе с ними и несколько других мексиканских вельмож *) были повешены на ветвях огромной сейбы, стоявшей на краю узкой лесной дороги.

* Точное их число неизвестно; испанский хронист Хуан де Вильягутьерре Сото-Майор называет, например, цифру восемь, другие авторы — от пяти До десяти человек.

Здесь же, рядом с сейбой, на самодельной виселице разгневанный Кортес, приказал вздернуть еще одну жертву — испанского монаха Хуана де Текто, который осмелился энергично протестовать против казни Куаутемока.

Общее же настроение солдатской массы, для которой Кортес при иных обстоятельствах всегда был глубоко почитаемым кумиром и благодетелем, выразил Берналь Диас: «Казнь Куаутемока была совершенно несправедливой, и все мы ее осудили».

Видимо, абсолютно правы те испанские и индейские летописцы, которые считают, что обвинения против ацтекского государя были сфабрикованы самим Кортесом. Здесь достаточно привести один факт: подлый доносчик (по Кортесу, его имя Мехикальсинго, или Кристобаль), когда его впоследствии подверг допросу с пыткой один индейский правитель, сознался в том, что не говорил испанскому полководцу ничего похожего.

Наиболее вероятное объяснение, случившемуся состоит в том, что Куаутемок был для испанцев опасным пленником. Во всяком случае именно так его оценивает сам Кортес в письме к Карлу V: «Гватемосин, сеньор из этого города Темиштитана (Теночтитлана.— *В. Г.),* которого я, после того как захватил этот город, пленил, был человеком воинственным, и я взял его с собой».

Последний император Мексики пользовался среди ацтеков огромным влиянием. Они, безусловно, как один пошли бы за ним в случае его открытого выступления против белых завоевателей. Испанцы же в первые годы после Конкисты жили в постоянном страхе перед всеобщим восстанием покоренных, но не сломленных индейцев. Точно таким же страхом был охвачен и Кортес, всегда принуждавший следовать за собой царственного пленника. Обе стороны находились в таких отношениях, которые неизбежно рождали подозрительность и недоверие.

Бедственное положение, в котором оказались испанцы во время гондурасского похода, облегчало внезапное нападение индейских воинов. И это, вполне естественно, еще более усилило напряженность. Склонный верить в коварство Куаутемока, завоеватель Мексики ухватился за первое попавшееся обвинение, которое мгновенно приобрело для Кортеса силу доказательства. Судя по всему, он одним ударом хотел избавиться от опаснейшего врага, служившего притягательным центром для всех недовольных испанским владычеством в Мексике.

Весьма примечательно, что королевский двор в Мадриде с неимоверной поспешностью одобрил постыдное деяние Кортеса и пожаловал ему в качестве награды специальное добавление к рыцарскому гербу — изображения голов казненных индейских правителей, кощунственно сопровождаемые текстом из Священного писания.

Что и говорить, довольно странное понятие о рыцарской чести было у спесивых дворян старой Испании!

Цена проклятия

Мужественное поведение правителя ацтеков, бросившего перед смертью гневные слова в лицо гордому идальго, произвело на всех присутствовавших необычайно сильное впечатление.

Но видимо, больше всего запало оно в душу самого Кортеса — единственного в испанском лагере человека, который знал всю меру низости и несправедливости случившегося. Суровым приговором звучали в его ушах последние слова Куаутемока: «Бог спросит с тебя за это!» И, будучи при всей своей храбрости человеком крайне суеверным и мнительным, завоеватель Мексики надолго лишился душевного покоя. Много дней он был угрюм и раздражителен, плохо спал по ночам. А однажды, проверяя бдительность ночной стражи, поскользнулся на каменных ступенях пирамиды и упал с четырехметровой высоты, получив сильный ушиб головы.

Как бы то ни было, трагедия в джунглях Акалана стала поворотным пунктом в блестящей карьере Кортеса. Можно с уверенностью сказать, что после гибели Куаутемока счастливая звезда конкистадора закатилась. Честолюбивые мечты о новых завоеваниях в Центральной Америке, фантастический проект захвата принадлежащих португальцам Островов Пряностей, наконец, поисковая экспедиция в Калифорнийский залив — все это неизменно терпело крах, несмотря на огромные материальные возможности и незаурядный талант испанского полководца. Проклятие ацтекского императора, словно злой рок, преследовало Кортеса не только при жизни, но и после его смерти, последовавшей 2 декабря 1547 года в Испании. Тело завоевателя Мексики было торжественно погребено в фамильном склепе герцога Медины Сидония, в монастыре Сан Исидро, в Севилье. Но в 1562 году, согласно последней воле усопшего, выраженной в завещании, его прах вновь пересекает океан и предается земле в монастыре Святого Франциска, в Тескоко (Мексика).

В 1629 году останки Кортеса были опять перенесены; на этот раз — в церковь Святого Франциска в городе Мехико. Однако и на этом дело не кончилось. В 1794 году прах конкистадора перезахоронили на территории столичного госпиталя Иисуса Назаретского. А знаменитый скульптор Тольса создал специально для надгробия полководца его великолепный бронзовый бюст. Наконец в 1823 году наступает драматический финал этой затянувшейся истории. Мексиканские патриоты только что с оружием в руках завоевали независимость, изгнав из пределов страны ненавистных «гачупинов» — испанцев. Еще свежи в памяти насилия и жестокости колониальных испанских чиновников, не успела высохнуть земля на могилах павших в боях за свободу. И группа патриотической молодежи решает разрушить склеп завоевателя Мексики, а его прах развеять по ветру. В последний момент черный гроб с кучкой полуистлевших костей удается тайно вывезти

из Мехико и отправить в Италию, на остров Сицилию, где жил тогда один из дальних родственников Кортеса — герцог Монтелеоне.

Поистине есть нечто символическое в том, что многострадальная земля Мексики не захотела принять останки человека, принесшего ей столько страданий и горя. И вот, словно страшный призрак, черный гроб с полуистлевшими костями завоевателя мечется из города в город, из страны в страну, пересекая океаны и материки. Но все напрасно. На бескрайних просторах Нового Света, где четыре столетия назад твердой ногой встали алчные испанские конкистадоры, ныне для их вождя не нашлось и двух метров земли.

Его останки лежат в чужой каменистой земле, под чужим небом, под чужим солнцем. И есть, вероятно, высшая справедливость в том, что вопреки последней воле Кортеса его могила оказалась так далеко и от родной Кастилии, и от древней страны ацтеков.

Вторая жизнь Куаутемока

Но вернемся к событиям, происшедшим в Акалане. На следующий день после казни, едва забрезжил рассвет, отряд двинулся дальше. Кортес явно спешил покинуть это зловещее место, где, казалось, каждая былинка, каждый камень взывали к отмщению.

В сутолоке лихорадочных сборов и первых миль трудного пути никто не заметил, что и без того маленькая армия сократилась еще на тридцать человек. А когда затихли вдали звуки голосов и перезвон топоров, которыми прокладывали себе путь сквозь лесную чащу испанцы, на пустынную поляну бесшумно вышла небольшая группа индейских воинов. Их было ровно тридцать. С суровыми и торжественными лицами выстроились они вокруг мрачного «дерева смерти», отдавая последнюю дань уважения своему владыке и повелителю, принявшему мученическую смерть так далеко от родного дома. Затем они сняли труп героя, обложили его душистыми листьями и запеленали в куски тонкой ткани. Бережно подняв на плечи свою ношу, воины тотчас двинулись в путь. Идти было далеко — в Ичкатеопан, родной город Куаутемока, расположенный на западе Мексики, в Герреро. Шли скрытно, по ночам, выбирая самые глухие дороги и тропы. Днем же прятались в джунглях или отдыхали в индейских селениях. Наконец после долгих дней пути печальная процессия вступила в Ичкатеопан. Здесь жила мать Куаутемока. Здесь же родился когда-то и он сам. И мексиканские воины решили похоронить его в гробнице предков, под стенами отчего дома. Были устроены пышные похороны, со всеми торжественными обрядами и церемониями, полагавшимися ацтекским правителям — тлатоани.

На площади перед высокой пирамидой главного храма собралось почти все население города. Люди пришли попрощаться со своим безвременно погибшим владыкой, до конца защищавшим страну от жестоких чужеземцев. Труп Куаутемока, согласно обычаю, сожгли, а пепел захоронили в родовой усыпальнице правителей Ичкатеопана *.

Прошло четыре года. В декабре 1529 года в город прибыл первый христианский проповедник — монах-францисканец Торибио де Бенавенте (Мотолиниа), впоследствии автор известных исторических трудов о Новой Испании. Случайно узнав о местонахождении гробницы Куаутемока, он убедил жителей Ичкатеопана перенести останки героя в другое место, чтобы укрыть их от бдительного ока испанских властей. Во дворе своего бывшего храма индейцы выкопали новую гробницу и возвели над ней в целях маскировки небольшую католическую часовенку. Позднее, лет через семь-восемь, по совету того же монаха на месте старой часовни была построена большая каменная церковь, причем индейские мастера так спланировали все здание, что гробница ацтекского императора оказалась замурованной точно под главным алтарем храма.

Уходя из города, де Бенавенте просил местных жителей сохранить все это в строгой тайне. И просьба великодушного монаха была с готовностью исполнена. От отца к сыну, от поколения к поколению на протяжении веков передавалась тайна императорской гробницы среди населения Ичкатеопана. И ни разу ни один человек не проговорился, не выдал ее. Только в начале 1949 года последний ее хранитель поведал обо всем на исповеди местному священнику, а тот поспешил заявить о гробнице властям.

Из столицы Мексики тотчас же прибыла в город специальная комиссия, состоявшая из видных ученых разных специальностей: археологов, антропологов, медиков, архитекторов. 26 сентября 1949 года начались раскопки под алтарем главной церкви Ичкатеопана. На глубине двух метров исследователи наткнулись на узкую щель, оказавшуюся входом в крохотную гробницу. Последняя была высечена прямо в скалистом грунте. Внутри нее находились человеческие кости, пепел, медные бусы, кольца, привески, два украшения из голубого нефрита и большой медный наконечник копья. Здесь же, немного поодаль, лежала овальная тонкая пластина из сильно окислившейся меди. На ее лицевой поверхности были отчетливо видны крест и короткая надпись в староиспанском стиле, выбитые или выгравированные каким-то острым и твердым предметом. Надпись гласила:

1525 1529
Государь и повелитель Куаутемок.

* Куаутемок был сыном ацтекского императора Ауицотла (1486—1503) Дочери правителя Ичкатеопана.

Чтобы исключить любую возможность подлога — а история знает немало случаев подобных мистификаций,— группа авторитетных ученых подвергла всю полученную информацию самому тщательному анализу. Архитекторы установили, что церковь в Ичкатеопане была действительно построена до 1539 года над уже имевшейся там гробницей. Химики доказали древний возраст (в пределах чуть более 400 лет) медных изделий, в том числе и пластины с надписью. Палеографический анализ самой надписи позволил уверенно отнести ее к XVI веку.

Но самыми интересными и важными были выводы антропологов и медиков. Дело в том, что, несмотря на сожжение, от скелета сохранилось много обломков костей, и подчас довольно крупных: фрагменты черепной крышки, лицевых костей, ребер, длинных костей рук и ног.

В протоколе судебно-медицинской комиссии, занимавшейся изучением останков человека, погребенного в гробнице Ичкатеопана, сказано: «Большая часть исследованных костей принадлежит скелету индивидуума мужского пола, атлетического сложения, 25—30-летнего возраста, ростом приблизительно 180 сантиметров... На поверхности третьей плюсны пальца правой ноги заметны плотные твердые изменения, состоящие из боковой удлиненности, шероховатости и маленького конического выступа в 3 миллиметра высотой,— все это аномалии, которые, очевидно, не связаны с возрастными изменениями, какими-либо травматическими повреждениями или повреждениями от специфических заболеваний (например, туберкулеза). Остается предполагать, что все упомянутые изменения вызваны повреждениями, полученными при жизни в результате сильного ожога ступней ног и, в данном случае, в результате пытки огнем».

Итак, цепь доказательств замкнулась. Прах Куаутемока, казалось, навсегда затерянный в глубине вечнозеленых лесов Южной Мексики, через четыре с половиной столетия был возвращен мексиканскому народу. Простые мексиканцы сумели сохранить тайну гробницы Куаутемока и от ненавистных колониальных чиновников, и от вездесущей католической инквизиции.

Перед судом истории

На центральной площади Мехико стоит сейчас величественный памятник организатору обороны Теночтитлана — последнему ацтекскому императору Куаутемоку. На пьедестале монумента золотом горят слова: «Памяти Куаутемока и тех воинов, которые героически боролись за свободу своей страны».

Народ Мексики, принесший столько жертв в борьбе за свободу и независимость родины, умеет достойно чтить память своих героев и горячо ненавидеть своих врагов.

Когда думаешь о тех далеких и кровавых событиях, которые зовутся в истории Америки испанской Конкистой, то над мелочностью обыденных дел и ничтожных фактов встают из туманной дали веков две гигантские фигуры — Куаутемока и Кортеса. Два известных человека своей эпохи, они необычайно наглядно воплотили в себе характернейшие черты двух непримиримо враждебных сил, столкнувшихся тогда в смертельной схватке на поле боя.

Да, Кортес тоже был по-своему незаурядной личностью. Блестящий организатор и полководец, искусный политик и дипломат, наконец, просто храбрый человек, не раз смотревший смерти в глаза. Но все эти достоинства тесно уншвались в нем с такими пороками и недостатками, из которых лицемерие, скупость и жестокость вряд ли будут еще самыми значительными. Трагедия Кортеса в том и состоит, что все свои таланты и разящий без промаха меч он поставил на службу постыдному и кровавому делу Конкисты.

«Кортес и Куаутемок,— пишет известный мексиканский историк Франсиско дель Пасо-и-Тронкосо,— в известной мере фигуры вполне достойные друг друга. Если же мы сделаем одного из них грубым солдафоном, грабителем и убийцей, то тем самым низведем другого до положения ничтожного варварского царька, покровителя одной из самых кровавых религий мира... В мировой истории Кортеса можно было бы сравнить с Александром, Цезарем и Бонапартом, тогда как Куаутемок вполне нашел бы свое место в одном ряду с Винценгериксом *, Жанной д'Арк и Костюшко».

Да, мир знал разного рода великих людей. Одни прославили себя блестящими победами в грабительских войнах и захватами чужих земель. Другие же до последнего вздоха отстаивали от врага свою родину. И тот факт, что в Мехико стоит прекрасный памятник Куаутемоку и нет и никогда не будет памятника Кортесу, лучше всяких слов свидетельствует, на чьей стороне симпатии свободолюбивых народов.

Об авторе

Гуляев Валерий Иванович. Родился в 1938 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ. По специальности археолог, научный сотрудник Института археологии АН СССР, кандидат исторических наук. Занимается проблемами исчезнувших цивилизаций Латинской Америки. Автор двадцати научных статей, монографии «Древние цивилизации Центральной Америки», научно-популярной книги «Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху». В альманахе выступал дважды (в выпусках 1967 и 1969 годов). В настоящее время работает над книгой об археологических открытиях в Центральной России.

* Випценгеторикс — правитель галлов, долгое время отстаивавший, свободу своей страны от нашествия римской армии во главе с Цезарем.

РОЖДЕНИЕ КОРОТКОЙ ВОЛНЫ

Эрнст Кренкель

Очерк

На косогоре внешнего проезда Рождественского бульвара в Москве на доме номер 15 некогда висела мемориальная доска с надписью, что в этом доме родился и жил писатель Денис Иванович Фонвизин. Доску давно сняли, так как оказалось, что нынешнее здание лишь построено на том месте, где когда-то стоял дом, в котором родился писатель... Впрочем, оставим этот вопрос решать историкам литературы, скажем только, что в стенах дома номер 15 в середине двадцатых годов нашего столетия помещалось московское представительство Нижегородской радиолаборатории. Этой лаборатории, основанной выдающимся русским ученым Михаилом Александровичем Бонч-Бруевичем, суждено было стать колыбелью всего того большого и ценного, чего достигли мы в дальнейшем в области радио. Много видных ученых, представителей старшего поколения, выросло, взлелеяно в стенах этого очага науки и техники.

И вот в один из осенних дней 1926 года к дому номер 15 подошел молодой человек. Особенной наблюдательности не требовалось, чтобы определить некую причастность этого юноши к морским делам — об этом свидетельствовали потертый флотский бушлат и мятая фуражка с «крабом».

Прочитав вывеску, юноша потоптался на месте, а затем решительно перешагнул порог учреждения.

— Могу ли я видеть кого-либо из руководителей?

Учреждение было спокойным, посетителей бывало не так уж много, поэтому секретарша без всяких расспросов направила молодого человека в соседнюю комнату к Николаю Александровичу Никитину.

За большими стопками книг и грудами журналов, громоздившимися на длинном столе, посетитель не сразу разглядел «столоначальника».

— Садитесь, молодой человек. Что скажете? — любезно спросил он.

— Видите ли, я радист. В 1924 году зимовал на полярной станции Маточкин Шар на Новой Земле. Теперь собираюсь опять вернуться в Арктику.

— Так, все это очень хороню, но что же вы хотите от меня?

— Простите, я не закончил. Я увлекаюсь короткими волнами, сам смастерил коротковолновый передатчик и приемник и теперь, поверьте, по ночам мало сплю, все шарю в эфире, работаю с нашими и зарубежными радиолюбителями.

— И это интересно, но все-таки я не совсем понимаю, что же привело вас ко мне?

— А вот что. Гидрографическое управление намерено провести опыты по связи на коротких волнах в Арктике. Мне поручено договориться с вами о деталях. Управление берет на себя установку и обеспечение работы той аппаратуры, которую вы нам дадите для этой цели. По-видимому, это дело будет поручено лично мне.

Молодой человек не поперхнулся, не покраснел и даже глазом не моргнул, хотя все его заявление смахивало на выдумку. Впрочем, не все. Зимовка на Новой Земле и увлечение короткими волнами были правдой. Об остальном же молодой человек, мягко выражаясь, импровизировал. Просто он выдавал желаемое за действительность. Но можно ли осуждать его? Ему так хотелось отправиться в Арктику с хорошей, новой аппаратурой и поработать там, где еще никто не работал на коротких волнах.

В этом не было ничего удивительного. В те годы увлечение короткими волнами только-только начиналось. И для этого было основание. После первой мировой войны на армейских складах скопилось большое количество неиспользованной радиоаппаратуры. И вот радиолюбители обратились с просьбой в соответствующие организации продать им этот в сущности старый хлам. Разрешение было получено.

Как известно, молодежь всегда напориста и требовательна. Удовлетворили одну ее просьбу — появилась другая: дайте

разрешение на работу индивидуальных радиостанций. Этот вопрос оказался посложнее: а но будет ли работа любителей мешать государственным радиостанциям?

И вот кто-то предложил разрешить любителям работу на волнах короче двухсот метров. Этот диапазон никем не использовался и считался никчемным. С такими волнами многого не сделаешь. Дай бог, если любители смогут переговариваться между собой в пределах, одного города.

И тут повторилась та же история, что и с яблоком, угодившим в голову Ньютона. Жаль только, что имя автора этого казуистического предложения потеряно для истории, а то ему следовало бы поставить памятник как крестному отцу коротких волн. Дело приняло совершенно неожиданный оборот! Первый же радиолюбитель, пользуясь самодельной коротковолновой аппаратурой, установил связь с любителем другого материка. И мощность его передатчика была в несколько десятков раз меньше, чем требовалось, по подсчетам, для такой же связи на длинных волнах. Это было почище ньютонова яблока!

Пока ученые разбирались в природе коротких волн, радиолюбители продолжали свое дело.

Когда глухой ночью в огромном доме тускло светилось одно лишь окно, можно было безошибочно сказать, что там, примостившись в уголке у своих самодельных аппаратов, пристроив лампу так, чтобы свет не мешал спящим домочадцам, священнодействовал радиолюбитель. А ведь действительно было чем увлечься, стоило поступиться сном ради такого увлекательного занятия.

Представьте себе. В фанерном сооружении, начиненном лампами и проводочками, по твоей воле рождается радиоволна. Вот она бежит по проводу на крышу, там срывается и с непостижимой скоростью, пронизывая облака, мчится в стратосферу до отражающего слоя. Там, на высоте сотен километров, волна, всего лишь какую-то дробную часть секунды назад созданная твоей рукой, меняет направление, под определенным углом возвращается на землю, опять отраясается и снова уходит ввысь, гигантскими скачками опоясывая земной шар.

Кто же услышит ее и ответит? Вероятнее всего, такой же страждущий энтузиаст из соседнего квартала. Но с такой же вероятностью может ответить и антипод. Правда, установить связь с антиподом удавалось редко. Но все же удавалось. Разве ради этого не стоит просидеть за полночь у радиоприемника? Ведь ждет же человек всю жизнь счастья. А оно может быть, но может и пройти мимо. Весь смысл жизни, Пожалуй, в активных попытках достижения, а подчас и в терпеливом ожидании.

Но возвратимся на Рождественский бульвар. Морячок по молодости лет был больше увлечен эмоциональной стороной своего предложения. Однако его собеседник отнесся к делу глубже, серьезней.

— Ну что же, предложение, несомненно, интересное. В настоящее время Нижегородская радиолаборатория проводит опытную радиосвязь с Ташкентом и Владивостоком. Станция в Арктике дала бы нам дополнительный ценный материал по слышимости и прохождению коротких волн. Я думаю, что это дело полезное и нужное. В ближайшие дни сюда должен приехать директор лаборатории профессор Бонч-Бруевич, и я доложу ему о вашем предложении. Думаю, что отказа не будет. А чтобы скорее приступить к подготовке, попрошу вас принести от Гидрографического управления официальный запрос и согласие на проведение этой работы.

В начале зимы молодой человек был уже в Ленинграде. Никто его туда не посылал. Он поехал на свой страх и риск и, самое ощутительное, за свой счет. Денег от первой зимовки в Арктике оставалось не так уж много, но на билет и на скромную жизнь ему вполне хватало. Товарищи по зимовке, жившие в Ленинграде, приютили его, избавив парня от расходов на гостиницу.

Управление экспедиции Северного Ледовитого океана размещалось в маленьких скромных комнатках верхнего этажа Адмиралтейства. Этому управлению и подчинялась тогда полярная станция на Новой Земле. Чтобы попасть в управление, надо было миновать монументальный вестибюль и долго шагать по коридорам непомерной высоты. Вдоль их стен стояли огромные, до самого потолка, шкафы орехового дерева с деревянными же старинными адмиралтейскими якорями на дверках. В этих шкафах хранилась История: шканечные журналы, подлинники карт, рапортов знаменитых мореплавателей об удивительных открытиях в дальних морях — все, что покрыло немеркнущей славой русский андреевский флаг. Здесь даже неловко было громко говорить. Ведь по этим коридорам стремительной походкой проходил Петр Первый, мореплаватели Лазарев, Беллинсгаузен, Коцебу, Головнин, Макаров... Казалось, сам воздух здесь насыщен героикой, запахами южных и студеных морей, стариной.

Сотрудники экспедиции приветливо встретили уже знакомого им радиста. В Арктику в те годы мало кто стремился, и поэтому оформление его на работу, опять на ту же Новую Землю, решилось быстро и без волокиты.

Сообщение о возможности испытания на Новой Земле коротковолновой радиостанции вызвало явный интерес. Еще бы! Радист так красочно и ярко описывал, с каким нетерпением Нижегородская радиолаборатория стремится к проведению этих опмтов!

Доложили начальству. Предложение было одобрено, и — лиха беда начало! — родилась первая бумага о том, что Гидрографическое управление, дескать, охотно соглашается на проведение опытов и со своей стороны обеспечит все необходимое для этого Ну и конечно, говорилось, что переговоры, подготовка и пропеде-

ние опытов поручались «нашему радиотехнику... имярек». Начало было положено. Нижегородская лаборатория всемерно шла навстречу.

Опять вокзал, поезда, и вот он — Нижний Новгород! Огромный мост через Волгу, дом знаменитой когда-то ярмарки, крутой подъем возле кремля и строгое здание лаборатории, выходящее фасадом на набережную у слияния Волги и Оки. Из его окон открывался чудесный вид на безбрежный водный простор. Речные буксиры, тащившие где-то внизу против течения караваны барж и плотов, казалось, стояли на месте. Дали и ветер были почти морскими.

Но больше всего приезжего поразили лаборатории, заставленные приборами, опытное поле с огромными мачтами, невиданные по размерам передатчики с огромными генераторными лампами. Здесь, в лабораториях, все жило будущим, здесь бурлила творческая мысль, кругом трудились замечательные, хорошие, умные люди, влюбленные в радиотехнику.

И вот в уголочке одной из лабораторий появилась аппаратура, которой суждено было стать первой коротковолновой,установкой в Арктике. Наступил день, когда приятным баском загудел умформер и передатчик ожил: ровным светом затеплились генераторные лампы, стрелки одних приборов стояли неподвижно, другие же метались, словно угорелые, как и было им положено. Прекрасная аппаратура, еще недавно казавшаяся морячку неосуществимой мечтой, работала!

По тому времени коротковолновый приемник тоже выглядел шедевром. Он размещался на большой панели, ничем сверху не прикрытой. В сущности это была положенная на плоскость развернутая лабораторная схема трехлампового приемника. Лампы его — тогда тоже последняя новинка лаборатории — потребляли потрясающее количество тока. Передняя панель была двойной, и через обе стенки проходили удлиненные ручки управления. Само управление аппаратом проводилось на глазок и на слух. Этот один из самых первых коротковолновых приемников теперь, сорок с липшим лет спустя, вспоминается как трогательный и наивный первенец, но, черт возьми, он был хорош, этот первенец, он отлично работал!

Тщательно проверенную аппаратуру упаковали и отправили в Архангельск. А вслед за ней туда же выехал и радист. Шло лето 1927 года...

Здесь, пожалуй, пора бы сказать, что морячок-радист, затеявший всю историю с получением коротковолновой радиоаппаратуры, был автор этих строк.

Исакогорка — последняя станция перед Архангельском. Слева на высоком холме — ажурные металлические башни радиостанции. Более десяти лет радиосвязь с немногочисленными тогда полярными станциями осуществлялась отсюда. Еще на курсах

радистов наши преподаватели, некогда работавшие на этой станции, рассказывали, как они передавали на далекие острова содержание открыток, получаемых от семей полярников. И мы, юнцы, затаив дыхание и развесив уши, слушали рассказы о штормах, пургах, лютых морозах. Всего этого в Москве мы не испытывали и поэтому чувствовали себя глубоко несчастными.

И вот Архангельск — западные ворота Арктики! Для начала надо было с толпой прибывших с нашим поездом пассажиров взгромоздиться на предельно обшарпанный пароходишко с громким названием «Москва», чтобы с его помощью добраться в город, растянувшийся на многие километры по противоположному берегу Северной Двины. До моря еще далеко, но здесь все живет им. Пахнет водорослями, просмоленными канатами, сосной — всеми теми бодрящими запахами, которые заставляют учащеннее биться сердце, зовут в морские дали.

До Соломбалы, куда мне надлежало ехать, далеко. По главной улице Архангельска — проспекту Павлина Виноградова — надо было долго добираться на трамвае. У конечной остановки — опять переправа через Кузнечиху, и вот она, Соломбала,— северная русская Венеция! Путь лежал через территорию лесопильного завода. Под ногами пружинят опилки, кругом высоченные штабеля досок и бесконечные надписи на всех языках мира: «Не курить!» Действительно, небрежно брошенный окурок может навлечь большую беду.

В центре Соломбалы огромное здание петровской постройки. Хотя окна его и велики, света они пропускают мало. Даже в жаркий летний день моего прибытия в здании царили сумрак и прохлада. По каменным ступеням, по узорчатым чугунным площадкам лестниц, протоптанным и отполированным до блеска многими поколениями моряков, я добрался до нужного мне учреждения, само название которого напоминало северные сияния, штормовые ветры, ледовые просторы: «Убекосевер» — Управление безопасности кораблевождения по северным морям.

Передатчик, полученный в Нижнем, настолько хорошо был упакован для морского путешествия, что не хотелось его распаковывать, тем более что при испытании его на месте он надежно работал. А приемник все же следовало проверить. Я поставил его в одной из комнат управления и с трепетом — не поломался ли в пути? — включил.

По управлению, где работало много связистов и радистов, быстро пронесся слух, что на полярную станцию Маточкин Шар везут какую-то интересную шкатулку, якобы новый приемник. Тогда даже опытные радисты о коротких волнах знали примерно столько же, сколько сейчас знает обыватель о технологии изготовления атомной бомбы. Группа старых радистов молча и явно неодобрительно взирала на необычный прибор.

По их устоявшимся понятиям, радиоприемник должен был обязательно иметь вид ящика с эбонитовыми панелями по край-

ней мере в два пальца толщиной и ручками, повернуть которые мог только взрослый, в полную силу, мужчина, потому, как известно, радио — занятие не для детей и женщин. А это? Какое-то легкомысленное устройство из проволочек и катушечек, которые надлежало сближать, затаив дыхание, деликатно касаясь двумя пальцами. Нет, нет! Тут что-то не то.

В те времена любителей, работавших в эфире, вообще было еще маловато, и, как на грех, я не услышал ни единой станции: Старички переглядывались, многозначительно улыбались. Все было для них непривычным и поэтому казалось непонятным, неправдоподобным, а я, ратовавший с пеной у рта за короткие волны и разливавшийся соловьем о великом будущем коротких волн,— явным аферистом.

А мой приемник красноречиво молчал. Действовал так называемый закон демонстраций. Пока что-либо готовится к показу, все идет отлично, но стоит лишь приступить к демонстрации, как что-нибудь обязательно не заладится.

Конечно, вечером, когда все разошлись по домам и в управлении воцарилась тишина, приемник, усовестившись, заработал. Но, увы, демонстрировать его было некому.

Через несколько дней предельно загруженный пароход с новой сменой полярной станции отвалил от соломбальской пристани, а еще несколько суток спустя на горизонте появились горы Новой Земли. С каждым часом берега ее приближались. Вот они уже совсем близко. Пароход повернул и пошел прямо к берегу. Казалось, что он сейчас с полного хода врежется в скалы, но неожиданно открылся широкий поворот, затем другой, и судно вошло в узкий, но глубокий пролив Маточкин Шар. Все пассажиры и моряки, свободные от вахт, высыпали на палубу, любуясь замечательными, один другого прекраснее, видами, открывавшимися за каждым новым поворотом.

Выгрузка у полярной станции заняла несколько суток. Еще недавно пустынный берег загромоздили штабеля досок, ящиков, тюки сена. По существующим правилам команда судна обязана выгрузить и доставить груз за линию прибоя. Но конечно, это правило было весьма условным. Широкая галечная полоса с засохшими водорослями, скопившимися у подножия высокого холмистого берега, красноречиво свидетельствовала, что линия прибоя простирается до этого подножия и при хорошем шторме все выгруженное на берег окажется под водой. Значит, следовало торопиться с переноской груза.

Нам, одиннадцати зимовщикам, предстояло поднять десятки тонн всякой всячины на крутой берег, туда, где высился большой, скучной постройки дом. Наши транспортные возможности были весьма ограниченными. Единственная лошадь, все достоинство которой заключалось в том, что ей выпала честь быть самой се-

верной лошадью планеты, с трудом вытаскивала наискосок по косогору грабарку с легкими ящиками. Мы поддерживали конягу морально, в основном крепкими словами, а самые тяжелые ящики таскали на собственных спинах. Существовала еще и узкоколейная дорога, тоже самая северная в мире. На вагонетку накладывали доски. После длительных истошных криков о готовности кто-то невидимый за бугром начинал крутить лебедку. Натягивался трос, и, подталкиваемая со всех сторон, вагонетка медленно ползла в гору.

Наступил последний день разгрузки. Пароход возвращался в Архангельск. Прощание с моряками, последние рукопожатия. И как заключительный аккорд всей этой «выгрузочной эпопеи», с борта судна в шлюпку, нам в протянутые руки, со всеми предосторожностями был спущен самый ценный груз — новый передатчик.

Уже с берега мы наблюдали за отходящим судном. Раздался знакомый стук брашпиля, выбиравшего якорь, крик боцмана с бака, и судно сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стало удаляться. Прощальные гудки. С берега им в ответ неубедительно и как-то одиноко прозвучало несколько винтовочных хлопков-выстрелов. Судно скрылось за мысом.

Этот августовский вечер выдался холодным, и ватные штаны и куртки, в которые мы облачились, пришлись кстати. Широким раструбом уходил на восток пролив Маточкин Шар. С северного нашего берега мы отлично видели южный остров Новой Земли с высокими, покрытыми снегом горными вершинами, а левее, на горизонте,— Карское море.

Стоял полный штиль, и море лениво дышало. Небольшая волна шуршала галькой. Устав от дневной работы, от прощальных треволнений, мы подтащили к берегу неразгруженную шлюпку и отправились ужинать. В обширной кают-компании за столом, покрытым клеенкой,— во время разгрузки где уж там думать о скатерти! — засели трапезничать.

Уже тарелки были собраны, на столе появились кружки с крепким чаем, и свет лампочки стал меркнуть от густого табачного дыма, как вдруг, словно взрыв бомбы,— крик:

— Шлюпку уносит!

На какой-то момент в дверях образовалась пробка, но через секунду мы, все одиннадцать, уже мчались по камням вниз. Так и есть! Мы недостаточно далеко от уреза воды вытащили шлюпку, и, когда наступил прилив, она оказалась на плаву. Мирно покачиваясь метрах в двадцати от берега, она направлялась в сторону моря. Единственная шлюпка! Передатчик! Передатчик! Все рушилось, к дьяволу летели все планы!..

Наука утверждает, что механизм действий человека сложен: глаз видит — и в мозгу начинает что-то «шевелиться». После некоторого «шевеления» центральный мозг через определенное время дает команду нервной системе, и только тогда, после столь длительной волокиты, человек начинает что-то предпринимать. Но

есть и другой вариант: это когда человек действует инстинктивно. Тогда только — глаз и действие.

Мой глаз видел уплывающую лодку, но мозгам «шевелиться» было некогда. Впрочем, если бы заработали мозги, было бы значительно хуже: я не стал бы делать то, что последовательно делал дальше. Сбегая вместе со всеми с косогора, я, не думая, на ходу скинул свой ватник. Вот уже бегу по шуршащей гальке. Вода! Молниеносно сбросив разношенные сапоги и портянки, я по схеме «глаз — действие» бултыхнулся в воду.

Первое впечатление было ошеломляющим. Его не передать, такое нужно испытать самому. Вероятно, при падении в кипяток ощущение такое же. Меня ошпарило... холодом. Температура воды в проливе была около семи градусов. Энергично действуя руками, я поплыл к шлюпке — единственное, что мне оставалось делать. С берега раздавались подбадривающие крики, перемежавшиеся с бесплатными советами. Брр, ух и холодно же!

Но вот и злополучная шлюпка. Залезать надо только с кормы— так и удобней и легче. С трудом заваливаюсь в шлюпку. Ватные штаны намокли, стали пудовыми. Вытащить весла было делом одной минуты, и вот я уже подгребаю к берегу.

Оваций не надо! Степенным шагом — не очень-то побежишь босиком по камням да еще в пудовых штанах — я, как русалка — с меня лились потоки воды,— прошествовал в дом. Скуповатый начальник превзошел самого себя: выдал бутылку коньяку. Тут все дружно помогли мне переодеться и еще более дружно распить коньяк. Я стал героем дня!..

Радиостанция в проливе Маточкин Шар была построена в 1923 году в связи с развивавшимися тогда Карскими операциями. Суда, груженные сельскохозяйственными и иными машинами, промышленными товарами, направлялись из Мурманска, Архангельска, из Лондона через Карское море на восток к устьям Оби и Енисея, чтобы забрать там сибирское зерно, кожи, меха, лес и возвратиться обратно. Самым трудным участком было Карское море, издавна снискавшее дурную славу «ледяного мешка». Преобладающие северо-восточные ветры нагоняли ледяные поля в этот мешок до южного берега и закрывали относительно узкие южные проливы — Югорский Шар и Карские Ворота.

В некоторые годы при забитых льдом южных проливах удавалось проводить суда через пролив Маточкин Шар, расположенный значительно севернее. Для получения достоверных сведений о состоянии льда у восточного выхода пролива и была сооружена наша полярная станция: большой дом, два склада, маленькая банька на косогоре, магнитный павильон и немного поодаль здание радиостанции.

Первое, что бросалось в глаза на подходе к станции,— две огромные мачты. Такие мачты строились на заре развития радио-

связи. Бревна почти в человеческий обхват, надставленные одно на другое, тремя гигантскими свечами уходили на шестидесятиметровую вышину. Между собой бревна соединялись длинными болтами. Внутри треугольника, образуемого бревнами, можно лезть до самого верха. Три яруса оттяжек из стальных тросов толщиной в руку, изоляторы величиной с детскую голову — все это было добротно, фундаментально, но страшно громоздко.

В доме одну треть занимала радиорубка, а две трети — машинное отделение. Кроме того, в пристройке находилась большая аккумуляторная батарея. Посредине рубки стоял искровый пятикиловаттный передатчик, дальность действия которого не превышала 300—400 километров — только до Югорского Шара.

Пуск передатчика был целым событием. После звонка к механику в соседнее помещение начинался запуск двигателя. Механик должен был, оперируя сжатым воздухом и ловко попадая в такт, заставить работать двигатель. Иногда это удавалось не сразу, воздух расходовался без толку, и двигатель не желал работать. Тогда объявлялся аврал: все бросали свои занятия, спешили в машинное отделение, как мухи, облепляли большой маховик и приводной ремень. Общими усилиями запускали двигатель. Шурша и шлепая, скользил ремень. Накаливалась контрольная лампа, и вспотевший механик, пропуская мимо ушей нелестные по его адресу эпитеты, вежливо благодарил за помощь.

После этого вступал в роль я. Взревев трубным звуком, начинал работать пятикиловаттный умформер. Выводить реостат следовало терпеливо, не торопясь: поспешность могла привести к аварии.

Во время навигации несколько судов одновременно тщетно вызывали нас, но мы, связанные по рукам и ногам ограниченными возможностями аппаратуры, не могли быстро отвечать.

Приемник — все те же потрясающей толщины эбонитовые плиты, увенчанные кристаллическим детектором,— тоже не радовал. Нынешние радиолюбители только понаслышке знают, что были, мол, какие-то детекторы: эдакие камушки, по которым приходилось долго елозить пружиной, прежде чем удавалось услышать.

Грохочущий двигатель, от которого мелкой дрожью трясся весь дом, визжащий умформер, огромные мачты и крохотный камушек с пружиной — вот и все, с помощью чего полярная станция Маточкин Шар с громом и треском посылала в эфир радиоволны.

Пуск станции в лучшем случае занимал не менее пяти минут, и в результате всей этой кутерьмы перекрывалось расстояние не более 400 километров... Нам, конечно, было известно, что для радио не существует границ, но, пока на соседних станциях нас слушали на таких же, как и нага, детекторных приемниках, границы, увы, практически существовали. Ничего не поделаешь, такова была техника радиосвязи.

Но вот рядом с той, эпохальной аппаратурой разместился небольшой передатчик мощностью всего лишь в 150 ватт. Пять киловатт и полтораста ватт — ровно в тридцать три раза меньше! А по соседству с эбонитовым сундуком-приемником стал его изящный новый родственник.

Мои товарищи по зимовке не интересовались радиотехникой. Первое время я пытался просвещать их, но потом перестал. Каждому — свое, или, как говорится, кесарго — кесарево, слесарю — слесарево. Поэтому, когда все было установлено и проверено, я предпочел остаться один и действовать в одиночестве.

Наступили минуты, которые я мысленно переживал уже много раз, минуты, которыми заканчивались многомесячные заботы, волнения, хлопоты, неприятные разговоры. Все осталось позади.

Каков будет результат? Усиленно билось сердце. Ведь еще никто до меня не слушал здесь короткие волны, еще никто не посылал их из Арктики.

Медленно поворачиваю ручки приемника, прохожу по диапазону, тщательно его прослушивая. Ура! Приемник работает отлично. Развеялись опасения, что эфир в Арктике особенный и короткие волны проходить не будут. Вот монотонной скороговоркой бубнят крупные станции. А вот легкая музыка из Голландии. Очень хорошо, но это не то, что мне надо. Нужно найти место, где, сгрудившись кучкой, сидят любители.

Есть ли еще такое, выражаясь модным ныне словечком, хобби, которое требовало бы столько терпения, усидчивости, времени, как радиолюбительство? Я сам заражен им уже несколько десятков лет и знаю многих подобных мне одержимых энтузиастов. Я знаю, как после рабочего дня, наспех пообедав, провожаемые неодобрительными взглядами жен и домочадцев, они, презрев все на свете, устремляются к своим самодельным передатчикам и приемникам. Они будут сидеть до, глубокой ночи и слушать, звать и опять слушать с твердым убеждением, что такие же одержимые сидят во всех уголках земного шара. Место встречи их — мировой эфир. Особый спрос на отдаленные страны, на экзотику. Ведь подумать только, как это здорово, сидя дома, зацепить Огненную Землю, Тасманию или какой-нибудь коралловый островок Полинезии!

Первая полярная коротковолновая радиостанция, несомненно, должна была стать объектом яростной охоты для радиолюбителей. Позывные станции пришлось изобретать самому. Пользоваться официальным позывным Маточкина Шара не представлялось возможным, так как коротковолновая установка опытная и нигде не была зарегистрирована. Решил для позывного взять буквы «ПГО», что означало «Полярная Геофизическая Обсерватория».

И я упорно шарю в эфире, отстукиваю на ключе:

«CQ CQ CQ de PGO QRK?K» - «Всем, всем, всем. Я - ПГО. Кто меня слышит? Отвечайте!» И опять: «CQ CQ...»

Все действовало отлично. Работу других станций я слышал, следовательно, кто-то где-то должен же услышать меня. И вот наконец после очередного вызова я услышал свой позывной — меня кто-то звал. Слышимость была отчаянно слабой, но ошибки не могло быть: звали ПГО!

От радости я так разволновался, что принял только половину позывного. По этому огрызку можно было лишь понять, что это советский радиолюбитель. Но сколько я ни звал его теми двумя буквами, которые удалось принять, он больше не ответил. Экая досада!

Первый блин получился комом. Что же делать?

Тогда я послал в редакцию радиожурнала депешу, в которой изложил все обстоятельства и просил помочь выяснить, кто же был моим первым корреспондентом. Через неделю пришел ответ. Редакция установила, что моим собеседником был бакинский радиолюбитель. Новая Земля — Баку! Ну что ж, несмотря на осложнение, это было воодушевляющим началом.

По вечерам я «пропадал» в эфире, и вскоре появилась куча знакомых во всех странах Европы. Любителям интересно было работать с самой северной станцией, и спрос на ПГО возрастал.

Через полгода с острова Диксон пришла просьба послушать только что собранный ими самодельный передатчик мощностью всего лишь десять ватт. Нашего полку прибыло!

В назначенное время связь с Диксоном состоялась с отличным результатом. Я горячо поздравил коллег. Мы долго беседовали и восхищались своими молниеносными ответами. Теперь ни тут ни там не требовалось запускать огромные двигатели. Пуск станции занимал секунды. Были довольны мы, радисты, но в большей степени механики. Теперь мы обходились без них.

Регулярная радиосвязь с Диксоном на коротких волнах представляла особый интерес, и, хотя это и не входило в наши служебные обязанности, мы точно соблюдали нами же установленные сроки. За долгомесячную полярную ночь по нескольку раз я устанавливал связь с большинством советских радиолюбителей и со многими коротковолновиками Европы.

Сейчас, спустя много лет, я вспоминаю до мелочей одну особенно счастливую ночь, когда мне удалось связаться с несколькими своими корреспондентами. После долгих часов, проведенных в накуренной радиорубке, я вышел наружу подышать морозным воздухом. Тихая лунная ночь была прекрасна. Передо мной открывался чудесный вид на берег, полого спускающийся к проливу, забитому торосами. Над всей округой мерцали радужные иглы северного сияния. Все это походило больше на декорации какой-то героической оперы, нежели на всамделишную природу.

Я глядел вокруг и думал. В эти сияющие дали ушли мои радиоволны. Вероятно, московский коротковолновик, с которым я только что разговаривал, звонит моей матери по телефону и передает мой привет. Радиолюбитель в Париже долго допытывался, лежит ли у нас снег, холодно ли и чем мы вообще занимаемся. Сейчас, видимо, собрана вся семья парижанина и выслушивает его взволнованное сообщение о том, что он только что разговаривал чуть ли не с Северным полюсом. Хорошо, что я не несу ответственность за достоверность всего того, что рассказывалось экспансивным парижанином.

Все проведенные связи я подробно записывал в тетрадь для Нижегородской радиолаборатории. Материал об условиях прохождения коротких радиоволн в Арктике накапливался. Время от времени я посылал донесения в Архангельск и в Нижний.

Наступила весна. Мои донесения об установленных дальних связях, которые я посылал начальству, оставались пока без ответа. Правда, я и не ожидал особой признательности и восторгов. В памяти еще жило то настороженное отношение к моей затее. Но по-видимому, мои донесения кем-то читались, где-то обсуждались. Нашлись инициативные люди — жаль, я не знаю их фамилий,— которые соорудили самодельный коротковолновый передатчик и в один поистине прекрасный день обратились ко мне с просьбой прослушать работу новой станции в Архангельске и установить с ней связь. Эта радиограмма была для меня лучшей наградой!

Архангельская радиостанция стала моим вторым постоянным корреспондентом, и с тех пор вся служебная переписка шла непосредственно в Архангельск, минуя излишнюю переработку на промежуточной станции Югорский Шар. Значительно ускорилось прохождение корреспонденции, повысилась экономия горючего у нас и на Югорском Шаре. Это были первые ощутимые результаты применения новейшей по тому времени техники.

Так поздней осенью 1927 года впервые в Арктике родились короткие волны.

Что ни говорите, а отрадно быть первым!

Об авторе

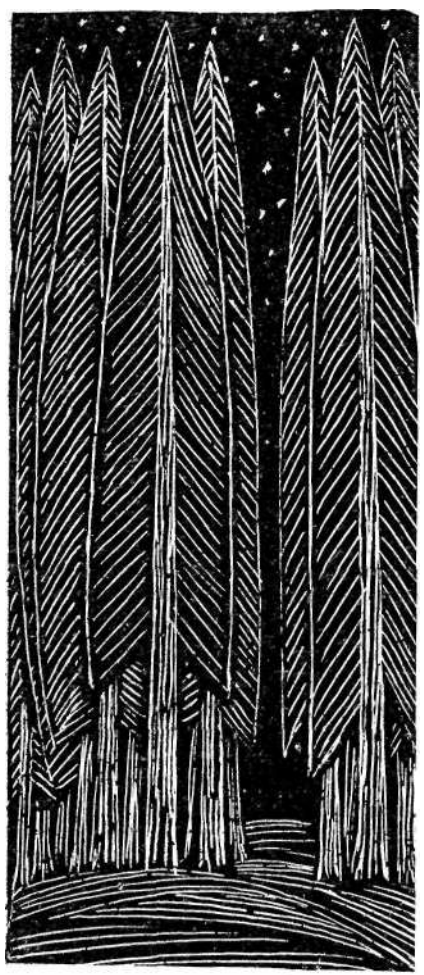
Кренкель Эрнст Теодорович, Герой Советского Союза, доктор географических наук, директор научно-исследовательского института гидрометеоприборостроения. Родился в 1903 году в Юрьеве (ныне Тарту), участник многих полярных воздушных и морских экспедиций и зимовок, в том числе и первой дрейфующей станции «Северный полюс-1» в 1937—1938 годах. Автор ряда журнальных очерков и статей об Арктике, очерков в сборнике «Поход «Челюскина»», книги «Четыре товарища». В альманахе выступает впервые. Работает над книгой о своих странствиях по Арктике и Антарктике.

В ЛЕСАХ ИЗВЕЧНЫХ

Василий Казанский

Рассказ

I. Северный край



Жизнь текла. Давно ли англичане оккупировали Архангельск и немалый кусок нашего Севера, а теперь, в 1923 году, мы с ними торговали, готовили для них экспортный лес...

Для этих-то лесозаготовок треста «Северолес» наша таксационная партия и отводила лесосеки по Вычегде и Северной Двине, по их сплавным притокам.

От пароходной пристани на Двине до деревни Квашские Мысы, ближней к еще не тронутым кварталам, считалось верст около сотни долиной реки Уфтюги. До села Вандыш я ехал на телеге. Ну, а за Вандышем верст на двадцать пять — тридцать, то есть до самых Мысов, не было ни жилья, ни колесной дороги. Либо иди пешком по береговой тропе, либо поднимайся по реке на лодке. За шестью дворами Квашских Мысов выше по реке, верстах в пятнадцати, был еще Максим — два двора, а дальше до самой Онеги — лес вовсе нежилой.

В Вандыше ко мне в помощь присоединился десятник «Северолеса» Иван Андреевич Харитонов., Приземистый, смуглый, темноусый и темноволосый ходок и охотник, он мне показался человеком как бы вне возраста (а ему перевалило за пятьдесят). Трудно было себе представить, что он может устать, заболеть или вообще как-то износиться. Нравился мне его спокойный басистый голос, его внимательные серые глааа. С немалым тактом он, подчиненный, решал за меня, начальника, разные административные вопросы в наших отношениях с рабочими.

В Вандыше мы (а точнее, он) наняли двадцать рабочих на рубку «визиров» — узеньких просеков, определяющих границы лесосек.

— А еще человек пять,— решил Иван Андреевич,— позовем из Мысов. Нельзя тамошний народ обижать. Им тоже ведь надо заработать.

Из Вандыша нам с Харитоновым приходилось подниматься по реке на двух лодках-осиновках. Еще четыре шли с мешками рабочих, а сами рабочие должны были добираться пешим ходом по береговой тропе.

Осиновка — это челнок из долбленой и тонко выструганной осины, очень легкий и изящный. Борта осиновки распялены дугами и наращены тесинами. Поднимает осиновка двоих-троих. Один стоит в кормовой части и «пихается» шестом, конец которого окован железом из-за каменистого дна Уфтюги. А пассажир сидит на разостланной оленине *, привалясь к мешку со своим добром. На веслах вверх по Уфтюге не подняться — течение сильное.

Меня «гнал» по реке дед Александров, которого я называл дядей Петром. Его обширная борода стала чалой от седины, щеки и лоб рассекли морщины, но силой и ухваткой этот семидесятилетний человек не обеднел. Особенно ловко орудовал он шестом, одолевая речные пороги. Как ни пенились, как ни клокотали сердитые буруны, наша осиновка удивительно точно лавировала между валунами, торчавшими на поверхности или горбившимися под водой. Шаг за шагом лодка лезла против быстрины, а старик не уставал «пихаться», не забывая расспрашивать, как живется в Москве, да сколько там народу, да не слыхать ли опять войны, да видел ли я Ленина...

Река поворачивала некрутыми изгибами, открывая простые и величавые красоты своих берегов. Яркими пятнами подступали к самой воде толпы невысоких берез, дерзкой позолотой праздновавших сентябрь. А то тянулись полосы румяного осинника или ольшаника, уже начавшего меркнуть и буреть. Старые крупные ели темной стеной стояли за этой цветной оградой реки, высоко вздымая свои вершины и как бы желая узнать, что за люди поднимаются по их реке, да поглядеть на воду, синюю под голубым небом и сверкающую бликами на перекатах.

Плыли мы, плыли, и все глядели на нас ярко-желтые березы и темные великаны-ели...

* Шкура северного оленя, заменяющая в лесу постель.

Уже под вечер дядя Петр объявил:

— Вон они, Квашские Мысы!

Над рекой на крутом холме четко врезались в светлое небо строения. Высокие, раздавшиеся вширь, под одной крышей с обширными дворами, избы походили на жилища богатырей. Это впечатление усиливалось и необычайной толщиной бревен, что пошли на эти постройки.

Мы с Петром пристали под кручей к отлогому бережку, выгрузились и, навьюченные моим багажом, полезли на гору по плотно убитой тропке. Остальных лодок еще не было видно.

Дядя Петр подвел меня к одному из домов, которые вблизи выглядели еще величавее. Стукнул в окошко:

— Мишенька! Ровесничек! Выдь-ка!

На высоком и широком, украшенном резьбой крыльце появился хозяин Михаил Васильевич Рябинин. На вид ему было не больше пятидесяти, но, если Петр назвал его ровесником, значит, «Мишеньке» уже семьдесят! Но не было у него ни старческой сутулости, ни седины, ни глубоких морщин на кругловатом лице. Широкая борода, русая спереди и темная из-под низу, придавала невысокому, плотному хозяину дома почтенную степенность. Только слишком уж мохнатые брови, пожалуй, напоминали о старости.

Михаил Васильевич, прищурясь, глянул на меня строгими глазами.

— А что за люди? — спросил он Петра, хотя, собственно, вопрос относился ко мне одному.

— Человек хороший. Это барин-межевой *. Северолесу будет лесишко подбирать, деляны нарезать. И рабочие идут.

— А! — Михаил Васильевич был явно удовлетворен: — Так чего? Небось ночевать надо? Пойдем в избу.

Супруга Михаила Васильевича прихворнула и не вставала с постели. Пока сорокалетняя румяная сноха собирала ужинать, я поглядывал в окно: под горой друг за другом притыкались с берегу лодчонки нашей флотилии. Вскоре поднялись к нам на гору Харитонов и его «сплавщик».

Михаил Васильевич встретил Харитонова, как старого приятеля. Еще бы, ведь на одной реке жили!

— В самый раз к ужину, друг, поспел. Садись-ка!

Поужинали ухой да молочной овсяной кашицей. Потом заговорили о рабочих: из Мысов надо бы несколько человек на рубку да трех бы носильщиков поднести палатки, котлы, инструмент коекакой.

Михаил Васильевич поинтересовался:

— А в таборщики кого взяли?

— Покуда никого,— ответил Харитонов. — Мы, признаться, на тебя уповали, чтобы ты у нас табором правил.

---

* Так по старой памяти в 1923 г. на Севере звали таксаторов, лесоустроителей и т. п.

— Аксинья, — спросил хозяин супругу, — нешто сбегать мне с ними в лес?

— А надолго ли?

— Да небось на месячишко.

— Чего ж не сбегать? Ступай с богом,— сказала хозяйка. — Мы тут без тебя управимся. Да у меня и голове уж полегчало. Пожалуй, завтра встану.

Хоть я и был начальником, очень пришлось мне по душе, что Харитонов и здесь, как в Вандыше, договорился с рабочими. Я только молчаливо санкционировал его действия. Нравился мне и таборщик Михаил Васильевич.

Его сын погиб в Галиции в 1916 году, в брусиловском наступлении, а внуку Алеше минуло только пятнадцать: рано еще в большой лес ходить. Кому же теперь в семье приходилось зарабатывать, как не самому деду?

На следующий день предстояла дневка. Квашинцам, нанявшимся в лес, сухари сушить, в бане мыться. А тому, кто шел из Вандыша весь день, да ночевал в дороге, да придет завтра, дай бог, чтобы к обеду, надо будет отдохнуть перед еще большим походом. Да и попариться напоследок тоже не мешает. Нам с Алешей выпадало утром идти на охоту. Белокурый паренек, по-детски румяный и круглолицый, уже заслужил дедово одобрение — «толков к охоте и меток».

Алеша долго разглядывал мою бескурковку: «Да как же твоя комолка * стреляет?» Я ему объяснил, что, хотя «рогов» — курков и нет, внутри все как надо. Алеша понял и одобрил: «Ловкая вещь». Осмотрел и я его арсенал. Дед передал ему «покуда» три свои кремневые винтовки: «большуху» — на медведя, «середнюю» — на глухаря и маленькую, «белочницу». Все, конечно, одностволь-ные.

Рядом с моей очень простенькой (еще дядиной) бескурковкой, которая здесь представлялась верхом совершенства и роскоши, Алешино оружие выглядело экзотично. Восьмигранные стволы с утолщением к дулу делали его винтовки похожими на старинные мушкеты. Дульный срез ствола образовывал площадку с узенькой дырочкой-дулом. Такая площадка была нужна для засыпки пороха в узкий ствол. В ствольных каналах было по четыре нареза, не прямоугольных в поперечном сечении, а сегментарных. Удивительными были и ложи, сделанные из березовых досок и окрашенные в коричневый цвет с черными разводами. В казенной части ствола такой винтовки справа была узкая щель длиной сантиметров шесть с полкой, припаянной вдоль нижней кромки щели и имеющей на шарнире крышку. До выстрела крышка «берегла» запальный порох на полке, а перед выстрелом ее поднимали, чтобы она служила «кресалом» для высекания искр кремнем, зажатым в курке,

* То есть комолая, безрогая.

Для медвежьей «большухи» пуля была вроде обычной круглой шестнадцатого калибра, а для узкодульной «белочницы» — как дробина-нулевка. И порох, и пуля запыживались клочками войлока.

Анюта, мать Алеши, постелила гостям на пристенных широких лавках. Славно спалось в крестьянском терему.

Встали мы рано. Позавтракали творожком да молочком, живо собрались и отправились в лес. Выйдя на край горы, я, как взглянул на лесное заречье, так и замер.

На той стороне речки к берегу подступал старый бор. Сквозь сизо-зеленую хвою кое-где проглядывали оранжевые стволы сосен и раскиданные там и сям кудри берез. За сосновой полосой начиналась сплошная темная зелень ельника, уходившая в неведомую даль. Лес разлегся широкими волнами. Они поднимались по отлогим возвышениям и словно западали в низинах. Необъятные эти волны, чем дальше уходили, тем уже и мельче становились, пока не сливались в ровный лиловато-зеленый ковер, терявшийся в белесой дымке... Дикая, первозданная мощь!

Мы с Алешей переправились через реку на осиновке. С нами переехал и белый остроухий кобель с традиционной для этих мест славной кличкой Соболько. Лес, именно такой, какой зовется дремучим, встретил нас приветливо-суровым шумом. Соболько исчез и вскоре залаял неподалеку.

— Велку лает! — заявил Алексей. И мы побежали.

Соболько лаял азартно на огромную сосну. Сколько ни вглядывался я в густую вершину, никак не мог разглядеть белку.

— Да вон она, Василий! Гляди — кривой сук, а над ним редчинка... Вон она — видишь, повернулась, на нас смотрит...

Мне стало совестно за свою незоркость, и я солгал:

— Вижу! Неужто можешь сбить ее пулькой с такой высоты?

— Невелико дело сбить, да она не вышла еще. Нельзя добро губить.

А мне уж очень интересно было, как. стреляют из кремневки. Да и не верилось, что дробинкой можно попасть в крошечную цель на вершине огромной сосны. И я подзуживал мальчишку:

— Хвастаешь! Все равно тебе не попасть!

Тут уж Алешу, видно, взяло за живое. Он взвел курок, открыл крышку над полкой и поднял ружье к плечу очень осторожно, чтобы с полки порох не ссыпался. Он прицелился не спеша и спустил курок. Чирк! — скребнул по полке кремень, мелькнули искры, вспыхнул на полке порох, озарив лицо мальчика, затем щелкнул негромкий выстрел (заряд-то крохотный). И, к моему великому удивлению, белка, считая по дороге сучки, упала на землю. Соболько на всякий случай прихватил ее зубами, но зверек не двигался.

— Ты, Василий, не болтай деду, что я белку стрелил. Ругаться будет, что безо времени: видишь-, только бочины седые, а то вся рыжая!

Белку спрятали от собаки под камень: ведь коли съест неободранную, так шкурки рвать начнет!

Мы пошли дальше искать птицу. Порхнул на елку рябчик. Алеша приказал:

— Замри, а то спугнешь!

Взвел курок, проверил порох на полке и опять: чирк! пых! щелк! И рябчик камушком стукнулся о землю. Вот оно, мастерство!..

Пришли мы домой к обеду, добыв еще тройку рябцов и чирка. Алеша подтрунивал над моими выстрелами по рябчикам:

— Птица с елову шишку, а грому, что в медведя!

Но когда с реки метнулся в небо чирок и я сбил его влёт, мой товарищ был потрясен: вот так стрелок!

Он и деду рассказал о таком выстреле, и тот подивился не меньше. Дело в том, что северные промысловые охотники до самой Октябрьской революции втридорога добывали порох и дробь, да и то не в достатке: зарядом нельзя было рисковать. Где уж тут научиться стрелять влёт!

В полдень пришагали наши вандышцы. Они не просились ночевать, нет,— их звали. Хозяюшки заново растапливали печи, чтобы нежданные гости лишний разок похлебали домашнего варева.

Таков дружелюбный и гостеприимный северный народ!

Мы с Харитоновым составили список нашего войска, а оно «разобралось» на пары по собственному усмотрению. Здешние рубщики «били» визиры вдвоем, третий считался лишним. Единственным инструментом служил топор. Пилу презирали, как лишнюю и в пути «нескладицу», то есть неудобную. Но топор почитали. У каждого мужика на кожаном поясе сбоку поблескивала железная скоба. За нее засовывалось топорище отвесно и так, чтобы лезвие топора глядело назад. Топором здесь действовали мастерски: шутя раскалывали полуторасаженные бревна на тес; охотник не стеснялся «смахнуть» ель в полметра толщиной, если в сучьях застряла белка...

II. Суд

До шестьдесят седьмого квартала, где мы наметили главный стан, считалось верст сорок пять — пятьдесят. Точно, конечно, никто не знал: ведь никаких дорог в этих лесах тогда и в помине не было. По просекам пройти можно было лишь кое-где, а то буреломы, гари, трясины... Да и просеков-то, прорубленных лесоустроителями еще в девятьсот десятом году, было мало. Здешние леса они разделили на огромные кварталы: в длину (с севера на юг) — шест-

надцать верст, в ширину — четыре. Значит, один квартал занимал шестьдесят четыре квадратных версты (семь тысяч гектаров).

Тропой, по которой мы шли, называлось нечто, на мой взгляд, воображаемое. На земле я не замечал никаких признаков человеческих следов; направление определяли только редкие затёски на деревьях. Впрочем, наши рабочие — все лесовики-охотники — распознавали путь по каким-то вовсе неведомым мне признакам.

Идти было тяжело: часто попадался ветровал, встречались болотины, речки и ручьи, которые приходилось переходить по валежинам, зачастую легшим с берега на берег на высоте нескольких метров над водой.

За день мы могли одолеть лишь верст пятнадцать. Шли мы, разумеется, гуськом с дедом Рябининым во главе: уж он не собьется! Во-первых, сам здешний, во-вторых, у него в соседних кварталах свой «путик» *.

Обедали у ручьев, на ночлег тоже прибивались к текучей воде, иначе ни кулеша сварить, ни чаю вскипятить. Ночевали с нодьями. Дошли до места на третий день к вечеру. Стали на речке Ушме, похожей на ожерелье чередованием небольших омутинок и мелей. Весной по ней сплавляли лес, конечно, не плотами, а россыпью.

Застучали топоры, повалились конды — огромные сухостойные сосны. Работа кипела: кто отрубал полуторасаженные кряжи для нодьи и на тес, кто колол их для станков. Рябинин с вандышским рабочим ставил колья, прилаживал перекладины — делал рамы для станков.

Готовые тесины ложились одним концом на перекладину, другим на землю, и получались односкатные шалаши-станки, открытые в сторону нодьи. Сделали три нодьи с шестью станками, по станку на четыре-пять человек.

Наварили кулеша, поужинали и легли спать.

До чего же хорошо спать в станке у нодьи! Лежишь ногами к ней, а подошвы защищены от лишнего жара бревнами-порогами. Ровно и неторопливо языки огня лижут верхнее бревно, выплескиваясь из щели между ним и таким же нижним (друг на друге бревна поддерживаются колышками, вбитыми по сторонам). И столько тепла дает это простое и мудрое устройство, что под тесовым скатом станка, отбрасывающим жар вниз, спишь как дома под легким одеялом.

А пока заснешь, насмотришься на звезды, то затуманенные дьшкцм нодьи, то ясные, яркие, когда его отнесет ветром...

Утром носильщики ушли, а оставшиеся принялись за дело. Я рассчитывал, что всю работу можно бы сделать за три недели, но знал: лес по-своему разочтет. Надо класть месяц, а то и побольше. Вдруг заненастит, а то кто-нибудь заболеет. Заболеет!.. Что

* Путпком называлась совокупность охотничьих троп и ловушек одного охотника. Путик охватывал несколько тысяч десятин.

тогда делать? Ну была у нас аптечка, а в ней бинты да пустяки всякие вроде слабительного или порошков от кашля... Правда, одно важное в ней хранилось: хина *. Ею особенно дорожили, тем более что малярия сильно донимала народ по Вычегде и Северной Двине. Начальник таксационной партии, выдав мне полсотни порошков хины, наказал: «Берегите как зеницу ока! Расходуйте осторожно! А то как бы не пришлось кого-то из рабочих нести из лесу на руках!»

Шестьдесят седьмой квартал, где начали работать, был нормальным, то есть вытянутым с севера на юг при размерах шестнадцать на четыре версты. «Нормальным» был и лес — сплошной ельник двухсотлетнего возраста, где покрупнее, где помельче. Посреди квартала сохранился с девятьсот десятого года центральный визир шириной в полсажени (метр), прорубленный в меридиональном направлении. С него было удобно задавать лесосечные визиры. Железной мерной цепью отмерялась по визиру полуверстовая ширина лесосеки, затем гониометром ** строился прямой угол, выставлялись исходные вешки. Рабочие, продолжая вешение линии, срубали на ней все деревья любой толщины и гнали визир до квартального просека. Была у меня еще закладка пробных площадей с перечетами древостоя и рубкой и обмером модельных деревьев — все это для вычисления количества экспортной древесины на лесосеке. Визиров нужно было много, «проб» тоже.

Особенно отдыхать некогда было ни рабочим, ни нам с Харитоновым. Много времени съедала ходьба до визиров, до дальних лесосек.

Таборщику забот тоже хватало: носить воду с речки, варить кулеш к завтраку и ужину, кипятить чай, мыть котлы, рубить дрова. Опытный и дельный старик управлялся со всем этим и успевал «сбегать» за рябчиками для начальства, к которому причислял и себя.

Я видел его мастерство на охоте. Он не бродил где попало, знал: теперь рябчик либо на брусничнике, либо на ольхе по ручьям. Ходил Рябинин так, что ни один сучок не хрустнет под ногой... Вот порхнул рябчик, замелькал в ельнике. Влёт дед, разумеется, не стрелял. Он вслушивался и решал: «в елку сел», «на березу», «на конду». Тогда искал это дерево и на нем высматривал рябца, быстро находя его своими все еще зоркими глазами...

Налаженно и спокойно шли дела недели две. И вдруг заболел вандышский парень Егор Дорогин. Утром, когда весь табор проснулся и люди засобирались на работу, он остался лежать, стуча от озноба зубами. Малярия!

Ну чего, ж? Скорей хины! Полез я в палатку, где лежали наши с Харитоновым мешки да кое-какие инструменты и аптечный

* В 1923 году хина была остродефицитна.

** Гониометр — несложный геодезический угломерный инструмент.

ящичек. Открыл его, отодвинул крышечку «особого» отделения. Пусто! Хина пропала...

— Иван Андреевич! — позвал я Харитонова.

Тот быстро подошел, глянул и ахнул:

— Украли хину! А деньги?

Деньги были целы до последнего рубля и лежали в аптечке.

— Может, завалились порошки между другими лекарствами? Из ящика вынули все до пылинки. Безрезультатно. Как же быть! Объявить рабочим?

— Подождем,— решил Харитонов. — Нельзя всех будоражить и вора настораживать. Потолкуем с Рябининым.

Я объявил бедняге Егору громко, чтобы слышали все:

— Виноват я перед тобой. Хину забыл в Мысах у Михаила Васильевича. Потерпи день-другой. Авось лихорадка отпустит. А лучше не будет, пойдешь домой. Провожатых дадим.

Егорова напарника, молчуна, рыжебородого Семена Векшина, приняли третьим на рубку Фрол Осичев, чернявый, невысокий усач лет сорока (он был Векшину сродни), и Василий Парфенов, высоченный белобрысый восемнадцатилетний парень, Фролов зять. Все вандышские.

— Сегодня, ребята,— объявил мой помощник,— на пробы и на перечеты нам никого не надо. Пойдем с товарищем таксатором новую работу плановать. Визиры вам заданы. Найдете?

— Еще бы не найти! Сами вешки ставили!..

Рабочие пошли в одну сторону, мы с Харитоновым — в другую. Отошли немного, сели, выждали, чтобы все ушли и табор опустел, тогда вернулись. Рябинин мыл котлы в речке. Он не удивился, увидев нас. Догадывался. Сели мы втроем на берегу.

— Мы, Михаил Васильевич, народ баламутить не стали, а тебе откроем: хина украдена. Давай покумекаем, как быть, как искать пропажу.

Я предложил было обыскать все мешки. Но мои собеседники только усмехнулись да переглянулись: держи карман шире! Вор не дурак. Кроме своего мешка у него весь лес — есть, где спрятать. Разве вот обыскать всех при возвращении из лесу? Не бросит же вор свою добычу! Но больному Егору хина нужна сейчас, а не тогда, когда окончим работу в лесу. Порешили вечером устроить собрание. Не может быть, чтобы никто ничего не заметил, уж кого-нибудь подозревают!

После этого совещания мы с Харитоновым отправились в шестьдесят шестой квартал «плановать», а дед Рябинин — за рябцами.

Пока мы добирались до квартала, да разыскивали центральный визир, да порядочно прошли по нему, проверяя его состояние, стало уж не рано, а небо нахмурилось тучами. Иван Андреевич заторопил к табору. Лишь завидели мы дым рябининского костра, стало накрапывать и зашумел порядочный дождик. Пораньше сошлись в табор и рабочие. В лесу ведь не дома на печке. Дождь,

впрочем, вскоре перестал, и кулеш не задержался. Я спросил у Векшина, каково ему работается с новыми товарищами. Он буркнул:

— Не больно складно, да куда денешься?

После ужина все, как обычно, расселись на кряжиках для нодьи. Конечно, речь пошла о хине, о Егоре, которого по-прежнему трясло.

Иван Андреевич сделал, как говорится, заявление:

— Граждане! Поутру товарищ таксатор на себя взял вину, что забыл хину в Мысах. Но это было сказано, чтоб не задерживать выход на работу. А дело худое: хина кем-то вынута из аптечного ящика. У нас сейчас все равно что собрание. Давайте подумаем, что тут вышло. Может, кто хотел принять порошок да и весь пакет забыл в кармане? Признайся. Ничего за это не будет.

Сперва все пораженно молчали, как-то замерли. Но тут же заговорили чуть не разом:

— Да ладно ль ящик проверили?

— Неужто такой гад...

— Что ж с Егором-то теперь?..

И конечно, ядреные слова по адресу вора, пропавшей хины, самой малярии. Подал голос Рябинин:

— Кончай галдеть! По порядку говорите!

Но опять зашумели, загорланили пуще прежнего.

— Стойте! — крикнул Харитонов. — Надо председателя собрания выбрать!

Опять крики: «Рябинина!» «Зайцева!» «Паничева!»

Встал Рябинин:

— Надо такого, кто весь порядок знает,— Харитонова!

На том и согласились.

— А коли так,— приказал Иван Андреевич, — тишина!

Шум быстро прекратился. Тогда Харитонов провозгласил:

— Кто желает сказать, проси слова, подымай руку!

Первым выступил Зайцев, немолодой, худощавый, хромой от немецкой пули:

— Граждане! Неужто есть середь нас такой подлец, что не сознается? Кто взял — подумай! Наш товарищ болеет — вон он трясется! Кто взял, будь ты сознательным! — Он помолчал. Ответа не было...— Али думаешь, не узнается? Врешь! Все на свету будет. Не человек тогда ты будешь, а подлец!

Речь прозвучала горячо, но пользы ждать от нее не приходилось. Взял слово Леонтий Ефимов, низенький, седоватый бородач из тех говорунов, что надоедают на каждом сходе:

— Вот что, други. Это выходит вроде самовара, похоже на ружье. Артель у нас, и он с нами артельный кулеш хлебает. Думаем свой, а он — на тебе! Украл ужасно нужное вещество! Продать небось надумал. Что говорить! За эту вещь, приспичит, все отдашь. Негодяй ты, спекулянт! — воззвал он к неведомому вору. — У нас тут недалеко англичаны три года назад безобразили.

Тебе бы, сволочь, с ими, в ихнюю Бреданию бежать, к им, гордецам, поганым!

Рябинин не стерпел:

— Леонтий Алексеич! Ну куда тебя занесло? Мы про наше, а ты в Британию! Говори по делу!

— Ох, други! Уж больно я расстроился! Чего тут говорить: подлец он бесстыжий — вот и весь сказ!

В этом выступлении не только «конструктивности», но и простого смысла не было.

Поднял руку вандышский Агафон Огурцов, сумрачный, светловолосый богатырь-заика:

— О-о-о-быс-быс-кать! Ву-ву-всех!

Это звучало конкретнее, но было явное «не то». Зашумели:

— Дурака нашел! В свой мешок погляди!..

Едва угомонил крикунов председатель. Получил слово чернявый Фрол Осичев. Он огладил смоляные усы, кашлянул:

— Кто взял — хоть ты его ругай, хоть нет — не признается. Чего зря болтать? Искать надо! А кто мог украсть? Угадать не хитро: тот, кто в таборе целыми днями один живет. Ему проще простого и хину, и что хошь прибрать.

Осичев не назвал Рябинина, но многие невольно взглянули на старика, который невозмутимо оправлял палкой огонь нодьи.

Сразу стихли переговоры и шепот... Только нодья тихонько потрескивала редкими искорками да шумел под ветром древний лес, невидимый из круга, освещенного красноватыми язычками смирного огня.

Больной Егор первым заговорил со своей постели в станке:

— Очумел ты, Фрол! Что ты, бессовестный, мелешь? На кого поклёп кладешь!

Тут вновь загудели, закричали. А Рябинин обернулся к Фролу:

— Сам обыщешь али как?

Но Фрол не сдался:

— Ничего я не знаю. Только на таборе никого, кроме таборщика...

На наглеца зашипели еще пуще:

— Никак с ума спятил! Еще и напираешь!

— Тише! — прикрикнул председатель. И вдруг послышался негромкий хрипловатый голос Семена Векшина:

— Фролка небось сам украл.

— А ты видел, дубина ты губастая?

— Не лайся, Фрол: как крал — не видал, а другое знаю. Не пялься зверем. Не боюсь.

Фрол кинулся на Векшина, но его схватили... Опять председателю пришлось утихомиривать собрание.

Осичев орал:

— Навязался, сволочь, в мою пару, как пятое колесо, да еще меня же марает без стыда, позорит!..

Харитонов потребовал от Семена:

— Говори толком, если что знаешь!

— Да ничего я не знаю. Осерчал, зачем он деда Мишу оскорбил!

— Чего ж путаешь: знаю — не знаю!

Пошумели еще, потолковали: вот, мол, прибился Векшин к Фроловой паре, а не ладят!

Все эти шум, и крик, и разговоры сделали одно: попробуй теперь, вор, воспользуйся украденным! Ведь все насторожились, глядят! Еще бы! Кража и в Мысах, и в Вандыше — неслыханное дело!

После волнений легли спать. А чего еще делать? Я угрелся в тепле нодьи, заснул... Разбудил меня, тронув за плечо, Иван Андреевич, лежавший в станке рядом со мной. Он прошептал в самое ухо: «Выдьте вроде до ветру. Надо поговорить».

Ночь под затянутым тучами небом была совсем черная. Мы шли осторожно, шаря перед собой руками — как бы не наткнуться на дерево!

— Вот что,— произнес вполголоса Харитонов, — Векшин что-то знает. Утром дадим ему наряд отдельно. Выспросим.

Я и сам был убежден, что Векшин не зря обронил слово...

Утром дождя не было, погода, видимо, хотела разгуляться.

— Иван Андреевич, — словно вспомнил я после завтрака, — нам с вами сегодня надо опять в шестьдесят шестой. Кого бы нам с собой взять на разметку?

— Тогда придется Векшина. Его напарник больной, а в осичевской паре он ни к чему. Векшин, пойдешь с нами!

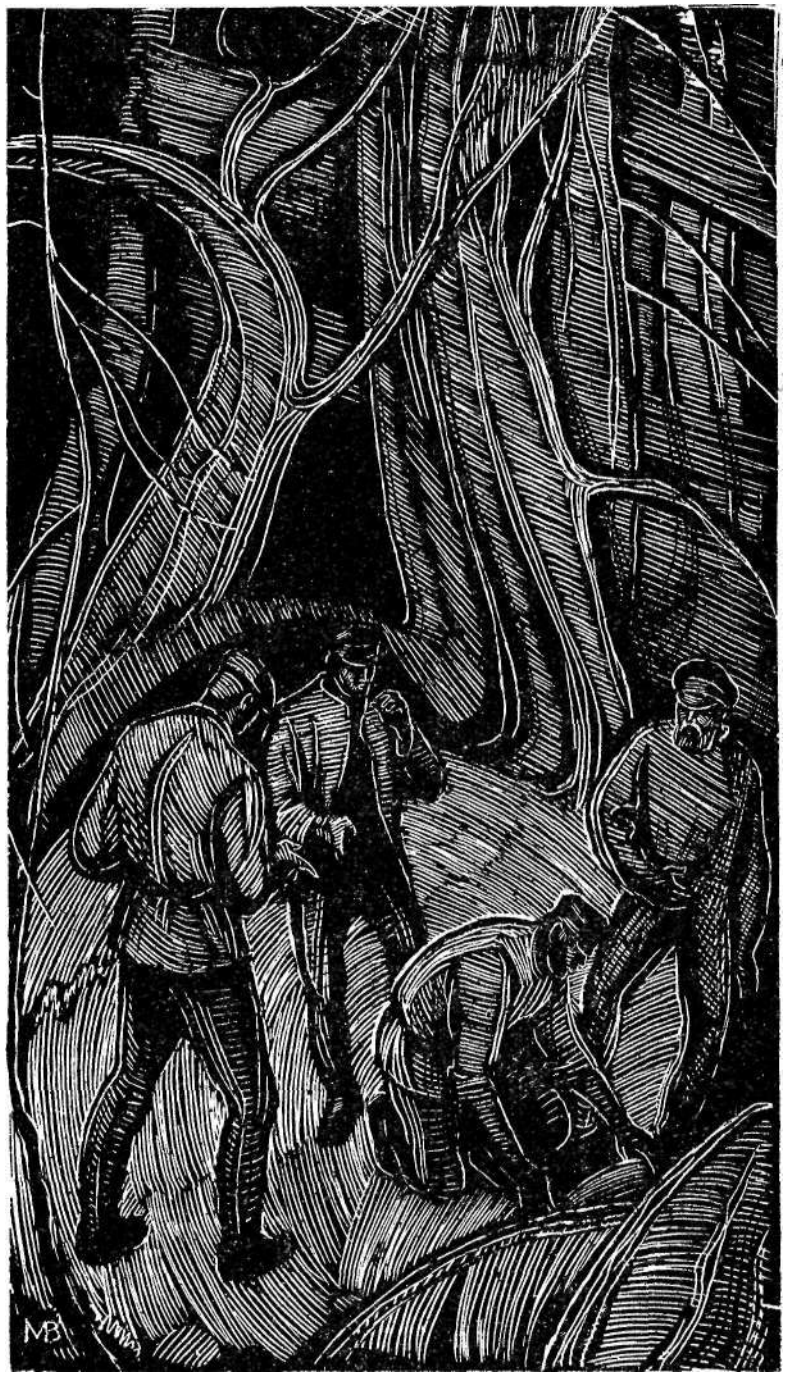
Пары рубщиков потянулись на начатые и запасные визиры... Мы остались вчетвером с Рябининым. Приступили к Векшину: говори! Без «народа» язык у Семена развязался:

— Как Фрол взял — не видел. А вот про что расскажу: после обеда кончили мы втроем седьмой визир, пошли на центральный, с него восьмой нам начинать приходилось, в другую, значит, сторону. Вот принялись рубить да вешить, а тут стало накрапывать. Фрол и говорит: «Вы, ребята, гоните визир, а я пойду поставлю столбб на центральном — межевой велел». А визир-то у нас только еще начат был, сажен разве что полсотни от центрального пробили. Слышу: Фрол топором легонько тяп-тяп, потом — шарх! — бересту содрал. Ну мы рубим, а дождь пуще. «Пошли,— говорю,— Вася, на стан». Вот выходим мы на центральный — ни столба, ни Фрола. Гляжу — береста с березы драна. Глядь — и сам Фрол шнырь из ельника с другой стороны. «Ты откуда?» — «Да чего-то,— говорит,— живот схватило». Что ж, думаю, живот болит, а береста при чем? И куда делась? Тогда маленько подивился да и думать бросил. А теперь подозреваю: ухоронку свою от дождя укрывал!

Харитонов, внимательно выслушав Семена, спросил:

— Как думаешь — найдем?

— Чего не найти! Фролова ухоронка от центрального рядом. Время-то у него малое было, некогда далеко ходить.



Выждав на всякий случай часок, чтобы Осичев с Парфеновым подальше врубились на своем восьмом визире, мы вчетвером пошли по центральному до пересечения с седьмым и восьмым визирами. Осмотрели ободранную березу — убедились: свежо. И Векшин, и Рябинин — оба охотники давние, мастера. И оба следопыта повели нас Фроловым следом, как-то разбирая на земле незаметную для меня помятость мха и травы.

След привел к двум крупным елям-валежинам, упавшим крест-накрест. В еще не опавшей свежей хвое Векшин «усмотрел» бересту.

— Вот она! — И он раздвинул густые еловые лапы.

Под верхним стволом на сплетении ветвей, прижатый к ним толстым суком, лежал берестяной коробок. Он был покрыт лоскутком бересты, как двускатной крышей... Достали, развернули — и вот пакет с хиной.

Сели на валежины потолковать. Я заикнулся: заставить Фрола признаться, да и дело с концом. Но старшие в один голос решили: дело артельное, артелью обсудить.

После ужина Харитонов объявил рабочим: хина найдена. Подозрение на Осичева. Что будем делать?

Заговорил Михаил Васильевич. Человек на подозрении, взял что дороже денег. В город на суд не поведешь. Самим надо разобраться, а коли не оправдается — наказать своим судом.

С этим согласрглись все. Харитонов предложил, чтобы пустого галдежу не было, выбрать судью.

— Сам и суди! — Чего там! Харитонова выбрать! — Харитонова!

Но он отказался: собрание одно, а суд, мол, другое, из артели выбрать нужно. Пошумели, покричали, но было ясно: большинство за деда Рябинина — справедливый человек.

Судопроизводство не затянулось.

Михаил Васильевич вызвал Векшина:

— Говори, Семен, народу, что нам сказывал.

И Векшин повторил свое утреннее повествование: как рубили, как дождь начался, как Фрол отошел и драл бересту, как Семен с Васей встретили его на центральном.

Судья спросил Василия Парфенова:

— Фрол бересту содрал?

— А как же!

— Ты березу видел?

— А как же!

— Все правильно Семен объяснял?

— А как же!

Над Василием посмеялись: вот чудак, заладил одно, будто других слов не знает. Но судья оборвал зубоскальство:

— Нечего ащеульничать! Тут дело строгое — не до смеха.

Затем спросил подозреваемого:

— Фрол! Может, признаешься?

— Чего ко мне привязались? Семен прет невесть что, а вы уши развесили! Подумаешь большое дело — берестину содрал!

— Фрол, — прервал его Рябинин, — а для чего ты ее драл?

— От дождя хотел схорониться.

Не стерпел Семен:

— А что ж ты с нами под дождем шел без крыши?

Судья осадил его:

— Не врезайся в чужие речи! Жди покуда... Фрол! Отвечай про крышу.

Тот было замялся, но нашелся:

— Худо содрал, с дырками. Бросил...

— Иван Андреич,— попросил Рябинин, — покажь ему коробок, да и кровельку тоже — с дырьями ли?

Харитонов вынул берестяное изделие Фрола, показал всем.

Судья хмуро глядел на обвиняемого:

— Эх ты, гнилая душа! Думал, не разыщем? Проси прощения. Может, народ и помилует.

Но Фрол хорохорился. Мало ли чего в лесу найдут, а он-то при чем? Тут судья выложил артели, где и как найдена хина, и заявил, что больше разбирать нечего:

— Правильно виним али не правильно?

— Правильно! Верно! — загудела артель. Ведь все это были охотники. Им картина была ясна, как на ладони; береста, след — все это были для них неопровержимые улики.

— Как с ним поступим? — спросил Михаил Васильевич. — По мне, спустить нельзя. А вы, народ, как решите? Прощать али наказывать?

— Дай скажу! — попросил Федор Кашин, вандышский мужик. — Граждане! За что Фрола наказывать? Ведь деньги он не тронул, а порошки какие-то. Не годится, конешно, да дело-то пустое. Отругать его — и все...

Ему не дали договорить:

— Дружка выгораживаешь! Верно, сам такой! Ишь, пустяк нашел! А Егору без пустяка хоть помирай!..

Поднялся великан Агафон Огурцов, снял шапку, тряхнул своими льняными волосами; долго молчал, не в силах одолеть заикание,— так волновался. Наконец заговорил:

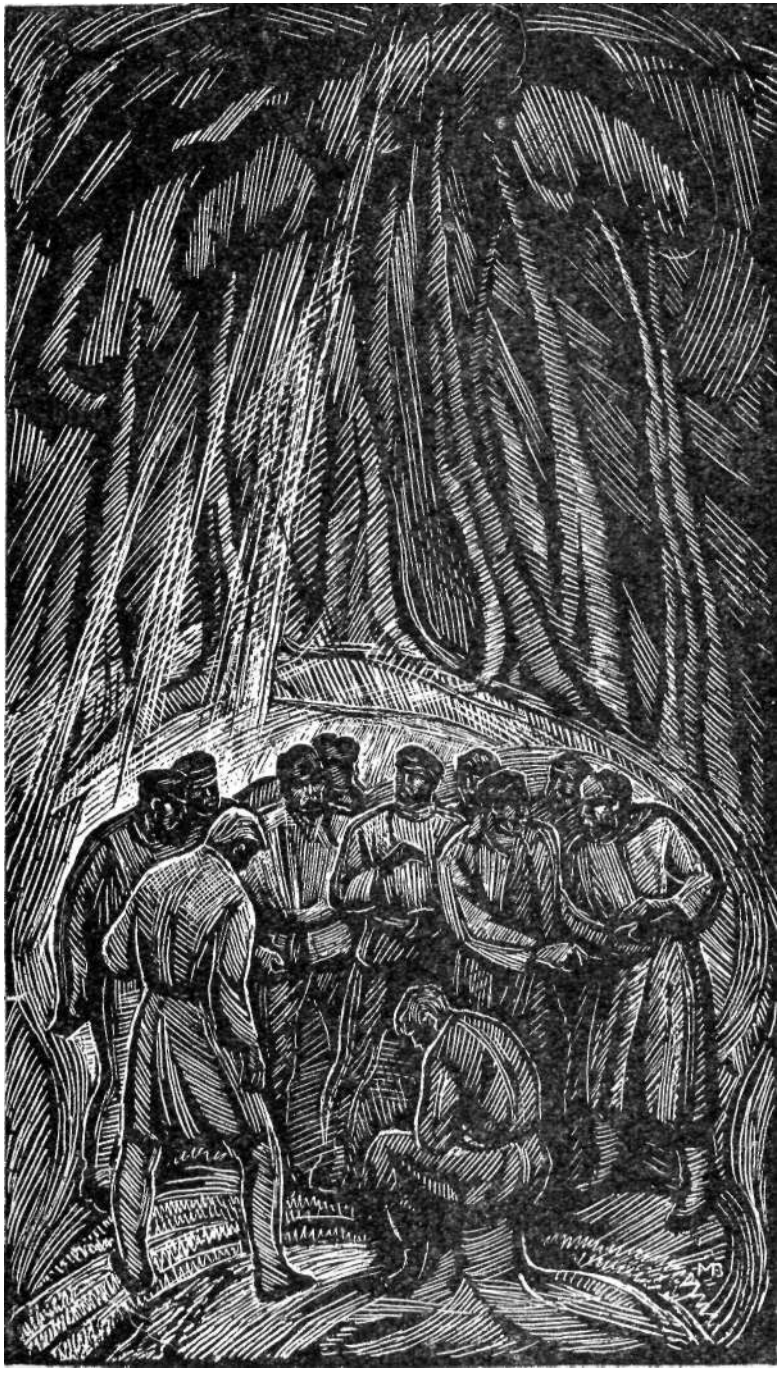
— Де..де..ньги у..у...у...крал бы — простил бы! А..а..а., то вещь т...т...такую! Выдрать до крови!

Но судья заявил, что Советская власть драть не дозволяет.

Заговорил болтун Леонтий Ефимов:

— Я знаю, что делать! Прощать, известно, не годится. Драть нельзя, и нам пользы нет. Оштрафовать Фрола, как следует, на артель. По крайней мере вернемся — вина попьем!

Но эту соблазнительную перспективу не поддержали:



— Дело поганое — кража! А тебе бы только на чужбинку вина глотнуть! Опомнись!

Выступил с предложением судья Рябинин:

— Фрол украл, не повинился. Вон его, чтобы в нашей артели вора не было! Вон из лесу — вот ему казнь!

Эту меру дружно одобрили:

— Правильно! Вон его! Прочь вора!

С исполнением приговора не мешкали: завтра Фролу отправиться! Он взмолился:

— Товарищи! Оштрафуйте, что хотите делайте, только не гоните! Что я дома бабе скажу? Как перед людьми оправдаюсь?

Но суд народа был тверд: «Уходи! А жене так и скажи: вор я!»

Поутру таборщик допросил Фрола:

— Сухарей хватит на дорогу?

— Хватит...— понурясь, буркнул Фрол.

Из артельного фонда выдали ему крупы, трески, масла. Векшин дал свой солдатский котелок:

— Спички есть ли?.. Да поешь на дорогу...

Я выдал Осичеву заработанные деньги. Он собирался молча, ни на кого не глядя. Поел. Вскинул на плечи мешок, оправил на плечах лямки, снял фуражку и низко поклонился:

— Прощайте!

— Прощай! Иди с богом! — ответили голоса. На глазах Фрола блеснули слезы... Он спустился к броду, перешел через речку, поднялся на тот берег и, не оглядываясь, скорым шагом скрылся в ельнике.

Мне стало жаль человека: найдет ли дорогу?

— Чего не найти? — ответили мне. — Лесовик не нонешний. Да тропа ему в шестьдесят ног мята — мы-то прошли аль нет?

— А ну как медведь? — сомневался я.

Надо мной посмеялись:

- Медведь сам вор. Он своего брата не тронет!

Через три недели я плыл из Сойгиных Мысов вниз по Уфтюге. Михаил Васильевич сам взялся доставить меня в маленький городок Красноборск на Северной Двине.

Перед отъездом я еще раз проведал обрыв. Октябрь уже снял с леса желтые и багряные краски, и хвойный одноцветный массив стал холоднее, суровее.

Светило солнце, плыли облака, и тени их время от времени прокатывались по зеленому простору. Как прежде, покатые волны леса уходили вдаль и терялись в далекой голубой беззаботной дымке. ...Сердце сжималось от этого величия, от этого невозмутимого покоя; А может быть, жаль было расставаться с людьми, души которых так же чисты, как вода в Уфтюге, синевшей и игравшей искрами под кручей...

По течению мой провожатый гнал легкую осиновку с такой быстротой, что к раннему обеду мы пролетели Вандыш, где уже отдыхал уплывший на день раньше Харитонов.

Потом опять плыли через лес. По самому берегу бежала тропка. Навстречу нам попались два пешехода — пожилые бородачи.

— Здорово, Мишенька! — приветствовали они Рябинина.

— Здорово, Алешенька! Здорово, Митя!

— Кого гонишь?

— Да, вишь, барина-межевого плавлю.

— А куда собрался?

— Ладим в Красный Бор, да кто знает,— пояснил мой «сплавщик» с олимпийским спокойствием, хотя в его словах чувствовалось некоторое недоверие К силам природы и благосклонности судьбы. Впереди ведь была Северная Двина шириной версты в две. И что для этих грозных волн наша осиновка? Ее борта еле-еле возвышались над водой.

Но вот и Двина. На голубовато-серой шири виднелись огромные темные пятна — отлетные утиные стаи.

Ничего, переплыли Двину. Рябинин сидел на корме и греб весельцем, которое не забыл прихватить с собой.

Об авторе

Казанский Василий Иванович, член Союза писателей СССР. Родился в 1896 году в Москве. Окончил Петроградский лесной институт в 1922 году. Более тридцати лет проработал инженером лесного хозяйства, участвовал во многих экспедициях по лесоустройству и другим лесным изысканиям в разных районах Советского Союза, преимущественно в его Европейской части. Автор опубликовал научно-популярные книги «Гончая и охота с ней», «Охота с борзой», в художественном жанре — роман в стихах «Сквозь грозы», сборник стихов «Утренник», стихи в журналах и сборниках, рассказы и очерки о природе, о лесниках, лесорубах и охотниках. Кроме того, автор много работал над переводами стихов поэтов народов СССР. Раньше в альманахе не публиковался. В настоящее время работает над новым сборником стихов и сборником очерков и рассказов.

ДАША-ДЖАН

Сергей Цебаковский

Рассказ

Я не совсем понимал, что такое профиль и как его проходят, но после разговора со старшим геологом представил это так: где-то в сокровенных глубинах земли через все Каракумы тянутся таинственные жилы, по которым днем и ночью бежит черное золото — нефть,— все на юг, на юг, через границу, а там иностранные магнаты качают ее мегатоннами, получая баснословные барыши.

Пора было прекратить это безобразие. И геологи по всей пустыне бурили скважины, стараясь нащупать те самые жилы, вызволить нефть на поверхность, покуда она не успела уйти за границу. И потому старший геолог говорил по-свойски доверительно Даше, топографу:

— Даш, слышишь, Даш, ты еще разок пройди этот профиль. Тут каждый метр имеет значение. Та цифирь, что ты на прошлой неделе принесла,— это ж гроб осиновый. Может, ошиблась, ну хоть метров на сорок, а?

— На сорок! — негодуя, отвечала Даша.— Я что, на глазок, по-твоему, работаю?

— Кто говорит, на глазок? Но ошибки-то бывают! У меня все расчеты накрылись, понимаешь? Дашенька, ну пройдись, чего тебе стоит!

— Я хоть десять раз могу пройти этот профиль, только мало что изменится. Ту же цифирь получишь! — Сказав это, Даша вышла из конторы и хлопнула дверью.

И вот мы стоим на исходной точке искомого профиля, а за барханами, понемногу затихая, рычит грузовик, доставивший нас в глубинную пустыню; нас — то есть Дашу с теодолитом на деревянной треноге, Калы, высокого, худого туркмена с длинной рейкой, испещренной цифрами, Сережу, которого вообще-то звали не Сережей, а что-то вроде Сары, тоже с рейкой и, наконец, меня с двустволкой-«ижевкой» шестнадцатого калибра. Было раннее утро, а к двум часам пополудни после прохождения профиля нас в условленном квадрате должен был подобрать вертолет.

Каждый видел топографов за работой. Один из них, в данном случае Даша, стоит возле теодолита на треноге, смотрит в окуляр. Двое других — Калы и Сережа — впереди и сзади, с рейками. Цель всегда одна — измерить угол возвышения над горизонтом и высоту точки над поверхностью земли. Так мне объяснила Даша.

Красивая девка была эта Даша — крупная, крепко сбитая, с льняными волосами. Тонкий синий свитер, серые брюки — все подчеркивало ее обильные и — черт возьми! — гармоничные формы. А глядя на ее массивные, но такие выразительные руки, я живо себе представил, как весомо она может стукнуть подвыпившего, расшалившегося парня, нараспев произнеся свое привычное: «И-ди-и!..»

Меня она, конечно, презирала, хотя ей нравилось, что я верчусь вокруг нее, выспрашиваю про углы, отвесы, возвышения. Объясняла Даша так небрежно и мудрено, что вскоре я решил пойти поохотиться на зайцев, которых, по словам Калы, тут было видимо-невидимо.

— Эй! — кричала вслед Даша.— Смотри далеко не заходи! Еще потеряешься, потом отвечай... Чтобы все время видела тебя в теодолит.

Я шагал по весенним пескам, разукрашенным цветами, зеленью. Склоны барханов были причудливо прострочены стежками следов. Стремительно удирали из-под ног ящерицы, неспешно отползали черепахи. Вдалеке печально кричала саксаульная сойка. На ветвях кандыма только-только прорезались фиолетовые цветки, уже давая знать о себе тонким благородным ароматом. Заброшенное гнездо орла на скрюченном и дряхлом саксауле, белый скелет верблюда... Все было странным, непривычным, и только щеб«т ласточек, пролетных гостий пустыни, напоминал о крае березовых рощ, прозрачных речек и медвяных лугов.

Первый заяц почему-то поднялся сзади, когда я уже миновал его. И сразу метнулся за бархан. Второй подпустил довольно близко, но я промахнулся. Я был уверен, что Даша, наблюдая за

мной в теодолит, с презрением сказала: «Тоже мне а-хотничек!»

Через час я нагнал Калы. Он был в ярости. Еще зимой где-то здесь он собрал саксаул, думал позже забрать, а сейчас, поднявшись на бархан, обнаружил, что саксаул исчез.

— Может, ты спутал бархан, Калы?

— Как спутал! — кричал Калы.— Где в пустыне найдешь два похожих бархана? Люди, ой, люди, какие люди! Я беру верблюда, еду собирать саксаул. Кому собирал саксаул? Семье собирал саксаул. У меня девять штук детей! Приходят люди, крадут мой саксаул. Ой, люди!

— Разве у тебя есть верблюды, Калы?

— Два верблюда — большой и маленький.

— Где же они?

— В пустыне.— Калы неопределенно махнул рукой.

— А бараны у тебя есть?

— Бараны — совсем немножко. Четыре-пять штук.

Даша, замерявшая углы на вершине бархана метрах в трехстах, взвалила на плечо теодолит и направилась к нам. Калы, продолжая ругать человечество, двинулся вперед. Я остался сидеть.

— Эй! — еще издали кричала мне Даша.— Не очень-то на воду налегай. Пригодится.

И опять я расспрашивал Дашу, как ей живется, откуда сама, давно ли в Каракумах.

— А тебе-то что?! — не переставая заниматься своим делом, небрежно бросила Даша, но в общем рассказала все, о чем спрашивал. Родилась и выросла где-то под Калугой, техникум кончила в Поволжье, оттуда послали в Среднюю Азию — в Кугитанг, на афганской границе. Четыре года прокладывала профили в горах. Потом перевелась сюда, в Центральные Каракумы. Тут тоже — четыре. Итого, восемь лет. Словом, молодость. Так-то!

И вдруг ни с того ни с сего добавила:

— Был там у меня один хлюпик вроде тебя. Все хныкал, не нравилось ему. Я его быстро раскусила, отправила к маме в Молдавию: «И-ди-и, говорю, здесь тебе нечего делать!» Отмерив углы, Даша взвалила на покатое плечо свой нелегкий инструмент и спросила:

— Ну что, пойдешь или здесь посидишь?

Я сказал, что подожду Сережу — он уже спустился с бархана и шел в нашу сторону.

— Ну, сиди,— безразлично бросила Даша.— Работенка у тебя — не бей лежачего.

Сережа, тихий, черный от загара малый, был расположен ко мне и по дружбе часто угощал диким луком, песчаной морковкой, отыскивать которые был великий мастер. Но разговор у нас не клеился. Сережа почти не говорил по-русски, отвечал односложно или просто молча улыбался.

Я ушел за барханы, не теряя надежды подстрелить хоть одного зайца, чтобы как-то отличиться перед Дашей. Но мне не везло. Профиль был пройден в начале третьего. К тому времени у меня не было ни воды, ни зайца. Вертолета тоже не было.

Мы укрылись от солнца в тени крутого бархана. Даша спала, положив под голову ранец. Рядом лежал теодолит с треногой. Калы обстругивал кинжалом здоровенный стебель ферулы, по-местному — чумуча. Сережа был занят тем же. Я отсел подальше, меня мутило от неприятного, приторного запаха этих стеблей.

— Хочешь пить, да? — говорил мне Калы. — Ешь чумуч. Кто ест чумуч, не хочет пить. Весной без воды не умрешь, весной есть чумуч.

— Не могу, Калы!

— У меня девять штук детей. Когда приезжаю домой, все кричат: «Папа, привез чумуч?» Кто ест чумуч, не болеет.

— Все равно не могу, Калы, пахнет противно.

Сережа смотрел на меня с улыбкой, не переставая двигать челюстями.

— Я слышал, ты большой начальник,— без всякого перехода заметил Калы.

— Кто тебе сказал? Я вовсе не начальник,— ответил я.

— А живешь в Москве?

— В Москве.

— В Кремле, да?

— Не в самом Кремле, но поблизости.

— А саксаул в Москве есть?

— Саксаула нет.

— Как чай кипятишь? Чай в Москве пьешь?

— У нас есть газ. Такой, как в Дарвазе.

Калы понимающе кивнул.

— Я город не люблю,— сказал он.— Много людей, много шума.

Даша спала, разбросав на песке льняные волосы. Одна рука прикрывала опаленное лицо, другая касалась теодолита.

— Зайчика не застрелил? — спросил Калы.— Почему?

Я пожал плечами.

— Хочешь застрелить зайчика?

Я все еще смотрел на спящую Дашу.

— Пойдем, застрелишь,— сказал Калы, поднимаясь, а Сережа заулыбался, закивал: иди, иди, точно—зайчик будет.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы встать и выйти под знойные лучи солнца. Я старался не думать о воде. Пески были опутаны стежками следов, и Калы рассказывал, когда и кто их оставил — джейран, лиса, дикобраз. Наконец попался и заячий след. Калы пошел по нему.

— Нет,— решил он,— этот зайчик будет долго бегать. Его напугали, сильно напугали. Видишь, след неглубокий, мелкий.

Мы отправились дальше, и опять нам попадались заячьи следы, но Калы качал головой — не годится.

— Вот хороший зайчик! — вдруг сказал он.— Этот устал, хочет спать.

Мы молча крались по следу метров двести — триста. Калы остановился.

— Вон там саксаул, да? — прошептал он.— Потом янтак, видишь? Там зайчик, стреляй.

Действительно, под кустом верблюжьей колючки, прижав уши, сидел желтый заяц. Было как-то совестно стрелять в него, такого беззащитного.

Калы подобрал убитого зайчика, вспорол его кинжалом, ловко выпотрошил и связал так, чтобы не текла кровь.

— Возьми,— сказал он,— хороший зайчик. Еще хочешь?

— Нет, Калы, пить хочу. Жарко.

Мы вернулись в лагерь. Полоска тени на песчаном скате была на ущербе. Вертолет не появлялся. Даша уже проснулась. Перед ней на песке лежала развернутая карта.

— Калы,— сказала Даша, не обратив внимания на зайца,— в пяти километрах на запад есть колодец. Только тут приписка: «Вода солоноватая». Не знаешь, пить ее можно?

— Как зовут твой колодец? — спросил Калы, доставая из мешка стебель чумуча.

— Нефескуи.

— В Нефескуи совсем нет воды. Соленой тоже.

— Точно знаешь?

Калы не ответил, он грыз чумуч.

— Вертолета не будет? — спросил он немного погодя.

— Я почем знаю! — отрезала Даша и в сердцах добавила: — Черти! — в основном имея в виду старшего геолога, пославшего ее вторично на этот злосчастный профиль.— А колодец Сюзанлы?

— Там горькая вода. И верблюд не пьет из Сюзанлы,— сказал Калы, а Сережа закивал: да, да, верблюды не пьют, такая горькая там вода.

— Что ж нам, подыхать тут, что ли? — проговорила Даша.— Когда вы наконец перестанете трескать свой чумуч? Тошнит ведь!

Калы вежливо отодвинулся. Солнце слизало последнюю тень. Я разглядывал карту. Крупный масштаб, пять километров в сантиметре. Тропы, колодцы, вершины и впадины, развалины мечети... Неужели мы тут погибнем от жажды? Нет, весной в пустыне не умирают от жажды, весной есть чумуч. Целый мешок сочных смердящих стеблей — гостинец Калы своим детям — лежал в двух шагах от меня. И еще я знал, что нам не дадут умереть, потому что в разведпартии имеются машины, вертолеты.

А мне хотелось умирать, не совсем, не до конца, но так, чтобы язык во рту стал жестким, шершавым, чтобы пульс замедлился, а из горла вырывался сдавленный хрип: «Воды, ради бога, воды!» И потом, когда чьи-то руки прольют на спекшиеся губы живительную влагу и дыхание станет легким, чистым, испытать и запомнить это воскрешение, этот переход от смерти к жизни, чтобы потом на все глядеть свысока.

— Тут стоят кибитки Тачмурада,— вдруг сказал Калы.

— Где? — почти вскрикнула Даша.

— Тут рядом, на колодце Ортакуи.

— Не знаю такого колодца,— ответила Даша, склоняясь над картой.

Калы без всякого уважения глянул на карту.

— Ортакуи — хороший колодец. Ортакуи можно пить и людям, и верблюдам.

— Так что же ты раньше молчал?

— Раньше ты смотрела карту и ждала вертолета.

— И-ди-и! — сказала Даша, поднимаясь.— Сколько километров?

— Немножко по барханам, потом будет шор, потом опять по барханам, а там кибитки Тачмурада.

— Хорошо объяснил! — сказала Даша и взглянула на меня.— Ты-то как, дойдешь?

— О чем речь! — Я бодро встал, взял двустволку и зайчика.

— Это какой же Тачмурад? — спросила Даша, берясь за теодолит.— Чабан?

— Чабан,— ответил Калы.

На гребне бархана картинно стоял человек в черной бурке, стоял и разглядывал нас в бинокль, хотя мы его отлично видели невооруженным глазом. Тучный, смуглый, с обвисшими усами. За широкой, необъятной буркой лежал плоский пустырь, слегка

подернутый зеленью. На нем три кибитки, старенький газик, чуть дальше паслись верблюды. Собаки, злые туркменские собаки с обрубленными ушами и хвостами, задыхались от лая.

Человек опустил бинокль и, сложив руки на животе, дожидался, пока мы подойдем.

— Салям-алейкум, Тачмурад,— сказала Даша.— Не знала, что ты перебрался в эти края.

— Алейкум-салям, Даша-джан, прекраснейшая из женщин. Пусть ты и твои люди будут моими гостями,— на хорошем русском языке отвечал Тачмурад.— А перебрался сюда потому, что вода здесь лучше и корма больше.

Мы все поздоровались с Тачмурадом за руку, и он повел нас к средней кибитке, на ходу успокаивая псов и раздавая приказания ораве чумазых ребятишек.

Какое же это было блаженство в прохладе войлочной кибитки опуститься на текинский ковер перед большой чашей с чалом — верблюжьим молоком, разбавленным водой, черпать и пить этот кислый напиток, бессчетное количество кружек! А потом есть горячую баранину и что-то вроде нашего хвороста, жаренного в кипящем сале, и запивать все зеленым чаем. Тачмурад то и дело приговаривал, что это только так, на скорую руку, обед будет позже.

Огромный, плотный, теперь уже без бурки, но в шапке из дорого сура, каракуля редкостной расцветки — не то серебристого, не то золотого, он сидел, скрестив ноги, и с добродушной улыбкой наблюдал, как мы утоляем жажду и голод. И только когда мы закурили, я и Даша, он сказал:

— Давно тебя не видел, Даша-джан.

— Не знала, что ты здесь, а то бы раньше заглянула. Я не слышала об этом колодце. На карте его нет.

Тачмурад прищурил глаза и, усмехаясь в усы, произнес:

— Пустыня большая, карта маленькая, все колодцы не уместятся.

Калы и Сережа в беседу не вмешивались, только изредка перебрасывались с хозяином гортанными, отрывистыми фразами. Взглянув на меня, Тачмурад спросил:

— А что за мальчик с тобой, Даша-джан? Раньше его я в пустыне не видел.

— Из Москвы,— небрежно бросила Даша.

— Из Москвы? — оживился Тачмурад, повернувшись ко мне.— Это правда, что в Москве можно купить вертолет?

Даша громко рассмеялась.

— Зачем тебе еще и вертолет, Тачмурад?

— Тут заезжал ветеринар, он говорил, что в Москве можно достать вертолет.— И Тачмурад выжидательно уставился на меня.

Я сказал, что ничего об этом не слышал. Тачмурад вздохнул и отвернулся.

— А вообще вертолет не помешал бы,— сказала Даша,— Хотя бы до Лагутина добраться, у него есть рация.

— Угощу вас обедом, отвезу к Лагутину,— проговорил Тачмурад.— На газике.

После сокрушительного обеда — баранина в сале, чай, лепешки, водка, сладости — Тачмурад посадил нас в свой подержанный газик и повез безо всяких дорог через барханы, пухляки, такыры, повез неведомо куда. Усталость, полный желудок быстро усыпляли. Но временами, возвращаясь к действительности, я чувствовал, что голова моя покоится на роскошной груди Дашиджан, а рука ее, может быть, крепче, чем нужно, обнимает меня на подъемах и спусках. Я блаженно жмурил глаза, косился в окошко, где в предзакатном свете простиралась червонная пустыня, и опять погружался в сон.

Заметив, что я проснулся, Даша легонько оттолкнула меня, смущенно бросив:

— И-ди-и! Разлегся тут!..

Слетев с бархана, газик попадал в изумруд иляка, расцвеченный голубыми колокольцами, лазоревыми цветками, ехал мимо кряжистых саксаулов, похожих издали на одичавший вишневый сад. Потом разгоряченная машина вновь возносилась на вершину песчаного холма, откуда открывался новый, удивительный пейзаж: то бескрайний пухляк, пересыпанный кальцитом и сверкавший на солнце, то причудливые каменные выси, замки, террасы, пасти пещер, обелиски — целые эоловые города. Вдалеке, вздымая белесую пыль, розовевшую в косых лучах, грациозно проносились тонконогие джейраны. Дальше снова гряда барханов, а за ней — о боже! — древнегреческий театр с красным округлым такыром вместо сцены и каменистыми уступами-скамьями, с завидной соразмерностью выточенные солнцем, ветром и влагой...

На горизонте, совсем как в первобытные времена, без присмотра паслось на свободе с полсотни верблюдов. Солнце слепило глаза, и мы видели только их силуэты — нелепые, большие, безмятежные. Калы что-то сказал по-туркменски Тачмураду — видимо, попросил остановить машину, чтобы посмотреть, нет ли там его верблюдов: один большой, один маленький.

— Нет,— отвечал по-русски Тачмурад, обернувшись к нам с улыбкой.— Там нет твоих верблюдов, Калы!

Через полчаса мы спустились в долину, где под присмотром мальчика и двух безухих, бесхвостых собак паслось несметное стадо овец. Тачмурад, слегка притормозив, по-хозяйски что-то крикнул пастуху и опять обернулся к нам.

— И бараны, Калы, не твои!

Калы вздохнул и молвил негромко свое обычное:

— Ой, люди! Ой, люди!

Буровую Лагутина мы нашли на дне огромной воронки в кольце эоловых гор. Стосильный ЧТЗ, станок структурного бурения, чаны, бочки, трубы, расплесканный раствор,..

В одной из палаток — восемь сердитых мужчин. Они пробурили скважину еще два дня назад. Но каротажники не едут, а без них не потянешь станок на другую точку. План стоит, нет плана — нет заработка. Мастер уже третий день по начальству ездит. Сегодня в полдень прилетел, покружил над буровой, видит, нет каротажников, и садиться не стал, повернул к Дарвазе.

Больше всех был зол бурильщик по имени Костя, фиксатый, с чубчиком, в полосатой пижаме.

— Раз занесло нас в эту гадскую пустыню, надо вкалывать! Какого хрена без дела торчим двое суток? У меня, может, сын в Бахардене родился, а я тут волынюсь, родного сына в глаза не видал!

В темном углу с усами-кинжалами безмолвно сидели три черкеса. Они, видимо, были согласны с Костей, но не одобряли его бестолковой славянской горячности. Дальше попыхивал трубочкой Маркелыч, человек пенсионного возраста. Некто в ковбойке водил карманным фонариком по страницам книги — наверное, читал что-то интересное. И только крепыш с обветренным лицом лениво бросил Косте:

— Заткнись, надоело! Сходил бы лучше принес Берте Вильгельмовне саксаула, ужин не на чем готовить.

— Отзынь! — сказал Костя и лег плашмя на койку, скинув с нее колоду карт и домино.

Да, людям все осточертело, а неведомые каротажники не ехали. Я выбрался наружу. Солнце уже село. Запад за ломаной линией гор полыхал пожаром. В соседней палатке Даша-джан изо всей мочи кричала в рацию: «Чего ж вертолет-то не выслали? Вертолет! Прием, прием...» Еще одна палатка. Здесь лагутинские туркмены угощали Калы и Сережу зеленым чаем с ржаной лепешкой. Сережа пел заунывную песню, сам себе подыгрывая на двухструнном дутаре. И когда он после надрывного речитатива вдруг переходил на визгливое «и-и-и-и», остальные в восторге кричали «Ай, варахелла!», что означало «молодец».

— О чем эта песня? — спросил я.

— Трудно сказать,— ответил Калы.— Он поет о любви, о разлуке.

— Скучает,— сказал лагутинский помбур, кивая на Сережу,— у него в Ербенте молодая жена.

Никто не поддержал такого вольного, по восточным понятиям, разговора, а Сережа запел другую песню, тоже о любви, о разлуке, и тут раздался радостный крик:

— Ка-ро-таж-ники!

С седловины эоловых гор спускались две большие крытые машины, едва различимые в сумраке. Склон был неровен, каменист, и машины двигались медленно, будто на ощупь. Черкесы, Маркелыч, некто в ковбойке, Костя в пижаме и тот, кто велел ему заткнуться,— все выбежали из палаток, все были тут: и стряпуха Берта Вильгельмовна, и Даша-джан с карандашом, и Сережа с дутаром...

Машины подкатили к самой вышке. Еще на ходу раскрылась дверца, выскочил румяный, мордастый парень с бумажным свертком. Мастер бурбригады Лагутин.

— Ребята,— кричал он,— готовь скважину! Полдня за ними, чертями, гонялся. Под самой Дарвазой перехватил, чуть не силой повернул обратно. Ну, кто в первую смену выходит?

— Мы! — сказали черкесы.

— Давайте, ребята!

Черкесы бросились переодеваться. Маркелыч пошел потолковать с Лагутиным. Берта Вильгельмовна крикнула Косте, чтобы тот принес саксаула, и Костя послушно ответил: «Сейчас!» Минут через пять черкесы, одетые в грязные робы, вышли из палатки. Еще через пять — на буровой затарахтел движок, вспыхнули лампочки на вышке, в палатках. А машины уже выбросили на площадку свой каротажный десант. Двое мальчиков в джинсах тянули к вышке черные шланги и кабели разных калибров.

— Друг,— сказал я мальчику в джинсах,— что здесь намечается?

Мальчик ошалело глянул на меня и, крикнув: «Каротаж!» — убежал к машине.

Один фургон был заполнен пультами, щитами. В приоткрытую дверь я видел, как небритый дядя нажимал какие-то кнопки, что-то подкручивал и потихоньку ругался. Я не решился его беспокоить. Был еще один человек — белобрысый парень в наброшенной на плечи телогрейке; с независимым видом он расхаживал взад и вперед, ничего не делая, но за всем присматривая.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к нему,— что здесь готовится?

— Что готовится? — переспросил парень, но в тот же миг, заметив какую-то оплошность, рванулся к вышке:

— Ты куда подключаешь, осел! — кричал он мальчику в джинсах.— Замыкание хочешь устроить?

Черкесы были недоступны — они лазили по вышке. Костя, хоть это и не его была смена, пришел в пижаме на площадку, тоже суетился, помогал, но больше покрикивал.

— Костя,— сказал я ему,— объясни ты мне, что такое каротаж?

— А... хрен его знает! — добродушно отозвался Костя.

Дюжий малый в синем комбинезоне, шофер одного из фургонов, собрал ворох саксаула, плеснул в него бензином, бросил горящую спичку. Вспыхнул хлесткий огонь. Я прилег у костра. Была ночь, ночи в пустыне холодные. Зато небо вызвездило до краев. Ярче всех сверкала Венера, едва-едва приподнявшись над изломом гор. Парень поставил на огонь чугунный чайник, расстелил кошму и стал раскладывать снедь — лук, колбасу, редиску, сахар. Со мной он не заговаривал. Я сидел, поглядывая то на звезды, то на занятых непонятным делом каротажников.

И вдруг в освещенный перед вышкой круг влетела бабочка,

красивая дневная бабочка. Ее манил свет, но пугали резкие технические запахи. Она то металась в разные стороны, то висела в воздухе, беспомощно трепеща крыльями.

— Ну, чего пригорюнился?

У костра в своем атлетическом великолепии, руки в боки, стояла Даша-джан.

— Даша,— сказал я,— Даша, объясни мне, что такое каротаж!

— А ты спроси у каротажников.

— Я спрашивал, никто не объясняет, все заняты.

— Идем! — сказала Даша, рванув меня за руку.

Трое каротажников — как раз самых главных — о чем-то совещались на границе света и темноты. Увидев Дашу, они обрадовались.

— Даша, здравствуй! Ты откуда взялась?

— Ребята,— грозно сказала Даша,— вот этот человек хочет знать, что такое каротаж. Вы можете объяснить?

— Конечно! — ответил один, белобрысый, в телогрейке, и, уже обращаясь ко мне, продолжал: — Все очень просто, приятель. Лагутин пробурил скважину, мы спускаем в нее хитроумный прибор, который регистрирует сопротивление пород. Понятно?

Я кивнул.

— Так вот, эти данные в виде кривых запишут аппараты той вон машины. Просмотрев ленту, нам станет ясно, что там за породы. А зная верхние породы, можно предугадывать нижние; иначе говоря, определить, есть ли смысл бурить глубже или лучше до поры до времени закупорить скважину. Вот что такое в принципе каротаж. Понятно?

Я снова кивнул.

— Ты действительно все понял? — строго спросила Даша.

— Да,— сказал я.— Да! — И потом каротажникам:

— А не знаете, от какого корня происходит слово каротаж?

Те глянули на меня с удивлением.

— Ну что же вы? — сказала им Даша.— Не знаете, от какого корня?

Каротажники пожимали плечами. Даша пренебрежительно махнула рукой и повернулась ко мне.

— Пошли в палатку, прохладно становится.

— Я еще побуду здесь,— ответил я.

— Но-но! — сказала Даша.— Простудишься, потом отвечай за тебя.

Не обращая внимания на мои протесты, она взяла меня на руки — семьдесят шесть килограммов, высшее образование, первый разряд по плаванию,— взяла и понесла через буровую, рокотавшую в ночи, понесла так же легко, как баба-яга уносила Иванушку. Я видел, как ребята-каротажники усмехались и качали головами. Я видел, как бабочка улетела опять в темноту. Быть может, неважно знать, что такое каротаж, а тем более быть каротажником?

Вот посмотри, как ослепительны звезды! Даша, Даша-джан, достань теодолит, направь его подзорную трубу на Венеру, у нее лучи, как рапиры!

Всю ночь напролет за брезентовым шатром гремела буровая. Там в сокровенные глубины погружали хитроумный прибор. Но что-то не ладилось: каротажники, приходившие в палатку напиться чаю, выговаривали Лагутину: тот не промыл как следует скважину. Вместо того чтобы закончить часа за три, они проторчат теперь неведомо сколько. И еще я слышал, как каротажники разговаривали с Дашей. Уже за полночь она рассчитала наконец злосчастный профиль и честила почем зря старшего геолога, потому что цифирь получилась прежней. Потом, когда в палатке стало тихо, Даша подошла к моей койке — или это приснилось мне? — гладила мои руки, что-то приговаривая. Я, видно, в самом деле был здорово похож на того хлюпика, которого она раскусила еще в Кугитанге и отослала обратно к матери в Молдавию...

Утром чуть свет я вышел из палатки. Мир был окутан тишиной и туманом. Единственной брешью — и в тишине, и в тумане — были две смутно различимые машины. Потом и они затихли. Буровая спала крепким сном.

Об авторе

Цебаковский Сергей Яковлевич. Родился в 1932 году в Москве. Член Союза журналистов СССР. Окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков, работал корреспондентом Всесоюзного радио. Много разъезжал по стране. Занимается художественным переводом, пишет рассказы. В настоящее время работает над книгой о Чукотке. В альманахе публикуется впервые.

И ПАХАРИ, И СЕЯТЕЛИ...

Владимир Рыбин

Очерк

«Море — наше поле, рыба — наш хлеб».

Поморская пословица

Над волнами плачут чайки. Чистенькие щеголихи с черными кончиками крыльев, они висят над вантами, вглядываясь в воду, резко падают и дерутся из-за рыбьих потрохов, смытых с палубы. Серые глупыши ловко лавируют между валами гладкой океанской зыби, почти касаясь своих отражений. И тоже кричат: то ли умоляют, то ли требуют.

Птицы хорошо изучили ритм промысла. Они слетаются к судну в тот момент, когда всплывает на поверхность набитый рыбой куток трала. Но когда улов невелик и трал не всплывает, чайки все равно прилетают, хоть и меньше, кружатся над траулером, ждут. Их жалобные крики стихают за кормой, как только разделочная команда вымоет палубу. Так и летают они от судна к судну весь день и всю ночь, которой теперь нет. И не видно, чтобы они отдыхали или улетали к далеким берегам, до которых двое суток ходу.

Рыбаки не замечают чаек. Редко кто остановится у борта полюбоваться стремительными виражами. Привыкли. Да и не

до чаек на промысле: надо быстро опорожнять трал, вновь опускать его в море, потрошить пойманную рыбу, укладывать ее в трюм, выбирать тресковую печень для консервирования, очищать палубу. А там подходит время вновь поднимать трал и все начинать сначала. Так круглые сутки. Пока незаходящее солнце не сделает над мачтами четырнадцать кругов. Пока под тяжестью полных трюмов палуба не опустится почти к самым волнам...

Я живу в «адмиральской» — так рыбаки называют каюту на корме. Возможно, во времена парусников корма и была комфортабельным местом. Но теперь там винт. И, увы, не бесшумный. Зато под непрерывное тяжелое плюханье воды хорошо думается. И я подолгу лежу на своей пружинной койке, упираюсь ногами в стенку, чтобы не елозить при бортовой качке, и размышляю. О бездне, которая булькает в нескольких сантиметрах от моего уха. О таинственной жизни у темного дна. О людях, которые теперь так запросто чувствуют себя в этом опасном море...

А бывало, поморы говорили: «От Колы до ада всего только три версты». С холодного моря ползли непроглядные туманы, приплывали причудливые торосы и стамухи, оттуда налетали страшные ветры, вмиг разбивающие рыбачьи шняки. Сколько кормщиков, тяглецов, веселыциков, наживочников и мальчишек-зуйков поглотили белесые волны! Сколько слез пролито по ним в далеких мезенских, архангельских, онежских, кемских деревнях!

Тяжелый пушечный удар потрясает судно. Это вахтенный матрос ударил кувалдой по скобе, удерживающей стопор-цепь. Теперь натянутые, как струны, стальные тросы-ваера вздрагивают и расходятся в стороны. Через минуту загрохочет лебедка. С полчаса ваера будут скользить по источенному планширу. А потом поднимут трал, и очередной улов заискрится на палубе под ночным солнцем...

Две недели назад, когда я только приехал в Мурманск, этот разлад между часовой стрелкой, показывающей полночь, и высоким солнцем казался случайностью, шуткой природы. Из любопытства я принимался загорать в час ночи или уходил бродить по городу, залитому солнцем, неестественно пустынному, словно вымершему. Потом привык и перестал обращать внимание на эту местную «несуразность», как и на многие другие: на березовый запах выстуженной парной бани в тихих низинках за городом, на снег в оврагах под июньским небом, на чаек, разгуливавших по улицам Мурманска вместо голубей. Но одно никак не укладывалось в сознании: что еще в начале нынешнего века в этих местах не было ни города, ни порта, ни флота в заливе, ни гидроэлектростанций, ни живописных домов отдыха и санаториев среди замшелых камней, поросших мелким березняком.

Ничего не было из того, что теперь так привычно. Был дикий край, которого боялись, в который не все верили. Даже «обветренные и просоленные» поморы говорили тогда, что в Коле «с одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, с четвертой — ох». Недаром же постоянных жителей в городе Коле, основанном новгородцами еще в 1264 году, к началу нынешнего века накопилось всего лишь 650 человек. «За колянами был отправлен специальный поезд... Весь город, конечно, поместился»,— писали газеты в репортажах о торжественной церемонии закладки Мурманска в октябре 1916 года...

У меня есть фотография, на которой возле замшелой избушки на пустынном берегу сидит древний сказочный старец. Вот так, наверное, выглядели жилища смердов до татаро-монгольского нашествия. Но я точно знаю: фотография сделана в 1913 году и на ней Семен Коржнев, единственный человек, который жил тогда на месте нынешнего Мурманска.

Люди, родившиеся в то время, еще не успели состариться, а крупнейший заполярный город мира и весь этот край, «забытый людьми и богом», словно в сказке, вдруг возник и расцвел. И никто уже не боится его, как бывало. Никто не вспоминает мрачных предсказаний и страшных пословиц. Словно Гольфстрим потеплел или солнце стало подниматься выше. Люди оценили и сравнительную мягкость местных зим (средняя температура января в Мурманске выше, чем в Астрахани), прелесть солнечных летних ночей, близость рыбных богатств океана и то, что море здесь никогда не замерзает. И земля оказалась не столь бесплодной, как считалось еще недавно. А былое пугающее бездорожье не страшно для современного транспорта...

Снова тяжелый удар на палубе. По трапу — грохот сапог. В каюту заглядывает добродушная мордашка юнги Исхана.

— Капитан зовет!— кричит он и убегает по своим делам — мыть, скоблить, драить.

На часах — два ночи. Над морем — высокое солнце. Чайки мошкарой вьются над цепочкой кухтылей. На палубе бьется ошалевшая рыба. Треска рвется из общей кучи. Окуни часто шлепают красными хвостами, удивленно таращат глазищи, вылезающие из орбит от внезапной перемены давления. Жирная пятнистая зубатка лежит пластом, не в силах пошевелиться в новом для нее мире. Тут же плоская, как подметка, камбала, очень похожие на нее палтусы, обрывки водорослей, морские звезды с обломанными лучами, мелкие камни.

Капитан Николай Николаевич Стрелков через окно ходовой рубки молча наблюдает за работой на палубе. Не вмешивается без надобности.

— Не прозевай,— говорит он,— скоро последний трал.

— Домой пойдем?

— Да, насовсем.

— Как это насовсем?

— Навсегда, значит. Этот траулер больше в море не выпустят, отплавался.

— Почему? — недоумеваю я.

— Состарился. Корабли ведь тоже старятся, как и люди. Только раньше. Нашему уже с лишком тридцать...

Это мне было известно по книжкам из мурманских библиотек, по музейным материалам. Траулер появился в этих водах в начале тридцатых годов и был для того времени одним из крупнейших. А до него, считай, и не было настоящего флота на Мурмане.

В 1924 году шесть архангельских судов впервые зазимовали в Мурманске. Они-то и положили начало самостоятельному Северному рыболовному флоту. В 1927 году город обзавелся первыми причалами и посолочным заводиком. А еще через несколько лет в Кольский залив вошла «эскадра» новеньких траулеров, построенных по советским заказам за границей. Среди них был и наш ветеран, в последнем рейсе которого мне случайно пришлось участвовать. Траулер получил тогда номер 29 и название «Киров». По тем временам это был красавец и великан: длина — пятьдесят один метр, мощные машины, емкие трюмы, оборудование наиновейшее. Судном не могли налюбоваться. Но даже самые восторженные оптимисты не могли предположить, что за всю долгую корабельную жизнь ему ни разу не изменит капризное рыбацкое счастье.

В первые же рейсы уловы нового траулера оказались рекордными. В 1933 году рыбаки выполнили годовой план за семь месяцев и удостоились поздравительной телеграммы С. М. Кирова. «Кировцы» даже преодолели вековой страх перед зимней непогодой и начали лов рыбы при семи-, восьмибалльных штормах. 1938 год принес мировой рекорд — 61 600 центнеров рыбы, немногим меньше, чем вылавливали за год все рыбаки дореволюционного Мурмана. Радиопозывные «Кирова» стали модными, их ловили в эфире и свои, и иностранные суда. И уже готово было зародиться своеобразное поверье: где «Киров», там и рыба. Но однажды радиостанции всех советских рыболовных судов, разбросанных на просторах Баренцева и Норвежского морей, получили радиограмму: прекратить промысел, рассредоточиться и срочно следовать в Мурманск. Радиограмма эта была получена в 16 часов 30 минут 22 июня 1941 года.

Началось невиданное: лов рыбы при свете полярного сияния, а нередко под треск зенитных пулеметов и разрывы авиабомб. От этого времени на «Кирове» остались проходящие через кают-компанию, стальные опоры, на которых некогда стояла одна из пушек, да мемориальная доска. Бронза надписи сообщала, что за годы войны «Киров» 200 суток провел в дозоре, 100 суток — в траловых операциях, 15 раз сопровождал транспорты в составе конвоев, неоднократно отражал воздушные атаки, уничтожил 20 мин.

Много судов поглотили холодные волны Баренца. Среди прочих погиб и «Персей» — первенец советского научного флота, разорванный бомбами у полуострова Рыбачий. А «Киров» снова оказался в числе удачливых — без пробоин дождался мирных дней. И, как бывало, вышел на промысел. В 1954 году на нем

появилась еще одна мемориальная доска: «В социалистическом соревновании за высокие уловы рыбы экипаж достиг вылова 60 200 центнеров...» В 1963 году «кировцы» подняли на борт миллионный центнер рыбы.

Цифры относительны, они понятны лишь в сравнении. Когда я впервые узнал о миллионе, то долго подсчитывал на бумажке, сколько это, миллион центнеров. Сравнивал с мясом по содержанию белков: и в рыбе, и в мясе их одинаково — до двадцати процентов. Получалось, что сорок человек команды одного только траулера за тридцать лет промысла «пригнали» огромнейшее «стадо коров» численностью больше миллиона голов... Все мы любим космические цифры, хотя далеко не всегда осознаем их значение. Я представлял себе армаду новых судов, которые завалят магазины вкусной рыбой, дадут вдоволь кормовой муки сельскому хозяйству, а полям — горы ценных удобрений. «Бессчетны дары моря! Море — будущее человечества!» — восклицалось вслед за авторами запомнившихся газетных заметок.

Были дни, когда я ходил по Мурманску со счастливой улыбкой человека, нашедшего панацею от всех бед. Смотрел с высокого берега на лес мачт в рыбном порту, на стальные громады новых плавбаз, возле которых довоенные траулеры казались лодчонками, и радовался, как мальчишка, впервые увидевший корабль.

А потом как-то вдруг узнал, что Баренцево море, еще полвека назад казавшееся неисчерпаемым, теперь обеднело рыбой.

Согласитесь, читатель, очень не просто с мягких облаков оптимизма падать на камни сомнений. Но это падение всколыхнуло во мне что-то вроде любопытства исследователя. И я решил пойти с рыбаками, чтобы своими глазами поглядеть на «дары моря». Так попал на траулер, рекомендованный мне как самый прославленный...

— Точно, меньше стало рыбы,— в первый же день сказал мне капитан.— Прежде тонна за траление была редкостью, потому что каждый раз брали больше. А теперь тонна в трале — редкость по противоположной причине.

— Кто же в этом виноват?

— Море, наверное. Может, Гольфстрим похолодал, временами это случается, а может, выловили рыбу. Вон сколько нас на промысле.

На залитой солнцем морской глади повсюду темнели силуэты траулеров: наших, польских, английских, норвежских. Я принялся считать суда — их было около пятидесяти. Некоторые совсем близко, даже надписи читались на спасательных кругах. В такой толчее у капитана не о рыбных запасах думы, а о том, как бы не сцепиться тралами под водой.

Эти траулеры, которых временами становится то меньше, то больше, маячат по горизонту все четырнадцать дней.

— Зимой, когда темно, огней тут, что в городе,— говорил капитан.

— Этак можно всю рыбу выловить. Будет Баренцево море вроде нашей Москвы-реки — завалящего ерша не сыщешь.

— Море не река,— неуверенно отвечал Стрелков.— Однако кто знает. Ученые толкуют разное. Послушать одних — ловить не переловить. По словам других — поберечь бы надо.

— Годок-другой посидеть бы без рыбы, дать ей подрасти.

— Мы на диету, а они пусть ловят? Не пойдет. Не ловить, так чтобы всем...

Капитан извинился и ушел в радиорубку: начиналась очередная радиоперекличка. Там из рации уже слышались голоса. Будто соседи за чашкой чая делились новостями. Капитан подсел к столу, послушал немного, а потом сказал, глядя на подмигивание огоньков:

— Добрый вечер, товарищи! Двадцать девятый говорит. Работаем в квадрате 2103. За два с половиной часа две кошалки. Окунь идет. Взвешивали — шестьсот граммов. Хороший окунь...

Капитан при деле, ему легче отвлечься от дум. А мое журналистское дело — думать, сравнивать, сомневаться. С того первого разговора с капитаном я каждый раз с беспокойством оглядываю горизонт, считаю силуэты чужих траулеров, прикидываю: насколько сегодня исчерпаются «неисчерпаемые» рыбные запасы Баренца, сколько новых борозд выскоблят тралы в морском дне? Эта тревога очень мешает радоваться полным кошалкам. Но я не гоню ее, даже горжусь ею. Мне кажется, что кусок рыбы, съеденный с думой о море, чем-то роднит меня с рыбаками...

Чисто вымытая палуба лоснится желтыми досками. По палубе с кувалдой в руке идет матрос Капустин, рыжеватый северянин, напоминающий кинематографического шкипера.

— Ловись, рыбка, большая — не маленькая! — говорит он, улыбаясь из-под широкополой штормовки. Подходит к борту, заглядывает вниз, туда, где сжатые вместе тросы-ваера режут взбитую пену.

Тросы уходят в глубину на триста с лишним метров. У самого дна большие овальные доски растягивают их в стороны. За досками двадцатипятиметровая пасть трала. Тяжелые шары-бобинцы катятся по дну, вспугивают сонную треску. Рыба кидается в стороны и натыкается на длинные крылья трала. Она пытается уйти вверх, но там тоже сеть — широкий ячеистый карниз со странным названием «сквер». А трал уже наползает, затягивает треску в тесный тупик...

Капустин минуту медлит, может, надеясь, что именно в этот момент в трал попадает лишняя рыбина. И вдруг с силой бьет кувалдой по скобе, удерживающей стопор-цепь. Глухой удар потрясает судно: стопор отдан. Ваера вздрагивают и расходятся в стороны. И тотчас же монотонно застучала лебедка.

— Вот и последний,— говорит старпом Василий Анемподистович Банин. Он на мостике колдует с секстантом, ловит ускользающий горизонт в маленькое зеркальце. Потом бежит к карте, торопливо надевает очки, склоняется над раздвижными штурманскими линейками. Линия, еще линия, точка. Вот где мы — в Норвежском море. Слева, до самой Антарктиды, — океан, справа — ближайшая земля — Шпицберген. Старпом удовлетворенно разгибает спину, сдвигает очки на лоб. И «старый морской волк», отдавший морю тридцать лет жизни, сразу становится похожим на доброго дедушку.

А внизу на палубе уже работает разделочная команда. Одни подают бьющуюся рыбу на стол, другие неуловимо быстрым поворотом ножа отсекают головы. Третьи вычищают внутренности. Взмах руки — и рыба летит под струи воды и скользит дальше по лотку в трюм. Стучат ножи, кричат чайки, шлепают о борт волны. Никого и ничего лишнего. Идет работа. Тяжелый труд. И никакой романтики...

Я искал эту романтику морских странствий с первого дня рейса. Но она, видно, пряталась где-то на берегу. Здесь, на судне, была изнуряющая качка, монотонный стук машины, утомительно однообразный горизонт и все та же треска, те же выпученные глаза окуней. Целый день. И целую ночь, похожую на день... А вот аппетита не было. Не привлекала даже самая свежая жареная и вареная рыба, о какой мечталось на суше...

Потом понял: напрасно искать романтику в море. Она приходит на берегу, как плата за выдержку. И тогда воспоминания наполняются теми самыми оранжево-грозовыми, штормовыми и штилевыми отблесками, от которых замирают души всех мальчишек, да и многих взрослых тоже.

Недаром моряк на суше тоскует по морю. Недаром в плавании он так неудержимо хочет на берег...

— Когда домой пойдем? — спрашиваю у Банина.

— Уже идем. Курс — сто двадцать четыре. Стрик обедника к лету, как говорили поморы. Вот записал.

В судовом журнале свежая чернильная запись: «01.00. Трал поднят. Улов — одна тонна. Полный ход вперед. Легли на КК 124°. На руль заступил матрос Зайцев. Следуем в порт. На борту рыбы соленой — 35 тонн, свежей — 70 тонн, консервов — 5 тысяч банок. Идет крупная зыбь от SW...»

— Сто тридцать процентов рейсового плана. Годовой план тоже есть. Последний, а, как всегда, выполнен.

— Может, еще поплаваете?

— На этом судне нет. Сколько раз уговаривали Морской регистр. Теперь — все. Воду в порту повозим, а там — на слом. Да и ни к чему рисковать: устарел траулер. Вон теперь каких понастроили. Видел в Мурманске?..

Еще бы не видеть! Кто из приезжих не кидается в первую очередь посмотреть на красавцы теплоходы, всякие БМРТ да плавбазы, заполонившие Кольский залив! Теперь что ни год, появляется не меньше двух десятков новых судов. Говорят, здесь их только

промысловых не меньше полутора тысяч. И наши советские, и шведские, польские, финские, английские, восточно- и западногерманские верфи выполняют заказы Мурмана. Мурманск уже стал первым в стране по рыбному промыслу и упорно приближается к титулу крупнейшего порта.

Тесно теперь в заливе. И на берегах тесно. Уже лезут на сопки высокие дома. Уже за триста тысяч перевалила численность населения города. И встали гостиницы, плавательные бассейны, дворцы культуры, библиотеки. Жилые кварталы протянулись вдоль залива на двадцать километров. Только зимние сполохи в черном небе да непросыхающий холодный асфальт летом напоминают, что здесь некогда было пугающее Заполярье, страшный Мурман, что по-саамски значило «край земли»...

Я все больше думаю об этом городе, по которому соскучился за две недели плавания. Крупная океанская зыбь валит судно с боку на бок, бьет в правую скулу траулера, взметается над баком белым дождем. Капитан в бинокль осматривает чистый горизонт. Остались позади десятки своих и чужих траулеров, что на промысле все время маячили вокруг. Лишь изредка мелькнет вдали маленькая норвежская рыболовная шхуна с одним-двумя матросами на палубе и тотчас утонет в чешуе солнечных бликов, рассыпанных по морю.

Рыбаки уже отоспались и теперь сидят кучками на чисто вымытых деревянных щитах, закрывающих люки, разговаривают о доме, о погоде, о девчонках на берегу, о палтусе, что болтается на вантах — вялится. Поволновались только, когда прошел слух, что стармех хочет в губе Лауш, у Рыбачьего, задержаться на день, машину перебрать. Но скоро успокоились, стали подшучивать над этой своей незадачей.

— О-хо-хо! Всюду губы, а целовать некого.

— Ничего, рыбку половим.

— Не наловился?

— Так ведь на удочку! Разве сравнишь!..

Смеются ребята. Довольны, что трюмы полные, что море спокойно, что скоро берег. Зевают. А никто не хочет в душную каюту.

Стучит машина. Качается скобленая палуба. В спину равномерно, без порывов давит ветер. Сидим, подставив лица солнцу, косим глазом вправо на горизонт, где низкой тучкой разлеглись далекие берега.

Я целый день хожу по палубе. Как уйдешь, когда скалы Норвегии — вот они?! Белыми амебами лежат снежные ошметки. В бинокль ясно видны суровые утесы, отороченные снизу кокетливой полоской прибоя. Остался позади маяк, одинокий, как лермонтовская сосна «на Севере диком». Игрушечный городишко воткнул в низкие тучи шпиль своей островерхой кирхи. А потом берег сттова исчезает за горизонтом.

— Варангер-фьорд,— говорит капитан.— Скоро полуостров

Рыбачий, Цип-Наволокский маяк, а там и до Тюва-Губы рукой подать. Отдохните пока...

Я еще раз прохожу по палубе, заглядываю в кают-компанию, где юнга Исхан сам для себя крутит фильм, спускаюсь в свою «адмиральскую»...

Судно содрогается от грохота якорной цепи. Винт поплескал немного и затих. Ни шума, ни качки. Из глухой тишины выбиваются слабые голоса. Вскакиваю, торопливо бегу наверх. То же солнце, да нет моря. Перед траулером — высокий скалистый берег с деревянными домиками по склону. Речка бежит сверху, прыгает десятками водопадиков с камня на камень, рвется из сколоченных для нее дощатых берегов. На сопке, на самом верху, огромный штабель льда, прикрытый мешками и опилками. И всё вокруг: камни, бревна причала, стены домов — исписаны лаконичными надписями: «РТ-68», «РТ-328»... Это рыбаки, обрадованные счастливым возвращением, оставляют память о себе.

— Тюва-Губа,— говорит капитан.— Считай, что дома. Теперь только пограничникам показаться. А вы небось сразу в Москву?..

Но домой я попал не скоро. Потому что в тот же раз вышел разговор, сломавший все мои планы. Строгий пограничник, проверявший судовую роль, вдруг с любопытством взглянул на капитана и спросил, крайне заинтересованный:

— А горбуша вам не попадалась?

— Нет. О ней больше разговоров.

— А перед вами прошел траулер, у них есть. Интересная такая, горбатая.

— Откуда она тут? — удивился я.— Это же дальневосточная рыба.

— Есть чудаки-рыбаки,— сказал капитан.— Сидят на берегу и ждут, что рыба к ним сама поплывет. Сказка, да и только...

Вот эта-то сказка и лишила меня покоя на добрую неделю. Но она же помогла разглядеть просвет в темной стене сомнений, отравлявших мои «северные восторги». Думая о растущей мощи мурманского рыболовного флота, я никак не мог отделаться от одной мысли: если теперь мурманским рыбакам приходится промышлять у берегов Канады и даже под Южным Крестом, то где придется искать рыбу завтра? Ведь этак может наступить момент, когда увеличение числа судов и улучшение их оснащенности уже не будут приводить к росту уловов... Мне все время помнился разговор с одним научным сотрудником Полярного института рыбного хозяйства и океанографии, уверявшего, что океанический лов скоро станет малопродуктивным.

— Посудите сами,— говорил он.— Считается, что мировой океанский промысел можно довести до восьмидесяти миллионов тонн в год. Теперь добывается больше сорока миллионов тонн. Казалось бы, есть возможность еще удвоить уловы. Но некоторые страны объявляют прибрежные шельфы своей территорией. Если

шельфы будут разобраны, то где прикажете промышлять? Ведь эти прибрежные отмели дают восемьдесят процентов мирового улова рыбы...

Однако хотелось бы верить, что не может человечество «остаться на бобах» из-за своей неумеренности, научится наконец и в море хозяйствовать, как на суше. Найдет выход, сделает что-нибудь неожиданное.

Первым отзвуком такой «неожиданности» и стала для меня горбуша, о которой я впервые услышал у скалистых берегов Тюва-Губы.

Едва отдышавшись в гостинице от двухнедельной качки, я отправился в учреждение с кроссвордным названием «Мурманрыбвод».

— Да, хотим, чтоб рыба сама плыла в сети,— всерьез сказали мне рыбоводы.— И опыт уже есть. Поезжайте на рыбоход Нижне-Туломской ГЭС, поглядите, как там рыбаки работают...

И вот мы едем вдоль Кольского залива. Машина бежит по волнам дороги, то поднимаясь к ветру, то опускаясь в душные низины, уходя в сопки, подступая к самой воде. Остался позади лес мачт в заливе, горы бочек на берегу. Промелькнул невысокий кедр возле дороги, огороженный, охраняемый, как самый северный в стране, древний деревянный крест за обочиной, решетчатый металлический мост над порожистой речкой. Еще немного пути меж валунов, низкорослых елочек, столбов высоковольтки — и на другом берегу открывается белый город, живописными терассами раскинувшийся по склонам сопок. Это Мурмаши, местный курортный центр. На его окраине над высокой каменистой плотиной — белое здание Нижне-Туломской ГЭС и извилистая ниточка рыбохода, того самого, на котором работает, может быть, первая в мире рыболовная артель, что не ловит рыбу. «Царская рыба» — семга сама плывет к ним в руки...

Много бывало на семгу хитроумных снарядов. Ловили ее и простыми неводами, и всякими другими приспособлениями: поплавнями, таврами, завесками, заборами, мережами. И теперь ловят. А дура-рыба все ничего не хочет знать, кроме своего древнего инстинкта: каждое лето валом валит в верховья речушек метать икру.

С постройкой плотин на реках семге и совсем бы конец пришел. Да человек к тому времени уже начал понимать, что в отношении природы хозяином можно быть только рачительным. Иначе не над чем будет хозяйствовать. И построили люди специальную дорогу для семги — рыбоход. На Нижне-Туломской ГЭС он был создан вместе с плотиной в 1937 году. Рыба быстро «сообразила», что от нее требуется, и пошла по рыбоходу. И теперь идет, прыжками, неспешно поднимаясь на восемнадцатиметровую высоту...

Шумит вода на пятидесяти семи ступеньках рыбохода. В бурных бассейнах — жгуты водоворотов и темные спины метровых рыбин. Время от времени они стремительно прыгают вверх по

струе и ходят кругами по следующему бассейну — отдыхают. А наверху, у самого выхода в водохранилище, они попадают в лифт. Самый настоящий и даже электрический.

Старший ихтиолог Кира Александровна Юдина, показав мне все это хозяйство, извиняется и быстро идет к лифту. Там слышатся тяжелые удары хвостов: семги мечутся на мелкой воде. Их осматривают. Одних направляют на рыбозавод, другим цепляют на спину розовые пластмассовые метки и отпускают плыть своей дорогой.

— А семга рыбоход не саботирует? — спрашиваю.

— Что вы! — удивляется Кира Александровна.— Бывает, по десять — двенадцать тысяч в год проходит. Кстати, наш рыбоход самый старый в Союзе. И как ни странно, самый эффективный.

— Ну а горбуша идет?

— О горбуше справляйтесь на Тайбольском рыбозаводе...

Вот так всегда: только займешься каким-нибудь вопросом, как дорожка твоего интереса становится едва ли не бесконечной, ведет от человека к человеку во сложным, закрученным виражам проблем...

День спустя я в Тайболе. Шагаю по тропке к приземистым баракам рыбозавода. За ними выпукло лежит свинцовое Пулозеро с одинокой лодчонкой посередине. Изящные, стройные ели обступили болотистые низины. Тяжелые тучи лежат на далеких сопках.

Из тучи неожиданно вываливается вертолет и падает прямо на меня. Он приземляется на дороге возле рыбозавода, на пятачке, свободном от елей, осинок, столбов. Невесть откуда появляются мальчишки, с любопытством глядят, как из темного люка вылетают на землю пустые полиэтиленовые мешки. Выходят пилоты в глухих шлемах с проводами под подбородком, выпрыгивает мужичок, не слишком выбритый, не очень изящно одетый. Но он оказывается самым главным здесь —директором рыбозавода Николаем Кирилловичем Евсевьевым.

— Поглядите пока,— говорит он мне торопливо.— Потом побеседуем.

Хожу по цехам рыбозавода, не хожу — балансирую на узких мосточках. Сверху — бревна перекрытий, снизу — вода. Ходит по мосточкам одинокий рыбовод, что-то шевелит в воде длинным сачком. Тишина. Слышно, как за стеной на улице директор крупно разговаривает с кем-то из своих сотрудников.

Всматриваюсь в воду и различаю на дне копошащуюся массу темных червячков. Это и есть горбушата, сеголетки — продукция завода, которая отличается от продукций других предприятий тем, что, «изготовленная», она требует не меньших забот и хлопот. Рыбки чрезвычайно капризны: им подавай постоянную температуру, чистую проточную воду, насыщенную кислородом. Иначе они бастуют самым доступным образом — попросту погибают.

Приходит Евсевьев, спрашивает, что меня интересует.

— Много их гибнет? — задаю первый пришедший в голову вопрос.

— Смотря как считать. Природу мы превзошли, а самих себя, конечно, нет. В естественных условиях — отход больше половины. У нас — меньше десяти процентов.

— А сколько вы уже вырастили?

— В этом году пятнадцать миллионов мальков семги и горбуши.

— Ого!

Евсевьев снисходительно усмехается:

— Это мало. Море не рыбозавод. Там Хищники. Даже треска и селедка не прочь полакомиться горбушатами. Чтобы их хотя бы в реках поменьше жрали, мы перевозим горбушат вертолетами в устья рек, впадающих в море. Хотите с нами?..

Еще бы не хотеть!

Мы выходим на улицу, некоторое время наблюдаем, как рыбоводы затаскивают в вертолет полиэтиленовые мешки, туго налитые водой и набитые мальками, забираемся с Евсевьевым в тесный салон и захлопываем дверь. И побежали под нами неровные километры Кольского полуострова. На глазах помельчали леса и наконец совсем исчезли. Только сопки, мелкие кустарники да камни, затянутые мхами — коричневыми, серыми, салатными.

Есть что-то величественное в однообразии летней Кольской тундры. Как в песчаной пустыне, как в необозримой тайге, если глядеть на них с высоты. Первое впечатление — цветное постоянство. И в нем, как в песне,— голубые глаза озер. Глубокие, прозрачные, бездонные. И безжизненные. Лишь один раз промелькнула внизу пара сказочных лебедей, снежно-белых на чернильной зеркальной глади озера. Напуганные шумом вертолета, лебеди забеспокоились, закрутили головами, но так и не догадались взглянуть вверх.

Вертолет идет низко. Его тень, словно каракатица, легко скользит по склонам сопок. Машина натужно гудит. Хочется встать на цыпочки, чтобы помочь ей. Ведь как-никак полтораста тысяч пассажиров, не считая трех пилотов да нас с Евсевьевым. Эти сто пятьдесят тысяч стали икринками на далеком Сахалине, еще не выклюнувшимися попали на другой край материка. Они стали рыбками в центре Кольского полуострова. И вот теперь, едва дожив до трехмесячного возраста, вновь совершают воздушное путешествие. На этот раз к Баренцеву морю.

Серебряные стрелочки мечутся в полиэтиленовых мешках. И, словно курица над цыплятами, «клохчет» над ними директор завода: чтобы течи не было, чтобы вода не нагрелась, чтобы кислород из мешков не вышел. Рядом лежит обычная кислородная подушка. Для рыбы.

В короткие перерывы, когда директор не ощупывает мешки, он кричит мне на ухо, рассказывает о грандиозности этого эксперимента. За шумом мотора различаются больше восклицания, междометия да прилагательные в превосходной степени. И постепенно я начинаю понимать, что для восторженности у директора есть все основания.

К очерку В. Гуляева «ГИБЕЛЬ ПАДАЮЩЕГО ОРЛА»

Куаутемок — последний император ацтеков (копия XIX в. с портрета XVI в.)

Встреча Кортеса с Куаутемоком (рисунок из индейской рукописи XV! в. «Lienzo de Tlaxcala»)

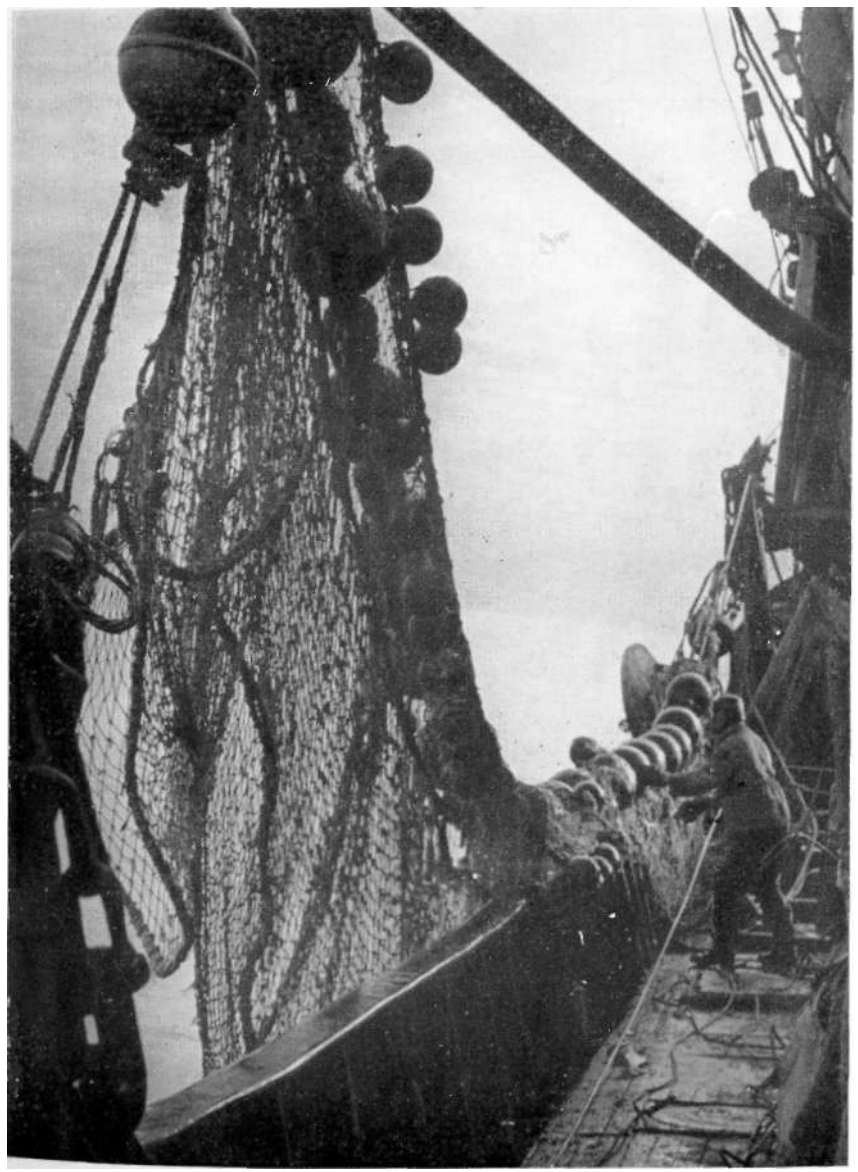
Эрнандо Кортес (портрет XVI в.)

Монтесума II — император ацтеков
(портрет XVI в., прижизненный)

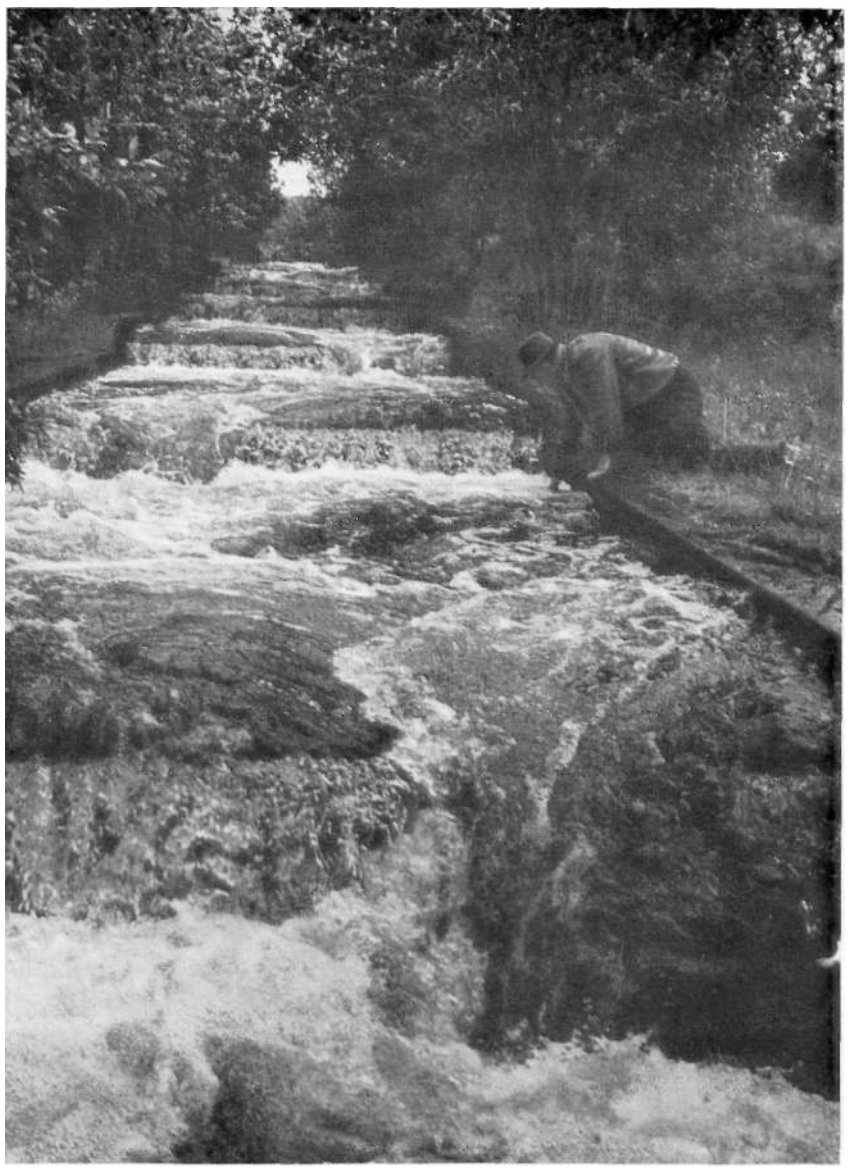
К очерку В. Рыбина
«И ПАХАРИ, И СЕЯТЕЛИ...»

Баренцево море. Терский берег

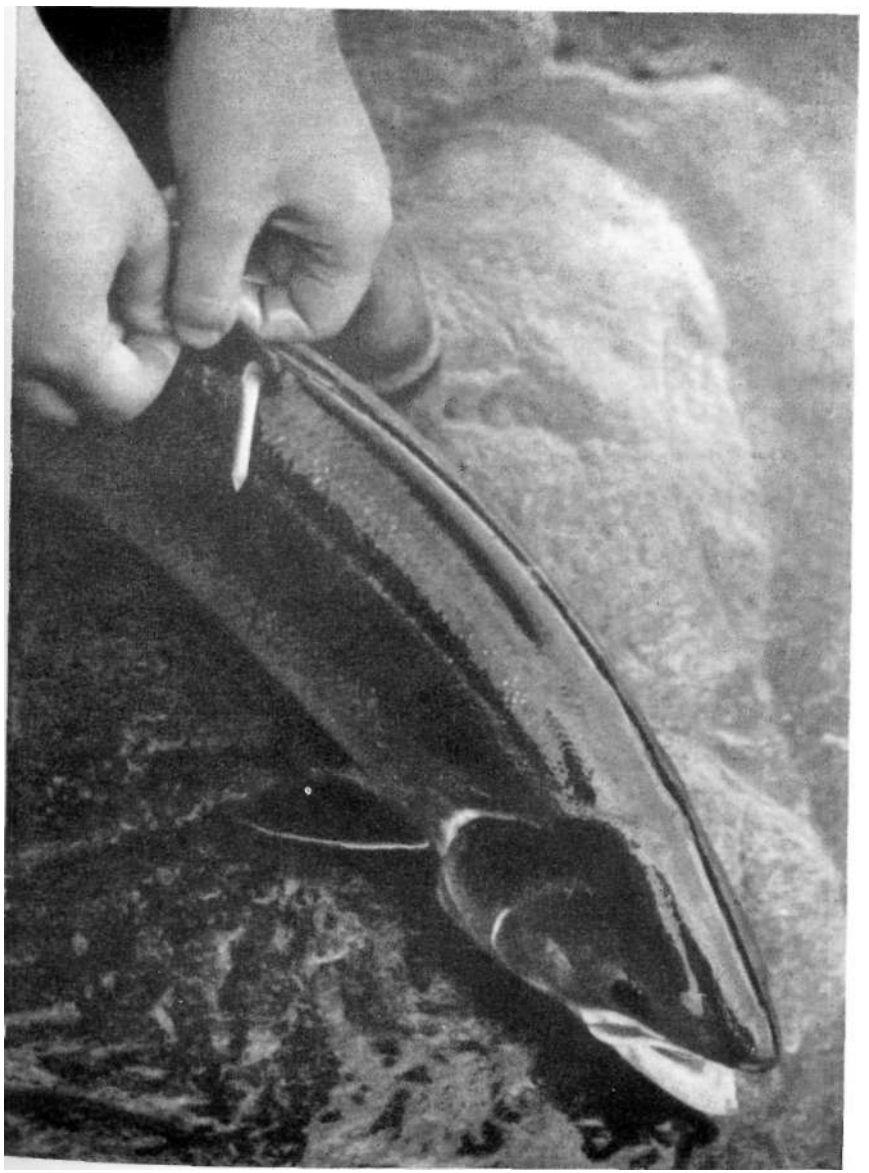
Через минуту бобинцы уйдут на дно
и увлекут за собой сеть



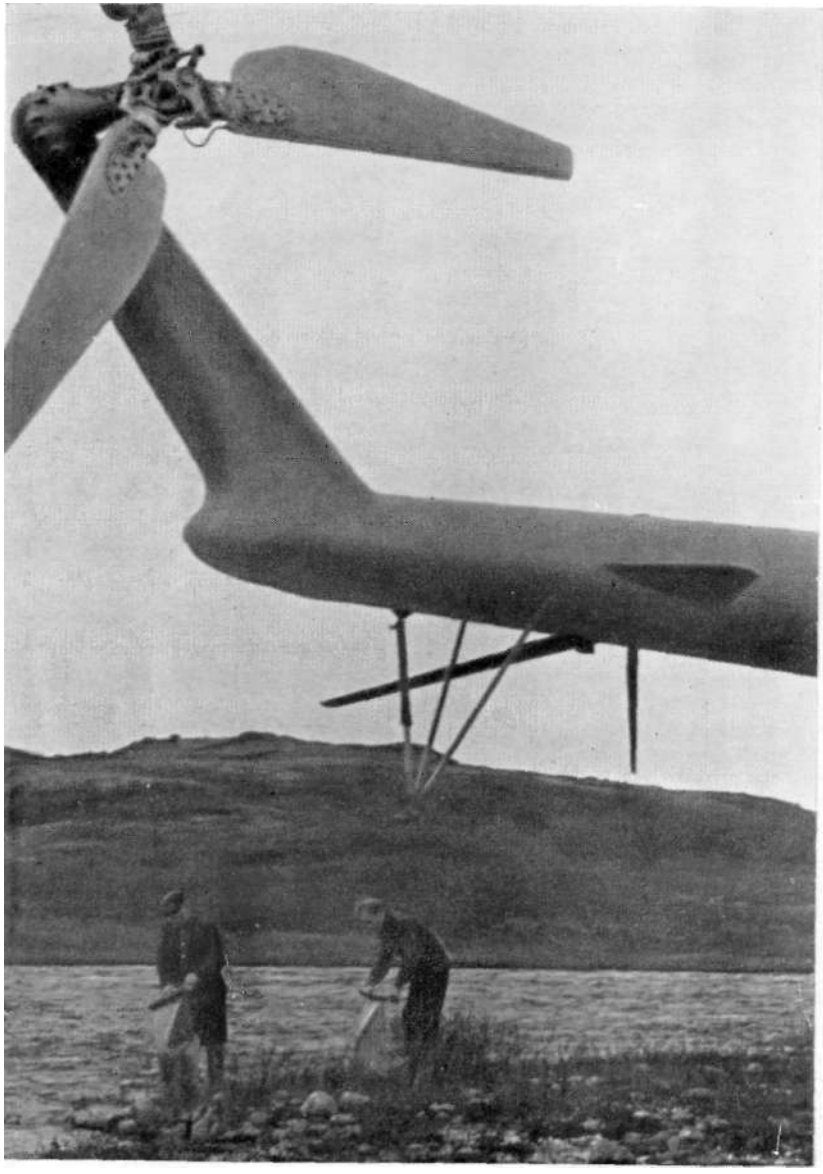
Старейший рыбоход страны безупречно действует вот уже больше 30 лет. По этим каскадам поднимается семга, когда идет на нерест



На рыбоходе ихтиологи цепляют на верхний плавник семги свою метку



Мешки с горбушатами доставляются с рыбзавода в устья рек вертолетами



Горбушата, выращенные на рыбзаводе, перед дорогой в океан
Фото В. Рыбина

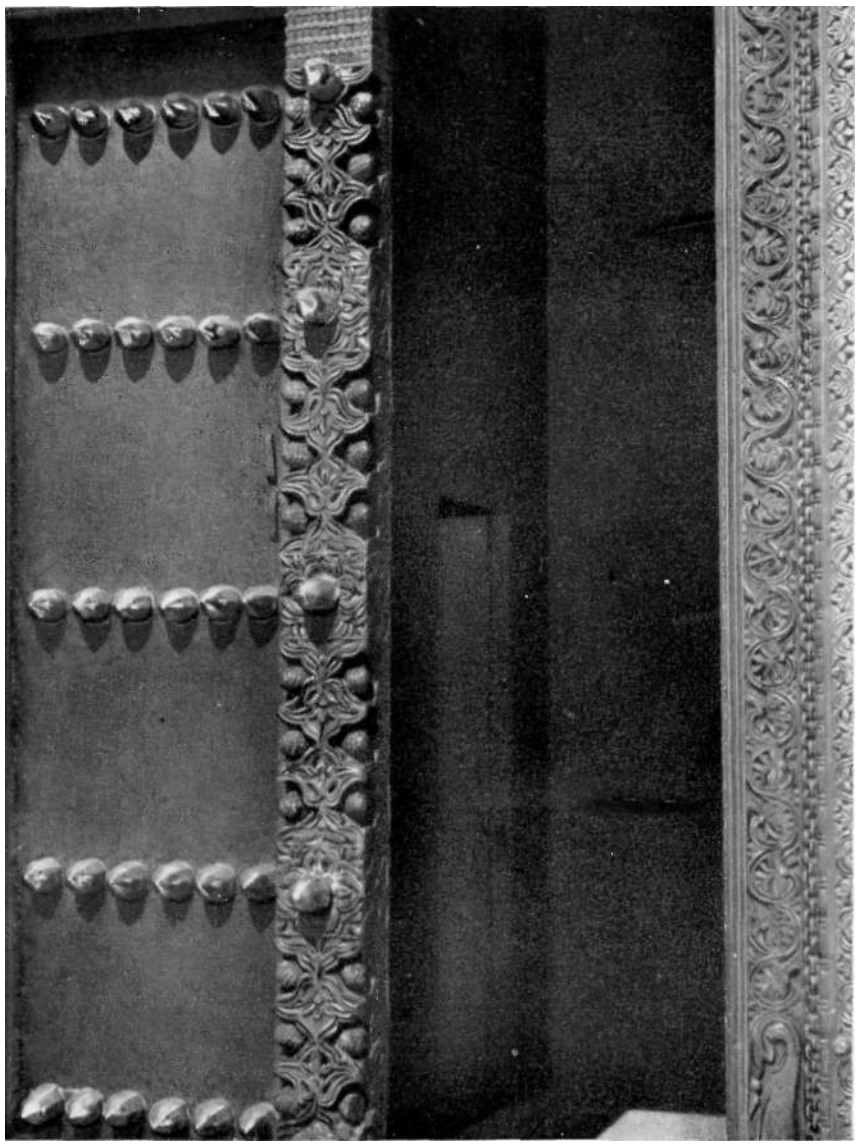
К очерку Ю. Малова «ЗАНЗИБАР ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ»

Восьмилетняя девочка-занзибарка - будущее страны

Рыбацкий порт Занзибара

Богатый дом индийского купца на набережной

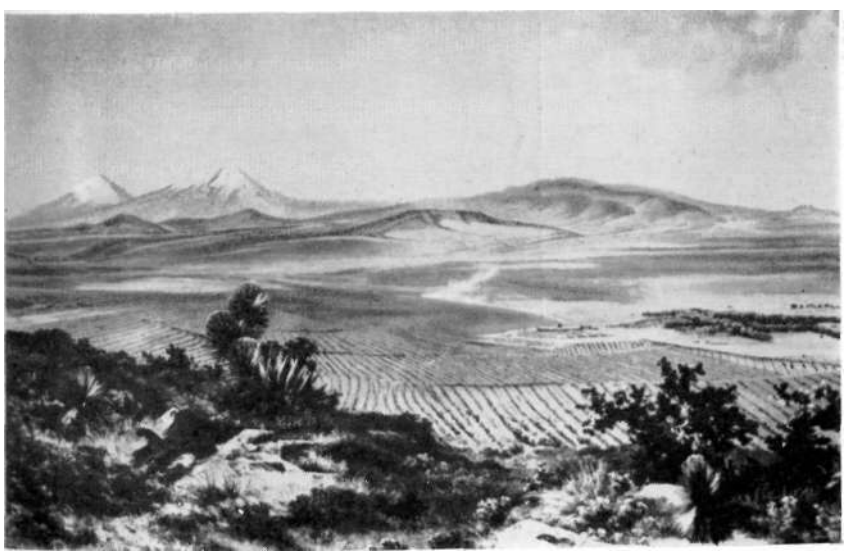
Знаменитая занзибарская дверь произведение народного искусства



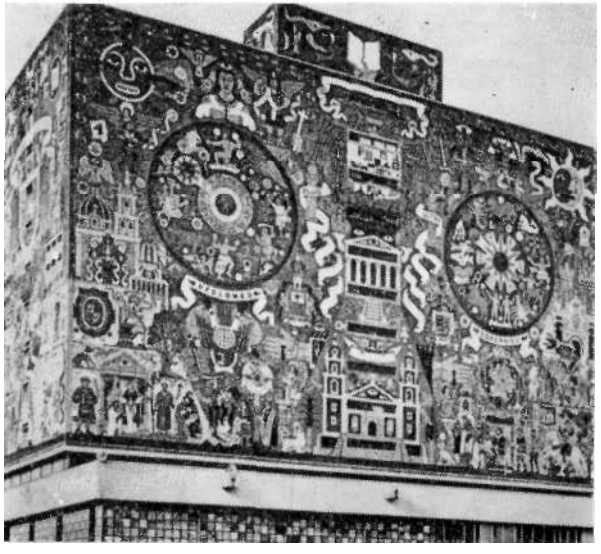
К очерку Л. Кулешова «ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА ДО МЕХИКО»

Уголок мексиканского рынка. Изобилие земных плодов

«Асиенда Сималько» — картина кисти Мариа Веласко, прозванного «создателем мексиканского пейзаж,а»

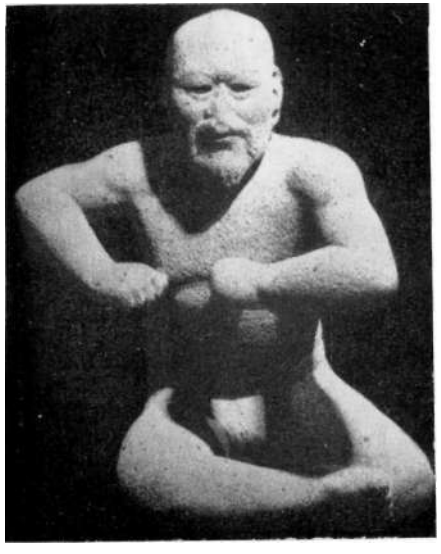


Великолепные цветные фрески на здании библиотеки университета в Мехико



Поразительное искусство мексиканцев в обработке серебра! Прилавок в одном из магазинов города Ташко

«Атлет» — справедливо рассматривается как одно из важнейших произведений древнего мексиканского искусства



Богиня плодородия. Памятник древнейшего ацтекского искусства (камень)

Площадь Трех культур — пирамида, храм времен испанского владычества и современный небоскреб символизируют три основных периода истории Мексики

Женщина-майя, изготовляющая горшки из глины

Каналы Шочимилко — удивительные по своей красоте и не менее удивительные своей историей

По отношению к морю человек еще только охотник. Так что старая поморская пословица «море — наше поле...» не совсем справедлива. Море скорее лес, где человек ищет то, чего не терял, или поле, где жнет, чего не сеял.

Наше время ознаменовано началом целой эпохи: человек впервые как рачительный хозяин взглянул на океан. И вот совсем недавно появились первые подводные плантации: водорослевые луга, искусственные устричные банки. Теперь ученые уже говорят об инвентаризации богатств океана, об их умножении. И одним из первых объектов этой гигантской работы стала рыба, которую многие больше знают по ее чудесной красной икре.

Природа распорядилась не слишком рационально. Она разместила ценнейших лососевых рыб — горбушу и кету — лишь в некоторых прибрежных районах северной части Тихого океана. Но она же, природа, наделила их замечательным инстинктом: где бы рыба ни плавала, метать икру она непременно возвращается в ту реку, откуда произошла сама. Не надо бороздить океан, стоит только отказаться от вкусного бутерброда с икрой, вырастить из икринок мальков, пустить их в море, и через год-два они сами вернутся полуторакилограммовыми рыбинами.

Но известно, что скоро только сказки сказываются. За акклиматизацию дальневосточных лососей прежде не раз брались и наши, и зарубежные рыбоводы. В 1932 году икру кеты завезли в озеро Байкал, в бассейн реки Оби, в озеро Святое и реку Катунь. Четыре с половиной миллиона икринок пропали бесследно. С 1933 по 1939 год здешние северные рыбозаводы выпустили в море девять миллионов личинок лосося. И тоже безрезультатно.

Американские рыбоводы с конца прошлого века в течение десятилетий занимались дальневосточным лососем, пытаясь переселить его с Тихого океана на Атлантическое побережье. Они перевозили рыбу также в водоемы Гавайских островов, Тасмании, Новой Зеландии, Чили, Аргентины, Англии, Германии, Ирландии, Италии, Финляндии. И все почти без успеха. Природа не считалась с прихотями людей, которые плохо знали и не очень учитывали ее законы.

Тогда рыбоводы стали искать моря, схожие по условиям с Охотским и Беринговым. Таким оказалось Баренцево. Почему же здесь не удался опыт тридцатых годов? Должно быть, потому, что мы мерим природу нашими масштабами. Но что для нас астрономические цифры, то для природы мизерная величина. Девяти миллионов личинок, выпущенных за семь лет с большими промежутками, оказалось недостаточно не только для создания промыслового стада лососевых, но даже для определения возможности акклиматизации. Ведь даже по теперешним расчетам выходит хорошо, если выживает каждая двухсотая из выпущенных в море рыбок.

И все же рыбоводы не сдались. Были построены новые рыбозаводы, и в 1956 году начался эксперимент невиданных масштабов» В холодные бурные речки, впадающие в Баренцево и Белое моря,

выпущены многие сотни миллионов мальков лососевых рыб. И хищная пасть океана наконец-то не смогла переварить их всех. Случилось долгожданное: горбуша, следуя своему извечному инстинкту, стала возвращаться на икрометание в «родные» речки. Были годы, когда на специальных учетных пунктах регистрировалось до пятидесяти тысяч взрослых лососей, приходивших на нерест. Правда, от пятидесяти тысяч до промыслового стада, как говорится, дистанция огромного размера. Но существует и поговорка: «Лиха беда — начало».

— Почему вы взялись за «иноземную» горбушу, когда у вас есть своя семга с таким же инстинктом возвращения?!— кричу на ухо Евсевьеву.

— Растет быстрее! — в свою очередь кричит он.— Двухлетняя семга весит сто граммов, а горбуша за год нагуливает полтора кило. И у нее икра лучше...

Вертолет все скользит над каменистой тундрой, которая то глубоко проваливается до темных озер с заснеженными берегами, то взлетает вершинами сопок почти под самые шасси. Вертолет дрожит. От вибрации поверхность воды в полиэтиленовых мешках бьет фонтанчиками. И это, вижу, очень беспокоит директора. Будь его воля, он, наверное, потребовал бы лететь с выключенным двигателем.

Посередине круглого иллюминатора — черная резиновая пробка. Она легко вынимается, и тогда в салон врывается чистый забортный воздух. Директор не возражает против воздуха: его рыбкам нужен холод.

За окном край земли. Над сопками синяя пустота, за ними тоже пустота. Догадываюсь, что это море сливается с небом. Баренцево море. Ледовитый океан. Где-то посреди простора в дальней дали темнеет силуэт траулера. А вблизи уже виден скалистый обрыв знаменитого Терского берега. С него срывается стая белых птиц, минуту реет над синей водой, затем дружно поворачивает к берегу и теряется на его белесом фоне. Глубоко внизу проплывает полоса залитого солнцем пляжа, песчаного, непривычно пустого. Потом совсем рядом мелькают серые камни на вершине. И наконец лентой битого стекла искрится нужная нам речка Типановка.

Вертолет разворачивается и осторожно касается пухлыми шинами болотистой низины. Один из пилотов спрыгивает на землю, ковыряет ее стальным щупом — тверда ли?— и машет рукой.

Глубочайшая тишина обступает нас. Душно пахнет предбанником: в низине, закрытой от ветров, парит. Но чуть повыше, на склоне сопки, лежит снег. И вода в речке такая холодная, что ломит руки.

— В самый раз температура! — кричит директор, выволакивая первый мешок.

Торопливо откинув зажимную планку, Евсевьев шагает в бы-

стрину. И его рыбки, блеснув серебряными боками, как семена, исчезают в воде, словно куда проваливаются.

«Неужели их так быстро сносит?» — думаю я. Иду вниз по реке и вдруг вижу дно, заштрихованное черточками спинок-. Горбушата борются с течением. Но уже к вечеру, как уверяет Евсевьев, они будут на огромных пастбищах, имя которым — Океан.

Счастливого пути, рыбки!

Возвращайтесь большими!

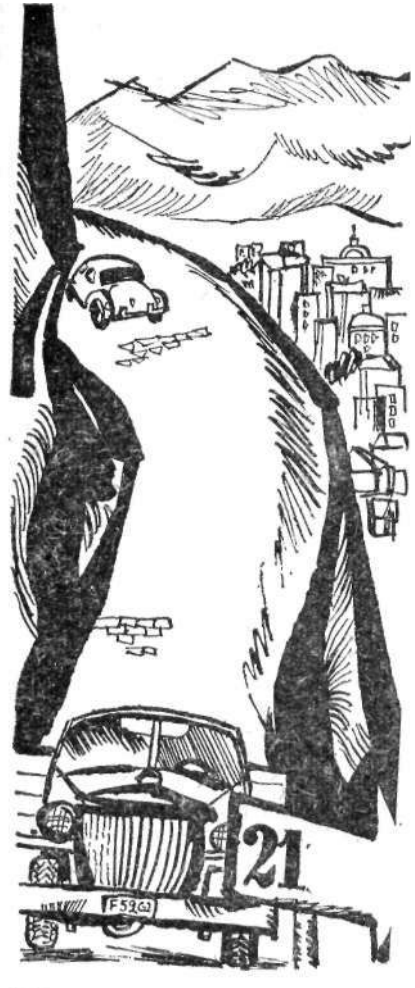
Об авторе

Рыбин Владимир Алексеевич член'Союза журналистов СССР, корреспондент журнала «Советский Союз». Родился в 1926 году в Костроме. Автор выступает в различных жанрах - очерка и рассказа, фотоочерка и поэзии - во многих журналах, газетах, альманахах. Работает над книгой «Из варяг в греки» о путешествии по древнему торговому пути. В сборнике публикуется вторично

ЗАНЗИБАР ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

Очерк

Ю. Малов



Дорожный знак на обочине шоссе заставляет меня остановить автомашину. Стрелка указывает направо, в горы. «До Лушото — 21 миля». Мой коллега, сидящий рядом, многозначительно смотрит на меня. Лушото — небольшой курортный городок на севере Танзании в горах Усамбара. Во всех путеводителях это место называют не иначе как восточноафриканской Швейцарией. И до него всего каких-нибудь тридцать километров. Но нам нужно засветло добраться до Аруши. Это еще двести километров к тем трем-стам, которые мы уже отмахали с утра от Дар-эс-Салама.

Ничего, успеем, решаем мы, тридцать километров не расстояние. И вот начался крутой затяжной подъем. Кажется, что размотавшийся серпантин дороги зацепился своим дальним концом за облако. Машина медленно ползет вверх, прижимаясь к стенке карниза, прорубленного в склоне горной гряды. Слева в неприятной близости от колес автомобиля отвесный обрыв. Честно говоря, мы бы повернули назад, если бы смогли развернуться. Когда же такая возможность представилась, мы уже преодолели больше половины пути.

Лушото уютно разместился в овальной неглубокой впадине, мягко осевшей в центре горного массива. Городок в одну улицу, необычайно чистый, прозрачный горный воздух, тишина, незнакомые деревья в наряде сиреневых цветов, убаюкивающее журчание небольшой речки, прохлада. Условия, явно располагающие к спокойному отдыху и хорошему аппетиту.

Без труда разыскиваем гостиницу, прилепившуюся на склоне горы.

— Можно ли у вас пообедать, не останавливаясь на ночлег? — спросил я женщину, сидевшую в холле за столом администратора.

— Конечно, но придется подождать. Проходите в бар.— Она встала из-за стола и направилась в соседнюю комнату, позванивая на каждом шагу многочисленными ручными браслетами.— Располагайтесь здесь, чувствуйте себя как дома,— сказала она, указывая на кресла, стоящие вокруг потухшего камина.

Минут через десять миссис Маккензи, так ее звали, снова подошла к нам. Видимо, ее разбирало любопытство: что за причина привела нас в Лушото — не обед же?

— Вы хозяйка гостиницы? — спросил я, помогая начать разговор.

— Нет.— Она присела.— Владелец отеля живет в Лондоне. Я управляющая.

— Вы англичанка?

— Да уж не знаю, как сказать,— замялась мадам Маккензи. — Родители мои приехали в Восточную Африку из Англии. Я родилась в Кении. Жила там много лет. Вышла замуж. После смерти мужа перебралась на Занзибар, а теперь вот здесь. В Англии не была ни разу — у меня там никого нет. А у нас здесь совсем неплохо.— Мадам Маккензи с показной жизнерадостностью резко меняет тему разговора.— В городе живет около дюжины европейцев. Мы иногда собираемся, играем в теннис.

Запал бодрости иссякает.

— Не хотите ли проехаться на лошадях? — вдруг неожиданно предлагает миссис Маккензи. По-видимому, она выкладывает свой последний козырь в доказательство благополучия и устроенности ее жизни в Лушото.— Да, я держу пару лошадей.— Она почти за рукав тянет нас к окну, чтобы мы сами могли убедиться в существовании этого символа беззаботной аристократической жизни.

Во дворе под навесом действительно две лошади: понурые одры с провалившимися спинами и негнущимися ногами стоят безразлично, даже не пытаясь отогнать рой облепивших их мух.

Эта унылая картина возвращает мадам Маккензи к действительности.

— Конечно, если бы вы приехали ко мне на Занзибар — я была управляющей Английского клуба,— все было бы по-другому.

Что это за время! Какие люди собирались у меня! Вот это была жизнь! Теперь все изменилось. Клуб превращен в государственную гостиницу. Говорят, что сейчас на Занзибаре голод, все разворовано, болезни. Да это и не удивительно. Разве могут африканцы управлять государством? Вот и здесь жизнь с каждым годом становится все труднее.

Мы молча сидим перед этой стареющей женщиной, прожившей здесь всю жизнь и не нашедшей родины, потерявшей себя в водовороте событий, захлестнувших Восточную Африку в последнее десятилетие. Она еще продолжает цепляться за воспоминания о счастливых для нее колониальных годах, навсегда ушедших в прошлое.

Первое знакомство

В свой первый приезд на Занзибар я сознательно остановился в бывшем Английском клубе, ныне гостинице «Африка Хауз».

Массивное здание бывшего клуба избранных надменно возвышалось над окружающими строениями. Прохладный и влажный язык морского бриза время от времени мягко касался фасада этого дома с просторной открытой верандой — в нескольких десятках метрах начиналось рифленое полотно океана.

Две надраенные до ослепительного блеска бронзовые пушки у входа, широкая лестница, головы антилоп на стенах, олицетворяющие охотничью доблесть членов клуба, библиотека с мемуарами лорда Керзона, биллиард, бар — в целости и сохранности все основные атрибуты времяпрепровождения истинных джентльменов. В углу веранды я даже увидел весы с сохранившейся английской таблицей нормального веса мужчин и женщин в возрасте от десяти до восьмидесяти лет.

Сама мадам Маккензи, наверное, не смогла бы найти здесь каких-либо внешних перемен. Разве что ассортимент спиртных напитков в баре стал победнее, ну и, конечно, клиентура изменилась. Теперь постоянные обитатели отеля — туристы из многих стран мира.

После обеда я вышел на улицу.

Прямо перед входом в гостиницу в узком простенке между домами стояло такси, непонятно каким образом попавшее в этот закрытый со всех сторон колодец. Водитель, безмятежно спавший на переднем сиденье, каким-то профессиональным чутьем немедленно обнаружил мое появление и сразу же оценил обстановку.

— Вам такси? Для первого знакомства с городом вам не найти на Занзибаре гида лучше меня,— авторитетно говорил он, открывая дверцу.

— Откуда вы знаете, что я здесь впервые?

Захлопнув за мной дверцу и отрезав таким образом все пути отступлений, Рашид, так звали шофера, хитро улыбнулся:

— Только тот, кто здесь впервые, может выйти на улицу в эти часы. Сейчас самая жара — время послеобеденного отдыха. Но не беспокойтесь, не пожалеете о ваших двадцати шиллингах,— дипломатично намекнул Рашид на мои будущие финансовые обязательства перед ним,— я вам все покажу.

Старенький автомобиль непонятной марки завелся не сразу. Лихо развернувшись, Рашид нырнул в какую-то щель между домами, и мы выкатились на набережную перед «Африка Хауз».

— Налево — здание нашего центрального телеграфа, направо — американское консульство,— объявил мой гид, бросив на меня вопросительный взгляд. Я промолчал.

Рашид был прав: на улицах не было ни души. Окна магазинов и домов подслеповато глядели из-под очков ставней и штор.

— Это наша главная торговая улица.— Рашид остановился на перекрестке.— Обратите внимание на приземистое здание слева на берегу океана. В этом помещении когда-то готовились к своим экспедициям в глубь материка английские путешественники Спик, Бертон, позднее Ливингстон. Кстати, вы не англичанин?

Я отрицательно покачал головой.

Обогнув еще одно здание, мы выехали на просторную зеленую площадь, растянувшуюся подковой, огибающей океанский залив.

Замшелые стены древней крепости прижимали эту площадь к океану. «Арабский форт,— гласила надпись на медной плите, укрепленной на этом когда-то грозном оборонительном сооружении,— построен омманскими арабами из камней разрушенной португальской церкви после изгнания португальцев с острова».

— Бет эль Аджиб,— указал Рашид на помпезное кубообразное здание, опоясанное трехъярусной колоннадой.— Дом чудес, построен в 1883 году в правление султана Баргаша. Сейчас его занимают государственные учреждения. Рядом с ним — дворец последнего султана, теперь здесь заседает Революционный Совет.

Сквер-площадь осталась позади. Сузившаяся набережная вела к порту, в сторону которого указывала своим жерлом старинная бронзовая пушка, стоящая на берегу.

— Теперь мы отправимся на место бывшего невольничьего рынка,— объявил мой водитель.— По пути проедем через центральный городской базар. Но в это время вряд ли увидим что-нибудь интересное. Все спят, даже мухи.

Повернув к центру города, Рашид въехал в маленький дворик, стиснутый со всех сторон домами. Прямо перед нами возвышался непропорционально большой по сравнению с окружающими строениями католический собор.

Внутри собора на мраморной облицовке амвона был ясно виден круглый след сантиметров двадцать диаметром. Это остаток срезанного под основание одного из каменных столбов, к которым приковывались рабы для продажи.

К своему удивлению, я обнаружил, что внутренние стены собора увешаны портретами людей, никоим образом не причастных к

лику святых: английские моряки, военные, английские наместники острова. Как гласили надписи, все они внесли большой вклад в дело запрета позорной практики работорговли. Разумеется, ни словом не упоминалось о том, какую роль сыграли эти деятели в утверждении здесь английского влияния.

— Рашид, а когда мы увидим знаменитые занзибарские двери? — спросил я своего гида.

Через две минуты мы остановились перед такими дверями. Двери старинных домов, принадлежавших на Занзибаре состоятельным семьям,— вещь уникальная. Это оригинальный сплав нескольких культур, образец художественного мастерства занзибарских умельцев.

По традиции строительство дома для богатой арабской семьи начиналось с дверей. Их внешний вид, отделка, оформление являлись в то время своеобразным символом обеспеченности хозяина дома, показателем его социального происхождения.

А если вспомнить, что все изобразительное искусство арабского Востока развивалось в силу религиозной специфики по особому пути — пути декоративности, орнаментальности (ислам запрещал художникам изображать живые существа), то легко понять, почему разработка резных дверных орнаментов стала основным полем деятельности местных художников, сферой приложения и проявления своего таланта.

На их творчестве в этой специфической области неизбежно сказывался тесный контакт с культурами других народов. Например, в композицию занзибарской двери со временем органически влились украшения, пришедшие из древней Индии,— бронзовые конусообразные выступы, симметрично размещаемые на обеих створках.

В самой Индии такие дверные конструкции стали носить декоративный характер сравнительно недавно. В прошлом же они служили для защиты от диких животных.

Так веками отрабатывались на Занзибаре сложные орнаментальные мотивы резьбы, разрабатывалась и обогащалась ее композиционная структура, что в конечном итоге превратило отдельные образцы такой обыденной вещи, как дверь, в настоящие самобытные произведения искусств. Не случайно наиболее ценные экземпляры занзибарских дверей как исторические памятники народного творчества взяты под охрану государства.

Завершая турне по городу, Рашид показал мне кварталы нового Занзибара: вереницы современных трехэтажных домов, построенных в столице после революции. Сюда переселены занзибарцы, обитавшие в прошлом в лачугах старого города.

Рашид был готов показать недавно вступившую в строй обувную фабрику, но обилие впечатлений в сочетании с полуденной жарой значительно умерили мой туристический интерес. Я попросил отвезти меня в гостиницу.

Мы медленно ехали по тенистой, довольно широкой для Занзибара улице. Слева проплыло большое белое здание, которое я равнодушно проводил взглядом. И только когда оно скрылось, у меня возникло чувство, что мы проехали мимо чего-то очень знакомого и близкого. Я попросил шофера вернуться.

— Это наша центральная городская больница,— объяснил он, подъезжая вновь к этому большому пятиэтажному зданию.

Над входом в этот дом крупными золочеными буквами было выложено: «Госпиталь имени В. И. Ленина».

— А, вы русский! — наконец догадался Рашид.

— Да, русский,— ответил я, взволнованный увиденным.

Остров сокровищ

Утро следующего дня застало меня в просторном, скромно обставленном кабинете Али Бен Амира, управляющего государственной торговой корпорацией Занзибара. После революции эта организация взяла в свои руки экспорт основной сельскохозяйственной культуры острова (вернее, островов) — гвоздики.

Я приехал на Занзибар для переговоров о закупке очередной партии гвоздики в Советский Союз.

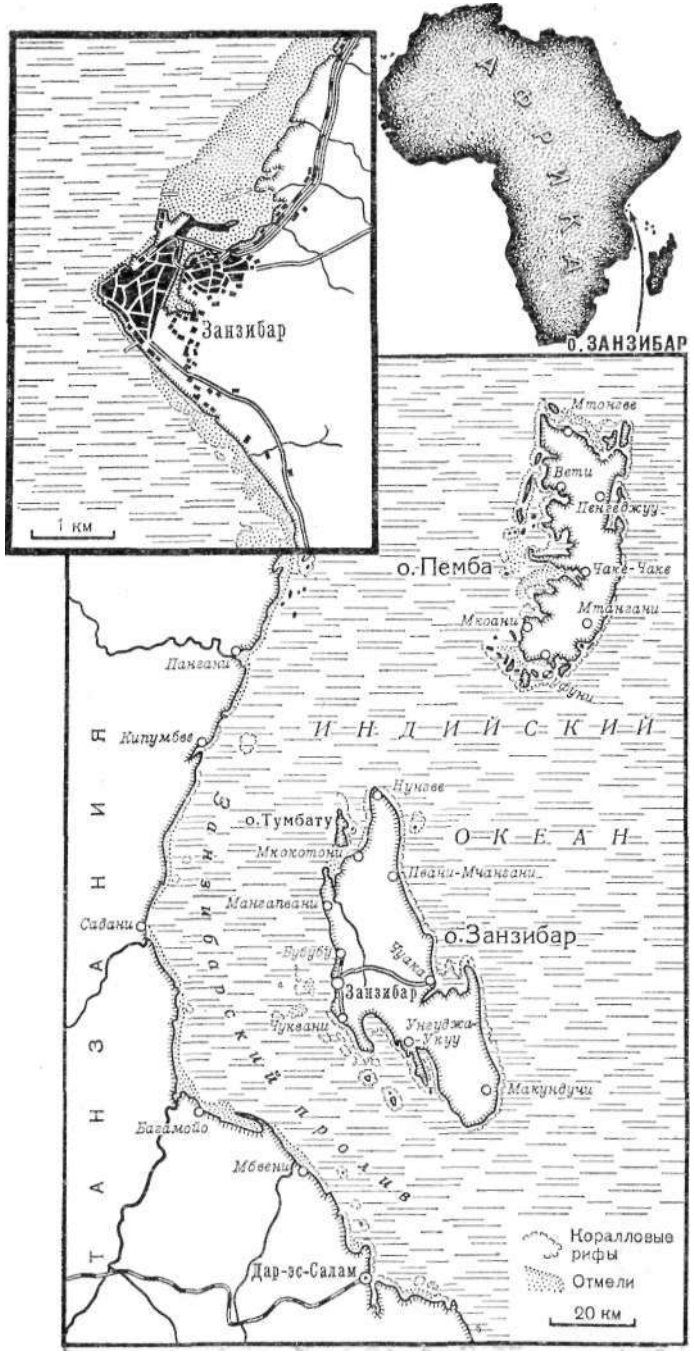
Али Бен Амир еще несколько лет назад вряд ли мог предполагать, что ему уготована судьба внешнеторгового работника. Пожилой человек с руками крестьянина-труженика, он в 1964 году был назначен народным правительством Занзибара на этот ответственный пост.

Незаурядные организаторские способности, природная смекалка и огромное желание познать все тонкости новой профессии помогли ему быстро преодолеть недостаток академического образования. Беседуя с ним, я с трудом мог представить, что этот человек не имеет не только специального, но и среднего образования.

Бен Амир со знанием дела рассказал о состоянии мирового рынка гвоздики, спросе на этот товар. По его мнению, потребности ряда стран в гвоздике возрастают. В корпорацию все больше поступает заказов из разных стран мира. Цены на гвоздику растут.

— Что касается продажи гвоздики Советскому Союзу,— сказал он,— раскрою один секрет. Два дня назад этот вопрос обсуждался на заседании Революционного Совета Занзибара. Было принято решение: предоставить Советскому Союзу наиболее выгодные условия при закупке нашей гвоздики. У нас хорошая память,— добавил Бен Амир,— мы высоко ценим вашу помощь и поддержку в трудное для нас время. Кроме того, СССР — наш традиционный покупатель.

Через час все принципиальные вопросы были согласованы, можно подписывать контракт. Когда я уже собрался уходить, Бен Амир неожиданно спросил, видел ли я, как растет гвоздика, как ее собирают.



— Вы должны рассказать вашим людям о занзибарской гвоздике. Она достойна самого глубокого уважения и, если хотите, восхищения. У нас есть пословица: «Кто хоть раз попробовал нашего меда, не остановится на одном глотке». Могу с уверенностью сказать, что тот, кому довелось увидеть посадки наших гвоздичных деревьев, вдохнуть их аромат, никогда не сможет забыть этого впечатления, его всегда будет тянуть приехать к нам еще раз. Мой заместитель Хассан как раз собирается ехать в Мтони на гвоздичные плантации; если желаете, он может вас захватить.

Разумеется, я согласился.

Хассан показался мне вначале несколько замкнутым и немного чопорным молодым человеком. Но к счастью, это оказалось не так, и вскоре официально-вежливый обмен фразами перешел в непринужденную беседу. Как выяснилось, Хассану никуда не нужно было ехать. Бен Амир «спровоцировал» его на эту поездку ради меня. Больше того, Хассан объяснил, что его начальник направил нас в Мтони — местечко километрах в двадцати пяти от города — совсем не потому, что там большие плантации гвоздики. Основные посадки гвоздичных деревьев вообще не на Занзибаре, а на соседнем острове Пемба. Мтони же — место историческое. Здесь у дворца султана Саида в 1829 году были впервые высажены первые гвоздичные деревья, привезенные с острова Маврикия.

По преданию, какой-то араб, чем-то провинившийся перед султаном Саидом, желая как-то загладить свою вину, привез ему в подарок несколько саженцев. Их аромат привел султана в восторг, и он издал указ о внедрении этой культуры на островах. Природные условия, особенно на Пембе, оказались почти идеальными для гвоздики.

Сегодня гвоздика и Занзибар — понятия ассоциативные. Ведь на протяжении более ста лет Занзибар удовлетворяет около двух третей потребностей всего человечества в этом специфическом продукте.

Узкая серая лента шоссе режет бесконечные ряды кокосовых пальм, посаженных ровными шеренгами. Временами дорога ныряет в туннель — под тень величественных манговых деревьев, опоясывает своими кольцами посадки бананов, похожих на исполинскую кукурузу, отдельные островки апельсиновых и лимонных деревьев.

За рассказом Хассана время летит незаметно. Становится даже жаль, когда он останавливает машину и жестом предлагает выйти из нее.

Перед нами аллея деревьев, окруженная частоколом кокосовых пальм, ничем на первый взгляд не примечательных, разве что зеленой пушистостью крон. На фоне вытянутых, стройных кокосовых пальм гвоздичные деревья выглядят приземистыми, неказистыми.

Чем ближе к посадкам, тем явственнее благоухающая гамма гвоздичного аромата — терпко-пряного и вместе с тем утонченно-нежного. В него буквально входишь, погружаешься.

— То, что называется гвоздикой и ценится на мировом рынке,— продолжал Хассан свои объяснения,— вовсе не плоды, как многие думают, а нераспустившиеся цветки.

В среднем каждое дерево дает немногим более двух килограммов гвоздики в год. Но собрать ее не так просто. Гвоздичное дерево начинает плодоносить на пятом — седьмом году жизни, и так до 100—130 лет. Однако созревание гвоздики происходит не одновременно. Сначала розовеют почки по краям веток в верхней части кроны. Их нужно сразу же снять. Опоздаешь — почка распустится и уже не будет представлять никакой коммерческой ценности. Не успеют вручную, иногда с риском для жизни, собрать почки с верхнего этажа ветвей, как поспевают на других. И так без конца с октября—ноября по февраль—март.

Собранную гвоздику сортируют, сушат на солнце, и вот тогда-то она и становится похожа на обыкновенные небольшие гвоздики, за сходство с которыми она и получила такое прозаичное имя.

— После такой предварительной обработки крестьяне сдают гвоздику на сборные пункты нашей корпорации. Мы закупаем ее у производителей по твердым ценам, гарантируя тем самым крестьянам хорошие заработки, несмотря на капризы мировой конъюнктуры на этот товар,— продолжает Хассан.— С Занзибара гвоздика расходится по многим промышленным предприятиям, разбросанным по всему свету. Она и масла из нее с одинаковым успехом употребляются и в химической, и в фармацевтической промышленности, на предприятиях по консервированию продовольственных товаров и на косметических фабриках. Для занзибарцев же гвоздика не просто сельскохозяйственный продукт. Это неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Мы обращаемся к гвоздике во всех случаях жизни. Заболел зуб, простудился, ломит спину, расстроился желудок — немного гвоздичного масла, и к вам сразу вернется хорошее настроение. Щепотка гвоздики в табаке — вы доставите удовольствие всем присутствующим. Я уж не говорю о гвоздике как приправе к пище... Словом, Занзибар без гвоздики так же немыслим, как гвоздика без Занзибара.

«Да, Бен Амир был прав,— думал я, пытаясь уместить в кадр пленки колонну гвоздичных деревьев в перспективе,— встреча с гвоздикой запомнится надолго».

— Осторожно, остановитесь! — неожиданно раздался крик Хассана. Глухой шлепок о землю чего-то тяжелого заставил меня обернуться. С кокосовой пальмы, к которой я пятился, прилаживаясь к фотоаппарату, отвалилось что-то круглое величиной с футбольный мяч. Кокосовые орехи! Задрав голову, я следил за африканцем, который без какого-либо видимого усилия держался на голом стволе пальмы у самого основания расходящихся метелкой веерных листьев. Взмах длинного мечеобразного ножа-панги— и новый орех приземлился рядом с первыми. Сборщик срезал наиболее спелые орехи и начал спускаться по гладкой круглой колонне пальмового ствола.

Только теперь я заметил, что ступни его ног и ствол дерева опоясывало кольцо веревки. Опираясь ногами о веревочную петлю и перехватывая ствол дерева руками, молодой африканец в считанные секунды соскользнул вниз. Он подошел к соседней пальме, приладил свое снаряжение и повторил только что описанную операцию в обратном порядке. Он мгновенно очутился на двадцатиметровой высоте под кроной пальмы с такой легкостью, которую вряд ли кто-нибудь из нас может продемонстрировать, взбираясь по лестнице.

— Сколько плодов приносит кокосовая пальма? — спросил я Хассана.

— Давайте посчитаем. В среднем хорошая пальма дает по пятьдесят орехов каждые три месяца. Таким образом, среднегодовой сбор орехов — штук двести. Кокосовая пальма — дерево универсальное,— продолжал Хассан.— Она чужестранка, завезена из Индии. Но это было очень давно. Теперь она настоящая занзибарка, служит верой и правдой нашему острову. Копра, высушенная мякоть, снятая с внутренних стенок кокосового ореха,— второй после гвоздики предмет экспорта. Это очень важный для нас, но далеко не единственный способ использования кокосовых пальм. В наших деревнях пальмовыми листьями кроют дома, из них же плетут циновки. Внешняя волосатая оболочка кокосовых орехов идет на изготовление прочных веревок. Кокосовое масло здесь одно из самых популярных, а сок ореха — освежающий и обладающий полезными медицинскими свойствами напиток. Ну, я думаю, нам пора возвращаться.— Хассан взглянул на часы.— Сегодня вы увидели собственными глазами почти все занзибарские сокровища.

На верном пути

На одной из тихих улиц Дар-эс-Салама рядом с залом заседаний парламента стоит в тени аллеи высоченнейших вязов небольшое светло-серое здание современной постройки. Это национальный музей Танзании.

Первое, что вы видите, входя в него,— увеличенная фотография президента страны Ньерере, который высыпает что-то из двух сосудов в один.

Здесь запечатлена символическая церемония смешения земли Танганьики и Занзибара, происходившая 26 апреля 1964 г. на Национальном стадионе в Дар-эс-Саламе по случаю официального объединения этих двух стран в одно государство. Танганьика и Занзибар— соседи не только географически. Эти две страны близки друг другу по своим историческим традициям и культуре.

Правящие круги Англии и других империалистических держав, напуганные успехами занзибарской революции, всячески пытались в то время изолировать Занзибар от континента, затормозив тем самым процесс прогрессивных преобразований в Восточной

Африке. В январе 1964 года Англия спровоцировала беспорядки в армейских частях соседних с Занзибаром восточноафриканских государств Танганьике, Кении и Уганде и ввела туда свои войска под смехотворным предлогом «оказания военной помощи» этим странам.

Однако международной реакции не удалось задушить занзибарскую революцию. Трезвая политика правительств восточноафриканских государств, солидарность с Занзибаром независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки, поддержка социалистического лагеря, твердая позиция Советского Союза, осудившего авантюристические действия английского империализма, сорвали планы неоколониалистов.

В этой международной обстановке объединение Танганьики и Занзибара стало настоятельной необходимостью, продиктованной интересами укрепления национального суверенитета и независимости двух молодых африканских государств.

22 апреля 1964 года правительства обеих стран подписали соглашение об объединении Республики Танганьики и Народной Республики Занзибара и Пембы в единое государство.

Новое государство получило официальное название Объединенная Республика Танганьики и Занзибара, а впоследствии Объединенная Республика Танзания. В июле 1965 года была принята временная конституция Танзании, оформившая федеративный характер нового государства. По этой конституции, в компетенцию союза в лице его высших органов государственной власти входят вопросы внешней политики, обороны, гражданства, а также административного руководства ряда служб: таможен, гражданской авиации, портов, почт и телеграфа и так далее.

Союз не занимается вопросами, касающимися экономического развития страны. Они отнесены к компетенции соответствующих органов на местах: Занзибара и материковой части Танзании, которые, за исключением ряда случаев, практически независимо осуществляют руководство хозяйственной деятельностью этих частей страны.

Развитие дружеских отношений между двумя составными частями республики, отметившей в апреле 1969 года пятую годовщину своего существования, лучше всяких слов демонстрирует жизнеспособность и прочность этого союза, отвечающего коренным интересам народов Танганьики и Занзибара.

Однако определенные круги империалистических держав упорно не хотят примириться с этим фактом. О Занзибаре, его отношениях с материковой частью республики на Западе до сих пор говорят и пишут очень много и, как правило, недоброжелательно. Причем в отличие от мадам Маккензи здесь хорошо понимают характер происходящих на Занзибаре событий.

Как показывает опыт последнего десятилетия, ликвидация последствий колониализма, процесс экономического раскрепощения — дело трудное и сложное для любой развивающейся страны,

недавно добившейся независимости. Занзибар в этом отношении не исключение. Новый Занзибар строится в напряженной борьбе с внутренней и внешней реакцией. Крупные землевладельцы в союзе с довольно многочисленными элементами местной торговой компрадорской буржуазии продолжают оказывать скрытое противодействие всем прогрессивным мероприятиям, используя в этих целях свои связи с западными странами, феодальные пережитки части населения, реакционные круги мусульманского духовенства.

По разработанной правительством программе, все частные земельные владения в республике подлежали национализации и бесплатному распределению среди безземельных крестьян. В 1968 году процесс этого земельного передела был завершен. 21 тысяча крестьянских семей получила наделы.

Революционный Совет освободил крестьян от всех налогов и податей прошлого режима, повысил закупочные цены на продукты сельского хозяйства.

Взяв в свои руки внешнюю торговлю, занзибарские власти поставили и эту жизненно важную отрасль народного хозяйства на службу интересам быстрейшего экономического раскрепощения Занзибара.

Занзибар — первая страна в Восточной Африке, где начальное и среднее образование, а также медицинское обслуживание стало полностью бесплатным.

Что же касается исчезновения с полок магазинов таких товаров, как французская парфюмерия, голландское пиво, английское виски, японские кино- и фотокамеры, то, думается, занзибарцы смогут пережить эту «трагедию» вопреки всем лживо-сердобольным стенаниям западной прессы.

— Необходимо понять,— говорил в своем выступлении по случаю четвертой годовщины объединения Танганьики и Занзибара первый вице-президент Танзании, председатель Революционного Совета Занзибара А. Каруме,— что, когда враги лгут и нападают на нас, мы должны быть довольны. Однако, как только наш неприятель начнет нас хвалить, в этот день нам следует присесть и задуматься. Для нас, танзанийцев, выслушивать оскорбления от врагов — большое удовлетворение, потому что мы знаем, что находимся на верном пути.

За день до отъезда с Занзибара я нерасчетливо зашел в отделение восточяоафриканской авиакомпании за своим билетом в то время, когда оно еще было закрыто на обеденный перерыв. Возвращаться но жаре в гостиницу не хотелось. Решил дождаться прихода служащих.

Вскоре подошли три одинаково одетые женщины. Черные бесформенные накидки закрывали их с головы до пят, оставляя открытыми только лица.

«Интересно,— подумал я,— как расценивать такое одеяние? Как занзибарское отклонение в толковании корана, который, как известно, требует, чтобы правоверные мусульманки закрывали свои лица, или как первые шаги по сложному пути женской эмансипации в местных условиях?»

Женщины вошли в зал авиакомпании. Я последовал за ними. Черные фигуры подошли к деревянной вешалке в углу комнаты, аккуратно сняли свои накидки и повесили их на крючки. Перед моим удивленным взором предстали три вполне современные грации. Модные прически, короткие юбки, облегающие фигуру жакеты стюардесс, вежливо деловой тон.

Через три минуты авиабилет, который мне вручили с пожеланиями благополучного приземления в Дар-эс-Саламе, был в моем кармане, и я оказался на улице с твердым убеждением, что занзибарские женщины нашли гибкую форму сочетания современной моды с данью традициям.

Знакомой дорогой я двинулся к гостинице, стараясь держаться теневой стороны. Ближе к центру улицы сузились, стиснутые домами, и лучи послеполуденного солнца уже не проникали сюда. Стало сумрачно и даже прохладно. Гулко раздавался стук каблуков редких прохожих.

Неожиданно тихая, заспанная улица взорвалась жизнерадостными криками. Из какого-то проулка выкатилась ватага мальчишек и девчонок. Ребята вприпрыжку неслись вперед, размахивая связками книг, оживленно обсуждая свои дела. По их радостно возбужденному говору, бурной активности было ясно — только что прозвенел последний школьный звонок.

От этого ручья звонких ребячьих голосов,' смеха, топота ног, всколыхнувших застывшую тишину, в этом густо затененном ущелье типично занзибарской улицы стало как-то светлее...

Об авторе

Малов Юрий Александрович. Родился в 1935 году в Москве. По образованию экономист, окончил Московский государственный институт международных отношений. В сборнике выступает впервые: публикуемый очерк — первый опыт автора в этом жанре.

ФЕНЬКА

В. Тарасова

Рассказ

Много лет брожу я по таежным звериным тропам. Безмолвие этих мест нарушается лишь криками птиц да шумом стремительных горных речек. В длинные вечера у костров часто слышала я рассказы охотников, проживших жизнь в тайге, о нравах и повадках животных. Но никто не поведал истории, подобной той, что произошла в нашем геологическом отряде.

В конце июня мы плыли на резиновых лодках по далекой таежной речке. Десятки километров тянется, извиваясь, ее сияющая лента. Лодка весело скользит по быстрым синим струям шивер, замедляя ход на тихих, задумчивых плесах. Широкая долина с обширными болотами местами заросла редкой лиственницей. Все дремлет в знойном мареве, лишь назойливо гудят комары да шумит река на перекатах.

Время от времени тишину нарущает звонкий, азартный лай нашей собаки Тайги. Она бежит по берегу и вспугивает выводки диких гусей. А их тут множество. На каждом повороте реки мы видим одну и ту же

картину: по берегу носится Тайга, высоко в воздухе мелькает тень гусака, а на воде мечется гусыня, самоотверженно стараясь отвлечь внимание собаки от выводка. В травянистых зарослях ныряют золотистые пушистые комочки. Гусята еще совсем крошечные: им два-три дня. Как поплавки, там и сям торчат из воды их острые треугольные хвостики. Гусята уверены, что спрятались. Мы смеемся, глядя на них, таких трогательно беззащитных глупышей. Пусть живут и растут до осени. Но тогда уж пусть не попадаются.

Мы пристали к берегу там, где только что Тайга вспугнула гусиное семейство. Один гусенок выскочил на берег и, смешно ковыляя, побежал по гальке, а потом, устав, спрятал голову под камушек и замер. Мы подошли к гусенку. Он не шевелился. Тогда кто-то взял его в руки, подержал с минуту и выпустил на свободу. Глупый маленький гусенок и не подумал улепетывать — заковылял вслед за людьми. Мы прибавили шагу, а птенчик, растопырив крылышки-култышки и отчаянно запищав, бросился нас догонять. Когда же мы сели в лодку, гусенок поплыл за ней. «Иди к маме!» — кричали мы хором и гнали гусенка к его выводку. Но не тут-то было. Несколько часов мы плыли по реке. У каждой новой гусиной семьи мы отпугивали гусенка, надеясь, что он пристанет к чужому выводку. Птенец упрямо плыл за нами.

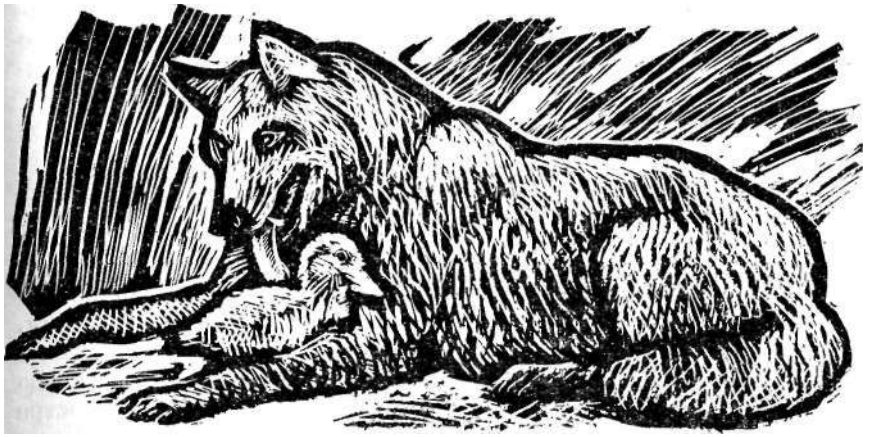
Тайга давно уже сидела в лодке и рвалась на привязи, глядя на птенца.

К концу дня общими усилиями гусенка отогнали, и быстрой струей его отнесло в сторону. Проплыв еще немного, мы стали лагерем. Прошло два дня. На третий нас разбудил яростный лай Тайги. Мы не поверили своим глазам: наш маленький герой что есть силы плыл к лагерю. Едва успели схватить Тайгу. Ее глаза горели зеленым огнем охотничьего азарта. Гусенок, ничего не понимая, направлялся прямо к собаке. Я подставила ладони, и птенец, будто только этого и ждал, прыгнул прямо в них и притих.

Мы устроили совет и решили, что, уж коли гусенок так настойчив и никого, кроме нас, не признает, пусть остается, примем его в члены нашей геологической семьи. Только каждый с грустью подумал, что недолго ему с нами жить — ведь в основном лагере кроме Тайги будет еще восемь охотничьих собак.

Вскоре мы поплыли дальше. Тайга снова сидела в лодке на привязи и скулила. Гусенку сделали гнездо в кастрюле и поставили ее в другую лодку. Но в гнезде ему не сиделось. Он бегал по лодке, ловил комаров, выпрыгивал за борт и лихо плыл по бурунам и стремнинам, не отставая ни на шаг. Так прошел день. К вечеру мы приплыли в основной лагерь. В нем нас ждали товарищи, а с ними и собаки.

Что делать с гусенком? Все обступили нас. Собаки — молодые щенки и Тайга наперебой лезли к птенцу, которого я держала в руках. Ни на что хорошее не надеясь, я посадила гусенка на землю возле Тайги и, держа собаку крепко за шиворот, стала гладить



свободной рукой то ее, то гусенка, приговаривая: «Тайга, ты хорошая, ты умница, гусенок маленький, его нельзя трогать». И тут произошло удивительное. Тайга из азартно-злобной стала озабоченной, добродушной. «Появилось материнское выражение»,— заметил кто-то.

Собака потянулась к гусенку, обнюхала и лизнула его под хвостиком, как щенка. Мы не верили своим глазам. Затем она спокойно отошла и углеглась у костра. Чтобы закрепить дружбу, я положила гусенка возле Тайги. Собака вскинула голову, озабоченно понюхала птенца, подняла заднюю лапу, носом подтолкнула под нее гусенка и накрыла его лапой. Так она поступала со своими щенятами. Щенки Джек и Белый вертелись вокруг Тайги. Гусенку скоро надоело лежать под лапой. Он вылез и побежал в сторону. Тайга стремительно вскочила, ощетинилась, оскалилась и, грозно рыча, куснула сначала Джека, а затем Белого, бросившихся к гусенку. Щенки, взвизгнув, убежали прочь. Тайга, видимо решив, что урок усвоен, спокойно отошла от гусенка. И щенки действительно не решались трогать птенца, хотя с интересом следили за каждым его движением. Иногда, забывшись, кто-нибудь из щенят пытался завязать более близкое знакомство с гусенком, особенно игрун Белый, но Тайга, неотступно следовавшая за своим подопечным, весьма недвусмысленно начинала рычать и показывать клыки. Таким же образом Тайга поступила и с шестью собаками проводников, которые вскоре появились в лагере. Псы стали далеко обходить гусенка, делая вид, что он им глубоко безразличен. Даже лихой гусятник Валет и хитрый Амнунда, вечно голодный и никогда не упускавший случая полакомиться, стыдливо отворачивались и, опустив хвосты, отходили в сторону при виде птенца.

Гусенок же, казалось, не знал чувства страха. Целыми днями он крутил у палатки, ловко ловил комаров и паутов. Собак и человеческие ноги он рассматривал как место, где можно покор-

миться, так как вокруг всегда вилось облако комаров. Боясь раздавить птенца, мы постоянно об этом помнили. Стоило собаке лечь, гусенок был уже тут как тут. Деловито и методично он начинал обирать комаров от носа до хвоста.

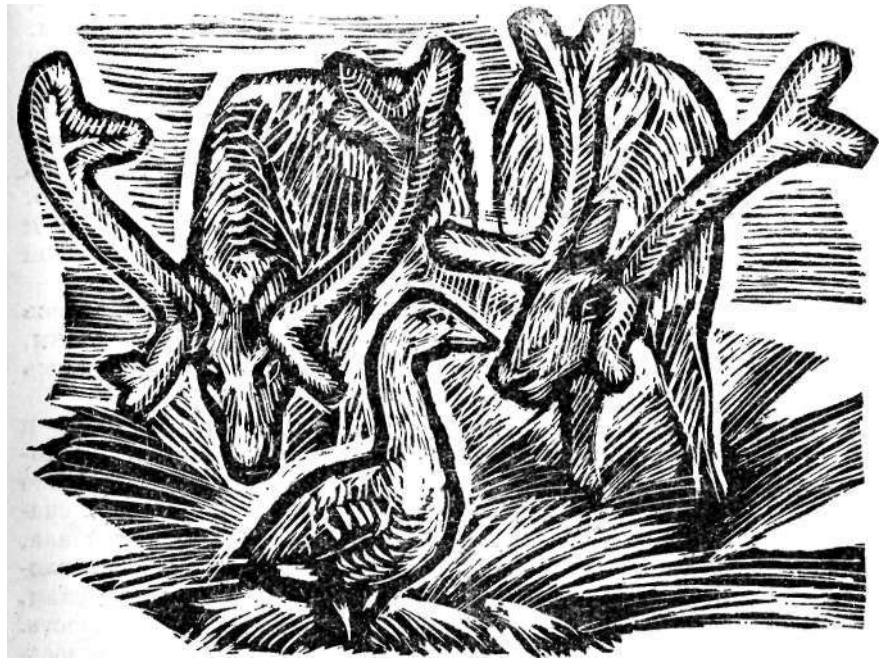
Дерзкий гусенок вскоре стал промышлять у собак и их пищу. Было страшно смотреть, как из пасти, которая могла проглотить его в одну секунду, птенец деловито вытаскивал лакомые кусочки рыбы и мяса. И собаки, всегда такие злые и жадные, во время еды позволяли ему это. Иногда они мирно продолжали есть, иногда же отступали от миски, оставляя гусенку его добычу. Джек сразу же уходил, как только у миски появлялся гусенок. Собаки проводников держались в стороне, и с ними гусенок трапезу не разделял.

Свойство огня гусенок освоил не сразу. Неоднократно влезал в костер, и мы едва успевали его оттуда выхватить. И только когда здорово обжег лапку, понял, что с огнем шутки плохи. Но костра не боялся и холодными вечерами мирно грелся возле него вместе с людьми и собаками. Любил спать и у меня за пазухой.

Когда стали думать, как назвать гусенка, сошлись на одном — Фенькой. В птице было ярко выраженное женское начало. Гусенок целыми днями толокся на кухне, заглядывая во все кастрюли и сковородки, умудряясь стаскивать рыбу даже с горячей сковороды. Когда месили тесто, совал туда свой длинный нос. Если кто-нибудь стирал, тоже начинал трепать в воде какую-нибудь тряпочку. Был страшным чистюлей, то и дело разбирал клювом свой пушок, а затем перышки. Так и назвали гусенка Фенькой.

А уж говорунья была Фенька! Все время, даже сладко подремывая у костра, она издавала звуки. Они были разнообразными и всегда имели совершенно определенное значение. Если Фенька была мирно настроена и делала что-то для себя приятное — щипала травку, ловила комаров,— доносилось: «Ту-ту». Так же она отзывалась, если, потеряв ее из виду, кто-нибудь звал: «Фенька, где ты?» Когда же она была голодна и не могла ничего промыслить, то меланхолично произносила: «Пум-пум-пум». Если это не помогало, раздавались требовательные, сердитые и очень громкие крики: «И-уи! И-уи!» Гусенок растопыривал крылышки, начинал махать ими и хватать клювом людей за руки и одежду.

Когда Фенька подросла, она уже по-иному заставляла обращать на себя внимание. Проголодавшись за ночь, она на рассвете развивала бурную деятельность, поднимая в лагере ужасный шум. Прежде всего Фенька принималась за натянутые, как струны, веревки растяжки палатки. Затем переходила к пуговицам клапанов. К этому времени Фенька стала большой сильной птицей, и от ее проделок палатки ходили ходуном. Все просыпались. Раздавалось ворчание, недовольные возгласы. Но Фенька не унималась. Она находила «ударные инструменты» — таз, бидон или ведро. Методично ударяя по ним клювом, Фенька озорным глазом поглядывала вокруг и ждала эффекта. В ее сторону из палаток летели шапки, сапоги, тапочки. Но это ее не смущало — Фенька



обладала железным характером. Чаще всего для предупреждения «народного гнева» я поднималась и шла пасти Феньку или давала ей чего-нибудь поесть. С детства Фенька боялась одного — потеряться. В лагере или около лодок, которые, видимо, привыкла считать неотъемлемой принадлежностью человека, она могла оставаться и в одиночестве. Но стоило Феньке потерять лагерь или людей из виду, ее охватывало беспокойство. В стороне от лагеря она не сводила со спутника своих круглых, настороженных глаз. И если он в шутку прятался, Фенька в панике начинала бестолково бегать, раскрыв крылышки, и издавала пронзительные, отчаянные крики. И стоило ей снова увидеть человека, как она тут же успокаивалась. Повзрослев, Фенька не избавилась от этой боязни потеряться, но кричала уже не «И-уи», а краткое басовитое «Га». Крикнет и оглядывается. А потом бросается на поиски.

Даже на реке Фенька ни на секунду не отставала от лодок. Однажды мы плыли по очень бурному участку реки. Лодки стремительно несло. Фенька в тот день избрала мою лодку и неотступно плыла за кормой. Приближался один из самых больших на нашем пути порогов. Рев его слышен был издали. Я плыла за лодкой радиста — лучшего нашего «морехода». Вот его лодка уже плывет через порог. Мою лодку подхватило и понесло. Я не успела сманеврировать, и меня бросило на камень. Лодка накренилась и остановилась. Кругом с диким ревом неслись потоки воды, пере-

катываясь через камни. Я растерялась, не зная, что предпринять, и вдруг увидела Феньку, которая отчаянно боролась с течением. Меня поразило, сколько в этом маленьком тельце силы. Клюв у нее был широко раскрыт — видимо, она звала на помощь. Еще мгновение — и Фенька, уцепившись за какой-то одной ей видимый подводный камень, прижалась к моей лодке. Глядя на нее, осмелела и я. Встала одной ногой на камень, за который зацепилась Фенька, и толкнула лодку. Течение подхватило ее и понесло. Я упала на дно лодки и схватилась за весла. Но как только я смогла оглядеться, сразу же увидела Феньку, плывущую за моей лодкой.

Когда мы разбивали временный лагерь, Фенька оставалась ждать нас у лодок или ковыляла за нами, лезла на крутые склоны, часто съезжала на животе по осыпям, но вновь карабкалась вверх.

Проводники с большим интересом относились к этой птице и часто говорили: «Однако Фенечка гусей понимать не будет. Человека понимать только будет». И правда, казалось, что она хорошо усвоила отдельные слова. Свое имя запомнила сразу. Стоило сказать: «Фенька, пойдем!» — и она сейчас же, что бы ни делала, послушно направлялась к зовущему. Так же хорошо она знала слово «на». Услышав его, тут же поднималась и тянулась к рукам. Очень не любила слово «нельзя». Оно приводило ее в ярость. Когда Фенька подросла, отношение к собакам у нее изменилось. От мирного сосуществования она перешла к агрессивным действиям. В ней появилась какая-то ненависть к собакам. При их приближении Фенька начинала взволнованно кланяться, гоготать. Сначала собакам нравилось, как она теребит их шерсть, и они, добродушно улыбаясь, подставляли ей бока. Тогда Фенька стала искать наиболее уязвимые места, хватая их за уши, нос, а Тайгу за больную лапу. Собаки начинали скулить, рычать и уходили прочь, но никогда не кусали птицу. Терпеливее всех переносила Фенькины издевательства Тайга. Боясь трагической развязки, мы прогоняли собак от Феньки, а она торжествующе кричала им вслед, стараясь еще раз ухватить за хвост. Мне надоело Фенькино нахальство, и я стала гнать не собак от Феньки, а наоборот. Но стоило сказать: «Фенька, нельзя трогать собак!» — как она буквально стервенела, приходила в страшное возбуждение. Шея ее вытягивалась, глаза делались лютыми, она махала крыльями и даже шипела, как змея. Но зато собаки явно злорадствовали и ликовали в такой момент.

Я все думала, откуда эта ненависть, и потом поняла, что мы сами привили ее, постоянно отгоняя от Феньки собак и покрикивая на них.

Все помыслы гусенка, особенно в раннем возрасте, были сосредоточены на набивании своего зоба. Он был всегда раздут, как шар. Фенька ничего не упускала, ела все подряд: комаров, паутов, хлеб, рыбу, мясо, траву, глотала громадные рыбьи кости. Сначала я в ужасе выхватывала их из клюва, но, как оказалось, они не приносили птице никакого вреда.

Фенька постоянно ставила нас в тупик. Мы, например, долго ломали голову: почему она не любит плавать? Целый день толчется на берегу, а в воду одна ни за что не полезет. Другое дело, если кто-нибудь из нас забредет в речку, тогда и она будет плавать. Но Далеко не заплывала. Вот за лодкой в любое время и на любое рас-

стояние следовала с удовольствием. Видимо, она считала, что нормально плавать люди могут только на лодках.

Пока Фенька была покрыта одним пушком и по ночам мерзла, я брала ее спать к себе в палатку. Обычно Тайга, спасаясь от комаров, лежала тут же в своем углу. Я подкладывала Феньку к ее теплому животу. Тайга накрывала гусенка задней лапой, предварительно обнюхав и лизнув. Фенька, пригревшись, засыпала. Но стоило мне взяться за спальный мешок, Фенька вылезала из-под Тайги и бурно требовала устроиться на ночь со мной: махала своими крылышками-култышками, пронзительно кричала свое«И-уи!>>, взбиралась на мешок. Она умела добиваться своего и никогда не шла на уступки. Как только я ложилась, она сейчас же примащивалась на плече, вытягивала шею и прятала голову за моим ухом. Только так, и никак иначе! Устроившись, она мирно запевала самую восхитительную по нежности и удовлетворенности колыбельную песню. Я готова была, на любые неудобства, лишь бы услышать эту лучшую из песен. Иногда в благодарность за тепло и уют Фенька платила мне лаской. Я никогда раньше не знала, что птицы умеют ласкаться. Делала она это так: начинала очень нежно пощипывать клювом щеку, губы, ухо, волосы, а потом волнообразно скользила своей бархатной шеей по лицу, шее.

Когда Фенька подросла, покрылась перышками и перестала мерзнуть, она стала спать где-нибудь за палаткой, но так, чтобы слышать людские голоса. К осени, когда ночи стали темными и холодными, ее снова потянуло в палатку. Мы не разрешали ей влезать туда. Она это очень быстро усвоила и стала поступать так. Протянет свою длинную шею, найдет мою голову, потреплет за волосы, ощупает клювом лицо и уши, в виде особого доверия сунет нос мне в кулак и засыпает. А под утро начинает теребить меня, чтобы ее покормили.

Фенька быстро разузнала, что крупа хранится в мешке, и научилась развязывать его. Она так напрактиковалась в этом, что, когда однажды в ожидании вертолета я ее привязала за ногу, она моментально распустила все узлы. Делала она это очень деловито, действуя ловко своим крепким клювом.

И вот новая забота — крылья у Феньки большие, красивые, другие гусята уже на взлете, а она и не думает летать. Почему? Слишком отяжелела на наших харчах? Вроде бы нет. Ленится? Или, может быть, берет пример с нас, своих «родителей»? Надо учить Феньку летать.

Утром мы, как всегда, идем с ней умываться, но теперь я говорю ей: «Фенька, надо учиться летать». И Фенька не упускает ни одного моего движения. Я поднимаю руки и начинаю ими махать. Фенька тоже расправляет крылья. «Фенька, побежали!» Я бегу по косе и машу руками, а птица, стараясь не отставать, бежит рядом и хлопает крыльями. Мои товарищи покатываются со смеху, по, увидев, как старается Фенька, включаются в эту игру. Солидный, с брюшком радист бежит по берегу, зычно подбадривая Феньку. Научный сотрудник, кандидат наук, подпрыгивает у воды, внушая птице, что надо разгоняться над водой. А Фенька полна внимания и усердия.

Мы «летаем» с Фенькой вторую неделю. Все подтрунивают, что я уже на взлете, а птица никак не может оторваться от земли. Наконец-то — о радость! — Фенька, быстро пробежав, поджимает ноги и летит на высоте полуметра над землей. При взлете у нее вырывается громкий, ликующий, настоящий гусиный крик. Она летит и кричит. Кричим и мы: «Ура! Фенька полетела!»

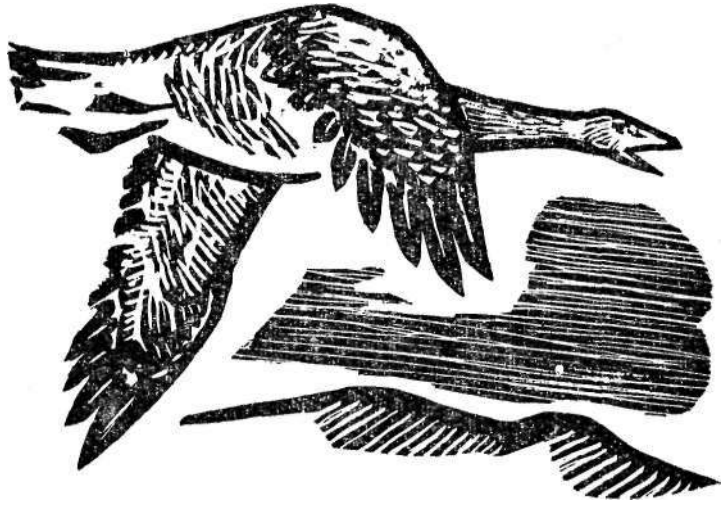
Пролетев метров пятнадцать, Фенька неуклюже шлепнулась на воду и оглянулась на взволнованных зрителей: «Каково!» А потом вылезла на берег и важно подошла ко мне. Я поздравила ее и в награду дала хлеба, который Фенька с достоинством приняла.

Теперь каждое утро мы командуем: «Фенька, лети!» Полеты ее все увереннее и выше. Каждый день появляется что-нибудь новое. Вот она научилась делать круг. Вот садится уже не только на воду, но и на землю. Вот научилась подниматься с воды.

Лето близилось к концу. Отряды последний раз разошлись по тайге. Отправилась и я в маршрут, а со мной Фенька и Тайга. Стояли мы в стороне от реки на большом болоте. Феньку привезли сюда во вьючном ящике на олене. Всю дорогу она терпеливо сидела там, покряхтывая, и, когда ее окликали: «Жива ли ты, Фенька?» — отвечала жалобно: «Ту-ту, ту-ту».

Скучно Феньке без реки. Целыми днями она ковыряется в крошечном ручейке. Спим мы все трое в палатке, ходим по тайге тоже втроем. Если я ухожу вперед, Фенька тревожно кричит мне «Га», и я жду, пока она, торопливо переваливаясь, между кочками и кустами проберется ко мне. Какая она стала красавица! Из «гадкого гусенка» превратилась в стройную гусыню. Прямо-таки «девушка на выданье». Какие плавные линии тела! Какие громадные крылья! Их размах равен длине обеих вытянутых рук. А какая окраска! Перья крыльев и хвоста коричневато-серые с белой каймой, розовато-коричневые шея и грудь. Белое брюшко и черная спина под крыльями. Клюв темный, лапы желтовато-серые. А бусинки глаз смотрят весело и озорно. И вся она какая-то удивительно жизнерадостная.

Вот мы прошли уже три-четыре километра. Фенька хорошо летает и могла бы преодолеть это расстояние по воздуху, но почему-то не хочет. Может быть, не догадывается: ведь я-то иду — не лечу. Пока что полет для нее нечто особенное — проявление порыва и вдохновения. Надо было видеть, как рано утром, когда мы отправлялись с ней купаться, она поднималась на небольшой бугорок, вытягивала слегка шею и осматривалась. Во всей ее позе, в радостно-возбужденном взгляде чувствовалось особое счастье. Так она стояла некоторое время. А насладившись предвкушением полета, бежала, раскрыв крылья, и поднималась в воздух. Как празднично радостен и тревожен ее крик! Сделав несколько кругов нац болотом, она садилась около меня и ждала похвалы.



Через пять-шесть километров добрались мы до речки. Как славно нырять, плавать и летать над рекой! Но я иду дальше, и Фенька торопливо вылезает из воды и ковыляет за мной.

На другой день Фенька заволновалась на рассвете и начала теребить меня. Как только мы вышли из палатки, взлетела и, сделав круг, повернула в сторону реки. Скоро стих вдали ее тревожный, зовущий крик. Неужели Фенька улетела навсегда? Прождав напрасно около часа, я пошла дальше вдвоем с Тайгой. Когда мы очутились возле реки, где были накануне, я крикнула: «Фенька, Фенька!» И вдруг раздался ответный крик, мелькнула стремительная тень. Покружившись надо мной, Фенька улетела в сторону лагеря. Вечером я нашла ее в палатке.

На другой день (это был конец августа), проснувшись, я обнаружила, что палатка завалена снегом. Выл ветер, белая мгла окутала все вокруг. Деревья под тяжестью снега скрипели и трещали. Фенька беспокойно металась по палатке, требуя, чтобы я ее выпустила на простор. И не успели мы выбраться из палатки, как она взлетела и исчезла в метели. «Охота пуще неволи, меня бы сейчас никакая сила не заставила купаться»,-— подумала я и отправилась греться в чум к проводникам. Там весело трещал огонь.

Метель не унималась. Днем вернулась Фенька. Она вынырнула из снежных вихрей и села около палатки, голодная и радостная. Мы отправились снова в чум и сидели там дотемна. Какая суровая ночь! Ветер выл. Тяжелые глыбы снега, срываясь с деревьев, падали на полотно палатки. От этих сотрясений вздрагивала Тайга, прижимаясь к моей спине. Тревожно вскрикивала Фенька, примостившаяся на моем плече. Так лежали мы всю ночь, согревая друг

друга. На другой день случилась беда. Фенька рано начала суетиться и тормошить меня. Мне не хотелось вылезать из теплого мешка, и я выпустила ее одну из палатки. Мне показалось, что она улетела. Но когда я пошла в чум греться, услышала какой-то необычно жалобный голос Феньки. Она лежала на снегу, раскинув крылья. Я бросилась к ней. Вся голова птицы была в крови, глаз заплыл. Из клюва капала кровь. Оказывается, пока я спала, Фенька отправилась к чуму. Там, свернувшись клубком, спал Валет. Феньке это очень не понравилось, и она стала его щипать. Валет, обороняясь, щелкнул зубами и прихватил ее голову. Он, конечно, не хотел обижать птицу. Валет был очень смущен, и, хотя мы его не били, а только стыдили, он прятался во всех углах, поджав хвост.

Феньке было очень худо. Валет прокусил ей дыхательные пути. Из клюва капала кровь, и птица дышала с хрипом и свистом. Она не могла ни пить, ни есть. Целый день, не шевелясь, пролежала Фенька в чуме за моей спиной, и, только если я выходила за чем-нибудь из чума, она, тревожно крича, ковыляла за мной.

Несколько дней боролась Фенька за свою жизнь. Она терпеливо переносила мое лечение, хотя ей было, наверное, очень больно. Постепенно она стала пить, а потом и есть. На третий день попробовала полетать и, сделав небольшой низкий круг, чуть не разбилась о дерево. Глаз у нее заплыл и казался вытекшим. Движения были неверными.

Пришли из маршрута наши товарищи и ахнули, увидев Феньку: такая она была печальная. Неуверенно, неуклюже лазила по сугробам или сидела в крохотном ручье. Видимо, ее томил жар.

Вскоре мы собрались на новое место. Фенька безучастно лежала в сугробе, но, когда мы сложили палатки, заволновалась, засуетилась и вдруг полетела. Мы с беспокойством наблюдали за ней. Сделав два круга над лагерем и чуть не ударившись о деревья, она села около нас. У всех щемило сердце, когда мы смотрели на печальную Феньку, когда-то такую задиристую и веселую.

Несли ее на руках по очереди. И вот снова на речке. Фенька преобразилась. От воды не отходила. Она стала быстро поправляться. И — о радость! — открылся глаз.

По-прежнему Фенька сопровождала нас в маршрутах. И теперь уже не ковыляла за людьми, а перелетала с места на место. Впервые услышав звук вертолета, Фенька страшно перепугалась. Я взяла ее на руки, и она, вся дрожа, прижалась ко мне. Постепенно она привыкла к железной птице, и, когда нам пришлось лететь на вертолете, Фенька сидела у меня на коленях совершенно спокойно. Раз люди были с ней — беспокоиться нечего. Меня поражало в Феньке удивительное доверие к людям. Она во всем на них полагалась. Даже больше, чем собаки. Те, правда, тоже быстро привыкли к вертолету и, как только замечали, что мы собираемся грузиться, старались первыми занять место, чтобы их не оставили в тайге.

И вот наконец мы летим в маленький поселок Кислокан. Отсюда нас должны были перебросить на базу. В ожидании самолета мы поселились в гостеприимной семье начальника аэропорта. Фенька сразу попала в почетные гости. Она быстро освоилась с домом. С любопытством рассматривала все предметы, щупала их клювом, по-хозяйски расхаживала по комнатам, раскидывая детские игрушки, заглядывала на кухне в ведра и кастрюли. Когда она всем надоела, мы посадили ее в уголок. Я смотрела на нее, и сердце мое наполнялось грустью. Птица, рожденная свободной, так радующаяся полету, дитя тайги, скоро попадет в Москву. Что ждет ее там? Но она не улетела с гусями, а бросить ее в тайге значило обречь на гибель.

Я присела около Феньки. Она доверительно ощупала клювом мое лицо и волосы, потеребила ухо и скользнула шеей по руке. «Пойдем, Фенька, погуляем!» Фенька с готовностью затопталась в своем уголке. Я вынесла ее на ручей за поселком. Как весело засветились ее глаза! Она с жадностью начала вырывать из ила какие-то корешки и еще сохранившуюся зеленую травку. Поплескалась в ручье. Потом Фенька взмахнула крыльями и полетела с радостным, ликующим криком. Сделала круг над лесом и домами поселка, поднялась выше и, увидев с высоты широкую реку, протекавшую в полукилометре от дома, полетела к ней. Сердце мое упало. На реке много людей — пропала Фенька! Я бросилась бежать туда и в это время услышала выстрел. Когда я очутилась на берегу, увидела подплывающую лодку. В ней стоял охотник, держал в руках Феньку и говорил своему приятелю: «Вот здорового гуся добыл!» Я вырвала из его рук Феньку и побрела к лесу. Фенька была мертва. Пуля попала ей прямо в голову. Алая капля крови появилась под глазом. К счастью, она умерла мгновенно, в полете, не узнав, что люди, которым она так доверяла, предали ее. Вся ее поза изображала полет — ноги вытянуты вдоль тела, крылья раскрыты.

Я шла по осеннему опустевшему лесу, прижимая к себе еще теплое Фенькино тельце, и мне казалось, что я потеряла дорогого верного друга. Редкие снежинки реяли над нами. Высоко в небе летела треугольником гусиная стая. Зовущие, тревожные голоса птиц разрывали мне душу.

«Не зовите, серые гуси, Фенька вас не услышит, не полетит с вами,— твердила я.— Она так и не научилась понимать вас и до конца осталась верной человеку!»

Об авторе

Тарасова Вера Борисовна, геолог. Родилась в 1912 году в Москве. В составе геологических партий объездила всю Сибирь и Дальний Восток. Публикуемый рассказ — первое выступление автора в печати с художественным произведением.

«73 SK»

Сергей Наумов

Рассказ

Андрей Петрович Подорога проснулся ночью от тяжести в груди. Свинцовая усталость сковала сердце, словно он долго взбирался на высокую гору. Андрей Петрович откинул одеяло и сел на кровати. Смутно белеющий в темноте будильник показывал полночь. За окном глухо и размеренно шумел океан. Андрей Петрович накинул доху и вышел во двор. Волны дробили о скалы последние льдины. Надсадно скрипел ржавый флюгер на крыше. Зима окончательно переломилась на весну.

Высоко в небе перемигивались яркие созвездия. Ковш Большой Медведицы вычерпывал океан.

Внимание Подороги привлекли три крошечные мерцающие точки. Они передвигались в пространстве, гасли и снова вспыхивали, словно маленькие небесные маяки: самолет приветствовал зимовку. Радист помахал вслед огонькам, ощущая на руке приятное покалывание ледяных капель. Полярный весенний дождь смывал с утесов снег. Океан был черен.

Андрею Петровичу он всегда казался живым существом. Радист привык просыпаться и

засыпат под его несмолкающую песнь. Днем с высокого холмистого берега открывались необъятные дали, прикрытые едким, как ржавчина) туманом. Большое солнце висело совсем низко. На него можно было смотреть не щурясь. На запад от станции поднимались голые сумрачные кряжи. Они стояли за спиной, молчаливые и холодные. Океан же был всегда живым. Когда он затихал, старый радист слушал, как шипит песок в крошечной бухточке и перекликаются чайки, деля добычу. Но так бывало редко. Чаще океан недовольно ворчал, выбрасывая на берег каракатиц, и зимовщики собирали их в большие сетчатые мешки.

Андрей Петрович любил прогуливаться по берегу, где на песке дожидались прилива ракушки и морские ежи шевелили иглами среди скользких острых камней. Голубые в темную крапинку яйца чаек, словно фарфоровые цветы, пестрели по склонам утесов.

На зимовке «Баклан» жили четверо: хмурый, с порывистыми движениями начальник Горлов, метеоролог по фамилии Сашко, повар Галкин и он, радист Подорога.

Высокий плечистый Сашко встречал на зимовке первую весну. От постоянного пребывания на воздухе щеки его, не смуглея, покрылись румянцем. Светлые волосы слегка вились на висках.

Самым пожилым был Андрей Петрович. Среди зимовщиков он слыл человеком строгим и замкнутым. За долгие годы, проведенные на Севере, у него появились странные привычки. Зимой и летом носил он ушастую беличью шапку, любил работать рубанком и долотом, когда находил на зимовке лишний чурбак. Терпеть не мог обкатанных камней. Однажды, увидев на столе метеоролога несколько красивых круглых голышей, угрюмо посоветовал:

— Выбрось кругляшки — к обкатанной жизни приучают.

Сашко потрогал гладкую поверхность камней.

— Чудак вы... Руке приятно и глазу. Это же базальты, их вода шлифовала.

— Человек что камень — на изломе виден,— упрямо сказал Подорога.

Сам он, взбираясь на утесы, с удовольствием ощупывал ребристые, не тронутые водой скалы.

Громадный, сутулый, с острым узким лицом и крупным горбатым носом, старый радист сам чем-то напоминал один из таких утесов. Казалось, ничто не укрывается от его проницательного взора. Он замечал, как плачет океан, оставляя на прибрежных гранитных щеках свои светло-зеленые слезы, как внезапно седеет вода под ударами ветра, как встречаются на перепутье облака, предвещая непогоду. Подобно многим пожилым людям Подорога был суеверен. Всякий раз, выходя в открытое море, он оставлял в выемках скал пригоршни табаку.

Дожди смывали снег, менялись зимовщики, только радист оставался на месте, словно не было у него ни родных, ни знакомых на всем белом свете.

Дважды по настоянию врачей съезжал Андрей Петрович на Большую землю, но быстро возвращался.

Как в маленькой раковине скрыто могучее дыхание моря, так в сердце его таилась природная доброта. Иногда она открывалась людям, и тогда все с изумлением замечали, как преображался Подорога, как молодо и задорно блестели его глаза, как умело хозяйничал он на кухне, как смотрел, подперев голову рукой, на зимовщиков, когда те, похваливая и посмеиваясь, наваливались на его стряпню. Но что-то меркло в этой радости, и снова радист становился нелюдимым и неразговорчивым.

Свой отпуск Подорога проводил на рыбалке, подолгу качаясь на волнах в старой, черной от смолы шлюпке с покоробившимися бортами. Как-то у него появился собеседник — бронзово-черный баклан. Был он стар и не мог глубоко нырять за рыбой. Андрей Петрович часто делился с ним добычей. Баклан внимательно смотрел на радиста своими серыми бусинами глаз и, ожидая подачки, хриплым криком выражал свое нетерпение. Подорога бросал ему рыбину и сурово выговаривал:

— Обжора ты, Бакланыч, как есть обжора!

Иногда радист уходил на прогулку в тундру. Он шагал, оставляя на розовом мху глубокие следы. По ним он возвращался обратно. Следы оставались надолго. Скупая земля хранила их, как драгоценный подарок.

Океан же дарил ему тот незабываемый йодистый запах, который щекочет ноздри и вызывает слезы у людей, непривычных к свежему ветру. Андрей Петрович вдыхал его полной грудью, а дни уходили за солнцем.

В один из бурных зимних вечеров Подорога вышел исправить обрывавшуюся антенну и не дошел до мачты: не было сил бороться с ветром.

Радист долго не верил этому. Ему все казалось, что за ночь он отдохнет и встанет бодрым и сильным, как бывало раньше. Но день приносил боль в груди, испарину на лбу, сбивчивый пульс.

Против ветра Андрей Петрович уже не ходил. Оттого изменилась у него походка. Стал семенить. Тайком от всех переложил флакончик с валерьянкой из походной аптечки в карман своей меховой куртки.

Андрей Петрович поежился от холодных капель, скатившихся за ворот, прокашлялся с хрипом, поймал пальцами пульс и стал считать удары.

— Девяносто,— пробормотал он, как проклятие.

Еще раз посмотрев на океан, радист вспомнил, что утром с первым катером на зимовку должна прибыть бригада плотников. Вернулся в дом. Его успокоила тишина радиорубки. Медленно прошелся по комнате, прислушиваясь к звукам собственных шагов.

Рация спала, укрытая клетчатым шотландским пледом. Сотни выдвижных ящичков с огромного самодельного шкафа смотрели на радиста. В ящичках лежали тысячи метеосводок — пятнадцать лет труда. Каждая из них берегла ежедневный маленький подвиг «ловцов погоды».

Подорога пробежал глазами этикетки: «Температура», «Плотность воздуха», «Шторм», «Облачность».

Внезапная острая боль кольнула сердце. Он ухватился за спинку кровати и тяжело сел на стул. От испуга похолодели кончики пальцев, вспотело лицо.

Подорога подождал, пока боль отпустит, и вытер платком лоб. Попробовал глубоко вздохнуть. Боль не уходила. Она затаилась на время.

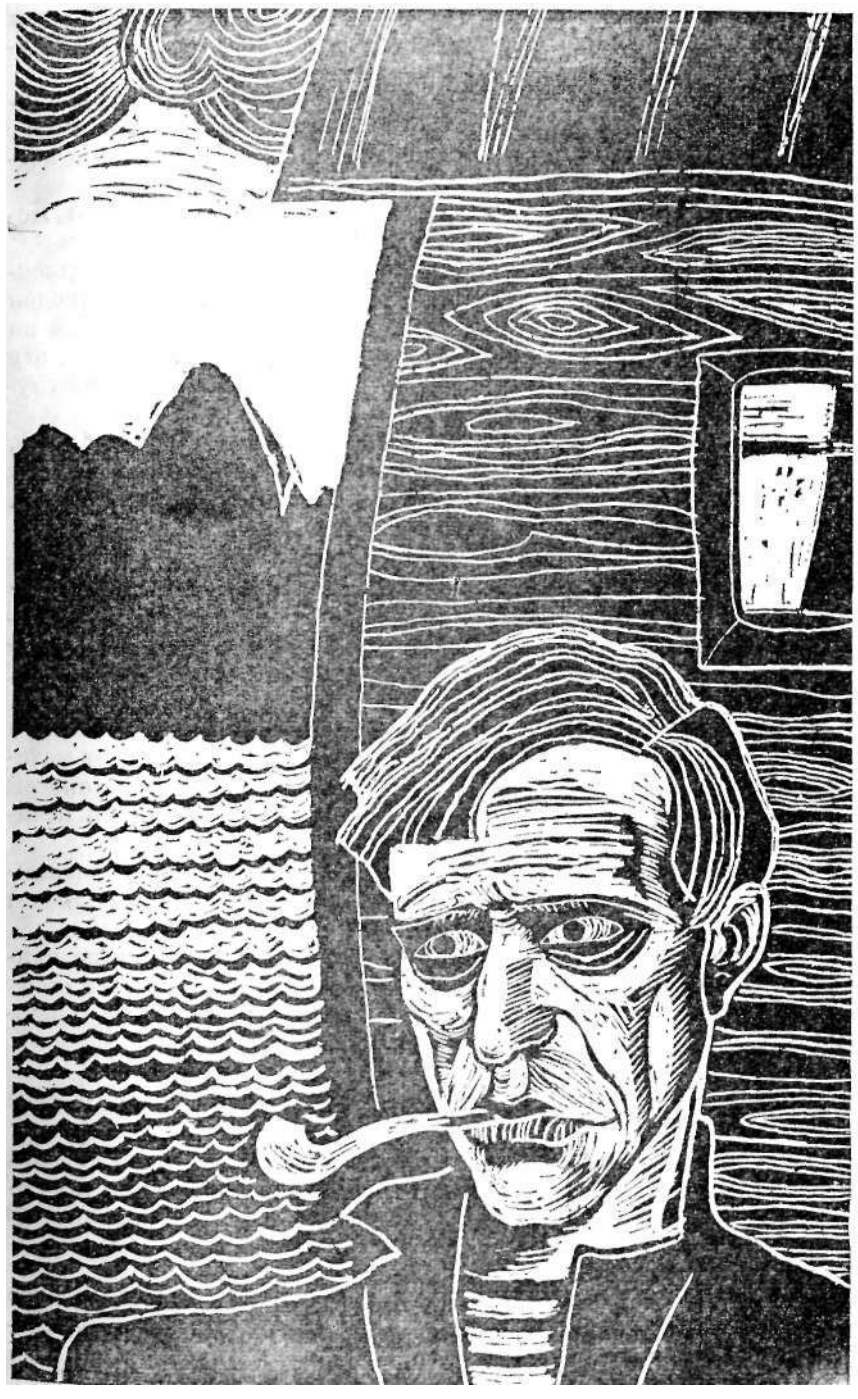
Андрей Петрович дотянулся до стола, откинул плед и включил приемник. Это тоже было привычкой — в часы одиночества слушать мир. Зеленая лампочка индикатора, излучавшая ровный мягкий свет, казалась маленьким земным шаром. Писк морзянки заполнил комнату.

Андрей Петрович тронул регулятор настройки — треск и шум усилились. Земля ожила. Континенты переговаривались через моря и океаны на понятном ему трескучем языке. Поворачивая верньер, Подорога привычно расшифровывал обрывки фраз, улыбался доброй улыбкой старого волшебника. Мир страдал и сердился, радовался и тревожился за свою судьбу. А радист думал о том, как одиноки бывают люди дальних зимовок, и вспоминал свои бесконечные ночные дежурства. Он, как врач у постели больного в ожидании кризиса, просиживал у рации до утра. В такие минуты все радиостанции аэропортов и кораблей настраивались на его волну, ожидая сообщения о конце бури или движении грозового циклона.

Откинувшись на спинку стула, радист повернул переключатель. Невидимые нити музыкальной радиоволны перенесли его в залитый светом зал консерватории. Музыка несла далекую весть о прекрасной земле, о больших городах, где всегда стоит шум, словно в огромной раковине моря.

Подорога пододвинулся к стене, на которой висела карта мира, и дотронулся пальцами до тропиков. Африка! Сын смолокура представлял ее по истрепанным томикам приключенческих романов. Она была где-то там, за синей кромкой бесконечной тайги, за степями и морями.

Старый радист наклонился к приемнику — и яркие светлячки осветительных лампочек растопили суровый блеск его глаз, сделавшихся темными и влажными. Андрей Петрович, переключил приемник на короткие волны и вдруг поймал: «73 SK». Кто-то настойчиво выстукивал на языке международного кода: «Лучшие пожелания». Андрей Петрович всегда радовался этому сигналу, как близкому человеку. Сколько раз в глухую полярную ночь он принимал его. В этих цифрах было и крепкое дружеское руко-



пожатие незнакомых сильных людей, и ободрение, и та большая человеческая теплота, без которой стынут даже испытанные мужественные души.

Три длинных и два коротких, три длинных и два коротких — сигналы звучали с равными промежутками. Неведомый радист щедро рассыпал в эфир свою доброту и какое-то особенное восторженное настроение.

«Молодой, наверное, меры не знает»,— ласково подумал Подорога, слушая музыку чужого ключа.

Андрей Петрович достал из кармана трубку, набил ее и медленно раскурил. Зажав трубку в углу рта, он положил подбородок на сцепленные пальцы и устремил взгляд прямо перед собой на бревенчатую стену дома. Много ночей подряд он смотрел на эту стену и всякий раз вспоминал свое детство, юность на таежной глухой смолокурне.

...Седой как лунь дед подкладывает сосновые чурки в печь, и смола длинной прозрачной слезой медленно стекает по желобу в большой чан. От дурманящего запаха приятно кружится голова. Дед приглаживает серебряный пух волос, радостно говорит:

— Да-а, работа — она для души больше, Андрейка. Как дохнешь этой пахучести, так еще век жить хочется. Смолу курить — не с бабой дурить.

Угрюмые бородатые мужики отсчитывают деду грязные, захватанные рубли, осторожно грузят чаны на телегу. Вокруг строятся, смолятся, и жилище смолокуров больше походит на постоялый двор.

Время тянулось, как смола; умершего деда сменила мать, а Андрейка уехал учиться в город. Вскоре пришло письмо от матери, в котором она сообщала о замужестве его подружки, златокосой Нюрки. В письме была приписка: «А хомут так и остался нечиненный, ждет тебя».

И понял Андрейка, что мать тоскует без него. Но на заимку больше не вернулся. Захотелось испробовать себя на большом деле. По призыву комсомола уехал на Север.

...Как зверь, ревет пароход в тумане. Внизу плещется невидимая тяжелая вода. Радист второго класса Андрей Подорога стоит на пустынной палубе и смотрит в туман. Что там за ним? Незнакомая земля. Новые люди и новая жизнь.

Давно это было, а помнилось очень отчетливо.

Едва забрезживший рассвет хмуро смотрел в окно. Сердце стучало неистово и болело, словно его кололи тысячи иголок..

Подорога дотянулся до рации. Передатчик засветился желтым светом. Из-под контакта ключа сверкнули голубоватые искры. Сигналы звучали отрывисто, резко, будто их выстукивали не пальцы, а само сердце.

«Всем, всем, всем!»

Андрей Петрович кратко сообщил, что на зимовке «Баклан» тяжело заболел радист. Первый раз за всю жизнь Подорога тревожил эфир словами о самом себе.

«Всем, всем, всем!»

Радист медленно натянул наушники, включил приемник, настроился на морскую позывную волну. В такой час только она могла услышать его.

Навалившись на край стола, Подорога вслушивался в шорохи, звучавшие в мембранах. Едва слышно просачивалось в наушники однотонное гудение. Подорога слушал. От напряжения звенело в ушах и путались мысли.

«Они должны услышать. Завтра может быть поздно. Кто примет радиограмму? Безусый юнец с сейнера. Разве понимает он, как страшно, когда останавливается сердце?»

Ровный унылый гул в наушниках не прекращался, как будто в них проникал морской ветер. Он убаюкивал.

Андрей Петрович выключил приемник, прижал табак в погасшей трубке большим пальцем и, уронив голову на руки, уснул.

Утро вставало безветренное. Небо над океаном казалось высоким, густым, подальше к горизонту бледнело, сливалось с водой. Низко над дальним мысом висело продрогшее солнце. Старые перевернутые вверх дном шлюпки лежали на берегу, как огромные черепахи.

Катер появился после полудня. Ловко минуя подводные рифы, вошел в бухточку.

Плотников было двое. Веселые плечистые ребята сняли шапки, и зимовщики поняли, что они братья: огненно-рыжие кудри, как золотые стружки, упали на лоб обоим, и оба, мотнув головами, отбросили их назад.

Старший, он был повыше, шагнул вперед.

— Радист который из вас? — спросил он, доставая объемистый брезентовый сверток.

Андрей Петрович подошел к парню:

— Я радист.

Парень смущенно кашлянул, протянул Подороге сверток.

— Это вам от рыбаков. Радиограмму ночью ребята наши получили.

Радист внимательно посмотрел на парня и развернул пакет. Шприц, бутылочки с камфарой и валидолом, таблетки и маленькая резиновая грелка. Все это было аккуратно завернуто в прозрачный целлофан, на котором белели старательно выведенные белой краской знаки — 73 SK.

Сашко удивленно хохотнул, взял в руки грелку, приложил к животу.

— Скажи, пожалуйста!..

Галкин взвалил на плечи мешок с почтой, похлопал по нему свободной рукой:

— Вот где тепло-то, на целый год хватит. Небось полмешка твоих, Сашко.

Метеоролог улыбнулся и торопливо зашагал вслед за поваром. Ему писали много: мать, невеста, сестры, друзья: присылали приветы и поклоны: с разных концов страны.

Письма Сашко обычно читал вслух, и на зимовке любили эти минуты.

Не удержался и Горлов, потянулся вслед за почтой — ему аккуратно писали жена и взрослый сын-пограничник.

И только Андрей Петрович остался с плотниками: он знал, ему писем не будет.

Радист перебирал: содержимое пакета, подолгу рассматривая каждую ампулу. «Они знают, что я здесь,— думал Подорога,— они помнят меня. А было время, когда только звезды мерцали с туманной высоты и пустынное ледяное море набегало на скалы. Теперь по всему побережью кипит жизнь».

Парни ловко сбили из старых жердей козлы, спустились в бухту. Прибой помог вытащить на берег десять гладких лесин, связанных в плот, и теперь братья таскали их по одной, взвалив на плечи.

Они ломали северную стену дома. Нижние бревна почти совсем сгнили и крошились.

Андрей Петрович помнил эти толстые бревна молодыми, полными душистой липкой смолы. Он сам ставил из них сруб, навешивал двери, врезал: окна. Теперь они лежали на земле, иссеченные глубокими шрамами, словно воины, побывавшие в жестоком бою. Пятнадцать лет они честно принимали на себя гнев океана. Ветер косо, как меч, дни и ночи сек их покатые скользкие спины, достигая иногда такой силы, что из пазов выпирал мох и сыпался на пол.

Радист подобрал высохшую веточку сосны, обломившуюся при переноске, провел по ней заскорузлой ладонью. Острые желто-зеленые иголки упали на землю, а одна впилась в кожу. Андрей Петрович поднес палец ко рту и зубами вытащил жесткую хвоинку. Пряный скипидарный аромат ударил в голову, как вино.

— Померяемся силой, дядя! — услышал Подорога.

Плотники взвалили мокрую лесину на козлы.

Андрей Петрович улыбнулся, поплевал на ладони, взялся за рукоять пилы и расстегнул ворот куртки.

Лиственница была свежей и пахла морем. Но по мере того как пила вгрызалась в нее и белые струйки опилок расписывали землю, крепкий, горький запах тайги брал верх над сладковатыми запахами весеннего моря. Тихое жужжание нилы складывалось в странную, знакомую мелодию. И Андрею Петровичу все казалось, что это гуДят пчелы, а он пьет крупными глотками из глиняной чашки терпкий березовый сок. И многое другое припомнилось старому радисту, вдыхавшему неповторимый запах распиленного леса. Аромат древесины был вестью с родины. Светло-желтые опилки горками золота возвышались по обе стороны козел. Они были на плечах Андрея Петровича, на шапке, в карманах распах-

нутой куртки. Горько пахло хвоей и горячей подогретой смолкой. Так пахли когда-то руки деда, а потом руки матери.

Подорога сбросил куртку, засучил рукава. Он работал ловко и быстро, так, словно делал это всю жизнь.

Сердце напомнило о себе через час. Острая боль ударила в грудь. Андрей Петрович коротко охнул и повалился на бок, головой в опилки. Трясущимися пальцами достал из кармана таблетку, сунул под язык.

Братья плотники подняли его, взяли под руки с обеих сторон.

— Эх, батя,— сказал старший,— вам бы отдыхать... на черноморском пляже.

— Ничего, ничего,— пробормотал Подорога,— это пройдет.

Он устало закрыл глаза, почувствовал, что ноги оторвались от земли. Щека прижалась к жесткому, шершавому вороту брезентовой куртки. Понял: старший несет его на руках.

Первым в радиорубку прибежал Сашко.

— Вам нельзя вставать,— строго сказал он, присаживаясь на край стула.

Подорога взглянул на метеоролога тусклыми, равнодушными глазами. Здоровый девичий румянец заливал щеки парня, заставляя бледнеть многочисленные веснушки, капельки пота поблескивали на переносице.

«И я был таким»,— с завистью подумал Андрей Петрович и улыбнулся.

Сашко по-мальчишески взмахнул руками, радостно крикнул:

— Вам сейчас изюмный компот нужен! — И умчался.

Андрею Петровичу полегчало. Он вздохнул сначала осторожно, потом глубже. Дышалось свободно, во всем теле была приятная слабость. Он встал. Боль ушла.

Когда от скал побежали длинные черно-красные тени, Андрей Петрович спустился в бухту. Над океаном долго и ровно горела холодная заря. Потом она погасла. Высокая волна подносила к ногам редкие звезды, спрашивала о чем-то на своем шипучем монотонном языке и, недовольно ворча, убегала назад.

Подорога ничего этого не замечал. В его карманах лежали опилки, пахнувшие руками матери. Он стоял один перед сумрачным лицом океана и думал о том, что самая первая человеческая любовь — к матери, месту, где вырос, по-настоящему приходит тогда, когда человек стареет. Ветер бережно уносил в темноту приглушенные непонятные слова. В лунном свете океан отливал серебром с чернью утесов.

Наутро за плотниками пришел катер.

Андрей Петрович, свежевыбритый, в меховой кожаной куртке, которую надевал только по праздникам, постучал в комнату начальника станции.

Горлов сидел на перевернутом табурете и, поплевывая на брусок, точил самодельный нож.

— Садись, Петрович.

Подорога, не снимая шапки, опустился на край стула.

— Я уж поеду, Василь Кузьмич,— сказал он и постучал себя по левой стороне груди.— Ты не обижайся на меня. Радиста тебе пришлют молодого. Но то что я — глухая тетеря...

Долгая звонкая тишина, как после умолкнувшего вдруг колокольного звона, повисла в комнате.

Горлов встал, прошелся по комнате, побарабанил пальцами по стеклу и снова тяжело сел на табуретку. И нельзя было понять, огорчен он или сердится. В эту минуту он показался Подороге трогательно-растерянным и близким.

— Нужно ехать, Петрович... На Большой земле все: режим, доктора...— глухо сказал начальник зимовки.

— Да...— согласился радист. Он повернулся к распахнутому окну и посмотрел в синее глубокое небо, отыскивая там что-то: ему послышался рокот мотора. Горизонт был пустынен. Одинокое облачко плыло по небу. Оно поднималось все выше и выше, пока на миг не закрыло солнце. Налившись его светом, облачко засветилось, затрепетало и растаяло.

— Рацию твою будем беречь, — нарушил молчание Горлов.

Подорога благодарно взглянул в глаза начальника и, как бы очнувшись, улыбнулся ему слабо и грустно.

— На нас не обижайся, если что не так. Нам будет трудно без тебя.

Андрей Петрович порывисто встал, протянул Горлову руку:

— Прощай, Василь Кузьмич.

— Прощай, Андрей Петрович.

Горлов взял со стола самодельный нож с ручкой из моржового клыка и протянул радисту.

Андрей Петрович спрятал нож и достал из верхнего кармана куртки трубку, вырезанную им из кости. Трубка была прокурена до желтизны и казалась сделанной из янтаря. Подорога вложил ее в руку Горлова. Они обнялись. Радист потоптался у двери, снял шапку и быстро вышел.

Дома он сложил свои немногочисленные вещи в потертый фибровый чемодан со сбитыми железными углами, сунул туда еще сушеной рыбы, несколько головок чесноку.

Умытая дождем галька захрупала под ногами. Сильный береговой ветер дружески обнял его за плечи.

На повороте к спуску в бухту Подорога распрощался с товарищами по зимовке.

— Лечи свой карбюратор — и снова к нам,— обнимая радиста, сказал повар Галкин и, не удержавшись, хлопнул его тяжелой короткопалой ладонью по плечу.

— Непременно, Галкин, непременно! — растерянно ответил Подорога.

— Не уезжайте, Петрович! — крикнул Сашко и крепко сжал обе руки радиста.

Андрей Петрович вздрогнул: показалось, что метеоролог и в самом деле может не отпустить его с зимовки.

— Не уезжайте, пожалуйста!

Подорога отвернулся, пряча глаза.

Высоко поднимая ноги в неуклюжих резиновых сапогах, Андрей Петрович дошел до воды, опустился на колени и погладил руками желтоватые от мха голые холодные камни бухты. Братья плотники протащили черную от смолы шлюпку по песку к самой воде, и, когда ее нос всплыл, старший позвал Подорогу. Радист поднялся и, пошатываясь, пошел рядом, подталкивая корму до тех пор, пока шлюпка не скользнула на глубину.

Солнечный свет проникал до самого дна, и там на каменистом ложе колыхались бурые водоросли и копошились крабы. Крутая зыбь била шлюпку. Плотники неумело гребли, срывая веслами верхушки волн. Андрей Петрович смотрел на дом метеостанции, прилепившийся, словно ласточкино гнездо, к подножию утеса. Острые тонкие камни, похожие на черные косые паруса, окружали приземистый домик, и снизу казалось, что он расправляет крылья, собираясь взлететь. На берегу махали фуражками.

Пальцы радиста машинально выстукивали на мокрой банке «73 SK» — три длинных, два коротких, три длинных, два коротких.

Неподалеку на волне качался бронзово-черный старик баклан. Он скользил за шлюпкой до самого катера и потом, когда струя, вырвавшаяся из-под винта, с силой отбросила его на соседний гребень, поднялся в воздух и долго летел следом, прощально помахивая усталыми крыльями.

Подорога его не видел. Он стоял спиной к берегу и смотрел в косматое лицо ветра.

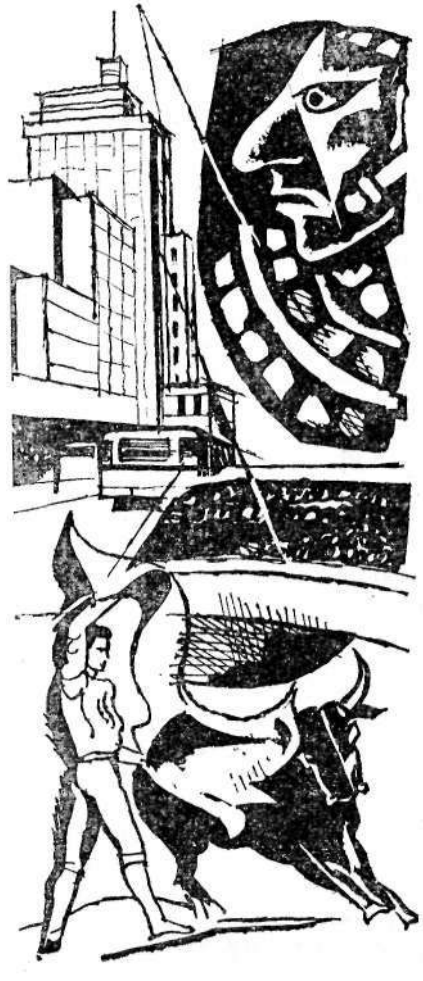
Об авторе

Наумов Сергей Максимович, член Союза писателей СССР. Родился в 1929 году в Новосибирске. Окончил Новосибирский пединститут и Литературный институт им. Горького. В разное время вышли в свет книги его рассказов: «Плечо товарища», «Лена и степь», «Ночная радуга», «Последним прилетает Сокол», «На забытой троне», «Морской ветер». В альманахе публикуется впервые. Сейчас работает над сборником рассказов о пограничниках и над книгой о борцах против фашизма, заключенных в гитлеровских лагерях смерти.

ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА ДО МЕХИКО

Александр Кулешов

Очерк



Эти два города разделяют не голые, утыканные кактусами равнины, не петляющие между зелеными горами дороги, не душные джунгли. Их разделяют бурные, кровавые и славные годы мексиканской истории. Шестьсот сорок пять лет.

В 1325 году «люди из Астлана» остановились на краю обрывистых гор. Здесь закончился их долгий путь. Раньше они жили далеко на острове Астлан, затерявшемся в середине большого озера. Настал час, и бог войны и охоты Уицилопочтли повелел тронуться в дорогу. Засверкало оружие, закричали дети, к небу поднялась дорожная пыль — племя «людей из Астлана», ацтеков, начало поход.

И вот теперь они стояли на краю обрывистых гор, куда поднимались долго и трудно. Горы были покрыты лесами и кустарником, заканчивались огромными, поросшими травой кратерами. Вдали царственно возвышались две снежные вершины, одна из которых напоминала накрытую саваном женскую фигуру. А по синему небу медленно плыли белые бесконеч-

ные облака — быть может, туда, в края, откуда пришли ацтеки, где остался их остров Астлан посреди синего, как небо, озера...

Ио и здесь перед утомленными взорами пришельцев меж гор лежало такое же озеро, с таким же островом посредине, удивительно напоминающим по форме орла, склонившегося над добычей.

Да и разве они остановились тут случайно? Вождь остановил племя, повинуясь знамению свыше: он увидел орла, пожирающего зацепившуюся за кактус змею. Разве не ясно, что кактус с его колючками — это трудная земная жизнь, змея — злые силы, а орел, победивший их,—человеческий дух, готовый устремиться в вечность? Ацтеки не могли, конечно, предположить, что встретившаяся им сцена в XX веке будет украшать мексиканский герб.

Так в западной части озера Тескоко был основан Теночтитлан — столица ацтекской империи.

Это был удивительный город.

Прямые, как стрела, широкие магистрали, изобильные, шумные, пестрые рынки, величественные храмы и бесконечные кварталы домов, расположенные по строгому плану; цветущие сады и сверкающие каналы, которых было больше, чем улиц...

Вряд ли был в те времена в Старом Свете другой столь же прекрасный город...

Минуло двести лет. И подобно тому как некогда ацтеки, на горных склонах, возвышавшихся над озером, остановились, пораженные красотой открывшегося перед ними зрелища, испанские конкистадоры и их предводитель Эрнандо Кортес.

Два года огнем и мечом завоевывали эти края испанские конкистадоры. Ые только порох и пули, не только сталь и железо помогали им, но и внутренние распри, раздиравшие государство ацтеков. Ведь ацтеки сами пришли сюда завоевателями, поработили мирные индейские племена, которые ненавидели угнетателей. Испанцы сумели раздуть тлеющие угли этой ненависти, разъединить индейцев, натравить племена друг на друга.

Конкистадоры использовали древние легенды, по которым белолицый бог Кецалькоатль, изгнанный за море, предупредил, что вернется. И ацтеки принимали Кортеса за этого разгневанного бога. А тут еще разверзлись небеса, проливные дожди затопили все кругом. Молнии бороздили небо — сами боги, казалось, говорили: настал твой последний час, Теночтитлан! Пленником завоевателей стал и обманутый ими вождь и верховный жрец ацтеков Монтесума. Борьбу возглавил Куаутемок (что значит «Падающий орел»), племянник Монтесумы.

На одной из центральных улиц Мехико, Пасео до ла Реформа, высится ныне величественный бронзовый монумент — ацтекский вождь в головном уборе из перьев и с копьем в руке. Надпись гласит: «Памяти Куаутемока и тех воинов, которые героически боролись за свободу своей страны». Кортес победил. Его войска разгромили отряды Куаутемока в решающем сражении. Оно происходило там, где в сегодняшнем Мехико находится Тлателолко — площадь Трех культур. На памятной плите высечены слова:

«13 августа 1521 года, несмотря на героическое сопротивление Куаутемока, Тлателолко оказалась во власти Эрнандо Кортеса. Не было ни победы, ни поражения. Было мучительное рождение народа метисов, создавшего сегодняшнюю Мексику».

Родилась Новая Испания, как стала называться страна в период испанского владычества. Возникла столица государства — Мехико.

Началось слияние коренного населения с завоевателями — слияние крови, нравов, обычаев. На площади Трех культур символически расположились остатки древней ацтекской пирамиды, церковь времен испанского владычества и здание современного мексиканского института.

Минут века, будут изгнаны завоеватели, на их место придут другие и тоже будут изгнаны, но процесс ассимиляции не остановится. Не исчезнет и глубокое преклонение народа перед своим трудным, волнующим, суровым прошлым, перед своей замечательной историей, перед своей древней великой культурой.

Сколько я ни путешествовал по Мексике, сколько ни знакомился с ее памятниками, сколько ни беседовал с мексиканцами, я не уставал поражаться прямо-таки фанатичному поклонению прошлому.

Немного в мире государств, столь ревностно заботящихся о сохранении своих исторических памятников, традиций, культуры.

Нельзя не согласиться с молодым мексиканским писателем Карлосом Фуэнтесом, когда он говорит: «Сосуществование всех исторических эпох является выдающимся примером стихийной решимости, прочно вросшей в народ этой страны: сохранить все «этажи» цивилизации». Английский ученый Джулиан Яндорф после путешествия по Мексике писал: «Самый волнующий аспект этой страны — глубокое уважение к прошлому и полное принятие настоящего».

В этой стране ни на минуту нельзя отрешиться от ее истории. О ней напоминают памятники и музеи, надписи и мемориалы, названия улиц и площадей, празднества и памятные дни, традиции и обычаи, книги и речи, наконец, бесчисленные лавки и рынки сувениров с образцами национальной культуры, начиная от стилизованных предметов массового производства и кончая поразительными образцами народного искусства.

О какой бы достопримечательности Мехико ни шла речь, эта атмосфера ощущается всюду. Но прежде всего в Антропологическом музее.

Музей расположен в знаменитом парке Чапультепек в величественном современном здании. Вход в него охраняет гигантское изображение бога дождя Тлалока, найденное при раскопках. По существу, посетив музей, можно сказать, что побывал в Мексике: настолько полно, выпукло и детально представлены в нем история страны, ее география, этнография, современные быт и нравы.

Различные древние цивилизации оставили в Мексике бесчисленные следы. Только в областях, населенных племенем майя, по свидетельству Сильвануса Морли, автора классического труда «Древние майя», насчитывается не менее 120 ценнейших центров археологических раскопок, в том числе 5 крупных древних государств, 19 больших городов, 39 средних городов и 54 населенных пункта. Всего же в Мексике более 11 тысяч археологических памятников! К этому следует добавить индейские ремесла и обычаи, сохранившиеся во многих районах современной Мексики.

В XVIII веке итальянский путешественник Лоренцо де Ботурини собрал богатейшую коллекцию индейских рукописей. Она и послужила основой музея, учрежденного в 1825 году, вскоре после провозглашения независимости страны.

Антропологический музей Мехико, вероятно, наиболее обширное и современное учреждение подобного рода в мире, посвященное одной отрасли знаний, и притом в строго национальном масштабе. Вся экспозиция выдержана в хронологическом и географическом плане.

Перед создателями музея стояла непростая задача — совместить редчайшую художественную ценность большинства экспонатов с их научной ценностью для познания истории, этнографии, археологии, антропологии и географии страны.

Нынешнее здание построено по проекту крупнейшего мексиканского архитектора Рамиреса Васкеса.

Пройдя просторный вестибюль, посетитель попадает в центральный внутренний двор, над которым нависает гигантская прямоугольная крыша, опирающаяся на единственный столб. Сначала останавливаешься пораженный: каким образом держится эта чудовищная плита? Потом выясняется, что она подвешена на тросах к столбу. Журчат фонтаны. Лишь они нарушают тишину. Внутренний двор окружен двухэтажным зданием, где расположены 25 залов, из которых 14 отведены древнейшей истории Мексики.

В «доклассическом» зале представлена жизнь небольших разрозненных племен, населявших центральные области Мексики в 2000 году до н.э. Эти племена выращивали кукурузу, тыкву, фасоль, охотились, занимались рыболовством. Они умели обтачивать камень, делали разнообразную утварь.

Следующий зал посвящен Теотиуакану, «Божественному городу». Он находится в сорока километрах от мексиканской столицы и является непременным объектом туристических экскурсий. Посреди зеленой равнины возвышаются две огромные пирамиды — Солнца и Луны, причем площадь основания первой больше, чем у знаменитой пирамиды Хеопса в Египте, а ее высота — (15 метров. Пирамиды сложены из огромных камней, доставленных из отдаленных карьеров без помощи колеса и вьючных животных.

В музее представлены целые скульптуры, памятники Теотиуакана. Огромный макет словно возносит вас на самолете над «Божественным городом». Великолепные многометровые фото передают

всю красоту фресок, которые украшают стены храмов и посвящены мифам, земным и морским животным, сценам быта.

Цивилизация Теотиуакана была поглощена тольтеками, основавшими свою столицу в Туле. Тольтеки, энергичные, воинственные, быстро ассимилировали культуру своих предшественников. В посвященном тольтекам зале можно увидеть образцы их монументальных скульптур, гигантских атлантов, поддерживающих крышу главного храма Тулы.

Самый большой зал музея, более двух тысяч квадратных метров, отведен ацтекам и Теночтитлану. Здесь можно увидеть множество удивительно интересных вещей. Глаза просто разбегаются от богатства экспозиции.

Прежде всего это, разумеется, Солнечный камень, более широко известный под названием «ацтекского календаря). Миллионы его изображений разошлись по всему свету во время XIX Олимпийских игр 1968 года. Солнечный камень весит несколько тонн, его диаметр — три с половиной метра. Он был обнаружен в 1790 году во время раскопок одного из храмов мексиканской столицы. Календарь устанавливал ацтекский век — 52 года — и был рассчитан на 1 миллиард 152 миллиона дней. Он с удивительной точностью предусматривал движение Луны и Венеры.

В Европе в XVI веке использовался юлианский календарь, уже тогда опаздывавший на 10 дней по сравнению с астрономическим календарем древних мексиканских культур.

В этом же зале установлена огромная скульптура из бурого камня богини земли и матери всех богов Коатликуэ. Она дарила людям жизнь и смерть и символизировала двойственность человеческой натуры. Каменные скульптуры — одно из самых ценных наследий ацтекской цивилизации. В руках ацтекского рззчика камень дышит, трепещет, живет. Свидетели минувших веков, эти каменные изваяния донесли до нас дыхание далекого прошлого.

Я иду по искусно освещенным прохладным залам, словно путешествуя в машине времени. За прозрачными стеклами витрин, на пьедесталах, на стенах и полках — макеты, фотографии, картины, фрески, скульптуры. Сменяя друг друга, они развертывают величественную картину возникающих и уходящих цивилизаций, расцвета и гибели культур, беспрерывного движения народов...

Сапотеки строили просто и красиво, поклонялись мертвым, и поклонение это отражалось во всем — от народных празднеств До архитектурных памятников. Их украшенные искусными орнаментами вазы и чаши и ныне восхищают знатоков.

Миштеки достигли изумительного мастерства в изготовлении тонких вещей из нефрита, горного хрусталя и драгоценных камней. Их письмена свидетельствуют о многих событиях древней мексиканской истории.

Ольмеки жили в районах, где сегодня находятся Веракрус и Табаско. Многие считают их культуру некоей прародительницей других культур. Созданные ими скульптуры несут на себе особый

отпечаток. Есть что-то странное, тревожное и таинственное в этих бесчисленных, столь похожих и столь отличных в то же время друг от друга карликах, уродцах. Особенно знаменит «ольмекский атлет»; многие считают, что это изображение игрока в пелоту. Внутреннее напряжение фигурки, сдерживаемая сила, которой дышит тело атлета, странно контрастируют с его забавной бородкой и спокойным лицом. «Атлет» справедливо считается шедевром древнемексиканского искусства.

Хуастеки обитали на севере, на побережье Мексиканского залива. Они известны своими искусными изделиями из раковин и скульптурными изображениями бога Кецалькоатля.

Но более всего поражают воображение майя, культура которых достигла расцвета между IV и IX веками. Они жили на юге Мексики, на границе с современной Центральной Америкой. Майя в совершенстве постигли искусство и науку. Они имели глубокие знания в области математики и астрономии, возвели большие и прекрасные города, гробницы, храмы.

Просто невозможно описать удивительное археологическое богатство, любовно собранное и хранимое в музее! Второй его этаж представляет новую вереницу залов, где в натуральную величину воссозданы целые поселения различных народностей, преимущественно индейских, населяющих ныне Мексику.

Поражаешься яркости и красоте одежд, совершенству изделий народного искусства. Но постепенно за яркостью красок начинает проглядывать бедность, убогий быт. Хижины, крытые соломой, без окон, деревянные избушки, немудрящая утварь, примитивные орудия рыбной ловли и охоты. А ведь то, что показано в музее, дает представление о том, как живут и сейчас в далеких мексиканских деревнях.

После того как совершишь с помощью этой своеобразной машины времени путешествие сквозь века, требуется несколько часов, чтобы переварить увиденное и услышанное и снова окунуться в бурную жизнь мексиканской столицы. Лучше всего прогуляться по Чапультенеку, этому Булонскому лесу Мехико. Журчат фонтаны у входа в музей. Устремил в прошлое свой суровый взгляд Тлалок, древний бог дождя. По рассекающей парк Пасео де ла Реформа шелестят машины.

Бесконечные асфальтированные аллеи петляют сложным рисунком по гигантскому парку, излюбленному месту отдыха жителей Мехико. Могучие кедры распростерли свои зеленые руки над суетным миром Чапультепека. Тишину нарушают детские голоса, рокот автомобильных моторов, похожая на шарманку безостановочная музыка продавца мороженого...

Люди отдыхают. Отдых каждый понимает по-своему. Вот под деревьями расположилась, так сказать, типичная мексиканская семья: папа, мама и человек шесть детей (в мексиканских семьях

детей бывает много). Они едят большие лепешки, намазанные чем-то красным (я-то знаю, что это обжигает рот, как огонь!).

А вот несколько молодых людей играют в мяч. Прохаживаются пожилые пары. И конечно, влюбленные — неизменный атрибут каждого парка. Они останавливаются порой у дерева и, рискуя, подолгу целуются. Рискуя, так как в парке целоваться запрещено. Специальная полиция следит за этим.

Мои друзья приводят меня к маленькому уединенному озерцу, в центре которого заросший остров. На остров можно попасть лишь по своеобразному мосту — стволу гигантского кедра, на котором ейчас висит странное объявление: «Закрыто на ремонт». А рядом стоит удивительная избушка, сложенная из бревен. Бревна не отесаны, с сучками и без сучков-, их покрывает кора разного цвета. Лишь подойдя вплотную и обнаружив два-три отколовшихся куска «коры», понимаешь, что все сооружение сделано из камней и искусно имитировано под деревянное.

Меня ведут дальше, и вскоре я оказываюсь у одного из самых интересных памятников литературным персонажам. На возвышении тоненький фонтанчик, с двух сторон небольшие металлические скульптуры Дон Кихота, Санчо Пансы и четыре массивные скамьи. Эти скамьи сложены из изразцов, каждый из которых истинное произведение искусства: в красках воссоздана какая-нибудь сцена из гениального произведения Сервантеса. И изразцов таких... пятьсот!

Здесь же, на каменных полках, экземпляры книги — можно взять почитать.

По дороге, петляющей в гору, попадаю к замку. Когда-то, еще в XIII веке, ацтеки построили крепость, позже испанские вице-короли устроили там место отдыха. Кадеты военной школы героически сражались здесь в 1847 году с североамериканскими захватчиками, а император Максимилиан выстроил нынешний замок, который долгое время, вплоть до 1940 года, служил резиденцией мексиканских президентов от Диаса до Карденаса. Ныне президенты переселились в другой дворец, а в замке размещается Национальный музей истории. Кстати, помимо этого и Антропологического музея в парке Чапультепек находятся и Музей современного искусства и Музей естественной истории, открытый в 1964 году. Музей имеет необычный вид: он располагается в десятке обособленных павильонов, похожих на купола, соединенные вычурными крытыми коридорами. В старом Чапультепеке разместились также зоопарк и небольшой ботанический сад. Безразличные ко всему ослики и пони черепашьим шагом возят по аллеям маленьких пассажиров. Любители других средств передвижения имеют в своем распоряжении искусственное озеро с лодками и миниатюрную железную дорогу.

В центре Чапультепека бесчисленные аттракционы: карусели, вращающиеся колеса, гигантские «русские горки», которые у нас принято называть «американскими».

Дальше начинается новый Чапультепек. На берегах больших озер возвышаются роскошные рестораны. Привлекают внимание фонтаны. Их множество — вот бесконечная аллея, окаймленная фигурными струями, вот стена, вдоль которой, перемежаясь с красивыми водопадами, прочно вросли в землю огромные, выше человеческого роста, каменные головы мифологических героев. Вот четыре старинные башни и вновь плеск водных струй. А потом совсем уже невероятное сооружение. Это городской распределитель воды — невысокое красивое здание. Никаких оград, никакой охраны. Передо мной глубокий бассейн, сюда поступает вода и уходит к городским магистралям. Стою на смотровой площадке и не могу не восхищаться великолепными цветными фресками, покрывающими стены бассейна: инженеры, обсуждающие проект, рабочие, пробивающие туннель... А над отверстием, из которого в бассейн низвергаются струи, двухметровое рельефное изображение ладоней, полных воды.

Перед зданием мелкий, выложенный мозаикой бассейн. В нем колоссальная фигура, сложенная из тысяч различных камешков и представляющая собой фонтан. Голова этого мифического существа имеет два лица, на ладонях песчинки, каждая с футбольный мяч. Фигура бежит куда-то в неведомую даль, а вокруг, встав на скамейки, ее усиленно фотографируют досужие туристы.

Чапультепек не единственное место отдыха жителей мексиканской столицы. Есть еще, например, Шочимилько, что в переводе означает «место, где растут цветы».

В древние времена здесь жили шочимилькас, племя, пришедшее с севера. Племя двигалось все дальше на юг, спасаясь от набегов воинственных соседей, и в конце концов слилось с населением Теночтитлана. Жили шочимилькас рыболовством, рыбу они добывали удочкой, сетью, а также специальным приспособлением атл-атл. Это дощечка с выступом. С ее помощью метали дротики. Индейцы жили на крошечных островах, окруженных водой. Но постепенно они отвоевали у озера ни много ни мало 35 квадратных километров, возведя свои знаменитые чинампы, которые и сегодня можно наблюдать в Шочимилько. Они представляют собой прямоугольные плоты, сплетенные из камыша и покрытые землей. Ко дну озера плоты эти крепились корнями водяных растений, а к берегам — быстрорастущим кустарником. Постепенно озеро покрывалось целым лабиринтом этих плавучих островков, разделенных узкими каналами.

В древние времена шочимилькас торговали рыбой, сельскохозяйственными продуктами, а также драгоценными камнями и металлами. Франциско Клавихеро в книге «Античная история Мексики» рассказывает, что «большая водная торговля процветала на озере Мехико. Камень и строительный лес, рыба и зерно, овощи, фрукты и цветы перевозились по воде, и, по свидетельству некоторых авторов, более пятидесяти тысяч различных судов бороздили озеро».

Во время испанского нашествия шочимилькас сражались бок о бок с ацтеками. В первые годы после завоевания столицы ацтеков по каналу Вига, главной водной артерии, соединявшей Теночтитлан и Шочимилько, еще циркулировали лодки. Индейцы показали себя отличными гидротехниками— они умели направлять и распределять воду озера Чалько во время засухи и, наоборот, с помощью плотин отгораживались от озера Тескоко, которое в. дождливый период грозило затопить столицу.

И сегодня большая часть продаваемых в Мехико фруктов и овощей поступает с чинамп Шочимилько. А в воскресенье можно совершать романтические прогулки на красиво украшенных лодках, которые названы женскими именами. Живописно одетые лодочники длинными шестами с редким, искусством продвигают неуклюжие на вид посудины вдоль каналов. Слышны музыка и песни, продавщицы протягивают туристам цветы...

Однако вернемся к парку Чапультепек. Как уже говорилось, это не только место отдыха и развлечений, но и культурный центр. Помимо музеев здесь расположены три театра — «Гранеро», «Дельбоске», «Модерно», а также концертный зал. Этот театральный комплекс выходит на уже упоминавшуюся улицу Пасео де ла Реформа, или просто Реформа.

Реформа — пример архитектурных контрастов, которыми изобилует Мехико. Память о старой аллее, спроектированной еще во времена императора Максимилиана по образцу парижских Елисейских полей, живет в боковых аллеях, в столетних могучих деревьях и статуях, подлинном пантеоне национальных героев в сутанах и мундирах, выстроившихся вдоль улицы. Глоритас — круглые площади, расположенные на Реформе, украшены красивейшими монументами города: Золотым Ангелом независимости, статуями Куаутемока, Христофора Колумба, Карла IV...

Частные особняки и французские сады порфирианской эпохи * ныне исчезли. Их заменили огромные современные строения из мрамора и стекла, дорогие магазины, отели, рестораны.

Если от памятника Карлу IV свернуть направо, окажешься на авеню Хуарес. Слева останется гигантское, ярко иллюминированное по вечерам здание Национальной лотереи. К слову сказать, столь роскошное здание меня не удивило. Лотерейные билеты продаются в Мехико на каждом шагу и пользуются большим спросом.

Итак, авеню Хуарес. Прежде всего нужно сказать о парке Аламеда, этом осколке X1X века. Днем его аллеи заполняют няньки и мамы с детьми, строгие дамы с собачонками, а по вечерам на длинных скамейках находят приют все те же влюбленные. Я. обратил внимание на деликатность мексиканцев: как ни полно народу в парке, если на десятиметровой скамье сидит одна-единственная парочка, никто сюда уже не сядет.

* Порфирианская эпоха — эпоха правления диктатора Мексики Порфирио Диаса (последняя треть XIX и начало XX века).— *Прим. ред.*

Что касается уличных фотографов, то они далеки от деликатности: ослепляя вспышкой блица, торопливо суют вам в руку адрес, по которому, если захотите, можете завтра получить за десять песо изображение своей растерянной физиономии.

Далеки от деликатности и двое нищих, из которых один играет на шарманке, а другой, шаркая по песку рваными, но безукоризненно начищенными башмаками, ходит с протянутой шапкой.

Рядом с парком Аламеда величественный Дворец изящных искусств, напротив — еще более величественные отели и деловые здания.

Недалеко от пересечения улицы Хуарес с торговой магистралью Сан Хуан де Летран уходит в небо так называемая Латиноамериканская башня в 180 метров высотой. Небоскреб венчают закрытая и открытая смотровые площадки. В подзорные трубы можно обозревать окрестности, опустив в автомат монету.

Но как ни мощны трубы, весь Мехико в них не рассмотришь. Это поистине гигантский город, раскинувшийся на площади в полторы тысячи квадратных километров, с семью миллионами жителей, которые составляют почти пятнадцать процентов населения страны. Живописным хаосом предстают у подножия башни крыши отелей, банков, коммерческих компаний, магазинов. Одни из них венчают гаражи, и тогда крыша похожа на подушечку для рукоделия, утыканную цветными булавками — крошечными с высоты разноцветными машинами; иные крыши представляют собой сады — этакие зеленые кепки на высоких головах домов; но большей частью это бурое, черное, серое смешение труб, чердачных мансард, проводов, антенн и лестниц.

Бесконечным потоком мчатся по улицам три четверти миллиона столичных машин.

На верхушке Латиноамериканской башни громадные электрические цифры отсчитывают часы, минуты, секунды и стремительно мелькающие десятые доли секунды.

Где-то слева, пересекаясь у памятника Куаутемоку, пролегли Реформа и авеню Инсургентес, самая длинная, по утверждению мексиканцев, улица в мире — 36 километров, на ней есть дома, обозначенные четырехзначными номерами.

Кварталы Мехико распланированы, во всяком случае в центре, довольно аккуратными прямоугольниками, и улицы здесь почти все пересекаются под прямым углом. Удобно и другое — улицы целых районов имеют сходные по какому-нибудь признаку названия. Вот, скажем, рядом улицы Токио и Варшава, Толедо и Биарриц, Лондон и Генуя, Рим и Лиссабон, а вот улица Нил, за ней уяица Ганг, Миссисипи, Эльба, Марна, Нева, Амазонка, Рейн. Еще район: улицы Геродота, Мильтона, Гёте, Ренана. За парком Аламеда, словно Южная Америка начинается у его старых платанов, потянулись улицы, называющиеся Колумбией, Чили, Гватемалой, Венесуэлой, Уругваем...

Бесшумный быстрый лифт опускает меня с высоты небоскреба на грешную землю, и я продолжаю путь но улице Хуарес, а потом попадаю в район древних домов, некоторые из них. со своими резными фасадами сохранились со времен совсем седой старины.

И вот я на Сокало, или площади Конституции,— центральной в мексиканской столице и самой просторной, по утверждению местных жителей, площади в мире.

Когда-то здесь был парк, а ныне огромный, пустой квадрат. В центре его собирались воздвигнуть монумент Свободы и приготовили для него цоколь (отсюда название площади). Впрочем, теперь нет и цоколя.

Площадь окаймляют величественные здания. Президентский дворец, очень длинный по фасаду, выстроен из бурого камня. Над окнами малиновые маркизы*, у ворот — часовые. Можно зайти внутрь и полюбоваться великолепными фресками на галереях. Над дворцом в башенке колокол, который звонит раз в год.

Слева от дворца знаменитый собор, воздвигнутый на том месте, где некогда находился храм бога войны Уицилопочтли. Нынешний собор был заложен в 1576 году и в процессе строительства без конца переделывался. Он, живая история испано-американской архитектуры, носит следы самых различных стилей. Его массивные башни, суровый фасад, вычурная часовня, балюстрады и колокольня, пристроенные в XVIII веке,— все это представляет сегодня величественный ансамбль, перед которым останавливаешься в задумчивости, уносясь мыслями в прошлое.

Впрочем, о новых временах напоминают магазины — ну, скажем, обувные, «Канада»,— нагло вторгающиеся современной рекламой в древний мир.

По вечерам площадь Сокало, дворец, собор, сад очень эффектно подсвечиваются. Весь этот район называется Примера кварта — Первый квартал, хотя сразу же за дворцом начинается лабиринт глухих подозрительных переулков.

Центральная часть Мехико, окружающая Сокало,— целое скопище магазинов, лавок, маленьких отелей, кинотеатров, кафе, ресторанов, «сентро ноктурно» — ночных кабаре. На многих улицах здесь одностороннее движение. В Мехико оно крайне интенсивно. Машин много — утверждают, что более миллиона, но если верить официальной статистике, эту цифру следует сократить до семисот пятидесяти тысяч. Автомобильный парк представляет весьма пеструю картину — начиная от «кадиллака», похожего на линкор, и кончая старой моделью «москвича». Много машин американских, французских, японских, западногерманских.

Мексиканцы любят украшать свои автомобили. Вот едет «фольксваген», покрашенный, как зебра, извивающимися черно-белыми полосами, вот «фиат» голубого цвета с разбросанными там и сям

* Маркиза — матерчатый навес над окном или балконом для защиты от солнца.— *Прим. ред.*

желтыми маргаритками, а вот новые такси, оранжевые и красные. Впрочем, старые такси еще более живописны — они зеленого цвет та, и вместо шашек на бортах изображены треугольники, похожие на клыки. За это такси прозвали «кокодрильо» — крокодил.

Но даже те машины, что остаются первоначального заводского цвета, бывают «красиво» оформлены. На антеннах развеваются вымпелы, приборную доску украшают фотографии жены, детей, родителей или красоток; многочисленные фигурки — тигры, леопарды, крокодилы находят пристанище у оконных стекол.

Что касается автомобильных сигналов, то, конечно, ничего общего с обычными они не имеют. Тут и бас, и тенор, и дискант, и целые рулады и даже мотивы из оперетт, маршей. Когда же по улице движется какая-нибудь знаменитость и автомобилисты обнаруживают это, возникает настоящая какофония.

Нельзя сказать, чтобы принимались все меры для упорядочения уличного движения. Например, бесчисленные продавцы газет (большей частью мальчишки, но порой и старые женщины), рискуя жизнью, носятся посреди улицы, в самой гуще транспортного потока, протягивая свои листки автомобилистам.

Однажды в самом центре, на улице Хуарес у парка Аламеда, я видел такую картину. Уличный продавец игрушек-вертолетов, рекламируя свой товар, запускал их в воздух, а его помощник буквально из-под колес несущихся машин выхватывал крылатые игрушки.

У светофоров приходится ждать очень долго. Порой можно встретить довольно странное приспособление для регулирования уличного движения, рассчитанное, видимо, на мексиканский темперамент. Там, где надо замедлить скорость (и где никто, разумеется, не обратил бы внимания ни на какие мигалки или предупредительные знаки), поперек улицы врыты чугунные бамбушки — волей-неволей водитель вынужден притормозить и медленно переваливать через препятствия. Мексиканцы прозвали это сооружение «мертвым полицейским».

С огромной скоростью по городу несутся автобусы, медленно тащатся троллейбусы и трамваи, лавируют такси, катят беспрерывной вереницей частные экипажи... А над городом висит бурая плотная пелена смога, основную часть которого составляют выхлопные газы. Когда долго походишь по улицам, с непривычки режет глаза.

Мехико не такой уж древний город: его история не насчитывает и шести веков. Зато он может похвастать другим — стремительным развитием, особенно за последние годы. Так, если в начале века Мехико занимал площадь в 25 квадратных километров и имел население 350 тысяч человек, то в 1930 году площадь его удвоилась, а население выросло почти в четыре раза; в 1960 году

город занимал уже 300 квадратных километров и имел пятимиллионное население. О нынешних его масштабах говорилось выше.

Почему же мексиканская столица раскинулась на столь огромной площади? Это объясняется глубоко укоренившимся у обитателей города страхом перед землетрясениями. В прежние годы здесь не осмеливались строить здания выше двух этажей. К этому следует прибавить традиционную приверженность мексиканцев к «своей крыше», заставлявшую их возводить на месте прежних «асиенд» небольшие, но зато «свои» домики.

Все это, естественно, вызывало немало трудностей с прокладкой различных коммуникаций, городским транспортом.

В двадцатые годы успехи строительной техники значительно снизили сейсмическую опасность. В 1926 году Национальный дворец вырос на один этаж. Дома начинают стремительно тянуться к небу. В то же время богачи стараются покинуть шумный центр и перебраться в роскошные кварталы улиц Хаурес и Рома или Пасео де ла Реформа. Расширение городских торговых зон заставляет аристократию бежать еще дальше — в Чапультепек, в сады Педрегаль.

Что касается среднего класса, то на его долго остались маленькие домишки и дешевые квартиры в больших домах, городских кварталов.

Но конечно, в самом незавидном положении оказались десятки тысяч бедняков. Их местожительство — фавелы, эти чудовищные лишаи, уродующие лица самых красивых, городов Латинской Америки. Словно струпья, покрывают фавелы травянистые пустыри вдоль великолепного шоссе — Периферического кольца. Это мрачные лачуги, сложенные из камней, битого кирпича, фанерных и железных листов, здесь вечно треплется на ветру застиранное белье — грустные знамена бедняцких армий, здесь нет ни электричества, ни газа, ни канализации, ни воды.

Во время Олимпийских игр 1908 года какая-то химическая фирма одарила от щедрот своих население фавел несколькими цистернами красок. Было что-то невыразимо трогательное и в то же время горькое в том, как бедняки-мексиканцы старательно раскрасили голубой, розовой краской жалкие лачуги, пытаясь хоть как-то прикрыть перед съехавшимися в город гостями-олимпийцами свою нищету.

Как бы город ни рос, для этих отверженных все равно не будет в нем места, и не случайно район бедняков (хотя и не тех, что обитают в фавелах), расположенный невдалеке от Чапультепека, называют городом потерянных людей.

А Мехико все растет и ширится. Особенно развиваются такие торговые районы, как Сап Хуан де Летран, Такуба, Мадеро, Чинко де Майо, где личные особняки постепенно превращаются в магазины.

Периферическое кольцо связывает центр с южным концом Улицы Инсургентес, где во время XIX Олимпиады была располо-

жена олимпийская деревня. Эта новостройка, состоящая из 29 десятиэтажных домов и подсобных помещений, во время игр приютила спортсменов, а затем: ее заселили чиновники. В той же стороне возник район Коапа, где жили спортивные судьи и делегаты конгрессов международных федераций.

Новостройки эти далеки от совершенства: в квартирах низкие потолки, совмещенные санузлы, газовые колонки, тонкие стены, пропускающие любой звук. А между тем четырехкомнатная квартира обходится в 750 песо (12,5 песо равно одному американскому доллару), сумма для мексиканца весьма значительная. В «Дистрито федераль», то есть в Большом Мехико (где уровень жизни, безусловно, выше, чем в остальной части страны), более 50 процентов семей имеют доход меньше полутора тысяч песо и лишь около 3 процентов — более 10 тысяч песо в год. Среди последних подавляющее большинство — крупные чиновники, бизнесмены, коммерсанты.

Кстати, о коммерсантах. Среди них есть, конечно, владельцы гигантских магазинов и отелей, роскошных ресторанов и кабаре, но у многих вся «коммерческая площадь» занимает два квадратных метра. Например, в рассеянных по городу многочисленных рынках сувениров. Это здания со многими коридорами, с обеих сторон которых устроены ниши или установлены лотки. Когда подходит покупатель, хозяин вынужден отойти, так как двоим уже тесно. Чего только здесь нет! Нефритовые, ониксовые, обсидиановые фигурки богов, пепельницы, ацтекские календари из зеленого ноздреватого камня, соломенные распятия, ритуальные маски, деревянные дон кихоты, тяжелые плащи — серапе, сумки из кожи крокодилов и ящериц, бесчисленные кольца, запонки, брелоки, брошки, браслеты из серебра, меди, перламутра...

Продавцы, глядя в глаза покупателю чистым и ясным взором, мгновенно заламывают за свой товар несусветную цену и так же легко снижают ее в два, три, четыре раза. Активнейшее участие в торговле принимают дети. Они суетятся, кричат, тащат покупателя от товара к товару, хватают за рукав или полу, стремясь удержать.

Сувенирная промышленность — одна из самых значительных статей туристического бизнеса. В страну ежегодно приезжает около полутора миллионов туристов, почти сплошь американцев. Они оставляют здесь почти миллиард долларов. Причем если на питание расходуется около 20 процентов этих денег, то на приобретение сувениров — 20 процентов!

Как-то я разговорился с мексиканской девушкой. Юный возраст не мешал ей быть владелицей лавки сувениров (каковую она получила в подарок от своего богатого папаши). Девушка рассказала, что дважды в год уезжает куда-нибудь в джунгли, где по дешевке закупает у индейцев-умельцев всевозможные безделушки, которые потом продает иностранным туристам в Мехико втридорога.

На Инсургентес помещается всемирно известный университет, или, как он официально называется, Национальный автономный

университет Мехико. Но жители столицы называют его более точно — университетским городом, настолько он велик.

В полутора десятках километрах от этого города, невдалеке от президентского дворца, приютился древний двухэтажный дом с неглубокими длинными балконами без всяких украшений. В сентябре 1551 года Карл V издал декрет об учреждении Королевского и Панского университета Мехико. Через полтора года начались занятия в этом первом на Американском континенте университете. Здесь преподавали латынь, риторику, грамматику, право, теологию, толкование Священного писания, философию, языки. Позже в этом здании разместили Национальную консерваторию. А университет переехал на улицу Инсургентес.

О его размерах говорят хотя бы такие цифры: спортивный комплекс включает гигантский стадион на 100 тысяч мест, украшенный монументальными фресками Диего де Риверы. На этом стадионе состоялись открытие и закрытие XIX Олимпийских игр, соревнования по легкой атлетике. И комплекс входят 60 футбольных полей и столько же баскетбольных и волейбольных площадок, четыре огромные, сложенные из камней пирамиды для игры в пелоту, бассейн, фехтовальный и тяжелоатлетический залы.

Университет занимает колоссальную территорию с множеством зданий, среди которых особенно знаменита библиотека. Все фасады этого десятиэтажного, почти безоконного, видного издалека строения сплошь покрыты цветной каменной мозаикой, повествующей об истории Мексики. Автор мозаики — художник и архитектор Хуан О'Горман. Можно часами рассматривать это своеобразное произведение искусства. На северном фасаде, например, художник изобразил божества «доиспанской» мифологии, орла, пожирающего змею, что символизирует рождение Теночтитлана-Мехико, миры Птолемея и Коперника, сцены борьбы за независимость...

Даже история Олимпийских игр и эпизоды из современной мексиканской жизни нашли свое место в этой величественной картине.

Число студентов, обучающихся в университете (как и все, что касается точных цифр в Мексике), даже в официальных справочниках варьируется в весьма широких пределах. Наиболее точной следует, видимо, считать цифру 75 тысяч, что делает университет в Мехико крупнейшим в мире. За обучение приходится платить довольно дорого, и студенты в значительной части — дети обеспеченных родителей. Много учащихся из других стран Латинской Америки.

Другое крупное высшее учебное заведение мексиканской столицы — политехнический институт, где обучается около 65 тысяч человек.

Три огромные чаши подобно потухшим вулканам возвышаются над Мехико: университетский стадион, стадион «Ацтека», предна-

значенный лишь для футбольных игр, где богачи за несусветные деньги арендуют на 99 лет ложи из трех комнат, с ванными, кухнями и цветными телевизорами, и арена для корриды.

После футбола коррида наиболее популярное зрелище в Мексике. Корриды происходят по субботам и воскресеньям и вызывают большой ажиотаж. Все подступы к арене заполнены толпой. Вовсю идет торговля жареным мясом, лепешками, овощами, фруктами и кока-колой, сотни продавцов бумажных бандерилий, бычков из папье-маше, сомбреро, накидок, брелоков, изображающих рога, скользят в толпе подобно лодочникам из Шочимилько и громогласно расхваливают свой товар. Горят свечи и фонарики, звучит бравурная музыка, орут мальчишки — продавцы газет. С вытаращенными глазами, плотно прижавшись друг к другу, люди атакуют кассы. Впрочем, у касс, где продаются дорогие билеты, людей немного.

Вокруг арены возвышаются великолепные скульптуры быков и торреро в натуральную величину. Снаружи арена поднимается над землей, примерно как московский стадион «Динамо». И только войдя внутрь, понимаешь, насколько она колоссальна — подобно гигантской воронке уходит глубоко в землю. С верхних рядов бык, наверное, напоминает таракана. Арена для корриды в Мехико самая большая (разумеется!) в мире. Она вмещает 125 тысяч человек, а один восторженный болельщик, сидевший со мной рядом, сообщил мне даже, что 160 тысяч! И я склонен ему верить.

Первые десять рядов выкрашены в красный цвет, следующие двадцать —- в зеленый, далее идут желтые, серые ряды. Есть и галерея лож. Цены колеблются от нескольких долларов до трех песо, что доступно любому.

Вокруг арены, но бортам галереи, над верхними рядами — сплошь реклама. Рекорд нахальства побивает кока-кола. Шестиметровая бутылка знаменитого напитка, сделанная из папье-маше, высится посредине посыпанной золотистым песком арены.

Пока зрители занимают места, играет оркестр. Бутылка, с помощью спрятанных в ней людей, «обходит» арену и исчезает в воротах. Машина, внося своим современным видом диссонанс в предстоящее зрелище, колесит по арене, развозя песок. Ето разгребают похожие на цирковых униформисты в белых штанах, красных с золотом куртках и каскетках.

После паузы начинается парад куадрильи. Впереди на лошадях пикадоры с длинными пиками. Далее эффектно выступают бандерильеро, матадоры... Они в ярких одеждах, черных треуголках, огромных беретах. Все сверкает и переливается в лучах веселого солнца, благосклонного, как и толпа, к этим героям и равнодушного к судьбе быка, томящегося где-то в темном стойле под огромной, жаждущей крови ареной и чувствующего (ведь чувствующего!), что его ждет.

Снова пауза. Но вот публика взрывается криком: на арену стремительно выбегает бык — черный, с небольшим клеймом. Загривок рассечен ножом, чтобы, как мне объяснили, сделать быка злее. Сначала он осматривается. Тогда его начинают гонять. Иного слова не подберешь. Матадоры, держа в руках малиновые плащи, во всех направлениях движутся по арене, дразня животное. Сами они в зеленом (их счастье, что быки не страдают дальтонизмом).

Бык бросается то налево, то направо, преследуя неуловимое малиновое полотнище, но всегда оказывается перед пустотой — матадор успевает отбежать, а в крайнем случае скрыться за щитами, выдвинутыми на полметра перед оградой.

Когда бык совсем: ошалеет, на арену выезжают пикадоры на своих лошадях, бока которых защищены толстыми зелеными подушками. У лошадей, чтобы они не боялись, завязаны глаза. Когда бык, не всегда с охотой, начинает поддевать подушки рогами, пикадоры вонзают ему пики в загривок и отталкивают. Черная, сверкающая спина быка окрашивается темной кровью. При малейшей опасности для лошадей быка снова отвлекают матадоры.

Выходят бандерильеро — с моей точки зрения, единственные, кто действительно рискует в этой игре. Вооруженные тонкими стальными острогами, они устремляются навстречу быку. В каком-то месте пути их пересекаются, и, ловко воткнув быку в загривок бандерильи — одну левой, другую правой рукой,— бандерильеро отскакивают в сторону. Иногда бандерильи падают на песок, и зрители недовольно гудят. Но большей частью они втыкаются в живое мясо и колышутся при малейшем движении животного, так как специальный зубец не дает им выпасть. Бык становится похож на свое изображение из папье-маше, продающееся у входа: цветные ленты полдюжины бандерилий вьются за ним., стальные клинки поблескивают на солнце. Только на бычках из папье-маше почему-то не бывает густой красной крови, заливающей черную спину...

Но вот под восторженные крики и аплодисменты выбегает главный герой представления — торреро. Его костюм: весь в золоте и серебре. Он держит шпагу и алое полотнище. Торреро начинает один на один игру с измотанным, окровавленным быком, у которого уже вся спина рассечена. Он уже не осматривается, он затравленно озирается, и порой торреро приходится подолгу вызывать его на бон. Бык тупо устремляется на полотнище, а торреро, принимая эффектные позы, пропускает быка мимо себя, иногда поворачивается к нему спиной, даже становится на колено. Публика при каждом эффектном движении торреро кричит «Оле!».

Наконец торреро выбирает момент и сильным и точным ударом шпаги поражает быка в спинной мозг. Животное замертво падает. Зрители ревут от восторга, а герою преподносят, как знак признания высшего мастерства, отрезанное бычье ухо.

К сожалению, так бывает редко. Как правило, торреро раза три-четыре вонзает свою шпагу. Иногда бык ее сбрасывает, иногда она болтается, вонзившись не в то место. Выбегают матадоры

и отвлекают быка, пока торреро под улюлюканье толпы бежит за новой шпагой. После нескольких ударов бык в конце концов падает на колени и валится на бок. Трусливо, каждую минуту готовый отскочить в сторону, к нему подбирается униформист и добивает ударом ножа. Под бравурную музыку выезжает тройка лошадей, на этот раз без подушек. К упряжке привязывают мертвую тушу и уволакивают с арены.

В каждой корриде убивают шесть быков.

Спору нет, как и во всяком деле, есть мастера высшего класса, искуснейшие торреро, исполняющие целый балет, сам по себе красивый, уж не говоря о том, что это происходит в непосредственной близости от рогов быка. Порой бык пропарывает подушку и валит лошадь или поддевает на рог зазевавшегося торреро.

И все же уж очень неравны положения сторон. Уж очень замучивают, затравливают животное, прежде чем торреро вступает с ним в последний поединок. Думаю, что вряд ли такое зрелище можно назвать привлекательным. И уж во всяком случае оно неспортивно.

Говорят, что к корриде никто не относится равнодушно. Или ею восхищаются, или возмущаются.

Я же остался равнодушным.

Что касается мексиканцев, то, наверное, я ошибся, когда сказал, что футбольный стадион и арена для корриды возвышаются над Мехико подобно потухшим вулканам. Вулканам — да, но не потухшим...

Скорее, в самый разгар извержения!

Глядя на очертания Мексики на географической карте, многие сравнивают ее с рогом изобилия. И это действительно так. Вот цифры и факты. Мексика — первый производитель в мире серебра, ванили, третий — серы, пятый —кукурузы, второй мировой экспортер хлопка, сахара, третий — креветок, четвертый — помидоров.

Мексика производит ежегодно около 27 миллионов тонн сахара, 1,5 миллиона тони хлопка, 9 миллионов тонн кукурузы, 2,5 миллиона тонн зерновых, 1 миллион тонн бананов, 570 тысяч тонн помидоров. В стране ежегодно добывают 5,5 тонны золота, 1249 тонн серебра, около 62 тысяч тонн меди.

Население страны в 1967 году составляло 45 миллионов человек, в том числе 26 миллионов городского.

Экономически активных (то есть работающих) около 15 миллионов. 7 миллионов занято в сельском хозяйстве, 3,5 — в промышленности, более 3,5 миллиона — в торговле и обслуживании.

Эти цифры достаточно красноречивы.

Мексика — рог изобилия. Но все дело в том, в чьи руки оно попадает.

Помимо Мехико мне довелось побывать и в других городах страны. Пуэбла — город, расположенный в 133 километрах к

юго-востоку от столицы, почти на той же высоте (2162 метра над уровнем моря). Впрочем, чтобы добраться туда, необходимо перевалить через Сьерра-Мадре Ориенталь — 2800 метров. Кое-где даже есть снежок, дорога опасна. То и дело встречаешь потемневшие от времени и непогоды алтари с деревянными или каменными распятиями, богоматерью, святыми. Колышется на ветру язычок огня над тонкой свечкой.

Алтари установлены там, где были особенно большие аварии, и набожные водители молятся у распятия и, умиротворенные, отправляются дальше по опасной дороге.

Она петляет. Уносятся назад кактусы, из которых делается пульке (сорт водки), хвойные леса, встречные ослики с веселыми мальчишками на спине.

Иногда эта старая дорога, называемая «либре», то есть «свободная» (иначе говоря, бесплатная), проходит совсем рядом с новой автострадой — платной. Чтобы ехать по автостраде, следует заплатить восемь песо. Покидая автостраду, платят еще столько же.

По пути встречаются самые различные сооружения. Вот молочный завод, напоминающий старинный замок. Здесь обслуживающая Мехико «молочная зона», о чем кроме завода свидетельствуют многочисленные коровы, неторопливо разгуливающие по обочине. То и дело встречаешь необычный дорожный знак, на котором изображено это животное. А вот печи для обжига кирпича методами прошлого века. И рядом ультрасовременное текстильное предприятие.

Уплывает вдаль огромный холм. В покрывающем его кустарнике выстрижены гигантские, видные за километр, буквы «ТВ ВОЛВО ТВ» — марка телевизоров.

Минуем Рио Фрио — «холодную речку»,— границу между штатами Мехико (вернее, федеральным округом) и Пуэбла.

Справа вдали видны закрытые облаками два знаменитых мексиканских вулкана — Попокатепетль и Истаксиуатль (Попо и Иста). Высота — 6500 метров.

Легенда гласит, что некий ацтекский царь готов был отдать руку дочери незнатному Попокатепетлю, если тот победит врагов царя. Попокатепетль отправился в поход и разгромил врагов. Но, ожидая его, дочь царя умерла от тоски. Вернувшись, Попокатепетль поднял тело любимой на руки, накрыл его белым саваном и унес на гору. Рядом он насыпал другую гору и сел там с факелом в руке, чтобы охранять покой умершей.

Действительно, вершина Исты напоминает женскую фигуру, укрытую снежным саваном.

Слева видна другая, напоминающая потухший вулкан гора — Малинче. И о ней сложена легенда. Малинче была индеанкой, но стала любовницей и переводчицей Кортеса. Ее имя — синоним предательства. Гора расположена на плохой, бесплодной земле, и поэтому ее назвали этим именем.

Проезжаем городок Тексмелукан, знаменитый своим собором с колоколами, хотя стоящая напротив желто-розовая церковь мне кажется куда красивей с ее каменными кружевами. По центральной площади городка в воскресенье гуляют юноши и девушки, каждые в определенном направлении. Приглядываются. Выбирают друг друга. Выбрав, садятся на одну из покрытых изразцами скамей. Если выбранная (или выбранный) подсядут, значит, дело в шляпе — можно пожелать им счастья.

Порой вдоль дороги встречаются продавцы фруктов (весь район знаменит яблоками). Продавцы молча сидят, разложив перед собой тщательно составленные кучки фруктов,— ждут проезжих покупателей.

На пути встречаем город Чолула. Он интересен тем, что в нем ни много ни мало 365 церквей, по одной на каждый день года (кроме високосного)! В городе не увидишь не только мини-юбки, но даже юбки до колен, зато много монашеских одежд.

Вылезаю из машины и застываю от удивления. Куда ни кинешь взгляд — невысокие зеленые холмы, на которых из-за старинных, домов, из-за густых садов поднимаются церкви. И какие! Не провинциальные церквушки, а настоящие соборы, огромные, дивной архитектуры, с высоченными колокольнями...

Чолула был одним из первых городов, где испанские завоеватели, утверждая свое владычество над ацтекскими землями, строили церкви. Ацтекские храмы тщательно разрушали, стирали с лица земли. Но на окраине Чолулы я нашел древнюю пирамиду, ныне раскопанную и открытую для посещения. Гиды усиленно зазывают в лабиринт ее тускло освещенных прохладных коридоров. Пирамида была открыта случайно в холме, на котором возвышается большая церковь.

В Чолуле говорят не только на испанском, но и на нахуатл — языке ацтеков. А вот и Пуэбла. По официальной статистике, здесь 376 тысяч жителей. Прежде всего еду осматривать известный во всем мире собор Пуэбла де лос Ангелес — величественный и прекрасный, построенный в XVI веке. Он окружен зеленой металлической оградой, на каждом из столбов которой литое изображение ангела.

Город выстроен в простом и ясном порфирианском стиле, а не вычурном колониальном. Большинство домов двух-, трехэтажные. Прямые, ровные кварталы. Знакомые названия главных улиц, Хуарес например, которая есть в каждом мексиканском городе.

В Пуэбла имеют виллы многие богатые жители столицы, сюда приезжают туристы. Но здесь есть и промышленные предприятия. На окраине города расположен, например, колоссальный сборочный завод автомобильной фирмы «Фольксваген» — весь белый, окруженный бетонными столбами с колючей проволокой.

Вьется над мексиканской землей флаг фирмы:, и огромный щит скромно сообщает: ««Фольксваген» — автомобиль мексиканского будущего!»

Жаль, если мексиканское будущее зависит от далеких заокеанских или даже рядом расположенных стран.

Вблизи завода находится своеобразное заведение. Пустырь. На нем, как мне вначале показалось, небольшие, в рост человека, склепы. Но оказалось, что это макеты церквей строительной фирмы. Приходишь и по макету заказываешь... церковь.

В следующий раз я совершил поездку в Акапулько — город-курорт, расположенный в четырехстах километрах от Мехико на берегу Тихого океана. Туда тоже ведут две дороги — старая, бесплатная и новая — платная.

Акапулько вытянулся по берегам залива. Его высота над уровнем моря... два метра. Зато среднегодовая температура 27° по Цельсию. Поэтому и в последние дни октября, когда я там был, стояла невыносимая жара при высокой влажности воздуха. Было трудно дышать.

Повсюду за сочной растительностью, за красивыми оградами возвышаются роскошные отели, виллы, особняки. Здесь много дорогих ресторанов, магазинов, кабаре. На великолепных пляжах в «сезон» нет места. Обычная космополитическая (здесь — с сильным американским оттенком) роскошная публика. Шорты, купальники, экстравагантные туалеты, белые смокинги и морские мундиры.

В Акапулько красивое море, красивый закат и красивая жизнь для тех, кто имеет большие деньги.

Но для постоянных жителей — а их здесь около 80 тысяч, и заняты они главным образом тем, что обслуживают приезжих,— жизнь так же тяжела, как влажный воздух, так же невыносима, как летняя жара, так же беспросветна, как штормовое небо. Из всех зрелищ туристов больше всего привлекает «смертельный прыжок». Судьба полутора десятков бедняков, ежевечерне рискующих жизнью, прыгая в океан с 38-метровой скалы за 12 долларов, просто трагична. Риск огромен, вознаграждение мизерно. Доход же отеля и ресторана, монополизировавших свое право на это зрелище, весьма значителен.

В Акапулько ходят огромные автобусы, снабженные кондиционерами, душем, буфетом и т. д. Словно гигантские серые болиды, сверкая фарами, всевозможными отличительными знаками и зеркальными окнами, они мчатся с невиданной скоростью, позволяя туристам, развалившимся в удобных креслах, любоваться пейзажем.

А пейзаж действительно красив. Выехав из столицы, поднимаешься в горы.. И видишь, на этот раз слева, удивительно четкие в свете ясного утра Попо и Исту. По уходящей за горизонт зеленой равнине вьются дороги, сверкают луга, темнеют лесочки, тут и там вздымаются зеленые холмы, увенчанные заросшими кратерами.

А позади остается гигантский Мехико, бело-розовый, желто-серый, без конца и без края, с нависшей над ним ржаво-бурой

необъятной тучей смога. Недаром сказал поэт: «В Мехико дымное небо, пыльные звезды...»

Но отсюда, с этой все выше и выше уходящей дороги, небо кажется синим-синим, а ночные звезды на обратном пути будут яркими, сочными, крупными, словно россыпь бриллиантов на бархатном прилавке ювелира с улицы Хуарес...

Многое можно увидеть на пути из Мехико к океану.

Рощи кедров и пихт сменяют луга желтых полевых цветов, раскинувшихся такими густыми коврами, что кажется, будто их высадили нарочно, а в открытое окно машины с ветром залетают медвяные запахи хвои, аромат зеленых долин, дальних гор, нагретой солнцем травы...

Холмистые долины, скалы, стога соломы, сахарный тростник, пестрые деревушки, хижины мелькают, словно в калейдоскопе.

Куда-то в чащи уходят кривые тропки. У начала одной из них старая индеанка с морщинистым лицом дремлет у костра. Кто знает, не сидела ли ее прапрабабушка вот так же, когда по этому в те времена каменистому и пыльному пути шли воины Кортеса? С тех пор многое изменилось, и по дороге мимо сморщенной индеанки проезжают иные завоеватели — не утомленные испанские воины: в латах, с мушкетами, а американские туристы с фотоаппаратами и кинокамерами.

А может, изменилось не так уж много?..

Куэрнавака — город, где мексиканцы любят отдыхать. Здесь много красивых вилл с белыми стенами, красными крышами, зелеными газонами и ажурными оградами.

Дорога идет через перевалы. Например, там, где кончается федеральный округ Мехико и начинается штат Морелос, высота — 3200 метров над уровнем моря.

На дорогу, прямо под колеса автомобиля, выбегают босые мальчишки и девчонки. На длинных палках они протягивают какие-то черные блестящие предметы. При ближайшем рассмотрении выясняется, что это маленькие, только что убитые крокодильчики, до которых охочи туристы.

Словом, много интересного. Я хочу рассказать еще лишь о Ташко. Это древний город шахтеров, ныне национальный заповедник. Здесь запрещено строительство, могущее изменить архитектурный облик города. Ташко расположен уступами на склонах гор, и верхний этаж одного дома может вполне оказаться ниже первого этажа другого.

Улицы бегут вверх-вниз, петляют, извиваются, перемежаются лестницами... На них выходят двери магазинов, маленьких кафе, какие-то узкие входы, ведущие в глубину двориков. В самой высокой точке города — площадь. Она окружена ресторанами, лавчонками. На нее выходит и церковь Сайта Приска, поднявшая свои сорокаметровьте колокольни, словно сделанные из розового крема,— так многообразна, обильна и пластична украшающая их лепка. Церковь считается одним из величайших образцов барокко.

За церковью самый удивительный рынок, какие мне приходилось видеть. Даже «улицы» североафриканских медин кажутся шоссе по сравнению с этими немыслимой узости коридорами, извивающимися не только в горизонтальном, но и вертикальном направлении — то круто спускаются вниз, то вздымаются в тору.

Их ширина полтора-два метра, но продавцы умудряются сидеть по обе стороны этих переулков, разложив свои товары, а покупатели, преобразившись в акробатов, движутся между продавцами.

Торгуют овощами и фруктами, орехами и какими-то зернами, кореньями и ракушками. Продаются цветы и веники, плетеные корзинки и циновки. Продаются глиняные статуэтки, старые замки, разные украшения, жевательная резинка, батарейки для карманных фонарей, бритвенные лезвия.

Но главное в Ташко — это магазины серебряных изделий, ибо этот город один из главных центров Мексики, где обрабатывается серебро, где благодаря умелым рукам мастеров из сверкающего белого драгоценного металла возникают вещи поразительной красоты.

Десятки магазинов, больших и малых, лавок и лавчонок широко открывают свои двери заезжим туристам. Они расположены не в кривых улочках. К ним можно подъехать на машинах. Внутри царят тишина и прохлада, есть мягкие кресла, чтобы отдохнуть. Вам подадут кофе и кока-колу и будут разговаривать по-английски и по-французски...

Серебряная индустрия в Мексике занимает настолько важное место, что о ней необходимо сказать подробнее.

Народные умельцы майя, ацтеки, инки с незапамятных времен творили подлинные чудеса из золота и серебра. Они могли отлить одним куском великолепное изображение рыбы, причем чешуйки ее, перемежаясь, были сделаны из золота и серебра. Имеются сведения о гигантских резных дисках величиной с колесо повозки — один из серебра, другой из золота, которые были позже переплавлены в монеты:. В 1520 году Кортес сообщал Карлу V о золотых и серебряных дарах Монтесумы: «Помимо их ценности, они столь великолепны и такого качества, что их оригинальность и неповторимость делают их бесценными».

И сейчас множество замечательных золотых и серебряных изделий доисшшских времен хранится в мексиканских музеях. Мне довелось, например, видеть в Антропологическом музее маски, перстни, серьги, кольца для губ, иерархические украшения, блюда.

Индейцы высоко ценили искусство своих мастеров и относились к ним с большим уважением.

Литейщики и ювелиры составляли могучую корпорацию... Ее покровителем считался бог Шопе-Тотек, в его честь устраивали ежегодные празднества.

После захвата страны испанцами добыча и обработка драгоценных металлов стали индустрией номер один. Конкистадоры

жадно и хищнически эксплуатировали залежи золота и серебра. Мексика по существу поставляла большую часть необходимого для международной экономики серебра. В 1760 году была открыта жила Валенсиана в Гуанахуата, которая сделала Мексику первым: производителем серебра в мире.

Росло и искусство ювелиров. Обогащенные опытом своих европейских коллег, индейцы добивались в обработке драгоценных металлов все большего совершенства.

Слияние испанского и ацтекского искусства в обработке серебра, в изготовлении ювелирных предметов породило ту неповторимую оригинальность мексиканских изделий, которая до сих пор удивляет знатоков.

В Мексике весьма много городов, где занимаются производством серебряных изделий: Мехико, Гвадалахара, Монтеррей, Игуала, Мерида, Оахака. Но наиболее известный во всем мире «город серебра» — Ташко. Здесь в 1936 году некий Вильям Спратлинг открыл мастерскую, создал специальную школу и организовал ежегодные конкурсы, которые позже превратились в ярмарки.

Сейчас появилось много новшеств, часть из которых возрождает древнейшие традиции: вновь в моде «ацтекская мозаика», для которой используют бирюзу, малахит, комбинации из нескольких, драгоценных или цветных металлов. Употребляются птичьи перья, черный оникс, перламутр.

Мексиканское серебро — высшей пробы (0,925). На всех изделиях стоят марки, указывающие изготовителя, качество металла, а также печать Палаты мер и весов, гарантирующую пробу,— силуэт орла с распростертыми крыльями.

Магазины Ташко, право же, нелегко покинуть. Чудесные сервизы, винные чарки и графины, салатницы и пепельницы, блюда, подсвечники, лампы, соусники, солонки, кофейные и чайные наборы, фигурки, кольца, ожерелья, браслеты! Просто глаза разбегаются от этих сверкающих, слепящих глаза шедевров... Путешествие в Ташко оставляет одно из самых ярких впечатлений от Мексики.

Но как ни сверкает мексиканское серебро, как ни ярки пейзажи, они не в силах скрыть чудовищной нищеты мексиканской деревни, зияющих ран — городских фавел, где без света, без воды, в дырявых, сложенных из камней, фанеры хижинах живут в двух шагах от роскошной Реформы десятки тысяч 'бедняков.

Те немногие (но не худшие) деревни, что я повидал, оставляют тягостное впечатление. А они ведь расположены, так сказать, в туристской зоне. Что же тогда в других районах?

О Мехико можно писать без конца. Яркий, как серапе, красивый, как сомбреро, звучный, как песни марьячес, шумный, как футбольный стадион, этот город не может изгладиться из памяти.

Жители столицы — веселые, темпераментные, гордые, смелые люди, любящие свой город, свой край, любящие свободу. И не любящие тех, кто эту свободу попирает, особенно если они из чужой страны.

...В древние времена самой торжественной религиозной церемонией было возрождение Священного огня. Она проводилась на Звездном холме, невдалеке от пирамиды Солнца в Теотиуакане.

Каждые 52 года (ацтекский век) во всех очагах страны гасили огонь. Народ собирался вокруг Звездного холма и ожидал повеления жрецов. В полночь, если семь звезд созвездия Плеяд проходили по заранее рассчитанному пути, все знали: жизнь обеспечена на новый век, то есть на 52 года.

Огонь — символ жизни, а потому каждый век жрецы возрождали его на Звездном холме. В полной тишине кремнем высекали они искры. И тогда тысячи людей, зажигая факелы от возрожденного огня, возвращались к своим очагам, где вновь вспыхивало пламя.

Эта древняя церемония имеет глубокий смысл: люди передавали эстафету жизни друг другу, чтобы не угасло человечество, чтобы в веках в изобилии, мире и счастье продолжался род людской. Эта церемония родилась на древней мексиканской земле. И люди, населяющие ее, право же, заслужили своим трудом, своим талантом, своей историей и своим свободолюбием, чтобы на этой земле восторжествовала жизнь, о которой они всегда мечтали.

Об авторе

Александр Петрович Кулешов, член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР. Родился в 1921 году в Москве. В качестве журналиста объездил многие страны мира. На основе этих поездок им написано около 30 книг, в том числе романы «Как же быть?», «Счастливчики с улицы Мальшанс», ««Атлантида» вышла в океан», книги путевых очерков «500 000 километров в пути», «На дальнем Западе», а также повести, сборники рассказов и очерков. В альманахе публиковался в выпуске 1963 года. В настоящее время работает над книгой о своих путешествиях «Зеркало континентов» для издательства «Мысль».

ЗАВЕТНЫЕ ЧЕЛНЫ

Феликс Штильмарк

Очерк

Не могу объяснить, почему я так неравнодушен к лодкам. Когда я сажусь на корму и беру весло в руки, то чувствую не простой спортивный азарт, не ту радость слияния с машиной, какую ощущаешь при управлении, например, мотоциклом, а нечто значительно большее. В плавном лодочном скольжении, в этой близости к воде — будь то молчаливая гладь лесного озера или быстрые струи горной речки — заключено какое-то волшебство, некое таинство, быть может, сродни тому, о котором поведал Лонгфелло в «Песне о Гайавате»:

Так построил он пирогу
Над рекою, средь долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары...

Правда, в наши дни весло окончательно уступает место лодочному мотору. Но, во-первых, на одном моторе не поплывешь, его на лодку надо приспособить, а во-вторых, техника, как и все на свете, тоже о двух концах. Ведь, усаживаясь в самолетное кресло, мы посасываем конфетки, дремлем, и само по себе путешествие теряет много в своей прелести.

Пройдя не одну тысячу километров на различных моторках по Енисею и Тунгускам, по Оби, Лене и Амуру, могу засвидетельствовать, что поэтическим раздумьям здесь не место. Под размеренный треск мотора, вдыхая сладковатый выхлопной дымок и глядя на равномерно мелькающие берега, невольно превращаешься из наблюдателя в равнодушного моториста, мысли которого заняты бензином, карбюратором, свечами, шлангами... А если и все в порядке с мотором, постоянное напряжение не оставляет. Только и посматривай, не покажет ли свою тюленью голову плывущее торчком бревно, пройдет ли стороной грозовая туча, минуешь ли очередной перекат.

В общем плыть с веслом — все равно что ходить пешком по родной земле, а уж этого никакая техника никогда заменить не сможет.

Я считаю, мне очень повезло в жизни, что довелось не только побродить вволю по дальним краям, но и немало поплавать на лодках. Как старые добрые друзья, они остались и на фотографиях, и в памяти. А самая первая из них — дубок на реке Хопер близ города Борисоглебска.

Дубком называют лодку, выдолбленную из цельного дубового ствола. Она тяжела и неповоротлива с виду, но очень устойчива и подъемиста. Помните, у Гоголя в «Страшной мести»: «Тихо светит по всему миру. То месяц показался из-за горы... Посереди Днепра плыл дуб...» В том дубке кроме пана Данилы и жены его Катерины с младенцем сидели еще несколько гребцов-парубков, да и поклажи вместилось немало.

Мой хоперский дубок был совсем невзрачен. Я увидел его июньским утром 1948 года, когда небольшая научная экспедиция, в которую меня, еще школьника, взяли рабочим, приехала на маленький лесной кордон, затаившийся в самом центре древней Теллермановской дубравы. Когда-то в этих лесах Петр Первый строил корабли для штурма Азова. Недалеко от кордона начинались владения Хоперского государственного заповедника, где водились речные бобры, выхухоли, пятнистые олени и другая редкая живность.

Едва наша лошаденка доплелась до кордона и остановилась у небольшого деревянного домика, как я сбежал вниз к реке, где у берега приткнулись две или три лодочки, а среди них и та дубовая долбленочка.

Лодка была с виду очень неказиста и напоминала корыто. Лишь присмотревшись, можно было обнаружить, что корма немного шире и округлее, а нос слегка заострен. У кормы и у носа были выдолблены узкие сиденья, которые делили суденышко на три отсека. Изнутри борта покрылись трещинами, но не прошли дерево насквозь, и дно оставалось сухим, хотя выглядела лодка очень

старой. На дне лежало весло с длинной лопастью и маленькой рукояткой.

Надо сознаться, что держать в руках весла мне прежде не доводилось. Но какая-то неведомая сила заставила меня, позабыв обо всем, сесть в долбленку и оттолкнуться от берега. Слегка качнувшись, лодочка без особых моих усилий тихо поплыла вниз по течению. С удивлением я убедился, что управлять ею совсем не трудно.

Ниже кордона к Хопру подступал могучий дубовый лес. Огромные трехсотлетние дубы стояли у самой воды; узловатые ветви раскинулись прямо над моей головой. Громко хлопая крыльями, парами взлетали горлицы. Беспокойный куличок-перевозчик, покачивая крылышками, пролетел совсем рядом. На обрывистом берегу я увидел сказочно голубую птичку с длинным клювом — это зимородок сидел возле своей земляной норки.

Тихая лесная река, уходящие к небу коренастые деревья, незнакомые птицы, а главное, спокойное движение лодки совсем одурманили меня. Прошло больше часа, прежде чем я подумал о возвращении и повернул лодку против течения. Но не тут-то было! С какого борта я ни греб своим длинным веслом, дубок только тяжело разворачивался на месте, и течение сносило его все дальше от кордона. Пришлось кое-как прибиться с берегу и с позором вернуться пешком, приняв на свою голову справедливый гнев начальства за дерзкое исчезновение.

Тихими летними вечерами учил меня плавать на этой долбленке старый местный рыбак Митрофан Николаевич, которого здесь обычно звали попросту Митрошей. До самозабвения преданный рыбной ловле, он жил в маленькой землянке возле самой реки. В этой землянке с дощатыми нарами и фанерным столиком всегда стоял особый запах рыбной чешуи. Митроша не пользовался никакими запретными снастями. Даже окрестные рыбинспекторы были в этом твердо уверены и не проверяли Митрошу. Он не рыбачил сетями и бреднем, не ставил вентерей по озерам, не колол рыбу острогой при свете карбидного фонаря. Круглый год он брал с собой только удочки да жерлицы.

В обращении с лодочным веслом Митроша был виртуозом. От него и узнал я главные заповеди управления долбленкой, которые так пригодились мне позже.

Первейшая из них заключается в том, что однолопастное весло надо опускать только с одного борта и не перекидывать его над головою, обдавая брызгами и себя, и других. Далее, после каждого гребка весло надо поворачивать, не вынимая из воды, чтобы струя ударяла по лопасти и выправляла отклонение лодки от основного курса. Дело это не такое уж и хитрое, но только подлинные мастера, такие, как Митроша на Хопре, эвенки на Подкаменной Тунгуске или удэгейцы на притоках Уссури, умеют грести без малейшего плеска. Они погружают весло в быструю воду, словно чайную ложку в стакан густой сметаны, и лодка движется так ровно, будто чуткий зверь подкрадывается к своей добыче.

Следующая заповедь состоит в том, чтобы грести без чрезмерных усилий; движения гребца должны быть плавными, спокойными и размеренными. Именно это позволяет мастеру проходить десятки километров против течения, а неопытный лодочник гребет вроде и быстро, но выбивается из сил за какой-нибудь час.

Наконец, последний этап обучения относился уже не к лодке, а к самой реке — ее берегам, отмелям, перекатам, скрытым под водой коряжинам. Надо знать, вдоль какого берега сподручнее вести лодку, когда и где пересечь стрежень, чтобы не прижало быстриной к обрывистому берегу, где топорщатся головастые бревна-топляки.

С той поры и привык я к челнокам и долбленкам, где сидишь на корме, управляясь одним веслом, а на весельные лодки с уключинами стал глядеть косо. Плывешь на них спиной вперед и ворочаешь веслами, словно машина,— хоть совсем глаза закрой. Не по душе мне и равномерное махание двухлопастными веслами на туристских байдарках...

Помню, как удивились однажды мои друзья на Сенежском озере под Москвой, когда взяли мы напрокат красно-синюю прогулочную лодку, а я вынул из гнезда тяжелое весло вместе с железной уключиной и уселся с ним на корме. Пока плыли по озеру, дело шло медленно, мне пришлось отдать весло и довольствоваться ролью пассажира, но зато потом мы наткнулись в стене тростника на узкую извилистую речку. Тут уж роли переменились. Орудуя на корме веслом, я провел лодку по этому лабиринту, пока берега совсем не сомкнулись.

В следующий раз довелось мне попасть на Хопер уже ранней весной, в самое половодье, когда Митрошина землянка была залита водой, а хозяин пережидал наводнение в дырявой палатке.

Удивительное зрелище открывается перед пассажирами поезда на подходе к Борисоглебску в середине апреля. Почти смыкаются над вагонами ветви дубов и кленов, запах прелого листа, оживающей земли и первой весенней зелени доносится в окна, а вечером можно увидеть и пролетающих над лесом вальдшнепов. Но вот поезд вырывается из леса прямо к разлившемуся под самым полотном речному морю. Впереди, окруженный торчащими из воды телеграфными столбами, высится железнодорожный мост, а за ним виднеются на холме белые колокольни и здания Борисоглебска. Мост пересекает реку Ворону чуть выше ее впадения в Хопер, и обе реки, разливаясь, образуют это речное море. И тогда заливает Хопер все пойменные дубравы, сенокосные поляны, заповедные ольховые леса. Тихо стоят окружённые водой могучие Дубы и светлые осины; островками становятся прибрежные высокие гривы; покачиваются над водой ветви тальников, усыпанные пушистыми желтыми шариками. Узкие лесные дорожки тоже залиты водой, и по ним тогда можно плавать на долбленочке. Как неожиданно и таинственно приплыть ранним утром к знакомой поляне, где так часто ходил летом пешком, где знаком каждый кустик!

Из-под залитых водой вербочек с тяжелым неторопливым «вяканьем» поднимаются нарядные селезни, и зеленый пушок с ивовых барашков смешивается с водяными брызгами.

Сколько интересных встреч на разливе! В развилках ветвей дубов и вязов спасаются водяные крысы и лесные полевки — на темной древесной коре издалека видны свежие погрызы. Плывет серебристый выхухоль, ловко поворачивая толстым своим хвостом; на островках шныряют по-весеннему пегие зайцы. Коли повезет, увидишь и хозяина хоперской поймы — речного бобра. А утки то и дело летают над разливом, радуя и тревожа мое охотничье сердце.

Когда же Хопер вновь входит в берега и вода по системам озер устремляется назад к руслу, плавание в пойме становится довольно сложным: здесь образуются и перекаты, и заломы, и быстрины. Лес уже одевается зеленью, сквозь плотную мокрую листву, там, где схлынула вода, густо пробивается зеленая травка, цветут анемоны и хохлатки. Хорошо ранним утром, еще затемно, отправиться в пойму на лодочке. Уплывешь почти до сосен, где кончается разлив Хопра, а потом пробираешься обратно к реке через озера и обсыхающие леса. Тут уже гляди в оба, и весло в руках держи крепко!

А осенью, когда Хопер становился мелок, вдоль берега можно было плавать, управляясь шестом. Иногда в качестве шеста используешь длинное весло с рукояткой. Заботливый Митроша недаром обивал конец лопасти жестью.

И еще запомнилось, как приятно плыть на долбленке, когда поднимался ветерок против течения и посреди реки ходили частые мелкие волны, звонко шлепая под широким носом лодки. Но больших сердитых волн на Хопре не бывает: видно, прибрежные леса не дают ветрам разгуляться, да и воды в речке маловато.

Не думалось мне тогда, что предстоит увидеть «иные берега, иные волны». И совсем иные лодки.

Я поступил учиться в Московский пушно-меховой институт, и специальность охотоведа увела меня далеко от Хопра...

После долгого и трудного с непривычки пути по тайге и болотам-калтусам я стоял на берегу реки Киренги — одного из крупных правобережных притоков Лены в ее верхнем течении.

Теперь-то я знаю, что Угрюм-рекой, описанной Вячеславом Шишковым, была Нижняя Тунгуска, хотя сходны с ней и многие другие сибирские реки. Но тогда я был почему-то уверен, что это быстрая порожистая Киренга. Навсегда осталась у меня в памяти первая ночевка на ее берегу, неумолчный шум воды, яркая желтая луна, словно наколотая на острые вершины прибрежных елей.

Наступил рассвет, слабый серебристый иней лег на вершины окрестных сопок. У кромки воды блестел прозрачный ледок, и

еще чище казались в это морозное октябрьское утро быстрые струи Киренги, еще громче рокотал ближний перекат. Здесь, у стойбища Чининга, река изгибалась почти под прямым углом, круто поворачивая на север, и у самого речного излома стояло несколько ветхих избушек. На берегу лежали вверх дном долбленые, очень светлые лодки. Они совсем не походили на привычные мне темные челны. Узкие и очень длинные, очевидно выдолбленные из осины (оттого и светлые), они даже с виду казались легкими и непрочными. Борта их, разведенные над огнем, соединялись частыми круглыми распорками. Перевернутая лодка своей стройностью и симметричностью напоминала акулу или меч-рыбу; трудно было различить, где корма, а где нос; округлое тело долбленки было гладким, и только чуть уплощенное, дно шершавилось от частого соприкосновения с каменистым речным дном.

Заметив, с каким вниманием приезжий москвич рассматривает лодку, ребята-эвенки предложили мне перегнать против течения долбленку, на которой предстояло нам плыть вниз по реке. Я перевернул лодочку, вновь поразившись ее неправдоподобной легкости. Под лодкой оказались два белых очень длинных шеста и небольшое весельцо, короткое и тонкое, похожее на птичье перо, но с такой же рукояткой, что и на знакомом мне Митрошином. Это значило, что по Киренге ходят на шестах, а весло служит лишь для рулевого управления.

Не без робости столкнул я долбленку в воду, бросил на дно весло, взял в руки шест и ступил, как обычно, ближе к корме, там, где дно сходилось с бортами. Это была явная оплошность: лодка сильно заколыхалась, и я чуть не вывалился из нее, к искреннему веселью зрителей. Но перебравшись кое-как на середину и найдя центр тяжести долбленки, я почувствовал себя увереннее и, толкаясь слева шестом, начал продвигаться вдоль берега.

Спустя два часа на этой же белой осиновой долбленке плыли мы, уже четверо, вниз по течению, и я впервые знакомился с буйным нравом горной сибирской реки. Когда сидишь на дне лодки (сидений в таких долбленках нет), порою хорошо видно, как бьющаяся в нешироких берегах речная вода то бросается в сторону от очередного переката, то несется с ревом куда-то вниз.

Но это было лишь первое знакомство, а настоящее лодочное крещение довелось мне принять годом позже на реке Аган — правом притоке средней Оби, который впадает выше Сургута.

Столь известный ныне Сургут в то время еще не обещал быть нефтяной столицей Западной Сибири. Главным предприятием в Сургуте был рыбоконсервный заводик. Я знал, что в середине октября заводской катер должен идти на Аган, и решил воспользоваться этим. Хотя приехал я в Сургут сравнительно недавно, но уже успел вволю поплавать на колхозных моторках.

Крохотный катерок с баржой-паузком вышел из Сургута и направился вверх по Оби. Каким-то чудом на барже поместилось

десятка два рыбаков и охотников, пробиравшихся к низовьям Агана. Спасаясь от холодного дождя и ветра, все мы дружно пили водку и пели песни. Мотористы с катера научили нас варить уху из крокодилоподобных обских щук, опуская ведро в трубу катера. Мы накладывали полное ведро свежей рыбы и ели ее до отвала, горячую, разварную, чуть припахивающую соляркой.

Благополучно миновав устье Агана, где осталось большинство моих попутчиков, мы еще более суток поднимались вверх по извилистой темной реке, то и дело спугивая с прибрежных сосен рябчиков, тетеревов и глухарей. Мне запомнилось, как наш катер несколько раз обгонял старика ханта на маленькой долбленке. Оказалось, что старик спрямлял речные петли, пользуясь известными ему заливами и лесными тропами, по которым перетаскивал свою лодочку, сокращая намного путь.

Наконец катер оказался у рыбоприемного пункта, где жили две семьи хантов. Мне же предстояло добираться к охотникам дальнего поселка Варь-Еган, в самых верховьях Агана. До него но реке было почти триста километров. Мой наивный вопрос о дороге вызвал у хантов откровенный смех. Кругом непроходимые леса и болота, надо плыть на лодке, но взять ее было негде.

К счастью, нашелся попутчик, молодой хант, возвращавшийся после службы в армии в тот же Варь-Ёган. Звали его Александром. Он достал у знакомого рыбака довольно вместительный обласок — так на Оби и Иртыше называют долбленки,— и мы с ним вдвоем пустились плыть вверх по Агану.

В день нашего отплытия заметно похолодало. Не попадались более пролетные гуси, а утром нам навстречу по реке тихо плыли прозрачные хрустящие льдинки — сало. Даже днем стояла над рекой полная и бледная луна, но не было здесь заиндевелых сопок, не слышалось шума воды на перекатах. Полноводная, очень темная река неторопливо и замысловато извивалась среди сосновых лесов, скорее напоминавших Подмосковье, чем Сибирь. И все же в этих песчаных отмелях, обрывистых берегах и поникших деревьях угадывалось нечто особое, заставлявшее думать о том, что до Варь-Егана по реке нет жилья, а если идти на север, то можно шагать до самого океана, не встретив селений.

Александр, как все ханты, был неразговорчив, гребли мы молча, очень редко делали остановки. От непривычно долгого сидения на дне обласа у меня сильно коченели ноги. Шевелиться было нельзя, чтобы не нарушать равновесия, и даже стрелять мне, переднему, удавалось с трудом. Все же я подбил пару запоздалых уток, а перед самой ночевкой добыл старого глухаря, спокойно переступавшего мохнатыми лапами по стволу склоненного водой кедра.

На притоках Оби расстояние часто меряют по числу пройденных поворотов, или так называемых песков. Каждому повороту обязательно соответствует песчаная отмель, расположенная против крутого яра. За два дня прошли мы «песков» около восьмидесяти и к началу третьего добрались до небольшой хантыйской избушки,

на крыше которой был укреплен череп северного оленя с ветвистыми рогами.

Здесь Александр предложил мне бросить облас и идти пешком по берегу. Дело в том, что нам не удавалось сокращать путь, как это делал старый хант. Заливы реки замерзли, и за все время плавания мы перетащили лодку лишь однажды.

Но я не принял этого предложения, потому что со мной было много поклажи, взятой для зимней работы. Мы с Александром расстались, он пошел пешком, я поплыл дальше один.

Богата обская тайга и зверем, и боровой дичью, и брусникой, но все-таки скучновато плыть одному по здешним рекам, да еще против течения. Поворот за поворотом, песчаная отмель сменяется откосом, редкие кедры чернеют среди пожелтевших берез.

Но первая же ночь нарушила однообразие путешествия. Я остановился на ночлег в неудачном месте — не хватило дров для костра, и под утро стало холодно. Позже я узнал, что в ту ночь на семнадцатое октября было за двадцать градусов мороза.

Странный вкрадчивый шорох слышался мне у догорающего костра. Утренний Аган окутался плотным морозным туманом, а вся широкая полоса реки заполнилась льдом. Не тонкие ломтики ледяного сала, не отдельные редкие льдины, а сплошная масса ледяной шуги медленно двигалась по реке. Заливчик, в котором я остановился, затянуло льдом, ближние льдины со зловещим шорохом терлись о заберег, обламывая сахаристые пластинки.

Обласок накрепко вмерз в лед. Пришлось толстым шестом дробить забереги, потом отталкиваться, стоя в обласе, что в нормальных условиях просто невозможно. Когда же струя подхватила лодку, лишь каким-то акробатическим движением мне удалось в ней усесться и проскочить между ледяных полей.

По-зимнему красное солнце поднималось над стынущим Аганом, стрежень реки был заполнен массой движущегося льда, приходилось непрестанно лавировать между льдинами. Дело шло медленно. В тот день я не останавливался для отдыха и решил, что наутро придется спрятать облас с вещами и уходить пешком. Я уже начал присматривать место для ночлега, когда выше по реке явственно услышал собачий лай. Стоило мне торопливо сесть в облас и продолжить путь, как лай умолк. Потом прозвучал снова, но как будто уже дальше. Я не знал, что и делать. Уже темнело, лед к ночи двигался плотнее, весь облас обледенел, а ног своих в резиновых сапогах я уже давно не чувствовал. Но лай послышался опять, и я плыл на этот благодатный призыв. Хуже всего было то, что я не мог разобрать, на каком берегу лает собака. Уже в полной темноте я последний раз пересек Аган, и мой облас ткнулся в берег возле берестяного чума. Вышедший навстречу хант пояснил: Александр вчера прошел мимо и предупредил, что по Агану плывет На облясе русский. Потому-то мое появление не было неожиданным.

Помогая доставать из лодки заледеневшие рюкзаки, хант бесстрастно произнес: «Твоя могу облас ходи, другой не терпит...» А я вспомнил Хопер и уроки Митроши.

Еще одна встреча с обласком произошла семь лет спустя на озере Дында. Дальнее это озеро лежит в глухих лесах между Обью и Енисеем, вытекает из него холодная река Таз, где стояла когда-то легендарная Мангазея. Долго рассказывать, как я пробирался сюда по Енисею, Елогую и порожистой речушке Кыксе, а потом еще два дня шел пешком. Туманным сентябрьским утром я стоял на пустынном пологом берегу озера, глядя на темнеющий посреди него большой остров, изрезанный заливами и бухтами. На этом острове мне нужно было обязательно побывать по служебным делам.

Я знал, что где-то на берегу должен быть спрятан облас, и, пользуясь охотничьими приметами, довольно скоро отыскал его. Обласок лежал перевернутый вверх дном, а под ним сухая береста, коробок со спичками и крохотное невесомое весло. Этот облас был, пожалуй, вдвое меньше аганского, и на первый взгляд плавать в нем мог только Бибигон или мальчик с пальчик.

Надо сказать, что в ближайшем к озеру Дынде поселке Келлог живут не ханты и не эвенки, а кеты — представители небольшой таежной народности.

Охотники и рыбаки, кеты делают лодки двух типов — тяжелые «илимки», над которыми при помощи тальниковых прутьев укрепляют полукругом берестяные крыши (они тогда очень похожи на китайские джонки), и совершенно миниатюрные обласки, главное достоинство которых — феноменальная легкость. Я мог бы без труда нести такую лодку на плече хоть целый день, но предстояло на ней плыть, и я глядел на обласок с опаской, тем более что поднимался ветерок.

Сесть в такой обласок, как в обычную лодку, нечего и думать. Надо вытащить почти всю лодку из воды, усесться на дно как можно ровнее и тогда уже осторожно сползти в ней на воду. Когда я проделал эту манипуляцию, обласок по самый край бортов оказался в воде. Легкая дрожь от мысли, что надо двигать веслом, передалась моей лодочке. Делая осторожные, расслабленные движения, я все более удалялся от берега.

Когда же обласок вышел из лесистого залива на озеро, где ветер развел небольшую, но частую волну, послышались звонкие шлепки в борт, и я с откровенным страхом посмотрел на черневший впереди остров.

Из-за кочек спокойно выплыла стайка кряковых уток, но я и не подумал менять весло на ружье. Ветерок, а вслед за ним и волны на озере заметно набирали силы. Вдали уже виднелись небольшие барашки, и мне пришлось повернуть лодку носом к волне.

Ох, как не хотелось опрокинуться посреди пустынного озера! Я чувствовал: нужно довериться лодочке, не спешить и поменьше

двигаться. Я уже почти не греб, а только держал обласок носом к волне. И он меня не подвел. Когда подошли настоящие валы, обласок плавно перекатывался, словно лист кувшинки на волнах от моторки. Это было даже спокойнее, чем на частой зыби. В конце концов я добрался до острова, и благополучно вернулся обратно.

Семь лет между встречей с обласом на Агане и его младшим братцем на Дынде — это семь экспедиционных таежных сезонов. И почти каждый из них памятен для меня знакомством с реками и лодками. Однажды снова довелось встретиться с ленскими долбленками, но уже на другой реке — Орленге. А на Таюре я увидел наконец настоящую берестянку.

Орленга — река немалая, у нее много притоков. Один из них носит название Поворотная. Вдвоем с местным охотоведом Валей Базыльниковым мы забрались в самые верховья этой речки, к Лено-Киренскому водоразделу, где человека редко встретишь. Там-то мы основательно заблудились (в тайге говорят — сблудили). В какие места нас тогда занесло, сколько зверья нам встретилось! Сначала мы попали в систему Киренги, а когда подались обратно в ленскую сторону, то забрали на север. На пятый день мы наткнулись на истоки незнакомой речушки, которую приняли за один из притоков Орленги. Но спустя еще три дня после долгих дебатов мы пришли к выводу, что идем вниз по течению Тагоры — совсем другой реки, впадающей в Лену где-то за Усть-Кутом, километров за пятьсот ниже Орленги.

На второй неделе нашей одиссеи мы соорудили плот и кое-как приплыли в крошечное, из двух домиков, стойбище Аикту. Там я был вознагражден за все мытарства встречей с эвенкийской лодкой из березовой коры, на которую смотрел так, будто вместо обычного зимовья мы встретили избушку на курьих ножках.

Береста на той лодке была совсем свежая: значит, лодку сделали недавно, не перевелись еще мастера среди эвенков! И невольно вновь и вновь вставали в памяти строки из «Гайаваты»:

Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!

Именно такой видел я пирогу Гайаваты — легкий челн из прокопченной, слегка потемневшей бересты.

Прошло еще несколько лет, пока я вновь встретил берестяную лодку у старика самагира на реке Горин, что впадает в Амур ниже Комсомольска. Она-то и показана на снимке...

Не одна лодочная эпопея связывает меня и с Енисеем, самой красивой и могучей из всех наших рек. Свой поистине богатырский характер Енисей ярче всего проявляет там, где, приняв слева Хемчик, расстается с просторами Тувы и прорывается сквозь хребты Западного Саяна. Упругими спиралями закручиваются его струи под гранитными пирамидами береговых утесов, водопадами среди скал мчатся к нему малые речки.

На границе с Тувой, между Мирским и Куртушубинским хребтами, залегла небольшая Усинская котловина. В конце прошлого века русские старообрядцы основали здесь село Верхне-Усинское. По имени реки Ус зовется и знаменитый тракт, что соединяет столицу Хакасии город Абакан с центром Тувы (кстати, географическим центром Азии) — Кызылом. Миновав Буйбинский перевал, Усинский тракт вместе с рекой Нижняя Буйба вырывается к широкой долине Уса. При первом взгляде на эту реку нелегко поверить, что по ней можно плавать на лодке — так ревет и кипит она на камнях. Но к тому времени я уже знал, что у страха глаза велики, и решил сплыть с двумя студентами МГУ от Верхне-Усинского до Енисея.

Лодку нам делали в Верхне-Усинском. В ее основе была все та же тополевая долбленка (на Енисее ее называют веткой), но для защиты от водяных брызг и для лучшей устойчивости при прохождении через пороги борта надставили досками и основательно просмолили. Мои спутники привезли в Саяны недавно возрожденную песню «Бригантину», и как они пели ее перед нашим отплытием! Мы даже хотели дать это название своей лодке, но потом она получила имя «Шадак» в честь саянского зверька — горной пищухи, которая доставила нам тогда немало хлопот.

На реке Ус мы все держали настоящий экзамен на знание речных наук и сдали его успешно. Правда, не раз пришлось приставать к берегу и вычерпывать воду, не раз видели дно своего «Шадака», скользнувшее по мокрым камням.

Шоферы на Усинском тракте в Саянах и на Чуйском в горах Алтая хорошо знают, что аварии чаще всего происходят не на самых трудных горных участках, а на сравнительно безопасных равнинах предгорья.

Так получилось и с нами. Удачно миновав устье Золотого ручья, где Ус под прямым углом бьет в отвесную скалу, знаменитый Большой Порог в устье Казыр-Сука, пройдя трудные Дедушкин и Березовый пороги, мы едва не утонули по своей беспечности в последнем и самом легком — Джойском, возле которого строится теперь Саяно-Шушенская ГЭС.

Может быть, потому, что я увидел Амур намного позже сибирских рек, долго не мог понять его нрава. Загадочна эта река со своей мутной до кофейной густоты водой, несчетными протоками, огромными резервуарами озер. Если Енисей, по словам Чехова,— неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы, то Амур похож на ленивого, расслабленного гиганта, который может нанести, однако, внезапный и страшный удар. Амур щедр и коварен, однообразен и полон неожиданностей. Целыми сутками приходилось мне отсиживаться в осеннюю пору на его островах, когда верховой встречный ветер не пускал лодку на воду. Да и в любое время Амур может вымочить до костей. Недаром местные рыбаки предпочитают плавать не только в плащах, но и в полушубках.

Как тихий Хопер на Западе, как бурный Ус и спокойный Елогуй в Сибири, так близка и памятна мне на Дальнем Востоке красавица Хунгари, бегущая с хребтов Сихотэ-Алиня и впадающая в Амур возле села Вознесеновки. Разные это реки — разные на них и лодки. О хунгарийских долбленках я расскажу немного позднее, мы же пользовались для плавания по Хунгари надувной резиновой лодкой.

У резиновой лодки есть один коренной недостаток: на ней можно только спускаться по течению, а следовательно, ее нужно каким-то способом доставить к верховьям реки. И все же резиновой лодкой ныне широко пользуются дальневосточные исследователи: например, охотовед и писатель В. П. Сысоев, ботаник А. П. Нечаев, прошедшие таким способом Амгунь, Бурею, Горин и другие притоки Амура. Сам я за четыре года работы на Дальнем Востоке девять раз спускался на этой лодке по Хунгари и однажды — по реке Лимури, что в низовьях Амура.

Свою резиновую лодку мы привезли с директором Комсомольского заповедника И. М. Власовым из Владивостока. Укутанная невзрачным брезентом, лодка была так велика и тяжела, что я даже не хотел ее брать. Но впоследствии я вполне оценил преимущества этой надежной, прочной лодки с надувным дном и отдельными отсеками.

В один из августовских дней мы выехали из Пивани в сторону Советской Гавани тем поездом, который известен здесь под названием «хозяйки» и состоит кроме паровоза из двух вагончиков да цистерны с водой. Когда поезд, петляя между обгорелыми до угольной черноты сопками, пробрался в зеленое приволье долины Хунгари и вдоль полотна засверкала чистая речная струя, мы попросили машиниста притормозить. И лодка, и все наши грузы были сброшены из вагона вниз по насыпи, чуть ли не в реку.

Власов хотел найти знакомого рыбака и плыть на его моторке. Мы договорились, что я поплыву тихонько вперед, а он меня догонит. Добираться нам предстояло в заброшенное удэгейское стойбище Таломо, где ныне живет только один старый охотник Федор Канчуга. Расстояние? На резиновой, коли доплывешь, будешь к вечеру, а моторкой, если все хорошо, часа за три. Позже я узнал, Что до Таломо по реке как раз сто километров, а до устья Хунгари — двести.

Река повернула от железной дороги круто влево. Плыть здесь было нетрудно: нагруженная лодка хорошо слушалась весла, быстро скользя вниз по течению. Показался красивый глухой распадок, зажатый высокими скалистыми сопками, густой кедровый лес уходил ввысь.

Все шло хорошо, пока река неслась одним руслом. Но вскоре Хунгари начала дробиться на протоки и предлагать мне такие загадки, что голова закружилась. Я никак не мог применить к ее нраву ни хоперский, ни сибирский опыт, не мог угадать, где «слив», а где «улово». Здесь почти не встречалось бурливых перекатов и порогов — они остались выше по течению, но сама речка, казалось, потеряла всякое чувство равновесия, она кидалась из стороны в сторону, и всюду лодку ожидали ощетинившиеся заломы из отполированных водой до белизны могучих древесных стволов. Река в этих заломах ревела, как на хороших порогах. Заломы торчали не только у берегов и на поворотах, но и посреди реки, а вдоль берега плыть мешали «расчески». Этим словом здесь метко названы склоненные к самой воде деревья. На быстрой струе они игриво хлопают по воде своими ветками, и, уж если угодил под «расческу», принимай мокрый душ, нагибайся, но только не вздумай схватиться за ветки!

В этот первый поход я едва успевал осматриваться, а увидеть на Хунгари можно многое. Здесь и дубравы не хуже хоперских, и кедрачи погуще, чем на Енисее, и лиственницы ровнее верхоленских. Но самое замечательное — дальневосточные пойменные леса из могучих белокорых ильмов, гигантских тополей, раскидистых ясеней. Между ними видны ажурные ветви маньчжурского ореха с его крупными листьями, светло-серые стволы амурского бархата. На одном берегу — заросли черемухи Маака, все стволы которой увиты лианами, красные грозди китайского лимонника, а с другого берега вода подмыла кочки на лиственничной мари и над рекой повисли веточки голубики и багульника.

Власов догнал меня перед самым Таломо, на выходе из очередной протоки. Удэгейское стойбище лежало в глубине большого залива, где таились своеобразные свайные постройки со стенками из ильмовой коры. На многочисленных жердях-вешалах («сушилах») висели распластанные рыбины и куски потемневшего сухого мяса.

Мы прожили в Таломо больше месяца, проводя почти все свое время в тайге. Этот район оказался одним из самых интересных на Хунгари. Мы подружились со старым охотником Федором Ивановичем Канчугой и его соседом Петром Амулинкой, с которым я тоже провел потом в тайге немало дней. Мне приходилось плавать здесь и ранней весной, затаскивая лодку нартой и надувая ее прямо на льду, и глубокой осенью, когда откричат по лесам изюбры и закончится ход кеты. Почти всякий раз, бесшумно сплывая по Хунгари, удавалось видеть крупного зверя — то кабан или^о-хатый бродят в зарослях высокой травы, то медвежонок подбирает на отмели уснувшую кету...

Здесь же, в Таломо, я узнал и оценил удэгейские долбленые лодки. Как и в Сибири, они бывают двух типов — легкие оморочки и тяжелые улимагды.

По существу оморочка не отличается от сибирских долбленок, на которых плавают по Лене или Киренге. Сходна она и с большим обским обласом. Это довольно длинная и устойчивая (для тех, кто знаком с ней) лодочка, в которой можно стоять во весь рост и отталкиваться шестом. Впрочем, кроме шеста и маленького весла с той же поперечной рукояткой в каждой оморочке есть еще небольшие палочки, назначение которых я понял не сразу. Оказалось, что ими отталкиваются в мелких протоках и на перекатах, сидя в лодке, когда вода для весла недостаточно глубока. Я убедился, что это очень удобно.

Вот про улимагду, или, как ее часто называют на Дальнем Востоке, бат, просто необходимо рассказать подробнее.

Улимагда — гигантская долбленка, которая, наверное, не имеет себе равных, ибо выдолбить такую громадину, вмещающую более десяти человек, можно только из ствола огромного дальневосточного тополя. На батах плавают удэгейцы и орочи не только по Хунгари, но и по Иману, Бикину, Хору, Тумнину, Анюю, Самарге.

При первом же взгляде на улимагду сразу бросается в глаза странный лопатообразный выступ перед ее тупым, словно обрубленным носом. Многие мои спутники утверждали, будто эта носовая лопасть каким-то способом приделана или прибита к лодке. Нет, она не приделана и не приставлена, а выдолблена, вытесана вместе со всей улимагдой из единого ствола дальневосточного тополя. Это подлинный прототип корабля на подводных крыльях. Дело в том, что речная струя ударяет под носовую лопасть и приподнимает лодку над водой. Когда двое или трое людей толкают шестами тяжело нагруженный бат против течения, он как бы нависает над быстриной. На батах проходят любые пороги и перекаты. Хорошо сбалансированный бат обладает и удивительной устойчивостью.

Пожалуй, я не преувеличу, если скажу, что невозможно представить себе групповую экспедицию по дальневосточной тайге (исключая разве геологов с их вертолетами) без помощи батов и проводников-батчиков. Сколько перевезено ими грузов, хотя бы жителями того же Куна, по одной только Хунгари во время прокладки железной дороги на Советскую Гавань! Да и по сей день выручают таежников улимагды, хотя удэгейцы и орочи предпочитают теперь ставить на баты подвесные моторы.

Не раз спускался в улимагдах по горным рекам Сихотэ-Алиня знаменитый путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев. Вот каким образом тумнинские орочи изготовили такой бат на реке Иоли, притоке Копи:

«Теперь наша задача состояла в том, чтобы найти тополь такого размера, чтобы из него можно было долбить лодку. Каждое крупное дерево привлекало внимание орочей. ...Наконец 3 июля желан-

ное дерево было найдено. Это был тополь Максимовича вышиною в двадцать пять — тридцать метров и в два обхвата на высоте груди. Он рос по другую сторону реки».

Когда дерево повалили, «...орочи отмерили около двадцати метров от комля и отрубили вершину. Они работали дружно, с увлечением, быстро сняли с болванки кору и в полдня срубили заболонь, вырубили дно будущей лодки и обтесали ее бока...

Следующие два дня были солнечные и теплые. Орочи большими рычагами перевернули болванку тополя и поставили ее днищем на катки. Затем длинной веревкой, намазанной углем, они наметили верхние края лодки и с помощью березовых клиньев принялись срубать все, что было выше этих линий. Еще полдня ушло на выемку древесной массы из середины лодки... Тем временем Намука у комля болванки очертил границы лопатообразного носа и снял всю лишнюю древесину. На второй день к вечеру лодка вчерне была готова.

Пятого июля орочи отделали улимагду начисто. Особыми поперечными топориками (упала) они стесали борта ее настолько, что казалось, будто она сделана из фанеры. Дно лодки оставили несколько толще, чтобы оно могло выдержать давление камней на перекатах. Теперь оставалось только опалить улимагду. Орочи... пошли за берестой. Особыми распорками они немного раздвинули края улимагды в стороны, затем поставили ее днищем на деревянные катки и по всей длине разложили под ней березовое корье. Опаливанием лодки достигается одновременно осушка ее и осмаливание. Пока Мулинка и Хутунка обжигали улимагду, Намука сделал кормовое весло, а Сунцай приготовил шесты. Часам к двум пополудни 5 июля все было готово».

Этим описанием можно и закончить очерк. Хочется только пожелать, чтобы берестяные лодки эвенков, миниатюрные обласки кетов, могучие улимагды удэгейцев не оставались лишь в описаниях путешественников, не уходили в предания и сказки, а сохранялись на озерах и реках. Для таежных охотников они не объекты поэтического восхищения, но предметы постоянного пользования. Не всегда их заменишь техникой. Да и не только в утилитарном использовании здесь дело.

Мы бережем народное мастерство, как и народную мудрость, а у жителей нашего Севера есть чему поучиться.

Об авторе

Штильмарк Феликс Робертович. Родился в 1931 году в Москве. Окончил Московский путано-меховой институт в 1956 году. По специальности биолог-охотовед, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР. Участвовал во многих экспедициях по Сибпрн и Дальнему Востоку. Им написано свыпге 50 научных статей и ряд научно-художественных очерков. В альманахе публиковался в выпуске 1962 года. В настоящее время работает над художественно-географической книгой «Таежные дали» для издательства «Мысль».

ЗА ГНИЛОЙ ЛОЖБИНОЙ

Алексей Рыжов

Рассказ

I

Грохнул выстрел. Расколол застоявшуюся тишину леса. Тяжелым тупым звоном отозвался в ушах. Степан вздрогнул от неожиданности и увидел в голубоватом ущелье просеки падающего человека.

— Зачем? — возмущенно спросил он.

— Гость непрошеный. Помешать может! — с усмешкой проговорил Огарок.

— Да ты понимаешь ли, разбойничья твоя рожа, что по новой срок заработаем? А мне эта жизнь во-оо как холку набила! — Степан ребром ладони полоснул себя по короткой шее.

— Понима-аю...— притворно испуганно протянул Огарок.— Ха-ха-ха! — закатился он неестественным смехом.— Дрожишь?

— Замолчи! — зарычал Степан.— Погань!..

Огарок бросил ружье. Хищно присел на широко расставленных пружинящих ногах. Крючковато раскинул пальцы мускулистых рук, как приготовившийся броситься на жертву беркут. Глаза, до этого почти Добродушные, вмиг налились

какой-то нечеловеческой холодной злобой. Ни один мускул изуродованного лица не дрогнул. Огарок медленно двинулся к Степану. Вот сейчас бросится на него. Но вдруг он выпрямился и с силой произнес:

— Баста! Дело сделано. Товару здесь сколько?! Срублено, вымочено, выдрано, высушено. Осталось связать в пучки да Никифорову сплавить... Не стой на дороге, коли я к заветной цели двигаюсь,— родного брата уберу!

Степан посмотрел на вязку многопудовых тюков мочала. Огарка он почти не слушал. Одолевали какие-то свои неотвязные мысли. От горячей работы в лесной духоте у него пересохло во рту. По сероватому щетинистому лицу струились грязные ручейки пота. Не глядя на Огарка, он решительно произнес:

— Уходить надо... Наследили...

— Степан Тимофеевич! — притворно ласково и покорно обратился к нему Огарок.— Не думал не гадал, что у тебя коленки хлябают! А еще Атаманом звался.

— Брось играть! — зло кинул Степан, и на его широких скулах беспокойно заходили желваки.

Огарок махнул небрежно рукой, взял двустволку и пошел к убитому...

2

Степан Тимофеевич Мазин кличку свою получил в колонии за сходство имени-отчества и созвучность фамилии с волжским атаманом Степаном Разиным. Был он крестьянским сыном из глухой лесной деревеньки. Лет пятнадцать мотался в погоне за длинным рублем. Слышно было, что пьет. Два-три раза женился, но все так, не по-настоящему, легкодумно. Совершил одно, потом второе преступление. Отбывал наказание. Прошлой весной нежданно-негаданно пожаловал, прихватив с собой из мест заключения уголовника Огарка, к престарелой матери.

Хорошего от сына Матрена не ждала, поэтому смотрела на него настороженно. Но Степан сразу же по приезде занялся устройством давно прогнившей крыши на доме и сарае, починкой забора, заготовкой дров на зиму, чего раньше никогда не делал.

— Жить-то дома, что ли, намерен? — осторожно выспрашивала Матрена.

— Намотался я, мать! — неохотно отвечал Степан.

— А и вправду бы остепенился, Панушко. Все бы мне доживать-то полегше было,— просительно заглядывала в глаза сыну старуха...

— Время семью строить. Гнездо иметь. Не век же бобылем мотаться,— говорили Матрене соседи.— Приживется, подожди.

И Матрена ждала...

Но во время очередной попойки в сельповской столовой к Степану с Огарком подсел заготовитель сельпо Никифоров.

Как-никак много лет не виделись. Да и прицел Никифоров всегда в делах имел дальний.

— Чем заняться, земеля, мечтаешь? — ввернув блатное словечко, хитровато осведомился Никифоров.

— В колхоз. Куда здесь больше? — безразлично ответил Степан.

— Эх ты, землепроходец! — подмигнул ему заготовитель, ставя на стол бутылку «столичной».— Да я вам с дружком прямо золотой прииск предложить хочу. Месяц работы — мешок денег! Мочало. Рубль килограмм. Деньги на бочку. Раньше-то ты, Степан, этим делом, кажись, с отцом занимался?

Степан утвердительно мотнул головой.

— Опасно? Хм! Чего опасно.-то? В ведомости могу ваших фамилий не проставлять... Где взять? А вон, на Юронге. За Гнилой Ложбиной. Лесники туда раз в год по обещанию ходят. Как вывозить? Рекой. На плоте. Из голья связать. За деньги медведь пляшет, ха-ха! — раскатисто грохнул Никифоров. — Э! Да что я вас одними сказками угощаю,— спохватился он. — А ну подставляй стаканы, братва!

Ребята охотно чокнулись гранеными. Влили огненную влагу в широко раскрытые рты. Крякнули. Откусили остывших котлет. Никифоров продолжал:

— Если что — леснику сотнягу, чтобы язык за зубами...

Степан слушал заготовителя без интереса, а у Огарка глаза сразу жадно загорелись. В разговор он не вступал, но нетерпеливо ерзал на скрипучем замызганном стуле.

Пили допоздна. Майская ночь с густым запахом черемухи давно опустилась на землю. Молодой хрупкий месяц смотрел с безоблачного высокого неба на только что одевшуюся в кипень цветов зелень.

Когда, пошатываясь, шли домой, Огарок шептал заплетающимся языком:

— Работнем, Атаман. Тряхнем бр-рит-тыми к-кудр-рями и удалимся в сторону южную, к морю ж-жемчужному с п-полными карманами. А то они у нас тощ-щеваты...

Степан, хотя и хмельной, взвешивал. По свету он, видимо, действительно поскитался достаточно. Голову на плаху класть не спешил. Шел медленно. Говорил неторопливо.

— Посмотрим,— вяло пообещал он.

Но через два дня, когда ему предложили в колхозе выйти в поле вместе с бабами, решился...

3

Лошадь Колотыгин оставил у Гнилой Ложбины. Через топи Не проехать. Привязал ременным поводком к осинке, дал сена. Достал пеньковую веревку. Замотал ее легонько на поясе. «Вересу

жене кадки бучить с берега принесу»,— подумал он. Служба есть служба. Все ли на Юронге в порядке? Лесник Зубовского кордона, что жил километров за двадцать от этих мест ниже по реке, недавно писал Василию: «Поглядел бы, Федосеич, на реку нашу в верховьях. Чтой-то уж недели две по ней больно много мертвого мальку несет. В иных заводях столько его течением прибило, что тебе серебро светится на солнце...»

«Отчего бы это? — пробираясь по мшистой рамени, думал Колотыгин.— Взорвать омуты некому. Отравить тоже нечем».

Юронгу Василий любил безмерно. Речка эта была чистой, звенела прохладной лесной влагой перекатов, темнела глубокими омутами, стлалась спокойными ровными плесами с золотистой желтизной кувшинок.

Колотыгин шел осторожно. Не спешил. Изучающе смотрел: каков урожай соСны и ели? Есть ли брусника и клюква на болоте? Сколько и какого зверя встречается в лесной житнице? Он знал, что лесная наука любит людей вдумчивых, зорких. Таким он и старался быть.

Гнилая Ложбина кончилась. Под ногами пружинил плотный ворс кукушкина льна. Дальше до самого берега Юронги тянулись уникальные насаждения липы — богатейшая база местного пчеловодства. Километрах в трех — Комаровская пасека. Знакомый Василию пасечник Емельян Никанорыч получает на ней самые высокие м:едосборы в районе.

Занятый своими мыслями, Федосеич не заметил, как дошагал до Старой берлоги. До реки оставалось метров триста. Но что это? Василий не узнал здешних мест...

То тут, то там, то поодиночке, то группами виднелось разбросанное голье липы — словно раздетые мародерами трупы воинов. Полог насаждений резко поредел. Извечная лесная сумрачность исчезла. Августовское солнце заливало ярким светом образовавшиеся плешины. На корню оставались старые и искривленные деревья — инвалиды, кора которых груба и с трудом поддается съемке.

Понимая, что свершилось непоправимое, Василий бегал взад и вперед. Торопливо перелезал через созданные варварской рубкой завалы. Путался ногами в хаосе сучьев, веток. Скользил на влажных хлыстах, усыпанных зеленоватыми веснушками плесени. Падал. Поднимался. Снова и снова лез через завалы, конца которым не было видно. В сознании бились мысли: «Просмотрел! Что же со мной теперь будет? Кто посмел, кто?!»

Василий еще раз осмотрелся. Усохшие вершины поваленных деревьев кричали о варварстве, о разбое, обрушившемся на беззащитные кроны деревьев. И слышался в их тревожном шелесте-шепоте горький укор ему, леснику, за то, что не уберег зеленое свое воинство от вражьего набега.

Колотыгин медленно снял фуражку. Как над могилой лучшего друга, с минуту постоял в молчании. Виновато поклонился погибшим деревьям.

«Так вот почему рыба-то гибла!» — догадался Василий. Он знал, что, когда в большом количестве мочат луб липы в водоемах, лигнин, склеивающее волокна вещество, разлагается, гниет. Вода им перенасыщается, и все живое в ней гибнет от недостатка кислорода.

Колотыгин вышел на просеку и тут, ближе к берегу, увидел

желтовато-оранжевые стены мочала на длинных вешалах-времянках. Па полуденном солнце они шелковисто лоснились. Летний ветерок мягко шевелил воздушно-легкие пряди, прозрачные ленточки, плоские гибкие нити. Возле жиденького костра коренастый человек старательно увязывал многопудовые кипы. Кто же это? Неровной возбужденной походкой Василий не шел, а почти бежал к костру, стараясь, однако, остаться незамеченным. Перебегал от дерева к дереву. Но, внезапно запнувшись об узловатый корень ели, потерял равновесие и ничком повалился в густые заросли папоротника. Падая, услышал резкий звук выстрела и пронзительный свист картечи над головой. Понял: стреляют по нему. Ползком добрался до густого подлеска, встал, прислушался. До него донеслись голоса. Затем все стихло. Колотыгин осторожно выглянул в узкий разрез вильчатого дуба. По просеке шел здоровенный детина с ружьем в руках.

Сердце екнуло. Холодок пробежал по спине. Неужели конец? Как пожалел Колотыгин, что карабин, с которым он никогда не расставался, оставлен на этот раз дома. Мысли работали быстро. Колотыгин обернулся. Лихорадочно поискал глазами вокруг. К стволу липы кто-то приложил полутораметровый аккуратно ошкуренный кленовый рычажок. Федосеич схватил его. Увесистый, ладный, он плотно лежал в руках. Василий встал за ствол вильчатого дуба так, чтобы, подходя, верзила не смог его видеть. Занес рычажок над головой. Затаив дыхание, стал ждать...

Верзила шел медленно, спокойно, по-хозяйски. Подошел к тому месту, где упал Василий. Наклонился. Осмотрел помятую траву. Вскинул голову. Колотыгин прочел на его отталкивающем в шрамах лице недоумение. Верзила опять наклонился. И так, согнувшись, пошел по следу лесника в густой подлесок. Бандит был уверен, что тот, по кому стрелял, если и не убит, то уж наверняка смертельно ранен. Верзила уже миновал могучий дуб, за которым притаился лесник. Еще два шага. Уже поднял ногу для следующего шага...

И тут Василий из всех сил хлестнул бандита рычажком наискось по спине, да так сноровисто, что тот влажно хрюкнул, мягко осел и сунулся лицом в начавшую ржаветь траву.

В одно мгновение Колотыгин снял с пояса пеньковую веревку. Быстро вскочил на широкую спину бандита. Просунул в петлю его правую, затем левую руку. Туго затянул. Брючным ремнем дважды перехлестнул ноги. Конец веревки надежно связал за спиной с ремнем. Получилась «ласточка». Верзила еще не очнулся, а Колотыгин уж запихал ему в окровавившийся рот носовой платок.

Вот где Василию пригодилась его былая сноровка разведчика. Не раз приходилось брать на фронте «языка».

И только тут бандит замычал в нос, гнусаво, по-бычьи. Лесник поднял с земли оброненную браконьером тулку. Взвел курки. Направил темные глазницы вороненых стволов прямо в налившееся кровью лицо бандита и предупредил:

— Лежи и не брыкайся! Один неразумный шаг — убью, как собаку!

Теперь Василий почувствовал себя уверенней. Вспомнил, что у него есть нож. Выхватив из-за голенища кованый кузнечный тесак, с которым хоть на медведя, полоснул им молодую липку. Снял с нее луб. Очистил от тонкой зеленоватой коры. И свежими ремнистыми лыками прочно привязал браконьера к замшелому комельку молодого клена.

— Так-то надежнее! — сказал вслух Колотыгин.

4

Степан не заметил, как за работой прошло более получаса. Огарок не возвращался. Вблизи хрустнула ветка, и опять все замерло. Степан легонько свистнул — ответа не последовало.

Внезапно он услышал властный окрик:

— Руки вверх!

Из-за колышущейся на ветру стены развешанного мочала с ружьем наизготовку вышел пожилой человек в форме лесника. И в то же время Степан увидел сноп огня, взметнувшийся от ружья к вершинам гребнистых елей.

«Засыпались!» — понял Степан. Он медленно поднимал руки. Еще медленней ворочал головой и глазами. Соображал: «Один! Ну это еще полбеды». Однако в сердце заползала тревога: «Где же Огарок?»

— Ложись! — раздалась повелительная команда. Атаман нехотя лег на мочальную паздеру, зорко следя за действиями лесника. А тот, чтобы окончательно обезопасить себя, решил осмотреть карманы браконьера. Подошел вплотную. И как только рука Василия скользнула в брючный карман Степана, где, кроме портсигара, ничего не оказалось, Атаман с быстротой молнии свернулся ужом. Ухватил цепкими, сильными пальцами ноги Колотыгина. Повалил его. Левая рука лесника застряла в глубоком кармане бандита. В правой он еще держал тулку Василий видел исказившееся в тупой злобе озверевшее лицо Атамана. Налившиеся яростью колючие глаза. Напрягшиеся до синевы шейные вены. Слышал хриплое дыхание.

Огромным усилием Колотыгин выдернул застрявшую руку. Бросил подальше от себя двустволку. Как клещами, сдавил рвавшегося к ружью Атамана. Живой человеческий ком катался по земле. То лесник брал верх и неистово дубасил браконьера, то Атаман наносил тяжкие удары леснику. Докатились до вешал с мочалом. Кряхтя, поднялись на ноги. И снова рухнули, обессиленные, на землю. Колотыгин, падая, сильно ободрал о суковатую жердь руку. Но не почувствовал боли. Распухшие губы его кровоточили. Он ежеминутно сплевывал кровавую слюну.

У бандита затек левый глаз. Фиолетово-синим бугром вспухло надбровье. Три нижних передних зуба выплюнул он от первого удара Василия.

Оба устали. Дышали тяжело и жарко. Остановились, мертвой хваткой вцепившись один в другого. И снова ярость борьбы захлестнула дерущихся. Из голенища лесника выскользнул нож. Волосатые руки Атамана судорожно потянулись к нему. Василий крутился. Ногой отбивал руки бандита. Высматривал момент, как бы самому ухватиться за костяную рукоять увесистого тесака. Но вот Атаман изловчился, на секунду выскользнул из объятий Колотыгина. Гибкой змеей скользнул на животе по земле. Широко взмахнул рукой...

Василий почувствовал, как под рубахой разлилась липкая мокрота. На миг померкло в глазах, закружилась голова, а в теле появилась предательская слабость. Понимая, что ранен, Колотыгин собрал все силы и ловким ударом выбил нож из рук Атамана. Вскочил, нервно шаря глазами: где кинжал?

Почувствовав минутную свободу, Атаман бросился наутек. На ходу зло двинул одно из ближайших вешал с шелестящим на ветру сухим мочалом, крикнул:

— Пр-ропади все пр-ропадом! Т-т-вою м-ма-ать!..

Концы длинных волокнистых прядей расслоившегося мочала угодили в пляшущий огонь костра. И вмиг желтые, синие, зеленоватые языки пламени, как по сероватой россыпи пороха, скользнули в разные стороны. В несколько секунд огненный вал и густые клубы сизого дыма поднялись над лесом. Скрываясь за расползавшимся облаком дыма, саженными прыжками Атаман побежал к крутояру и камнем скатился с берега. Следом мелкий галечник тонко зазвенел о стеклянную гладь реки.

Едкий дым застлал глаза Василию. Стараясь не дышать в дыму, он ощупью нашарил ружье. Бросился вслед за бандитом. А выбежав к берегу, увидел, как тот, пригибаясь к земле, мчался что есть духу по заросшему кудрявым ивняком противоположному берегу.

Лесник прицелился. Нажал на спуск. Выстрела не последовало. Недоуменно посмотрел в казенники — они были пусты. Придя в себя, Колотыгин вспомнил, что один заряд Огарок выпустил по нему, второй — он сам, подходя к Атаману.

— Шакалы! — только и смог произнести он, сердито сплюнув на зеркальную поверхность спокойной Юронги.

Бок кровоточил. Во всем теле разливалась слабость. Хотелось упасть на траву и забыться, чтобы восстановить силы. Но Василий понимал, что это равносильно смерти. Стоит лечь — истечешь кровью и уж никогда не поднимешься с этой влажной, сладко пахнущей отцветающим разнотравьем земли. Он тряхнул отяжелевшей горячей головой. Сбросил пропотевший френч. Полинявшую сатиновую рубашку разорвал на несколько узких лент и как мог перетянул рану.

5

Пожар с каждой минутой все разрастался. С треском, яркими свечами горел пихтовый молодняк. Дымились паровозными трубами тлеющие пни. Пляшущими языками разноцветного пламени пылали разбросанные всюду вершины, сучья, старые буреломины. От подсохшей за лето лесной подстилки тянулся голубоватый жидкий дымок. Усилился ветер. Он подхватил тлеющие хвоинки, кору,

обуглившиеся невесомые гнилушки. Колотыгин видел, как то тут, то там зарождаются новые очаги пожара. Василий попытался спасти остатки еще не сгоревшего на вешалах мочала. Но стоило его пошевелить, как оно разом вспыхнуло синеватым беглым пламенем и рассыпалось звездным облаком тающих в воздухе искр.

Медлить было нельзя. Лесник срубил чудом уцелевшие от огня молодые березки. Торопливо связал их. Начал рьяно захлестывать расползающийся всюду огонь. Но он только на момент стихал там, где нечеловеческими усилиями Василий сбивал неистовое пламя. И тотчас же появлялся в другом месте.

Вот огонь проворным рыжим зверьком стремглав несется к вершине усохшей ели. Вот быстроногой неуловимой лисицей метнулся в куртину молодняка. А вон, извиваясь, заползает под валежины красными и фиолетовыми змеями. Мягко лижет серое подножие вековой ели. А невдалеке, в густых зарослях молодого клена, поднялся он грозным бурым медведем, готовым унести все лесное богатство, накопленное здесь многими столетиями.

Истерически прокричала сизокрылая сойка, оповещая лесных обитателей о постигшем их бедствии. Неожиданно на бархатистую бровку берега выскочил сохатый. Закинул украшенную ветвистыми рогами массивную голову, вытянул мускулистую шею и трагически затрубил. Низкий рев раскатился над лесом и пропал где-то за рекой, в дубравной зелени кудреватых ажурных крон. Лось недовольно покосился матово-фиолетовым звериным глазом на Василия, как бы считая его виновником бедствия, и, не раздумывая, огромной глыбой серого гранита свалился в реку, поплыл в заречье, прочь от огня.

Забыв обо всем, бился с беспощадной стихией Колотыгин. Он давно потерял фуражку. Френч зиял бессчетным количеством дыр. От рукавов остались дымившиеся лоскутья. Брюки спереди истлели до тела. Ни бровей, ни ресниц на лице Василия давно уже не было. Кровоточила рана. Но лесник, казалось, не чувствовал боли. Он бился до тех пор, пока земля не поплыла под ногами...

Ни грома самолета, прилетавшего определять координаты пожарища, ни шума автомобильных моторов, ни громкого говора подъехавших тушить огонь людей Колотыгин уже не слышал...

6

— Погребли, говоришь, Федосеича? — печально спросил старый пасечник Никанорыч сторожа сельпо Ерофея.

— Девять уж дней минуло. Огарка нашли сразу. Атамана только через неделю поймали где-то уж на Урале...

— Эк, лиходеи! — только и смог сказать старик, угловатым движением руки смахнув навернувшуюся слезу.

— А ведь он родным братом Огарка оказался. С войны разминулись, да вот так свидеться и довелось. На суде распозналось,— продолжал Ерофей.

— Ну! Ну? — усомнился пасечник.

— Ей-бо!.. Огарка-то, как на суде об этом осведомили, так обморок его и шастнул! — Ерофей закручивал «козью ножку». Руки его тряслись.— Шешнатцать лет строгого режиму определили!— рассказывал побывавший на суде дед Ерофей.

— Я бы и по четвертной кажному не пожалел! — сказал Никанорыч.

— Знамо дело... — Дед Ерофей, задумавшись, помолчал. Кряхтя, встал, хлопнул себя ладонями костлявых рук по худым бедрам: — Надо же! Как на зверя какого, с ружьем супротив родного брата!..

Он долго копался в глубоком кармане старого плаща. Достал смятую коробку спичек. Чиркнул. Вдохнул густого дыма самосада. Хрипло закашлялся:

— А ведь Федосеич-то — герой... Сказывают, его именем лесничество назовут.

— Вот это правильно.— Лицо Никанорыча просветлело.— Кабы не такие люди...

Сторож кивнул головой. Ему и так было ясно, что хотел сказать пасечник.

Об авторе

Рыжов Алексей Михайлович, инженер-лесовод и фенолог. Родился в 1928 году в деревне Агеево Кировской области. Был лесорубом, сплавщиком леса, плотником, обозным мастером. Окончил лесной техникум, затем лесной институт. Много лет работал лесничим. В центральной печати опубликовал ряд научных статей на лесную тематику, много художественных очерков и зарисовок в местной печати. В альманахе (выпуск 1967—1968 годов) выступил со статьей «Деревья-исполины». В настоящее время работает над серией рассказов о природе средней полосы России.

СТУДЕНАЯ КУПЕЛЬ

Александр Старостин

Рассказ

А еще Василий Иваныч вспомнил морскую свинку. Но свинку он вспомнил позже, когда ему предложили съездить п Арктику для обслуживания самолетов, работающих на высокоширотную экспедицию. И он решился, точнее, он подумал, что наконец решился, противопоставить капризу судьбы свой собственный каприз.

Лет двадцать назад маленький Вася, существо худое и шустрое, как таракан, очутился на послевоенной толкучке, ошеломившей его пестротой людских обличий и бесконечностью творений рук людских. Тут-то он и увидел морскую свинку, которую держал прижатой к груди старик с красным, как клубника, носом и глазами, так уменьшенными очками, что, казалось, их и вовсе нет. На шее старика висел подцепленный за веревочку ящик с бумажками: старик и свинка предсказывали будущее. Маленькому Васе очень понравилась свинка: она была такая чистенькая и сквозь шерстку розово-теплая.

— Сколько стоит? — спросил он на всякий случай, чтоб оправдать свое слишком долгое и ставшее подозрительным для старика рассматривание морской свинки.

— Рубль.— ответил старик.

— У меня двадцать,— сказал Вася и, разжавши пальцы, показал вспотевший двугривенный.

Старик взял монетку и впустил свинку в ящик, она вдруг очень оживилась и своим мокрым носиком вытащила бумажку,

Потом Вася понял, что старик нищий, а свинка искала между бумажками корм — так ее приучили,— но тогда он принял всерьез и старика, и свинку, отошел в сторону и прочитал:

«Смерть близкого человека омрачит Вашу жизнь».

«Правильно,— подумал Вася,— это про отца. Только он не сам умер, а от войны».

«А в остальном жизнь Ваша' пройдет гладко и спокойно, без бурь и приключений, и Вы отойдете в мир иной со спокойной совестью, при всеобщем уважении».

Василий Иваныч добился почти всего, чего хотел, потому что хотел немногого, но, когда шеф, начальник цеха оперативного обслуживания самолетов, предложил, ему командировку, он охотно согласился и тут же подумал: «Это как раз то, чего мне не хватает сейчас — встряски».

— Это, конечно, временное понижение в должности и никакого выигрыша в зарплате,— сказал шеф.— Там нужен грамотный инженер, знающий реактивную технику. Можете отказаться.

Но Василий Иваныч решился ехать. В этот момент ему вдруг показалось, что над ним тяготеет предсказание «жизнь пройдет гладко и спокойно, без бурь и приключений», и ему сейчас показалось зазорным прожить без «бурь и приключений», хотя минуту назад сомнений относительно правильности собственной жизни у него не было.

«Я как ребенок на толкучке, у которого в кулаке двугривенный,— думал он во время разговора с шефом,— мир так велиг;, а я ничего не знаю».

Нельзя сказать, что эти неожиданно возникшие при разговоре с шефом мысли были неискренни, но нельзя было не заметить между строками и некоторого самолюбования в этих слишком уж закругленных мыслях. А если он и захотел вдруг «бурь и приключений», то самую малость. Как соли. Только щепотку. Для съедобности.

И, решившись ехать, он проникся к себе уважением и стал думать, что он вообще отчаянный парень, бросивший вызов самой судьбе.

До самого отъезда он никак не мог освободиться от роли молодого, но уже преуспевающего и уважаемого всеми человека, и по его лицу разливалось тихое довольство. Он был снисходителен и вежлив, как все счастливчики, и даже наслаждался грус-

тью, возникающей при рассматривании деревьев, сквозивших в холодной яркости за бетонкой аэродрома.

Он воспринимал все привычное и ранее не замечаемое, как прошлое, и находил в этом радостно-грустном настроении какое-то наслаждение. Он уже казался себе истосковавшимся по Большой земле полярником и делал мужественное лицо и постоянно косил глазами по сторонам, как бы удивляясь, что вот проходят люди мимо и не догадываются ни о чем, а он, скромный и задумчивый человек с широкой грудью (Василий Иваныч набирал в легкие воздуха и разворачивал плечи),— полярник и вообще страшно отчаянный парень.

Он даже начал по утрам заниматься гимнастикой.

Василий Иваныч летел на грузовом «ЛИ-2», который шел на островную полярную станцию.

Он поминутно соскабливал со стекла кусочком плексигласа иней. Мороз тончайшим пером торопливо наносил на стекло кресты, мачты кораблей, невиданные деревья и блестки, и тогда мир казался усыпанным разноцветными звездами, и это вселяло разноцветные надежды.

На Кокальды самолет перегружался и заправлялся бензином и маслом, и временный начальник Василия Иваныча, тоже сравнительно молодой мужчина с заиндевевшими усами, хлопая белесыми от инея ресницами, говорил, как дрова колол:

— Там нужен деятельный, волевой человек. Более того, хороший психолог и дипломат.

Василий Иваныч сделал спокойное лицо.

— Туда прислали на период экспедиции пять разгильдяев, и откуда бы вы думали?

Василий Иваныч сохранил спокойное выражение лица.

— Из Адлера!

Василий Иваныч покачал головой и понимающе улыбнулся.

— Там, правда, есть один инженер, совсем мальчик, но, мне кажется, он распустил всю эту братию, и вам придется наладить работу.

— А какие у меня будут меры воздействия? Я смогу воздействовать на их заработок?

Начальник слегка поморщился.

— Разумеется. Но не забывайте, в каких условиях здесь приходится работать. И,— он тонко улыбнулся (а много времени спустя Василий Иваныч вспомнил эту улыбку),— я думаю, вы этого не забудете.

Разговор происходил на ледовом аэродроме Кокальды. С одной стороны взлетной полосы поднимался высокий берег, усыпанный большими острыми камнями, впаянными в плотный снег, а с другой стороны — снежные горы, резко и жестко очерченные,

без полутеней и переходов. Низкое солнце, окруженное белесой радугой, было в дымке.

Сначала мороз показался Василию Иванычу небольшим, но через некоторое время он почувствовал, что если сейчас не спрячется в тепло, то нос и щеки промерзнут насквозь и по ним можно будет постучать, как по деревяшке.

— Какая сейчас температура? — спросил он, с трудом двигая смерзающимися челюстями.

— Порядка сорока.

— Инженер,— раздался спасительный голос бортмеханика,— поехали!

— Желаю успеха,— сказал начальник Василию Иванычу и крепко, как будто желая показать, какой он сильный, пожал ему руку.

И Василий Иваныч торопливо пошел к самолету, чтобы побыстрее добраться до тепла, а потом не выдержал и позорно побежал.

«Я зажму всю эту братию,— думал он про авиатехников, согревшись внутри самолета,— молчание, значительное лицо, вежливость, со всеми по имени-отчеству и воздействие на зарплату».

Но, несмотря на воинственное настроение, появившееся в тепле, он чувствовал, что морская свинка была не совсем права и приключения еще свалятся на его голову, и он предчувствовал: теперь не придется мечтать о бурях и приключениях, как о благе. Их будет достаточно.

Остров был длинный и выпуклый, как спина морского чудовища, вынырнувшего из океана и вмерзшего в лед, с несколькими домиками и воткнутыми в тело радиомачтами. И все это показалось Василию Иванычу таким непрочным и временным, как будто и вправду стояло на живой спине.

«Я заставлю их работать! — подумал он, делая спокойное лицо.— Разгильдяи!»

— Вы будете новый инженер? — спросили сзади.

Василий Иваныч оглянулся. Два авиатехника с необыкновенно красными лицами, хоть прикуривай от щек сигареты, стояли, переминаясь с ноги на ногу, и улыбались.

— Не только буду, но и есть,— сказал Василий Иваныч «строго, но вежливо», и лица техников еще шире растянулись улыбками.

Один из них взял у Василия Иваныча рюкзак и забросил в кузов грузовика, окруженного паром, работающего на малом газе, чтоб не застыл мотор.

— Подбрось инженера до гостиницы,— сказал техник шоферу.

— Вы из Адлера? — спросил Василий Иваныч.

— Нет, из Хомотты. Сюда в командировку, а есть, правда, и южные ребята. Те, которые с бородами,— южане.

Василий Иваныч машинально посмотрел на второго техника и отметил, что тот также брит. И теперь решил ни в коем случае не отращивать бороды, хотя у него раньше и было такое намерение.

— После этой дыры Хомотты кажется Парижем,— сказал техник, добродушно хлопая белыми, как у альбиноса, ресницами, но Василий Иваныч сохранил спокойное выражение лица.

«Никаких вась-вась!— подумал он.— Если б я не был начальником, может, мы сделались бы друзьями, но сейчас — никаких слабостей. Я обречен на одиночество, если хочу, чтоб самолеты летали без приключений».

— Как ваша фамилия? — спросил он.

— Пилюта, Иван.

— По отчеству?

— Не надо по отчеству,— сказал Пилюта смущенно и, может, далее покраснел бы, если б мог.

— Но это, смею думать, не секрет? — Василий Иваныч решил всегда оставлять за собой последнее слово.

«Пусть привыкают»,— подумал он.

— Ну, Сидорыч.

— Очень рад с вами познакомиться, Иван Сидорыч,— сказал Василий Иваныч без улыбки.

Пилюта пожал плечами: зачем тысячи китайских церемоний? И как будто с облегчением услышал гул самолета.

Как раз в это время на стоянку заруливал слепяще красный самолет Полярной авиации, окруженный снежным красноватым вихрем, и Пилюта побежал его встречать. Он поднял руки, показывая, куда заруливать, самолет послушно повернулся к нему носом, и Пилюта шел задом и так усердно махал руками, как будто самолет двигался от его рук.

«Хочет согреться, вот и машет руками»,— подумал Василий Иваныч.

Шофер отпустил сцепление и дал газ.

Василий Иваныч доехал до гостиницы и сказал шоферу на всякий случай: «Спасибо».

В гостинице, длинном здании барачного типа, размещались и столовая, и кинотеатр, и библиотека, и медпункт, и биллиардная. И он, проходя по коридору, попадал то в темноту кинотеатра с призраками из другой жизни, то слышал стук ложек, то оказывался в табачном тумане биллиардной. И везде на него обращали внимание: на Севере каждый человек нужен.

Навстречу выскочил молодой, очень красивый парень в тапках на босу ногу, уже оповещенный о прибытии второго инженера, и сказал:

— Очень рад, что вы приехали. Я инженер.

— Ну, нам-то можно и на «ты»,— улыбнулся Василий Иваныч.

— А я здесь совсем зашился,— махнул своей очень тонкой рукой инженер,— народу нет, запчастей нет, литературы нет, и самолеты сыплются один за другим, только успевай обслуживать.

— Как-нибудь вывернемся,— сказал Василий Иваныч,— ты, наверное, не так поставил себя. Сразу «вась-вась». Так ведь?

Инженер пожал плечами, не зная, что ответить.

Василий Иваныч очутился в комнате с четырьмя двухэтажными койками.

Четверо парней расписывали «пульку» прямо на белом пластмассовом столике, и столик носил на себе следы многих карточных баталий. Когда появился Василий Иваныч, все доброжелательно посмотрели на него и по очереди пожали ему руку.

На стене висела картинка — розовая свинья, нога на ногу, непринужденно курящая папиросу, и внизу подпись: «А я курю». Впрочем, в комнате курила не только одна свинья. Дым стоял, как от засорившейся печки. Даже глаза ело.

Инженер принес Василию Иванычу постельное белье и даже сам хотел застелить ему постель, но Василий Иваныч сказал:

— Ну, что ты, что ты! Я сам.

— Все бы ничего, да вот я, откровенно говоря, совсем не знаю реактивной техники,— вздохнул инженер,— я «поршневик».

— Я более менее знаю,— сказал Василий Иваныч скромно.

И на самом деле он знал. Не раз он с блеском сдавал зачеты по знанию материальной части комиссии из высшего командования и не раз сам принимал зачеты у техсостава. У него была записная книжка, где даже отмечалось, какой регулировочный винт каким ключом вертеть, и еще он чувствовал моторы, что называется, нутром, вполвзгляда косясь на приборы, только для проверки своего «чутья». Это вырабатывается после того, как сам запустишь и прослушаешь тысячи моторов.

— Тогда нормально,— сказал инженер,— вывернемся...

И хотя Василий Иваныч был несколько разочарован — так все вокруг было обычно, и даже белые медведи не скреблись в стенку,— но он продолжал чувствовать себя героем, и его подмывало поговорить о героизме, хотя никто его за язык не тянул.

У него в рюкзаке лежала на всякий случай бутылка водки, купленная еще в Москве, и вечером, когда в комнате остались только инженер и второй парень — врач, детина килограммов на сто живого спортивного веса, он решил, пользуясь отсутствием подчиненных, сказать:

— Совсем забыл!

И выставил на стол бутылку водки с таким видом, как будто вспомнил о ней только что.

— Хорошо! — сказал доктор, потирая свои большие красные руки,— а то здесь этого добра нет, сухой закон.

— Хорошо,— поддакнул инженер, но тут же сознался, что не пьет, и смущенно добавил, что и вообще ему пришло какое-то письмо, как будто это последнее обстоятельство имело отношение к делу.

Доктор вытащил из-за окна промерзшую рыбу и начал обстругивать ее, как палку, на листок бумаги, а потом открыл банку красного соуса и вторую — с огурцами.

Василий Иваныч налил по полстакана доктору и себе и посмотрел на инженера с преувеличенным состраданием, но тот с невозмутимым видом читал письмо.

Василий Иваныч и сам почти не пил, но иногда для удобства общения изображал из себя этакого рубаху-парня, который и выпить не дурак. И еще он хотел выговориться в кругу своих людей, чтобы потом от постоянного «воздержания» не потянуло болтать в обществе подчиненных: сегодня сболтнул лишнее, завтра, а там тебя и слушаться не будут.

После принятия первой стопки он почувствовал в мыслях легкость необыкновенную и сказал «сдержанно» те слова, которые давно уже сложились в его уме и затвердились почти наизусть:

— Направо пойдешь — будешь богат. Налево — женат. Прямо — погибнешь. Пойду-ка я прямо. А если б тот парень на распутье не пошел прямо, то и сказки не получилось бы. Давайте выпьем за безрассудство!

Доктор удивленно поднял голову и посмотрел на Василия Иваныча даже несколько презрительно. Это Василий Иваныч почувствовал по тому, как он бесцеремонно рассматривал его щеки. Как рекламную картинку: «Пейте томатный сок!»

Доктор поймал в банке огурец и, покачав головой, захрустел.

Он был лет тридцати, но уже старый полярник. Это чувствовалось по той простоте обращения, которая в большой компании обычно выдает человека умного, а на Севере — еще и битого.

— А какие здесь достопримечательности? — спросил Василий Иваныч, чувствуя, что его несет по кочкам.

— Никаких, — сказал доктор.

— Я тоже, как вышел из самолета — снег, лед и небо, обесцвеченное снегом и само белое. Взгляду зацепиться не за что.

Доктор снова посмотрел на Василия Иваныча недоуменно.

— Впрочем, есть обелиск на острове Дальнем,—сказал он,— тем, кто его открыл.

— Да-да,— вспомнил Василий Иваныч,— я видел что-то высокое и темное на островке, который рядом. Так это и есть обелиск?

Крупное лицо доктора оживилось.

Двери распахнулись, и кто-то залепленный снегом из темноты коридора сказал:

— Вадим Петрович, у Бахарева плохо с сердцем. Вездеход здесь.

Доктор надел кямчи — меховые носки, торбаса и меховую рубашку: он предпочитал одежду северных народностей, настолько мудро придуманную, что в ней даже европеец выживет.

Сверху он надел меховую куртку с капюшоном и, налив себе еще полстакана, выпил, поймал в банке огурец и вышел, похрустывая огурцом.

На улице мело. Стекла толсто намерзли, и на щелях рамы — ледяные валики.

Инженер все читал свое письмо и, не глядя, загребал строганину и, запрокидывая голову, высыпал ее в рот.

— Не сладко, наверное, сейчас доктору,— сказал Василий Иваныч. Инженер засмеялся.

— Ты что?

— Читаю письмо. Забавно. Послушай,— сказал он.— «Я прочитал в немецком журнале за август месяц: «Стремянку опрокинуло снежной бурей, но людей из персонала аэропорта не опрокинешь. Они работают при температуре минус сорок и считают свою жизнь вполне нормальной». Это подпись под фото, где два технаря волокут на себе шарманку для запуска двигателей. Все даю в своем, возможно неточном, переводе. Передай привет всем нашим «героям-полярникам», «которые очень уважают летчиков. Они доставляют им почту, медикаменты, пищу и спасение заблудившимся». Это из подписи к другой фотографии...»

— Непонятно, зачем там обелиск? Ведь остров-то необитаемый...

Инженер пожал плечами.

— А что, если я схожу как-нибудь туда?

— Сходите,— сказал инженер, укладывая письмо в конверт,— но лучше с кем-нибудь. И возьмите с собой карабин. У доктора под койкой.

— Зачем?

— На всякий случай. И за Дальний не ходите. Льдину может оторвать и унести в океан. Сам понимаешь, Арктика.

Инженер никак не мог привыкнуть называть Василия Иваныча на «ты», хотя был почти его ровесником.

Василий Иваныч навел на столе порядок и лег спать.

Доктор вернулся к утру с посеревшим от бессонной ночи лицом, но слегка взвинченный и довольный.

— Страшная штука — Арктика,— сказал он инженеру как будто с восторгом,— иногда неприятно оказаться с ней с глазу на глаз.

Он свалился на койку и тут же захрапел.

Мороз был около тридцати пяти. Василий Иваныч рвался в бой, но, когда узнал, что в так называемой смене всего-навсего два техника, ему сделалось не по себе.

На аэродром шли инженер, Василий Иваныч и «смена» — два техника, уже знакомый Иван Пилюта и бородач — значит, южанин.

Над горизонтом висело сразу три солнца, окруженных радужными кругами, но от этого не делалось теплее.

Василий Иваныч молчал, чтобы оставить себе, как он думал, большую свободу действий, а техники и инженер дружески болтали.

И вдруг один за одним приземлились сразу три самолета: два «поршня», то есть поршневых, и один турбовинтовой — «АН-12». Техники и инженер побежали их встречать.

Василий Иваныч не спеша подошел к самолету «АН-12» с озабоченным видом. Он этот самолет знал совсем неплохо, но сейчас почувствовал, что работать придется самому, своими руками, а это значит, нужно крутить гайки на морозе, а не сидя в кабине, запускать моторы и слушать, как они работают. И его охватил страх.

Инженер тем временем подкатил высокую стремянку к мотору. Самолет возвышался громадой, и «поршня» казались рядом с ним детишками.

Инженер, как бы желая показать Василию Иванычу, что здесь нужно не делать озабоченное лицо, а работать, полез на стремянку открывать капот, и вид у него сделался жалким: наверное, он не знал, как это делается. Василий Иваныч стоял внизу. Он тоже ни разу за свою жизнь не открыл капота своими руками. Когда он в Москве брался за стремянку, непременно какой-нибудь услужливый техник подбегал и говорил: «Василий Иваныч, дайте я!»

И Василий Иваныч великодушно уступал. «Открой капотики»,— говорил он, и техник лихо открывал капоты.

А теперь он стоял на земле, а инженер мучился, кряхтел, и у него не получалось. Василий Иваныч чувствовал, что ему нужно было бы самому залезть на стремянку и лихо открыть капот, по он боялся, что это получится не совсем лихо.

Наконец инженер открыл и судорожно сунул руки в рукавицы, торчащие раструбами из карманов куртки.

Василий Иваныч знал, что нужно делать. Он сотни раз видел, как снимают моторные фильтры и сотни раз составлял технические акты по всем правилам, но сам ни разу не снял ни одного фильтра. В этом не было нужды. Он занимался «мозговой» работой.

— Открытый ключ на девятнадцать,— сказал Василий Иваныч, пытаясь подражать ухваткам технарей-асов, и, взяв протянутый инженером ключ и пассатижи, бодро залез по стремянке вверх. Высоко! И стремянку этот инженер поставил плохо: качается. Того и гляди, посыплешься вниз с высоты около пяти метров.

«Не мог поставить стремянку по-человечески»,— мысленно проворчал Василий Иваныч и бодро разорвал контровочную проволоку. Надел на гайку ключ — гайка ни с места. Он попробовал другую — тот же результат. Стремянка раскачивалась. Василий Иваныч кряхтел, скалил зубы, с носа у него капало, и он провожал до земли взглядом эти капли, но гайки стояли мертво.

Бородач, адлеровский разгильдяй, уже содрал оба фильтра и показал их бортмеханику.

Бортмеханик, круглолицый и краснощекий, давал указания — и кому! — самому Василию Иванычу.

— Да не так! Не так! — ворчал он, стоя на земле, засунув руки в карман.— Первый год замужем, что ли? Ну-ка, слезь! Сколько лет работаешь в авиации? Стажер, что ли?

И сам снял фильтр.

«Здесь совсем не так. Здесь начальник сам все должен уметь делать не хуже любого технаря-работяги,— думал Василий Иваныч, чуть не плача от больно задетого самолюбия, и он даже не заметил, как отморозил пальцы,— здесь совсем не нужно никого заставлять работать. Здесь, в Арктике (черт бы ее побрал!), нужно самому вкалывать».

И только тут он заметил, что пальцы побелели.

— Шалун уж отморозил пальчик,— продекламировал адлерский разгильдяй, проходя мимо, и Василий Иваныч понял, что от языка этого южанина ему еще придется пострадать.

Он растер руку перчаткой; потом ставил аккумуляторы, и ветер дул прямо в лицо, и от него никак нельзя было загородиться. А аккумулятор никак не лез на место.

— У тебя щечка отморожена,— сказал бортмеханик.

— Ему и больно, и смешно,— проговорил бородач и, взбегая на стремянку, оглянулся и сверкнул из поседевшей от инея бороды стальными зубами.

— Мы будем петь и смеяться, как дети,— крикнул он сверху.

Василий Иваныч вернулся со службы, выпил несколько стаканов чаю, чтобы согреться, и забрался на второй этаж своей двухэтажной койки. И ему сейчас было лень даже думать — так он устал. Над ним курила свинья. Настроение было мрачное. Инженер сидел напротив, на нижнем этаже, как в собачьей конуре, тоже курил и молчал.

«Нужно перестраиваться!» — решил Василий Иваныч, засыпая, но дверь открылась, и кто-то крикнул:

— Братцы, за водой!

Василий Иваныч открыл глаза и посмотрел на инженера:

— За какой там еще водой?

Дверь захлопнулась.

— В океан. Льдину взрывать,— пояснил инженер,— поедем, ничего не поделаешь.

Был вечер, судя по часам, но солнце находилось на том же уровне, что и днем и утром. На улице уже несколько человек с красными лицами плясали около трактора, чтобы не замерзнуть.

К трактору были подцеплены большие сани — целая платформа на полозьях. Сани тронулись, и все вскочили в них на ходу.

— А кому это нужно? — спросил Василий Иваныч.

— Тебе! Пить-то надо,— проворчал инженер. И куда только делась его вежливость!

Трактор ехал долго. Временами Василий Иваныч и инженер соскакивали на землю и бежали рядом, чтобы согреться. Трактор

съехал на лед океана и держал путь к высокому торосу. Тракторист открыл дверцу, чтобы в случае чего быстро выпрыгнуть.

Василий Иваныч увидел перед собой стеклянную голубую гору. Внизу, под горой,— голубая пещера с зеленоватым внутренним свечением.

— Красиво,— сказал он.

— Да,— согласился с ним Пилюта,— очень красивая дырка: лед долбить не нужно для тротила. Это ты точно заметил.

Василий Иваныч вглядывался в льдину и находил необыкновенное богатство красок, начиная с красного, как застывшая кровь, от низкого солнца, просвечивающего гору насквозь, до зеленых и лиловых тонов.

Пилюта вытащил из чемоданчика тротиловую шашку, похожую на кусок дешевого мыла, и бикфордов шнур. На шнур он надел запал — бронзовую трубочку с донышком — и, чтобы запал держался, смял трубочку зубами. Запал вложил в дырку на шашке и подвязал еще две шашки к первой. Потом залез в пещеру, и снаружи торчали только его ноги в рыжих унтах. И ноги шевелились — наверное, помогая рукам.

Наконец Пилюта вылез.

«Сейчас подожжет шнур сигаретой, как в кинофильмах»,—почему-то подумал Василий Иваныч, но Пилюта обложил шнур спичками и чиркнул по ним коробкой. Погасшую и замусоленную сигарету он держал в губах.

Из пещеры пошел дымок. Все не спеша отошли в сторону. Раздался взрыв, и торос как будто вздрогнул, а из пещеры вылетел черный дым и осколки льда.

Тракторист подогнал платформу вплотную к торосу. Василий Иваныч залез наверх, со злостью воткнул лом в ослабленный взрывом торос, и вниз, подпрыгивая, покатилась сверкающая глыба льда. Парни переносили куски льда вперед, чтобы больше поместилось на платформе. Василий Иваныч сбросил куртку и работал в одном свитере...

На другой день работы не было. Все близлежащие порты закрылись из-за погоды, а здесь светило солнце.

Василий Иваныч отоспался и приобрел человеческий облик и человеческое желание двигаться, хотя все мускулы болели, как после драки.

«А ведь я научился сдергивать фильтры, черт побери!» — подумал он и отодвинул столик, чтобы ходить по комнате не натыкаясь.

«Страшная штука — Арктика,— вспомнил он слова доктора.— Ну, да не так страшен черт...»

В комнате никого не было.

Он нагнулся, нащупал под кроватью карабин и мешочек с патронами, набил две обоймы.

«А иначе сказки не получится», — подумал он, выходя на улицу.

Ветерок дул в спину. Солнце, теперь уже перетянутое посредине, похожее на песочные часы, стояло на отливающей металлом равнине, и над горизонтом темно-лиловые полосы: это небо вобрало в себя цвет открытой воды — разводий. Так объяснил инженер. Снег, словно обструганный выщербленным рубанком, звенел под ногами

Василий Иваныч повесил карабин прикладом вверх, сделал спокойное лицо и не спеша начал спускаться с высокого берега. На склоне железная бочка стояла на ребре, что явно противоречило физическим законам. Василий Иваныч подошел к ней, долго думал, как это могло так получиться, и догадался: бочка вмерзла, а снег из-под нее выдуло.

— Сами понимаете — Арктика,— передразнил он инженера и двинулся дальше, но тут же провалился по колено в трещину, замаскированную заподлицо снежным мостиком.

«Надо идти мягче»,— решил он и теперь уже при каждом шаге вес тела переносил осторожно и до острова Дальнего ни разу не провалился,

На гребне Дальнего стоял высокий темный обелиск.

Василий Иваныч глянул за остров и остолбенел. Вчера он видел только один торос, а здесь океан до самого горизонта был за-

ставлен голубыми и зелеными кристаллами, освещенными красным, изуродованным рефракцией солнцем.

Он подошел к первой льдине толщиной метра в четыре, вмерзшей под углом, и заглянул в пещеру, отгороженную сосульками, достающими снега. И в снегу были окошки, светящиеся изнутри синими фонарями с фольговыми блестками и пузырьками воздуха, как будто через воду продували воздух.

— Ничего себе! — сказал Василий Иваныч вслух.— Страшная штука — Арктика, неприятно оказаться с ней один на один. Заодно гляну, далеко ли разводья,— решил он и двинулся вперед.

Он шел уже около часа, перелезая через торосы, где их нельзя обойти, и спина его взмокла.

«Трудно было открывать Северный полюс,— подумал он, переводя дыхание.— Утомительно»:

Остров скрылся за сверкающим однообразием льдов. Ветер дул в спину.

«Еще немного пройду и, если не будет разводий, поверну назад»,— решил он.

Он все шел. Ветер усилился и дул уже сбоку. «Что это? Или ветер переменил направление, или я дал крюк?»

Он заволновался и решил возвращаться. Хотел идти по своим следам, но спрессованный снег не оставлял никаких следов. Он вспомнил, что даже тяжелогруженые сани оставляют только две полированные полоски, заметные против света.

И вдруг Василий Иваныч увидел впереди, где, по его представлениям, должен находиться Дальний, сплошную белую стену, загородившую солнце. Он заторопился навстречу белой стене и через несколько секунд оказался внутри ее. Сделалось темно, все вокруг обесцветилось, и в лицо воткнулись сотни холодных заноз. Ему сделалось не по себе.

Он шел, ложась грудью на твердый ветер. Унты и воротник плотно забились тончайшей снежной пылью, и теперь по унтам можно было пощелкать пальцами, как по доске.

Он шел и шел.

«Пора бы и Дальнему появиться,— бормотал он, и ветер набивался ему в рот,— давно пора». Но Дальний как под лед нырнул. Он еще прошел с полчаса и вдруг понял, что заблудился. И тут его охватил страх, холодный, тяжелый страх, докатился до пальцев и судорожно пульсировал под ногтями. По голове пробежал мороз, и Василий Иваныч машинально нахлобучил шапку поглубже. Он чувствовал, как его глаза округлились. Он стоял под углом к ветру. Кровь била в виски, а сердце переместилось куда-то в живот и стучало там.

— Спокойно! Спокойно! — сказал он твердым голосом и почувствовал, что это как раз то, чего ему не достает.— Иначе сказки не получится,— сказал он с кривой ухмылкой и чуть не всхлипнул.

Василий Иваныч почему-то вспомнил паука в ванной. Паук

никак не мог вылезти, постоянно скатывался вниз и снова лез.

«Паук тоже боролся»,— подумал Василий Иваныч и пошел, потому что вспотевшее от напряжения тело холод тут же захватил в тиски.

Впереди появился высокий торос. На мгновение показалось солнце, и над окрасившейся поверхностью тороса взвился красный дым, и тут же все снова обесцветилось. Василий Иваныч поставил карабин у подножия и полез наверх со стороны, загороженной от ветра.

На вершине он попробовал встать во весь рост, но тут же упал на живот и вцепился ногтями в снег, чтобы не сдуло, как мертвую муху. Кругом был сплошной белый вихрь. Снег залеплял глаза, и по разгоряченному лицу текла вода. Он начал смотреть по сторонам и вдруг в просвете, между волнами снега, на мгновение увидел что-то высокое и темное и даже не сразу понял, что это такое. И снова все исчезло в сплошном вихре. Василий Иваныч шел много левее острова, прямо в открытый океан...

Только через час он, обессиленный, с трясущимися руками, повалился к подножию обелиска. Голова у него шла кругом.

Над ним высоко и одиноко стоял темный обелиск, окруженный беснующейся метелью...

Когда Василий Иваныч добрался до гостиницы и шел по коридору, на него смотрели как-то по особенному внимательно. В комнате доктор и инженер были одеты и на столе лежало десятка три ракет. Кроме доктора и инженера в комнате находилось еще несколько человек.

— Куда собрались? — спросил Василий Иваныч.

На него надвинулся доктор и, ухмыльнувшись, стал помогать ему раздеваться. Потом все разошлись. Инженер тоже разделся и лег на свою койку. Василий Иваныч тоже забрался на второй этаж и закрыл глаза. Он так устал, что не мог думать даже о случайности своего спасения.

«Теперь я знаю, кого нужно зажать,— подумал он,— только себя!»

Он проснулся и, увидев на стеклах голубоватые искрящиеся узоры, улыбнулся, как в детстве, от радости, что день только начался и до вечера далеко.

Инженер, сидя внизу, отдирал перед зеркалом отмороженную кожу с носа и щек.

— Давай разделимся,— сказал Василий Иваныч, свешивая голову вниз,— за эти сутки отвечать буду я, за следующие — ты. Так будет лучше.

— Хорошо,— согласился тот, не отрываясь от зеркала.

— Сегодняшний день мой.

— Бери. Хоть и завтрашний впридачу. Переживу.

Василий Иваныч посмотрел на часы. И пока он одевался и завтракал, погода испортилась. Сделалось темно, как в сумерки, и повсюду зажгли свет.

Кто-то начал от нечего делать крутить кинофильм задом наперед.

Василий Иваныч вышел на улицу, и его чуть не сбило с ног ветром, забитым снежной пылью. В проводах выло на все голоса.

«Сегодняшний день мой»,— подумал Василий Иваныч и пошел к аэродрому, хотя вряд ли самолеты могли летать в такую погоду, но нужно было проверить, хорошо ли они пришвартованы, не унесет ли их ветер, как пустые коробки, в океан и не превратит ли их при ударе о первый же торос в запчасти.

Он шел и закрывал то один глаз, то другой и смотрел на свой нос: не побелел ли, но нос горел, как красная лампочка аэронавигационных огней на крыле самолета.

Василий Иваныч подбегал к каждому самолету и трогал тросы, натянутые, как струны, и, решив, что тросы не порвутся, побежал в теплушку. Он ворвался, как будто за ним гнались, и судорожно протянул руки к раскаленной железной печурке, вокруг которой, как вокруг идола, сидели техники и сыпали в ее чрево новые и новые жертвоприношения.

РП, так в авиации зовут руководителя полетов, маленький коричневый старичок пенсионер, бывший летчик, которого авиация засосала навсегда, вошел к техникам и сказал неожиданно низким голосом, что один самолет все-таки сядет, а потом он закроет порт на прилет и вылет. И в свист пурги вмешался гул моторов. Пилюта побежал встречать самолет.

Через полчаса он вернулся и сказал:

— Кто сказал, что на улице жара? Метео говорит, что сейчас сорок два. Совсем как в Африке.

Он протянул руки к печке, и его куртка задымилась.

— Мы будем петь и смеяться, как дети,— сказал один бородач.

— Зачем петь?— сказал второй. — Сегодня работать не будем. Меня на улицу и калачом не выманишь. Я даже, может, ночевать здесь буду, в гостиницу и на обед не пойду.

— А на аэроплане надо делать регламент.

— Когда утихнет, тогда и сделаем,— решили техники, и Василий Иваныч согласился, хотя никто его согласия не спрашивал. Ему казалось, что техники смотрят на него с презрением. Они подчеркнуто не обращали на него внимания.

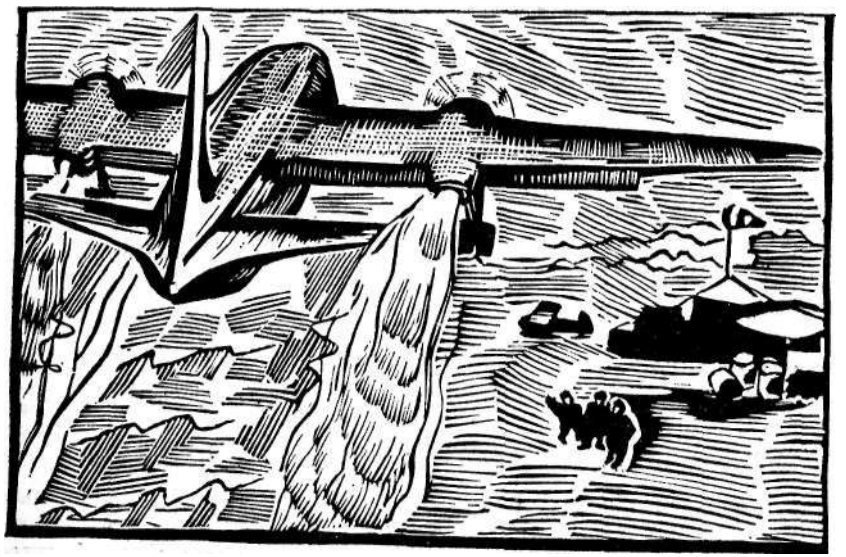
«Зажал! — думал он, ухмыляясь.— Здесь ничего не дается даром. Даже вода. И особенно — авторитет».

Техники пододвинули стол поближе к печке и начали играть в «козла». Домино было самодельное — из дюралевых брусочков.

Василий Иваныч уселся в уголке и начал читать описание двигателя, которое знал почти наизусть.

Дверь открылась, и снова появился РП.

— Такое дело,— сказал он Василию Иванычу,— самолет должен выполнить санрейс.



— Это в такую-то погоду? — удивился Василий Иваныч.

— В случае чего меня посадят, а не тебя. Как появится маленькое окошко в небе, выпущу аэроплан.

— Если экипаж согласится и вам жить надоело, можно,— пожал плечами Василий Иваныч.

— Я о другом говорю. На самолете нужно выполнить регламент через сто часов налета.

— Сам иди и делай,— сказал бородач,— много тут всяких начальников развелось.

РП даже не оглянулся на его слова.

— Я под дулом пистолета не пойду,— повторил бородач.

— Вот такое дело. Знаю, что трудно,— сказал РП Василию Иванычу и вышел.

Василий Иваныч отложил книгу и бодреньким голосом сказал:

— Ну что ж, товарищи, пойдемте. Ничего не поделаешь.

Никто не шевельнулся.

— Бедненькая тетя, как ты похудела! — сказал бородач и ударил костяшкой по столу.— Ну, как дела, господин тракторист?

— Рыба! — сказал второй бородач.— Подсчитаем очки.

Все начали с преувеличенным усердием подсчитывать очки.

— Ну, так как? — спросил Василий Иваныч.

— У нас тридцать два, а у вас?

— А у нас водопровод, вот. Тридцать пять.

Техники начали переворачивать костяшки.

— В такую погоду быть иа улице не положено,— произнес бородач.— У кого один-один? Поехали.

— Не хотите? — спросил Василий Иваныч.

— Тянут-потянут — вытянуть не могут! — сказал бородат.

— Так никто не пойдет? — спросил Василий Иваныч, но все как будто и не слышали его.

Тогда Василий Иваныч потуже запахнулся и затянул пояс на последнюю дырочку. Концы воротника он подсунул под уши шапки и завязал тесемки под подбородком. Лицо он обмотал шарфом и оставил снаружи одни глаза. Техники играли в домино. Василий Иваныч взял инструмент и проверил, все ли ключи на месте.

— Он заиграл, а я запела,— сказал бородач. И Василий Иваныч нырнул в белый мрак.

Он, спотыкаясь и падая, подкатил печку для подогрева моторов, окунул проволоку с тряпкой в бензин и сделал факел. Кое-как разжег печку, и из длинных рукавов пошел теплый воздух.

Потом сходил в сарай и принес щит — брезент на двух высоких палках — и долго не мог поднять его стоймя: мешал ветер. Ветер выл в самолетных антеннах. Василий Иваныч начал открывать капот мотора, но снятые створки ветер тут же подхватил и понес. Василий Иваныч долго бежал за ними и потом отнес в самолет и самолет закрыл, чтобы снег не набился в кабину.

Он подвесил рукав, дующий горячим воздухом в то место, где должны находиться руки, и начал работать.

«Жалко, что нет зеркала. Не заметишь, как обморозишься»,— подумал он.

Он работал, стиснув зубы, уже час. Он надеялся только на себя, а на технарей решил даже не злиться, чтобы не тратить сил на злость. Он разошелся и потерял чувство времени.

И вдруг в белом вихре появилась сгорбленная фигура, обрубленная метелью по пояс, с ветрозащитным щитом под мышкой. Василий Иваныч не мог разглядеть, кто это, да и ему было все безразлично. Человек подкатил печку к другому мотору и разжег ее.

Василий Иваныч работал молча. Он даже не смотрел туда, на второй мотор, где кто-то сопел, сморкался и матерился.

Через полчаса подошли еще двое.

— Сходи погрейся,— сказали снизу, под стремянкой, и потянули за ремешок унта, и по голосу Василий Иваныч узнал первого бородача.

— Я буду работать,— сказал тот спокойно.

К утру самолет был готов и вылетел.

Василий Иваныч уже ничего не соображал. У него хватило сил ровно для того, чтобы добраться до постели. Он свалился на чью-то койку. Прямо внизу — на второй этаж он уже не мог забраться. И чувствовал уже сквозь сон, как кто-то стягивает с него унты и свитер.

— Отнеси в сушилку,— услышал он голос Пилюты.

— Не спи.

— Что? — спросил Василий Иванович сердито.

— Не спи. Поесть принесли.

Об авторе

Старостин Александр Степанович. Родился в 1936 году в Алма-Ате. По образованию авиационный инженер, работает в эскадрилье Полярной авиации. Автор опубликовал несколько рассказов и очерков в разных журналах и газетах («Дух Айхона», «Голубая волчица», «Мой остров», «По следам бегущего оленя» и др.). Основная тема произведений — жизнь Севера. В альманахе публикуется впервые. Сейчас готовит к изданию книгу об Арктике для издательства «Молодая гвардия», а также работает над рассказами и повестью о сибирских промысловиках.

В СНЕГАХ ЭКВАТОРА

Очерк

Е. Иорданишвили

...И там, впереди, он увидел заслоняющую все перед глазами, заслоняющую весь мир, громадную, уходящую ввысь, немыслимо белую под солнцем, квадратную вершину Килиманджаро. И тогда он понял, что это и есть то место, куда он держит путь.

Э. Хемингуэй. Снега Килиманджаро

...Я сижу у раскрытого окна. Дурманящий аромат цветов входит в комнату с тихими звуками ночи. Пропыленный рюкзак отдыхает в углу. Через десять минут я с друзьями сяду за стол, чтобы отметить конец долгого пути.

А перед обожженными солнцем глазами в дымке усталости и нервного напряжения дрожит под беспощадными полуденными лучами дорога да сверкают в пепельном свете луны белые безмолвные снега Килиманджаро...

Каждая история имеет не только конец, но и начало.

Начало этой истории можно отнести к временам, когда наша планета была моложе на пять тысяч лет...

За морями горы великие

...Сим повелел великий Джедефра плыть кораблям до того места, где светлый Озирис встает из вод Великой Дуги, плыть и дальше вперед, неся власть и силу страны Та-Кем * по всей поднебесной тверди...

Далекие пески казались ближе в неярких тонах раннего утра. Семь лучших кораблей страны покинули гавань Суу, чтобы нести волю фараона на край света.

Тайное, скрытое даже от фараона поручение великих жрецов имел предводитель флотилии. Неведомыми, непостижимыми уму путями узнали жрецы: за краем света, у порога небес живет голубой камень, чудо из чудес, что плачет прозрачными слезами при виде бога света — великого Озириса... Доставить его в храмы — значит еще более возвеличить мудрость и силу тех, кто держит в руках страну и незримо направляет деяния самого великого владыки...

Вставали вместе со светилом, тонули в лазурных водах десятки и сотни дней, умирали рабы и воины, повторяя в последнем бреду имена близких и названия родных стран. Все дальше уходили корабли, и после каждой бури все меньше становилось их число, теснее жались они друг к другу, гонимые ветром и волнами свирепого моря. Разные племена выходили к берегу из тенистых рощ неведомых деревьев. Лилось вино в знак дружбы и кровь — в дни распрей. Разным богам поклонялись народы, но никто не слышал о голубом прозрачном камне, что живет, питаясь водой, в преддверии неба.

И настал момент, когда звезда удачи взошла для экспедиции. Древний старец, взятый воинами на шумном прибрежном базаре, спел песню о могучих утесах, чьи головы уходят за облака, и о голубом камне, рождающем бурные реки. И указал старец путь к тем местам, добавив, что много лун пройдет, прежде чем увидят их идущие, но никто не вернется назад, ибо безмерно тяжек и опасен туда путь. Оставив на берегу охрану и лучших мастеров — строить новые корабли, предводитель разделил воинов на два отряда. Один ушел вперед** искать конец необъятной земли, другой с особым поручением, известным только старшему, двинулся в глубь страны.

На далекой родине давно умер Джедефра. Воля другого владыки торжествовала в стране Та-Кем, смещая бывших приближенных умершего. Здесь, под чужим небом, остановилось время. Здесь по-прежнему правила воля мертвого фараона, сплачивая жесткой дисциплиной немногих, еще оставшихся в живых.

А второго отряда все не было...

...Давно умолк гул океана, сменившись шепотом великого леса. Второй отряд медленно, но упорно продвигался к бесконечно далекой, легендарной цели. Сотнями исчислялось число прошедших дней и лишь десятками количество оставшихся воинов, когда расступились зеленые горы, свет солнца хлынул в воспаленные

* Название Древнего Египта.

** «Вперед» в Древнем Египте означало направление на юг.

глаза, горячий ветер шевельнул спутанные, отросшие до плеч волосы людей. Впереди, насколько хватал взгляд, лежала равнина, а на самом горизонте виднелась исполинская недостроенная пирамида. Темная до половины, она выше была устлана ослепительно белым — превосходившим лучшие сорта критского — мрамором. Плоская ее вершина упиралась в самое небо. Прошло пять дней. И с каждым днем все выше поднималась белая пирамида, пока не закрыла полнеба.

А потом кончился пояс лесов вокруг горы. Желтые, выжженные солнцем травы гнулись под холодными порывами ветра, и совсем низко проносились серые рваные тучи. Все выше поднимались люди к небу. Замирало сердце, и учащалось дыхание от близости богов, обитавших где-то рядом. Неведомое доселе чувство возникало по ночам. Странной болью сводило пальцы рук и ног. Люди сотрясались от мелкой дрожи, белые облачка, жалкое подобие небесных, вырывались из их уст.

И настал невероятный, годами ожидавшийся день, когда среди черных плит, давно уже сменивших желтые травы, увидели они куски бело-голубого, истекавшего слезами камня... А еще выше в нестерпимом сиянии темного неба сверкали дворцы и пирамиды из небесного камня. С величайшими предосторожностями вырубили воины копьями несколько огромных кусков и, тщательно спрятав от глаз солнца в мягкие овечьи шкуры, уложили на дно кованых сундуков, которые тотчас же запечатали личной печатью великого жреца. Но не насытился и этим беспокойный дух предводителя. Лучших воинов послал он дальше, к вершине великой горы. Пять дней ждали их возвращения вконец измученные люди, подвергаясь приступам неведомой болезни. К исходу пятого дня в лагерь приполз умирающий. Он уже не мог говорить, только показывал рукой вверх и жестами просил заколоть его копьем. Руки и ноги его приобрели светло-серый цвет. В ужасе бежали люди от гнева богов вниз, в спасительные жаркие заросли бескрайнего леса...

...Тяжелые, с тайными письменами двери закрылись за изможденным седым человеком. Безмолвные рабы внесли в благоухающий мрак подземелья два окованных сундука и удалились, оставив наедине человека, вновь обретшего родину, и главного жреца. Беззвучно повернулись золотые петли, запах тлена ударил в нос. Обрывки руна лежали на дне сундуков. Священные небесные камни исчезли. Исчезли без следа, унеся с собой надежды человека, заплатившего за них половиной жизни,— надежды на заслуженные годы покоя и милости жрецов страны...

Килиманджаро

Все стремительнее становился бег истории на севере континента. Династии среднего и нового царства сменяли друг друга. Все увереннее осваивали корабли финикийцев побережье Восточной

Африки, где негритянские племена, постепенно объединяясь, образовывали могущественные государства. А в глубине материка над зелеными вершинами тропических лесов и желтым океаном саванны по-прежнему вздымалась в белой пене вечных снегов вершина горы, уходящей в небо. Разные племена боролись за место под солнцем у подножия великой горы. К концу средних веков племя чагга стало хозяином этой территории. В это же время на восточном побережье Африки появились корабли арабских купцов, заново, после египтян, открывших этот сказочный мир. Тогда же пришла на берега Восточной Африки многовековая страшная беда— работорговля. Многочисленные поселенцы скоро дали начало легендарной империи Земб, чьи города и гарнизоны неумолимо двигались на юг вдоль океана к островам Занзибару и Пембе. Племена начали отступать от побережья через саванну к великой белой горе, как бы ища у нее защиты. Тогда и родилось название ее снежной вершины.

— Кибо *,— кричали люди, увидев белое чудо после многомесячных скитаний в зеленом душном океане джунглей. Позднее, когда племя чагга окончательно осело на склонах массива, широкий пояс банановых плантаций окружил подножие горы, потеснив леса. Прекрасное качество плодов, выросших на щедрой вулканической почве, обеспечило им славу далеко за пределами округи. Килима то инжаро — «бананы с горы» — скоро стали известны и на побережье океана. Так, по одной из версий, возникло и название массива — Килиманджаро — банановая гора.

Шли годы. На южных склонах массива возникло государство Моши. Богатое и независимое, оно не избежало участи ряда феодальных образований начала XIX века — связи с работорговцами. Многие убегали от страшной участи в леса, опоясывающие Килиманджаро. Гора стала свидетельницей безжалостных облав — страшного зрелища, когда черные ловили черных ради горсти монет или связки бус из рук заморских пришельцев.

Северные склоны горы были владениями воинственного племени кикуйю. И часто узкие тропинки в непроходимых лесах становились ареной стычек обоих племен. Но по-прежнему соблюдался древний, восходящий к незапамятным временам обычай — никогда не лилась кровь выше границы лесов, никогда под страхом ужасной кары богов не заходили туда люди. Даже спасаясь от преследования, они часто предпочитали смерть от стрелы или копья гневу небес.

И, странное дело, легенда о снежной горе на экваторе так и не сделалась достоянием европейцев, проникавших со всех сторон в дебри таинственного континента. Проглядели и историки средних веков упоминание о великой белой горе, имевшееся в записях Птолемея еще во втором веке нашей эры. Птолемей

* Возглас, означающий восторг, изумление.

поместил ее (правда, весьма произвольно) и на древней карте с очертаниями части Африканского материка.

Середина девятнадцатого века — время решительного наступления европейцев на белые пятна Африки. Сложны и многообразны причины этого. Миссионерские побуждения, умело направляемые Ватиканом, откровенный грабеж сокровищ континента и более дальновидные колониальные доктрины, торговые цели и алчность бесчеловечных работорговцев. Но во имя служения науке пытливые исследователи создают географию глубин континента, претерпевая невероятные лишения, погибая от страшных, неведомых в Европе болезней. Изгнанный из Эфиопии Крапф и молодой миссионер Иосиф Рембан, работавший в Южном Сомали, предпринимают на свой страх и риск несколько смелых путешествий в район Великих озер, terra incognita Африки.

На десятый день пути к востоку от «Пресного моря» * они увидели белые кучевые облака, застывшие на горизонте и не меняющие своего положения. Это было редкостным зрелищем в саванне в разгар сухого сезона. Еще через два дня, 11 мая 1846 года, облака расступились, и перед глазами изумленных путников предстала сверкавшая под лучами тропического солнца снежная вершина гигантской горы. Они и раньше слышали легенды о двух горах, вершины которых покрыты кованым серебром. Теперь легенда стала явью.

Однако европейские географы недоверчиво встретили сведения об этом открытии. Каноны географии планеты, незыблемые законы климатических поясов, установленные классиками, не допускали ледников и вечных снегов в экваториальных областях.

Но вот новые сведения дополняют первоначальное описание. Классические каноны приходится пересмотреть. В Экваториальной Африке, оказывается, по крайней мере три массива, увенчанных вечными снегами. Самый северный из них — почти на экваторе — позднее получил название Кения, по имени страны, в которой он расположен; западный — Лунные горы, или Рувензори, и уже в южном полушарии самый высокий и величественный — Килиманджаро.

Шестидесятые годы девятнадцатого века. Все новые вершины Альп покоряются еще молодому племени горовосходителей — членов альпийских клубов. В далекой Индии отряды топографов полковника Эвереста наносят на карту безвестный «пик XV», увековечивая будущую «вершину мира» именем своего начальника.

Англичане, немцы, американцы, австрийцы шлют к чуду века — снежной вершине Африки — спортивно-научные экспедиции. Шесть экспедиций в течение первых двадцати пяти лет после открытия — весьма много для того времени.

В 1861 году известные исследователи и альпинисты Декен и Карстен предпринимают первую серьезную попытку покорения экваториального гиганта. Затратив огромные усилия на преодоление пояса джунглей, альпинисты не дошли даже до снеговой линии. Однако предельная высота, достигнутая ими (4300 метров), явно превосходит данные Ребмана о высшей точке массива и показывает, что будущим восходителям придется иметь дело с вершиной, намного превышающей «крышу Европы» — Монблан. Почти через двадцать пять лет, в 1884 году, Джонстон терпит поражение на той же заколдованной высоте — 4300 метров. Четверть века — и никаких надежд на успех! Колдуны местных племен торжествуют: боги не пустят белых пришельцев на порог своего жилища.

Летом 1887 года обе вершины Килиманджаро открылись взору двадцатидевятилетнего лейпцигского профессора географии Ганса Майера. Трудолюбивый, талантливый ученый, неутомимый исследователь, имевший в своем распоряжении солидный запас самого верного союзника путешественников — молодости, поставил целью своей жизни покорить Кибо. Майер не сомневался в успехе. Ведь за несколько лет до этого ученый побывал на вершинном гребне южноамериканского гиганта — Аконкагуа,— на высотах, превышающих шесть тысяч метров. Однако первая атака легко отбита. С огромным трудом, борясь с приступами горной болезни и палящими лучами солнца, Майер доходит до нижней границы ледового покрова конуса Кибо. Рекорд Декена и Карстена перекрыт совсем не намного — обессилевший горовосходитель отступает.

Год подготовки, осмысливания, разработки новой стратегии и тактики. Майер и его спутник Бауман с небольшим вспомогательным караваном выходят на штурм вершины. Бегут дни. Караван медленно набирает высоту, приближаясь к границе вечных снегов.

И снова неудача. Восстание племени потрясло округу, перечеркнуло планы штурма.

Еще год жизни решает посвятить упрямый исследователь покорению Кибо. Привлеченный красочными описаниями вершины и перспективой альпинистской славы, приезжает к Майеру один из лучших горовосходителей того времени — Пуртчеллер.

В третьей экспедиции было немного носильщиков. Четырнадцать человек сравнительно быстро достигли границы леса. Носильщики с трудом дошли до седловины. Суеверный страх перед льдом, снегом и гневом богов заставил их отступить, несмотря на уговоры и обещание дополнительного вознаграждения. Преодолевая приступы горной болезни, ученый и альпинист продвигались все выше. Остался далеко внизу мрачный лавовый ландшафт плоскогорья между Кибо и Мавензи — восточной вершиной массива. Ледовые поля встретили восходителей на высоте около пяти с половиной тысяч метров. Это уже был рекорд высоты —- никто из европейцев не поднимался до такой отметки на склоне Кибо. Надеты кошки — новейшее достижение техники альпинизма тех лет, пущен в дело острый клюв альпенштока. Пуртчеллер рубит сотни ступеней. То, что виделось снизу как сверкающие

* Озеро Виктория.

снега, оказалось многометровой массой голубого льда. Изнемогая от усталости, двое людей достигли высоты 5700 метров, еще два часа нечеловеческих усилий — и громоздкий альтиметр показывает 5870 метров. Край исполинского кратера. Нестерпимый холод от ледяного ветра. Сил уже нет, но и это еще не вершина. Солнце последними лучами искрит лед. Надвигается ночь. Восходители отступают. Отступают, но не сдаются. Слишком много отдано сил, чтобы оставить мечту. Несколько дней отдыха в штурмовом лагере — и снова вверх. Восходители меняют тактику. Последний ночлег они устраивают как можно ближе к вершине. На высоте 5100 метров Майер находит в толще лавы небольшой обледеневший грот. Завернувшись во все теплое, что есть под рукой, и все же дрожа от холода, Майер и Пуртчеллер проводят там половину бессонной ночи. И снова метр за метром покоряется склон. Снова видят они край кратера. Но теперь есть еще силы и, главное, время.

Утром 6 октября 1889 года два обессилевших человека пожали друг другу руки. Снега и льды остались внизу. Над ними было только синее небо!

Лишь через десять лет, в 1899 году, подчинилась людям неприступная вершина горы Кения, еще позже последний снежный массив Экваториальной Африки — Рувензори. Первый этап битвы за пятитысячники Африки закончился. Но еще долгие годы отдельные вершины оставались неподвластными альпинистам.

Покорение Кибо Майером и Пуртчеллером не охладило интереса альпинистов к экзотической вершине. За последующие двадцать пять лет несколько экспедиций европейцев и американцев поднялись в заоблачные снега по следам Майера. В 1921 году было совершено первое (и единственное) восхождение на Кибо с помощью лыж. Увидев людей, надевших на ноги невиданные предметы, проводники и носильщики в ужасе разбежались, ожидая немедленных репрессий бога в ответ на колдовской ритуал белых... Но с каждым новым восхождением тускнело поверье о снегах Кибо как обители бога. Все больше юношей племени чагга пробовали свои силы в качестве носильщиков, нелегким трудом добывая скудный заработок.

В 1890 году четыре человека — два немца и два англичанина,— никогда не видавшие берегов Восточной Африки, подписали в Берлине договор о разделе заморских территорий. Области к северу от Килиманджаро — Кения и Уганда отходили к Англии, Танганьика и Занзибар становились колонией Германии. Высшая точка Африки получила имя Кайзер-Вильгельм шпиц.

В 1922 году бывшая германская колония Танганьика мандатом Лиги Наций передается под управление английской короны.

Конец двадцатых — начало тридцатых годов нашего столетия — «золотой век» Килиманджаро. Строятся фешенебельные отели, прокладываются дороги, сотни и тысячи профессиональных гидов, проводников, охотников из местных племен предлагают свои услуги любителям щекочущей нервы охоты, туристам и альпинистам, желающим покорить Килиманджаро.

Всей душой привязывается к неповторимым красотам масайских степей и утренней свежести высокогорья страстный охотник с пшеничными усами. Долгие вечера не гаснет свет в его походной палатке или гостиничном номере. В эти часы не только чистится оружие. Неровные строчки дневника наползают друг на друга. Пухлые записные книжки — крохотные семена, взошедшие позднее бессмертными «Снегами Килиманджаро» и «Зелеными холмами Африки». Писательская зрелость Хемингуэя навсегда связана с окрестностями великой горы.

Желающие испытать силы в единоборстве с вершиной берут проводника, носильщиков и уходят из уюта навстречу ветрам и лишениям.

Мимо шелестящих листьями бананов, мимо низкорослых кофейных деревьев с ветками, усыпанными мелкими зелеными плодами, идут они под палящим солнцем или кратковременными тропическими ливнями. И вот уже ледяное дыхание снегов холодит кровь, а недостаток кислорода учащает удары и без того уставшего сердца. А ведь самое трудное еще впереди. И большинство — девяносто восемь из ста — не проходят пути до конца. От кромки снегов, от древних вулканических гряд, от ноздреватых пластов льда отступают они, заботливо поддерживаемые проводниками.

И только двое из сотни, преодолев вихри седловины и нестерпимый холод решающей ночи восхождения, получают ни с чем не сравнимое счастье увидеть фиолетовое небо над сверкающими снегами вершины. Мрачное жерло кратера, голубые нетронутые льды, а глубоко внизу в зеленом налете лесов и синих вкраплениях озер туманные просторы саванны...

Конец Кайзер-Вильгельм шпица

В начале пятидесятых годов двадцатого века небывалые снежные бури свирепствовали на вершинах Кибо и Мавензи. Другие бури бушевали и на равнинах Восточной Африки.

«Когда саванна горит под ногами, нигде не спрячешься»,— говорит древняя африканская пословица В 1952 году вспыхнула саванна к северу от Килиманджаро: восстало племя кикуйю — одно из крупнейших племен на территории Кении.

Впервые под солнцем экватора в боевой обстановке звучит имя далекой свободной северной страны. Дедан Кимати — «генерал Россия» — стоит во главе армии джунглей — армии «мау-мау». Шесть лет отчаянной, безнадежной войны. Танки и огнеметы против кремневых ружей и копий. Разбиты в глубине лесов последние отряды, снова кровь обагрила склоны великой горы. Но уже звучат барабаны на южных склонах Килиманджаро. Крестьяне и рабочие выходят на площади Аруши, Таборы, Дар-эс-Салама. Массовая

организация — Национальный союз африканцев Танганьики (ТАНУ) придерживается парламентского пути достижения независимости. Массы, однако, вносят свои коррективы в историю страны...

Летом 1960 года шестьдесят тысяч забастовщиков вышли на улицы городов с требованиями: работа, свобода, независимость. Опасаясь нового взрыва рядом с только что усмиренной Кенией, англичане пошли на компромисс. 1 октября 1960 года страна получила ограниченное самоуправление. Но полумеры уже не могут остановить развитие событий. Голос партии ТАНУ призывает народ к борьбе за полную независимость. Начинают создаваться подразделения Национальной армии Танганьики. Одному из них предназначается особая миссия...

Торжественное провозглашение независимости бывшей германской колонии, английской подмандатной территории Танганьики было назначено на 9 декабря 1961 года,

7 декабря из селения Маранту, что на южных склонах Килиманджаро, вышел отряд. Молодые солдаты во главе с лейтенантом— многие из них прежде были носильщиками и проводниками — получили специальное задание. Вечером 9 декабря, когда в Дар-эс-Саламе все уже было готово к торжественной церемонии спуска английского флага, из горной хижины Кибо группа людей с горящим факелом двинулась к вершине Африки. Была одна из тех ночей, когда ни один проводник с восходителями не решается покинуть горной хижины'. Ураганный ветер с мокрым снегом слепил глаза, выдувая остатки тепла из-под одежды, сбивая и без того тяжелое дыхание людей. Но это была не обычная ночь, которую можно пересидеть в тепле горного приюта. Страна обретала независимость. Зажженный факел — символ освобождающейся Африки — должен быть доставлен на вершину.

В 12 часов ночи яркие огни праздничного салюта на берегу океана осветили падающий английский флаг. В этот момент сотни тысяч людей послали в снега Кибо слова привета и поддержки тем, кто нес огонь факела свободы к вершине.

На исходе ночи в вихрях снежной пурги окоченевшие от мороза люди достигли края кратера. Колеблющийся свет озарил льды и скалы вершины, обретшей вместе со страной свободу.

До высшей точки гребня оставался еще полуторакилометровый путь вдоль кромки кратера. Факел свободы был оставлен на вершинном гребне. Люди поклялись вернуться и донести его до высшей точки Кибо.

Через год они сдержали слово. 9 декабря 1962 года Танганьика стала республикой. В эту ночь, ставшую последней для Кайзер-Вильгельм шпица, вновь зажженный факел был пронесен до конца. Утром солнце осветило белые снега Ухуру-пойнт — пика Свободы. На всю Африку прозвучали слова, выбитые на железном ящике, где на вечное хранение был оставлен исторический факел вместе с флагом Республики Танганьика: «Мы зажжем на

вершине Килиманджаро факел, который будет светить далеко за пределы наших границ, вселяя надежду там, где сейчас отчаяние, любовь, где сейчас ненависть, и веру в человеческое достоинство, где прежде было лишь одно унижение».

Экспедиция «Южный Крест»

«Молодой человек (звучит как комплимент, когда тебе тридцать восемь), вам и вашим друзьям придется нелегко. Подняться от тропической жары и влажности к вечным снегам за считанные дни с тяжелым грузом сможет не каждый. Но учтите: любые препятствия, которые встретят вас в этих далеких странах, ничто по сравнению с теми организационными и техническими трудностями, что ждут экспедицию еще до выезда».

От огромных стен светлого кабинета, завешанных бело-голубыми картами Арктики и Антарктики, веяло холодом. Известный путешественник — его глаза видели льды и вечные снега обеих макушек планеты,— прощаясь, сердечно пожал руку и хитро улыбнулся.

Идея восхождения на Килиманджаро родилась, выражаясь языком теории вероятности, как закономерная случайность. Долгим путем шла ленинградская группа горных туристов к этому рубежу.

1957 год — Западный и Восточный Памир, 1959 год — Центральный Тянь-Шань, 1962 год — Алтай, 1963 год — Восточные Саяны — Мунку Сардык. Август 1965 года — восхождение на Ключевскую сопку — снова просыпавшийся в то лето высочайший вулкан Азии. Здесь, на его заснеженных склонах, поднятых над лесами Камчатки, у свежих лавовых полей и вулканических бомб, впервые прозвучало слово «Килиманджаро» и родился замысел научно-спортивной экспедиции в Восточную Африку.

Всю зиму шел медленный процесс превращения удачной шутки в серьезную идею. Группа должна быть немногочисленной — пять, семь человек,— это сократит возможные расходы, а также вероятность чьего-нибудь непредвиденного отказа, что может в решающий период подготовки поставить всех в тяжелое положение.

Группа должна быть мобильной. Экспедиция, не могущая самостоятельно поднять и нести свой груз, обречена на беспросветную зависимость от транспорта, носильщиков, а значит, в условиях незнакомой страны может потерять драгоценное время и не выполнить поставленной задачи.

Группа должна быть достаточно спортивной. Успех первого советского группового восхождения на Кибо не может быть обусловлен помощью проводников и носильщиков.

Впрочем, эти и многие другие вопросы казались абстрактными на фоне нереальности самого предложения. Проходили месяцы,

складываясь в годы. Сотни лиц, доброжелательных и равнодушных, возмущенных и восхищенных; десятки табличек с названиями научных, спортивных, общественных и государственных учреждений; кипы отношений, ходатайств, справок, пояснительных записок мелькали сквозь спицы вращающегося колеса времени.

Далекая, почти сказочная вершина то приближалась, вздымаясь над ободряющими резолюциями, то полностью скрывалась в грозовых тучах категорических отказов. Но даже в самые суровые дни безнадежного ожидания ложились в записную книжку описания пути к вершине, вычитанные из фолиантов с ятем, закупались продукты, примерялись новые спальные мешки и теплые свитера.

Судьбы планируемого похода и восхождения оказались связанными не только с финансами, погодой или временем отпусков, но и со всей сложной картиной, именуемой жизнью современного мира. Загремели выстрелы на Ближнем Востоке, застыли корабли в голубых водах Суэцкого канала, пошатнулся и чуть не рухнул английский фунт, колыхнув всю стерлинговую зону. С волнением вчитывались мы в строки зарубежных телеграмм и вслушивались в последние известия, гадая, какую еще пилюлю нашим планам поднесет неустойчивый и коварный мир капитала.

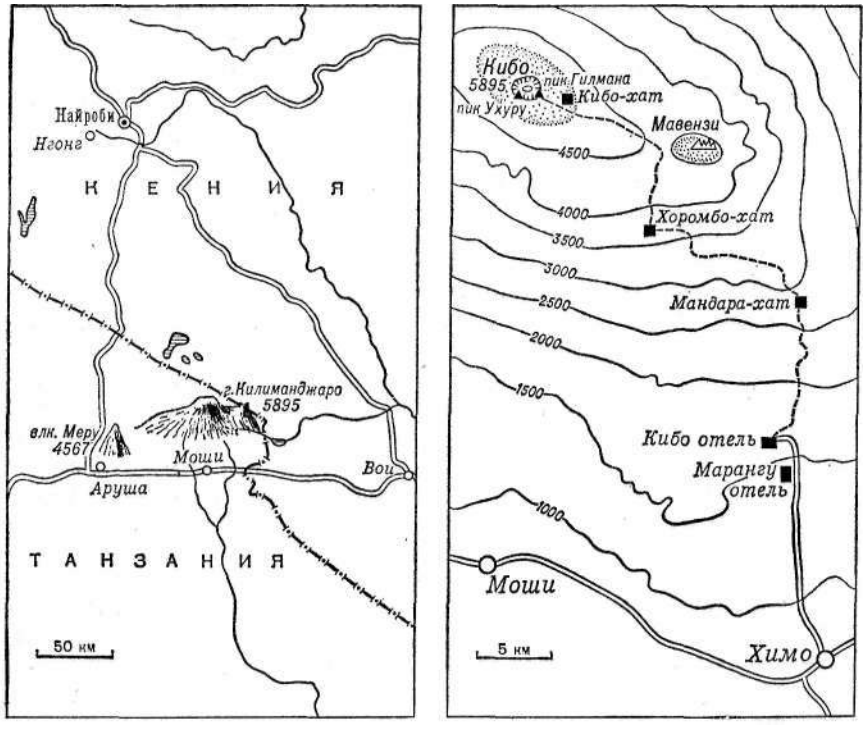
К началу января 1968 года в результате длительной переписки с туристскими фирмами Кении и Танзании поездка стала реальностью. Оставался вопрос о сроках.

В Танзании, как и в большинстве стран Тропической Африки, нет времен года — есть «сухой» и «влажный» сезоны. В районе Килиманджаро их количество удвоено. Январь, февраль, март и июль, август — сухие сезоны. В это время возможно восхождение. Остальные месяцы года саванна тонет в струях тропических ливней, а над вершинами массива, плотно скрытыми облаками, бушуют снежные бури. Дважды откладывался почти подготовленный выезд.

Шел к концу сухой сезон начала 1968 года.

До вылета оставались одни сутки. Три ленинградца, Александр Дитман, Игорь Васильев и автор этих строк, были уже в столице; три москвича, Алексей Абрикосов, Сергей Иорданский, Богдан Поповский, завершали последние приготовления к дальней дороге. Научная программа экспедиции включала сбор гербария высокогорной флоры, взятие проб воды из некоторых озер Восточной Африки, определение и фотографирование современных границ ледяного и фирнового покрова.

Спортивная цель — первое советское групповое восхождение на Кибо. Надежно и бережно упакованные, лежат в рюкзаке два вымпела. На лицевой стороне одного из них — строгая эмблема Географического общества: на серо-голубом фоне плавающие в мировом океане материки, на оборотной атласно-белой стороне — березка и пальма, доверчиво тянущие друг к другу свои зеленые руки.



Другой — красный, с силуэтом Ленина и лозунгом «Выше знамя советского спорта!» — вымпел добровольного спортивного общества «Спартак».

Международный аэропорт Шереметьево сверкает в наступающих сумерках тысячами электроламп.

Бесстрастная стеклянная стена отделяет заполняющих таможенные декларации от провожающих. Двухминутные формальности доброжелательных пограничников, и вот уже светящееся табло зовет на посадку в «ИЛ-18», готовящийся к полету по одной из самых протяженных голубых дорог Аэрофлота — маршруту Москва — Каир — Ходейда — Могадишо — Дар-эс-Салам.

Ровный свет салона сменяет темноту перрона. Чуть видны улыбающиеся лица родных и знакомых на застекленной круглой галерее. И хотя еще не верится, что окончен один из важных этапов задуманного, мысли уже далеко, там, куда стремительно уносится набирающий высоту лайнер...

На исходе первых суток путешествия, преодолев расстояние в треть окружности Земли, мы ступили на влажный асфальт ночного Найроби — столицы Кении. Отсюда начинается наш путь к склонам Килиманджаро.

Однако не только альпинистские трудности подстерегают в наше время людей, отправляющихся в горы за пределами своей

родины. Безукоризненно вежливый молодой индус в чалме — чиновник кенийской иммиграционной службы — хорошо поставленным голосом проинформировал нас о том, что правительство его страны разрешает нам пребывание в Кении без права продления виз лишь сутки.

Итак, прощай, тайная мечта о предварительной акклиматизации на склонах горы Кения, об экзотических фотографиях у столба с надписью «Экватор», что стоит на шоссе Найроби — Нанюки; фотографирующийся здесь обычно стоит так, что одна нога попирает твердь северного, а другая — южного полушария.

А активная акклиматизация ох как нужна! Ведь мы выехали в альпинистско-туристское «межсезонье», и спортивная форма большинства оставляет желать лучшего.

Интенсивные переговоры с опечаленной и поставленной в неловкое положение фирмой — и наконец выход найден. Два дня, которые мы должны пробыть в Кении, мы проведем в районе вулкана Меру на севере Танзании. При благоприятных обстоятельствах мы сможем совершить там тренировочное восхождение. Меру— западный сосед Килиманджаро. Это массив с несколькими вершинами на скалистом гребне. Высшая точка его достигает 4567 метров.

...Давно скрылись в дорожной пыли головы любопытных жираф, пасущихся у обочины. Ранние сумерки как бы сгустили нагретый дрожащий воздух. Где-то далеко на горизонте возникла и, постепенно увеличиваясь в размерах, надвигалась громада массива Меру.

Туман навис над близкими предгорьями. Группа медленно поднимается вверх. Струйки пота заливают глаза. Пряный аромат горного леса кружит голову. Гортанные крики крупных хвостатых обезьян бабуинов выводят из полудремотного состояния, навеянного ритмичным движением.

Середина дня. Высота — 3000 метров. Тяжелые серые облака спускаются на огромную террасу с одинокой охотничьей хижиной. Здесь наша первая акклиматизационная ночевка.

Утром следующего дня, поднявшись метров на пятьсот по крутой крупнокаменистой осыпи выше границы леса, группа остановилась на очередной привал. И здесь мы увидели своего будущего противника. Плотный слой белых облаков скрывал саванну. Массив Меру извилистой подковой прорезал облака, закрывая вид на запад. А на востоке в ореоле лучей восходящего солнца высилась черная громада Килиманджаро. Ближе к нам неправильной трапецией, опушенной в верхней части снегом, уходила в небо вершина Кибо. Позади маленьким бугорком выглядывал пятитысячник Мавензи.

Лучший способ проявить уважение — помолчать. Мы молчали несколько минут. Белая подвижная стена облаков, гонимая северным ветром, медленно поглотила темного великана...

Остались позади кофейные плантации вдоль автострады Аруша — Моши. Вечерняя прохлада ложилась на многоцветную саванну. Освещенные солнцем облака гигантской кучей собрались на обеих вершинах Килиманджаро, полностью скрывая их. Наш микроавтобус миновал развилку шоссе, решительно свернув к северу, к близким уже зеленым увалам — первой ступени массива.

И только теперь, когда все пространство перед нами было занято поднимавшимися к облакам склонами, мы ясно и бесповоротно ощутили, что отступления уже не может быть, что, по выражению Хемингуэя, «это и есть то место, куда мы держим путь».

Восхождение

— Минги сафари*, — радостно провозгласил швейцар «Кибо-отеля», вызывая рать коридорных служителей к подъехавшему автобусу. Но «бваны» решительно взвалили на плечи объемистые рюкзаки и, взяв в руки чемоданы, прошли в холл, где любезная хозяйка отеля сообщила, что ждет группу уже с утра. Наше необычное отношение к услугам персонала имело отнюдь не меркантильную основу. С самого начала надо было отстаивать твердость намерений осуществить самостоятельное сафари. Кстати, слова «бвана» и «сафари», прочно введенные Хемингуэем в мировую литературу, ныне хотя и не требуют перевода, но подлежат некоторому уточнению. «Бвана», имевшее ранее значение «господин», теперь означает просто уважительное обращение к собеседнику. «Сафари», некогда означавшее охотничье путешествие, в наше время также расширило значение. Сейчас его применяют и к восхождению, и к пикнику, и даже к посещению музея. Важно только, чтобы при этом было традиционное обслуживание иностранных туристов.

Фрау Брюль, весьма пожилая, но достаточно живая и энергичная немка, живет в этих местах почти сорок лет. Купленный еще в начале тридцатых годов маленький отель был перестроен и сейчас служит одной из двух (наряду с «Марангу-отелем») основных баз, откуда начинаются восхождения. Десятки тысяч людей прошли через холл отеля, где на почетном месте висит фотография седого пожилого человека с энергичным и благородным лицом. Под ней готическим шрифтом выведено: ««Кибо-отелю» от восходителя на Кибо Ганса Майера».

Хозяйка перешла в атаку сразу же после традиционных слов приветствия и распределения ключей от трех номеров с душем.

— Надеюсь, джентльмены откажутся от безусловно романтического, но абсолютно нереального намерения совершить самостоятельное восхождение?

В ответ на вежливо-дипломатические улыбки джентльменов фрау Брюль поведала малую толику альпинистских ужасов о ьер-

* Большое путешествие *(суахили)*.

шине Кибо. Мы терпеливо объяснили принципы нашей спортивной и общественной этики и твердое намерение идти вшестером, и только вшестером, без проводников и тем более носильщиков.

— Но возьмите хотя бы повара. Какое же впечатление у вас останется о восхождении без нормального питания?

Нет, воистину, мы говорили на разных языках и в буквальном, и в переносном смысле.

На свет появилась книга, в которой на специально отведенном месте мы собственноручно засвидетельствовали, что группа выходит на свой страх и риск и предупреждена о том, что спасательные работы платные.

Свежая роса быстро просыхала на мясистых листьях агав и лепестках диковинных фиолетовых цветов. Последние минуты перед выходом. Хозяйка отеля искренне желает удачи, раздавая на прощание пакетики с ленчем. В 8 часов 40 минут утра 1 марта группа выходит из прохладного вестибюля под лучи безжалостного солнца.

Не раз приходилось нам раньше уходить в горы. От голубых тяньшанских елей, могучих саянских кедров или каменных камчатских берез поднимались мы к вечным снегам. А сегодня мы идем под светлыми листьями банановых рощ, мимо малорослых кофейных деревьев, буйных зарослей сахарного тростника.

Поотстали веселые ребятишки, провожающие необычный караван, только наш шофер-гид Эссау продолжает идти рядом, сочувственно поглядывая на наши лица, начинающие покрываться бисеринками пота. Но вот и он пожимает руку замыкающему и останавливается, широко улыбаясь и подняв над головой соединенные ладони. Он с микроавтобусом будет ждать нашего возвращения. Через час первый привал. Легкий ветерок приятно теребит насквозь пропотевшую рубаху. Идущие мимо женщины с огромными связками тростника неодобрительно качают головой. В разрывах облаков на мгновение появляются белые снега на склонах конуса Кибо. Это очень далеко от нас.

Мы вступаем в пояс горных тропических лесов. Стоящее в зените раскаленное солнце неистовствует. Кажется, наши светлые шляпы насквозь пропитались его лучами и уже не служат защитой. «Внутренний регулятор» организма неуклонно движется к красной черте, за которой — тепловой удар. «Некий путешественник пожелал сам нести свои вещи, но в первый же день выдохся. К счастью, он не успел много пройти» — шутливая притча-поговорка, вычитанная в Ленинграде еще в период подготовки, не выходит из головы. Однако постепенно в борьбе с солнцем наступает динамическое равновесие. И только окончательно побежденные тени крохотными пятнышками скрываются где-то под ногами. Под оплетенным лианами деревом видим у обочины ежевику. Это кажется невероятным. Знакомая ягода, утолявшая нашу жажду в далеких лесах Кавказа и Алтая, какими ветрами занесло тебя к экватору?

Еще час тяжелого пути, и кончился лес. Появился простор, чувство высоты. Три домика приютились на краю рощи у полей батата. Мандара-хат — высота 2940 метров — место первого ночлега восходителей. Табличка у ручья рядом с домом сообщает, что вода пригодна лишь для умывания. Внутри домиков голые стены, кровати с матрацами. Неуютно временное жилище. Три часа дня. В запасе не только время, но и силы. Решаем идти дальше. Как здорово, что мы не связаны с хижинами! Сразу за ними густой темный лес. Чуть заболоченная глинистая тропка круто уходит вверх. Ноги скользят на влажной красной глине. Снова становится душно.

Внезапно лес кончается, будто срезанный гигантской бритвой. Альпийские луга расстилаются до самого горизонта. Хмурые тучи, подгоняемые северным ветром, несутся над головой, переваливая через травянистый гребень. Здесь, на поляне у опушки леса, наш первый ночлег.

Перед самым отбоем мимо по тропе прошел какой-то обгоревший и обалдевший счастливчик. Заплетающимся языком он поведал по-английски, что был «там» и торопится вниз, бросив двух спутниц с проводником. Спросив, будем ли мы ночевать в кратере, человек-видение, качаясь, скрылся в лесу.

Под утро прошел мелкий холодный дождик. Прикрепленный к палатке термометр показал девять градусов тепла. Приятная прохлада быстро тает под лучами встающего из-за гребня солнца. Маршрут второго дня проходит по тропе, пересекающей альпийские луга. Набор высоты незаметен, мы фактически идем вдоль массива по направлению к седловине между Кибо и Мавензи. Слева небольшие конусы древних побочных вулканов. Это очень хорошие ориентиры.

Теперь, когда наши ноги уже прочно утвердились на единственной тропе, ведущей вверх, а сине-зеленые дали саванны еле проглядывают в белых облаках под ногами, наверное, пришла пора сказать несколько слов о том, что же представляет собой высочайший массив Африки.

Килиманджаро — исполинская груда древней лавы, излившейся на поверхность равнины еще в конце третичного периода. Протяженность массива с востока на запад — около 90 километров, с севера на юг — почти 60. Формально у массива три вершины — Кибо (5895 метров — высшая точка Африки), Мавензи (5134 метра) и Шира (4312 метров). Но фактически Шира — плоскогорье, оно ниже, чем седловина между Кибо и Мавензи. Оледенение Килиманджаро, достигавшее несколько десятков лет назад пятнадцати квадратных километров, непрерывно уменьшается, что иногда объясняют остаточной вулканической деятельностью Кибо. На склонах массива находится несколько древних побочных кратеров и лавовых потоков. Поверхность снежного покрова подвержена довольно сильным колебаниям. Сезон 1967/68 года характеризовался весьма мощным покровом, нижняя

граница которого находилась на высоте 4600—4700 метров. Оледенение массива дает начало реке Пангани, текущей с южных склонов.

...Молодой чернокожий парень с сундуком на плече показывается из-за очередного поворота тропы. Метрах в ста позади — еще двое. У одного тюк, у другого примус п вытянутой руке. Мгновенно оценив ситуацию, носильщики останавливаются и предлагают свои услуги.

Собрав запас английских слов, пытаемся объяснить, что обычаи «нашего племени» требуют, чтобы восходители сами несли свой груз. Ребята понимают юмор — весело улыбаются. Традиционное «ква хери сафари» * звучит нам вслед. Минут через двадцать появляется арьергард процессии — две средних лет дамы с обветренными лицами осторожно ступают по тропе. Рядом шагает проводник, неся в одной руке бутылку с водой, в другой фотоаппарат путешественниц. Дамы смущенно признаются, что, конечно, не были на вершине, дошли лишь до Кибо-хат. («Там слишком холодно и неуютно, с нас достаточно».)

И опять мы наедине с ветром и солнцем.

Странные растения возникают внезапно в одном из мелких ущелий, прорезающих склон Мавензи. Мясистые ярко-зеленые листья, похожие на кактус, а ниже толстый чешуйчатый ствол пальмы. Это сенеции (Seneccio cottoni) — экзотика тропического высокогорья.

Короткий ливень заставляет влезть в полиэтиленовые накидки. И снова солнце слепит глаза даже сквозь дымчатые очки. К четырем часам дня на перегибе склона показались сверкающие дюралевые домики. Хоромбо-хат — высота 3750 метров. Два домика получше для восходителей. Здесь трехъярусные нары, ужо без матрацев. В одном из домиков даже застекленное окно в крыше.

На стенах домиков снаружи и внутри сотни надписей. Чопорные записи англосаксов, сентиментально-восторженные — латиноамериканцев, юмористические — французов, лаконичные — скандинавцев... Победные реляции, горькие сетования на погоду и гримасы фортуны, просто даты и подписи. Нет только русских автографов. Нет и не будет — решаем мы. И хотя очень хочется черкнуть пару слов (на добрую память и в утверждение своего микрокуска славы), честно держим себя в руках, соблюдая культурную традицию не осквернять памятные места. Кроме того, ведь мы еще только идем к вершине...

Снова, как и вчера, остаются время и силы. Решаем сделать еще переход, продвинуться поближе к седловине. Последние сотни метров пути — мимо открытой всем ветрам заболоченной равнины, по краям которой растут красавицы сенеции. Второй вечер восхождения. Далеко внизу освещенные косыми лучами солнца

* Удачного путешествия *(суахили)*.

ослепительно белые облака укутывали саванну. Тишина в чистом воздухе. Высота 4200 метров — мы на уровне эльбрусского «Приюта одиннадцати».

Ночь стремительно надвигалась. В этих широтах переход от дня к ночи совершается за какие-нибудь полчаса. Солнце ныряет за горизонт. На фоне быстро темнеющего неба чуть колышется на ветру над палаткой маленький красный флажок.

Утро третьего дня восхождения: идем вдоль желто-красной гряды древней лавы. Серпантин тропы. Ритмично двигаются ноги. Вдох на каждые два шага. Высота приближается к четырем с половиной тысячам. Все реже и беднее растительность. Сухие, потрескавшиеся участки почвы с редкими травянистыми подушечками давно пришли на смену густым альпийским лугам. Мы вступаем в суровый мир высокогорья!

Удивительное ощущение — пересекать климатические пояса Земли «по вертикали». В любых горах, а здесь в тропиках особенно, чувствуешь, какая тонкая пленка спасительной атмосферы отделяет все живое от смертельного холода космоса. Многие тысячи километров надо шагать по планете, чтобы от пальмовых рощ дойти до неяркой красоты тундры, и всего четыре километра в высоту приводят людей от роскоши экваториальной природы к субарктическим мхам и лишайникам...

За очередным взлетом тропы открывается мрачный пейзаж, напоминающий пустынную местность на Восточном Памире. Седловина. Огромное пространство, насколько видит глаз, усеяно сглаженными валунами, остатками древних вулканических бомб. Вправо плоскогорье медленно повышается, переходя в ледово-снежный цирк Мавензи. Влево унылая равнина простирается далеко, упираясь в склон Кибо. Вершин не видно. Хмурые тучи, гонимые ветром с кенийской стороны, летят через седловину. Группа людей в ярких свитерах и нейлоновых куртках возникает из тумана. Здороваемся. Это швейцарские альпинисты, покорившие Кибо. Предупреждают нас о трудном подъеме по крутому фирновому склону. С завистью отзываются о нашей самостоятельности, Они тоже хотели идти без носильщиков, но решимости хватило лишь на «половинную» норму — носильщик на восходителя. Погода портится. Мелкий дождь туманит стекла очков. Коченеют руки. Закутавшись в накидки, молча идем по еле видным следам, мимо блестящих от сырости валунов. И кажется, нет в мире ни голубого неба, ни желтых гроздьев бананов, ни цветов с одуряющим ароматом, а только клочья тумана поперек пути, голая пустыня, уходящая в бесконечность, да затекающие влагой следы на сером вулканическом пепле...

Через час немного прояснилось. В просвете рваных туч появились белые пятна снега — склон Кибо. Вершины не видно, но масштабы ее огромны. У самой границы снегов за первыми ступенями подъема чуть видны крохотные домики Кибо-хат. В три часа (это, кажется, уже традиция) делаем последние шаги

сегодняшнего перехода. Опять же по традиции немного «перевыполняем план» — проходим выше хижин метров на тридцать.

Близится вечер. Последний перед штурмом. Семь тысяч километров самолетом, шестьсот на машине, пятьдесят пешком остались позади. Пришли к компромиссу ноги с ботинками и плечи с рюкзаками. Привыкли глаза и головы к неумолимому солнцу. И только сердце чутко реагирует на каждое резкое движение — ведь воздуха на одну треть меньше, чем у берега океана. Последняя ночь. Что принесет завтрашний день?

Наверх решено взять три рюкзака на шестерых. Долго спорим из-за каждого предмета — брать или не брать? Десять минут «свободного времени» перед сном. Разговор не клеится, каждый думает о своем. Впрочем, наверное, об одном и том же, но с разной «аранжировкой». Ртутный столбик термометра решительно катится к нулю. Последний раз бросаю взгляд вниз — на мрачные просторы седловины, вбок — на грязные пятна снега у лавовых глыб, вверх — на уже скрывающийся в сумерках склон. Погода оставляет желать лучшего. Холодный ветер продувает лыжную куртку. На седловине под нами серая каша тумана, туч, дождя. Постепенно затихают обе палатки. Теплая темнота обволакивает сознание, и только из маленького транзистора под головой чуть слышно звучит музыка далеких асфальтовых городов...

Ноль часов тридцать минут. Проснулись вовремя. Еще не успев вылезти из палатки, я понял, что наши почти двухлетние хлопоты и волнения, усилия последних дней не пропали даром. Ночь, морозная тропическая ночь была великолепна! Ни единого облачка не угадывалось на черном небе. Внизу в непроглядной тьме спала саванна. Вверху серебряным поясом небосвод пересекал Млечный путь. Незнакомые созвездия южного полушария безраздельно царили над головой, пользуясь новолунием. Термометр застыл на отметке минус шесть градусов Цельсия. Самое холодное время суток еще впереди.

Через полчаса первый пласт фирна хрустнул под ногой ведущего. Начался последний рывок вверх, в черноту бездонного неба, навстречу еще незримым снегам. Всего тысяча двести метров набора высоты — пятикилометровый путь по заснеженным грядам камней и осыпям, через фирн и лед. Последние пять километров. Для скольких людей они оборачивались одним, двумя, тремя? Каждый из нас должен пройти этот путь до конца.

Морозный пар вырывается изо рта. Медленно работают ноги, отбирая метр за метром у каменистого склона. Напряженное и вместе с тем полудремотное состояние — признак действия высоты — постепенно охватывает тело. Наверное, уже «размениваем» шестую тысячу метров. Нещадно стынут ноги и руки. Мороз не так уж велик, градусов десять, двенадцать — очевидно, просто действует психологический фактор, так сказать, несовместимость холода с понятиями «Африка», «экватор».

Три часа ночи. Черное отверстие грота — пещера Ганса Майера. Мы узнаем ее по многим описаниям. Пещера тесная, невероятно холодная — настоящий склеп. Ледяные сталактиты свисают с низкого потолка. Не просидев и половины запланированных десяти минут, окончательно окоченев, выходим на крутой снежник. Чувствуем — это самая тяжелая часть пути. Фирн тверд. Выбив несколько десятков ступеней, устаю, сбивается дыхание. Сейчас главное — не думать о подъеме, о тяжелом крутом пути, о высоте. Слева на небе четыре звезды ромбом. Это не просто созвездие. Это Южный Крест! Мечта романтиков всех широт, символ наших надежд и мечтаний два года назад.

Сегодня мы идем под светом его звезд.

Особенно крутое место. Позавчера один из восходителей-одиночек (шедший с проводником) сказал нам при встрече, что он сорвался ночью на снежнике, после чего «потерял интерес» к дальнейшему восхождению. Наверное, это было здесь. За спиной, скрытая ночным мраком, притаилась Мавензи. Мы уже метров на четыреста выше ее вершины.

«Тишины в походах мы не ищем, мы не просим отдыха на марше» — слова песни лезут в голову. А им нет там места, там тугая, бьющая в виски кровь и, кажется, еще приличный запас спортивной злости.

...Отбивая рантами ботинок ритмичные удары, группа, как черная упрямая гусеница, то свивающая, то распускающая сегменты своего тела, движется вперед и вверх...

Конец снежника. Впереди крупные валуны. Глыбы, выброшенные чудовищными взрывами доисторических извержений. Глыбы, настолько тяжелые, что исполинской силы недр хватило только донести их до края кратера. Значит, уже недалеко.

Темнота отступает. Где-то за линией горизонта светило спешит нам на выручку. На выручку ли? Взойдет солнце, растопит снега — еще труднее будет идти. Гаснут звезды. Темно-красная полоса появляется на краю черных облаков, обрамляющих по горизонту чистое, светлеющее небо. Она ширится и желтеет. Вершина Мавензи выглядит маленьким холмиком внизу. Первые солнечные лучи брызжут в лицо долгожданным теплом. Ярко-синее небо охватывает полмира. Вторая половина — каменистый склон. Мы между ними.

Завершающая сотня метров всегда самая трудная. Шаг — вдох, десять шагов — минутная остановка. Полустоим-полувисим, привалившись к ледорубам и камням. Почти шесть тысяч метров, верхняя граница тропосферы, «погранзона» земной жизни. Кислорода вдвое меньше нормы.

Еще двадцать шагов по ступеням-валунам. Еще десять, пять, два... Что дальше? Нет пути дальше. Есть только фиолетово-синее небо да ослепительно белые, нетронутые снега, заполняющие гигантский кратер.

Так вот вы какие, снега Килиманджаро!

Чаша кратера — не менее двух километров в диаметре. Ровное снежное поле скрывает двухсотметровое жерло. Оно должно находиться километрах в полутора к юго-западу, прямо под скальной, припудренной снегом стеной. Если идти по гребню, это ровное плато. Там Ухуру-пойнт. И туда, по рассказам проводников, никто не ходил в последние месяцы. Впрочем, полузасыпанные следы видны на расстоянии метров тридцати вдоль кромки кратера. Искрящиеся миллионами граней спускаются на дно чаши три ледяные стенки. Они не очень толсты и просвечиваются солнцем. Голубовато-зеленая зубчатая тень от скального края прорезает дно белой чаши.

Дюралевый флагшток с обрывками старых вымпелов, до блеска отполированный свирепыми ветрами высот, перед нами. У его подножия мраморная плита с надписью Oilman point — пик Гилмэна — так называется эта скала на краю кратера. Рядом деревянный ящичек, здесь книга — беспристрастный регистратор тех, кто дошел до конца. Вот и все!

В принципе знакомый по другим вершинам пейзаж. Обыденный и в то же время неповторимый.

Наступает реакция. Сознание фиксирует происходящее в виде отдельных, часто не очень связанных между собой картин. Нужно идти вдоль кратера, через снежные мосты и карнизы туда, где лежит в ящике факел на Ухуру-пойнт, нужно спуститься вниз, где под слоем снега жерло давно угасшего вулкана. Пока замыкающие выходят к флагштоку и останавливаются, чтобы бросить взгляд вокруг, трое идут дальше по гребню кратера.

Ослепительно сверкающий под косыми лучами солнца снежный купол круто падает влево, переходя в отвесную ледяную стенку.

Идущий впереди делает резкие движения ногой, выбивая рантом след. Но... фирн слишком тверд. Ноги держатся лишь на потертых резиновых выступах подошвы ботинок.

— Осторожнее, не бежать. Подождем остальных.

Остановился. Думает. Смотрит вперед, потом назад и вниз.

— Дальше снежные мосты, нужно веревку. Так не пройдем! — кричит он и, делая ногами скользящие движения, как на лыжах, отъезжает в сторону.

Какая-то настойчивая и неприятная мысль не дает покоя. Гудит голова от снега, от света, от успеха...

Теперь я впереди. Осторожно прохожу первый снежный мост. Крохотный участок скал, еще мостик. Впереди снежный карниз сужается до полутора-двух метров. Ледяные сосульки свисают в боковые трещины. Еще дальше начинается пологий ледник южной части гребня.

— Метров сто, а потом полегче,— неуверенно говорю я.— Пойдем, что ли?

Упорная и неприятная мысль прорвалась наконец в голову. Мысль-воспоминание... Та же высота, почти шесть тысяч. Солнце сквозь рваные облака, такое же полухмельное настроение от

победы, одержанной над самым высоким перевалом страны. Далекий, суровый Тянь-Шань. А потом крик сорвавшегося на склоне замыкающего, ошеломительный рывок веревки и вихри начинающейся под нами лавины...

Это высота. Она многолика и всесильна. Она отзывается и на физическом состоянии, и на эмоциях. Как замерзшая вода дробит скалы, она расшатывает чувство осторожности, волевым импульсом подменяет трезвый расчет, розовым светом озаряет опасную реальность.

Группа растянулась на добрую сотню метров — это высота. Порыв только что шедшего впереди сменился тревожным возгласом: «Назад!» — это высота. Фраза: «Пойдем, что ли?» — это тоже высота.

Вперед идти можно. Только не так. Спокойно. Со страховкой. А время? Солнце уже топит твердые белые снега. Ноги начинают проминать корку фирна. Как пойдем обратно?

Две минуты молчания — и все становится на свое место. Осторожно, делая ступени, подстраховываясь ледорубами, идем назад. Купол проходим особенно тщательно. Еще двадцать метров — и перед нами снова скала с флагштоком. Мы возвращаемся к обязанностям людей, достигших вершины.

Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжит кинокамера. Перезаряжаем пленку, теперь серия цветных кадров запечатлит снега, скалы и льды вершины. Фотографируемся поодиночке, попарно, группой. Два вымпела — серо-голубой Географического общества и ярко-красный, спартаковский,— трепещут на ветру, навсегда оставаясь в этих снегах представителями нашей страны. «Выше знамя советского спорта!» — начертано на одном из них. Мы честно постарались осуществить этот девиз.

А солнце снова приступило к своим обязанностям. Жарко. Но переодеваться некогда. Надо скорее вниз, пока окончательно не подтаял тот крутой снежник. Потрепанная книга извлекается из ящика. Корявые строчки на десятках языков. Прыгают буквы от счастья, от высоты, от усталости. Оставляем запись на русском и английском языках: «Without guides and chambers» — «Без проводников и носильщиков».

И еще оставляем традиционную альпинистскую записку, как на любой из наших вершин. И пакетик с ленинградской землей. И маленькую резиновую черепашку из ГУМа — символ медленных, но упорных усилий, которые привели нас сюда.

Еще раз оглядываемся вокруг. Прощальный взгляд. Пора уходить. Никто из нас больше не увидит этих снегов. Килиманджаро не та вершина, куда ходят дважды. Сердце так и не успело осознать случившегося, а голова уже полна забот о предстоящем спуске — спуске снова в тропическую зелень.

...Косая слезинка дождя пробежала по стеклу иллюминатора. «ИЛ-18» оторвался от земли, и сразу стал виден океан с гряз-

ными пятнами отлива и темно-зеленым простором островов Занзибар и Пемба. А самолет поднимается все выше. Все дальше расступается горизонт. Отодвинулся берег. Дальние горы, подернутые утренней дымкой, показались у самого края иллюминатора, и где-то далеко, не видные за кривизной планеты, но нарисованные в нашем воображении еще свежими воспоминаниями, в последний раз мелькнули снега Килиманджаро.

Об авторе

Иорданишвили Евгений Константинович. Родился в 1928 году в Ленинграде. Окончил физический факультет ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Автор свыше 50 научных статей и двух монографий в области термоэлектричества. Руководитель ряда сложных туристских походов в горных районах СССР (Кавказ, Памир, Алтай, Тянь-Шань, Саяны, Камчатка и др.). Печатался в альманахах «Приключения в горах», «Звезды над перевалом», в журнале «Юность». Автор двух рассказов в альманахе «На суше и на море» (выпуски 1964, 1965 годов).

В настоящее время работает над рассказами приключенческого и научно-фантастического жанра.

ГОСТЕПРИИМНАЯ АНТАРКТИКА

Владимир Бардин

Очерк

— Трэ бьен! Ветер попутный, долетим за два часа,— говорит Виктор Голованов, командир нашего маленького «АН-6».

Он готовится к сдаче экзаменов на заочное отделение факультета журналистики и сейчас усиленно изучает французский язык. Виктору около тридцати лет. У него широкоскулое лицо, густая аккуратная борода а ля Пугачев, небольшие быстрые глаза. На лысеющей голове неизменная красная шапочка с помпоном, подарок жены. Он начал летать уже давно и зарекомендовал себя как способный летчик.

Мы собираемся лететь на японскую станцию Сева. Мы — это группа научных работников. В нее входят главный геолог, несколько просто геологов, чехословацкий геолог, которого все зовут по-домашнему Пэпик, и я — географ.

Наш полет не просто визит вежливости, хотя и это само по себе имеет немаловажное значение. Нам предстоят работы в горах Ямато, а до них удобнее всего добираться через Севу.

В связи с международным характером визита с нами летит

начальник сезонных работ экспедиции Павел Кононович Сенько — опытный полярник, неоднократно зимовавший и в Арктике, и Антарктике.

До японской базы триста километров. «АН-6» делает в среднем 160—180 километров в час. «Аннушка», как обычно называют эту машину, используется в полярной авиации давно и все же до сих пор остается незаменимой при работе в сложных условиях.

Захватив с собой в качестве презента свежие овощи и фрукты (японцы уже год как не видели их), мы взлетаем. Самолет, набирая высоту, делает круг над станцией Молодежная и ложится на курс. Идем низко под рваными кучевыми облаками, строго вдоль ледяных обрывов берега. Самолет временами сильно встряхивает.

— Витя, ты уж поаккуратней, всю душу вытрясешь! — кричит сквозь шум двигателя главный геолог.

— Се ля ви! — отвечает Голованов, жестом показывая, что он тут ни при чем.

По радио устанавливаем связь с Сёвой. Начальник японской станции запрашивает:

— Найдете ли вы мой остров?

— Конечно,— отвечаем мы.

Остров Онгул, на котором расположена японская станция, невелик по размерам. Он теряется среди других мелких скалистых островков, расположенных вблизи края материкового ледника. Сейчас, пока морской лед не растаял, все эти островки соединены в одно целое и выглядят сверху как горсть старых, потемневших от времени медных монет, рассыпанных невзначай по белой скатерти. Но не пройдет и месяца, как лед вокруг островков растает и темная вода обступит, изолирует их друг от друга. Тогда к острову Онгул прибудет из далекой Японии большой ледокол «Фудзи» и новая смена зимовщиков высадится на островок, а отзимовавшие покинут его.

Но до этого еще несколько недель. Из сообщений по радио мы знаем, что «Фудзи» сейчас в Австралии в порту Фримантл, где выжидает, пока ледовая обстановка в районе Сёвы улучшится.

Снова радиограмма от японцев. Они просят посмотреть, не начал ли разрушаться морской лед к северу от станции. Мы смотрим во все глаза, но чистой воды пока нигде не видно.

На Севе нет собственной авиации. Зато «Фудзи» имеет два вертолета. Сравнительно недавно, в сентябре 1966 года, я был вместе с другими участниками XI Тихоокеанского конгресса на борту «Фудзи» в Токийском порту. Стояла убийственная жара. Белые нейлоновые рубашки прилипали к разгоряченным телам. А во внутренних помещениях ледокола было прохладно. По коридорам разгуливал легкий ветерок. Работали установки кондиционирования воздуха. «Фудзи» — новейший японский ледокол, спущенный на воду в 1965 году. Раньше в Антарктиду ходил небольшой ледокол «Сойя», которому приходилось нелегко. Как-то раз наша «Обь» даже выручала «Сойго» из ледового плена. «Фудзи» же сам может постоять за себя. Нас познакомили с капитаном корабля, коренастым улыбающимся японцем, показали научные лаборатории. Тогда я еще не знал, что скоро мне снова предстоит расставание с близкими и путешествие на край света, в Антарктиду. И вот то, что было тогда еще так далеко, теперь стало явью.

— Вижу станцию! — на миг обернувшись к нам, кричит из кабины Голованов.

Мы приникаем к иллюминаторам. Они из плексигласа, местами помутневшего и исцарапанного. Станция где-то впереди по курсу, а по сторонам только морской лед, айсберги и отдельные необитаемые островки. Взяв кинокамеру, я протискиваюсь в кабину.

— Вот там! — кивает Виктор. Я всматриваюсь и наконец замечаю впереди на скалах сгрудившиеся красные постройки. Виктор закладывает вираж и идет на снижение. Теперь уже хорошо можно различить отдельные машины, бочки и ящики около строений.

— Где будем садиться?

Голованов показывает на припай к югу от острова. Здесь лед зажат между краем ледникового щита и островом и, вероятно, прочен.

— Запроси японцев, какая здесь мощность льда,— просит радиста Виктор.

Я перевожу текст на английский, а Николай, наш радист, быстро передает. И почти сразу же радостно восклицает: «Отвечают!» Мощность оказывается в среднем метр двадцать сантиметров.

— Как, Витя, маловато? — спрашивает главный геолог.

— Сойдет,— кивает тот.

— Смотрите, дым!

Внизу на льду нас ждут японцы. Они выбрали свободную от снега площадку и заботливо зажгли дымовые шашки, чтобы показать направление ветра. Видно, как группа маленьких человечков машет нам руками, а рядом, четко выделяясь на льду, алеет вездеход.

Однако наш «АН-6» предпочитает снег. Поверхность льда обычно бывает в мелких зазубринках, как терка, и летчики боятся повредить лыжи. Виктор лихо с первого захода сажает машину в километре от японцев. Самолет пробегает несколько десятков метров. Останавливается.

— Бонжур, лё жапан! — говорит Голованов.

Выходим из самолета. Тепло. Ослепительное антарктическое солнце. Снег подтаивает, испаряется, образует пустоты. Ажурные корочки с мягким шумом рушатся под ногами.

Вдали маячит вездеходик японцев. Они, наверное, немного удивлены нашим «странным» поведением. Мы стоим у самолета, вездеход приближается. В крохотных саночках, прилаженных за ним, сидят пять сверкающих улыбками японцев, вооруженных блестящими кинокамерами. Без кинокамеры лишь начальник. Он выходит из вездехода и направляется к нам. За ним идут все.

Начинаются рукопожатия. Японцы, как известно, чаще приветствуют друг друга вежливыми поклонами. Однако и европейский обычай освоен ими превосходно. Жмут руку не просто так, мимоходом, а продолжительно, с чувством глядя в глаза.

Здороваюсь с начальником станции.

— Доктор Муто,— представляется он.

Это пожилой широкоскулый японец. Рядом с ним молодой человек, худощавый, рыжебородый,— геолог Маегойя. Он объясняется по-английски, помогает в разговоре начальнику. Сам доктор Муто говорит только по-японски.

— Садитесь, пожалуйста, в сани,— обращается к нам Маегойя.

На ум приходит известная на этот счет поговорка, но делать нечего, мы залезаем в саночки. Вездеход трогается.

— Держитесь! — кричат нам японцы.

Сани, соединенные с вездеходом тросом, то, разбежавшись, наезжают на вездеход, то, потеряв ход, замедляют скольжение, и вездеход, внезапно натянув сцепку, резко дергает их, как подхлестывает, а мы валимся назад друг на дружку. Тогда и японцы, и мы весело смеемся, стараясь уберечь свои фотокамеры от повреждения. Но вот и остров Онгул.

Невысокие, в десять — двадцать метров, скалистые сопки, на уступах которых сложены бочки, различное снаряжение, стоят машины, и чуть дальше в глубине виднеются ярко-красные домики.

Станция Сева расположена непосредственно на скалах. За зиму вокруг домиков образовались большие надувы снега. Сейчас снег тает, и повсюду струятся ручейки. Сани въезжают на берег и вскоре останавливаются. На высокой металлической мачте, установленной перед станцией, развеваются рядом два флага. Белый с красным солнцем посредине и алый с серпом и молотом. Нас встречают остальные сотрудники станции в пестрой одежде. Краски яркие, контрастно проступающие в необыкновенно прозрачном антарктическом воздухе на фоне коричневых скал, снега и синего-синего неба.

Нашего начальника П. К. Сенько сажают в свежеокрашенный красный колесный автомобиль и провозят ровно десять метров до парадного входа. Это, очевидно, выражение особого почтения. Кстати, этот десятиметровый участок — единственный на острове, где такая машина может проехать. Вокруг заносы снега и уступы скал. Возможно, машина завезена сюда специально для приемов? Во всяком случае здесь, в стране вездеходов и самолетов, она выглядит веселой детской игрушкой.

Мы входим в проем гофрированной металлической трубы в рост человека. Такими трубами соединены все основные сооружения станции. На выстланном решетками полу трубы аккуратно сложены ящики и пакеты, кое-какое экспедиционное снаряжение. Пройдя около пятнадцати метров по трубе, мы сворачиваем, следуя приветливым жестам японцев, и, поднявшись на несколько ступенек, попадаем в кают-компанию — она же салон, столовая. В общем назвать можно по-разному, мы не знаем, как это называется по-японски. Но на каждой станции есть это самое главное помещение, где собираются все на обед, для просмотра кинофильма, праздничного вечера и просто так, посидеть в свободное время. Большая комната освещена яркими лампами дневного света. Так что в длинную и тягостную полярную ночь здесь «светло, как

днем». Вдоль широкой стены против входа — стеллажи, уставленные книгами с яркими цветными корешками. Кое-где со стен глядят журнальные фотографии: улыбающиеся японки в национальной одежде, обнаженные европейки. Сбоку в комнату вдается небольшая стойка с напитками. В центре широкий стол, вокруг которого легкие, но мягкие кресла. В углу из-за перегородки, где развешаны разнообразные кухонные принадлежности, выглядывает повар в белоснежной одежде.

Присаживаемся, осматриваемся. Вокруг улыбчивые, располагающие лица японцев. На стол ставятся большие четырехгранные бутылки с виски и маленькие в специальной упаковке баночки, на которых написано: «Одна чашечка саке». Саке, как известно,— японская рисовая водка. Она сладковата на вкус, обычно пьется слегка подогретой и, на наш взгляд, по крепости больше напоминает вино. Начинается неторопливая беседа. Ведется она частично на ломаном английском, частично жестами. Японцы и мы знаем английский поверхностно, запас слов у нас характерный для всех начинающих, но именно поэтому мы легко понимаем друг друга.

Доктор Муто коротко говорит что-то. Японцы встают и согласно кивают головами. Это тост за встречу с нами. Мы отвечаем тем же и осторожно тянем сладковатое саке.

— Долетели хорошо?— рассаживаясь, вежливо осведомляются японцы.

— Прекрасно!

— Не видно ли чистой воды на севере?

— Нет, в пределах видимости только лед.

Японцы о чем-то быстро совещаются, затем доктор Муто говорит, что они были бы очень обязаны нам, если представится возможность сделать ледовую разведку для «Фудзи» с помощью нашего самолета. Мы отвечаем, что, конечно, рады будем помочь японским коллегам. Японцы благодарно кивают головами.

— За научные успехи японской антарктической экспедиции! — говорит Сенько, поднимая бокал саке. Японцы благодарно кивают головами.

— Сколько зимовщиков на вашей станции? — интересуемся мы.

— Нас восемнадцать! — отвечает заместитель доктора Муто, тридцатипятилетний симпатичный японец-метеоролог. Он уже второй раз зимует на Севе. Потом добавляет, обведя взглядом присутствующих: — В основном молодежь.

— Кто же здесь самый старший? — спрашиваю я.

Он усмехается и говорит, кивая на мою с проседью бороду:

— Судя но бороде, вы!

Японцы вежливо смеются. Разговор становится непринужденным.

Входят задержавшиеся у самолета летчики. Они закрепляли его на случай внезапной пурги.

Мы передаем японцам гостинцы: свежие овощи, фрукты, красную икру. Несколько бутылок водки от себя ставят на стол летчики.

Японцы аплодируют.

Откупориваем бутылки. Белоснежный повар подносит какую-то закуску, которая смотрится очень красиво, хотя и непривычна на вкус.

— Консервы,— извиняющимся тоном говорит он. Видно, что японцам эта еда порядком надоела.

Японцы пьют очень умеренно, маленькими глотками отпивая из рюмки и все время посматривая на своего начальника, словно спрашивая разрешения. Доктор Муто и есть самый старший на станции. Ему пятьдесят шесть лет. Он медик. Редкий случай, когда начальник станции врач. Недавно он вырезал у одного из зимовщиков пресловутый аппендикс (самая распространенная операция в Антарктиде).

Японцы приглашают нас осмотреть станцию. Обходим отдельные павильоны, где располагаются специалисты по изучению ионосферы, земного магнетизма и полярных сияний, метеорологи. Видно, как прекрасно снабжена станция новейшими, в том числе электронными, научными приборами. Везде работают самописцы. Буквопечатающие машины снимают в нужное время показания приборов. Японскому метеорологу совсем не требуется каждый срок выходить на метеоплощадку, а наблюдатели наших станций вынуждены совершать такие, иногда малоприятные, прогулки по нескольку раз в день. Восхищение вызывает японская радиорубка. За полукруглым пультом, напоминающим пульт атомного реактора в миниатюре, сидит улыбающийся японец. По оснащенности новейшей научной аппаратурой японская станция, очевидно, самая передовая в Антарктиде.

Осматриваем жилые помещения. Здесь все по-японски миниатюрно. Похожие на вагонные купе, отделенные тонкими перегородками, спаленки на одного. Сквозь неплотно занавешенные двери видны фотографии красавиц в самых рискованных ракурсах, помещенные в головах над большими, очевидно очень теплыми, одеялами. Постели не прибраны. Японцы смущенно улыбаются.

— Беспорядок,— сокрушенно разводит один из них руками.

Такие комнатки походят на теплые уютные берлоги, где, наверное, недурно зимовать. Здесь у каждого свой интимный уголок со своими личными порядками, возможно недоступный даже для начальства. Что ж, на зимовке много значит иметь свой неприкосновенный угол.

От многих привычных вещей в Антарктиде японцам пришлось, конечно, отказаться. На полу нет тоненьких желтоватых циновок. И спят японцы, конечно же, не на полу. Обувь, входя в помещение, не снимают. Да и национальной японской одежды здесь не увидишь. Не для холодной Антарктиды она. Здесь одежда другая. Теплые меховые и синтетические куртки с капюшонами, красной и синей обшивкой наружу. Столь же яркие штаны, а на ногах большие оранжевые многослойные бутсы, которым, очевидно, самые лютые морозы нипочем.

Но все же и здесь, в Антарктиде, чувствуется, что японцы сохранили свои лучшие традиционные качества: воспитанность, точность, гостеприимство.

Возвращаемся снова в кают-компанию. За это время белоснежный повар подготовил уже кое-что посолиднев. Японцы включают радиолу. И комнату наполняют звуки старинного нашего романса: «Выхожу один я на дорогу». Мы благодарно слушаем. Японцы улыбаются. У них и еще есть русская музыка и многие наши песни. И наверное, совсем не случайно, что Акира Куросава, режиссер известного у нас фильма «Красная борода», поставил фильм «Идиот» по роману Достоевского, перенеся действие в Японию. И казалось бы, чисто русские характеры выглядели убедительно и для японцев.

— Чокнемся! — смеется, прерывая мои размышления, японец-метеоролог и протягивает свой бокал.— Чокнемся!— снова повторяет он, смакуя это такое звонкое и непривычное для него слово. Со стен улыбаются красавицы. Поблескивает саке в бокалах.

— За науку, за нашу дружбу! — говорим мы.

Зимующий на станции биолог, тот самый, у к оторого вырезали аппендикс, притащил маленький ящик с крохотной зеленью, выращенной им в местной оранжерее гидропонным способом. Это уже истинный деликатес — собственные антарктические овощи. Биолог срывает несколько растений, отпивает глоток водки и торжественно отправляет травку в рот, показывая, что ею хорошо закусывать, и предлагая последовать его примеру. Нас не надо упрашивать. По вкусу эта травка что-то среднее между редиской и редькой и, очевидно, сродни подобным грузинским травам.

Удивительно просты и располагающи лица у японцев. Да, мы, конечно, знали о хваленой японской вежливости, по поводу которой даже рассказывают анекдоты. Но только ли в этом дело? Действительно, японцы чрезмерно часто (для нас это очень непривычно!) улыбаются. Но улыбка, как известно, улыбке рознь и может нести самые различные оттенки, от застенчивости и доброты до хитрости и скрытой злобы. Улыбка японских полярников обезоруживающе приветлива. Нет, тут дело не только в традиционной вежливости и воспитании. Просто мы искренне симпатизируем друг другу. Нам интересно познакомиться с ними, а для них мы первые люди за долгую однообразную зимовку. Конечно, все это искренно, тем более что в Антарктиде вообще редко кривят душой. Ведь Антарктида — континент мира и дружбы. Континент, где никогда не было войн, где отсутствовали и отсутствуют недоверие и подозрительность. Какой пример для других материков!

Незаметно прошло несколько часов на японской станции. Мы познакомили японцев с планами работы в горах Ямато. Пригласили с собой японского специалиста. Доктор Муто предложил геолога Маегойю.

Однако прежде нужно сдержать данное японцам слово — провести ледовую разведку для ледокола «Фудзи», и наша «Аннушка» вместе с тремя японскими наблюдателями снова поднимается в воздух. Я сопровождаю японцев.

— «Фудзи» уже вышел из Фримантла,— говорит мне один из них с удивительно ровными, выступающими вперед зубами.— Через неделю будет здесь.

— Скучаете по дому? — спрашиваю я. Этот вопрос можно было и не задавать.

— Да, да! — кивает головой японец.

— Из какого вы города? — снова интересуюсь я.

— Токио, Токио! — не без гордости произносит японец и ослепительно улыбается.

Токио, Токио — удивительный город, где на центральных перекрестках вывешиваются таблички с числом ежедневных жертв уличного движения: «За вчерашний день 245 раненых, 8 убитых». Грозное предупреждение пешеходам и водителям.

Я помню нескончаемые улицы Токио, то тихие и зеленые, то вдруг сменяющиеся шумными деловыми и увеселительными центрами с праздничной пляской рекламных огней по вечерам...

— Не останавливались ли вы в отеле Маринучи? — неожиданно спрашивает японец. И тут же добавляет: — Не удивляйтесь, одна моя знакомая девушка служит там.

— Нет, мы жили в «Ныо-Отани».

— О, модерн, очень дорого.

«Ныо-Отани» — семнадцатиэтажный модерн с вращающейся башней-рестораном наверху. За час — один оборот, так же как у нас на Останкинской телевизионной башне. Построен «Ныо-Отани» совсем недавно к началу Олимпийских игр в Токио и назван по фамилии владельца, бывшего спортсмена, разбогатевшего на продаже металлического лома.

Самоотворяющиеся при приближении двери, кондиционированный воздух, улыбающиеся японские девушки в кимоно у лифтов,- магазины, кафе и рестораны и, наконец, сад с цветными китайскими фонариками и плавательным бассейном.

— Да, «Ныо-Отани» — дорогое удовольствие,— соглашаюсь я с японцем.

Он смотрит в иллюминатор и делает пометки карандашом на карте. В девяноста километрах к северу от станции начинается битый лед. Видны темно-сиреневые участки воды — полыньи. Можно возвращаться. Обстановка для «Фудзи» вполне благоприятная.

— Это для нас рождественский подарок! — говорят японцы.

— Разве вы отмечаете рождество? — спрашиваю я.

— О, да,— кивает белозубый японец.

Удивительное смешение национальных и европейских обычаев наблюдается в современной Японии. И не сразу все укладывается в голове. С одной стороны европеизированная и американизированная «модерновая» Япония, с другой стороны — страна старинных обычаев, страна синтоизма и буддизма и ряда новых религий.

Я вспоминаю небольшой город Тенри — один из современных религиозных центров Японии, обитатели которого исповедуют свою

особую религию Тенри, возникшую всего лишь в 1838 году. Мы были на приеме у главы религиозной общины города — симбасиры. Пожилой японец, который, как нам говорили, считается здесь почти что богом на земле, по-европейски пожимал руки участникам конгресса. Банкет протекал в традиционном японском стиле. Мы сидели вокруг маленьких жаровен на полу, а миниатюрные японки в кимоно вежливо хозяйничали, подкладывая кусочки жаркого и ароматичных кореньев в наши тарелки. Вечер вылился в своеобразный самодеятельный концерт. Участники разных стран исполняли свои национальные песни. Алексей Федорович Трешников, директор института Арктики и Антарктики, начальник второй Советской Антарктической экспедиции блистательно спел «Есть на Волге утес». А в конце заиграли вальс «Гаснущие свечи», известный нам по английскому фильму «Мост Ватерлоо» с Вивьен Ли, и все, поднявшись, образовали один большой хоровод...

А под крылом уже снова домики Сёвы. Полет окончен. Через полчаса мы ужинаем вместе с японцами. Обстановка теперь совсем непринужденная, мы едим и разговариваем, как старые знакомые. Доктор Муто, которого летчики угостили «аэровиски» — своим фирменным напитком, часто смеется и рассказывает по-японски что-то смешное нашему главному геологу. Тот вторит ему хриплым смехом.

После ужина смотрим фильм о самураях с участием великолепного актера Тосиро Мифунэ, хорошо известного у нас по фильму «Расемон». Самураи на экране рубят воздух короткими японскими мечами. Показывают чудеса ловкости и храбрости. Завоевывают пленительных, несколько флегматичных японок. А в каюткомпании все время раздается смех доктора Муто, растолковывающего главному геологу события на экране.

Но вот фильм о самураях кончился. Уже поздно, пора располагаться на ночевку.

Маегойя, с которым нам назавтра лететь в горы, помещает меня с геологом Женей в уютном чистом складе, где хранится экспедиционное снаряжение. Склад не отапливается, но в спальных мешках с вкладышами холод не страшен.

На нас смотрят с полок самые разнообразные предметы: ящики с мылом, жевательной резинкой, обувь и разнообразная одежда — все в броской фирменной упаковке.

Женя снимает очки, близоруко оглядывается, куда бы их положить, потом, встретившись со мной взглядом, говорит наставительно: «Спи, завтра рано летать!» — и уходит с головой в объемный, обсыпанный лезущими волосами собачий мешок.

Сквозь щель в неплотно притворенной (для вентиляции) двери виден вдали на припае наш маленький оранжевый самолетик. Алые стены домиков, стекла, на которых играют лучи низкого ночного солнца, серебрящийся, словно бархатистый, снег и голубоватые айсберги. Удивительный антарктический пейзаж!

В 4 часа утра с японской точностью нас будит Маегойя. Вылезать из спального мешка мучительно не хочется, но летчики уже «греют» самолет.

От станции Сева до гор Ямато около трехсот километров. Сначала летим вдоль береговых нунатаков в глубь залива Лютцов-Холм. Морской лед внизу, вблизи скал, потемнел, и на нем видны отдельные проталины. Местами на поверхности льда, как крохотные запятые, разбросаны тушки тюленей. Лето!

Мы пролетаем над местом, где в залив впадает огромный ледник — грандиозная, наполненная трещинами ледяная река. Такие ледники, где лед из внутренних частей материка сравнительно быстро поступает по подледной долине к берегу, называются в Антарктиде выводными. Меняем курс и начинаем подниматься все выше и выше к югу вдоль ледяного потока. Это у летчиков называется «лезть на купол». Вскоре впереди, словно вырастая изо льда, показываются и все увеличиваются в размерах цепи зубчатых гор. Это и есть горы Ямато. Ряд крупных массивов окаймлен обширными полями ледниковых валунов. Отдельные мелкие горки еле-еле просовываются из-подо льда, словно головки птенцов, только что проклюнувших скорлупу.

Начинаем выбирать место для посадки. Вниз сбрасывается дымовая шашка, чтобы определить направление ветра. Земля, в смысле лед, совсем близко. Из кабины высовывается второй пилот и показывает два пальца — это означает команду: «двое в хвост».

— Быстрей, быстрей, — теребит нас главный геолог. Вскакиваем и перебегаем назад вдвоем с Женей.

Вот лыжи самолета коснулись льда. Самолет, громыхая и подскакивая на неровностях, пробегает около ста метров и останавливается. Летчики первыми выскакивают на лед и сразу же специальным чехлом закрывают мотор, чтобы не застыл. Через минуту и мы в полном параде с рюкзаками за спиной и молотками в руках сходим на лед.

Хотя высота и невелика, всего полторы тысячи метров, но нам после теплого берега здесь непривычно холодно. К тому же дует резкий, обжигающий ветер.

До горных выходов, казалось, рукой подать, но мы бредем по скользкому неровному льду в своей неприспособленной для этого обуви около часа. Лишь Маегойя в бутсах со специальной рифленой подошвой передвигается относительно свободно. Встречный ветер заставляет целиком запахиваться в капюшон, оставляя только дырочки для глаз.

Так, балансируя и иногда поддерживая друг друга, мы в конце концов подходим вплотную к скалам.

— Нет, это не работа,— говорит главный геолог, с облегчением ставя ногу на скальный выступ.

— А вот ему хоть бы что,— кивает он в сторону Маегойи.

Мы расползаемся по скалам. Что нас интересует?

Десятки интереснейших вопросов о геологическом строении и рельефе этих гор, мерзлоте, современных геохимических процессах и, наконец, о растительной и животной жизни в этих очень суровых, почти космических условиях.

Но пока идет лишь первый этап работы: тщательный отбор образцов и проб для последующего лабораторного изучения, строгая фиксация фактов.

Через три часа все возвращаются к самолету.

Снова взлет, посадка и новые скалы и так еще и еще.

Пока не все идет гладко. То самолет садится слишком далеко от гор, то подходы к ним чересчур сложны. К тому же ветер все усиливается. Как только выпрыгнешь из самолета, на тебя обрушивается упругий, колкий поток воздуха. Идешь боком, отворачиваясь от ветра и щуря глаза, но надо смотреть под ноги, как бы не попались трещины.

Часто перед скалами зияют глубокие впадины в несколько десятков метров с крутыми бортами, так называемые выдувы. В таких местах доступ к скале затруднен. А обойти не всегда можно, да и времени жаль. Что делать, не возвращаться же? В этих случаях по крутому ледяному обрыву спускают вниз самого легкого представителя отряда, и он отбирает образцы. Самым легким при работе с геологами снова уже какой год считаюсь я. Сейчас спускает меня Женя (83 килограмма). Лучше бы это делал другой геолог, Миша (100 килограммов), но Миши сейчас с нами нет. Делать нечего. Я обвязываюсь веревкой. Главный геолог, вконец устав, прилег около Жени прямо на снег и, тяжело дыша, молча глядит на меня снизу большими жалостными глазами. Взяв у Жени его хороший молоток — мой молоток, с его точки зрения, никудышный — и прощально кивнув главному геологу, я начинаю спуск. Веревка тут же жестко схватывает меня со всех сторон, но в конце концов я все же благополучно сползаю вниз.

Вот и скалы, я принимаюсь за работу. «Действительно, у Жени превосходный молоток,— думаю я.— Моим так не отобьешь!» Откалывая последний образец, я теряю равновесие и падаю. Молоток выскальзывает из рук, скатывается к подножию скалы и далее, красиво скользнув по льду, исчезает в трещине. Женя, вскрикнув, наблюдает сверху эту «жуткую» картину. У края обрыва показывается голова главного геолога. Следует томительная пауза. Потом Женя нехотя вытягивает меня наверх.

Молоток у геолога — главное, а порой единственное орудие труда, и настоящие геологи уделяют ему особое внимание. Так, перед работой молоток длительное время вымачивают, чтобы ручка не соскакивала. Вес молотка, форма, длина ручки должны соответствовать силе, а то и характеру геолога. Не будет этого соответствия — и ручка переломится, или образец отбить не удастся. Женя подавлен.

— Ничего,— утешаю я его как могу,— ледники скоро вынесут твой молоток к берегу.

— Когда?

— Это просто подсчитать. До берега километров двести Лсд здесь движется приблизительно пятьсот метров в год, значит, ждать всего четыреста лет.

— Неужели ледники текут так медленно?

— Вот так медленно! Скорости самых больших альпийских ледников редко превышают сто метров в год, а здесь, в выводных ледниках, они достигают тысячи метров, а то и больше.

— Ну, если тысячи, то до берега молоток дойдет за двести лет,— уже успокаиваясь, говорит Женя.

У самолета нас торопят летчики.

— Едем, едем.— хрипит промерзший главный геолог.

Да, мы тоже изрядно устали. Даже Маегойя в своих специальных бутсах имеет далеко не блестящий вид. На первый день хватит.

Взлетаем.

Благодушное настроение приходит, когда возвращаешься с работы, хотя тело с непривычки поламывает и клонит в сон. А время на обратном пути бежит незаметно. Вот уже внизу показались острова — значит, мы «спустились с купола».

А Молодежная радирует дальнейшее ухудшение погоды, и, наученные горьким опытом, мы решаем переждать на Севе.

Японцы даже не спрашивают, полетим ди мы дальше. Вероятно, они знают, что Молодежная «не принимает», и сразу же везут нас на станцию, где предлагают принять участие в рождественском вечере.

Сегодня 24 декабря. Мы снова в уютной кают-компании, только за время нашего почти пятнадцатичасового отсутствия здесь все преобразилось. С потолка наискось через комнату протянуты гирлянды украшений, а стена с книгами завешана флагами государств, участвующих в освоении Антарктики. Пэпик по-детски радуется, увидя и свой, чехословацкий флаг. А ведь он сейчас единственный чех в Антарктиде.

Японцы сегодня удивительно торжественны и немного грустны. Они напевают свои японские песни, вполголоса, полузакрыв глаза. Это часто в такие вот вечера одолевают человека на зимовке светлые и странные воспоминания.

Радист экипажа Голованова, Ваня, подыгрывает в такт песне на японском аккордеоне. Саке и виски в изобилии стоят на столе, но их почти не употребляют. В этот вечер хочется оставаться самим собой. И не стоит произносить пышные тосты — попросту говоря, славословить. Хорошо просто подумать, помечтать, погрустить. И только просветленные лица людей выражают сейчас их внутреннее состояние. Почти все собрались сейчас за столом, и лишь японский радист находится на связи с Молодежной. Но вот приходит и он и сообщает, что Молодежная вновь стала «принимать».

Перед тем как расстаться, японцы включают магнитофон. Звучит удивительно знакомая музыка. Да, это вальс «Гаснущие свечи», который, видно, очень любят в Японии. Кажется, вот постепенно, одну за другой гасят свечи и огней остается все меньше и меньше. Раскачиваясь в такт музыке, японцы, русские и один чех подхватывают волнующую мелодию...

И это было наше прощание с японскими полярниками. Вскоре мы благополучно вернулись в Молодежную, и больше нам уже не пришлось побывать на Севе. Правда, по радио мы получали от японцев еще некоторое время телеграммы, а потом пришло известие, что «Фудзи» завершил операцию по смене зимовщиков и покинул Антарктиду.

Об авторе

Бардин Владимир Игоревич. Родился в 1934 году в Москве. Окончил географический факультет МГУ. Участник четырех советских антарктических экспедиций, кандидат географических наук. Занимается изучением рельефа и оледенения Антарктиды. Автор свыше 50 научных статей и книг. Принимал участие в составлении первого в СССР атласа Антарктики. Участник ряда международных конференций:, в том числе X[Тихоокеанского конгресса в Токио. Работает научным редактором международных ежегодников «Наука и человечество» и «Будущее науки». Опубликовал стихи в журналах «Юность» И «Молодая гвардия». В сборнике выступает впервые. В настоящее время работает над книгой очерков об Антарктиде.

ОПЕРАЦИЯ «ТИХАЯ НОЧЬ»

Владимир Казаков

Рассказ

Зеленый транспортно-десантный планер «Антонов-7» загружался на взлетной полосе. Красноармейцы с трудом вталкивали в узкую дверь квадратного фюзеляжа огромный мягкий брезентовый мешок. Пилот сержант Роберт Нечаев осматривал планер. Он был в синем хлопчатобумажном комбинезоне и белом ситцевом подшлемнике. На широком ремне — кирзовая кобура с пистолетом, десантный нож, горловыми ремешками приторочен ребристый танковый шлем. На ногах — добротные яловые сапоги.

Солнце, рассеченное тонкой грядой облаков, катилось к горизонту. На подножке разболтанной полуторки подъехал авиамеханик. Из кузова автомашины вытаскивали сигары газовых баллонов, пучки тонких строповых веревок, квадратные маты, сплетенные из тонкой лозы, и перегружали в планер. Механик сбросил на землю широкое трубчатое колесо с намотанным стальным тросом и подкатил его к носу планера.

Роберт отошел в сторонку, закурил. Стянул с вихрастой головы подшлемник, вытер им

запыленное смуглое лицо. Пыль осталась на чуть отросших волосках под курносым носом, реденько обозначила усы над вздернутой полной губой. Дым от папиросы лениво тянулся вверх.

Высокие слоистые облака слегка, как бы омедненные потухающим солнцем, закрывали землю от раннего бледного кружочка луны. Роберт повернулся на звук моторов. С дальнего конца аэродрома рулил скоростной бомбардировщик. Он развернулся перед планером, прокатил немного и выключил двигатели. К его хвосту подцепили трос. Вразвалку подошел маленький кривоногий лейтенант в широченных галифе и кожаной куртке. Глядя снизу, сказал:

— Здорово, планерист! Командир экипажа — Николай Силин.

Пожали руки, постояли.

— К партизанам падать будешь?

— Нет, к бабушке в гости лечу,— улыбнулся Роберт.

— Тайна! — осклабился лейтенант и, пошире открыв рот с крепкими прокуренными зубами, бросил в него несколько семечек.— Ну-ну. Завещание написал?

— Кроме запасной пары белья, наследства не имею.

— Ночка черная проклевывается, лети аккуратнее, а то хвост мне оторвешь. Не дай бог придется отцепить твою бандуру, тогда мне трибунал! Трос должен привезти обратно как вещественное доказательство, что сдал тебя чертям с рук на руки!.. Какую высоту выдержишь без кислорода?

— Больше пяти тысяч не набирайте.

— Так, так... После отцепки пролетишь без меня примерно семьдесят верст. Если по курсу, сядешь где-то в районе...

Из сгустившихся сумерек выплыл человек и негромко спросил:

— Готовы, ребята?

— Так точно! — вытянулся лейтенант.

— Тогда по машинам! Взлет вам немного подсветят... Роберт, подожди! Я велел догрузить рацию и питание к ней. Напоминаю еще раз: обратный вылет только по приказу отсюда. Возможно, придется работать открытым текстом, тогда знаком для вылета будет фраза: «Федор ждет в гости». Помнишь? Комбату передашь: пусть пытается пробиваться к югу, к лесному кордону. Им навстречу идет партизанский отряд. Все понятно? Ну, счастливо!

...Белые яркие капли огня пунктиром обозначили фюзеляж самолета. Зеленый и красный светлячки вспыхнули на концах крыльев. В стороне от бомбардировщика невидимый механик начал быструю отмашку фонарем. На миг бортовые огни пожухли в пыли, выброшенной из-под винтов. Роберт следил за качающимся фонарем. Вот отмашка замедлилась — значит, натянулся буксирный трос. Фонарь подпрыгнул вверх и замер. Мягкий рывок сдвинул планер с места. И сразу же Роберта неудержимо потянуло к спин-

ке сиденья. Аэропоезд разгонялся по гладкому бетону, натужно воя моторами.

Перед отрывом высветились широкие, распластанные крылья, блестящий колпак стрелка и трос, серебряной ниточкой тянущийся к планеру. Земля провалилась. Планер скользил над светло-серой полосой бетона, чуть выше бежавшего впереди самолета. Но вот и он поднял застекленный нос, пошел в набор высоты. Светлый клин аэропоезда резал густую темень над землей.

Прожектор потух неожиданно. На самолете вырубили огни. Роберт чуть-чуть оттолкнул штурвал, сощурил ослепленные ночью глаза и, напрягаясь, разглядел две желтые черточки — выхлопные патрубки бомбардировщика. Теперь только они служили путеводными звездами.

Лезли в небо над притаившимся городом, по воздушному коридору, лавируя между тросами аэростатов, невидимых в темноте. Постепенно глаза привыкли. Роберт отличил горизонт, разглядел приплюснутый силуэт самолета. Слабо подсвеченные приборы отмечали все движения планера, и, посматривая на них, Роберт видел, как тяжело карабкается в гору двухмоторный буксировщик, таща за собой полторы тонны груза, засунутого в деревянно-перкалевый каркас планера. На концах раскалившихся патрубков двигателей, как огненные букеты, висели пучки пламени.

Поправив лямки парашюта, Роберт устроился поудобнее в кресле, положил обе руки на штурвал, чуть сжимая его. Он вошел в ритм полета и уже без напряжения, почти механически удерживал планер точно за расплывчатым силуэтом самолета-буксировщика.

Роберт и не мечтал о таком задании, которое выполнял сейчас. Война застала его в Саратовской военно-авиационной планерной школе только что оперившимся инструктором, недовольным своей летной специальностью. Какой ты пилот, если не твоя воля возносит корабль к облакам, если не от тебя зависит полет крылатой машины, если ты в вечном плену гравитации? Какое значение имеешь ты в авиации, если тебе не дают даже сапог и обмотки, раскручиваясь, попадают в тросы управления? Сможешь ли ты разить врага на своей фанерной «бандуре»?

Такие мысли не давали Роберту спать и в ту ночь, когда в общежитие вошли начальник школы и двое в штатском. Его попросили одеться, проверили удостоверение, задали несколько вопросов и на машине отвезли к транспортному самолету. Пожалуй, никто из товарищей и не заметил его исчезновения. В полдень он был в Москве.

С аэропорта черная «эмка» примчала его к большому серому зданию. Разговор с крупным бритоголовым полковником был длинный. До сих пор вспоминается приятный тембр голоса собеседника, разговаривавшего с ним не как старший по званию, а по-отечески проникновенно:

— Мы надеемся на тебя, Роберт. У тебя две летные специальности, и в данном случае только ты сможешь помочь нам. Вот уж несколько дней в лесных болотах Белоруссии бьется с фашистами, пытаясь вырваться из окружения, саперный батальон. Случайно в этом батальоне оказался один очень нужный родине человек, крупный советский конструктор. Фамилия его... впрочем, это значения не имеет. Он не успел эвакуироваться из Минска. Сейчас командование предпринимает меры, чтобы оказать помощь саперному батальону. Но мы не имеем права подвергать конструктора случайностям войны и должны во что бы то ни стало вывезти его в Москву. Пока все попытки были неудачны. Самолет там сесть не может: лес и болота. Да и гитлеровцы не допускают туда наши самолеты. Возможно, они через пленных пронюхали о конструкторе и обложили саперов железным кольцом. Видишь, дружок, какая обстановочка. Теперь непосредственно о твоем задании...

...Планер рвануло. Роберт машинально нажал педаль, отвел нос планера в сторону. Второй рывок был полегче. Роберт представил себе, как небось ругает его летчик, улыбнулся, но тут же согнал улыбку с лица — планер подбросило. Роберт выглянул за борт.

Внизу маленькими горстками рассыпались огни. Они тухли, а потом снова кто-то раздувал погасшие угольки. Кабина стрелка дважды тускло осветилась: знак пролета линии фронта. На высотомере — четыре тысячи. Роберт вздохнул всей грудью — кислорода хватало. Дышалось легко. Черт побери, никому еще не доверяли такого задания! Умом Роберт понимал опасность его, а сердце стучало — от радостного возбуждения, как у мальчугана, получившего в подарок велосипед.

Отцепка!.. Да-да, самолет повторно мигает огоньком! Высота — пять тысяч метров. Ну, Роберт, держись! Внизу угадывается река. Вон два матовых рукава Свислочи и Березины. Бери в руки кольцо буксирного замка. Дергай! Что ж ты медлишь, дергай!

Тишина... Ты один погружаешься в ночь, скользишь по какой-то незримой дорожке. Самолет ушел. Теперь следи сам за курсом и скоростью. Только они приведут тебя к месту посадки. Как же встретит тебя земля? Ударит ли бруствером немецкого окопа, подстелет ли зловонную трясину болота, расчешет ли жесткими пиками сосен или подмигнет веселым треугольником костров, разложенных саперами?

Сейчас ты слушаешь тишину и думаешь о том, что так же настороженно всасывают звуки широкие раструбы: звукоуловителей гитлеровцев. Неужели они слышат свист крыльев твоего планера? А может, даже и ход бортовых часов, который явственно слышишь ты? Не поднимаются ли к небу узкие стволы «эрликонов»? Ты можешь встретиться с врагом раньше, чем думаешь.

Ошибешься в курсе на градус — улетишь в сторону. Поиграешь скоростью — не дотянешь до места, а подтянуть тебе нечем, мотора нет, планерист. Замерев, ты слушаешь тишину. Мальчугана уже не радует велосипед, мальчуган стал взрослым. В тот миг, когда ты, спокойный, освободился от троса, ты отцепился от самолета, от детства, от юности и попал туда, где человек за секунды мужает или пропадает. Эти секунды очень длинны, их не успеваешь замечать. И ты боишься не уложиться в эти короткие кусочки безмерного времени. Нет? Врешь! Тогда почему так согнуты и напряжены твои плечи? Почему в щелках пьянеющих глаз горит фосфор приборов? Почему в тайне от себя трогаешь пальцем обшивку? Она дрожит. Планер живет. А на планере ты, упирающийся чугунными ногами в педали, выжимающий пот из штурвала. Ослабь пальцы! Успокойся! Расчет верен, природа не готовит тебе сюрпризов. Посмотри за борт! Там черный экран, и только от тебя зависит увидеть на нем веселое пламя условленных костров...

Время подходит.- Высота уже мала. Смотри внимательно! В остроте зрения ты сейчас не уступаешь зверю. Нет, нет, это тебе показалось! Смотри!

Смотри!

Не рви губы, смотри!

Вон левее светлый угольничек. Проверь — не ошибаешься? Он? Тогда подверни, да плавнее, плавнее...

Сейчас уже нет тишины, ты заметил? Слышишь, как воздух струится по крыльям? Это они рвутся вперед. Ты качаешь штурвал, и они повинуются. Ты уложился в секунды. Считай — схватил случай за вихор. Держи крепче. Твои крылья делают широкий круг над кострами, высоко над кострами. У тебя избыток высоты. У тебя сейчас много лишнего. Зря орешь несуразное, ерзая по сиденью. Излишне разгоняешь скорость. Зачем сорвал танковый шлем с горячей головы? Он может тебе пригодиться...

Вспомни схему площадки. Поляна маленькая. Костры лежат на неровной плешинке. Гаси скорость. Включай фару. Видишь, как белый штык вспорол темноту? Пошвыряй им, покопайся, поищи среди мохнатых сосен свою плешинку. Вот она! Над тобой взметнулись вспугнутые красные мухи — запоздалые плевки немецких пулеметов. Ты обогнал их. Теперь выпускай щитки! Падай, падай прямо на костер, больше деваться некуда. Видишь, как полетели искры? А теперь тормози... Нет, не успеешь. Не успеешь! Сосны бегут на тебя. Выбирай самые толстые и ныряй между ними, пусть примут удар твои крылья... Ну, держись!..

Планер разметал головни костров и врезался в сосны. Вспыхнула обшивка из перкаля. Десятки черных людских силуэтов подбежали к планеру, начали рвать бортовую обшивку, топтать горящие обрывки. Казалось, будто куперовские индейцы совершают

бешеный ритуальный танец. Огонь потушили. Из ободранного планера вытащили Роберта. На лбу висел лоскут кожи, лицо залито кровью с осколками приборного стекла...

Он очнулся от едкого запаха нашатыря, осторожно потрогал бинты на голове, внимательно посмотрел на окружающих. В накатанном из бревен блиндаже сидели двое: боец с фельдшерской сумкой на коленях и командир со «шпалой» на выгоревшей петлице. Неяркая лампа светила сбоку, и худое скуластое лицо капитана делилось на две равные черно-белые половины.

— Молодчина, сержант! Как себя чувствуешь? — почти шепотом спросил капитан.

— Кажется, нормально,— ответил Роберт.— Неплохо бы чайку, да покрепче.

— Чаю нет, а вот медом дюже богаты.

Не догадываясь, что это пароль, фельдшер удивленно смотрел на капитана — в батальоне не только меда, куска хлеба не сыщешь.

— Можешь идти! — сказал ему капитан и, проводив взглядом, повернулся к Роберту.— Груз цел, в порядке. Ты тоже в основном... Чаю просил — на!

Роберт сел, сжал ладонями теплую алюминиевую кружку, глотнул кисло-сладковатую жидкости.

— На ежевике с клюквой,— подсказал капитан.— Что будем делать с твоим хозяйством?

— Вывезти подальше, в скрытое место и выставить охрану.

— Тайников нет. Мы удерживаем кусок леса в полтора квадратных, километра, да и то благодаря болотам с трех сторон. Придется все делать на виду у бойцов. Сколько надо времени?

— Не менее четырех часов.

— Значит, следующей ночью?

Роберт вынул папиросы, угостил капитана, который, понурившись, устало сжался на срезанном пеньке, по лесной привычке держа папиросу в ладони.

Выдохнув первую затяжку, Роберт передал капитану приказ Большой земли пробиваться к кордону на соединение с партизанами.

— А мне,— продолжал Роберт,— приказано вылетать только по сигналу оттуда. Метеосводки будут передавать через каждые три часа.

Лицо капитана просветлело, он выпрямился.

— За сообщение спасибо, сержант. Скорей бы вы только улетали, а то больше двух суток нам здесь не продержаться. Обстановка не позволит. Боезапас на исходе, людей кормить нечем, жуем, что лес дает. Да и твой пассажир плох, малярию схватил. Гиблые здесь места. Пожелтел он весь... А хины не сыщешь. Но больше он волнуется от сознания, что из-за него все мы вынуждены сидеть и болотах. Да что говорить...

— Где он?

— Познакомиться успеешь.

Роберт встал, несколько раз присел, потряс руками.

— Конструкция вроде действует,— сказал он, чуть улыбнувшись. — Давайте примемся за дело, товарищ капитан. Пойдемте...

Лес ожил. Темноту резали тонкие лучи фонариков. Стучали топоры. Быстро росла куча веток. Вокруг многолетней кривобокой ольхи спиливали деревья. Ольху очистили от ветвей, срезали верхушку, а в глубокую кольцеобразную зарубку на комле ввели петлю пенькового каната. Бойцы таскали на плечах газовые баллоны и укладывали их веером в центре вырубленной площадки. Сюда же осторожно принесли на руках огромный мягкий мешок из брезента. Роберт расшнуровал его, вытащил шланги, смотанные в кольцо.

Капитан тронул его за плечо.

— Скоро рассвет... Надо закидывать ветками.

— Маскируйте. Мне потребуется не болыпе двадцати минут.— Роберт быстро прикручивал резьбовые законцовки шлангов к баллонам, пробовал, легко ли открываются вентили...

Солнце залезло в зенит, нещадно сушило землю. Ветерок стаскивал с болот испарину, и она заполняла лес, превращаясь в низкий, зыбкий туман. Он тек, медленно обволакивал стволы деревьев, будто хоронясь от солнца под высокими раскидистыми кронами, на которых беззаботно прыгали лесные птахи.

В блиндаже комбата звякнул полевой телефон. Грубый голос докладывал: «Немцы небольшими группами просачиваются в лес. Не торопятся. Не стреляют...»

— Говорит}., много? — переспросил капитан.— Легкие танки?.. Пехоту подпускайте ближе. Каждый патрон в цель... Хорошо, С десяток гранат подброшу.

От второго звонка поднял голову Роберт, дремавший на топчане. Сонными глазами, будто не понимая, где находится, оглядел капитана, сидящего на корточках у телефона, радиста, крутившего верньеры приемника, бревенчатые стены блиндажа.

Капитан бросил трубку, подсел к нему.

— Дело дрянь, сержант. Немцы гатят северное болото фашинами из толстых веток. Пожалуй, к ночи будет последний бой. А ты спал не больше четверти часа, но сопел, как младенец. Завидую! Я не могу уже пятые сутки...

— Сводка есть?

Радист протянул Роберту листочек.

— Природа за Гитлера. Прогнозируют ясную погоду, ветер северо-западный, слабый. Болыпе ничего?.. Тогда действительно плохо, товарищ капитан... Что делать будем?

— Тебе виднее. Но пойми! — Капитан вскочил, сверкнул бесоватыми зрачками.— Половина больных! Проклятое болото со-

сет людей, а лечить нечем! Раны исподним перевязываем! Через полчаса хорошего боя останется штык да лопата в руках! Жрем лишайник с клюквой! Держимся на приказе. Убери эту подпорку— и рухнут люди! Будущего не видят! Что я им могу предложить?.. А стоят! Надежда — выход через южное болото. Но немцы могут блокировать и этот последний путь из ловушки!

— Не кричите! Я-то при чем?

Роберт сказал это с вызовом, но, не выдержав яростного взгляда комбата, отвернулся к окну.

Все ясно, капитан, все понятно, хороший мой человек. Тебе жалко своих людей и так не хочется умирать! Я испытал это, когда метался в кабине, как заяц, и поэтому не рассчитал посадку, разбил планер. И как вспомню, что еще предстоит... Но что поделаешь? Видно, тот безымянный для нас большой человек дорого стоит. И мы должны сохранить его. Понимаешь, капитан, должны! Роберт повернулся к комбату, чтобы сказать все это, и увидел смущенное лицо.

— Извини... Ты, конечно, ни при чем... Поспать надо... Извини, сержант!

— Туда сообщили?

— Нет еще. Володя, когда выход на связь?

,— Через пятнадцать минут,— ответил радист.

Капитан сел на обрубок к широкому срезу пня и начал писать. Локти задевали острые коленки, лопатки выпирали под серой просоленной гимнастеркой. Он писал, прижимая бумажку длинными пальцами с грязными ногтями, пощипывая конец карандаша тонкими бледными губами. Роберт смотрел на лысоватую голову капитана, на узкий лоб, посеченный морщинами, на вислый нос с горбинкой и дивился силе человека, способного вселять веру в своих почти обреченных бойцов. То, что писал капитан, было горькой правдой.

Радиограмма получилась длинной. Радист долго стучал ключом, посылая в эфир доклад командира батальона.

Ответ получили к вечеру, когда в лесу грохотал бой:

«Действуйте по обстановке. Решение может принять только Роберт. Здоровье пациента обеспечить любыми средствами. Партизаны на подходе к кордону. Верим успех. Федор».

Когда в Москве кремлевские куранты отбивали полночь, на тесной полянке белорусского леса закончились последние приготовления к финалу операции «Тихая ночь».

Ночь и в самом деле затихла. Вросли в землю и затвердели в решимости оставшиеся в живых красноармейцы саперного батальона. Остывали раскаленные безуспешным затяжным боем дула немецких пулеметов. Болотная топь неслышно засасывала разметанные куски фашин и трупы солдат. Яркая луна повисла над безмолвным лесом, будто пытаясь высмотреть его тайну.

— Начали! — сказал Роберт и стащил брезентовый чехол с глыбы прорезиненной ткани. Восемь бойцов одновременно повернули вентили газовых баллонов. Сжатый в них гелий с шипом рванулся по шлангам, и ткань начала вспухать, мягко распадаться в стороны, принимать форму шара. Шар рос, и его веревками оттягивали в сторону от кривобокой ольхи. Развернулись стропы, соединяющие шар с узкой корзиной, сплетенной из ивовых прутьев. Через несколько минут неуправляемый сферический аэростат, как струны, натянул веревки, удерживающие его у земли. Лучи фонарей плющились о блестящую оболочку.

— СССР-М,— прочитал комбат, остановив луч на белых глянцевых буквах.

— М — малый,— пояснил Роберт и невольно вспомнил слова полковника из Москвы: «Ты имеешь две летные специальности, и только ты сможешь помочь нам...»

Разве думал Роберт, что его мирное увлечение пригодится на войне. До планерной школы он плавал на сферических и змейковых аэростатах просто для удовольствия. Манила высота, загадочная воля ветра, уносившего аэронавтов в самые неожиданные места. Нравилось медленно плыть над городами и селами, сбрасывать цветы и яркие вымпелы на парашютиках. И никогда аэростат не казался ему беззащитным пузырем, а ведь одна капля раскаленного свинца превратит его в тряпку. Предательская луна услужливо высветит большую круглую мишень.

Ветра почти нет, да это и хорошо, весь день он дул на запад, к фашистам:. И кроме полета, нет выхода. Надо уходить в небо, уходить рывком.

— Может, подождешь? Попробуем выстоять еще... А? — неуверенно спросил капитан.

Подождать? Как Роберту приятно это слово. Конечно, он готов ждать, но ждать-то нельзя. Пассажир совсем плох, перебраться через болото не сможет, да и саперам нельзя уйти отсюда, пока не улетит Роберт с пассажиром. Да, обстановочка...

— Аэростат испустит дух от первой бродячей пули, а газа больше нет. Последний баллон я взял как балласт. Давайте попрощаемся, товарищ командир... Не поминайте лихом! — Роберт протянул комбату обе руки.

Привели пассажира, закутанного в две солдатские шинели. С трудом натянули парашютные лямки на его широкие вздрагивающие плечи. Когда подсаживали в гондолу, он лихорадочно постукивал зубами, но пытался говорить'

— Я сам товар-рищи... Благодар-р-рю! До свидания, друзь-зья!

— Сержант! — тихо позвал капитан и протянул Роберту мешок.— Письма. И сам расскажи. В случае чего...— И он осветил гранату, привязанную к мешку.

— Приготовиться! — срывающимся голосом крикнул Роберт.— Подтрави!

Шар приподнял макушку над кронами сосен. Стропы еще ви-

сели по бортам гондолы. Выше отпускать шар нельзя: увидят немцы. Роберт перерезал якорный канат от ольхи. Лучи фонарей скрестились на гондоле.

— Отпускай концы! — сказал Роберт.

Аэростат прыгнул в небо. Застучали винтовочные выстрелы, автоматные очереди дробились в лесу, чавкали редкие мины — саперы опустошали диски и подсумки, отвлекая внимание немцев к земле, только к земле.

Мощный рывок свалил Роберта. Под его тяжестью застонал конструктор. Гондола еще дергалась. Роберт встал, ухватился за края, взглянул на маленький бортовой альтиметр. За несколько секунд аэростат набрал триста метров, стрелка прибора энергично бежала по шкале. Вниз уходила посеребренная земля. Сжав руками забинтованную голову, готовую расколоться от боли, вызванной резким подъемом, Роберт начал искать контуры леса, в котором остались саперы. Вот черное пятно, похожее на трапецию со срезанными углами. Липкая засветка болот. Вот южная топь, через которую сейчас, наверное, продираются первые бойцы комбата. Южное... Роберт, торопясь, расстегивал пуговицу нарукавного манжета. Оголил кисть с ручным компасом. Развернул грудь на северный румб и снова посмотрел на лес.

Лес был справа. Лес плыл на восток, аэростат — на запад. Роберт согнул вялые ноги и, сев на дно, безразлично уставился на черное брюхо шара. Шланг к баллону с гелием и клапанная веревка перекручивались, как змеи.

— Л-летим? — зачем-то спросил конструктор, но его скрипучий голос не дошел до Роберта.— Летим, да? — совсем тихо повторил он вопрос.

Низ шара осветился — раздался приглушенный треск. Как на пружинах, вскочили оба аэронавта. Сначала внизу, потом далеко справа заклубились два розовых облачка и. выбросив искры, потухли. Звук зенитных разрывов докатился через секунду. Еще одна розовая клякса высветила черный окоем на севере.

Аэростат набирал высоту.

Роберт отодрал пальцы от бортов, полез в карман за папиросами. Крохотное пламя спички многократно вспыхнуло в крупных каплях пота у сузившихся глаз.

— Не курите! А впрочем...— Конструктор безнадежно махнул рукой.

— В оболочке гелий, он не горит.

— Я не о том.

— И стрелять больше не будут. Продырявить нас — плевое дело, но стоит ли? Летим-то к ним... На всякий случай пристегните парашют.

— Нет уж... вместе.

Роберт глубоко затягивался, выдыхал дым тугими струями.

— Видите на севере и северо-западе черноту? Облака. Добраться бы...

Сумеют ли они докарабкаться до облаков? Ведь и немцы отлично понимают, что там, в черной мути, они не смогут даже укусить. И расчет... Оправдается ли простая метеорологическая истина: ветер с высотой может изменить направление на сто восемьдесят градусов.

Конструктор встрепенулся, вытянулся у борта. Бросив папиросу, прислушался и Роберт. Нарастал прерывистый звук. Он рос, двоился, захлестывал. В стороне и выше аэростата пронеслись густые, резко очерченные тени. Пара ночных истребителей легла в крутой вираж и закрутилась вокруг аэростата. Короткие угловатые крылья с каплями огней на концах, длинные хищные фюзеляжи сужали круг, будто затягивали невидимую петлю на податливом теле воздушного шара.

Круг за кругом. То отходя, то опасно сближаясь, самолеты рубили воздух, раскачивали гондолу, отрыгали вонючее пламя моторов на аэростат...

Время остановилось. Воздушный шар упрямо набирал высоту. Истребители, резко колыхнув крыльями, развернулись и начали боевой заход.

Ведущий включил фары. Два ярких световых столба потянулись к аэростату. Два слепящих круга, вырастая с неимоверной быстротой, выхватили из ночи блестящую оболочку, конус строп, квадратную гондолу и аэронавтов, застывших, как статуи. Над шаром, ударив его жесткими струями, самолеты взмыли и снова начали заход. Крупными стежками прошили небо разноцветные трассы пулеметных очередей. Истребители стреляли выше аэростата. Казалось, рвущийся вверх шар коснется раскаленных нитей и лопнет, как мыльный пузырь. Роберт зажмурился. Снова струи от винтов колыхнули оболочку. Гондола закачалась. Роберт не удержался, падая, схватился за веревку клапана, и в грохот моторов ворвался резкий свист уходящего из оболочки газа. Роберт разжал руки, отшатнулся, вдавил спину в жесткую плетенку гондолы. Сердце стучало где-то в горле. Подминая под себя свалившегося на дно конструктора, полез к газовому баллону, остервенело закрутил вентиль. Шланг от баллона туго завибрировал, направляя в оболочку новую порцию газа.

— Они не посмеют... Психическая атака! Не посмеют! Они знают, что вы здесь! Они знают... Все равно нас несет в их сторону. Выкусят, сволочи, выкусят! — не слыша себя, твердил Роберт конструктору, сворачивая законцовку опавшего шланга.

— А если попадет одна пуля, две пули?

— Шар будет медленно чахнуть. Спустимся, как на салазках с горки! — машинально ответил Роберт и на свои мысли и вдруг почувствовал: кто-то шарит по его бедру. Кобура пистолета стала легкой. Резко повернувшись, Роберт выкрутил руку конструктору. Оружие упало на дно гондолы.

К очерку Ф. Штильмарка «ЗАВЕТНЫЕ ЧЕЛНЫ»

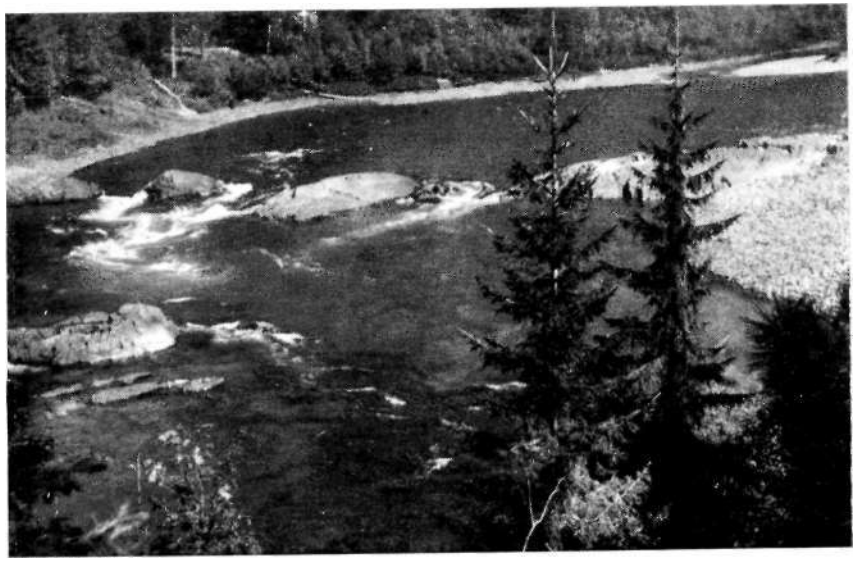
Рыбацкий дубок на тихой речке Холер

Утро в октябре на реке Аган. Облачок пока терпит...

Берестяная «пирога». Низовия реки Горин у впадения в Амур. 1966 г.

Этот порог на реке Кизир (Восточный Саян) проходить на лодке **не стоит!**

Фото Н. П. Поликарпова



Наша походная резиновая лодка рядом с удэгейской оморочкой на реке Хунгари (весна 1967 г.)

Вот что такое бат! Другое его название — улимагда. Вся лодка вместе с носовой лопастью выдолблена из одного ствола тополя (река Хунгари в Хабаровском крае)

К очерку Е. Иорданишвили «В СНЕГАХ ЭКВАТОРА»

Кибо над саванной

Массив Килиманджаро. Вид со склона вулкана Меру с высоты 3600 м

Первый день восхождения. Группа проходит пояс тропических лесов

Мавензи, вид с седловины с высоты 4400 м

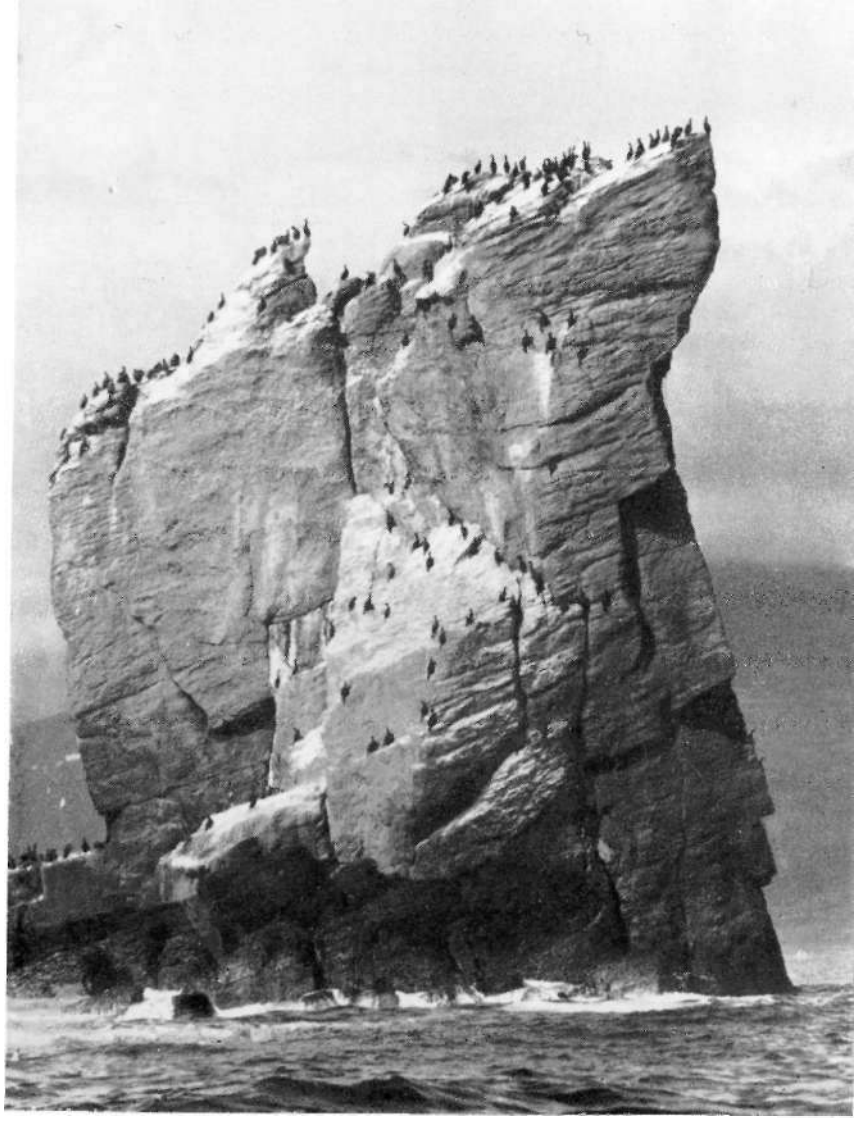
Снега Килиманджаро

Вершинная часть Кибо, гребень кратера

С. Мараков
ПОБЫВАЙТЕ НА ПТИЧЬЕМ БАЗАРЕ

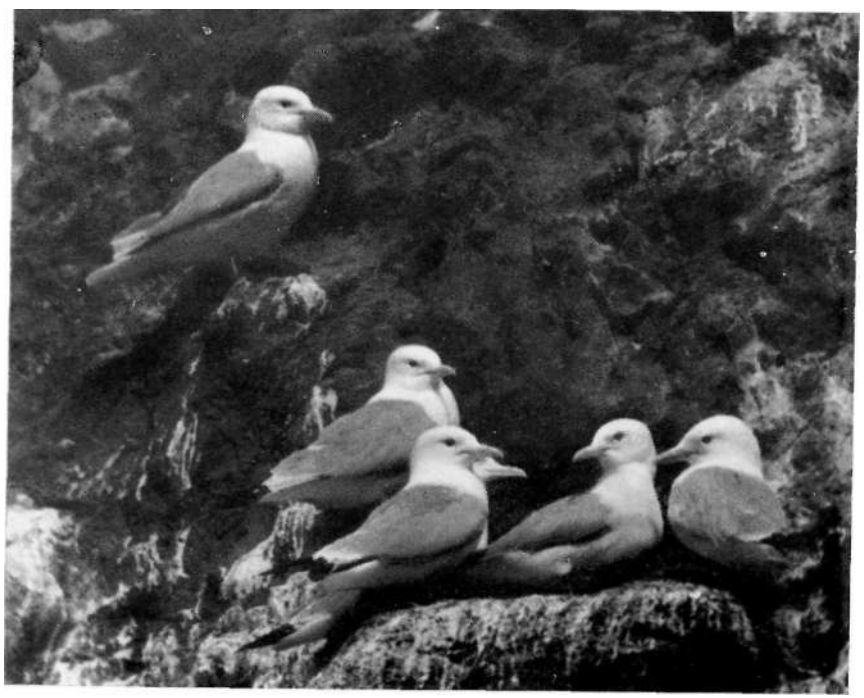
Топорки собрались вечером на свою скалистую площадку — так называемый клуб

Без бакланов эта курильская скала **вряд ли** представляла бы такой интерес



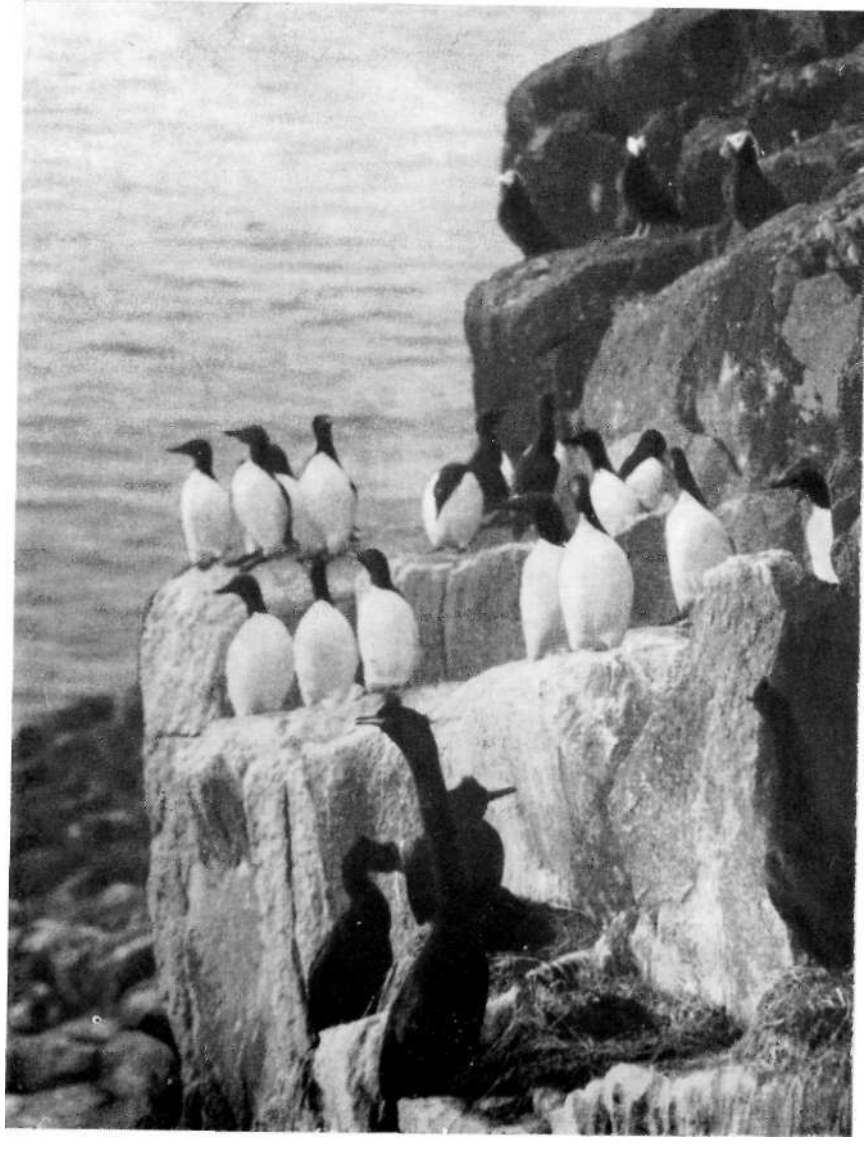
Кайры прилетели

Фотограф отвлек внимание беседующих говорушек



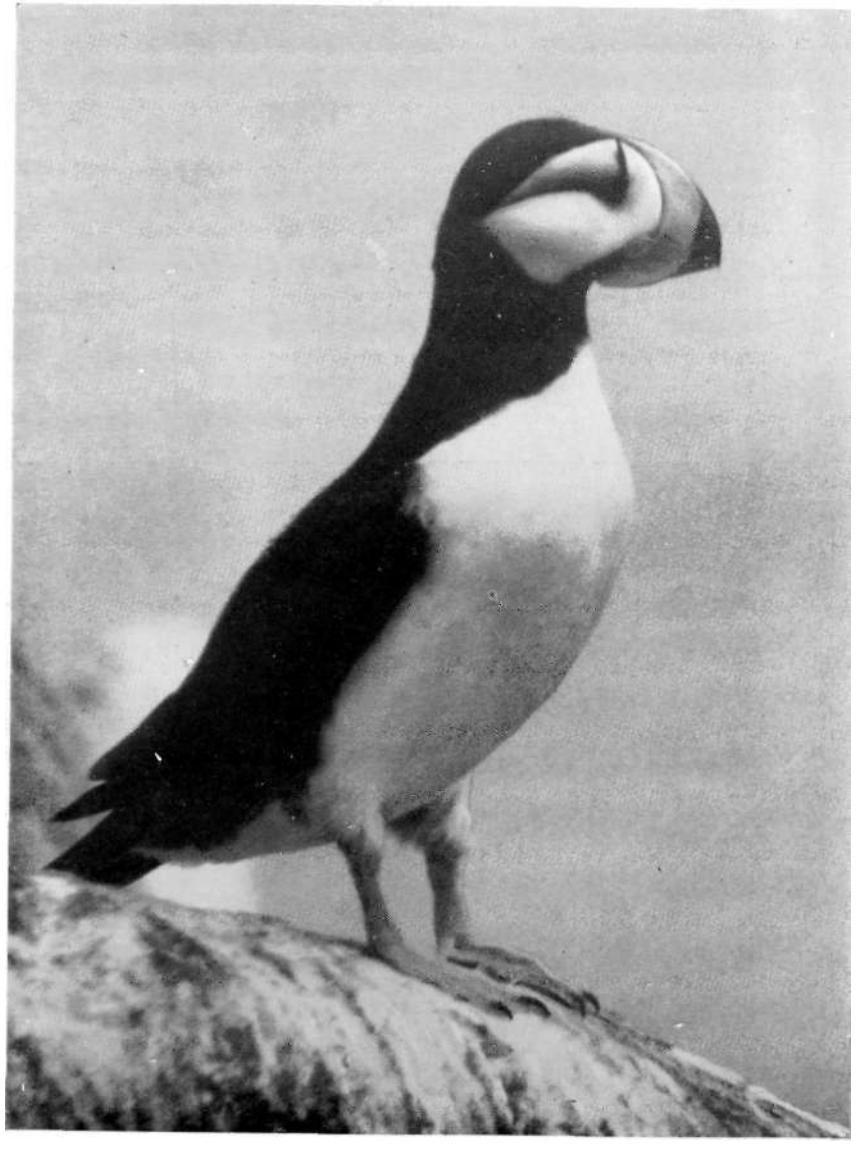
Этих прелестных пичуг можно увидеть только на птичьих базарах Дальнего Востока. Большие конюги

Берингооые бакланы, кайры и топорки на Командорах



Глупыш упорно не хочет покинуть гнездо

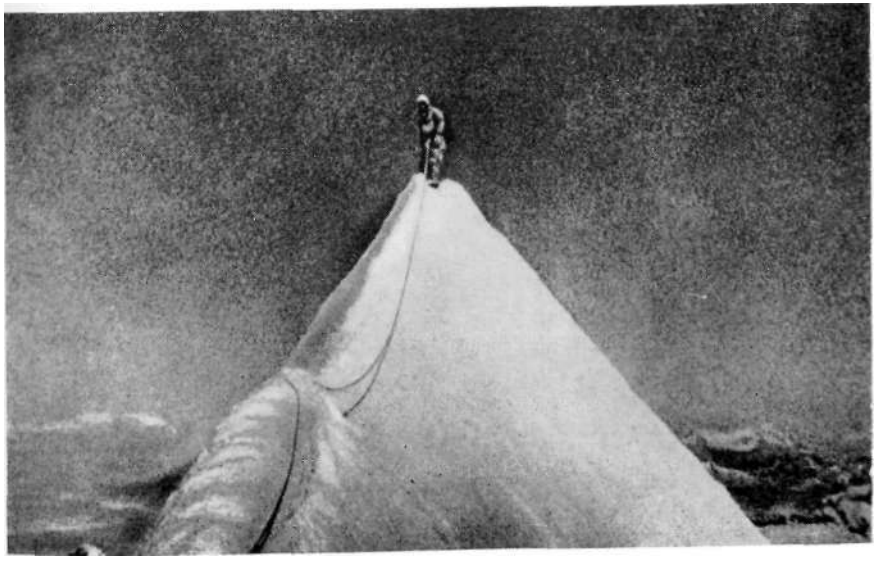
Ипатка. Остров Беринга



К фрагментам из книги Жака Франко и Лионеля Терре «БИТВА ЗА ЖАННУ»

Вид на Жанну с «пика Открытия». На переднем плане «Буферная ступень»

Вид на верхнюю часть вершины Жанну с «Кружевной головы»



На предвершинном снежно-лэдовом гребне

Победа команды

— Вы что-о? — заорал было Роберт, но тут же зажмурился от нового прожекторного залпа. Елозя пальцами по ивовым прутьям, нащупал ребристую рукоятку, сунул пистолет за пазуху.

— У меня нет личного оружия. Я майор. Приказываю тебе,— глухим отсыревшим голосом сказал конструктор.

— Нет!

— Ты представь, что стреляешь не в мою голову, а в секретный ящик, который не должны вскрыть.

Роберт взялся за баллон, чувствуя, как трясутся руки. Он поднял баллон над головой и швырнул за борт.

— Сержант!

— Отставить, товарищ майор! Я командир корабля. Прекратить разговоры!

Аэростат, проглотив дополнительную порцию газа и лишившись балласта, прыгнул в высоту. Роберт удивленно осмотрелся. Луна спряталась. Вокруг черная вязкая мгла.

Издалека, как сквозь вату, доносился рокот самолетов. Аэростат плыл в облаках. Роберт медленно опустился на корточки и закрыл глаза.

Гондолу покачивало, как люльку. Не было сил даже пошевелить пальцами. Наплывали и размывались в сознании обрывки каких-то мыслей, образов. То виделась сморщенная оболочка шара и оскаленная танковыми надолбами земля, то маленький зеленый домик на окраине Саратова, а на крыльце девушка в ярком красном платье, но почему-то с желтым изможденным лицом конструктора и голосом полковника из Москвы. Акулья пасть истребителя в праздничном фейерверке. Потом луна, жухлая, темная, теплая... Последним усилием он сунул руку за пазуху и прижал пистолет к груди.

Проснулся он от слабых толчков в плечо.

— Не могу... д-дышать. Пи-ить...

Роберт ощупал мокрый воротник, влажное лицо конструктора с широко открытым ртом и понял: они в кучевых облаках на большой высоте.

— Простите, двое суток по-человечески не спал,— сказал Роберт, нашарил веревку клапана, потянул ее. И вдруг осознал, что все делает с закрытыми глазами.

Открыл. Кругом светло, как в задернутой полупрозрачными шторами комнате. Оболочка, стропы, прутья гондолы и одежда мокрые. Роберт протер стеклышко альтиметра: аэростат очень медленно падал. Спуск не ощущался, шар будто в вечной неподвижности застрял между небом и землей в серой непроглядной мути облаков.

— Возьмите,— протянул он конструктору фляжку с водой.

Напившись, тот вернул фляжку, зябко втянул голову в воротник шинели.

— Сколько летим?

— Около шести часов. Есть хотите?

— Куда нас несет, вы, конечно, не знаете? — Но в голосе конструктора теплилась надежда.

— Ночью мы набрали пять тысяч метров. С высотой ветер меняется, иногда очень резко. Думаю, что летим в одном из восточных направлений... Вам надо подкрепиться.

— Коробку с продуктами вы отдали комбату.

— Есть плитка шоколада,— возразил Роберт.— Берите!

Они увидели землю на двадцатом часу полета. Вцепившись в скользкие борта гондолы, жадно рассматривали бурые покатые холмы и зеленые перелески, быстро бегущие под аэростат.

— Ветер сильный! — сказал Роберт, определяясь по компасу.— Плывем на юг!

— Значит...

— Ничего еще не значит! Надо сориентироваться по карте.

Карта перекочевала из-за голенища сапога в руки аэронавтов. Схваченная за углы, она трепыхалась на ветру, и взоры аэронавтов скатывались с нее на землю, потом обратно, и опять на землю.

— Вот речушка... Смотрите! Это она, она, видите? И деревня, подковой, как подкова, очень похожа! И лес! Прямо как это пятно!

Но Роберт не слушал конструктора, он знал, что это иллюзия. Им неизвестна линия полета, неизвестен даже приблизительно район местонахождения, а в этом случае карту невозможно сличить с местностью, если нет крупных и очень характерных ориентиров. Но все же он схватил конструктора и стал целовать его желтое лицо, тыкаясь губами в острый нос, в заросшие щеки, рыжий шершавый подбородок.

— Это наша земля! — закричал он и, перегнувшись через борт, неистово замахал руками приземистым избам, крытым свежей соломой, стайкам ребятишек, поднявшим пыль на околице, красному флагу над кирпичным зданием сельсовета.

Только в русских селах бывают такие вот полуразвалившиеся церквушки рядом с белоколонным клубом. Только у нас может безнадзорная буренка залезть в огород. И только мирные нивы могли тучнеть зеленями вокруг почти безлюдной деревни. А вот и голевой стан. На тракторе женщина, женщина в голубом платочке...

— Это наша земля,— тихо повторил конструктор и, вытерев колючим рукавом шинели остатки облачной влаги у глаз, содрал с головы туго натянутую пилотку.

Об авторе

Казаков Владимир Борисович. Родился в 1926 году в Саратове. По специальностл пилот гражданской авиации, член Союза журналистов СССР. Автор опубликовал два сборника рассказов («Однажды в небе», «На невидимых дорогах»), много рассказов, очерков и статей в журналах, газетах, альманахах. В нашем сборнике публикуется впервые. Сейчас работает над повестью «Загадочный пеленг» о чекистах в авиации.

ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Вера Шапошникова

Очерк

Капитан из Шари

Ночь была в самом начале, густая и мягкая. Дневная жара — сухое каление — спала, а прохлада еще не пришла. Она надвигалась из Сахары: изредка воздух ознобно вздрагивал от холодного дуновения, шедшего из пустыни. Но земля пока была горяча и струила успокаивающее, ласковое тепло.

После полуночи станет холодно, неуютно. Африканцы в своих слепленных из циновок хижинах будут зябко кутаться в домотканые одеяла, жаться друг к другу и сквозь сон прислушиваться к леденящему душу реву гиппопотамов.

Но пока тепло. Бродят пьянящие, острые запахи. Позже они исчезнут — холод поглотит их. Он не любит томления и разнеженности. Неумолчно звенят цикады, бормочут что-то невнятное воды Шари, будто рассказывают забытые, непонятные нынче сказки древних народов.

Днем мы ходили на дровяной рынок, который находится чуть ли не в центре Форт-Лами, города, возникшего в начале века у слияния рек Шари и Логоне. Ныне это сто-

лица Республики Чад. Город был центром французской колониальной администрации. На средства белых «отцов города» выстроили внушительных размеров католический собор. Открывались лавки, где кусок пестрого ситца или низка бус поглощали все сбережения целой африканской семьи.

Но прошли годы колониализма, изменилась жизнь. Новые поколения решают свои проблемы. Они работают, любят, надеются, мыслят.

Форт-Лами лежит в безлесной зоне страны. Леса начинаются южнее. На юге республики настоящие джунгли. Но и в среднем течении Шари немало лесов. Здесь растет акация — камедь, из которой добывают ценящийся на внешнем рынке гуммиарабик. Дрова везут на пирогах. Медленно, плавно движутся они по реке, нагруженные высушенными до белизны стволами. Высокие, тонкие африканцы в длинных широких одеждах шестами подгоняют лодки к берегу, сгружают дрова. И сразу же начинается торг. Перекупщики, сторговавшись с известной выгодой, разрубают стволы самодельными топорами. Маленькие поленца раскладывают на кучки по три штуки, на один раз приготовить еду. Дрова довольно дороги, покупатели торгуются до исступления, до хрипоты. Иной раз кажется, что и покупатель, и продавец вот-вот схватятся за ножи. Но страсти внезапно стихают, и покупатель уносит поленья на голове.

На дровяном базаре все чувствуют себя как дома — спят, готовят еду, делятся последними новостями. Между рядами бродят дети, торгующие маниокой, бананами, орехами кола. Вот тлеют два длинных полена. Старуха в выцветшей ветхой ткани, которой она обмоталась так, что торчат только острые плечи, помешивает в котле свое варево, будто колдует над зельем, шевеля оттянутой верхней губой с продетой в нее блестящей пластинкой.

Когда-то такие пластинки носили все женщины племени маса, сейчас это редкость, однако браслеты на щиколотках и запястьях до сих пор самое распространенное украшение, а кольцо в ноздре — признак состоятельности африканок племени багирми.

Как они красивы, эти богини! Правильные черты коричневых лиц, обрамленных бахромой многочисленных тонких косичек, и царственная осанка. Но на дровяном базаре женщин мало. Пройдет одна, купит охапку дров. Другая молча сидит возле мужа, покорная, бессловесная. Зато на соседнем, продуктовом рынке такое этническое богатство, настоящее пиршество красок! Там можно увидеть представительниц чуть ли не всех многочисленных и столь различных племен, населяющих земли республики. Чад — граница черной и белой Африки. Эту землю не случайно называют перекрестком дорог, перекрестком культур и религий. История этой земли уходит в седую древность. На продуктовом и скотном рынках можно встретить и полных величия всадников в белых одеждах, как бы отрешившихся от земной суеты. Это тубу, «народ

пустыни», независимые кочевники. У женщин скотоводческого племени канембу лица закрыты косами, но стройные торсы обнажены. За сотни километров на рынок приходят жители юга, с обликом, присущим обитателям леса: приземистые, с особыми, выработанными вечной настороженностью чертами лица.

Сверкают кольца, позванивают браслеты, переливаются красками пестрые одежды. Неторопливо расхаживают между торговыми рядами мусульмане в своих длинных широких бубу. Вот юная африканка, наслаждаясь переливами своего парчового платья (это в такую-то жару!), кружит, словно танцует, среди корзин и лотков с яркой россыпью овощей и фруктов, провожаемая изумленно-завистливыми взглядами женщин. Вот старуха со сморщенной, будто гофрированной кожей выступает с таким достоинством, с каким может держаться только человек, честно выполнивший свой жизненный долг.

На дровяном рынке все как-то проще, все здесь овеяно теплом домашнего очага. У дороги, ведущей к берегу, африканский «ресторан» — обнесенный узорчатыми циновками квадратный участок примерно три на три метра. Здесь продают единственное блюдо — беньи, пушистые пончики в сахарной пудре. Подростки заглядывают в щели циновок, вдыхая вожделенный запах пальмового масла, в котором жарятся пончики.

Чумазый мальчишка засунул за щеку деньгу и зачарованно наблюдает за тем, как двое взрослых азартно играют в кости. Другие два африканца о чем-то спорят и размахивают руками, не обращая внимания на окружающих. Кричат зазывалы, заманивая покупателей, кто-то самозабвенно поет, усевшись на циновке, лицом к Шари. Пышут углями жаровни, жар их соперничает с раскаленным, жгущим сквозь подошвы ботинок песком.

Торгуют допоздна. На дровяном базаре можно зажарить рыбу, только что выловленную в Шари.

... Один из рыбаков обещал нам поймать самого лучшего капитэна. Я спросила, почему эта рыба, обитающая в реках Центральной Африки, носит такое европейское название. Рыбак удивился. Он сказал, что так ее называл отец, и отец отца, и все его предки, ведущие род племени сао.

Вечером мы расположились возле Шари на циновках. Рыбак вырыл ямку, разложил в ней костер и, пока поленья перегорали, превращаясь в уголь, чистил, разделывая рыбу. День быстро угасал, лишь на горизонте еще держалось багровое зарево, на фоне которого четко проступали силуэты кокосовых пальм.

Красные отсветы костра легли на лицо рыбака, и оно казалось выкованным из чугуна. Он укладывал рыбу на железную решетку, и уже тянуло душистым дымком.

Когда рыба была съедена, мы сидели, окутанные теплым бархатом тьмы. Протяжно звенели цикады, с неба смотрели незнакомые созвездия, а за рекой раздавались звуки тамтама. И тогда я спросила рыбака, кто были те люди — сао.

— Они пришли оттуда, где теперь пустыня,— сказал африканец. Он поднял руку, широкий рукав мелькнул, как крыло.

Там, на севере, куда он показал, лежало таинственное озеро Чад.

— Когда-то в тех местах, где теперь пустыня, росли леса,— начал рыбак.— Деревья давали обильную тень, плодоносил виноград, зрела пшеница, а реки были богаты рыбой, как нынче в Шари к концу сухого сезона. И вдруг разразилась катастрофа: небесные реки потекли на землю, земля раскололась, стала выбрасывать пламя и камни. Людям грозила гибель. И тогда один умный человек позвал самых сильных, и они побежали на юг. А земля продолжала дрожать. С неба летел град камней, и потоки воды размывали дороги. Когда тьму разрывали вспышки огня, были видны лохматые тучи, спустившиеся до самой земли.

Долго бежали люди. Усталость, изнеможение уносили слабых. Оставшихся терзали жажда и голод. Смерть уже распростерла над ними крылья, когда взглядам беглецов открылось море. По колена в воде стоял великан: он что-то искал на дне. Великий страх сразил беглецов, они распростерлись ниц, приготовившись к гибели, но смерть не спешила. Тогда кто-то осмелился, поднял голову и увидел, что великан разогнулся, в его руках билась огромная рыба. Он бросил рыбу пришельцам. Поев, они сразу уснули. Эта рыба и была капитэн. Вот откуда идет ее название...

Рыбак поежился, как от холода, пододвинулся к углям. Я думала, что его рассказ окончен, но немного погодя он продолжал легенду.

— Утром люди — а это и были сао — почувствовали, что силы вернулись к ним, и они вознесли хвалу своему спасителю. Море они назвали Чад, что в переводе означает счастье. Вскоре снова пришел великан, он принес с собой меда и молока. Великан накормил людей и повел их в деревню, где жили великаны. Это были добрые люди. Если они видели блуждающего во тьме человека, то брали с неба молнию и освещали ему дорогу. Великаны помогали уставшим, кормили голодных. Их сила была так велика, что они могли поднять из воды гиппопотама, взяв его за уши.

Среди этих великанов и поселились люди сао. Так началась история многих центральноафриканских племен, история нашей страны.

Рыбак лег на циновку и, казалось, стал вслушиваться в бормотание реки, пытаясь проникнуть в ее тайные речи...

Через несколько дней я вспомнила об этой легенде. Мы ехали по степной равнине — степи здесь занимают всю среднюю часть страны,— и не было ей ни конца ни края.

Пепельная, потрескавшаяся от сухости земля сохраняла следы животных. Торчали желто-серые иглы жнивья — урожай зерновых был снят. Кое-где мы замечали кузов провалившейся в трясину машины.

— В период дождей здесь жидкая грязь,— проводник показал на равнину.— Проехать нельзя. И после дождей тоже бездорожье. Сверху тонкая корка, а под ней все та же грязь. Часто проваливаются животные, звери и даже машины...

На горизонте возникли холмы, дремотные, синие. В них было что-то извечно таинственное.

— Что это за холмы? — Я не могла оторвать от них взгляда.

— Они называются сао. Там жили первые люди. Недавно были раскопки. Нашли остатки жилищ, домашнюю утварь, маски. Все интересное сдали в музей...

— Так, значит, сао не легендарные люди?

Я повторила рассказ рыбака, спросила, не знает ли проводник о добрых великанах, которые освещали людям дорогу молнией. Не осталось ли от них каких-нибудь памятников?

Проводник об этом не знал. Поразмыслив, он сказал, что многие мужчины из племен, обитающих по берегам Шари, огромного роста.

По реке

Мы прилетели в Форт-Лами вечером. Было еще светло, когда самолет летел над Сахарой. Осенние ветры сметали пески в причудливые узоры, солнце, садясь, окрашивало их в пурпуровый цвет, барханы отбрасывали глубокие тени.

Над озером Чад летели уже в темноте. Все жадно смотрели на освещенную светом луны оловянную водную гладь.

Республика Чад поистине сердце Африки. И озеро — синяя капля, слеза ушедшего древнего моря.

Говорят, что когда-то это море покрывало всю поверхность африканской низины, часть которой ныне принадлежит республике. В результате земных катастроф море схлынуло или ушло под землю, оставив свой след лишь во впадине центра равнины. В озере Чад солоноватая вода, и водятся в ней ламантины — морские коровы, которые встречаются в водах Индийского океана.

Озеро мелководно, спокойно, наибольшая глубина не превышает пяти метров. Но иногда почему-то вода вдруг начинает прибывать, акватория озера увеличивается чуть ли не вдвое, достигая двадцати двух тысяч квадратных километров.

Люди, живущие на берегах, поспешно разбирают хижины, скатывают в рулоны циновки, укладывают на плоты и в пироги свой скарб и перебираются в безопасное место.

Откуда берется вода? Озеро пополняют только две реки — Логоне и Шари. Говорят, что где-то посредине озера есть вход в подземное водное царство. Его охраняет стадо древних, верных тайне гиппопотамов. Никто не видел этих животных, но по ночам окрестные жители слышат их устрашающий рев. Живут эти тучные, могучие животные и в Шари. О них говорится даже в древней Библии.

Десять тысячелетий назад гиппопотамы водились на севере Африки, там, где теперь пустыня. На скалах остались изображения этих неуклюжих на вид, но отличающихся поразительной ловкостью животных. Все это вспоминала я во время путешествия по реке.

Солнце в зените. Оно раскалило до блеска червонного золота береговые пески, и казалось странным, что эта медлительная река, текущая на юго-западе страны, до сих пор не высохла, не превратилась в легкие облачка, подобные тем, что пробегают по небосводу в сухой и прохладный предрассветный час.

Блестящая, охристая вода кажется маслянистой, тяжелой от взвешенных в ней частиц и неподвижной, будто дремлющей.

А между тем Шари полна жизни. Считается, что это одна из самых богатых рыбой африканских рек. Весь день по ней бесшумно скользят рыбачьи пироги. И наш небольшой катерок, тарахтя, бежит по реке, вспарывая спокойную ее поверхность. Позади остался нарядный зеленый центр Форт-Лами. Город и сейчас немноголюден. В нем меньше ста тысяч жителей. Но как он разбросан! Долго тянутся его окраины — низкие хижины различных племен: глиняные, похожие на крепости жилища котоко, распространенные в Африке круглые казы с конусами соломенных крыш и непрочные соломенные жилища. За городом почти сразу потянулись селения рыбаков. Они стоят на двух берегах — на камерунском и чадском: река — граница двух государств. У легких соломенных хижин сидят неподвижные африканки. Мужья ловят рыбу. В руках у них не весла, а шест: река, как и озеро, мелководна. В дождливый период вода, однако, выходит из берегов. Следы этих половодий ступенями обозначены на берегах, изъеденных гнездами ласточек.

Здесь много экзотических птиц. На отмель садятся венценосные журавли с султанчиком золотистых перьев на голове. С прибрежных кустов взлетают нарядные зимородки и сойки, планируют цапли, раскинув широкие белые крылья. В небе висят, распластавшись, орлы. Возле селений важно вышагивают марабу, их не смущает близость людей. Эти птицы питаются мелкой рыбой, которую выбрасывают рыбаки.

Наш рулевой, худой, голенастый африканец, показывает на пузырьки, вскипающие на поверхности. Пузырьки прошивают воду, приближаются к берегу. И вдруг показывается огромная безобразная розовощекая морда с квадратной верхней челюстью, буграми над свинячьими глазками и большими дугообразными ноздрями. Гиппопотам отфыркивается и медленно исчезает, и снова вскипают на поверхности пузырьки.

Неподалеку купаются ребятишки.

— Он их не тронет? — спрашиваю рулевого.

Тот отрицательно качает головой, но вдруг оживляется, что-то вспомнив.

— Был случай,— понизив голос, сообщает африканец.— Один человек возвращался с базара. Он продал рыбу и купил себе миль. Вы знаете, что такое миль? Это просо. Из него варят кашу, пекут лепешки. К несчастью, рядом с пирогой вынырнул бегемот. Он сразу учуял запах миля — бегемоты очень любят этот злак. Если ночью, когда бегемоты пасутся, ветер донесет до них запах миля, они устремляются к посевам, пробегая большое расстояние, пока не отыщут поле и не уничтожат посевы. Бегемот, учуявший лакомство, напал на него. Зверь раздавил борт, как яичную скорлупу. Люди, стоявшие на берегу, видели, что крестьянин схватил мешок и прижал к себе. Бегемот смял и крестьянина. Сила этого зверя огромна. Даже лев уступает ему дорогу. А бегемот, познавший вкус человеческой крови, опасен вдвойне. Он нападает без всякого повода, выходя на берег даже днем. Зверь-убийца подстерегает людей, сбивает свою жертву с ног и яростно ее топчет. Поэтому того бегемота, что убил крестьянина, пришлось застрелить.

Головы гиппопотамов то и дело показывались из воды. Солнце нещадно жгло. Я устроилась на носу катерочка и смотрела вперед на пески островов, на прибрежные серые кустики, одинокие пальмы, протянувшие в синее небо свои круглые кроны. Неподвижные женщины на берегах кажутся мне богинями, стерегущими время в великом, священном храме природы. Они сидят сегодня, как и вчера, как, вероятно, много веков назад. А рядом гигантскими маятниками качаются бегемоты: вверх-вниз, вверх-вниз в нагретой солнцем медлительной реке, которая будто впала в сомнамбулический сон.

В гостях у Мамаду

На одной из окраин столицы, в районе Форша, вырос огромный комбинат — бойни и холодильники. Тысячи коров, овец сгоняют сюда крестьяне.

Республика Чад — страна скотоводов. Республика отделена от океанских, путей и тысячекилометровым расстоянием, и бездорожьем. Все, что ввозится, стоит дорого. Цены на местные товары низки. Только недавно, с обретением независимости, стала развиваться в стране промышленность и бойни — одно из крупнейших предприятий страны, построенных за последние годы.

Строятся фабрики по переработке хлопка. Прокладываются дороги. Но пока еще из-за бездорожья многие районы труднодоступны.

Однажды мы направились на юг страны, туда, где течет коварная Логоне. Эта река, впадающая в Шари, меняет русло, приближаясь к другой реке. И если произойдет «перехват», это может пагубно отразиться на озере Чад.

Был ранний час, когда мы выехали из Форт-Лами. Нам повстречались крестьяне. Длинные белые одежды с широкими рука-

вами подчеркивали торжественность седоков. Они покачивались в такт движению маленьких осликов, неутомимо перебиравших тонкими ножками. Копытца поднимали клубы золотящейся пыли. Длинные копья всадников поблескивали железными наконечниками. Машина скачет по ухабам и ямам, но засохшей грязи. Вся земля испещрена большими следами.

— Это проходили жирафы,— говорит шофер.— Они тут паслись.

Он показывает на серые редкие кусты. Я представила этих изысканных животных, возвышающихся над кустами. Мне казалось, что в колючках притаились львы, леопарды, слоны.

Вскоре кустарник стал гуще и выше и наконец перешел в лесок. Он казался необычным. На невысоких деревцах были мелкие серые листья. Ствол гладкий, красно-оранжевый.

Шофер остановил машину. На дорогу выбежало стадо обезьян с тонкими лапками и длинными загнутыми хвостами. Они углубились в лес, и мы видели, как они расхаживают там, вкрадчиво ступая на все четыре лапы. Иногда какая-нибудь из строгих мамаш награждала шлепком непослушного отпрыска, другая в припадке нежности обнимала детеныша задними лапами и принималась искать у него блох. Самцы не вмешивались в эти занятия, они находились поодаль, охраняя свое стадо.

Заросли неожиданно кончились, и снова потянулась песчаная равнина с редкими колодцами-ямами, огороженными небольшими барьерчиками из камыша.

У колодцев сидели полуобнаженные женщины шоколадного цвета. Кругом стояли кувшины, тазы, сосуды из тыкв. Какая-нибудь из женщин, опустив в колодец узкогорлый сосуд на длинной веревке, терпеливо ожидала, пока он наполнится. Другие ждали своей очереди, а потом, поставив на голову тазы и кувшины, шли через равнину, живописные, прекрасные, как статуэтки на фоне бездонного синего неба.

Время от времени попадались селения — круглые глиняные хижины. Возле них стояли тоже глиняные сооружения, похожие на гигантские бутылки с широким горлом. Они были сделаны с большим искусством, расписаны белой краской. Шофер объяснил, что это термы, в них хранится зерно и другие продукты.

Это были деревни маса. Люди этого племени славятся красотой. Девушки маса исключительно хорошо сложены. Одежду их часто составляет нитка бус и лоскут яркой ткани на бедрах. Но незатейливый этот убор лишь подчеркивает природное изящество.

Машина рассекала нагретый воздух, я вдыхала летучий полынный запах, издаваемый стелющейся по песку травой. Иногда нас останавливало идущее по дороге стадо зебу, которое гнали на бойню. Пастухи, несмотря на жару, закутанные в обтрепанные домотканые одеяла, разгоняли коров, пропуская машину. Шофер, пробравшись сквозь стадо, прибавлял скорость. Машину сотрясало, бросало на разбитой, ухабистой дороге.

К полудню мы въехали во владения большого вождя — так назвал шофер человека, управляющего территорией, прилегающей к селению Логоне-Гана.

Вожди до сих пор еще пользуются влиянием среди населения, хотя и потеряли былую власть. Они следят за соблюдением традиционных обрядов, участвуют во всех важных событиях. Но власть их ограниченна. Дань, которую вождь собирал с населения, поступает теперь не в его кошелек, а в казну государства и идет на благоустройство селений, постройку медпунктов и школ.

Селение Логоне-Гана обнесено осыпавшейся местами глиняной толстой стеной. На стене сидели грифы, поворачивая то вправо, то влево свои голые хищные головы, будто стражи, следящие за окрестностями.

Длинноногие марабу как-то боком расхаживали на ломких ногах по низкой, заросшей камышом равнине. Казалось, что они танцуют какой-то ритмический танец.

Сквозь проем в стене, где когда-то, по-видимому, были ворота, мы вошли на площадь селения. Маленький рынок под баобабом. Овощи, сушеная рыба, молоко. Парикмахер на циновке, ноги калачиком, старательно намыливает клиента, сидящего рядом в той же позе.

Неторопливо проехал на ослике мальчик и скрылся за поворотом улицы. Эти улицы, стиснутые глиняными постройками, похожи на глубокие узкие траншеи. Высокие стены, башни домов и наверху, как безобразные стражи, грифы, внимательно наблюдающие за всей округой. Иногда какой-нибудь их них снимался с места и, раскинув крылья, куда-то летел. Вероятно, где-то выбросили мусор — грифы в африканских селениях вроде дворников.

Мы углубились в одну из улиц, проводник постучался в калитку; она открылась, и мы очутились на чисто выметенном дворе.

Несколько геометрически точных, похожих на усеченные пирамиды надворных построек в два этажа были обнесены высокой стеной. У одной из построек росла папайя.

Возле ямы с саманом на чурбаке сидел африканец. Откуда-то доносилось блеяние овец и кудахтанье кур. Голые ребятишки робко выглядывали в двери. Хозяин поднялся нам навстречу. Он был высок и плечист. Круглое, гладкое лицо дышало покоем, довольством. Он сказал, что его зовут Мамаду, он владелец этих построек. Он разводит скот, ловит рыбу. Во время больших дождей Логоне заливает деревню, все поднимаются наверх, берут с собой и скотину. Если вода стоит долго, начинается голод: рыба во время дождей ловится плохо, животных негде пасти.

Среди людей котоко, живущих в Логоне-Гана, бытует легенда о том, что когда-то наводнения были не страшны для населения.

Это было давно. В Логоне-Гана жил тогда очень мудрый вождь. Власть его была велика, но он думал лишь о том, как спасти людей от бедствий. Однажды большая вода разрушила все селение. Погибли постройки, посевы, лодки были унесены.

Вождь с горечью слушал крики осиротевших голодных детей и стенания женщин, смотрел на угрюмо молчавших мужчин. И тогда он закрылся в своем доме и просил не тревожить его. А люди ждали, что он решит. И вот зазвучал тамтам, вождь вышел, на площадь.

— Нужно построить стену,— сказал он.— Это будет большая стена, она спасет нас от всех напастей.

И люди вознесли хвалу своему вождю. Все веселились и танцевали, а потом стали строить высокую стену. Женщины, дети и старики таскали глину. Мужчины месили, укладывали ее, а солнце сушило стену, которая все росла, окружая селение. Работа длилась много дней, и вот наконец она завершилась. Когда пошли дожди и вышла из берегов Логоне, вода не затопила селение. Не раз стена спасала жителей от набегов неприятеля и наводнений, но постепенно пришла в ветхость.

Хозяйство Мамаду типично для жителя селения, стоящего на берегу реки. У него есть и овцы, и козы, и куры. Женщины выращивают овощи, травы для приправ к мясным и рыбным блюдам. Но главный доход семья Мамаду получает от рыбы. Вместе с детьми он ставит в протоках сети. Рыбу чистят, сушат. Часть ее сразу же продают коммерсантам, и они увозят рыбу на рынки.

Но бывает, что коммерсанты запаздывают и рыба пропадает. Вот поэтому люди стали задумываться, как спасти от случайностей улов. В стране в последние годы возникают кооперативы. Рыбаки ловят рыбу, сушат ее и сдают на склады. Администраторы кооператива ведут торговлю не только с другими районами, но и с соседними странами. Доходы делят по паям и часть их откладывают для оплаты администраторов и покупки инвентаря — нейлоновых сетей, моторов, пирог, строительства новых складов. Мамаду считает, что очень мудрый человек, подобный тому вождю, придумал кооперативы.

Покинув дом африканца, мы снова идем по узкой траншее улицы, сопровождаемые толпой ребятишек. Они жадно рассматривают подаренные им открытки и книжки, спрашивают, что в них написано... Дети не знают грамоты. Образование — одна из острейших проблем в Республике Чад...

Мы попросили девочек спеть. Они лишь с минуту поколебались, как бы осмысливая просьбу, и запели нежными чистыми голосами, хлопая в ладошки и кланяясь мальчикам. Так по ритуалу их приглашали принять участие в игре. Появилась консервная банка, и один из подростков стал ритмично ударять по ней, вздрагивая при этом всем телом, как бы помогая рождению ритма. Одна из девочек опустилась на колени, изображая лошадь, в такт ритму покачивая головой, другая села на «лошадь» верхом и, запев звонким голоском тягучую мелодию, начала клониться назад. Она опускалась все ниже и ниже. В тот момент, когда она была готова упасть, к ней протянулось несколько рук, поддерживая уставшего «всадника». Девочка снова запела, голосок ее зазвучал громче,

словно ее воодушевила помощь подруг. Потом она снова начала клониться назад, подергивая плечами и ритмично покачиваясь.

Это было очень живое, выразительное изображение всадника, едущего на коне в далекое путешествие.

Иногда «всадник» замолкал, полуприкрыв глаза, как бы прислушиваясь к тонкому пению сыпучих песков, к свисту ветра, к шорохам пустыни. В это время усиливал свое пение хор, сопровождаемый звуками импровизированного тамтама.

Танец захватил детей, и они забыли обо всем на свете. Зрителей не было, только исполнители. Мальчики уже не стояли, как вначале, поодаль, а подобрав где-то большие и малые консервные банки, подхватили ритм.

Мы потихоньку выбрались из толпы ребятишек и направились на площадь, где когда-то вождь учил людей, как спасти селение от наводнений, а оттуда — к реке.

К берзгу приставали лодки с плоскими, будто обрубленными кормами и мачтами для сетей, торчащими наподобие усиков бабочки. С этих мачт при помощи блоков в воду опускают сети и поднимают с уловом.

Логоне в этом месте широка и спокойна. Болотистая низина заросла камышом. На той стороне реки лежал Камерун со своим знаменитым заповедником Ваза.

Мне чудилось, что там в камыше притаились не знающие границ львы, антилопы, страусы. Над Логоне летели птицы, множество неизвестных мне птиц. Они провожали нас криками, древними, как легенды.

Бабушка из племени котоко

Путешествуя по республике, мы заехали в одно из селений котоко, лежащее у самого берега озера, заросшего камышом и папирусом.

Шофер остановил машину на площади, укрытой кронами гигантских деревьев. Толпа ребятишек мгновенно окружила нас. Дети суетились, смеялись, толкали друг друга под строгими взглядами стариков мусульман, сидевших на площади в тени деревьев.

Площадь, как водится, была центром селения. Здесь находились и колодец, и рынок, и школа.

Я прошла к навесу, где женщины, юные и совсем еще девочки, все в косичках, в сережках, амулетах и кольцах, продавали кислое молоко. Перед ними стояли тыквенные чаши с маленькими черпачками, тоже из тыкв. Сами женщины были прекрасны. Что-то чарующее, завораживающее было в совершенстве линий их рук и плеч, в правильных чертах лиц.

Я замешкалась, разглядывая их, а когда спохватилась, моих спутников уже не было на площади. Рослый африканец, растянувшийся под деревом, махнул рукой в ту сторону, куда все ушли. Улица упиралась в заросли камыша и папируса.

На пригорке два подростка возились с пирогой из камыша. У нее был узкий задранный нос и сплошной корпус. Грузы на эти лодки кладут сверху, как на плот, и везут, отталкиваясь длинным шестом от мелкого дна.

Оглядевшись, я заметила тропу, уходящую в папирус. Почва была мягкой, зыбкой, казалось, что под ногами болото, заросшее мхом.

Шуршали камыши. Стебли папируса выставили солнцу круглые шляпки крон, будто с любопытством смотрели на меня. Кто знает, приведет ли тропинка к озеру? Постояв и послушав их таинственный шелест, я вернулась назад, сетуя на пропавших друзей. Я шла не торопясь, разглядывая заборы. Они были очень старыми, глина местами осыпалась, заборы разрушились. Заглянув в один двор, я увидела старую африканку, сидевшую у своей глиняной хижины. Волосы ее, заплетенные в тоненькие косички, совершенно побелели, на голой с выступающими ключицами и ребрами груди — бусы.

Искривленными пальцами старушка неторопливо крутила тонкую палочку, заменявшую ей веретено, и тянула из лежащего на коленях пучка белой шерсти ровную нитку.

Клок обтрепавшейся темной ткани обтягивал ее бедра. В такт движениям она шевелила беззубым ртом, как бы разговаривая сама с собой.

Я стояла у проема в стене, где когда-то висела калитка. Женщина искоса посмотрела на меня, и палочка замерла в ее пальцах. Я, перешагнув порог, подошла, поздоровалась. Старая женщина улыбнулась, подняла голову. Покрытое тонкой сеткой морщин, ее лицо выражало какое-то наивное лукавство, но в то же время и доброту, столь свойственную сельским жителям.

Африканка показала на чурбак, стоявший в тени под козырьком соломенной крыши. Я опустилась на него, старуха удовлетворенно кивнула, взялась за кудель и опять забормотала что-то мягким, беззубым ртом.

Шерсть лежала на ее коленях чистым белым комочком. Кудель была на исходе, но в чаше из тыквы находилось несколько палочек-веретен с тонкими, ровными нитками.

Бабушка поворачивала веретено, поднимая его, и зачарованно смотрела, как рождается нить. Каждое утолщение она аккуратно расправляла.

Я сидела, завороженная монотонным бормотанием. Мне казалось, что я когда-то уже видела этот патриархальный двор и древнюю утварь: огромные закопченные котлы, деревянную ступу, колотушки, похожие на вальки.

Во дворе уютно пахло дымком, горьковатой сухой травой и хлевом. Из сарая, стоявшего против хижины, доносилось блеянье овец. Где-то мирно кудахтали куры. Возле хижины были ссыпаны крупные, как куриные яйца, орехи пальмы дум с гладкой красноватой скорлупой. Валялась деревянная колотушка — такими жен-

щины обивают волокнистую ткань и жуют ее, как табак, а из зерен жмут масло.

Старушка, бормоча, улыбалась и качала головой. Медленно шевелились пальцы африканки. Я смотрела на их рубцы и царапины, на тонкую бесконечную пряжу, и почему-то жизнь ее показалась мне похожей на эту нить, ровную, прочную и простую. Все просто: двор, хижины, старое одеяло, висящее на выступающем из стены сучке, орехи, ссыпанные у стены, колотушки, деревянная ступа. Как она управляется с этим?

Бабушка, как бы уловив мои мысли, встала и, подойдя к ступе, несколько раз ударила пестом, показывая, как толкут зерно. Потом повела меня в свою хижину. В ней царил полумрак. Здесь стояло несколько темных от старости глиняных амфор-сосудов, в них было просо. Пол укрывали циновки, а на них еще одно одеяло, сотканное из шерсти. Тут же находился ткацкий станок, на стенке висело платье — кусок зеленой ситцевой ткани.

Старушка показывала котлы, она погружала руки в зерно и все говорила и говорила, как бы обрадовавшись случайному слушателю. Мы снова вышли во двор. Подняв с земли колотушку, бабушка постучала ею по ореху пальмы дум и протянула мне его сердцевину. Это был подарок, выражение дружбы.

Мне хотелось что-то оставить старушке на память. Дорожная сумка с вещами лежала в машине.

Я быстро возвратилась на площадь и увидела проводника. Он сидел под деревом рядом с африканцем, лежащим все в той же изящно-ленивой позе.

Проводник открыл дверцу машины.

— Вы ходили на озеро? — спросила я.

— Озеро ушло...— Он сидел на ступеньке, пока я рылась в сумке, которая изрядно уже опустела во время поездок по стране. Наконец я нашла хохломскую брошь — золотой василек на красном, сияющем лаком поле.

Я укладывала в сумку дары Чада — орехи кола, початки колбасного дерева, плоды — и расспрашивала проводника, почему ушло озеро.

Он развел руками.

— Этого никто не знает... Там живет огромное стадо старых седых гиппопотамов, они охраняют тайну...

Тайна озера заключалась в том, что в один прекрасный день вода начинает вдруг прибывать. На глазах затопляются острова, исчезают деревни. Иногда наводнение разрушает города.

Деревня, в которую мы приехали, стояла близ озера, и жили в ней люди котоко — одного из больших племен, населяющих земли, лежащие в низовьях крупнейших в республике рек — Шарп и Логоне.

Котоко — потомственные рыбаки, но они занимаются также земледелием и скотоводством. Рыбацкие деревни часто узнаешь по запаху. Но в этом селении рыбой не пахло. Озеро ушло далеко, остались зеленые заросли камыша, подступающие к самой границе селения.

Засунув в сумку последние сувениры, я вышла из машины, чтобы вернуться к старушке, и увидела женщину, вышедшую из узенькой улицы. Что-то знакомое показалось мне в ее облике. Седые косички, морщинистое лицо. Да, это была она, старая бабушка котоко. Она шла торжественно и прямо. Долгие годы ношения клади на голове выработали эту величественную походку. Даже возраст не изменил, не согнул старушку.

На плечи ее, словно римская тога, была накинута зеленая ткань, которую я видела в ее хижине. Бабушка подошла ко мне, и я скрепила на плече эту ткань красной брошкой.

Как только брошка стала собственностью женщины, она, показав на нее, начала что-то объяснять.

— Она просит, чтобы вы прикололи ее на грудь,— сказал проводник.— Сама она с этим справиться не сумеет.

И вот украшение оказалось на груди. Бабушка еще более выпрямилась, страшно важная, поплыла к колодцу, где толпились с тазами и ведрами африканки. О, с какой наивной гордостью она шла мимо них! Мне показалось, что на бабушку даже никто не взглянул. Но держалась она с таким достоинством, будто взгляды всех женщин деревни были устремлены на нее.

Затем старушка с той же царственной горделивостью прошла мимо рынка, где молча сидели продавщицы молока, мимо мусульман, подобных изваяниям, все в тех же позах сидевших на площади возле деревьев. Ее платье в последний раз мелькнуло в конце улицы и исчезло.

У машины тем временем собрались подростки. Они попросили у меня фотоаппарат, чтобы взглянуть в глазок видоискателя. Они были смелы и любознательны.

Проводник настороженно следил за ребячьей возней и, когда два подростка начали уж слишком неосторожно крутить аппарат, сердито отобрал у них камеру.

— Не нужно им этого давать. Они еще не умеют с ним обращаться,— сказал он, возвращая мне аппарат.

Я отошла под дерево и села на камень.

— Дочь женщины, которой вы подарили брошь, считают обманщицей,— сказал лежащий на земле африканец.

Я не поняла, о чем он говорит.

— У нее нет детей,— пояснил африканец.— Она вышла замуж, прожила пять лет и не родила ребенка. Муж потребовал выкуп обратно. Вождь сказал, что выкуп нужно отдать. Считается, что жена, которая не родила ребенка, обманщица. Она должна вернуться к родителям.

— И она вернулась?

— Да, она живет у матери. Муж не обязан платить за женщину, у которой нет детей...

— Чем же она виновата?

Он посмотрел на меня задумчиво, серьезно, но ничего не ответил.

Один ученый, возвратившись из путешествия по Черному континенту, сказал: «Кто хочет видеть старую патриархальную Африку, пусть торопится. В наш век она исчезает на глазах».

Многое из того, что прошло перед моими глазами во время поездки по стране, было той старой патриархальной Африкой. К этой старине относилась и бабушка из племени котоко, и неудачное замужество ее дочери. Новое неслось лавиной любознательных, динамичных ребятишек, бегающих по улицам африканского селения. Новое это были школы, больницы, предприятия, которые начали строить в стране.

Об авторе

Шапошникова Вера Дмитриевна. Родилась в городе Рязани. Член Союза журналистов СССР, работает заведующей отделом в журнале «Москва». Автор книг о путешествиях но Африке и тружениках Смоленщины, очерков в различных литературно-художественных журналах. В альманахе выступает второй раз. Сейчас работает над очерками «На родине Пржевальского».

ПОБЫВАЙТЕ НА ПТИЧЬЕМ БАЗАРЕ

Сергей Мараков

Фотоочерк

(См. вкладку)

Птичьими базарами принято называть колонии из сотен и тысяч птиц. Размещаются птичьи базары не только на крутых морских берегах, но и на побережьях внутренних водоемов, таких, например, как озеро Байкал, Балхаш. И все же настоящие птичьи базары бывают лишь на морских побережьях. Там, где неустанно шумит прибой, где пенистая волна лижет основания скал, на их уступах и вершинах устраивают гнездовья чайки, бакланы, чистиковые, трубконосые и некоторые другие птицы, живущие большими сообществами.

По весне, когда с береговых утесов спадает снежная пелена, к ним подлетают шумливые поселенцы. Самыми первыми обычно показываются белобрюхие кайры, или, как их зовут на Дальнем Востоке, ары. Название ара — звукоподражательное. «Арра-аррра»,— кричат птицы, и, если их тысячи, такой хор заглушает не только грохот прибоя, но и шумное эхо выстрела. Кайры — самые характерные жители птичьих базаров. Они могут гнездиться и на узеньких

уступах, и среди каменистых осыпей, и на ровных площадках на вершинах утесов. Кайры несут крупные, вдвое больше куриных, яйца, разноцветные, изукрашенные замысловатой вязью. Хотя в кладке только одно яйцо, но если его взять у птицы, то она вскоре снесет другое.

На Командорских, Курильских и некоторых других островах Охотского, Берингова морей и Тихого океана гнездится глупыш. Эта птица из отряда трубконосых. Ее самые близкие родичи — буревестник и альбатрос. По размерам глупыш чуть больше вороны, но, так же как буревестник и альбатрос, относится к числу замечательных летунов, способных легко носиться над самым бурным морем. Свое не совсем лестное прозвище птица получила за доверчивый нрав и способность едва ли не из рук человека брать корм. Глупыши несут очень крупные, кипенно-белые и, главное, вкусные яйца. Правда, собирать их нелегко — птицы гнездятся по чуть держащимся на крохотных уступах кочках или выступах скал.

Непременный участник птичьих колоний — баклан, но он в отличие от болтливых кайр и голосистых чаек молчалив. Едва и разберешь бакланье бурчание, даже если находишься совсем рядом с гнездом. Бакланы любят сидеть на гребнях и вершинах скал, отчего вершина скалы напоминает зубчатую крепостную стену замка. Бакланы весьма плодовиты. В их гнезде нередко можно обнаружить по шесть-семь яиц. Но яйца бакланов неприятны на вкус и, как это ни странно, не могут свариться. Их белок не свертывается.

После посещения птичьего базара в ушах еще долго стоят шум и пронзительные голоса чаек. Особенно голосисты крупные морские и полярные чайки. Чуть что — они поднимают такой крик, что среди обитателей базара начинается паника. Это чайкам на руку: пока хозяева гнезд отсутствуют, они лакомятся их яйцами. Но к своим гнездам чайки почти никого не подпускают. На человека они так стремительно пикируют, сворачивая от головы буквально в нескольких сантиметрах, что невольно стараешься покинуть опасную зону. Однажды на Арьем камне близ острова Беринга серокрылая чайка, нападая, не рассчитала и ударом сбила шапку с моей головы. Сама она после этого полетела с трудом, но и я поспешно ретировался, ощупывая по пути контуры проступающей шишки.

Наиболее приятны незлобивые, опрятные и красивые некрупные чайки говорушки. Прозваны они так за привычку, сидя на гнездах, вести с соседками по гнездовьям неторопливую беседу, напоминающую разговор. И еще одна черта присуща говорушкам: свои гнезда они мастерски прилепляют к едва заметным неровностям отвесных стен скалы.

Многие из поселенцев птичьих базаров предпочитают прятать свои кладки подальше от «дурного» глаза чаек и других хищников. Одни из них, подобно чистикам, конюгам, ипаткам или белобрюшкам и старикам, выискивают для гнезд лабиринты щелей, другие — топорки, тупики, качурки — роют норы.

Интересна особенность большинства обитателей птичьих базаров — склонность перед «трудовым» днем или после него собираться кучкой и сидеть молча некоторое время. Подобные «собрания» именуются клубами. Особенно часто в «клубы» собираются кайры, гагарки, топорки и говорушки.

Посещение больших и разнообразных по населению птичьих базаров доставляет глубокое наслаждение и оставляет незабываемое впечатление. А ведь наша страна располагает уникальнейшими колониями морских птиц! Их немало на побережьях Баренцева и Карского морей, на Новой Земле и Чукотке. Особенно увлекательно путешествие в мир птичьих базаров, расположенных по берегам Камчатки, Командорских и Курильских островов. Здесь, в полной романтической зачарованности стране вулканов, ветров и туманов, они образуют неповторимый комплекс. Ведь на скалистых берегах располагаются лежбища морских котиков, сивучей, красивых тюленей антуров и морских выдр — каланов. Тут же бродят медведи, шныряют черно-бурые лисы и голубые песцы. В этом краю на рубеже суши и моря рождаются неповторимые картины одна прекрасней другой, и вряд ли можно удивляться тому, что человек, открывший для себя подобные места, будет неуклонно стремиться прийти на свидание с ними снова и снова.

Об авторе

Мараков Сергей Владимирович. Родился в 1929 году в Москве. Окончил Московский пушно-меховой институт. По специальности биолог-охотовед, кандидат биологических наук, имеет свыше 60 научных трудов. Автор побывал с экспедициями в самых далеких уголках нашей страны. Им Опубликовано несколько научно-популярных книг — «Край непуганых птиц», «Каланы возвращаются на берег», «Тропами охотоведов». В альманахе печатается впервые. В настоящее время работает над книгами «В джунглях Прибалхашья» и «Когда оживают скалы».

БИТВА ЗА ЖАННУ

Жан Франко,
Лионель Терре

На подступах к вершине

Расположенный между Индией, где знойная жара чередуется с опустошительными наводнениями, и высокогорными плато Тибета, где дуют сухие и холодные ветры из Центральной Азии, Непал — воистину благословенная богом земля.

Если стекающие с Гималаев реки с их галечным дном, бешеным течением и обрывистыми берегами напоминают наши альпийские грозные потоки, только гораздо более мощные, то горы Непала, покрытые лесом, посевами, пересеченные тропинками, имеют мирный и приветливый вид. Зима здесь прохладная, а лето дождливое. Человек избегает очень глубоких долин, слишком жарких и малоплодородных, где свирепствует малярия. Зато горные склоны на высотах от 1000 до 3000 метров повсюду густо заселены. Плодородные почвы этих мест привлекли сюда земледельцев и скотоводов.

Если путешественник, оказавшись на большой высоте, бросит оттуда взгляд, ему покажется, что весь Непал покрыт тщательно возделанными террасами, где в основном сеют

рис, просо и кукурузу. Среди зелени разбросаны маленькие непальские домики охристого или белого цвета, часто довольно кокетливые, окруженные зарослями кукурузы и покрытые соломой. Под сенью рощ бамбука или огромных баньянов, где неумолчно стрекочут кузнечики, укрываются деревеньки и поселения или же просто места постоянных привалов на караванных путях. Кажется, что в этой стране, расположенной на огромном Азиатском материке между перенаселенными равнинами юга, ледяными и почти пустынными просторами севера и обрывистыми склонами великих Гималаев, образующими как бы фон со своими закутанными в вечные льды и снега вершинами, сверкающими в синеве небес, все создано для человека, самим человеком и в человеческих масштабах.

Мы пересекаем эту чудесную страну из конца в конец, придерживаясь в основном долины реки Тимур. Идем мы поверху, не спускаясь на самое дно долины.

На склоне длинного хребта, вытянутого к югу, расположена Дханкута — главный город важного района страны. Здешние жители исключительно миролюбивы, приветливы, гостеприимны.

За Дханкутой, точнее, на расстоянии одного дня ходьбы от нее мы покидаем дорогу, идущую к Аруну и Макалу, и вступаем на неисследованную территорию, где отныне нам придется исчислять расстояние в днях. Синдува среди зелени лугов, Ампхува, окруженная рисовыми полями, Лавари между двумя речушками с прозрачной водой — вот места наших пленительных привалов. И так день за днем, привал за привалом.

Некоторые думают, что длительные переходы экспедиций представляют собой наиболее изнурительную часть работы исследователей, горовосходителей. Возможно, это и так, но на сей раз мы приложили немало усилий, чтобы сделать походное и бивачное снаряжение наиболее удобным и необременительным.

«Саб*, или господин, которому предстоит штурм вершины, должен иметь максимальные удобства в походе»,— внушают себе

Битва за Жанну

Предисловие

В самой могущественной горной системе земного шара—Гималаях, несмотря на большое количество экспедиции (более ста), совершенных в конце XIX и в первую половину XX века, все попытки взойти на высочайшие вершины не увенчались ,/спехом. Ряд второстепенных пиков были покорены, альпинистам несколько раз удавалось превзойти 8000-метровую отметку абсолютной высоты, но ни один из четырнадцати восьмитысячников не сдался человеку.

Л вот в последующие пятнадцать лет были покорены десятки грозных пиков, превышающих 7000 метров, и все до последнего — восьмитысячнм-

———————

* Саб — уменьшительное от «сагиб», как жители Азии называют белых европейцев.— *Прим. авт.*

носильщики каравана. Палатки устроены наилучшим образом для походной жизни: они имеют тройную крышу, предохраняющую от тропических ливней, а вход защищен от кишащих в этих краях комаров и различных насекомых специальными пологами из кисеи. Палатки довольно просторны и превосходно приспособлены для климата непальских предгорий: в жаркие дни в них свежо, а в непогоду они благодаря своей герметичности изолированы от внешнего мира, и там тепло и уютно. Если ночью ожидается дождь, то с вечера шерпы роют вокруг палаток канавки для стока воды. Глубина канавок зависит от важности персон, занимающих ту или иную палатку. Ввиду того, что я был бара-сабом*, моя палатка была защищена настоящим рвом.

Носильщики совершают переход в довольно ровном темпе. По утреннему сигналу они ежедневно трогаются в путь плотными группами. Последними уходят обычно носильщики из Дарджилинга — шерпы. Они забирают с собой все бивачное и кухонное оборудование. Благодаря своей природной выносливости и упорству они настигают в пути голову колонны и раньше всех приносят это оборудование на новое место для ночлега. По мере того как солнце поднимается вверх все выше и выше, движение носильщиков замедляется, а тень разбросанных вдоль пути зарослей баньянов ценится все дороже.

Постепенно нить каравана разрывается на несколько разрозненных групп. Сильно уставшие носильщики, отчаявшись, бросают ношу наземь, потом, выйдя из оцепенения, вновь взваливают ее себе на плечи.

Вечерами мы собирались за обеденным столом в нашей большой палатке. Это всегда был целый пир. Горные козлята, черные непальские поросята, бараны и цыплята составляли наше меню, в дополнение к которому мы выбирали из наших припасов различные вкусные приправы, аперитивы и сладости.

После того как все насытятся, приходила очередь словесных баталий «ученых» и «альпинистов». К первым относилась научная

ки. Новые методы восхождения преодолели сопротивление горных великанов.

Казалось, для исследователей недоступного все проблемы уже решены. Однако искать новое для альпинистов — это не только выходить на штурм еще не покоренных вершин, но и совершать то, что ранее считалось невозможным, меняя тем самым представления о допустимом для человека.

Не сама ли природа бросила вызов человеку, его дерзости, взметнув в небо острые каменные иглы, надежно защищенные отвесными стенами, каскадами ледников и снежными полями?

Именно поэтому еще в 1955 году наши взоры обратились к огромной и впечатляющей гималайской цитадели — Жанну, в которой сочетались трудности большой абсолютной высоты вершины (7710 метров), значительного перепада высот на пути подъема и чрезвычайной сложности рельефа.

Жанну была нашей целью шесть лет, в течение которых неотвязные мыс-

---

* Бара-саб — руководитель, шеф.— *Прим. авщ.*

часть экспедиции в лице энтомолога Филиппа Дре, геолога Жан-Мишеля Фрелона и врача Джемса Лартизьена, их противниками были восемь тщательно отобранных Гималайским комитетом лучших горовосходителей Франции — Лионель Терре, Жан Бувье, Пьер Леру, Рене Демезон, Гидо Маньон, Робер Параго, Морис Ленуар и я. Это лишь кажущееся неравенство в силах. По словам Дре, «побеждали сильнейшие». На каждой стороне можно выделить лидеров: Рене и Робер гордо несли знамя прославленных альпинистов, а Филипп Дре (его одного было вполне достаточно), скромный и несгибаемый, твердо держал в руках факел науки. Вначале обе стороны обменивались мнениями по поводу тщетности усилий, предпринимаемых человеком в какой бы то ни было области, неизбежности ошибок у любых выдающихся личностей, незаметной, но приносящей огромную пользу обществу работы исследовательских лабораторий. Эрудированный Дре был восхитителен в этой части. На каждый выпад он отвечал мощным ударом. Войдя в раж, он импровизировал без устали. Но альпинисты не собирались складывать оружие, и перепалка разгоралась. Порой доводы сторон выглядели попросту забавно: «Ученый должен все знать,— говорил Рене Демезон.— А если не знает, то обязан изобрести». На что Филипп отвечал в том же стиле: «Для альпиниста не должно быть преград, но пока вы лишь горазды на язык. Посмотрим, что будет на Жанну».

На следующий день в послеобеденные часы сражение разгоралось с новой силой. Но когда разговор заходил о женщинах, обе стороны объединялись. В наших рассуждениях о слабом поле никогда не чувствовалось недостатка ни в игривости, ни в остроумии. Самые вольные шутки перемешивались с сентиментальными историями, студенческие песни с куплетами старых артиллеристов.

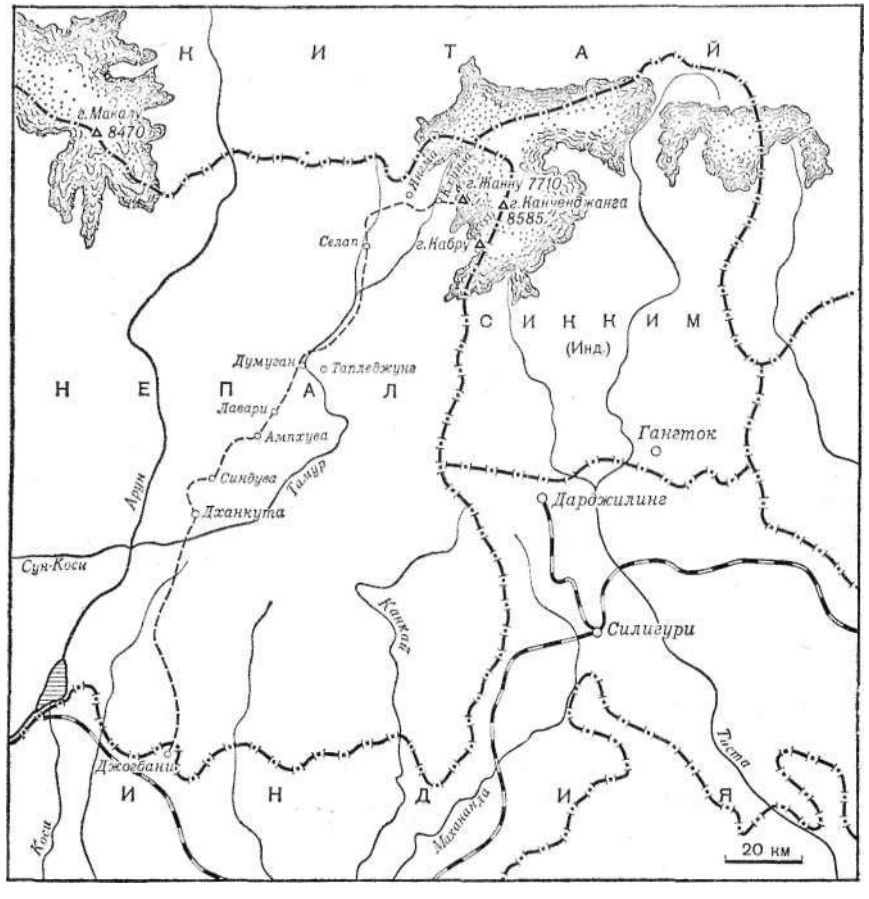
Кто-то из нас однажды вспомнил о девушках из Тамура, и вдруг нам представилось, что вся долина, по которой вскоре пройдет наш караван, заполнилась самыми очаровательными созданиями с миндалевидными глазами, золотистой кожей и классическими формами тела. Сам бог и природа хотели, чтобы в этих диких

ли и бесконечные мучительные ожидания чередовались с трудной работой по организации экспедиций и напряженной, порой драматической борьбой во время восхождений.

Через два года после разведывательной экспедиции 1957 года на штурм вершины отправился мощный отряд под руководством Жана Франко. Преодолеть последние 350 метров оказалось не под силу восходителям, и они были вынуждены отступить. Битва за Жанну успешно продолжалась в 1962 году под руководством Лионеля Терре.

Покорение вершины до сих пор представляет собой одно из самых сложных и смелых предприятий в Гималаях.

Люсьен Деви,
президент Французской федерации
альпинизма и Гималайского комитета.



краях, на подступах к самому небу, где последние следы жизни начинают исчезать, существовало поэтическое существо невиданной красоты.

Экспедиция двигалась вперед. После того как мы пересекли бурный поток Кхойя Кхола, наш путь пролегал по заросшему лесами хребту Лобак со спуском на Думуган неподалеку от богатых ферм Тапледжунга.

30 марта мы достигли Янгмы, местечка, расположенного на высоте 3250 метров. Разбили лагерь среди громадных рододендронов. Многие носильщики очень устали и не могли двигаться дальше.

В довершение ко всему после полудня повалил снег. Пришлось разжечь костры. На угрюмый, примолкнувший лагерь надвинулась ледяная ночь. К рассвету толщина снежного покрова достигла двадцати сантиметров. Мороз. Окоченевшие от холода носильщики тщетно пытались развести костер из зеленых ветвей.

Чтобы попасть в Кхунзу, нам предстояло преодолеть заснеженный перевал высотой в 4700 метров. Неожиданно появилось солнце, и небо сразу же затянуло молочной пеленой тумана, слепящей глаза. Подъем становился все труднее. К середине следующего дня головная часть колонны достигла перевальной точки. Выбиваясь из сил, шерпы делают максимально возможное в их положении. Далеко внизу виднеется густой лес, пастбища и крыши лачуг Кхунзы, на которых вывешены молебенные флаги.

Кхунза означает конец обитаемой земли, отсюда ущелье Яматари открывает путь к Жанну.

Грозный облик Жанну

И вот наконец в первые дни апреля мы смогли рассмотреть нашего противника. В голову невольно приходят слова легендарного Тенцинга, покорителя Джомолунгмы: «Нет, Жанну — это не просто вершина. Это грозный великан, бдительно охраняющий свою независимость от каких бы то ни было посягательств. Он восседает на троне и непрестанно следит за непальскими долинами, особенно Яматари. Со всех сторон он окружил себя громадными неприступными стенами. Ему нечего бояться. Если же у его подножия появляются люди или йети*, он дует — и от них не остается и следа. Именно поэтому никто из Кхунзы не осмеливается приблизиться к нему».

Теперь нам стал ясен смысл этих слов.

Весь юго-западный склон вершины развернут перед нашими глазами. Он настолько обширен, что его нельзя окинуть взглядом. Эта вершина — необычайная в своем роде конструкция диковинной красоты из нагромождения отвесных стен, головокружительных гребней и впечатлеющей крутизны висячих ледников.

Крутые взлеты начинаются сразу у подножия на высоте приблизительно 4900 метров. Левый контрфорс, поддерживающий западную часть «Трона» (такое название получила средняя часть Жанну, представляющая собой чудовищный скально-ледовый барьер, на котором покоится голова гиганта — сама вершина), взмывает вверх гигантской стеной. В центре бушует громадный ледовый каскад (ледник «Трона»). Низвергаясь, он простирается своими сераками ** до морены у подножия вершины. Справа «Трон» и его ледник окаймлены очень запутанной системой южных гребней.

Вооружившись биноклями, мы внимательно изучаем склоны с небольшой соседней вершины. Какой избрать маршрут в этом лабиринте неприступности?

* Йети — снежный человек.— *Прим. пер.*

** Сераки — ледовые формы, образующиеся на леднике в местах его излома и перегибов. Сераки — значительное препятствие для альпинистов.— *Прим. пер.*

По данным разведывательной экспедиции, мы хорошо знаем, что только с этой стороны нужно искать путь наверх. Обсуждаем варианты: снизу, от сильно разорванного ледника, подъем вверх на 600—700 метров по скалам грушевидной формы, затем преодоление «плоского» участка (крутизна которого приближается к скату прыжкового трамплина). Далее два пути: или через огромный чудовищный барьер льда, поддерживающий «Трон», или через крутые четырехсотметровые ледовые склоны с напоминающими издали трубы органа продольными желобами, которые мы назвали ледовыми флейтами. Выше «Трона» подъем опять распадался на трудные маршруты: первый — это выход на южный гребень и второй — на западный гребень с преодолением нависающих карнизов.

Мы пытаемся сравнивать различные участки восхождения с известными маршрутами альпийских вершин. Нижняя часть подъема по скальному грушевидному контрфорсу напоминает одноименный маршрут «Груша» по очень сложному и опасному юго-восточному склону Монблана. Средняя ледовая часть гораздо круче и длиннее кулуара Эгюий Верт*. Что касается самой «Головы Жанну» (вершинной части), то своими гладкими плитами, перемежающимися с карнизами, она очень походит на знаменитую северную стену Гранд Жорас*.

Всякий, кто побывал на этих вершинах или хотя бы читал о них, вправе подумать, не сумасбродна ли сама по себе идея штурма вершины, состоящей из поставленных друг на друга стены Монблана, ледового кулуара Эгюий Верт и грандиозной стены Гранд Жорас.

Нам казалось, что именно здесь верный путь на «Трон», на котором мы должны установить хорошо оборудованный стационарный лагерь. Более того, этот путь должен был быть подготовлен так, чтобы по нему систематически и безопасно для себя шерпы могли переносить тяжелые грузы. Мы были спокойны, так как знали, что нигде на Жанну нельзя найти более подходящего маршрута, чем здесь. Но пока еще рано было начинать подниматься по «Груше» даже в самой ее нижней части: там беспрерывно скатывались снежные лавины и происходили ледовые обвалы. Срываясь с верхней части склона, снег вперемежку с кусками льда съезжал в желоб, заканчивая свое падение у основания скал. Сама «Груша» казалась нам хорошо защищенной. Ну, а что касается «Головы Жанну» и всего, что расположено над «Троном», то мы даже и не осмеливались еще думать об этом.

Мы находимся в высокогорье вот уже больше недели. Носильщики из Дарджилинга и Кхунзы давно покинули нас, отправившись в долину. «Научная часть» экспедиции также ушла: Фрелон — на розыски йети и высокогорных животных, Дре — вниз, к долине, для пополнения своей ботанической коллекции.

* Эгюий Верт и Гранд Жорас — труднодоступные вершины в районе Монблана.— *Прим. пер.*

У нас постоянно функционировала почтовая связь. Эту важную работу выполняли курьеры, которые выбирались из наиболее выносливых носильщиков Дарджилинга. Каждую неделю курьер с письмами и телеграммами покидал базовый лагерь и направлялся к Джогбани, ближайшему индийскому почтовому отделению, расположенному приблизительно в трехстах километрах. Оттуда он возвращался с корреспонденцией, которую в почтовом отделении берегли для нас. Переход туда и обратно занимал двадцать, а порой двадцать пять дней. Одному из трех наших почтальонов удалось сделать четыре (!) таких перехода в оба конца.

Курьеры, приносившие нам новости, носильщики, регулярно снабжавшие нас свежими продуктами и дровами из долины, и даже наш радиоприемник, который время от времени издавал мелодии индийской музыки, связывали нас со всем остальным, хорошо известным нам миром внизу, под нами. Но что касается другого мира, «над нами», мы только начали устанавливать с ним первые контакты.

Сначала свободные от работы шерпы группами в шесть, восемь, десять человек и более перебрасывали грузы к нашему будущему Лагерю-I на высоте 4800 метров у подножия вершины Жанну. Место лагеря было выбрано на самом леднике. Шерпы отправлялись ежедневно рано утром после завтрака. С грузом по двадцать пять—тридцать килограммов они с песнями и шутками, шумной и веселой гурьбой легко совершали переход за день туда и обратно.

Мы чувствовали себя превосходно.

Осада крепости

Вот уже в течение долгих дней погода не подавала никаких признаков к улучшению. В горах еще стояли зимние холода, лето запаздывало, хотя солнце пригревало все сильнее.

Подготовительные работы закончены. Теперь уже можно заняться самой вершиной. 12 апреля в базовом лагере состоялось собрание, на котором приняли план первых операций. В задачу передового отряда входит наметка маршрута подъема на «Грушу», преодоление контрфорса и обработка пути с навешиванием перил и лесенок* для носильщиков. Второй отряд проводит разведку южного отрога вершины. Вместе с Ленуаром я остаюсь в базовом лагере для подготовки второго эшелона, который должен выйти на «Грушу» после того, как будет подготовлен путь.

* Перила — закрепленные на склоне (с использованием скальных выступов и альпинистских крючьев) веревки для безопасного подъема, траверсов и спусков; лесенка — веревочная лестница из двух-трех и более ступенек, облегчающая подъем.— *Прим. пер.*

13 апреля во второй половине дня две группы с грузом уходят из базового лагеря. Снег идет густыми хлопьями.

Первые сообщения, как и было условлено, я получил четырнадцатого вечером. Из передового отряда Пьер Леру доложил: «Подъем по цокольной части небезопасен. Горловина беспрерывно гудит, снег и осколки льда от проносящихся там лавин долетают до нас. Начальный подъем по плитообразным скалам сложен. Навесили веревочные перила. Поднялись метров на двести. Завтра мы попытаемся подняться еще выше, чтобы найти подходящее место для лагеря. Рацию с собой не возьмем. У нас идет снег. До завтра. Связь в девятнадцать ноль-ноль».

День 15 апреля стал для нас поистине драматичным. Утро было ясное, но с полудня началась непогода. В два часа я связался по радио со вторым отрядом.

— Мы начали подъем, на второстепенную вершину,— говорил Лионель встревоженным голосом,— а в десять часов перед нашими глазами по всему юго-западному склону пронеслась лавина. Вряд Ли что могло уцелеть на ее пути.

— И ты думаешь, что группа Пьера...— Дальше я не мог продолжать.

— Мы: уверены, что произошло несчастье. Нам никогда еще не приходилось видеть таких лавин.

Всех нас охватила жгучая тревога. Но что делать? Чего ждать? Мне вдруг пришла мысль связаться с ними: Пьер знал, что в два часа дня я должен быть «в эфире». Включаю рацию.

Через несколько минут, тянувшихся бесконечно долго, для нас, послышался словно воскрешенный из небытия голос Пьера. Он рассказал о том, что произошло.

С утра по леднику «Трона» прошло несколько обычных по размерам лавин. Это вынудило первый отряд отложить время выхода. Но потом стало ясно, что подъем отряда на «Грушу» просто бессмыслен. Совсем не оставалось времени на то, чтобы, поднявшись на достигнутую вчера высоту, успеть подготовить хоть еще один участок подъема. Лучше было подождать усиления группы. И как раз в тот момент, когда наши товарищи покидали Лагерь-1, чтобы, осмотреть ледник, с верхних, склонов обрушилась лавина. Ее размах был просто невообразимым. Конечно, Пьеру приходилось уже не однажды видеть в Гималаях лавины, и он давно знал, что по своим размерам, скорости и мощности они несравнимы с альпийскими. Но сейчас его группа окончательно убедилась, что Жанну — вершина, совсем не похожая на другие.

Я поспешил успокоить Лионеля относительно судьбы группы Леру и попросил его остаться на месте, чтобы завтра же продолжить наблюдения в поисках пути подъема. Впрочем, у нас не было выбора. Нужно пробовать свои силы с южной стороны либо возвращаться во Францию. А вечером в базовый лагерь вернулись наши друзья, которые чудом спаслись от катастрофы.

Было ли это предупреждением судьбы? Стоило ли полагаться

на чутье альпинистов или взывать к милосердию всевышнего? Еще вчера наши товарищи были на контрфорсе. Ну, а если бы программа наших действий была составлена с опозданием на день, их бы навечно погребла под собой лавина...

Устройство надежной дороги и закрепление перильных веревок потребовали несколько дней напряженной работы на сложном маршруте между лагерями II и III. Лионель и Рене 16 апреля достигли плато, Морис и Робер там были 17, Пьер и Жан — 18, мы с Гидо подошли к ним 20 апреля. Кулуар, уводящий вверх, от Лагеря-П к снежно-скальному гребню, затем сам гребень, крутые ледовые склоны на восток от него, выше косая полка-«камин», забитая снегом, были поочередно пройдены первовосходителями и затем обработаны для продвижения всей команды и носильщиков. В лед и скалы загоняли крючья, на них навешивали веревочные перила общей длиной в четыреста метров.

Мы продвигались вперед испытанным методом. Восемь альпинистов, разбитые на связки *, образовывали четыре группы. В каждую из групп еще входили два или четыре шерпа. Порядок следования групп менялся. По проложенному маршруту вперед выходила одна из отдохнувших групп (обычно последняя), которая, как бы поднявшись на плечах впереди идущих, вносила и свою лепту в общее дело, отвоевывая, у вершины следующий участок.

Такая тактика хорошо оправдала себя еще во время восхождения на Макалу (8470 метров), поэтому она была принята и при подъеме на Жанну. Мы придерживались таких правил: подъем на максимально допустимую высоту, обработка пройденных участков и затем быстрый спуск на такую высоту, чтобы мы могли быстро восстановить свои силы. Таким образом, четыре связки нашей экспедиции представляли большую ударную силу, и я не мог представить препятствия, которого мы не смогли бы преодолеть.

Начиная с 29 апреля центр тяжести нашей экспедиции, если так можно сказать, переместился в Лагерь-III, где было сосредоточено почти все снаряжение и оборудование, необходимые продукты и находились все альпинисты нашей экспедиции, шерпы, доктор и повар.

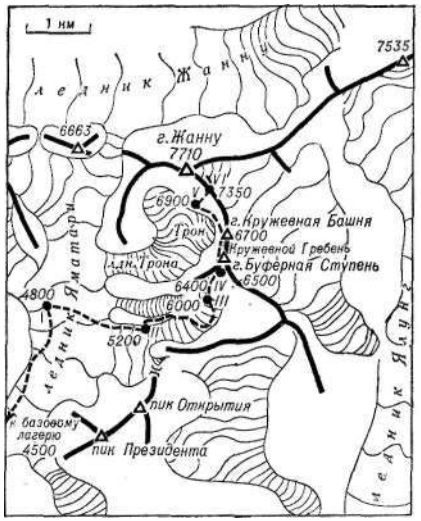
Здесь был воздвигнут городок из дюжины палаток. Несмотря на большую высоту (около 6000 метров), лагерь был хорошо оборудован, так что можно было в свободное время отдыхать со всем комфортом.

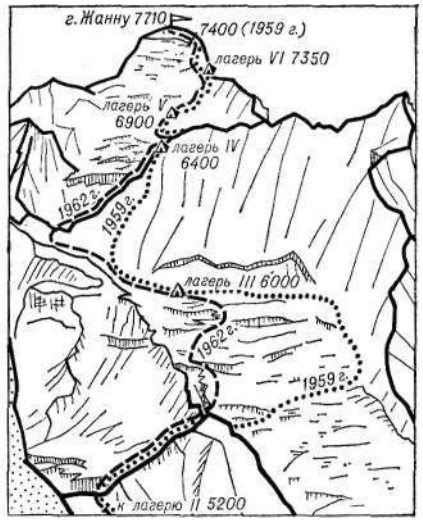
Дальше путь на южный гребень, где намечалось разбить Лагерь-IV, был оценен нами как чрезмерно сложный **. На обору-

———————

* Свивка — альпинистский термин, означающий двух, трех или больше лышнистов, использующих при передвижении одну общую веревку, к которой они привязаны для взаимной страховки.— *Прим. пер.*

** В практике французского альпинизма принято рассматривать трудность того или иного маршрута восхождения по ступеням: легкий, немного сложный, довольно сложный, сложный, очень сложный, чрезмерно сложный.— *Прим. пер.*





дование и подготовку этого маршрута, начиная от подгорной трещины нашего цирка до Лагеря-IV, потребовалось восемьсот метров веревок для навешивания беспрерывной линии перил и несколько десятков ледовых крючьев. Работали в любую погоду, иногда в пургу или в глубоком (до полуметра) слое свежевыпавшего снега. После бергшрунда * крутизна склона резко возрастала. Литые гранитные скалы без трещин осложняли подъем. Шестидесятиметровые кулуары были покрыты натечным льдом, крутизна их превышала 60°, а местами они обрывались отвесными стенами. Маршрут был проложен в самой гуще лабиринта из ледовых желобов, небольших стен, ниш, навесов, огромных грибообразных снежных конструкций, нависающих над пропастью, тонких кружевных гребешков — этом сказочном разнообразии восхитительных форм.

Мне кажется, что альпинистам еще никогда не приходилось прокладывать путь в столь необычной ледово-скальной структуре. Как бы ни был труден и рискован подъем в постоянном ожидании лавин, мы не могли не позволить себе иногда полюбоваться окружавшей нас красотой. Никому из нас не приходилось видеть подобного.

После прохождения кулуаров и карнизов вновь стали навешивать перила. Веревки, веревки, веревки. И наконец последним усилием можно выползти на единственное плоское место на гребне, место Лагеря-IV в форме орлиного гнезда, по обе стороны которого зияет бездна.

Итак, путь на южный гребень открыт. Но как теперь осуществить переноску грузов по этой воздушной «дороге»? Техническая

* Бергшрунд — поперечная подгорная трещина на леднике в месте его перегиба.— *Прим. пер.*

подготовка носильщиков была не очень высокой. Но вопреки нашим предположениям шерпы быстро «вошли во вкус» лазания по столь необычной ледовой стене. Они преодолевали весьма сложные участки, требующие большой ловкости и силы, с двадцатикилограммовыми грузами и всегда с какой-то особенной, свойственной только шерпам улыбкой.

В ночь на 3 мая погода совсем испортилась. Пурга продолжалась довольно долго. Одна стенка палатки находилась рядом с небольшим карнизом, защищавшим его. В этом месте быстро скапливался снег. Приходилось несколько раз вылезать наружу и разгребать снег возле палатки. Во мраке ночи блистали молнии. Грохотало, как в аду. Но к утру все вдруг переменилось, стихло, словно в сказке.

Вытянувшись вереницей на запад, тучи постепенно рассеялись. В ста километрах от нас красавица пирамида Макалу и Джомолунгма, возвышались над всеми Гималаями. Будет ли нам сопутствовать удача, как при подъеме на Макалу?

Прямо под ногами находился ледник Ялунг. Восточная часть Жанну, сплошь покрытая зеркальным льдом, круто обрывалась вниз, блестя и сверкая лучами отраженного в ней солнца. Канченджанга уходила вверх более чем на 8500 метров, оставив где-то внизу все горные массивы. Одна Жанну, казалось, не хотела ей уступать.

Все взоры обратились к Жанну, на путь, по которому нам предстояло идти. Мы рассматривали кружевные сплетения изо льда и скал, вытянувшиеся вдоль извивающегося гребня. Необыкновенные снежно-ледовые формы, переплетаясь, нагромождались друг на друга подобно искусно выложенному кондитером крему на новогоднем торте. Они застыли так навечно, нависая с двух сторон над двухкилометровыми обрывами.

Левая сторона острого гребня находилась еще в тени, другая ослепительно сверкала под лучами восходящего солнца. По нему нам идти. И мы, оседлав гребень, стали ползти вперед. В Альпах дам не встречались такие необычайно разнообразные участки: башни и провалы, которые преодолеваются «в лоб», небольшие тунели, расщелины, по которым надо ползти, хрупкие и прозрачные ледовые гребни, похожие на гребень морской волны. Трудно поверить, но мы испытали громаднейшее удовольствие в этом, казалось бы бессмысленном, лазании на высоте, превышающей Монблан на 2000 метров.

Следует заметить, что Жанну все больше и больше нас захватывала врасплох, накапливая как бы для «нашего удовольствия» трудности, превосходящие те, на которые мы раньше рассчитывали. Мы как будто все время недооценивали своего противника, стремились умалить его достоинства.

Время шло. Несмотря на плохую погоду, связки следовали одна за другой. Шаг за шагом мы с боем продвигались вперед. Команда шерпов прекрасно справлялась со своими обязанностями.

Мы к гаерпам относились, как к братьям, и они самоотверженно включились в общую борьбу, стараясь помочь всем, чем могли. Часто они возвращались после переноски тяжелых грузов до такой степени уставшими, что, не говоря ни слова, забирались в свои палатки и совсем не притрагивались к еде. Казалось, некоторые из них окончательно выбились из сил. Но на следующий день они снова шли, как и накануне. Жанну их приворожила; Ни разу мне не приходилось слышать от них жалоб или возражений.

6 мая, еще до возвращения Ленуара и Параго, двенадцать шерпов принесли на южный гребень около двухсот пятидесяти килограммов продуктов, кислорода и снаряжения. В общей сложности во время этих операций было совершено, по моим подсчетам, более восьмидесяти подъемов и спусков к Лагерю-IV.

В план переноски грузов на высоте постоянно вносились изменения: надо было соблюдать равновесие между транспортировкой необходимого снаряжения для передовой группы, Лагеря-Ш, нижних лагерей и возможностями шерпов. Мы не рассчитывали, откровенно говоря, на такой сложный подъем, но все же надеялись, что в конце концов Жанну сдастся. Все пришли к выводу, что надо ей дать последний, решительный бой.

Отступление

7 мая снова повалил густой снег. Из метеосводок, которые мы систематически принимали по радио, было ясно, что погода не изменится, разве что с приближением муссона еще более ухудшится. Дальнейшая осада вершины становилась бессмысленной, и было решено штурмовать ее, невзирая на непогоду.

Все из нас видели оставшийся предвершинный участок подъема и единодушно согласились с тем, что ни склоны, ведущие на южный гребень над «Троном», ни скальные взлеты, защищающие подступ к самой вершине, не выглядят суровее уже пройденных нами стен.

К этому времени мы достигли высоты 6700 метров, и можно было считать, что акклиматизационный период у нас окончился. Дальнейший штурм вершины возможен лишь с помощью кислородных аппаратов.

Согласно подготовленному плану, первый отряд, в состав которого входили Бувье, Демезон, Леру и шестеро шерпов, под руководством Терре завтра выходит к Лагерю-IV, а на следующий день, 9 мая, он должен разбить Лагерь-V как можно выше на «Троне». 10 мая отряд начнет подъем по южному гребню на вершину.

Второй отряд под моим руководством, куда входили Ленуар, Маньон, Параго и пятеро шерпов, выйдет вслед за первым на следующий день.

Десять часов утра! Нам хватило трех часов на подъем из Лагеря-Ш. Работали на маршруте в максимальном темпе. Никогда еще мы не чувствовали себя так хорошо.

Особенно радовали успехи нашего передового отряда. Выйдя на день раньше нас, он уже поднимался по склонам «Трона», опережая намеченный график.

Это был день нашего страстного ожидания и надежд.

Передовой отряд должен разбить Лагерь-V на высоте 6900 метров. До самой вершины Жанну вроде бы оставалось не более одного дня пути. И тут снова пошел снег.

В шесть часов утра 10 мая мы большой группой вышли из Лагеря-IV и направились на «Кружевную башню». В это время мы заметили над «Троном» четыре черные точки, которые медленно двигались к южному гребню.

За четыре часа они поднялись не более чем на триста метров над Лагерем-V. Скалы имеют здесь черепитчатое строение, очень неудобное для захватов, а на скалах лежит неустойчивый, опасный снег. Это день Жана Бувье. Он идет первым. Лионель, Рене, Пьер уступили ему место во главе группы, так как никто не сможет пройти лучше, чем он. Бувье поднимается вверх. Шаг следует за шагом. Его движения четки и уверенны. Стена настолько крута, что моментами становится жутко, если посмотреть вниз. В скалах очень мало трещин, и крючья здесь почти не нужны. Ничего не поделаешь — надо лезть. И Жан идет вперед. С трудом удерживая равновесие, он поднимается все выше, метр за метром'. Наконец последний скальный взлет. Но это еще не гребень: перед ним крутой семидесятиградусный снежный склон. Жан осторожно выбивает ногами глубокие ступени. К счастью, ледоруб держит хорошо. Кислородная маска мешает движению: склон настолько крут, что лицо альпиниста, когда он стоит на ступенях, вплотную прижато к склону. Наконец выход на гребень. Высота — 7350 метров. Внезапно набежали тучи, и вновь все затянуло мглой. Надо возвращаться вниз.

Первая попытка с ходу выйти на вершину окончилась неудачно.

В семнадцать часов четверо бородатых людей в обледеневших костюмах, вырвавшись из плена туч, бесшумно возникают в наших палатках. Помогаем им согреться, даем горячего чая.

Четверка альпинистов боролась до конца. Никогда еще до этого им не приходилось отступать.

Назавтра наше испытание.

После большого снегопада мы вынуждены прокладывать путь в глубоком рыхлом снегу до самого бергшрунда. Следов нашего первого отряда не осталось и в помине. Выше склон становится все круче. Взбираемся по еще не окрепшему льду. Кошки легко вонзаются в него. В одной руке ледоруб, в другой — наготове, словно кинжал, ледовый крюк. Мы медленно продвигаемся вперед, организуя попеременную страховку на каждые тридцать метров при помощи ледоруба, забитого молотком в лед.

Южный гребень вершины — не что иное, как тянущаяся вверх грань острого снежного ребра, по обе стороны которого об-

рывы. Крючья здесь забивать просто невозможно, а чтобы закрепить в этом месте навесные перила, наши товарищи из первого отряда сбросили по другую сторону гребня веревку с противовесом — тремя пустыми кислородными баллонами.

Кто же здесь останется? Еще вчера было задумано, что вторую попытку будет осуществлять только одна связка. Оставаться на ночь впятером нельзя — в палатке не поместится больше двух человек. К тому же кислорода осталось мало. Значит, повезти может лишь некоторым из нас. Итак, кто же пойдет вниз?

Все же решено остаться втроем — придется потесниться в палатке. На прощание обнимаем Ленуара и руководителя носильщиков Вонгди, которые тут же, повиснув на веревках, соскальзывают вниз к Лагерю-V.

Теперь все зависит от нас. Чувства, переполняющие нас в этот момент, заставляют сильнее биться сердце. Дружба наша беспредельна. Никогда нами не руководил личный расчет, любой из нас отдает себя без остатка во имя дружбы, во имя общей цели.

На крохотной площадке в несколько квадратных метров, освещенной последними лучами солнца, мы, привязавшись у самой пропасти, начинаем устанавливать палатку. Здесь, не переставая, воет ветер. Мы отдаем остатки сил, стараясь укрепить нашу палатку на этом клочке жизненного пространства.

Под нами море туч. Это лишь второй случай за многие недели осады вершины, когда день заканчивается без снегопада. Счастливое предзнаменование. Закрыв глаза, я еще раз вижу себя делающим последние шаги по снегу вершинного купола. Итак, завтра... Осталось метров четыреста, а может быть, и меньше. Мы обязательно будем там.

Мы на высоте приблизительно 7350 метров. Вершина Кабру, ледовая шапка которой нависает над ледником Ялунг, находится под нами. Огромные гребни, вытянувшись, господствуют над Сикким и Непалом. Там, далеко на юге, где в туманной дымке теряются горы, находится Дарджилинг, Сингалила, там растут розы, лавры и магнолии.

Солнце быстро заходит. Резко холодает. На этом кончается день. Мы теснимся в палатке втроем.

В тот момент, когда я занимался приготовлением нашей скудной вечерней трапезы, вдруг почувствовал покалывание в глазах. Боль еще больше усилилась после того, как в глаза попали пары спирта от горелки. Казалось, будто какой-то дьявол плеснул кислотой мне в глаза. Ни увелин, ни другие успокаивающие средства не помогли. Я провел ужасную ночь. Глаза мои горели, а я все время вертелся в спальном мешке, словно змея в узкой норе.

Мои товарищи также не могли заснуть. Впоследствии они мне рассказали, как я в ночном бреду хотел выйти из палатки и начать спуск. Спуститься, убежать, найти обжитую землю, вернуться ко всему земному и прекрасному... В Непал, страну зеленеющих предгорий, но не на Жанну. Почему в голове засела мысль о том, что надо идти на какую-то Жанну?

Часы тянулись бесконечно. Болеутоляющие таблетки, намазывания глаз, примочки, снотворное — ничто не могло прекратить эту боль. Мои друзья начали двигаться в палатке. Должно быть, уже утро. Но я слеп.

— Жанно, как ты думаешь, можем мы тебя оставить здесь одного на весь день?

— Да, конечно.

— Тогда мы попытаемся. Все будет так, словно ты с нами. Жди нас и не вздумай двигаться... ни в коем случае... Выходить из палатки категорически запрещаем... Обещай нам.

Порывшись в карманах, я достаю фотографию:

— Держи, Робер, это мой малыш Мишель. Возьми и его на вершину. А ты, Гидо, дай мне руку. Желаю удачи. Жду вас.

И я падаю навзничь в изнеможении с кислородной трубкой во рту, оглушенный болью и наркотиками...

Я неожиданно просыпаюсь от голосов, раздающихся поблизости. Неужели они что-то забыли? Неистово дует ветер. Вдруг застежка-молния отстегивается в моем спальном мешке, и я слышу:

— Алло, Жанно? Черти пусть лезут на Жанну.

И я понял, что окончился день и что Жанну для нас потеряна.

— Мы сумели обойти оба жандарма, но поднялись только на семьдесят метров за весь день. Все засыпано снегом, склоны очень крутые, черепитчатые скалы — того и гляди сорвешься. Нужны десятки крючьев и веревки для спуска... Если б они у нас были...

Мы потерпели поражение. Вечер проводим за чаепитием. Остаемся на ночь в Лагере-VI. За палаткой ураганный ветер. Усыпленный новыми дозами лекарств и снотворного, эту ночь я провел спокойно.

К утру боль совсем стихает, но я, как и прежде, слеп. Погода очень хорошая, но мороз дает себя знать. Друзья одевают меня. Обувь, затем кошки и рукавицы. На спуске мои действия исключительно просты, я ничего не делаю, только свободно скольжу вниз по перильным веревкам. Очки мои заклеены лейкопластырем, но в них осталась маленькая щель, через которую проникает молочный свет — я начинаю его воспринимать. Но большую часть пути я иду с закрытыми глазами...

Вот ледовые склоны. Беспрерывно следуют один за другим спуски по веревкам. От усталости деревенеют руки. Пробую преодолеть бергшрунд маятником. Ну вот. Кажется, спуск к Лагерю-V закончен. Силы оставляют меня.

В лагере есть кто-то из наших. В ответ на мой оклик слышатся голоса Лионеля и Пьера, которые поднялись сюда вместе с одним из шерпов. Я беспомощно отдаюсь в их руки... Горячий напиток приводит меня в чувство.

Неужели еще третья попытка?

Да, Лионель и Пьер взошли сюда именно для этого. Они в отличной форме и жаждут подняться на Жанну. С собой они принесли несколько баллонов кислорода.

Быстро прикидываем обстановку и наши силы. С Гидо и Робера уже достаточно: вчера и сегодня они изрядно потрудились. Им необходимо быстро спуститься в Лагерь-IV. У Бувье, находящегося в Лагере-IV, болит спина. У Рене не прекратились боли в горле еще со времени выхода в Лагерь-Vl. Даже Ленуар вынужден спуститься в Лагерь-Ш. Никто теперь не может оказать действенную помощь штурмовой группе. Крючья, веревки и горелки «Бутагаз» разбросаны по всем лагерям. Но в Лагере-VI нет больше топлива.

Из Лагеря-IV с верхними лагерями нет никакой радиосвязи, ибо все рации остались внизу. В таких условиях связка, ушедшая наверх, будет полностью изолирована, и в случае необходимости установить контакт с ней можно будет лишь через несколько дней.

Довольно неудач, я не хочу катастрофы. Нужно все взвесить и определить долю риска и шанс на успех. Если последний ничтожно мал, то риск просто огромен. Я категорически протестую против третьей попытки. У Лионеля и Пьера еще теплилась безумная надежда. Но надо было спускаться вниз. С этим все согласились.

Наиболее ценное снаряжение мы уносим с собой. Лишь Лагерь-VI останется доказательством нашего визита в заоблачные края. Кроме того, нами оставлена вся перильно-веревочная система: более двух тысяч метров веревок, сто пятьдесят ледовых и скальных крючьев. Жанну не покорилась, но осада еще не снята.

Подготовка победы

Поражение не повергло нас в отчаяние. Еще в 1959 году, отправляясь в далекую экспедицию, мы расценивали свои шансы на успех не более чем в тридцать процентов.

Мы пережили одно из наиболее волнующих событий в истории гималайских завоеваний, вступив в грандиозный и захватывающий поединок, в котором мы отдали все свои духовные и физические силы. Мы проиграли. Но сумерки нашего поражения озарились ярким пламенем надежды.

Все считали, что мы отступили только для того, чтобы, разбежавшись, прыгнуть еще дальше. И было бы по меньшей мере странно для альпинистов, если бы мы думали иначе.

Поэтому через несколько недель после возвращения на родину благодаря нашему энтузиазму и единству мнений нам удалось убедить Гималайский комитет принять решение об организации второй экспедиции на Жанну.

Опыт учил, что маршрут, который нам довелось открыть, несмотря на сложность и значительную протяженность, наименее опасен и может быть пройден гораздо быстрее, если усилить мощь штурма.

Работу по подготовке и организации новой экспедиции должен был взять Жан Франко. Это он увлек нас в свое время идеей штурма Жанну. Это ему довелось руководить тремя наиболее выдающимися французскими экспедициями послевоенного времени. Его спортивные качества альпиниста, деятельный характер, организаторские способности делали его кандидатуру на пост руководителя крупных гималайских экспедиций бесспорной.

К сожалению, его профессиональные обязанности, ставшие столь обременительными, и пошатнувшееся здоровье вынудили его отказаться от дела, которому он отдал столько сил.

Неожиданный уход человека такого масштаба образовал невосполнимую брешь в наших рядах. Нам предстояло найти нового лидера, который смог бы возглавить второй штурм Жанну.

Падкая до сенсации пресса стремилась изобразить руководителя экспедиции сказочным богатырем, этаким суперменом, личные качества которого определяют победу. Но это далеко не так. Руководителю совсем не обязательно быть каким-то особо талантливым, но он должен просто обладать в определенной мере совокупностью многих совершенно различных, иногда очень необычных свойств и качеств, что встречается довольно редко у одного человека. К этим качествам, например, относится умение вести канцелярские дела, хорошо разбираться в психологии людей, чтобы руководить десятком парней с самыми различными характерами, бегло говорить по-английски. Руководитель должен быть достаточно опытным альпинистом и обладать тонким чутьем при оценке трудностей маршрута, и, наконец, он должен уметь сам вести связку альпинистов по сложному горному рельефу.

Совершенно понятно, что таких универсалов не так просто найти. В полной мере набором указанных черт не обладал и я. Но Гималайский комитет все же предложил мне эту почетную и труднейшую обязанность, учитывая, что у меня был некоторый опыт руководства экспедициями и что в первом походе на Жанну я выполнял функции заместителя руководителя.

Сначала я стал было отказываться, ибо из опыта знал, что плохо приспособлен к такого рода задачам. Но других сколько-нибудь подходящих кандидатур не оказалось.

Неужели нам не придется завершить грандиозное дело 1959 года лишь по этой причине? Неужели весь наш энтузиазм, все наши усилия были напрасны? Неужели мы позволим другим довести битву за Жанну до победного конца?

Нет. Я не должен был отказываться.

Более всего нас, пожалуй, беспокоил вопрос комплектования команды альпинистов и носильщиков. Что касается последних, вопрос был ясен: в состав каравана нужно включить как можно

больше проверенных и выносливых шерпов, которые проживают неподалеку от Непала, на территории Индии в Дарджилинге.

Высотное восхождение в Гималаях не имеет ничего общего с альпийским штурмом вершины. Это не лазание на пределе человеческих сил, не ожесточенная борьба в течение одного — трех дней, в которой чаще всего участвуют два мастера-скалолаза. Подъем на горный гигант — это прежде всего целеустремленный коллективный труд, продолжающийся в течение трех месяцев, борьба, включающая в себя самопожертвование ради других и больше скучного, неблагодарного труда, чем радостных минут успеха. Именно поэтому при высотных восхождениях человеческие качества альпиниста, его способность влиться в коллектив — значительно более важны, нежели его техническое мастерство и физическая сила.

При комплектовании команды восходителей члены Гималайского комитета далеко не всегда были единого мнения относительно некоторых кандидатов. Иногда заседания комитета проходили исключительно бурно и затягивались за полночь.

В конце концов состав был подобран. Костяк команды формировали шестеро ветеранов Жанну: Бувье, Демезон, Ленуар, Леру, Параго и я. Кроме Франко, к нашему огорчению, не смог принять участия в экспедиции и Маньон. Команду пополнили достойные новобранцы: Поль Келлер, Ив Поле-Вийар, Андрэ Бертран, Жан Равье.

Таким образом, количество участников штурмовой группы увеличилось с восьми до десяти. Это соответствовало принятому нами курсу на усиление мощи экспедиции.

Несведущему человеку трудно представить, какую огромную работу предполагает подготовка и организация крупной гималайской экспедиции. Как-никак, а вместе с тридцатью носильщиками нам предстояло обеспечить снаряжением, жильем и питанием сорок четыре человека. И все это в невероятно трудных условиях высокогорья.

В итоге всей кропотливой многомесячной подготовительной работы оказалось, что во вторую экспедицию на Жанну мы должны взять с собой из Франции более двенадцати тонн продуктов, оборудования и снаряжения трехсот различных наименований!

Победа коллектива

И вот 19 марта 1962 года мы вновь у подножия вершины.

Сверкающая, словно кристалл, она предстала перед нами в багрово-красных отблесках заходящего солнца и в полупрозрачных тонах едва уловимых оттенков. Никем не тревожимая гигантская вершина по-прежнему восседала на своем троне — этой громадной ледовой чаше, подвешенной к тучам. Голова ее прочно опиралась на огромные скальные плиты, руки были вытянуты и

положены на чудовищные поручни — отроги вершины, а ноги свисали над обрывистым юго-западным склоном...

Вот уже более месяца мы так же, как три года назад, ведем упорную и методическую осаду вершины. Снова мы поднимаемся по воздушному «Кружевному гребню» изо льда и снега, снова боремся с ужасающей крутизной на подступах к месту Лагеря-V и наконец одолеваем последнюю ледовую стену, защищающую выход к штурмовому Лагерю-VI. Придя туда 25 апреля, мы были удивлены, не обнаружив четверки передового отряда, которая, выйдя на два дня раньше, должна была в это время прокладывать путь к вершине по узкому кулуару, представляющему единственное уязвимое место на гигантском гранитном щите.

Я не допускал мысли, что с такими высококлассными альпинистами могло что-то случиться.

Чтобы время в ожидании тянулось не так долго, я занимаюсь наведением порядка в лагере, фотографирую. Наконец к шести часам вечера они возвращаются, усталые, но довольные. Рассказывают, что еще накануне им удалось достичь места, где в 1959 году Маньон и Параго вынуждены были признать себя побежденными. А сегодня они подошли прямо к основанию большой предвершинной стены.

Они оставили у стены четыре баллона с кислородом для следующей группы, а обратный» путь шли без кислородных аппаратов, тщательно навешивая перила.

26 апреля Равье, руководитель носильщиков Вонгди и я выходим вперед: теперь наша очередь. Склон делается круче. Замечаем навешенные перила. Сталкиваемся с довольно редким явлением: на чрезвычайно крутой стене снег, вместо того чтобы скатываться подобно белому потоку, прижат ветром и образовал на склонах толстый мучнистый слой. Только с помощью веревок, вминая всем телом снежный пудинг, я с большим трудом поднимаюсь по склону, словно бульдозер, прорывая настоящую траншею.

Каждый раз, когда я погружаюсь в снежную толщу, слабое поскрипывание предупреждает меня, что снег плохо прилегает к склону. Я слишком часто слышу этот звук и вместе с тем пренебрегаю опасностью. Каждое мгновение склон может рухнуть, дав начало лавине. Без навешенных перил, которые дают возможность мне держаться за что-то прочное, я уже давно бы отступил. Я не могу запретить себе думать с тревогой о том, что произойдет, если вся снежная масса вдруг уйдет из-под ног... Сумею ли я удержаться, вцепившись в веревку? Окажется ли эта веревка толщиной в пять миллиметров достаточно прочной? В случае разрыва веревки Вонгди, видимо, сумеет остановить мое падение при помощи страховочного троса, который скользит через вбитый крюк. Но падение на двадцать метров вниз, судя по всему, должно изрядно встряхнуть.

Наконец мы выходим на ступеньки тропы, пробитой вчера нашими товарищами. Иногда ступенька обрушивается, и нога про-

валивается в снег. Чтобы вытянуть ее из снежных тисков, нужно приложить сверхчеловеческие усилия. Дыхание сбивается. Проходит более минуты, прежде чем удается восстановить его.

Чтобы как можно меньше портить тропу для идущих сзади, я стал идти третьим: я гораздо тяжелее моих товарищей, и подо мной ступени ломаются чаще. Через каждые пять-шесть шагов нога проваливается, и даже крепкие ругательства, которыми я сотрясаю вершины, приносят мне лишь небольшое облегчение.

Через несколько часов мы выходим к стене. Прямо над нашими головами узкий кулуар, забитый снегом, извивается между гранитными плитами. Мой взгляд, искушенный двадцатипятилетним опытом, быстро определяет, что эта стена не настолько крута, как она казалась издали. Не могли ли Маньон и Параго, которым в 1959 году довелось рассматривать эту последнюю стену, допустить ошибку при оценке ее сложности из-за значительного переутомления? Быть может, они признали себя побежденными потому, что не знали, что самые суровые препятствия остались позади?

В голову приходит мысль, что одна из наиболее великих вершин мира надела маску, чтобы скрыть свою слабость!

Заметив тремя метрами выше хорошие зацепки, на которых можно удобно закрепиться, с яростью бросаюсь на штурм. Несколькими быстрыми движениями вскарабкавшись к ним, я почувствовал, что перед моими глазами возникла черная пелена; мне потребовалось еще пять минут, чтобы прийти в себя. Подниматься в таком состоянии — слишком большой риск, и я стараюсь забить еще один крюк.

Неужели нет трещины вблизи? Нашлась! Слева от меня... Но она чертовски высоко. Вытягиваясь, словно змея, я сумел каким-то чудом загнать огромный крюк, который через несколько ударов молотка стал издавать чистый звук... Крюк держит хорошо! Закрепившись, вызываю к себе Равье и Вонгди.

— Малыш Жан, уступи свою маску, я не могу больше подниматься без кислорода. Ты идешь третьим — тебе легче.

Равье, улыбаясь, протягивает мне свой аппарат. С маской я продвигаюсь в четыре раза быстрее. Пройдя две веревки, достигаю той части кулуара, где он сужается. Склон становится круче, а снег, достигающий значительней толщины, не внушает никакого доверия. Высота — 7500 метров. У Равье больше нет сил. Однако нам слишком рано спускаться, нужно продолжать подъем, чтобы хоть немного продвинуться. К сожалению, приходится оставить Равье, крепко привязав его к крюку. Теперь я поднимаюсь вместе с Вонгди. Погода начинает портиться. Наперекор ветру и снегу мы продолжаем лезть. Снежная буря все свирепеет и свирепеет. Вдруг я замечаю далеко внизу одинокого Равье, беспомощно привязанного к скале, и мое сердце сжимается от боли.

На сегодня достаточно, Выше мы не пойдем.

Прицепив к забитому в скальную стену крюку поднятое сюда с таким трудом снаряжение — два полных кислородных баллона, двести метров веревок, два десятка крючьев и карабины,— мы начинаем спуск, навешивая на пройденной нами стопятидесятиметровой стене веревочные перила.

На следующий день, 27 апреля, штурм.

В голубоватой ночной темноте будильник разразился звоном: три часа тридцать минут утра. Зажигаем налобные фонари, бутановые горелки, ставим на огонь котелки, до краев наполненные снегом.

Теперь начинается изнурительная процедура, почти пытка: нужно обуться!.. Сгибаемся, чтобы дотянуться до своих ног,— и сразу же сбивается дыхание, а через несколько секунд наступает одышка. Чтобы хоть немного восстановить дыхание, нужно снова разогнуться. Завязывание шнурков на ботинках требует невероятных усилий, прерываемых долгими паузами!..

Более часа уходит на то, чтобы в двух больших котелках закипела вода. В одном из них приготавливаем чай, в другом варим нечто вроде молочной мучной каши, которая особенно легко усваивается на высоте.

Наконец в пять часов тридцать минут Параго, Келлер, Демезон и шерп Гиальцен Митшунг трогаются в путь.

В залитом лунным светом горном пейзаже караван с кислородными масками напоминает эпизод из научно-фантастического фильма. Через два часа группа уже преодолела участок, который потребовал около двух дней напряженнейшей борьбы передовых отрядов. Темп подъема просто невообразим!

Огромные снежные вихри, образующиеся на гребне, время от времени скрывают из виду наших друзей, заволакивая их белой пеленой. Ледяной, пронизывающий ветер задул с неистовой силой.

Неужели они повернут назад? Нет! С упорством муравьев альпинисты продолжают штурм. Теперь я вижу, что они оседлали гребень, все более и более заостряющийся к вершине. Можно даже различить лидера, который подобно дровосеку сплеча рубит ледорубом по острию гребня. Он продвигается вперед, борясь за каждый десяток сантиметров.

И вот в четыре часа тридцать минут дня тонкий голубой силуэт поднимается наконец на вершину. Все! Жанну побеждена!

В Лагере-VI, где находятся сейчас Бувье, Леру, Бертран, Поле-Вийар, Вонгди и я, наступил момент самой бурной радости: мы прыгаем, пляшем и обнимаемся, словно братья. Но еще ведь не все!.. Успеют ли они прийти в лагерь до ночи? Ночевка на высоте более 7500 метров без палатки может привести к самым печальным последствиям. Нашим товарищам предстоит опасный ночной спуск. Мы долго не можем успокоиться...

В десять часов вечера наступает кромешная тьма. Неужели наши товарищи не успеют достичь лагеря до наступления ночи. Ни огонька, ни звука в этой молчаливой ледяной тьме. Ничего!

Наконец до нас доносятся приглушенные голоса. Через полчаса все уже здесь. Победители очень истощены тяготами и лишениями. Демезон беспрерывно кашляет. Его горло сильно воспалилось от сухого морозного воздуха большой высоты. Келлер и Параго выглядят совсем обессилевшими.

Одна ступня у Параго отморожена. Нужно ее энергично растереть. Но более всего пострадал, кажется, Гиальцен. Его мучает боль в животе, и он стонет, как ребенок. В эту ночь в Лагере-VI никто не мог уснуть.

В пять часов утра следующего дня наша очередь. Бувье и Леру покидают лагерь, через тридцать минут выходят Бертран и Поле-Вийар, а вслед за ними через четверть часа вместе со мной — Равье и Вонгди.

Небо усеяно звездами. Крепкий мороз. Сегодня также будет хорошая погода. Кажется, нам должно повезти, и поэтому, движимые единым чувством, мы идем по проторенному уже пути.

В мире гор, где все силы природы, кажется, направлены на то, чтобы отразить вторжение человека, усилия одной изолированной связки крайне недостаточны. Только многочисленная и однородная по составу группа, объединяющая усилия каждого, может выиграть сражение. Если сегодня мы всемером поднимемся по барьеру плит Жанну в таком же темпе, как и по некоторым альпийским кулуарам, то вовсе не потому, что это препятствие оказалось менее суровым, чем мы рассчитывали ранее; не только потому, что в нашем распоряжении прекрасные кислородные аппараты; не только потому, что все мы — хорошо подготовленные альпинисты. Более важно то, что методическая работа более сорока восходителей — шерпов и европейцев — позволила устроить надежный, комфортабельный Лагерь-VI с большим запасом продуктов и снаряжения. В результате применяемой нами тактики вот уже в течение четырех дней штурмовая группа, состоящая из одиннадцати человек и разбитая на связки, которые сменяют друг друга, отвоевывает у суровой вершины сантиметр за сантиметром. Слаженные усилия всей команды, планомерная и систематическая осада вершины позволили почти всем членам команды восходителей достичь высшей точки одной из наиболее труднодоступных вершин мира.

Я и Равье не очень-то оправились после позавчерашней попытки, но тем не менее мы поднимаемся без особых усилий в темпе наших предшественников. Вонгди, намеревавшийся показать нам (уже в который раз!) превосходство шерпов в высотных восхождениях, отказывается от кислорода. Однако, беспокоясь о том, как бы шерп не ослаб окончательно, я потребовал, чтобы он взял с собой полный комплект кислородного аппарата с баллоном, утяжелившими его рюкзак на шесть килограммов.

В последние дни мое восхищение физическими и духовными качествами шерпов достигло наивысшей степени. С некоторой грустью я не могу воспрепятствовать своим мыслям о том, что в

сравнении с этими людьми самые лучшие из нас физически лишь только жалкие дегенераты!

Очень быстро мы достигаем начала узкого предвершинного гребня. Сначала мы продвигаемся стоя, словно канатоходцы, но через тридцать метров гребень становится столь острым, что приходится оседлать его острие: иначе просто опасно.

Когда нашей связке не оставалось до вершины и сорока метров, первая связка начала спуск. Возникла непредвиденная проблема: как разминуться на этом ледовом лезвии гребня?..

И все же нам удалось это сделать с помощью невероятных манипуляций. В то время как поднимающийся сидит верхом на гребне, вцепившись ледорубом в снег, спускающийся охватывает его за талию, повисает и, балансируя всем телом, как цирковой артист, перебирается на другую сторону.

Трудности регулирования этого «уличного движения» отбирают у нас три четверти часа. А в десять часов утра я последним усилием поднимаюсь на вершину. Это острие узкого ледового конуса, на котором вдвоем практически находиться невозможно. За исключением Салкантая, я никогда не видел таких горных вершин: со всех сторон склоны почти отвесно обрываются на тысячи метров вниз.

И вот Равье, укрепившись на гребне, фотографирует Вонгди и меня на вершине в тот торжественный момент, когда мы размахиваем национальными флагами — индийским, непальским и французским. Чтобы устроиться нам вдвоем, Вонгди, сидя у моих ног, плотно обвил их одной рукой.

Мы остаемся на вершине долгие полчаса, в течение которых жадно впитываем в себя радость неповторимых чувств.

Временами нас окутывает туман, потом вдруг ветер быстро развеивает его. Иногда вдали на несколько секунд открывается вид на какую-нибудь большую вершину.

Но разрывы в облаках все реже и реже. Нужно заставить себя скорее начать спуск.

Во владениях Жанну, безусловно, не осталось сейчас никаких следов нашей экспедиции, за исключением лишь редких крючьев, забитых в скальные стены. Лед и снег вершины поглотили три тысячи метров веревок, навешенных на ее склонах. Гигант снова стал тем, кем он был раньше: восхитительной пирамидой мощи и неприступности.

На нашей экспедиции закончилась целая эпоха альпинизма. За пятнадцать лет человек утвердил свое господство в Гималаях. Таков большой путь, пройденный альпинизмом. Теперь остается только посмотреть на старинные фотографии Джомолунгмы и сопоставить их с современным обликом Жанну. Еще вчера на большой высоте человек выглядел жалким существом, тенью самого себя, в которой вот-вот погаснет последний огонек слабеющей воли.

Но прогресс освобождает духовные силы человека. В напряженной битве с ледовыми и скальными препятствиями, холодом и нехваткой кислорода человек открывает в себе новые возможности.

Сокращенный перевод с французского
Л. Ремизова

Об авторах

Авторы книги «Битва за Жанну» Жан Франко и Лионель Терре — известные французские профессиональные альпинисты. Жан Франко (1915 года рождения) начал заниматься альпинизмом в шестнадцатилетнем возрасте. Покорил немало труднодоступных вершин на разных континентах. В 1943 году Жан Франко получил почетное звание горного гида. С 1957 года руководит Национальной школой лыж и альпинизма во Франции. Как крупный специалист горнолыжного спорта, в 1968 году был избран президентом Международной ассоциации по обучению лыжному спорту.

Лионель Терре родился в 1921 году. Исключительно опытный альпинист и горнолыжник, он побывал на многих вершинах мира. На них Терре поднимался часто самыми сложными скальными маршрутами. При восхождении на гималайский восьмитысячник Аннапурну сыграл основную роль в спасении Ляшеналя и Эрцога, покорителей вершины, был в числе альпинистов, достигших вершины Макалу, в Андах ему покорились Фицрой, Шакраражу и пик Харнпампа, на Аляске возглавляемая им экспедиция взошла на Хунтингтон, самый впечатляющий пик изо льда и снега. В 1965 году Лионель Терре трагически погиб во время тренировочного восхождения на небольшую альпийскую вершину.

О первой экспедиции на Жапну в 1959 году рассказывает Жан Франко. Продолжает повествование о второй успешной экспедиции 1962 года Лионель Терре.

ФАНТАСТИКА

ПИСЬМО ЗЕМЛЯНАМ

(Из дневника ученого)-

И. Верин

Фантастическое повествование

Прошло всего две недели с того памятного дня, когда начались эти события, но мне кажется, что минули уже долгие годы. В суматохе событий я перестал вести свой дневник. Сегодня решил к нему вернуться и записать все по порядку, пока не забылось многое.

Было первое апреля, когда Коля принес магнитную запись звуков, пришедших из космоса. Серьезное лицо Коли усиливало эффект первоапрельской шутки, и все весело хохотали. Коля продолжал утверждать, что это не шутка. И тогда смех заставлял вибрировать даже стакан у графина.

А ночью пришла телеграмма из Англии с запросом, не регистрировали ли мы непонятные сигналы, которые три раза с перерывом в девять минут поступали из космоса, каждый раз в течение земного часа. И только тогда мы поняли, что дело обстоит серьезно.

Первые сигналы расшифровывались мгновенно. Обычной азбукой Морзе на трех языках — английском, русском и французском передавались два слова—«Письмо землянам». А

дальше шли сигналы, смысл которых оставался совершенно непонятным. Вездесущие английские репортеры под сенсационными заголовками дали об этом сообщение уже второго апреля.

Корреспонденты ТАСС и АПН обрывали наши телефоны, требуя разъяснений. Коля смог записать целиком все три передачи, а англичане — только две последние полностью и небольшую часть первой.

Отдельные куски этой передачи были зафиксированы и в других странах мира. Полная же запись была только в наших руках. Но мы ничего вразумительного сказать не могли: сообщать что-то для прессы до того, как ученые разобрались, не в наших традициях. Но журналисты были с этим не согласны и затевали целые дискуссии. Одна из них в кабинете известного академика привела даже к инциденту. Раскрасневшийся молодой журналист из АПН заявил, что для честного ученого сказать «да» всегда легче, чем «нет», ибо «да» можно уточнить, а «нет» потом уже не поправишь. Академик выставил его за дверь. В результате первое сообщение об этом удивительном факте появилось в нашей печати только 5 апреля.

Все это время мы безвылазно сидели в обсерватории. Лучшие специалисты по расшифровке кодов ничего не могли понять. Передачи не возобновлялись, хотя их ждал и ловил весь мир. В печати стали появляться высказывания о том, что источник передачи сугубо земной и что все это — не что иное, как ловкая мистификация. Электронно-вычислительные машины пропускали одну программу за другой, но код расшифровке не поддавался.

Несколько дней вопрос о мистификации дебатировался и в научных кругах. На международном совещании, созванном под эгидой ООН, наш представитель предложил рассмотреть эту возможность. Однако вскоре от подобного предположения пришлось отказаться. Тщательное сопоставление условий приема этой передачи разными приемниками мира свидетельствовало: передача была из космоса, из одного источника, удаленного от Земли на миллиарды километров. Первые звуковые сигналы оказались, как мы уже знаем, предельно простыми, но последующие — просто загадочными. Что только не предпринималось для расшифровки сигналов! Самое удивительное состояло в том, что не удалось обнаружить достаточного числа тождественных звуков, чтобы можно было трактовать эту передачу как текст, закодированный на каком-либо языке или посредством системы условных сигналов типа азбуки Морзе. С самого начала было ясно, что те, кто составлял эту странную передачу, не хотел специально закодировать ее так, чтобы она стала непонятной на Земле. Но почему же тогда авторы письма, зная не только наши языки, но и то, что мы пользуемся азбукой Морзе, не воспользовались ею для передачи всего текста?

Для чего они зашифровали «Письмо землянам» самым непонятным образом? Зачем передача прерывалась дважды на одинаковое время? Почему она велась в три приема, каждый точно по часу земного астрономического времени?

Ответа ни на один из этих вопросов получить не удалось. Правда, пришли к общему заключению, что кодировка, видимо, сделана для того, чтобы использовать наиболее емкий способ передачи. Это косвенно подтверждалось и тем, что передачи не возобновлялись. Вероятно, что-то мешало сделать эту передачу более длительной, а тем более повторить.

Все три куска принятого текста явно не повторяли друг друга. Загадки нагромождались одна на другую, а расшифровывать их становилось все труднее и труднее. Ведь если это «Письмо» от наших братьев по разуму, то что могло им помешать передавать его сколь угодно долго на понятном нам языке, поскольку он им как-то стал известен. Было высказано предположение, что авторам письма просто не хватало энергии для длительной передачи. Но вскоре было установлено: от этого источника поступала и продолжает поступать энергия на той же длине волны. Однако этот постоянный радиоисточник где-то и кем-то был модулирован звуковой частотой, несущей информацию. Вряд ли для модуляции уже готового сигнала требовалась столь большая энергия. Дискуссии продолжались двенадцать дней. Никто ничего не мог понять. Складывалось впечатление, что загадку эту нельзя взять штурмом, и она может оказаться «загадкой века» (а быть может, и не одного). Сообщения о «Письме землянам» сошли с первых страниц зарубежных газет на последние. Работа комиссии ООН тормозилась и такими обстоятельствами. «Письмо» могло содержать большую и важную научную информацию. В век научно-технической революции значение этой информации никто не мог недооценивать. В разделенном мире это приобретало политическую и дипломатическую окраску. Обмен информацией велся очень осторожно.

Меры по сохранению секрета, возможно очень большого значения, приняли все страны, записавшие какую-либо часть «Письма». Оно не передавалось по радио ни в одной стране мира.

Однако произошел любопытный инцидент, послуживший началом грандиозного скандала и... расшифровки письма.

Какой-то ловкий бизнесмен случайно узнал о том, что один индийский радиолюбитель тоже принял часть этой передачи. Как удалось с помощью любительской радиоаппаратуры принять столь слабые сигналы из космоса, специалистам до сих пор непонятно. Но бизнесмен не был обременен знаниями в области радиоастрономии и не терзался никакими сомнениями. Он купил эту запись части текста «Письма» и довольно быстро изготовил огромную партию пластинок с записью, ставшей мгновенно самым ходким товаром во всех странах Запаца. В тождественности записанного на миллионах пластинок и на тщательно охраняемых магнитных лентах убедились сразу же. Информация о письме вновь перекочевала на первые полосы прессы. Шутка сказать: тщательно охра-

няомыи государственный секрет в один день стал достоянием миллионов Такого еще не бывало. А с бизнесмена взятки гладки. Он совершил частную сделку, купил лично принадлежавшую радиолюбителю магнитную ленту, а до остального ему дела нет.

Один из наших туристов купил такую пластинку и привез с собой в Ленинград. У туриста был взрослый сын. Он собрал своих приятелей и, когда отец уехал в командировку, решил их «угостить» необычной «музыкой». Проигрыватель гремел на всю улицу. Молодежь под аккомпанемент непонятных гремящих звуков стала вытанцовывать какую-то смесь твиста с украинским гопаком. Ребята торопились отплясать, ибо по прошлому опыту знали, что разбуженные ночью соседи рано или поздно запротестуют против нарушения порядка и тишины. Но на этот раз никто не мешал веселиться. Целых три часа крутилась «особая долгоиграющая», пока постовой милиционер решил наконец прекратить явное безобразие. Но никто из соседей, несмотря на такой шум, разбужен не был. Более того, как потом было установлено, все они крепко спали.

Некоторые наши сотрудники жили поблизости от того места, где шумел на всю улицу динамик. Двое лаборантов проспали и пришли на работу на три часа позднее, а секретарь директора, серьезная дама средних лет, явилась к нашему заведующему с претензией. «Черт знает что,— возмущалась она,— до того забили голову этим диким «Письмом», что оно мне всю ночь снилось». Мы вежливо оборонялись. Но когда лаборанты стали сваливать свое трехчасовое опоздание на крепкий сон, в котором им обоим привиделось «Письмо», рассерженный шеф заставил их в разных комнатах записать свой рассказ о сне на магнитофон. А сам ходил, потирая руки, и приговаривал: «Я вам покажу, как морочить старику голову». Но когда шеф прослушал оба «сна», рассердился уже не на шутку. Это были подробные рассказы текстуально почти совпадающие. Лаборанты явно сговорились. Пришлось попросить секретаря директора подробнее рассказать о своем сне. Такое же совпадение!

Так был установлен факт влияния громкой передачи письма на сон. Восемьдесят пять процентов людей, живших по соседству с квартирой, где проигрывалась пластинка с записью «Письма», видели один и тот же сон. Это было удивительно и совершенно непонятно.

К расшифровке «Письма» пришлось срочно привлечь психологов и биологов. Сон у всех был одинаков, но не содержал какой-либо полезной информации. Получалось, что эти сигналы вызывали определенные сновидения. Но почему?

Вот что произошло за две недели с первого по четырнадцатое апреля. Сегодня пятнадцатое — у меня впервые с тех пор выдался свободный день, и я решил сделать эти записки.

Суббота, 21 апреля.

Пролетела еще одна неделя. Мы о своих «сонных» исследованиях пока не сообщали. Сведений о том, что такое же явление наблюдалось за границей, не поступало. Самое любопытное в том, что эффект массового гипноза во сне нам не удалось воспроизвести ни с теми же людьми, ни с другими. И здесь впервые возникла догадка о существе кода «Письма». И высказал ее не биолог, а, как ни странно, физик.

Сущность догадки в следующем. Человек выражает свои мысли с помощью того или иного языка. Однако независимо от того, на каком языке произносится слово «стол», оно вызывает у человека одни и те же ассоциации. Не происходит ли так, что человеческая память хранит лишь *одинаковые* для всех людей понятия? Мозг переводит эти понятия на тот язык, которым пользуется человек. Когда мы слышим слово «стол», то мозг переводит его на «общебиологическое» понятие и сохраняет в памяти. Когда человек видит стол и хочет назвать этот предмет, то мозг делает обратный перевод с биологического универсального понятия на фонетический язык. «Письмо» написано на этом общебиологическом коде, содержащем только понятия, а не слова, их отображающие.

Таков был смысл этой догадки. Она вызвала много споров. Один из биологов вспомнил об опытах с собаками. Собаки, как и все другие животные, при дрессировке запоминают только определенное число разных команд. Существует некое «насыщение» в способности животного усваивать команды и выполнять их. У собак эта способность больше, чем, например, у лошади. У морского льва больше, чем у тюленя, и так далее. Это общеизвестно. Но вот одному дрессировщику удалось научить собаку выполнять максимальное количество команд, которые давались на разных языках. Собака не смогла запомнить более двадцати команд. Но научилась понимать все эти двадцать команд на семи разных языках. Самое интересное в том, что «насыщение» очень ярко наблюдалось. Уже девятнадцатую команду собака запомнила с большим трудом. А на обучение двадцатой пришлось затратить в тридцать раз больше времени, чем первой, хотя она была не сложнее.

Этот эксперимент рассматривался как важное подтверждение гипотезы физика. Однако было много серьезных возражений. Первое из них сводилось к тому, что биологический код не может содержать в качестве универсальных, так сказать вселенских, понятий такие, которые явно не имеют всеобщего распространения. Понятие «стол» или «колесо», быть может, доступно любым мыслящим существам, каков бы ни был ход их эволюционного и исторического развития. Но как быть с чисто национальными понятиями? Какой общебиологический смысл могут иметь, например, понятия об украинских галушках или узбекском плове? Сторонники гипотезы обращали внимание на то, что мозг обладает способностью сохранять в памяти только образы, а не слова, но сами-то образы не существуют «от рождения», а формируются и

записываются в памяти по мере роста и развития человека. Но «память от рождения» тоже существует — это почти вся память у насекомых и так называемые «безусловные» рефлексы у высших животных, например рефлексы сосания, глотания, дыхания и другие.

Спорам не было конца. Учитывая важность всей проблемы, ее решению было придано общегосударственное значение. Десятки самых различных научных учреждений занялись ею. Но мы попрежнему оставались в центре событий.

Истекшая неделя к непонятным фактам «сонного гипноза» добавила только гипотезу о «вселенском» общебиологическом коде. Но, как говорится, а воз и ныне там.

Суббота, 28 апреля.

Буду теперь вести дневник раз в неделю, покуда вся эта кутерьма не закончится. Прихожу домой выжатый как лимон, и уже не до записей.

Четвертая неделя принесла некоторую надежду. Стало ясно, что уникальный случай с массовым гипнозом более нигде не регистрировался, хотя разошлись миллионы пластинок с записью «Письма землянам». Установили, что гипноз наблюдался у людей, живших поблизости от городской телевизионной башни. А в ту ночь велись наладочные работы и в эфир шли радиоволны, модулированные монотонными сигналами. Под влиянием таких сигналов и громкой передачи «Письма» удалось наконец-то воспроизвести гипнотический сон. На этот раз сны были хотя и на одну «тему», но заметно различались у каждого. Кроме того, они совсем не напоминали первые сны, и далеко не все спавшие видели эти гипнотические сны. У гипнотических снов яркие особенности. Они целиком запоминались и сохранялись в памяти как виденные наяву, если не более ярко, и сопровождались отчетливыми, а не туманными, как в нормальном сне, образами.

Тщательно разработанная программа расшифровки «Письма» с помощью гипнотических снов дала первые плоды. Три человека из сотен людей, подвергшихся воздействию сигналов письма и внешних радиополей, во сне под гипнозом говорили нечто явно относящееся к его тексту.

После прочтения магнитофонной записи «бормотания» спящих выяснилось, что им снился такой сон. Они слушали радио. Женщина-диктор вела концерт. Она начала было объявлять следующий номер, как вдруг ее перебил мужской голос. Он четко произнес (все трое слово в слово «бормотали» одно и то же): «Через три земных часа кончается время прямой связи между нашими планетами. Связь продолжалась, пять часов. Два часа потребовалось на изучение уровня земной цивилизации на основе обработки радиопередач на Земле и по биозондированию и на составление письма жителям Земли. Обе работы осуществлялись одновре-

менно. Для этого использовались все логические машины Влики, как мы именуем нашу планету. Передачи точно в течение часа и точные девятиминутные интервалы служили не только для того, чтобы убедить землян в искусственном происхождении сигналов, но и для того, чтобы в перерыве проследить, не будет ли на Земле какой-нибудь реакции на наши сигналы.

Письмо землянам написано на самом кратком из известных нам языков — языке биологических понятий. Этот язык по своей структуре является общим для всех мыслящих существ. Особенности землян мы постарались учесть».

Основное содержание сна запомнилось. Спящие, проснувшись, рассказали, что во сне мужской голос, изложив эту часть письма, замолк, и женщина-диктор как ни в чем не бывало продолжала объявлять следующий номер. «Мы не заметили даже, что она что-то пропустила за то время, пока говорил мужской голос». Таков был сон этих трех избранников судьбы.

Самым любопытным для меня лично (ибо я ярый сторонник гипотезы физика) оказался такой факт. Среди трех человек, прочитавших во сне начало «Письма землянам» (а что это так, никто из нас не сомневался), была женщина из глухого кавказского аула, которая знала только родной язык. В тех случаях, когда она не могла передать текст «Письма», пользуясь запасом известных ей слов, она говорила, что пропускает непонятное ей, и пыталась, как могла, объяснить это. Так, например, когда двое других произносили «уровень земной цивилизации», она говорила, что пропущенные слова означают силу тела и духа всех людей Земли, «логические машины» она назвала «самыми правильными умными машинами»...

Сегодня мы отмечаем первую настоящую победу. Расшифровано начало «Письма», и гипотеза физика приобрела право на жизнь. А это очень интересная гипотеза. Мы, наверное, не знаем еще и долей процента того, что может дать человечеству овладение «языком понятий», как называют его вличане.

Конечно, в «Письме» вличан, наверное, содержится очень много ценного, и его расшифровка может послужить толчком для развития всей нашей цивилизации. А нам удалось положить начало такому огромному делу. Как тут не радоваться? Правда, старик говорит, что радоваться рано, что мы еще не научились читать текст «Письма», нам только случайно повезло с расшифровкой части его содержания. А будет ли везти дальше, неизвестно.

Все на него набросились. Поспорили. Только я один заступился за шефа. Как ни грустно, но, по-моему, он прав. Конечно, можно было об этом сказать позднее, надо же людям дать некоторое время чувствовать себя именинниками. Но старик немножко суховат.

Все же это первая настоящая победа, хотя в сегодняшней записи я начал с утверждения о том, что неделя принесла надежду. Да, определенную надежду на полную победу.

Суббота, 12 мая.

Прошлую субботу пропустил потому, что опять произошли события, и мне было не до записей.

Шеф оказался прав. Целую неделю мы не смогли воспроизвести первый удачный опыт расшифровки письма. Нам действительно просто повезло, а как и почему, мы толком не знаем. Одновременное воздействие записи «Письма» и радиоволн на спящего человека вызывает ассоциации в его мозгу, иногда соответствующие тексту письма, написанному пока неведомым нам языком. Когда мы, радостные, пришли 30 апреля на работу, шеф с улыбкой сказал: «Посмотрим, что теперь вам даст метод «тыка».

Похоже на то, что мы ищем иголку в стоге сена, причем не совсем представляем себе, где находится стог и как выглядит искомая иголка.

Чего только не говорили спящие под аккомпанемент магнитных лент с записью «Письма»! Все, что угодно, только не то, что могло относиться к нему. В третий раз помог случай. Помог и окончательно спутал все наши прежние представления о том, что же происходит на самом деле.

Дежурный механик ночью уснул у нашего мощного передатчика. Аварийное реле выключило питание из-за неисправности, и генератор умолк. Утром сменщик еле разбудил механика. Установили, что генератор всю ночь был выключен. Несмотря на это обстоятельство, а может быть, и благодаря ему опять наблюдался массовый гипноз, и мы расшифровали еще одну часть «Письма». Правда, эта часть относилась, видимо, к середине текста, так как не была продолжением уже расшифрованного.

То, что мы «прочитали», содержало такую запись: «Таков уровень нашей цивилизации. Теперь о цивилизации на Земле. Она развивается настолько ненормально, что за имевшееся в нашем распоряжении время мы не смогли понять, почему это произошло.

Коротко об общих закономерностях развития мыслящих цивилизаций во Вселенной, неизвестных землянам.

Вам уже известно, что в процессе эволюции жизненных форм на планете существует связь между разными организмами, связь, которая не только облегчает взаимное существование, но зачастую настолько необходима, что без нее невозможна жизнь. Так, например, весь животный мир на Земле не мог бы существовать без кислорода, создаваемого растениями, без пищи, которую дает ему растительный и животный мир, и так далее. Некоторые виды этой взаимной связи в мире живого ваши биологи называют симбиозом. Но вы многое совершенно упускаете из виду, в частности эволюционную и генетическую связь между живым и неживым миром. А связь эта есть, и очень глубокая.

Между мыслящими существами, населяющими планету, и окружающей живой и неживой природой существует, как мы называем; «Ре-Ру»-связь. Основы ее закладываются уже в процессе

возникновения планеты и конкретно реализуются с учетом особенностей развития данной планетной системы и самой планеты. На многих планетах нормальная эволюция нарушается теми или иными обстоятельствами, возникающими в процессе их развития, и мыслящая цивилизация на этих планетах вовсе не появляется.

Мы во многом отличаемся от людей на Земле, и условия жизни у нас другие, но и мы, и вы подчинены единому эволюционному закону, который определяет связь между эволюционным развитием самой планеты и жизнью на ней.

Ваша Земля имеет свой возраст. Человечество, живущее на ней, тоже имеет свой возраст. И Земля, и Человечество должны иметь особенности, свойственные своему возрасту. Необходимо, чтобы эти особенности сочетались, иначе существование цивилизации окажется невозможным.

Одним из наиболее явных признаков возраста Земли является темп ее расширения. Земля, как и все биологические планеты (а есть и небиологические, как ваша Луна, например), расширяется. Сейчас диаметр Земли увеличивается на шестьсот метров за сто лет, то есть на одну десятитысячную долю процента в столетие. Такой темп расширения Земли соответствует VII стадии высшего периода развития биологических планет. В то же время само человечество находится на III стадии по уровню развития науки, на V—по уровню техники,на II—по общечеловеческой морали.Система организации общественных формаций на Земле настолько разнообразна, что ее невозможно оценить в целом.

Это оценка соответствия уровня вашей цивилизации возрасту человечества. Возраст же человечества должен, как мы говорили, соответствовать возрасту Земли. С момента зарождения мыслящих существ начинается высший период развития Земли. Он состоит из двадцати одной стадии. Земля переживает VII, и человечество должно иметь возраст, соответствующий этой стадии.

Возраст человечества определяется мировым критерием. Этот критерий характеризуется отношением числа людей, приходящихся на одну миллиардную поверхности планеты, к темпу прироста этой величины за один планетный год. Чем старше человечество, тем медленнее оно растет численно. Начиная с VII стадии прирост населения практически прекращается. А на Земле он даже увеличивается. Темп прироста населения — естественная реакция животного организма в борьбе за сохранение рода. На определенном уровне развития цивилизации в этой борьбе уже нет необходимости, и человечество перестает расти численно.

При нормальном «Ре-Ру»-симбиозе каждому возрастному уровню человечества соответствует определенный уровень его цивилизации. Эти уровни делятся на те же стадии. На первой стадии человечество ничего не знает ни об угле, ни о нефти и варварски уничтожает лес. Но уже на III стадии развития человечество использует нефть и уголь только как источники сырья, а не энергии.

Вы же, находясь по уровню техники где-то между V и VI стадиями эволюции, до сих пор во все возрастающих масштабах уничтожаете уголь, нефть и даже растения для отопления.

Все нормально развивающиеся цивилизации уже на V стадии овладевают Главной энергией и, конечно, не лишают своих потомков сырьевой базы, значения которой вы еще даже не понимаете, так как то, что вы умеете делать из угля и нефти, составляет ничтожную часть возможностей этого основного сырьевого резерва.

Термоядерная энергия — не Главная энергия. Некоторые цивилизации проходят все этапы развития и ничего о ней не знают. Это не мешает им нормально развиваться, ибо они вовремя овладевают Главной энергией. Использование внутриядерной энергии через цепные реакции считается аморальным. Мировой Закон это запрещает. Вы нарушаете законы мировой морали. Ядерные взрывы на Солнце и других звездах никому не приносят вреда. Ядерные взрывы или вообще искусственное расщепление атомного ядра в тех местах, где осколки этой реакции могут войти в соприкосновение с живым организмом, ни в коем случае недопустимы.

Материя во Вселенной имеет не только массу и энергию, как вы наивно думаете. Она обладает еще и информацией. Эта информация накапливается внутри атома, в областях, вами еще не познанных. Накапливается многими этапами эволюции в масштабе всей Вселенной. Нельзя стирать эту запись. Это значит уничтожать самое большое богатство, которым обладает материя и которое оно в процессе эволюции приобретало в масштабах ваших представлений о времени,— вечность.

Главной энергией называют неизвестный еще вам, но легко доступный на Земле вид энергии. Для овладения этим видом энергии, который тоже содержится в материальной структуре, называемой на Земле атомом, нужны не сверхвысокие, а сверхнизкие температуры, не сверхбыстрые, а сверхмедленные движения.

Даем краткое описание способа получения этой энергии. Главная энергия может быть выделена...»

На этом, к сожалению, прочитанный кусочек письма обрывался.

Задал нам этот расшифрованный кусочек столько проблем, что мы не смогли даже и порадоваться по-настоящему нашей победе.

Суббота, 19 мая.

Наше правительство приняло решение сообщить о том, что мы расшифровали часть «Письма». Первая, вводная часть была опубликована в газетах. Указывалось, что мы располагаем и другим куском письма, но он еще требует изучения и уточнения.

Сообщение о «Письме землянам» вновь стало главным вопросом в печати и передачах радио и телевидения всех стран мира.

Страсти вокруг «Письма» разгорались. Были попытки получить информацию о нем с помощью разведок.

После того как мы опубликовали второй расшифрованный кусок текста, его содержание обсуждалось буквально всеми.

Наибольшим нападкам подвергалось утверждение вличан о том, что наша цивилизация развивается неправильно. Многих это задело за живое. В капиталистических странах «Письмо» было объявлено «коммунистической пропагандой» и, конечно, «фальшивкой».

Что касается ученых, то здесь тоже не было единодушия. Физики возмущались утверждением, что термоядерная энергия не энергия будущего. Биологи поставили под сомнение тезис, что есть какая-то генетическая запись на уровне атомов, быть может, даже и глубже. Действительно, оба этих утверждения вличан совершенно не укладывались в рамки существующих воззрений, поэтому обсуждать их было трудно, понять — тем более. В таких случаях проще всего отрицать.

Многие ученые ссылались на то, что, мол, не доказана еще достоверность «Письма» как послания, полученного от представителей другой, более развитой цивилизации. Наконец, некоторые утверждали, что для решения тех проблем, которые их сейчас волнуют, достаточно уже известного науке. А новыми проблемами, которые ставят вличане, пусть, мол, занимаются те, у. кого еще не сложились научные интересы и кто может заняться чем-то новым.

Большинство советских ученых выдвигало другую аргументацию. Они говорили, что до 1толной расшифровки «Письма» нет смысла что-либо предпринимать в научных исследованиях. В «Письме» явно должны содержаться конкретные рекомендации. Надо подождать до тех пор, пока мы не сможем их узнать. Тогда не надо будет вести дискуссии общего характера, станет возможным приступить прямо к делу.

И только небольшая часть ученых заявила о своем согласии активно включиться в программу работ, связанных с использованием материала, содержащегося в «Письме», не дожидаясь его полной расшифровки. В желающих же заняться самой расшифровкой недостатка не было. Ученые всех рангов и возрастов готовы были бросить все, чтобы присоединиться к нам.

Не знаю, как для психологов, а для меня такой различный подход со стороны многих ученых был совершенно непонятным.

Практически это привело к тому, что работы по расшифровке письма начали очень бурно расширяться и у нас, и за рубежом. Но дело продвигалось по-прежнему медленно. Даже у нас в институте, хотя мы и располагали методом, давшим уже хорошие результаты.

Совершенно сенсационным оказалось сообщение о том, что расшифровка второй части письма сделана в США и что полученный там текст заметно отличается от опубликованного у нас.

Сперва у нас отнеслись к этому сообщению скептически. Американцы не сообщали, как они расшифровали текст, ссылаясь на то, что и мы этого не сделали. Но через некоторое время американцы заявили, что прочли эту часть с помощью гипнотического сна человека, подвергнутого воздействию магнитной записи «Письма». Это было уже серьезно.

Мы сообщили, что наш метод расшифровки имеет такое же направление, и договорились о встрече для совместного обсуждения проблемы. Я вылетел в Нью-Йорк. Обе стороны стремились получить максимум информации и передать минимум собственных сведений. Три дня мы без пользы обсуждали интересующие нас вопросы. Вчера вечером я вернулся в Ленинград.

Воскресенье, 3 июня.

Совершенно пустая неделя — ничего нового.

Суббота, 9 июня.

Победа! Удалось наконец-то понять механизм дешифровки кода. Правда, все, что вличане записали общобиологическим кодом за три часа, должно читаться (вернее, говориться) 36 часов. Этот код в 12 раз более емок, чем обычная запись. Вот почему вличане, имея всего три часа времени, написали «Письмо» этим кодом.

И опять мы смогли прочесть только часть текста, но сейчас уже есть достаточно твердая уверенность, что вскоре он будет прочтен целиком.

Выяснилось, что для того, чтобы человек понял запись, он должен подвергаться воздействию радиоволн, а для правильного воспроизведения этой записи облучение нужно прекратить. Вот почему сон дежурного механика оказался полезным. Кроме того, обнаружилось, что облучение должно быть импульсным, с определенной очередностью воздействия и перерывов. С различной скважностью, как говорят радиотехники. И что особенно интересно, скважность эта носит сугубо индивидуальный характер. У каждого человека есть как бы свой канал восприятия для возбуждения биологической памяти.

Опыт показал и влияние на процесс восприятия большого электромагнитного поля, которое включается и выключается по такому же закону, как и импульсы быстроменяющегося поля. Причем влияние постоянного электрического поля очень высокого напряжения было еще более сильным, чем переменного.

Эти результаты почти одновременно с нами получили французы, но они, к сожалению, опубликовали их раньше нас.

Оставались три трудности. Во-первых, надо было научиться подбирать индивидуальный ключ к каждому человеку, во-вторых, устранить «вариабельность» процесса, факты неповторяемости результатов при одних и тех же условиях. И наконец, в-третьих, необходимо было найти оптимальный режим облучения. Когда

на одном из наших семинаров были перечислены эти трудности, шеф тихонько замурлыкал французскую песенку тридцатых годов: «Все хорошо, прекрасная маркиза». Молодежь опять на него набросилась. Ведь всего три неясности осталось. Но шеф, ухмыляясь, сказал, что и в истории с маркизой все было хорошо, «за исключением пустяка». На этот раз и я был на него рассержен. Ну зачем так обрезать крылья? Нужно быть уверенным в конечном успехе. А у нас из десятков неясных вопросов осталось только три. Но шеф упрямо твердил свое.

Как бы там ни было, а еще один кусок «Письма» мы расшифровали. Жаль, что он не был продолжением предыдущего. Ведь начинался рассказ о «Главной энергии». В расшифрованном куске были такие, тоже далеко не второстепенные, вопросы:

«Неправильное использование минеральных и биологических ресурсов угрожает человечеству рядом катастроф. Назовем эти, к счастью, пока еще только возможные катастрофы. (Кое-что об этом уже говорили ваши ученые, и мы не будем, конечно, повторяться.) Вы уже знаете, что транспортировка и слив нефти и нефтепродуктов может привести не только к гибели животного мира в реках и озерах, но и к вымиранию планктона на поверхности морей и океанов. В конечном счете это вызывает гибель всего животного мира в морях и океанах. Но кроме того, планктон дает наибольшую часть кислорода. Ликвидация планктона резко уменьшит содержание кислорода в воздухе, а без него невозможна жизнь на Земле. К сказанному об этом учеными Земли следует добавить следующее. Процесс вымирания животных в морях и океанах уже начался. Для полного уничтожения жизни там вовсе не обязательно покрыть всю водную поверхность тончайшим слоем нефти и нефтепродуктов: если даже такая участь постигнет только одну десятую процента поверхности, начнется необратимый процесс медленного вымирания. Пока он обратим. Но при существующем темпе загрязнения морей уже в середине XXI века этот процесс станет необратимым.

Вторая катастрофа связана с тем, что слишком велико загрязнение воздуха отходами промышленности и даже выдыханием углекислоты растущим огромными темпами населением Земли. Об этом у вас много и часто говорят, но никаких радикальных мер для всей планеты в целом не предпринимается. Загрязненный воздух — одна из причин многих болезней. При существующем темпе роста загрязненности воздуха вымирание человечества по этой причине начнется в конце XXI века.

Возможность третьей катастрофы совсем неизвестна на Земле. Речь идет об атрофировании многих биологических способностей человека, процессе, который не только резко обедняет человечество, но и служит одной из основных причин распространенности рака и сердечно-сосудистых заболеваний.

Человек от природы обладает огромным запасом памяти и средств логического анализа, запасом большой физической силы

и выносливости, чуткими органами чувств, огромным даром интуитивного восприятия и предвидения. Как развиваются эти биологические способности человека? За исключением единичных фактов., никак. Более того, у вас господствует культ замены биологических возможностей человека соответствующими искусственными протезами. Даже слова «сделать вручную» стали почти синонимом «плохо сделать». А это глубокое заблуждение. Конечно, человек не может и не должен соревноваться с трактором, автомобилем или с самолетом. Речь идет не об этом. Технический прогресс не должен тормозить гармоничное развитие биологических возможностей самого человека.

Обратимся к фактам, известным землянам. «Безграмотная» индианка Шакантула Деви в 1968 году во время телепередачи в Нью-Йорке решала арифметические задачи на шесть секунд быстрее электронных машин. Через две минуты она называла значение факториала 73. В Москве было опубликовано сообщение о человеке, который помнил буквально все, что видел или слышал за свою жизнь. Там же сообщалось, что глухонемая и слепая женщина научилась читать, писать, а главное, понимать окружающий ее мир. Чувства обоняния и осязания были доведены у нее до неизвестного ранее землянам уровня. Не будем больше приводить примеров. Из сказанного ясно, что мы имеем в виду. Вы сами сможете умножить такие примеры. О чем они говорят? Они должны были заставить ученых задуматься над тем, можно ли дальше развивать цивилизацию *только* на пути создания искусственных орудий, не используя всех возможностей человеческого организма.

Беда в том, что многие из этих биологических возможностей человека уже утрачены, некоторые из них — окончательно.

Нужно понять, что без употребления атрофируются не только мышцы. А вырождение — источник многих болезней.

Все это может привести к тому, что человек превратится в существо, лишенное основных своих биологических качеств, чрезвычайно болезненное. Эта катастрофа не угрожает землянам физической гибелью, она грозит смертью моральной. Но деградирующее человечество не сможет предотвратить другие надвигающиеся на него катастрофы.

Опасность атомной катастрофы умозрительно вам понятна. Но земляне не знают, что значительное радиоактивное заражение атмосферы может привести к гибели человечества не только из-за известных на Земле лучевых болезней. У вас уже сейчас рождается больше мальчиков, чем девочек. При значительном росте радиоактивного заражения девочки вообще не станут появляться на свет, и человечество прекратит свое существование за несколько поколений. Мы привели только четыре из двенадцати катастроф, угрожающих землянам. У вас есть один выход из положения. Все средства и ресурсы, расходуемые сейчас на «военные цели», то есть для изготовления варварских орудий уничтожения себе

подобных, необходимо направить на то, чтобы избежать катастроф, угрожающих человечеству. Оно обязано немедленно прекратить междоусобные распри и объединиться для исправления ошибок неправильного, по нашему мнению, уродливого, развития цивилизации на Земле.

Сделать это пока еще не поздно. Человечество еще может избежать надвигающихся катастроф. Но время терять нельзя. Скоро, очень скоро будет уже поздно. Мы говорим здесь о направленности вашей бурной научно-технической революции. Наше отношение к земным социально-политическим проблемам мы изложим отдельно, но здесь мы хотим обратить внимание на то, что человечеству даже при условии предотвращения атомной войны грозят и другие опасности.

Вличане целиком и полностью разделяют мнение тех политических деятелей, Которые считают, что только в мирном сосуществовании выход из положения. Мы считаем, что основой мирного сосуществования может и должно быть объединение человечества в борьбе за предотвращение надвигающихся на него катастроф».

Это все, что нам удалось еще расшифровать. Жаль, конечно, что мы не «прочитали» пока часть «Письма», где излагалась сущность «Главной энергии». Но то, что удалось прочесть, тоже нельзя было недооценивать.

Вчера стало известно, что генеральный секретарь Организации Объединенных Наций принял решение зачитать расшифрованные части «Письма землянам» на очередном заседании ООН и обратился ко всем государствам с просьбой предоставить в распоряжение ООН все материалы, которыми эти страны располагают.

Советский Союз первым откликнулся на эту просьбу.

Суббота, 16 июня.

Время отпусков, но их никому не дают. Работы по горло. Президиум Академии наук СССР каждый раз при получении новой расшифровки устраивает специальное заседание. Последняя часть расшифрованного письма обсуждалась Правительством. Причин для этого более чем достаточно. Ведь вличане, представители более высокой цивилизации, очень серьезно и решительно поддержали наш курс на мирное сосуществование разных социальных систем. Это нельзя было рассматривать иначе как большую политическую победу. Конечно, противники мирного сосуществования встретили последний расшифрованный текст «Письма» в штыки. Опять вытащили на свет лозунг об «агитке Кремля». Никакой, мол, информации от инопланетной цивилизации не поступало.

Но тут произошло неожиданное событие. Во Франции собрались представители деловых кругов мира. Это было беспрецедентное по количеству собрание руководителей промышленных и финансовых трестов и монополий стран Запада. Впервые за всю ис-

торию человечества они высказались за прекращение гонки вооружения и мирное сосуществование. Эти люди рассудили так. Для мобилизации средств на работы но борьбе с грядущими катастрофами можно не только «переадресовать» средства, расходуемые сейчас на военную промышленность, но и увеличить их.

Это обещало деловой «бум», который не будет зависеть от политической ситуации и обеспечит на очень многие годы полную загрузку всей промышленности.

Один из выступавших бизнесменов выразился очень ясно. Он сказал: «Угроза воины — хороший способ выкачивать деньги на нужды промышленности. Но эта угроза не очень стабильна. Угроза вселенских катастроф — длительный, постоянный и верный способ держать налоговый пресс на уровне, достаточном для постоянного бума. При таком буме я готов сосуществовать даже с коммунистами».

Таким образом, «Письмо землянам» уже начало играть свою роль. Естественно, что это вызвало у нас, работающих над его расшифровкой, большой подъем, мы понимали, что наше дело необходимо всему человечеству.

Казалось, все шло наилучшим образом. Но все было спокойно до тех пор, пока маленькая Дания вдруг не заявила о том, что у них расшифрована часть письма, относящаяся к «Главной энергии», и что она не собирается делиться секретом ни с кем, пока не использует все огромные возможности, которые вытекают из этого преимущества.

Поначалу к сообщению отнеслись с недоверием. Но вскоре датчане объявили, что у них создан самолет с двигателем, работающим на «Главной энергии», и что он может облететь тысячу раз вокруг Земли без посадки. Самолет вскоре стартовал и на высоте около двадцати километров совершил тридцать пять беспосадочных витков вокруг Земли. По словам датчан, «Главная энергия» не требует больших запасов горючего. На тридцать шестом витке самолет потерпел аварию: не выдержала конструкция — самолет попросту развалился.

Теперь, конечно, скептиков не осталось. Все поверили и в «Письмо землянам» и в существование «Главной энергии». Но нам от этого легче не стало: датчане расшифровали, а мы... В общем было не до восторгов.

Воскресенье, 1 июля.

Две недели не заходил домой. Мы решили перейти на «казарменное положение» до тех пор, пока не расшифруем часть письма, относящуюся к «Главной энергии». И вот сегодня я смог первый раз прийти домой. Эту часть письма мы расшифровали. Теперь дело за физиками — экспериментаторами и инженерами. Оги должны воплотить рекомендации вличан в жизнь и утереть нос датчанам. А нам не дают отвлечься от расшифровки. Я бы тоже с удо-

вольствием включился в работу по использованию «Главной энергии». Но мне сказали, что в письме может быть и не такое, сейчас особенно важно его быстрее прочесть.

О «Главной энергии» вести записи в дневнике не могу, эти работы пока засекречены, хотя интересны они очень. Так просто, так близко лежало — и мы... Ну ладно, всегда кажется простым то, что показали, сложно увидеть это самому. Не случайно говорится: до гениальности просто. Все по-настоящему гениальное было действительно простым. А как же теория относительности? Разве она проста? Мне, физику, она кажется по основным положениям очень и очень простой. Что может быть проще такой идеи? Все явления в природе происходят в пространстве и времени. Многие опытные факты не поддаются объяснению на основе способов измерения пространства и времени, известных со времен Ньютона. Значит, надо найти такой универсальный способ измерения пространства и времени, который позволил бы объяснить как ранее известные факты, так и те, что не поддавались прежде объяснению..

Таков замысел Эйнштейна, который он гениально реализовал, создав понятие о пространственно-временном континууме, свойства которого определенным, всегда одинаковым образом зависят от скорости. Нам, физикам, кажется это простым. Правда, раньше наши коллеги никак не могли разобраться в этой теории. Сейчас люди, не знающие физики, тоже смотрят на эту теорию как на некоего монстра. Так что вопрос о простоте, видимо, не так уж прозрачен. Кстати, рассказ о «Главной энергии» вличане сопроводили одной репликой по адресу теории относительности, Они, оказывается, иначе толкуют основы этого фундаментального закона. Очень интересно, но непонятно. Вот у меня и получилось, что начал разговор о простом, а кончил утверждением о непонятности простого.

Такова, видимо, диалектика жизни: сложное и простое всегда сопутствуют друг другу.

В процессе расшифровки «Письма» наш коллектив физиков и биологов получил много интересных сведений об аппарате человеческой памяти и мышления.

Во-первых, подтвердилось предположение, высказанное еще в 1968—1969 годах московским ученым, профессором Н. И. Кобозевым, что основные носители нашего аппарата памяти и мышления — новые, ранее неизвестные частицы, которые даже не входят в атом. Во-вторых, оказалось, что давно известные «особые точки» на поверхности человеческого тела играют далеко не второстепенную роль в механизме получения и обработки информации, которая необходима человеку не только для его чисто физиологических функций, но и для психической жизни.

Я и раньше следил за работами Кобозева. Он показал, что ответственными за сохранение информации не могут быть ни клетки, ни молекулы, ни даже атомы. Так где же она хранится? Дальше

ученый установил, что должны быть некоторые, в те годы еще не открытые, частицы, которые имеют в тысячи раз меньшую массу, чем электрон, но по размеру больше атома. Свойства этих частиц должны быть такими, что они позволяют длительное время сохранять память о внешних воздействиях, которым они подвергались.

В те же годы был открыт «Периодический закон микрочастиц» и найдена их структура. В этой полной систематизации были как известные, так и еще не обнаруженные частицы, в том числе частицы Кобозева. Более того, эти частицы обладали теми свойствами, которых, требовала теория Кобозева.

Один из наших физиков, хорошо знавший автора периодического закона микрочастиц, рассказывал даже такой несколько курьезный факт. Когда выяснилось, что в общей систематизации частиц есть «сверхлегкие», не проявляющие себя ни в каких известных экспериментах, автор закона стал искать дополнительное правило отбора, которое позволило бы эти частицы исключить из систематизации. Но, к огорчению исследователя, правило это не находилось. И вот он получает письмо от Кобозева, где со ссылкой на систематизацию указывалось, что сверхлегкие частицы играют определяющую роль в формировании нашей памяти и механизме логики. Таким образом, было найдено место этим «лишним» частицам. И какое!

Автор систематизации частиц очень активно защищал точку зрения, что наши представления о природе еще слишком поверхностны и что попытки все объяснить только на основе известных частиц и законов несостоятельны. И при этом он сам искал правило отбора, чтобы исключить большую группу из числа открытых им частиц. Такова сила консервативного воздействия представлений о полноте известных нам фактов.

Опять увлекся экскурсом в психологию научного творчества. Но что поделаешь, уж очень волнует меня этот вопрос. Тем более сейчас, когда мы смогли подойти вплотную к разгадке самого сокровенного из тайников природы: основ мышления и памяти.

Итак, в основе нашей памяти — частицы Кобозева, которые так легки, что электрон в сравнении с ними гигант, и так велики по размерам, что атом рядом с ними ничтожно мал. Ясно, что эти частицы не входят в атом, но где же они находятся? Еще при создании теории единого фундаментального поля (полная систематизация частиц и была следствием этой теории) было установлено, что кроме протон-антипротонного вакуума, электрон-позитронного вакуума есть еще и вакуум:, образованный сверхлегкими частицами. Попытки «устранить» его из теории, как я уже отметил, оказались безуспешными.

Микрочастицы, из которых состоит атом, находятся в самом тесном контакте и взаимодействии с частицами вакуума. Вокруг атомов существует как бы «вакуумная» атмосфера подобно воздушной атмосфере вокруг Земли. Даже более того: около частиц, об-

разовавших вакуум, происходит концентрация частиц вакуума, в том числе и образованного сверхлегкими частицами. В твердых телах (а мы сами тоже, может, не совсем обычное, но твердое тело) кроме ядер атомов и электронных оболочек есть еще и частицы вакуума. Они органически связаны с атомами тела, и рассматривать полные свойства атомов и молекул без учета взаимодействия их с частицами вакуума нельзя.

Можно ли считать, что все аспекты памяти и логики определяются только частицами Кобозева? Видимо, нет. Частицы Кобозева играют большую роль в этих процессах, но они явно не единственные «виновники» особенностей мыслящих существ. Немалую роль в процессах формирования памяти и аппарата мышления играет внутренняя структура микрочастиц и частиц вакуума.

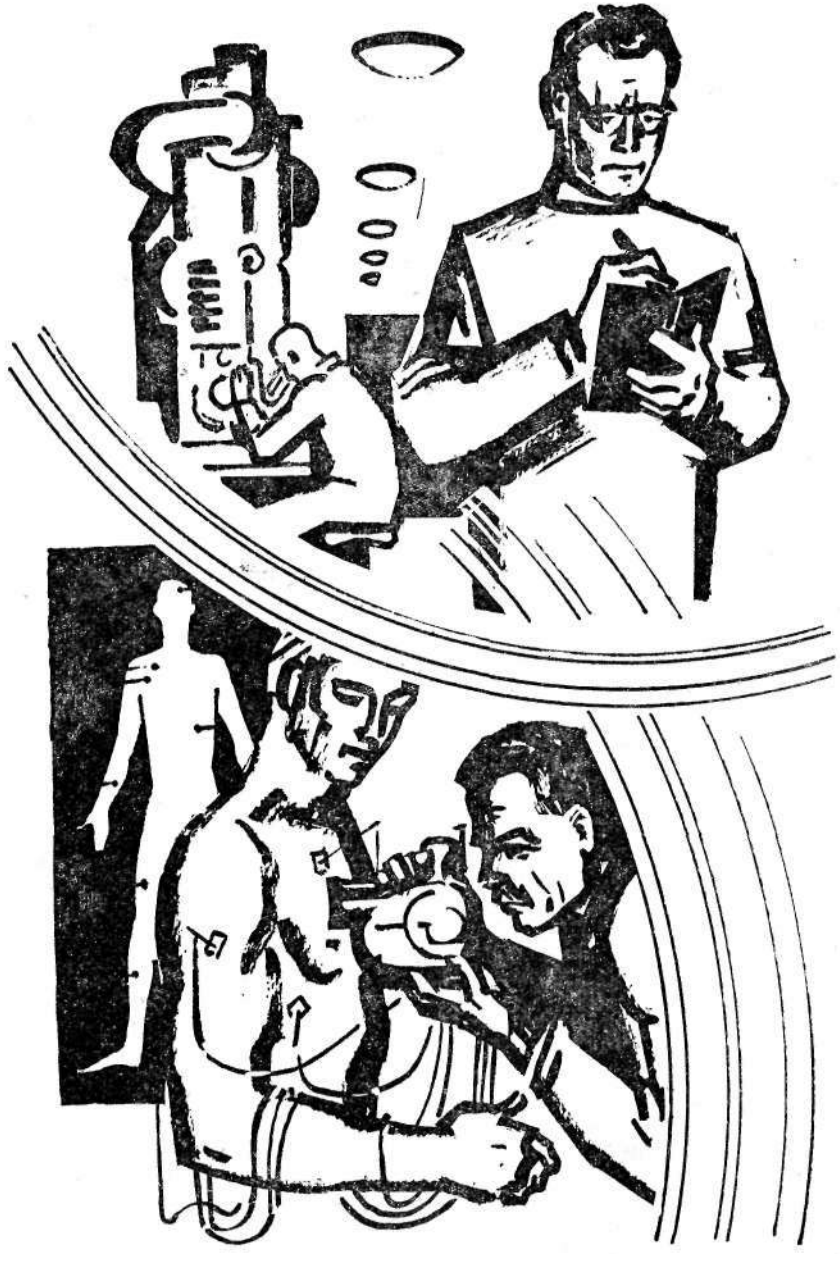
Теперь об «особых точках» на поверхности тела. В 1967 году на международной выставке в Монреале советские ученые демонстрировали маленький, но прелюбопытный прибор. Официальное название его я не помню, но все называли прибор «Тобископ». Так именовал его сам автор прибора — доктор наук М. К. Гейкин. В это наименование вкладывался такой смысл: прибор для определения точек («то») биологической («би») информации («скоп»).

С помощью этого прибора очень легко обнаруживаются особые точки на поверхности человеческого организма. В приборе есть контрольная лампочка. Она загорается в тот момент, когда острие прибора касается особой точки. Происходит это потому, что в этих точках кожа человека проводит электрический ток в десятки раз лучше, чем в соседних. Точки эти находятся в центре особых зон Захарьина — Геда и вне их. Они имеют непосредственную связь с определенными внутренними органами человека.

Большая часть особых точек была обнаружена на Востоке еще в древности. Метод лечения иглоукалыванием связан с этими точками. Но ни природа точек, ни даже способ их обнаружения не были известны ранее. Их топография, непонятно как найденная на Востоке в незапамятные времена, передавалась из поколения в поколение. Прибор Гейкина позволил не только легко находить эти точки, но и уточнить места их расположения,которые не везде совпадали с древней топографией. Особые точки были обнаружены у животных и, что весьма интересно, на листьях растений. Наличие «светящихся» точек на поверхности всего животного и растительного мира было фактом знаменательным. Однако этому факту не находили достаточно полного толкования. Чем более совершенен живой организм, тем больше у него таких точек.

Оказалось, что кроме точек, имеющихся всегда у человека, временами появляются на ушной раковине в определенных местах светящиеся точки, если заболел какой-либо внутренний орган — почки, сердце, печень и тому подобное. Организм как бы дает сигналы о неблагополучии. Но кому и зачем?

Все эти вопросы долгое время не находили ответа. И вот сейчас, при расшифровке «Письма землянам», пришлось уделить



этим точкам особое внимание. Произошло это при таких обстоятельствах. Кто-то из медиков предложил одному из добровольцев, подвергавшихся гипнотическому сну, наклеить на особые точки маленькие проводящие ток пластиночки. Поначалу этот человек не подвергался никаким воздействиям внешних полей и даже гипноза. Кроме того, он перестал вообще видеть сны. Стало очевидным, что особые точки имеют очень большое значение не только в физиологической, но и психической жизнедеятельности.

Эксперимент продолжили. Выяснилось, что при правильном подборе размеров пластинок и материала, из которого их изготавливали, наклейки начинают играть роль своеобразных антенн, которые усиливают связь организма с окружающей средой.

Вот что удалось выяснить. Особые точки на поверхности тела животного организма состоят внешне из таких же клеток, как и соседние. Но молекулы этих клеток отличаются от других. Вполне аналогично тому, как молекулы, входящие в гены, отличаются от «обычных», не нагруженных информацией.

Следовательно, светящиеся точки — это носители информации, которая записана на уровне молекул (а может, и глубже). Таким образом, не только «неизменные» гены, носители наследственной информации, но и «обычные» клетки кожи человека и животного и даже растения содержат информацию на уровне молекул, которая относится к жизнедеятельности не только клеток, но и всего организма.

Факт существования наследственной информации в «обычных» клетках поверхности кожи был выяснен еще в 1967 году в сенсационных опытах по выращиванию целой лягушки из... клеток эпителия ее желудка. Но здесь речь идет об информации, которая участвует во всей жизнедеятельности человека.

Трудно переоценить значение этого открытия.

Суббота, 14 июля..

Трое наших ребят лежат в больнице. Диагноз — острое истощение нервной системы. Над всеми нами установлен строгий медицинский надзор.

Воскресенье, 22 июля.

Кажется, и я заболел. Что-то в методике расшифровки письма мы не учли. Это отразилось на нашем здоровье.

Об авторе

Верил Илья Львович, физик. Родился в 1919 году в Нижнем Новгороде. Автор трех монографий и четырнадцати статей по физике. Имеет десять авторских свидетельств на изобретения. Им написано десять сценариев, по которым сняты научно-популярпыо и учебные кинофильмы. В сборнике выступает вторично. В творческих планах автора научно-художественная книга «Где природа хранит информацию» п научно-фантастический рассказ «Главная энергия».

СМЕРТЬ НАПРОКАТ

Юрий Моисеев

Научно-фантастический рассказ

Проезжая по величественной набережной всемирно известного города Эскапада, я обратил внимание на скромную неоновую рекламу. Задолго до ее появления словно кто-то говорил мне на ухо еле слышным шепотом, потом внятнее и наконец чуть ли не с металлическим лязгом: «Смерть напрокат! Смерть напрокат!» Голос постепенно ослабевал, но на сетчатке глаз продолжали гореть стремительно бегущие буквы.

Меня заинтересовали эти современные пираты, которые пытались ограбить даже смерть, покушаясь на последнее, казалось бы, право и убежище человека.

Черная, агатового тона, дверь была строга и неприступна. Человек с воображением, наверно, нашел бы в ней почти космическую, затягивающую глубину, но я отогнал от себя эти мысли, отнеся их за счет рекламного искусства владельца фирмы Лоуренса, как следовало из таблички.

Я нажал клавишу сигнала у входа, и раздался медный глухой гул гонга. Дверь преобразилась. Темно-алые волны,

как извержение подводного вулкана, прошли по ней, и всплыла маска Мефистофеля. Выполненная в условной резкой манере, она несла выражение сокрушительной иронии и неожиданно трезвой, тревожаще-дерзкой пытливости. Когда я переступал порог, она медленно померкла. Несколько шагов до внутренней двери меня сопровождала гамма схождения — торжественная, грозная, неумолимая, и я слегка подосадовал на избыточность эффектов.

В кубической комнате с черными мраморными стенами навстречу мне, помедлив, встал из-за стола высокий гибкий человек, в котором угадывалась внутренняя собранность, скованная волей энергия. Он взглянул на меня, и оказалось совсем не просто подойти к столу и произнести несколько слов. Как будто пришлось преодолевать вязкое сопротивление силового поля.

Легким жестом показав на кресло, он уселся сам, непринужденно откинулся на его спинку и улыбнулся открыто и весело.

— Я вижу, вы раздосадованы и лишь слегка заинтригованы. По-видимому, вы не клиент.— Оскорбительно пристально рассматривая меня, он с каким-то обезоруживающим удовлетворением повторил: — Да, клиента я в вас не найду.

— А может быть, еще не все потеряно, сеньор Лоуренс? — подыгрывая ему, с мрачной шутливостью сказал я.

— Нет, нет... Вы любопытствуете, а для нас имеет ценность только нечистая совесть.

— Помилуйте, но ведь это самая дешевая вещь на свете!

— Справедливо, но вот избавиться от нее стоит довольно дорого.

— Значит, вы всемогущи?

— О нет, просто наша фирма торгует своего рода эвтаназией — легкой смертью без угрызений совести.

— Итак, вы отбиваете хлеб у католической церкви?

— Ну что вы, мы просто освобождаем человека от последних сомнений в том, что он чист перед собой и людьми. Согласитесь, это весьма большая роскошь. Дело облегчает, разумеется, то, что человек жаждет, чтобы его в этом убедили. И это не просто забвение, мы даем клиенту право выбора. С нашей помощью словно рождается новый человек. И самая подлая, мерзкая скотина может умереть с просветленным сознанием святого подвижника. Это ли не триумф науки и бизнеса?

— Но я не нахожу особого смысла в этих трансформациях на смертном ложе.

— Существуют воспоминания,— с неожиданной силой сказал мой собеседник, вставая,— которые жгут вашу совесть изо дня в день, из года в год. Несмытые оскорбления, незабытые унижения, воспоминания о собственной жестокости, бессердечной черствости,— продолжал он, мягко, словно пантера в клетке, ступая по ковру.— Это обычный груз на плечах заурядного человека, не замешанного, как правило, в каких-то преступлениях.

Он снова уселся за стол и небрежно подбросил в ладони полупрозрачный кристалл.

— В этом кристалле запись биотоков, которая накладывает электрохимический потенциал на соответствующие участки мозга, определяя изменение кратковременной памяти. Когда клиент делает окончательный выбор, в критический момент накладывается биохимический потенциал, стимулирующий изменение долговременной памяти. И снять наложенный потенциал бывает довольно затруднительно.

Не хотите ли познакомиться с продукцией нашей фирмы? Могу предложить вам, скажем, смерть праведника, пострадавшего за веру и оканчивающего свои дни в лоне семейства. Или, например, смерть народного трибуна, с величественно-тусклым взором изрекающего непреложные истины. А вот в этом кристалле смерть идеалиста, который пролил реки крови во имя своей веры и поэтому умер с гордым сознанием выполненного долга.

Лоуренс с усмешкой смотрел на меня и хладнокровно продолжал:

— Итак, это вас не заинтересовало. Что ж, я не удивлен. Тогда вот это.— В его гибких пальцах замерцал, вспыхивая гранями, кристалл.— Сокровище нашей коллекции. Смерть честного человека, который интересно жил, творчески работал, не склонялся перед сильными, не обижал слабых, никому не навязывал своих убеждений и не считал себя безусловно правым. Причем он не только не насиловал чужой веры, но и не шел на компромиссы. Перед его глазами прошли все океаны и материки Земли, но он не стал снобом и не разлюбил своей родины.

— А это и в самом деле соблазнительно!

— Соблазнительно? Это великолепно! И знаете ли, я избегаю предлагать этот кристалл. Я чувствую, словно я предаю память замечательного человека, давно обратившегося в прах. Да кроме того, наших посетителей неизменно привлекают величественные позы. Им хочется не просто говорить, а торжественно изрекать. Правда, наша фирма играет на человеческих слабостях, на понижение, некоторым образом, и нам грешно протестовать.

— А как, собственно, возникают эти записи?

Лоуренс испытующе взглянул на меня.

— Для ваших журналистских затей, сеньор Камарада, это не потребуется. Да, я узнал вас. Вы часто пишете на научные темы, а я внимательно слежу за такого рода литературой, и давно только за ней, признаться. Технология все равно слишком специфична и мало что нам скажет. Но суть в том, что мы снимаем матрицу, своеобразную маску-карту мозга умирающего человека и затем — что делать! -- торгуем ею.

— Вы, следовательно, ведете охоту за праведниками?

— Мне не приходила в голову такая формула, но, пожалуй, она хорошо отражает нашу, как вы понимаете, филантропическую деятельность. Я очень хотел бы продемонстрировать вам пределы нашего могущества, однако...

Раздался удар гонга, и в дверь вошел маленький сгорбленный человек со сморщенным лицом, похожий на старого хомяка с набитыми защечными мешками. Он с некоторым страхом взглянул на Лоуренса и с подозрением на меня.

— Отлично, это то, что нам нужно,— быстро проговорил Доуренс и с подкупающей сердечностью обратился к вошедшему:

— Рад служить вам, сеньор...

— Эстурано, с вашего разрешения,— расцвел посетитель, видимо, непривычный к такому обращению.

— Итак, сеньор Эстурано, благоволите на этой шкале набрать ваш индекс. Вы успели изучить инструкцию, которую вы получили вчера, или вам надо помочь?

— Нет, нет, я разберусь,— бормотал тот, усаживаясь в глубокое кресло перед пультом аппарата, матовые аспидные панели которого были плохо заметны в комнате. Сверяясь с какими-то выкладками на листе бумаги, он последовательно нажал несколько клавишей. Аппарат отозвался музыкой, похожей на воскресную мессу, и на экране в фиолетовых и красных вихрях появился индекс

— Так я и знал,— прищурился Лоуренс. Манипулируя кнопками и рычагами, он поколдовал над креслом, вставил кристалл в гнездо шлема и, спросив клиента: «Вы готовы?» — не дожидаясь ответа, надвинул шлем ему на голову, придержав за плечи. Каким бы смешным это ни показалось, но я воспринимал всю процедуру как своеобразное самоубийство, добровольный отказ от своего внутреннего мира, чтобы примерить душу, словно рубашку с чужого плеча. Я невольно поежился, глядя на Эстурано, покорно подчиняющегося уверенным рукам Лоуренса, и перехватил его понимающе веселый взгляд.

После длительной паузы шлем откинулся, клиент медленно приходил в себя. Когда он встал и двинулся к столу, в его походке появилась удивительно элегантная небрежность и еще что-то, трудно определимое. Он как будто вырос, выпрямился. II даже щеки его опали, словно он наконец расстался с мучительной мыслью о запасах на следующий день. Я покосился на Лоуренса и залюбовался веселым артистизмом его живого, внимательного лица. Он взял, не глядя, деньги, протянутые сеньором Эстурано — теперь это действительно был сеньор! — а тот с небрежным поклоном удалился, словно едва удержавшись в последний момент от намерения благословить нас.

— Ну как? — удовлетворенно воскликнул Лоуренс.— Вы знаете, что он выбрал? Кристалл с записью биотоков кардинала Х., недавно почившего в бозе. И заметьте, он набрал код, не зная, кому принадлежит запись. Кстати, вы не обратили внимание на то, что его колени во время ходьбы словно пытались отбросить тяжелый шелк кардинальского одеяния? Иногда возникают чрезвычайно интересные побочные стереотипы в поведении.

— Но как отнесутся его близкие к этой перемене?

— Уверен, что он не пострадает. Эти маленькие, всеми оскорбляемые люди довольно часто бывают вполне квалифицированными тиранами в своем доме. Самый надежный способ утвердить себя — унизить еще более беззащитного.

— Меня все-таки тревожит будущее вашего открытия. Могут оказаться, говоря деликатно, самые неожиданные аспекты.

— Знаю! — отрывисто, сухо бросил Лоуренс.— Я уже отказался дать свою аппаратуру для подготовки солдат, готовых на все после обработки моими кристаллами. Не правда ли, заманчивая перспектива? Я сейчас в критическом положении, так как раздразнил слишком много гусей, поэтому я рад вашему приходу. Независимость вашей общественной позиции дает мне право надеяться на дружеский совет.

Я служил в войсках наших добрых соседей, так старательно пекущихся о наших нефтяных месторождениях, в качестве инженера связи. Мне приходилось наблюдать, как инструкторы чуть ли не до обморока натаскивали новобранцев. Я решил помочь их воспитанию и предложил новую систему тренажа.

Перед учениями каждому солдату закрепили в ухе крошечную радиокапсулу с радиусом действия, равным оперативному пространству батальона. И командир с центрального пульта управления руководил атакой, с детским удовольствием наслаждаясь неожиданным единством и согласованностью действий своих солдат.

Однако такой тренаж, как я убедился, приводит к опасной привычке полагаться на чужую волю, что еще никому ни при каких обстоятельствах не проходило даром. В момент атаки я включал источник радиопомех, и видели бы вы, с какой стремительностью это славное воинство превращалось в стадо баранов. Незабываемое это было зрелище,-— с неожиданно мечтательной интонацией сказал Лоуренс— Например, когда я включал музыку из оперетки, то и маршировка трансформировалась в недвусмысленный лирический перепляс, а от похоронной мелодии лица вытягивались, шаг становился степенным, тягучим, величавым.

Музыка — опасная вещь. Самого твердого, иронически настроенного человека относительно легко с помощью музыки заставить разделить чувства, владеющие огромной толпой. И с поразительной, я бы сказал, унизительной легкостью из свободных людей возникает некий слитный организм с интегральным образом мыслей и чувств, чудовищно нивелирующим волю людей, словно душу отдающих напрокат.

— Вы исключаете слишком много из человеческих чувств — и потребность поделиться радостью и разделить горе. А природа и человеческое общество нуждаются в каких-то, я не боюсь этого слова, заданных ритмах.

— Возможно, возможно,— рассеянно промолвил Лоуренс, прислушиваясь к уличному шуму. — Ну а потом,— оживился о з - началась игра поинтереснее. Я успешно заморочил голову нашим

воякам, покорив их сердца кибернетической утопией о радиоуправляемых солдатах, в мозгу которых приживлена крошечная, совсем, казалось бы, безвредная антеннка. Вы представляете, как радикально все упростилось бы? Зачем воображение, энергия и воля? Все гораздо проще. На пульте нажимается кнопка. Все сол' даты хватают оружие, одновременно, несмотря на огонь, перемахивают через бруствер окопа, в одном ритме шагают, ползут, окапываются, совершают одинаковые заячьи зигзаги по полю, дружно бегут в атаку с единственной, поистине сверлящей мыслью — добраться до глотки противника. Черт побери! — выругался Лоуренс, перестав шагать по комнате и снова усаживаясь. Нахмурившись, он продолжал уже ровным тоном: — К счастью, как я и ожидал, не удалось преодолеть твердого убеждения солдат в том, что операция по вживлению антенн совсем не безвредна, и все окончилось моей отставкой. И признаться, я никак не ожидал, что военные настолько уверовали в меня, что не оставят своим вниманием. Не успел я, например, добраться до идеи матриц и разработать модель аппаратуры, как меня посетил один из расплодившихся сейчас генералов в штатском с несгибаемой твердостью взгляда, не скрывающей, впрочем, его полной невинности в науке. Он был любезен и многозначителен, особенно когда выражал сожаление о моей нелояльности. И с тех пор я чувствую себя как муха между оконными стеклами.

Частые, бесцеремонные удары гонга прервали его. Лоуренс мгновенно подскочил к стене, и она внезапно словно раскрылась. Невидимые с улицы, мы смотрели, как из бронетранспортера выскакивали солдаты с автоматами наготове и выстраивались полукругом.

— Так, старые знакомые. Не ждал я от них такой прыти. Однако я неплохой маг и волшебник, и они у меня попляшут.

Он сгреб кристаллы со стола в портфель, который сразу словно исчез куда-то, склонился на секунду у пульта и, быстро оглянувшись по сторонам, задорно улыбнулся мне.

— Что бы ни случилось, прошу вас только не сходить с места и сидеть спокойно.

Удары гонга слились в непрерывный гул, затем последовала тяжелая басовая нота аккордов. Вошли офицер и двое в штатском.

— Сеньор Лоуренс, именем республики вы арестованы!

— Разве можно арестовать чародея?— насмешливо ответил Лоуренс, прислонился к монолитной, казалось бы, стене и словно растаял в ней. Агенты выхватили пистолеты и недоуменно уставились на стену. Навалились было на нее с разбегу, однако она стояла непоколебимо.

— Ах, дьявольщина! — вырвалось у офицера. — Опечатайте аппаратуру! — приказал он агентам и повернулся ко мне: — Ваши документы!

Но тут раздались испуганные крики его спутников. Ослепительные вертикальные разряды пронизали пульт, превратив его тон-

кую электронную начинку в груду обломков. А в кресле расположился Мефистофель — тот самый лукавый искуситель из немецкой легенды, в плаще, с короткими рожками из-под лихо надвинутого берета. Положив ногу на ногу и придерживая шпагу на коленях, он оглушительно захохотал.

Прикрыв глаза рукой, один агент открыл пальбу, а другой, видимо, более веривший в загробную жизнь, всхлипывая от ужаса, бросился к двери. Мефистофель вскочил с кресла, обнажил шпагу — и снова сильнейший разряд потряс комнату, довершая разгром. Дьявол исчез, пахнуло озоном и... серой, как и полагается при подобных исчезновениях.

Я неудержимо, до слез расхохотался. Офицер, едва взглянув на мои документы, вернул их мне, энергично выругался и удалился с оскорбленным видом.

Мне оставалось только вернуться домой. Медленно проезжая по набережной, мимо бесчисленных памятников победоносным и разгромленным, но одинаково величественным полководцам, чьи кони угрожающе попирали земную твердь, я с тревогой и надеждой думал о Лоуренсе.

С тревогой, потому что опасался за судьбу его открытия, боясь, что генералы сумеют добраться до Лоуренса и начнут «печатать» солдат с матрицы какого-нибудь остервенелого вояки.

И с надеждой, полагая, что такого опытного чародея, наверно, не так-то легко поймать в силки.

Об авторе

Моисеев Юрий Степанович, журналист. Родился в 1929 году *в* Кургане. Окончил Московский институт цветных металлов и золота и факультет журналистики МГУ. Автор нескольких десятков статей, репортажей, популяризирующих достижения науки и техники. Публикуемый рассказ — первое выступление автора на страницах альманаха. В настоящее время работает над новыми научно-фантастическими рассказами.

СОПЕРНИК СОГОРА

О. Гурский

Фантазия

—Второе «я» человека — что это? Реальность или мираж, возникающий из-за склонности ума к сомнению и контрастам? Раньше я не думал об этом особенно, а теперь... Впрочем, просто устал. Сегодня лучше отбросить мысли. Только бродить, любоваться небом и деревьями, слушать птиц. И не думать, не думать.

— Боишься?— шепнул кто-то в уме.— Сомневаешься?

Опять он! — Согор невольно оглянулся. Дорога оставалась безлюдной.— Боюсь? Но кого? В чем сомневаюсь?.. Конечно же, этот шепот — отрицательная, «теневая» реакция ума. Нельзя принимать ее всерьез. Это не больше чем отражение в зеркале: все наоборот. Но за зеркалом-то пусто, никого! Никакого второго «я». Крепов иного мнения. Он уверен, что второе, третье и еще более «совершенные» «я» любого человека существуют на деле, что можно, эволюционируя, «возвышаться» до них, даже устанавливать с ними контакт, словно со своим будущим. Впрочем, Крепов — чудак. Какой большой ученый— без чудачеств? Кажется, и Ци-

олковский верил в свое время, что некоторые идеи могут быть внушены нам телепатически иными цивилизациями.

— Почему же ты встревожен? Страшишься итогов Плебисцита? Ведь если Рахманову удалось посеять сомнение в сознании общества...

— Глупость, чушь! — Он досадливо качнул головой.— Не пытайся уверить меня, что ты существуешь наяву. Беспощадный реализм — непременное качество всякого уважающего себя исследователя. Если бы мы давали волю фантазиям, которые возникают в мозгу, когда остаешься наедине с собой, наука давно рухнула бы. Исследователь тем отличается от фантазера, что умеет остановиться вовремя, отделить реальное от призрачного.

Что скажет Плебисцит? Поживем — увидим. Я и теперь утверждаю: Земля должна прекратить всякое вмешательство в события на Харнаре. Особенно сейчас, когда там смута.

А Рахманов — нетерпеливый мальчик, скороспелая слава вскружила ему голову. Есть такой тип людей: из жажды славы они пойдут на все...

— Ты не договариваешь.

— Ну да, Рахманов талантлив, не отрицаю. Несомненно, честен. Думаю, он искренне убежден, что земляне должны помочь цивилизации Харнара разом перешагнуть через века социальной и духовной эволюции. Но «неистовые» не хотят понять: харнарцы во всем станут надеяться на «богов», прилетевших «со звезд». Религиозный фанатизм надолго затормозит развитие. Собственная воля к жизни ослабнет — начнется вырождение...

— Пути помощи младшим многообразны! Если «неистовые» и ошибаются, то, может быть, лишь в способах. Рано или поздно Рахманов и его сторонники поймут, к а к надо помогать. Рахманов прав в главном...

— Послушай, кто ты, чтобы поучать? Рахманов, Рахманов!.. Это переходит границы.

— Сказать, почему тебе неприятно это имя?

— Ко всем чертям!..

Он раздраженно швырнул на дорогу цветы, собранные в парке. Вздохнул глубоко, осмотрелся. Впереди, за деревьями, показались сиявшие на солнце купола Информационного центра. А на другом берегу озера вздымались высоко в синеву серебристые чаши антенн. Мачтовые сосны замерли в предвечернем покое.

Согор приехал в Южный парк, чтобы немного отвлечься от впечатлений, связанных со Всемирной дискуссией о Харнаре, закончившейся вчера. Хотелось побродить в одиночестве по самым дальним аллеям, дать отдых нервам, напряженным до предела. Непостижимо, как оказался он рядом с Информом? Почему ноги привели его именно сюда, пока голова была занята размышлениями?

Он нерешительно остановился, глядя на усыпанную бурой хвоей почву, где цепочка муравьев бежала но тропинке-желобку от одного своего дома-города к другому. «Контакт цивилизаций»,— усмехнулся Согор и медленно направился к главному корпусу.

У входа в машинный зал гостя встретил оператор.

— Я хотел узнать...— Согор запнулся, отвел взгляд. Неприятно, что надо объясняться в намерении, которое родилось внезапно, из смутных чувств, мучивших его весь день.

Оператор — юноша с эмблемой добровольца, зачисленного в списки желающих лететь на Харнар,— изо всех сил старался казаться спокойным. Он загораживал собой экран: смотрел какую-то передачу и не успел выключить.

— Голосование не закончено, ждем сообщений с планет,— сказал он почтительно. Согор видел его усилия остаться невозмутимым. Мальчика выдавали яркие искры удивления, мелькавшие в глубине чистых зеленоватых глаз.

Пчела, сердито жужжа, запуталась в каштановой шевелюре парня. Он растерянно отмахнулся, переступил с ноги на ногу. Согор взглянул на экран. Конечно, смотрит хронику дискуссий, закончившихся перед Плебисцитом!

Выступал Рахманов — человек с загадочным прошлым, один из самых популярных вождей движения «неистовых». Это была заключительная речь Рахманова в защиту землян, присоединившихся к восстанию на Харнаре,.. Снова Рахманов, всюду этот человек!

— Сводка поступит в Высший Совет без промедления,— добавил оператор, заметив, что гость не торопится уходить.— Вы же знаете — пока итоги не обнародованы... нельзя... Извините...

Он пунцово покраснел. Согор повернулся, пошел вдоль гулкого коридора. Когда спускался в парк, почудилось, что мраморные ступени тихо колеблются под ногами.

Как он мог! Неужели и впрямь он ждет от Плебисцита чего-то, что подорвало бы убежденность Согора — мыслителя, увенчанного громкой славой,— в справедливости провозглашенного им Пути? Что же означает в таком случае этот визит в Информационный центр? Неужели все-таки сомнение? Но можно ли сомневаться, что человечество сделает самый верный выбор? И разве на протяжении шести десятков лет мнение общества когда-либо расходилось с мнением Согора, председателя Высшего Совета? В том числе по самой острой проблеме века — контакту с Харнаром?

Согор стремительно шагал по бесконечным, расцвеченным радугами улицам вечернего города, будто надеялся убежать от своего стыда. Прохожие узнавали знаменитого человека. Многие сдержанно приветствовали его. Некоторые с откровенным любопытством провожали глазами.

Широкие неразличимые экраны Мирового информа озарялись калейдоскопами объемных телекартин — экстренных сообщений. Кое-где в скверах люди толпились у экранов поменьше: там передавали хронику Всемирной дискуссии о Харнаре и помощи восставшим. Мелькали кадры, только что полученные с далекой планеты через антипространство. На Харнаре разгоралась небывалая в его истории война угнетенных против древней касты технократов, которые, стремясь окружить себя ореолом божественности, именовались «бессмертными».

Глядя на мерцающие в воздухе изображения, Согор узнавал лица известных ораторов, философов, ученых, принявших участие в Дискуссии. Видел и себя: вот он выступает перед народом в защиту политики постепенного и осторожного развития контакта с Харнаром. Но когда в голубоватой дымке экрана возникало худощавое, вдохновенное лицо Рахманова, его полные страсти и могучей мысли глаза, Согор замедлял шаг, против воли вслушивался в звенящий, призывный голос:

«...реальная помощь харнарцам должна быть бескровной — утверждают сторонники «невмешательства». Они предлагают нам игнорировать восстание, оставаться наблюдателями, терпеливо взирать, как «бессмертные» уничтожают тысячи рабов, брошенных крайним отчаянием на штурм тирании! Но это ли путь, каким должны следовать люди? Зло, насилие везде во Вселенной остаются для человека злом и насилием! Если мы не придем на помощь харнарцам, среди которых сейчас немало и наших добровольцев, избравших дорогу чести, будущие поколения двух цивилизаций проклянут нас за малодушие, а наш век нарекут позорным!..»

Толпа, освещаемая вспышками алого, зеленого, золотистого огня, струящегося сверху и из-за деревьев, роптала. Согор слушал, вглядывался в лица, пытаясь уловить общее настроение. Но это было невозможно: Рахманова сменяли другие ораторы — мнения колебались, расходились, сталкивались.Там и тут возникали ожесточенно споривше группы.

Усталость нахлынула внезапно. С трудом Согор добрался до свободного вибролета, рухнул на сиденье, круто взмыл в темнеющую вышину. Через минуту зарево огней померкло за горизонтом.

Земляне той эпохи миллионами покидали планету-прародину для разумной колонизации других планет Солнца. Но остающиеся на Земле заботились о том, чтобы колыбель человечества сохранила свою природную красоту и неповторимость. «Человек и природа едины» — этот принцип жизни стал одним из главных в коммунистическом обществе.

Исчезли с поверхности Земли старые, калечившие психику человека города-гиганты, дымные, грохочущие заводы, паутина

электролиний. Скрылись глубоко в шахты предприятия-автоматы, склады продукции и сырья, г, тоннелях — транспорт. Новые города стали центрами науки, искусства. Люди Собирались сюда для того, чтобы исследовать в тиши лабораторий, искать и спорить, наслаждаться счастьем творчества. Жилые дома всевозможных архитектур и расцветок, построенные в согласии с желаниями и фантазией их обитателей, были разбросаны в самых живописных местах планеты.

Конечно, по-прежнему оставалось немало горожан — главным образом молодежи. Однако многие предпочитали жить среди лесов, как Согор, или альпийских лугов и скал, у морских побережий, водохранилищ и рек, на естественных или искусственных островах, в подводных поселениях. Каждый избирал место для жизни там, где ему вольней дышалось, но мог без особых трудностей — с помощью ближнего бюро жилищ — сменить наскучивший пейзаж на иной.

Шестимиллиардное население планеты оказалось так гармонично размещенным по ее поверхности, что люди могли месяцами не встречать других людей в окрестностях своих усадеб.

Но человечество не разобщилось. Всеохватывающая система Мирового информа позволяла населению Земли и других обитаемых миров Солнца ощущать себя, как никогда прежде, одним организмом — мыслящим и действующим Единым Нечто.

Согор летел домой, в раздольную тишину лесных заповедников. Он так любил воскрешенную природу этого края, что ощущал себя ее малой, но кровной частицей. Оборви нити этой связи — и сгинет человек от жгучей тоски, мучительной ностальгии, которая не одному землянину закрыла дорогу к звездам.

Вибролет, покорный мысленному приказу, плавно снизился на поляне, рядом с увитой плющом террасой. Зубчатые силуэты елей-великанов чернели по краю ночного неба. Две-три постоянные космические станции, ритмично перемигиваясь разноцветными сигналами, плыли глубоко среди неоглядной бездны.

Идти в дом не хотелось. Ночь выдалась на диво теплая и тихая — совсем особая ночь. Или Согору так казалось после многодневной битвы идей, в которой могучие умы, воля, страсти сшибались, как новоявленные рыцари на турнире, где зрителем стало все человечество?

Он свернул к роще. Пахучие ветви лип мягко касались сурового лица, скользили по серебру непокорных волос.

Рахманов — вот о ком думал он снова. Несколько раз он видел этого человека в доме своего старого друга Якова Крепова — директора Института психики. Ирония судьбы: Рахманов — один из любимейших учеников Крепова... Согору все никак не удавалось разузнать поподробнее о прошлом Рахманова. Тот появился в философии почти внезапно и вскоре завоевал популярность

независимой смелостью своих идей. Один из немногих, он дерзал критически относиться к фундаментальным трудам Согора. И признанный миром, суровый гений иногда ощущал, что не находит достаточно метких аргументов, способных разрушить гибкие диалектические построения молодого соперника.

Сумрачная пропасть открылась внезапно у ног Согора. Внизу чуть слышно шумели волны искусственного моря. Цепляясь за кусты и траву, он стал спускаться. На крутизне кустик бурьяна ослаб под рукой — Согор лишь чудом не сорвался. Прижавшись к обрыву, так что влажные травинки коснулись разгоряченного лица, он осторожно нащупывал ногой опору.

Ему повезло: ниже оказалась узкая тропинка. Она тянулась за поворот кручи. Медленно Согор двинулся туда, надеясь отыскать место, удобное для спуска. Тяжелая глыба качнулась под ним. Он едва успел шагнуть вперед. Рискуя сорваться, добрался до поворота, перевел дыхание. Теперь он стоял на неширокой площадке, надежно укрепленной порослью молодого кустарника.

Под собой Согор увидал костер и людей возле него. Пламя скупо освещало их лица. Подняв головы, люди старались разглядеть, кто швыряет с обрыва комья. Согор поспешно отступил в тень. Не хватало, чтобы главу Высшего Совета застали за странным занятием — карабкающимся ночью по косогорам.

— Конечно, камень сорвался,— громко молвил кто-то у костра. Согор замер, узнав насмешливый голос своего внука Марка. Давненько они не виделись! Два года назад между ними произошла ссора. Мальчик надерзил деду: тот не хотел отпустить его в школу астронавтов. Разве не достаточно было двух жертв ненасытному космосу из семьи Согора — родителей Марка? Кроме того, внук рос взбалмошным парнем, не сумевшим пока обнаружить призвания к какому-либо серьезному занятию. По-своему умный, даже талантливый, он устремлялся сразу в десятки направлений, переменил несколько профессий — и разочаровался во всех.

С затаенной горечью он бывало шутил над собой: «Типичный пустоцвет, как и положено быть потомку гения! Дед похитил у нашего рода всю мыслительную и деятельную энергию вплоть до десятого колена вперед...» Занимаясь в избранной школе, он через год позвонил Согору и сказал: «Ты должен меня понять и простить». «Должен?» — укоризненно переспросил Согор. Смущенный внук ретировался с экрана. Потом они кое-как помирились, но Согор оставался суровым к Марку, а в душе надеялся, что «астронавтическая блажь» рано или поздно тоже испарится из его головы.

— Дедушка вернется не раньше чем станет известно о результатах Плебисцита,— долетел снизу другой голос — единственной и любимой внучки Согора Оли, заботливой хозяйки его пустынного жилища.

— Как трудно переживает он бесконечные распри, озлобленные споры о Харнаре! — продолжала она.— Если бы вы знали, вы оба не были бы так беспощадны.

— Ах, оставь! Ты рассуждаешь чисто по-женски,— упрямо возразил Марк сестре, продолжая начатый раньше спор.— Как могли наши быть на Харнаре безучастными, если против диктаторов поднялись почти все города и население большинства провинций! Имеем ли мы право называть себя людьми коммунизма, если земные принципы справедливости и гуманности утрачивают на Харнаре силу только оттого, что это «чужая» планета и другая цивилизация?

— Что же ты прямо не скажешь об этом дедушке? — возмутилась Оля.-— Чего-чего, а предательства за спиной он никогда не ожидал.

— Предательства?! — насмешливо воскликнул Марк.— Но знай же, что в тысячу, в миллион раз хуже предательство, которое мы совершаем нашей «благоразумной» политикой невмешательства в судьбу харнарцев! Хотим все предоставить «естественному» течению событий! Боимся лишить иное человечество его собственной истории? Но какой истории? Разве непременно Харнар должен пройти через все муки исторического ада, чтобы стать цивилизованным, свободным? Разве они не вправе рассчитывать на нашу помощь? Ведь это мы, «сыны звезд», рассказали многим из них, что рабство не единственное и не вечное общественное состояние, что есть голубая планета, где люди свободны, добры, великодушны и высшая радость для любого — посвятить себя борьбе за счастье других людей.

— Счастье!.. Это счастье, что дедушка не слышит тебя сейчас! — отвечала Оля. — Своей неразумной дерзостью ты снова заставил бы его страдать.

Согор не мог больше оставаться в укрытии. Сегодня поистине день невезения и глупостей! Сперва — нелепый инцидент в Южном парке, а теперь пришлось подслушать чужие секреты. Он шагнул к краю площадки, чтобы окликнуть спорящих. Но в эту минуту взгляд Согора скользнул по лицу того, кто сидел между Марком и Олей и пока что молчал. Кажется, кто-то знакомый? Оля, словно уловив мысль Согора, обратилась к этому человеку:

— Ваше влияние, Андрей! Горько, что именно вы... настраиваете Марка против дедушки.

В ее упреке прозвучали неведомые прежде Согору, поразившие его интонации.

— Оля, вы ошибаетесь,— взволнованно, но мягко ответил тот, кого она назвала Андреем. Рахманов! Зачем он явился сюда?

Согор припомнил, что внук не раз говорил ему о своей дружбе с Рахмановым, с которым познакомился у Крепова. Так вот отчего Марк сделался таким колючим в последние два года! Оля права: это влияние вождя «неистовых»,

— Вы неправы, полагая, будто я настраиваю Марка против его великого деда,— продолжал Рахманов.— Ваш брат сам способен разобраться во всем. К тому же Согор — говорю вам: от чистого сердца — всегда был для меня идеалом человека.

— Как понять вас? — Оля недоуменно подняла на него глаза.— Ваши язвительные речи... Каждое их слово направлено против требований Согора не вмешиваться в дела харнарцев.

— Сколько себя помню, я любил Согора как нашего духовного вождя,— отвечал Рахманов,— но когда стал замечать, что смелого мыслителя вытесняет расчетливо-холодный политик... Не сердитесь! Согора надо спасти от него самого — вот какие слова услыхал я однажды. А Марк прав: мы рассказали рабам Харнара о Земле. Теперь там восстание. И наше место там.

— Можно ли наносить учителю — ведь вы считаете Согора своим учителем — более жестокие удары, чем вы это делаете? — спросила Оля, но не очень уверенно. Она не отрывала глаз от лица Рахманова. У Согора ревниво сжалось сердце. Он до боли ясно понял смысл этого взгляда!

— Знаю, дед снова рассердится,— долетели до Согора слова внука.— Поэтому прошу тебя: скажи ему обо всем сама, но после. Наша группа летит через неделю, с попутной экспедицией. Сперва на Плутон, оттуда — к Харнару.

— Как, и та тоже? Нет! — подняв руку, отшатнулась Оля.— Разве ты забыл: этот проклятый Харнар отнял у нас отца!

— И поэтому я должен быть там! — возразил Марк.— Не трать слова, все обдумано и решено давно, и ты этого не изменишь. Да так оно и лучше,— голос Марка зазвучал небрежно.— Люди, подобные мне, вечно не в своей тарелке на нашей роскошной, слишком благоустроенной Земле. Может, в другом мире я отыщу и свою «стезю»? Или сумею по крайней мере — как в старину-то говорилось? — умереть благородно.

— Ни за что! Как же я? Дедушка... Ты подумал о нем? Не слишком ли много ударов для одного человека! Ты не посмеешь, не посмеешь!.. — твердила потрясенная Оля, глядя на брата глазами неистово любящей матери. — Андрей, — повернулась она к Рахманову, — ну скажите вы ему! Что он задумал — улететь навсегда!

— Оленька, пойми, наш долг...— начал Марк. Она отшатнулась, прижимая к лицу ладони.

Ночная птица мелькнула над их головами, крикнув протяжно, и растаяла над морем. Костер угасал. Подул влажный ветер, его порывы гнали искры вдоль берега. Алые точки метались одна за другой, исчезая далеко в темноте.

Оля зябко повела плечами, вздрогнула.

— Поздно. Пора домой.

Она медленно пошла вверх по тропинке. Марк и Рахманов, подавленные, растерянные, следовали за ней. Вскоре они скрылись за поворотом.

Эту ночь Согор провел в лесной глуши, у подножия хмурых елей, до утра бормотавших над ним старинные сказки, полные наивных чудес, мало понятные нынешним людям.

Рассвет обжег края белых облаков. Одинокие птахи, обитавшие в этом затерянном краю, посвистывали где-то вверху редко и робко, как бы не решаясь нарушить первозданную тишину.

Согор неторопливо продвигался все глубже в чащу, озираясь кругом. ЖАДНО вдыхал крепко настоенный смолистый воздух, в котором каких только изумительных запахов не было! Прошлогодней прели и молодой хвои, диковинных трав и скромной красавицы лесной фиалки; соблазнительные запахи грибов, едва уловимый — пушистого нежного мха; грустный аромат, исходивший от коричневых лодочек коры, упавшей с мертвых елей, и горьковатый — осинника. Ручей в овраге глухо бурлил, прыгая по скользким валунам.

Лес поредел. Странник выбрался на просеку. Она тянулась далеко к синему горизонту. Туман кое-где плавал над ней, но заря разгоралась неудержимо, тонкие копья золотых лучей косо пронизывали мокрые кроны берез и голубоватых сосен, озаряя лес и просеку таким веселым, ласковым светом, что душа человека отзывалась ему ликующей музыкой, полной ничем не омраченной радости. Лето стояло на редкость теплое, с короткими, но частыми яростными грозами.

Глядя вокруг, Согор замечал необычайно обострившимся зрением рассыпанные там и тут в траве рубиновые ягоды костяники. Они сверкали, словно крохотные искры расколотой солнцем зари. Плотный, симпатичный гриб боровик недоверчиво глядел на невесть откуда взявшегося человека из-под коричневой от загара шляпки — неужто сорвет? Стройный колокольчик гордо раскинул светло-голубые цветы; кажется, тронь их — и зальются, зазвенят тонко, серебристо.

«Даже и здесь ты не смог бы скрыться от самого себя». Эта мысль возникла так неожиданно, что Согору почудилось, что кто-то незримый, идущий рядом сказал это.

«Опять о н? Преследует всюду! А может, Крепов прав — и мы всю жизнь носим в себе двойника, свое реальное второе «я»? Нет, прочь, никогда не приму! Этого не может быть, потому что... это слишком против разума».

Он больше не слышал музыки в душе, не замечал лесной красоты. Солнце, птицы, травы — все вдруг исчезло для Согора, провалилось в иную пространственно-временную плоскость.

«...Планета зла — Харнар! Ты погубил сына и его друзей, к несчастью открывших тебя. Почему же все новые и новые люди нашего человечества неудержимо стремятся туда? Что влечет их? И зачем встретился он, мрачный, уродливый мир, на пути наших звездолетов именно в этот век! Какие грандиозные замыслы рухнули! Как изменилось направление эпохи, как смутились и ожесточились умы! Теперь Харнар отнимает у меня внука, может

быть, и внучку — последнее родное дитя. Что там! Приходится лишаться гораздо большего: убежденности в том, что понимаешь стремления и волю миллиардов людей, избравших тебя на первый пост в обществе...»

Он вызвал вибролет. По дороге из передач Информа узнал почти с равнодушием, что большинство голосов на Плебисците отдано за всестороннюю и широкую помощь восставшим харнарцам. «Неистовые» победили. Рахманов мог торжествовать. Согор отрешенно смотрел на расстилавшееся внизу водохранилище, думая о том, что пришла старость — одинокая, никчемная.

Оля и Марк встретили его в аллее перед домом. У девочки веки покраснели от слез, губы вздрагивали.

— Дедушка! — Она прильнула к нему.— Наш Марк... Ты только послушай, что он надумал...

— Знаю,— сказал Согор.— Извините меня,— он повернулся к внуку,— этой ночью на побережье я нечаянно подслушал ваши тайны.

Лицо Марка вытянулось. Согор пошел в дом.

— Там дядя Яков,— слабо крикнула Оля.— Он ждет тебя со вчерашнего вечера.

Крепов, сгорбясь, сидел в кабинете у стола. Увидев Согора, вскочил, потирая щеку.

— Вздремнул в твоем кресле. Ты из Совета?

— Из леса.

Крепов сокрушенно качнул головой. Согор молча стоял, не отходя от двери. Ему не хотелось говорить сейчас даже с Яковом. Тот вопросительно смотрел на друга.

— Пришел выразить соболезнование?

— Нет, Александр,— медленно и очень уж отчетливо сказал Крепов, — не успокаивать тебя пришел, а... — Он запнулся. Криво усмехаясь, докончил: — добивать.

— Вот как? — сдвинул брови Согор.— Уж не для того ли привез и Рахманова?

— Гм... Что ты думаешь о Рахманове?

— Хочешь знать, может ли он стать моим преемником? — бесстрастно спросил Согор.— Да, может.

— Так оно и должно быть,— словно рассуждая про себя, пробормотал Яков.— Конечно, он — ото не совсем ты. Организм иной...

Согор пересек комнату, опустился в кресло. Горько спросил:

— Для чего ты говоришь это мне?

Крепов, невысокий, порывистый, заметался от окна к двери и обратно, раздраженно бросая колкие слова, точно давняя преграда рухнула в нем:

— Согор — гениальный мыслитель! Согор — величайший философ! Все привыкли к этой истине. Но появляется юноша и говорит: не согласен. Каково?

— Яков, знаю... ты можешь быть беспощадно злым. Но зачем же теперь?

Крепов споткнулся на ровном месте, застыл. Помолчав, спокойней и мягче продолжал:

— Мне часто вспоминается наша юность, Александр. Не иначе — старею, а?

(Значит, тоже, как и Согор, думал о старости.)

— Ты и тогда — помнишь? — был всюду первым. И в то время ты... подавлял всех мощью своего ума.

Согор пожал плечами и не ответил.

— Со мной ты был особенно добр,— вновь забегал по комнате Крепов.— Когда я, побежденный тобой на философском диспуте, тупо твердил, что не может быть человек постоянно прав, что это неестественно и ошибаться должно всякому, что, наконец, путь познания всегда идет через противоречия и ошибки, ты соглашался. И продолжал быть «самим собой» — Согором непогрешимым! Нет, это сильнее тебя... Не припомню, чтобы за годы нашей дружбы ты хоть раз сказал, что в чем-то неправ. Ты незаметно стал сверхчеловеком. И знаешь, это трагедия — для тебя и всех нас!

Согор нетерпеливо хмурился. Крепов не хотел замечать.

— Саша, будь ты весь, до последнего атома, создан из разумного и доброго — все равно это страшно. Не может быть человека непогрешимого! Не может быть учения, созданного одним человеком и даже многими людьми, которое было бы верно «и днесь, и присно, и во веки»! Когда-нибудь ты должен был бы начать ошибаться. И чем позже это случилось бы, тем хуже. Твои ошибочные решения большинство принимало бы как единственно верные. Кто же станет возражать против сказанного Согором! Настало бы: время (а может, оно давно настало?), когда миллионам людей пришлось бы тяжелой ценой расплачиваться за святую веру в тебя. Согора можно спасти от него самого, лишь доказав, что и он способен противоречить себе.

— Вчера я уже слыхал эти слова. Но никак не думал, что их автор ты.

Крепов, остановись посреди комнаты, разглядывал Согора так, будто впервые увидел его в ином, необычном измерении.

— Рахманов... ты совсем не знаешь его...— Крепов сказал это, как бы подбирая слова.

— Опять Рахманов! Какое мне до него дело! Ты слышал мое мнение — что же еще?

— Я должен тебе кое-что рассказать.

Согор махнул рукой.

— Это касается тебя,— настаивал Яков.— Однажды в нашем институте погиб молодой ученый, необычайно одаренный. Погиб трагически.

— Тот, что тайком ставил опыты над своим мозгом и погубил его?

— Помнишь? Он хотел сделать управляемой область подсознания. Юноша этот был талантливее на порядок или два

любого из нас. Мы не могли смириться с тем, что его больше нет. Тогда мы решились на операцию по пересадке мозга...

— Вот как? И этот ученый стал?..

— Он стал философом. Конечно, это был совсем не выход. Но еще задолго до того случая мне не давала покоя одна мысль...

— Бедняга! Ты никогда не рассказывал о нем.

— Мы держали втайне эту историю.

Согора взволновала трагедия Рахманова. Вся его неприязнь к сопернику сразу исчезла.

— Но он мало потерял от такой... операции,— удивленно сказал Согор.— Как вам удалось?

— Ему дали копию мозга другого человека. Лучшего мозга планеты...

— Копию? Жаль, что я мало знал об этих ваших экспериментах. Чью яге копию?

— Твою,— отчетливо сказал Крепов.

Согор вздрогнул.

— Погоди осуждать, Саша. Пойми... — Яков смотрел умоляюще.

— Как это случилось? Когда?

— После ...сской неудачи. Вспомни.

Согор помнил. Пятнадцать лет назад он присутствовал на полигоне при первой отправке корабля в антииространство. Окончилась она катастрофой. Согор в числе немногих уцелел, но долго лежал в клинике Крепова, находясь на грани между жизнью и смертью.

— Мы тогда очень боялись за тебя. Надежды-то почти не было. После третьей операции приняли решение снять с твоего мозга копию. Потом...

— Двойник...— прошептал Согор посеревшими губами. Крепов опустил голову. Растерянно звенел комар, заблудясь в углу. Молчание становилось невыносимым. Согор резко встал, направился к выходу.

— Где он? — спросил, не оборачиваясь.

— Остановись! — сказал Крепов.— Вы не увидитесь больше никогда.

Согор с исказившимся от гнева лицом повернулся и впервые за этот день глянул другу прямо в глаза.

— Что ты с ним сделал, безумец?

Крепов ответил укоризненным взглядом.

— Прости... Но ты... ты...

До боли сцепив руки за спиной, Согор отвернулся, стал смотреть в окно.

— Андрей прилетал сюда вчера, чтобы проститься с Олей,— сказал Крепов.— Он уже далеко.

— Рахманов мог бы стать... председателем Совета,— глухо вымолвил Согор.

— Нет. Он сказал мне, что Харнар — его новая родина и ей он отдаст все. Правь: «неистовые» или нет — покажет время,— так он велел передать тебе.

«Может, в другом мире я отыщу и свою «стезю»,— возникли в уме слова Марка. И затем вновь т о т — саркастический голос: «Двойник исчез. Ну, а я? Как ты решил насчет меня?»

...Желторотый воробей, покачиваясь на упругой ветке рябины, настороженно разглядывал понурившегося седого человека. Потом задорно чирикнул что-то свое, вспорхнул и полетел прочь.

Об авторе

Гурский Олег Николаевич, член Союза журналистов СССР. Родился в 1928 году в Армавире. Окончил факультет журналистики МГУ. Публиковаться начал с 1944 года. Занимался переводами с языка урду. Автор многих статей, рассказов, очерков, рецензий и стихов для газет и журналов. Последние годы пишет в жанре философской фантазии. В альманахе публиковался дважды. В настоящее время работает над фантастическими повестями «Похищение Астарта», «Зона инертности» и рядом фантастико-философских статей.

ЗАЛИВ ДОХЛОГО КИТА

Владимир Михановский

Фантастический рассказ

Матч эпохи

К финалу «Добрые волки» и «Бородатые мальчики» пришли, как говорится, ноздря в ноздрю. У них было не только поровну очков, но и довольно редкий в футбольной практике случай — одинаковое соотношение забитых и пропущенных мячей. Завтрашняя встреча решала все. Победителям доставались платиновые медали, их ожидали двадцатиминутный прием у президента и слава национальных героев.

Болельщики горячо обсуждали шансы той и другой команды. Новый двухсотпятидесятитысячный стадион не мог вместить и пятой части жаждущих попасть на матч. Конечно, можно было следить за ходом борьбы и дома, у экрана видеозора, но ведь это, как известно, совсем не то. Роботы-полицейские увесистыми резиновыми дубинками поддерживали порядок на улицах, примыкающих к стадиону. Те, у кого изо рта попахивало спиртным, старались держаться подальше от неумолимых истуканов, ибо знали по опыту, что роботы-полицейские в тысячу раз хуже обычных полицейских, которые тоже далеко не ангелы.

Матч вызвал неслыханный ажиотаж в деловом мире. За спиной каждой команды стояли могущественные группировки трестов и монополий. Пари заключались на умопомрачительные суммы. Одни ставили на «Бородатых мальчиков», другие — на «Добрых волков». Горячка достигла такого накала, что, по словам одного спортивного обозревателя, «куча денег, брошенных на бочку, вершиной коснулась Луны». На «Бородатых мальчиков» ставила, в частности, всесильная «Уэстерн-компани», которую не без оснований считали государством в государстве. Сотни электронных машин без устали просчитывали всевозможные варианты игры. При этом принимались в расчет, казалось бы, самые незначительные обстоятельства, например то, что центр нападения «мальчиков» провел юные годы у двоюродной тетушки на Атлантическом побережье, а центр нападения «волков» — подумать только! — дважды перенес свинку.

Но вот наконец наступила торжественная минута. Счастливчики с билетами разместились на трибунах. На поле, окруженное рвом с водой и обнесенное колючей проволокой, резво выбежали обе Команды. На груди каждого «волка» красовалась оскаленная пасть зверя, давшего название команде. «Мальчики» были в своей традиционной белоснежной форме. Судья, сидевший в бронированном манипуляторе, глянул на секундомер — и серебристая трель пронеслась над замершим стадионом...

«Волки» сразу же ринулись в атаку. Они штурмовали ворота противника широким фронтом. Особенно опасным выглядел восемнадцатилетний форвард «волков», восходящая футбольная звезда. Он одинаково хорошо бил и с левой, и с правой, а «финтил» так, что болельщики «волков» только блаженно крякали или восторженно орали, размахивая шляпами. «Мальчики» ушли в глухую защиту. На трибунах возмущенно зашумели.

Президент «Уэстерн-компани» сидел на почетной трибуне и недовольно хмурился. Рядом стоял взволнованный тренер «мальчиков» и что-то быстро говорил, разводя руками. Президент несколько минут молча слушал, а затем сделал такой выразительный жест, что тренер с кривой улыбкой побежал вниз подбадривать своих питомцев. Президент компании отдал какое-то распоряжение соседу — мрачному человеку с высоким лбом. Тот утвердительно кивнул и тоже начал спускаться вниз.

Между тем накал борьбы нарастал. «Бородатые мальчики» несколько оправились после первого натиска «Добрых волков» и стали переходить в контратаки. Острые моменты возникали то у одних, то у других ворот. На четырнадцатой минуте форвард «волков», хитроумно обведя двух защитников, вышел один на один с вратарем. Тот нерасчетливо выбежал вперед, ворота остались пустыми. Трибуны замерли. Удары прославленного форварда всегда отличались точностью и силой. Но на этот раз мяч лишь скользнул по ноге нападающего и медленно выкатился за лицевую

линию. По трибунам пронесся гул возмущения. А «бородатые» уже атаковали.

— Вперед, мальчики! — громко крикнул тренер.

Несколько точных пасов, и вот уже левый инсайд «бородатых» выходит на ворота. Удар!.. Мяч попал во вратаря и отскочил в сетку.

Трибуны взорвались. Болельщики «бородатых» обнимали друг друга. Рядом с тренером этой команды сидел на плоском спортивном чемоданчике мрачный мужчина с высоким лбом. В руках он нервно вертел тросточку, богато инкрустированную серебром.

Не прошло и минуты, как «волки» сквитали мяч. Со счетом 1 : 1 команды ушли на перерыв.

В раздевалке «волков» было многолюдно. Полоская лимонным соком зубы, знаменитый форвард жаловался:

— Понимаете, ребята, только я собрался бить по мячу, а меня будто невидимой подушкой по голове ударили.

— Знаем мы эту подушку,— угрюмо ответил стоппер. — Ее зовут Марианна, и она вполне видимая, даже осязаемая. Не надо было торчать на танцульке целый вечер.

— Растратчик энергии,— язвительно добавил кто-то.

— А, да ну вас! — окрысился форвард.— Я дело говорю, а вам шуточки...

Во втором тайме страсти еще более накалились. Вот когда пригодился судье его кибернетический манипулятор! Умная машина ловко прыгала по полю, следуя за мячом и не задевая игроков, а судья в прозрачной кабине чувствовал себя очень уютно.

Команды оказались достойными друг друга. Блестящие финты, быстрые комбинации. И все-таки к концу встречи определился перевес «волков». Они били по воротам противника чаще, однако их удары все время оказывались либо неточными, либо слишком слабыми. Белые футболки стянулись к собственным воротам.

Но вот мяч подхватил защитник «мальчиков». К нему бросился один из «волков» и, споткнувшись о невидимую преграду, распластался на траве. Такая же судьба постигла и второго «волка», попытавшегося исправить ошибку партнера. Защитник беспрепятственно прошел все поле, подбадриваемый оглушительными трещотками и выкриками болельщиков, и на какое-то мгновение замешкался перед воротами. Вратарь, растерявшись, вместо того чтобы броситься в ноги «бородатого», застыл на месте, нелепо растопырив руки. Мяч оказался в сетке.

Со счетом 2 : 1 в пользу «Бородатых мальчиков» закончилась эта встреча.

Всю ночь огромный город не спал. До самого утра улицы оглашались воем сирен «Скорой помощи». Прокатилась волна самоубийств. Мелкие клерки и служащие компаний, поставившие все свое состояние на «Добрых волков», чаще всего выбирали наиболее, по их мнению, удобный способ перехода в лучший мир: плотно прикрыв на кухне окна и двери, открывали кран газовой

плиты. Зато «Уэстерн-компани» положила в свои бронированные сейфы четырнадцать миллионов. Право же, неплохие дивиденды за такой рекордно короткий срок - два тайма по сорок пять минут Правда, чтобы направить события в нужное русло, были сделаны и некоторые затраты, но о них знали лишь президент «Уэстерн-компани» Джон Вильнертон Младший да еще два-три человека.

Целую неделю — а это немало! — сенсационный матч давал богатую пищу газетам, радио и телевидению. А затем пришли новые события, и «матч эпохи» стали понемногу забывать.

Загадка залива Дохлого Кита

Но не забывала о матче могущественная группировка, противостоящая «Уэстерн-компани». Агенты десятка частных сыскных бюро развили бурную деятельность, подогреваемую щедрой оплатой. Они пытались отыскать в организации матча какой-нибудь подвох, чтобы опротестовать результат игры. Налицо имелось немногое: путаные объяснения форварда «волков» относительно невидимой подушки, помещавшей ему забить верный гол. Нечто подобное испытал и вратарь, но он предпочел умолчать об этом, опасаясь, что его поднимут на смех или, чего доброго, продадут какому-нибудь второразрядному клубу, а то и просто выгонят из команды. Центрфорвард — другое дело, он звезда и может позволить себе любые капризы и чудачества.

Без лишнего шума опросили всех работников стадиона. Но это не дало никаких результатов. Ни к чему не привело и тщательное обследование футбольного поля. Каких-либо «магнитных ловушек» или других каверз не обнаружили.

В это время произошло одно незначительное событие. Волны залива Дохлого Кита, широкой подковой охватывающего город, выбросили труп. В ряду десятков других самоубийств этот случай прошел бы незамеченным, тем более что в кармане пиджака утопленника нашли записку, написанную не расходящимися в воде чернилами. Она гласила, что этот человек просит в его гибели никого не винить. Казалось, ничто не предвещает сенсационных разоблачений. Однако...

Сыщик Николь Адамс, состоящий на службе у противников «Уэстерн-компани», побывав по долгу службы в одном из городских моргов, обратил внимание на труп мужчины с высоким лбом и сросшимися бровями. Сыщика преследовала мысль, что он где-то уже видел этого человека. Но где? В клубе? На скачках? И тут вдруг Адамс вспомнил бушующий стадион, ненавистного президента «Уэстерн-компани» (ведь именно в ее широкие карманы утекли кровные денежки сыщика) и плотную фигуру высоколобого. Весь стадион видел этого человека рядом с президентом Вильнертоном. Профессиональное чутье не могло обмануть Адамса. Надо установить личность утопленника! Но сделать это оказалось не так-то легко. Никаких документов, кроме записки, в карманах самоубийцы не обнаружили. Ничего не могли прибавить нового и обширные досье городской полиции.

Итак, только записка — листок, наспех вырванный из блокнота. Бумага высшего качества, не боящаяся воды. Нетрудно было установить, что такие блокноты продавались лишь в одном пис-

чебумажном магазине. Дальше дело не двигалось. Тогда сыскное бюро придумало хитрый маневр. В газетах было помещено объявление, что найден утопленник с такими-то приметами и при нем значительная сумма денег. Для опознания трупа предлагалось явиться по указанному адресу.

Вскоре в морг явился респектабельный человек и сказал, что он давний друг покойного.

— Когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились? — спросил служитель морга.

— Это что, допрос? — вспылил пришедший.

— Всего лишь необходимая формальность.

— А по-моему, совершенно излишняя. Вы дали объявление, я пришел. Чего еще? В нашей стране, слава богу, каждый имеет право...

— Как хотите,— равнодушно перебил служитель.— В таком случае я не смогу вам показать, а тем более выдать труп.

— Послушайте,— ласковым тоном сказал незнакомец,— вы ведь деловой человек, не так ли? — С этими словами он вынул из кармана пачку банкнот.— Здесь ровно тысяча. Думаю, хватит?

— Что это? — округлил глаза служитель.— Подкуп должностного лица?

— Странный человек! — проворчал посетитель.— Ведь это для вас сущий пустяк. Скажите, что выдали труп родственнику, и делу конец. Расписку оставлю...

Рука служителя морга потянулась к видеофону: на лацкане пиджака посетителя служитель давно приметил маленького серебряного льва. Такой значок носили высшие чиновники «Уэстерн-компани». Это обстоятельство и сделало служителя столь неподкупным. Сыскное бюро обещало ему вдвое большее вознаграждение, чем предлагал посетитель, если удастся установить какие-то связи утопленника с этой компанией.

Но посетитель тоже был настороже. Натренированным движением он схватил служителя за кисть руки и сжал так, что у того в глазах потемнело. А когда служитель пришел в себя, в приемной морга никого уже не было.

Следы ведут в «Уэстерн-компани»

Через два дня в морг явилась небогато одетая женщина с заплаканным лицом.

— Я по объявлению,— сказала она и протянула служителю вырезку из газеты.— Покажите мне его!..

— Простите, миссис,— сказал служитель,— кем вы приходитесь самоубийце?

— Кто его убил? — спросила женщина, зарыдав.— Ради всего святого, скажите, кто его убил?

— Успокойтесь... Его никто не убивал. Он утопился, понимаете?

— Неправда! — Глаза женщины засверкали от гнева.— Майкла убили, я знаю. Он мешал кому-то, и его убрали.

Из соседней комнаты появился детектив: после случая с первым посетителем сыскное бюро удвоило бдительность. Детектив привел женщину к своему шефу, и она рассказала следующее.

Вместе со своим мужем Майклом Кардингом она жила на Юге, в небольшом провинциальном городке. Майкл работал инженером в научно-исследовательской лаборатории и пользовался в научных кругах немалым авторитетом. Как-то он получил весьма заманчивое предложение от крупной компании «Уэстерн». Компания заинтересовалась его работами по исследованию биотоков головного мозга и предложила приличное вознаграждение за сотрудничество с одним непременным условием: полная секретность всех исследований.

— Ему даже писать домой запретили,— рассказывала женщина, судорожно комкая носовой платок.— Но Майкл все-таки переслал мне тайком несколько писем.

— О чем же он писал? — спросил начальник сыскного бюро.

— Вначале сообщал, что работой доволен и надеется уговорить босса, чтобы он разрешил приехать мне с малышом. Денег прислал... Второе письмо я получила через полтора месяца. Оно было куда менее радужным. Майкл сообщил, что приехать к нему пока нельзя, и умолял не расстраиваться. После завершения работы он надеялся получить кучу денег.

— Скажите,— спросил начальник сыскного бюро,— а ваш муж никогда не намекал, какого рода работой он занимается в «Уэстерне»?

— Нет, что вы! Ведь он дал подписку... Хотя нет... В одном письме что-то было. Только я не помню точно... В общем что-то связанное с биотоками.

— Письма при вас?

— К сожалению, нет... Как только я прочла это,— женщина указала на газетную вырезку,— я сразу же приехала сюда и остановилась в отеле. Ко мне. в номер вскоре пришел какой-то человек. Он отрекомендовался другом и сослуживцем моего мужа и сказал, что для установления виновника гибели Майкла ему необходимы все его письма...

— И вы отдали? — вскричал шеф.

— Поначалу я не поверила. Но он показал мне свое служебное удостоверение, где было сказано, что он является сотрудником лаборатории биотоков «Уэстерн-компани». И тогда я отдала ему письма... Он так сочувствовал моему горю. Это был серьезный, представительный мужчина... Чем-то даже похожий на моего мужа.

— Ну, а особые приметы?

— Особые приметы? — Женщина задумалась.— Да никаких, пожалуй. Разве что брови были у него слишком густыми, и, когда он хмурился, они сходились на переносице в одну линию.

— Благодарю вас, миссис Кардинг,— сказал шеф.— Вы оказали нам ценную услугу.

— А как же Майкл? — спросила женщина, поднимаясь.— Вы найдете его убийц?

— Непременно, миссис Кардинг.

— Говорю вам, он не мог по доброй воле уйти из жизни,— горячо заговорила женщина.— Он так любил меня и малыша. Это все проклятая «Уэстерн-компани».

Дело осложняется

Постепенно у шефа сыскного бюро возникла твердая уверенность, что Высоколобый — такое прозвище получил Майкл Кардинг в заведенном на него досье — был утоплен и это убийство — дело рук «Уэстерн-компани». Но нужны неопровержимые улики. Кроме того, необходимо установить связь между убийством Кардинга и обидным проигрышем «Добрых волков». Если бы только удалось! Какие деньги получил бы он от хозяина!

Вскоре шефу доложили, что детективы выследили в городе человека со сросшимися бровями и установили за ним слежку.

— К вам посетительница, шеф,— пророкотал дежурный робот, огромная фигура которого едва протиснулась в двери кабинета.

— Кто такая?

— Назвалась женой Майкла Кардинга, второе посещение, психическое состояние подавленное, вес уменьшился по сравнению с прошлым посещением на...

— Проси,— перебил шеф не в меру пунктуального робота.

Войдя в кабинет, жена Кардинга протянула небольшой листок бумаги.

— Вот,— сказала она.— Я разбирала документы и обнаружила записку Майкла. Вы просили...

— Да, да! — Шеф жадно схватил бумажку.

— Это было еще там, дома,— грустно сказала женщина.— Это все, что осталось у меня от бумаг Майкла.

Шеф пробежал текст. В нем не было ничего, что могло бы пролить свет на дело Кардинга, но шеф тут же вызвал дежурного робота и распорядился отнести записку в графологическую лабораторию. Там же находился и листок из блокнота, найденный в кармане самоубийцы. Надо было установить, одной ли рукой написаны обе записки. В душе шеф не сомневался, что ответ будет отрицательным. Это послужит доказательством, что мнимый самоубийца в действительности жертва «Уэстерн-компани».

Но результаты анализа графологов оказались неожиданными: обе записки, оказалось, были писаны одной рукой, более того — одними чернилами и даже одной авторучкой. Получалось, что Майкл Кардинг сам бросился в мутные волны залива Дохлого Кита. Но почему? Может быть, его шантажировали? Или он боялся каких-нибудь сенсационных разоблачений, связанных с одним из отнюдь не светлых дел «Уэстерн-компани»? К ответу на эти вопросы вела цепочка, первым звеном которой был человек со сросшимися бровями.

Человек со сросшимися бровями

— Неплохо придумано! — с восхищением сказал Флетчер, разглядывая маленькую тусклую бляшку размером с десятицентовую монету.— И эта штучка хорошо работает?

— Еще бы,— авторитетным тоном заявил Джон Варвар. (В сыскном бюро каждый сыщик со стажем имел кличку.) — Такая подноготная раскрывается, куда там! Бывает, на допросе спрашивают эдак вежливенько: «Простите, мистер, не говорили ли вы того-то и того-то?» «Что вы,— отвечает тот,— да никогда в жизни!» Ну, тут мы и включаем каскадный усилитель с этой самой бляшкой. Можешь себе представить, что тут делается с беднягой! При мне один такой — хлоп со стула и готов... Разрыв сердца. Ну, тому, считай, повезло. Все равно не миновал бы электрического стула.

— Почему? — спросил Флетчер, жадно внимавший товарищу по ремеслу.

— Подрывной элемент,— махнул рукой Варвар.— Против президента выступал. Думал, в собственной квартире можно говорить, что хочешь. А бляшка его и выдала. Ты, Флет, молод еще. Так что смотри и учись.

— А она не упадет? — спросил Флетчер, возвращая бляшку.

— Прилипает к чему угодно, от габардина до стали и стекла.

— И снимается легко?

— Легче пушинки!

Варвар выглянул из темного подъезда, и лицо его вдруг как бы окаменело.

— Идет,— прошептал он.— Теперь мотай на ус.

Слегка покачиваясь, словно пьяный, Джон Варвар вышел из подъезда и двинулся навстречу мужчине со сросшимися бровями. Тот вышел только что из дверей банка, где провел, по часам Джона, целых сорок пять минут.

— П-простите, мистер,— сказал Варвар, сдвинув на затылок потертый котелок,— не найдется ли у вас закурить?

Джентльмен щелкнул портсигаром. Джон подался вперед, но покачнулся и, взмахнув руками, схватил джентльмена за полу пиджака.

— П-прошу п-прощения,— осклабился Джон.— Качает сегодня здорово! — Он взял сигаретку и нетвердой походкой удалился, а джентльмен, брезгливо одернув пиджак, зашагал дальше.

— Чистая работа! — только и сказал Флетчер, когда в подъезде показался Джон Варвар.

— Завтра мы снимем с него бляшку,— подмигнул Джон,— и будем знать все, о чем будет вести речи достопочтенный мистер за эти сутки.

А человек со сросшимися бровями шел дальше по своим делам. В последние дни ему не раз казалось, что за ним кто-то следит. Но ведь все было обделано чисто — никаких улик. Да и сам президент «Уэстерн-компани» обещал свое покровительство. А впрочем... от этих всесильных магнатов всего можно ожидать. Пока ты нужен, тебя встречают сладенькой улыбочкой и симпатичными листочками из чековой книжки. А потом, когда ты сделал свое дело... Да, пожалуй, лучше всего уехать, и, чем скорее, тем лучше. И хорошо, что он не мешкая перевел через банк деньги за океан.

Зайдя за угол, человек со сросшимися бровями воровато оглянулся, сел в черный «линкольн», поспешно захлопнул дверцу и сразу набрал скорость.

Мрачные громады небоскребов постепенно сменились особняками, утопающими в садах. Каждый особняк представлял собой маленькое чудо архитектурного искусства. Стрельчатые окна чередовались с просторными венецианскими, мрамор — с алюминием и сверхмодным нейтритом. Стояла осень, но опавшей листвы на роскошной пластиковой дороге почти не было: улицу здесь не только подметали несколько раз в день, но и мыли по утрам горячей водой с мылом. Впрочем, это не была улица в обычном смысле слова: тротуары у нее отсутствовали. Здешние обитатели — финансово - промышленная элита — предпочитали не ходить, а ездить.

У лимонного особняка «линкольн» резко затормозил. Человек со сросшимися бровями вышел из машины и зашагал к фигурной ограде. Он знал, что, пока идет к калитке, всю его фигуру внимательно ощупывают с разных сторон десятки фотоэлементов и локаторов. Все данные поступают на счетно-решающее устройство, соединенное с электронным мозгом, а оттуда уже, если случай сомнительный или не оговоренный в программе,— в кабинет самого хозяина, президента «Уэстерн-компани».

Массивная калитка неохотно пропустила нового посетителя и сразу же захлопнулась за ним. «Бежать, скорее бежать отсюда»,— твердил себе человек со сросшимися бровями, пока шел по гудроновой дорожке мимо подстриженных газонов.

Беседа с президентом «Уэстерна» затянулась. Чернобровый джентльмен даже взмок от нервного напряжения. Но он был рад, что сумел настоять на своем. Теперь, кажется, все. Билет на скоростной лайнер «Санта-Клаус» в кармане. Корабль отчаливает в одиннадцать вечера. Чем заняться? Джентльмен выглянул

в окно «линкольна», в лицо дохнул горячий ветер. «Ну и погодка для осени! — подумал он.— Может, выкупаться?» Джентльмен не хотел себе в этом признаться, но его все время тянуло к заливу Дохлого Кита.

Подогнав машину к самой полосе городского пляжа, человек со сросшимися бровями быстро разделся и направился к воде. Он довольно долго стоял у полосы прибоя, будто стараясь что-то разглядеть. Затем решительно бросился в воду и поплыл. Фыркая, как морж, добрался до буя, отдохнул, держась за скользкую цепь, а когда обернулся к берегу, «линкольна» на прежнем месте уже не было...

Исчезновение «линкольна» ломало все планы джентльмена с заросшей переносицей. Вокруг него собралась толпа. Рослый полисмен сочувственно расспрашивал потерпевшего. В это время к представителю власти подошел малоприметный человек в сером костюме и что-то шепнул на ухо. Полицейский вмиг сменил тон. Он засвистел, вызвал дежурную машину, потом грубо втолкнул в нее потерпевшего.

— Ишь ты,— сказал он с угрозой,— а еще овечкой прикидывается. Пошевеливайся, негодяй!

Машина уехала, и толпа быстро рассосалась. Подобные происшествия были здесь не в диковинку.

«Уэстерн-компани»

О могущественной компании ходила недобрая слава. И для этого были основания.

Внешне все выглядело респектабельным. Акции фирмы котировались высоко. А в дни, когда в мире начинало попахивать порохом, они подскакивали еще выше. И немудрено: львиная часть заказов военного ведомства доставалась «Уэстерну».

Компания выпускала самую разнообразную продукцию — от обычных магнитных туфель для космотуристов до засекреченных кибернетических систем, о которых никто из простых смертных ничего толком не знал. Говорили разное. Передавали, например, что в биостатах «Уэстерна» выращиваются диковинные белковые существа, которым конструкторы компании могли придать какую угодно форму. Например, системе придавали облик крысы, которую ни за что не отличишь от живого грызуна. Механический зверек был способен успешно выполнить сложнейшее задание. Ему могли поручить, например, взорвать судно, перевозящее неугодные компании товары, пробраться на какой-нибудь завод фирм-конкурентов и вывести из строя уникальное оборудование.

За компанией, если верить слухам, водились и другие грехи. Но все они оставались безнаказанными. И не удивительно.

«Уэстерн-компани» представляла собой типичную организацию, порожденную господствующей в стране системой. Несколько

десятков монополий прибрали к рукам бразды правления. У каждой монополии была своя четко очерченная сфера влияния, хотя это нисколько не снижало конкуренции.

В борьбе за прибыли компании не брезговали ничем. Подкуп, шантаж, даже убийство — ничто не могло остановить промышленных тузов и финансовых воротил, когда дело шло о дивидендах.

Но внешне... О, внешне все выглядело как нельзя более добропорядочно. Встречи акционеров, банкеты, пышные тосты за процветание — все сводилось к тому, чтобы засвидетельствовать наличие в стране порядка и гармонии. Фасад выглядел благопристойно.

— Ваше распоряжение выполнено,— доложил агент.— Машина угнана, а Жюль в камере. Ну просто цыпленок ощипанный,— добавил он, усмехнувшись.

— Надеюсь, теперь он будет сговорчивей,— пробурчал президент «Уэстерна».

— Заняться им?

— Только не перестарайтесь. Часам к двадцати доставьте ко мне.

— Слушаю. Еще одно...

— Ну?

— Он... так сказать... Одним словом, он голый.

— Оденьте. Но попроще: скромность украшает человека.

Агент подобострастно усмехнулся и вышел из кабинета.

Разительная перемена произошла с респектабельным джентльменом. Несколько часов назад он беседовал в этом кабинете с боссом, вежливо, но с чувством собственного достоинства. Тогда он нашел в себе силы отклонить предложение президента компании. Теперь же в кабинет был довольно бесцеремонно доставлен субъект в полосатой тюремной пижаме. Лицо его было землистого цвета, волосы всклокочены.

— Садитесь, Жюль,— любезно пригласил президент.— Боюсь, что мои молодцы немного перестарались.

— Благодарю,— ответил Жюль.— Я вам очень обязан...

— Пустяки,— махнул рукой президент,—какие могут быть счеты у старых друзей! А мы остаемся друзьями, не так ли? Кстати, позволю себе напомнить, что именно компания спасла вашу драгоценную особу от некоего кресла, которое в просторечии именуется электрическим...

Жюль угрюмо молчал.

— Имейте в виду,— продолжал президент, отбросив балаганный тон,— то, что было,— только цветочки. Я просто предоставил вам возможность убедиться: мы не намерены церемониться. Вы думаете сбежать от нас? Да я узнал о ваших операциях в банке

прежде, чем вы успели выйти на улицу! Ну, довольно. Надеюсь, что, несмотря на маленькое недоразумение, мы найдем общий язык.

Через полчаса из особняка вышел человек со сросшимися бровями. Немного постояв, он двинулся по гудроновой дорожке и, миновав калитку, которая автоматически отворилась, побрел по улице, лишенной тротуаров.

Странная кража

В одном из полицейских участков города произошла странная кража. Конфискованные драгоценности, деньги и даже уникальные лучевые отмычки — все осталось нетронутым. Исчезла лишь одежда, доставленная в участок из машины, обнаруженной на окраине. Дерзкий вор работал со знанием дела: он действовал в перчатках, чтобы не оставить отпечатков пальцев, обувь его была, по-видимому, смазана особой жидкостью, не дававшей собаке взять след, а сторожевая электронная система была испорчена мощным магнитным полем.

— Ну и глупая кража! — возмущались в участке.— Затратить столько труда и взять такое барахло!

— Мало ли сумасшедших в городе,— говорили другие.— Им бы смирительную рубашку, а они ходят на свободе да еще делают свой бизнес...

Примерно так же результаты операции Флетчера (а костюм джентльмена со сросшимися бровями выкрал не кто иной, как он) оценил шеф сыскного бюро. Правда, его удивила другая сторона этой истории.

— Сумасшедший,— сказал он.— Зачем ты приволок весь костюм? Достаточно было ограничиться одной бляшкой.

— Очень волновался,— оправдывался Флетчер, переминаясь с ноги на ногу.— Никак не мог ее, проклятую, нащупать. Вот и прихватил все тряпье.

Когда все шторы на окнах спустили и дежурный робот закрыл за собой двери, начальник бюро с радостным волнением включил в усилительную систему бляшку — техническое чудо, на которое он ухлопал едва ли не треть своего капитала. Недостатком этого устройства было то, что оно записывало все подряд, и иногда часами приходилось выслушивать всякую чепуху.

Вот и теперь начало записи оказалось совсем неинтересным. Шеф вскоре даже задремал под монотонное потрескивание разрядов да короткие пустопорожние фразы. И вдруг вздрогнул: в комнате зазвучал голос президента «Уэстерн-компани».

— Технически все остается как и прежде,— говорил президент.— От вас, милый Жюль, мы ждем только одного: руководства опытом.

— Но послушайте...— в голосе собеседника послышались заискивающие нотки,— мы же с вами раньше договорились, что после этого... э-э... опыта я буду свободным. А теперь...

— Вашу безопасность я гарантирую,— холодно перебил президент.

Слушая дальнейший разговор, начальник сыскного бюро с досадой убедился, что речь все время шла о чем-то, хорошо известном собеседникам, но совершенно не понятном для посторонних. Конечно, теперь подтверждалась прямая связь между человеком со сросшимися бровями и «Уэстерн-компани». Но этого все-таки мало...

— А вы сколько заработали на «бородатых»? — вдруг услышал шеф.

Он подался вперед, до боли сжав подлокотники кресла.

— Верно, компания кое-что получила,— после паузы ответил президент.— Но и нам эти «мальчики» влетели в копеечку.

Дальше разговор пошел о чеках, недоплаченных деньгах и биотоках...

Начальник сыскного бюро нажал кнопку.

— Джона Варвара,— бросил он роботу.

Бесшумно, словно привидение, робот исчез.

Шеф считал Джона самым опытным среди своих детективов и часто советовался с ним.

Когда в кабинете появился Варвар, начальник бюро коротко пересказал ему содержание прослушанной записи.

— Как видите,— сказал он в заключение,— вы недаром навесили эту штуку тому субъекту. Думаю, его надо взять. К нему сходятся все нити.

— Но это нужно сделать тонко.

— Поэтому, Джонни, я и вызвал вас,— доверительно сказал шеф.— Успех операции принесет нам... Ну, сами понимаете. На карту поставлено все... Словом, кого вы возьмете с собой?

Джон подумал.

— Флетчера,— сказал он наконец.

— Что ж, не возражаю. В расходах не стесняйтесь.

Операция «Сросшиеся брови»

Жюль появился в «Уэстерне» всего год назад. Правлению компании сразу же пришлась по душе его редкая способность устраивать разные темные делишки. В этом Жюлю помогали природная находчивость, жестокость, некоторые познания в технике и целый ряд других качеств, которые вряд ли можно было считать положительными.

Вершиной деятельности Жюля был, конечно, футбольный матч. Пожалуй, только дьявольская его изобретательность могла породить такой план.

Когда Жюль изложил свою идею президенту, тот восторженно похлопал его по плечу и воскликнул:

— Ну и голова! Видно, давно по ней петля плачет. С такими способностями, Жюль, вы можете стать преуспевающим бизнесменом, если, разумеется, по дороге вам не придется присесть на электрический стул. Что вам нужно, чтобы успешно осуществить свой замысел?

— Деньги на расходы.

— Получите. О вознаграждении мы также договорились.

— И тогда я буду свободен?

— Как ветер.

— Принимаю ваши условия.

— Итак,— резюмировал президент,— вы немедленно вылетаете на юг, к этому, как его...

— Майклу Кардингу,— подсказал Жюль.

— Вот-вот. А без него и в самом деле не обойтись?

— Он единственный, кто может тут нам помочь,— твердо сказал Жюль.

Это была правда. Молодой малоизвестный ученый, мрачноватый на вид, сумел за короткий срок создать такую биотоковую установку, которой компания могла только гордиться. Но она предпочитала держать установку в секрете и особенно о ней не распространяться.

После того как Майкл Кардинг сделал свое дело, в «Уэстерн-компани» стали считать его лишним. Это не значило, что Кардинга нельзя было эксплуатировать дальше. Наоборот, работы нашлось бы, и немало. Но дело в том, что Майкл позволил себе несколько смелых выпадов против всесильной верхушки компании. Об этом услужливо сообщили в правление многочисленные осведомители, штатные и добровольные. Президент знал, что в подобных случаях заткнуть рот чеком не всегда удается. В конце концов решили устранить Кардинга.

Эту деликатную операцию поручили Жюлю, и он выполнил ее безукоризненно. По шутливой просьбе Жюля Кардинг даже написал странную записку о самоубийстве, не догадываясь, что подписывает свой смертный приговор...

И вот теперь Жюль летит на запад, чтобы выполнить еще одно щекотливое поручение компании. Господи, как он не хотел браться за это дело. Но выбора не было. И так он в последние дни чувствовал себя на краю гибели. Но теперь-то он будет умнее. Еще немного — и он развяжется с проклятой компанией.

Когда самолет приземлился и Жюль с небольшим саквояжем сошел на бетонированную дорожку аэродрома, к нему, оттеснив всех своих конкурентов, подскочил таксист. Он подхватил ношу Жюля и предупредительно сказал:

— Мой вертолет к вашим услугам, мистер.

Жюль сел в удобное кресло, назвал нужный ему адрес, и серебристая стрекоза поднялась в небо.

В пути Жюль почувствовал, что его охватывает необоримый сон. В голове билась какая-то неотвязная мысль, но Жюль бессильно сполз с сиденья на мягкий пластик пола...

— Принимай гостя, Флет,— сказал долговязый пилот. Он сгреб за шиворот своего бесчувственного пассажира и поволок к люку.

— Осторожнее, не повреди его досрочно,— усмехнулся человек, стоявший на земле, у спущенного с вертолета трапа.

Занавес приподнимается

Начальник сыскного бюро ликовал. И надо сказать, у него были для этого основания. Допрос Жюля под излучателем, способным парализовать волю, дал настолько интересные результаты, что для охраны здания, где велось расследование, пришлось выделить усиленные пикеты. Каким-то образом «Уэстерн-компани» узнала, в чьи руки попал Жюль, и подозрительные личности шатались у сыскного бюро, как собаки у бойни.

Шеф несколько раз получал письменно и по видеофону заманчивые предложения от враждебной компании, но оставался неподкупным: не мог же он изменить тем, кто платил ему больше.

На Флетчера, который впервые видел допрос под облучателем, эта картина произвела неизгладимое впечатление. Долго потом стояла у него перед глазами круглая комната, залитая резким синим светом, серые, словно у мертвецов, лица коллег и полуобнаженный Жюль в глубокой прострации. Руки, ноги и грудь допрашиваемого были обвиты черными проводниками, которые, как змеи, тянулись к аппарату. На выбритую макушку Жюля из облучателя падал узкий сноп лучей. Жюль отвечал на четко задаваемые вопросы невнятным, еле слышным шепотом. Но робот-дешифровщик тут же «переводил» его ответы монотонным, лишенным всякой выразительности голосом.

На допросе выяснилось, что перед Майклом Кардингом Жюль поставил задачу — любой ценой добиться проигрыша «Добрых волков». Подписав выгодный контракт, Кардинг рьяно взялся за дело. Вскоре он нашел остроумное конструктивное решение идеи Жюля. Она состояла в том, чтобы воздействовать на игроков биотоками. Майкл объяснил, что любое движение человеческого тела связано с определенными импульсами-командами. Эти импульсы посылает по нервам мозг. Они и образуют биотоки, которые имел в виду Майкл Кардинг.

Токи эти весьма слабы, тем не менее ученые сумели но только зафиксировать, но и измерить их.

Майкл Кардинг решил воздействовать на «Добрых волков» импульсами, противоположными тем, какие будет посылать их мозг. Например, скомандовать вратарю замереть в воротах вместо того, чтобы броситься на мяч. Для этого, очевидно, необходимо

было мгновенно передавать импульс строго определенной величины определенному игроку. Задача усложнялась тем, что индуцировать этот импульс нужно было на значительном расстоянии: ведь не станешь с аппаратом в руках гоняться по полю за игроками! Для наладки биоизлучателя Кардингу понадобились записи биотоков головного мозга всех одиннадцати «волков». За крупную мзду все нужные измерения проделал в течение нескольких ночей врач команды. Он и не подозревал, что за этим кроется. Впрочем, это его мало интересовало.

Когда прибор Майкла Кардинга был готов, он оказался чрезмерно громоздким. Оставалось сделать его портативный вариант. Но это было уже, как говорится, делом техники. На помощь пришли искусственные белковые клетки для записи информации, микроэлементы и другие средства миниатюризации.

В конечном счете аппарат разместился в плоском спортивном чемоданчике. Здесь был биорефрактор, который излучал энергию необходимой частоты, и информация о биотоках каждого из «волков». Важную роль играла инкрустированная серебром трость с набалдашником. Каждый завиток инкрустации отвечал определенному игроку. Стоило нажать, например, на серебряную гроздь винограда — и центр нападения вдруг замедлял свой стремительный бег, сам не замечая этого. Четкость координации у него притуплялась, и мяч, посланный партнеру, оказывался совсем не там, где ему надлежало быть...

Судебный процесс был грандиозным.

Газеты клеймили тех, кто вносит в любительский спорт отвратительный дух наживы. На скамье подсудимых оказался лишь Жюль, на которого пали все грехи компании. Тузы «Уэстерна» ни в одной статье обвинительного акта не упоминались. Владельцы газет знали, как длинны руки могущественной компании. И все-таки фирма понесла значительные убытки. Блестящие фейерверки речей юристов иногда ненароком освещали такие стороны деятельности «Уэстерна», которые компания предпочитала оставлять в тени.

Чернил, изведенных хроникерами на заметки и репортажи, вполне хватило бы на то, чтобы заполнить ими вместо воды залив Дохлого Кита...

Все это дало основание прессе назвать судебное разбирательство процессом столетия.

Об авторе

Михановский Владимир Наумович. Родился в 1931 году в Харькове. Член Союза писателей СССР. Автором опубликовано несколько книг: сборники стихов «Люблю», «Прими нас, даль широкая», «Шаги»; сборники фантастики —«На траверсе Бета-Лиры», «Тайна одной лаборатории», «Да, я был здесь», «Оранжевое сердце». В альманахе публикуется второй раз. В настоящее время работает над повестью, посвященной людям науки, занимающимся исследованием Земли.

ДАНАЙСКИЙ ДАР

Э. Михеев,
А. Пирожков

Фантастический рассказ

1

В девять утра Аллен сидел в своем кабинете и, как всегда, надеялся, что его вызовет комиссар. Кабинет — звучит слишком громко для комнатушки, где с трудом помещался письменный стол, столик с телефоном и сейф, но называть ее иначе Аллен не мог из чувства профессиональной гордости.

Уже несколько месяцев младший следователь Аллен Дени занимает эту комнату. Но, увы, в тихом парижском предместье Сен-Мартен не случается сенсационных убийств, не разыскивают рэкетиров, а грабежи столь же редки, как визиты английской королевы. До сих пор Аллену пришлось вести лишь одно дело — сумасшедшая старуха завещала свое скудное имущество старому лавочнику, отказав в нем родственникам. Довольно быстро оно перекочевало в архив, не оставив никаких следов в послужном списке Дени.

Изучая юридические науки, Аллен часто представлял себе, как будет раскрывать самые запутанные преступления. Но после окончания университета его

воображение очень скоро истощилось вместе с надеждой найти работу, и нечаянное предложение стать младшим следователем в Сен-Мартене Аллен принял как подарок судьбы.

Резкий телефонный звонок прервал его размышления.

— Вы давно сидите без дела,— начал комиссар, едва Дени вошел к нему,— а тут как раз подвернулось одно, и я подумал, что вас оно заинтересует.— Он протянул тоненькую папку. «Дело об убийстве Джошуа Гало» — прочел Дени.

«17 числа сего месяца я, сержант Фердинанд Солье, обходя в два часа десять минут вверенный мне участок, услышал два выстрела. В сквере на скамье обнаружил труп человека, убитого выстрелом в голову. Рядом с трупом лежал пистолет американского образца калибра 7,65. Труп доставлен в морг при городской больнице. Сержант Фердинанд Солье».

— И это все?

— Да, да! Именно все! Может, вы скажете, что нужно было зафиксировать положение трупа, провести техническую и медицинскую экспертизы, сделать гипсовые отливки следов и прочее, прочее? Как будто вы не знаете наших «криминалистов». Хорошо, что хоть сразу же установили личность убитого. Джошуа Гало, двадцать семь лет, уроженец Солони, приехал к нам прошлой весной из Парижа и поселился по адресу: Ла-Ферте-д'Анженю, 34.

2

Фердинанд Солье, невысокий, лысоватый, только что сдав дежурство, собирался домой.

— Младший следователь Дени, не могли бы вы подробнее рассказать о ночном происшествии?

— Доброе утро, господин следователь. Конечно, я всегда готов. Значит, так. Ночью в два часа ровно я вышел из участка. Подхожу к скверу, вдруг слышу — выстрел, еще один. Я, понятно, туда. Пробежал по скверу с одной стороны — никого. Тогда я пошел по правой аллее, что на площадь выходит, и тут смотрю — темнеет что-то на скамейке. Подхожу. Вижу: лежит, только рука правая свесилась, и пистолет рядом. Я подумал: «сам себя кончил» — да вспомнил, что два выстрела было. Ну, вызвал наряд, отправили его в морг. Вот, пожалуй, и все.

«Итак,— размышлял Дени по дороге в морг,— было два выстрела. Возможно, Джошуа Гало защищался? Или первый выстрел не попал в цель? Надо установить, есть ли отпечатки пальцев на пистолете. Хотя после лап наших полицейских вряд ли это удастся. Корова коровой,— припомнил он сержанта,— ни малейшего понятия о технике сыска. Да и остальные не лучше... Комиссар, кажется, лишь краем уха слыхал о словесном портрете, о фотографировании в инфракрасных лучах. Кто здесь оценит

психологические изыски? А именно этим предстоит мне заниматься».

В морге старик прозектор провел Дени в большую темнею комнату, где лежало несколько трупов.

Обезображенное выстрелом в правый висок и уже посиневшее лицо Джошуа Гало, видимо, и при жизни не было красивым. Удлиненный череп, чуть с горбинкой нос и тонкие губы не гармонировали с квадратным подбородком. Костлявое, сутулое туловище со впалой грудью. Дени подумал, что убитый наверняка не пользовался успехом у женщин. Женщины любят стройных и сильных, а к таким вот их привлекает только кошелек.

После обеда Дени опять вызвал шеф.

— Я думаю, вы уже много успели. Докладывайте.

— Как удалось выяснить,— обстоятельно начал Дени,— убийство произошло не раньше двух и не позже четверти третьего. Было сделано два выстрела, рана на теле убитого только одна. Отпечатки пальцев на пистолете идентифицировать не удалось

из-за многочисленного их наложения. Я нашел обе стреляные гильзы от этого пистолета. Любопытная деталь: одна из них была затоптана в песок перед скамьей, а вторая лежала на газоне за скамьей.

— Квартиру убитого осмотрели?

— Собираюсь туда идти.

— Тщательно просмотрите все бумаги. Возможно, найдете интересные документы, письма... Из Парижа мне сообщили, что два года назад Джошуа Гало закончил университет в Лозанне, затем занимался исследованиями в лаборатории профессора Порелли, не то биофизикой, не то бионикой — я в этом плохо разбираюсь.

3

Хозяйка дома 34 на бульваре Ла-Ферте-д'Анженю, узнав, что Дени из полиции, сразу затараторила:

— Я так и знала, что полиция им займется, господин сыщик.

Дени поморщился от такого обращения.

— Вы подумайте, на целый день запирается в комнате, всю завалил какими-то штуками, электричества жег столько, сколько я за год не сожгу. А вчера вечером такой грохот устроил, хоть из дому беги. За квартиру уже два месяца не платил. Я уж думаю...

Дени попросил показать ему квартиру постояльца. Проводив следователя до двери, хозяйка еще немного поворчала и ушла делиться новостями с соседками.

В комнате, куда вошел Дени, царил полнейший хаос. Приборы, провода, катушки, лампы валялись где попало. Даже на кровати лежали какие-то пластины со свесившимися проводами. Письменный стол завален книгами и схемами. Почти все приборы были разрушены, разбиты, превращены в груду лома.

Дени сразу взялся за бумаги на письменном столе. Справочники по радиотехнике, журналы на английском и русском языках и схемы, схемы, схемы. Казалось, им не будет конца. Но никаких писем или записок.

Неожиданно на дне ящика под толстым словарем Дени увидел фотографию. Красивая, даже очень красивая девушка в «бикини» стояла на палубе роскошной яхты и, небрежно улыбаясь, смотрела в объектив аппарата. Здесь, среди этих схем и расчетов, фотография была как полотно Рембрандта на выставке сюрреалистов.

Не обнаружив ничего интересного, Дени подошел к окну. На пыльном, давным-давно не мытом подоконнике стояла клетка, обтянутая частой металлической сеткой, от которой тянулись тонкие разноцветные провода к черному прибору с разбитым матовым круглым экраном и множеством ручек. В клетке сидела, греясь

на солнце, огромная бабочка. Она принялась порхать, едва Дени дотронулся до клетки.

Стук в дверь вывел Дени из задумчивости. Это, не дожидаясь приглашения, ворвалась хозяйка и сразу же выпалила, как из пулемета:

— Вы себе представить не можете, какой ужас: его убили! Так ведь? А он задолжал мне за целых два месяца! С папаши его и на гроб не взять.

— Вы знакомы с его отцом? — спросил Дени, листая справочник.

— Как же, станет он со мной знакомиться: папаша-то у него денежный мешок. А у этих дельцов всегда так: сынка выгонит — гроша не даст. Вот у моей сестры...

— Простите, а у вашего жильца здесь не было знакомых?

— Говорю вам, господин сыщик, ни души. Больше года он у меня жил, а всего раза три уезжал куда-то. И всегда со свертками да ящиками. Вон комнату как захламил. А последнее время из дому вылезал на почту разве.

— На почту? Он что-нибудь отправлял или получал?

— Не знаю, не знаю. Последний раз, правда, заметила — относил он подряд два пакета.

— Когда это было?

— Позавчера, ближе к вечеру. Вышел хмурый, в руках сверток небольшой. Вернулся быстро. А утром выскочил как шальной, меня чуть с ног не сбил — я кофе ему несла. Тоже пакет в руках был. Возвратившись, заперся в комнате. А вот как он ночью ушел — не слышала.

4

До почты было два квартала, но Дени не пошел к автобусу. Он не торопясь шагал по расплывшемуся на солнце асфальту, глотая горячий воздух. Движение всегда помогало ему обретать уверенность в себе. Со временем длительные пешие прогулки вошли в привычку.

«В конце концов,— размышлял Дени,— если Джошуа Гало не завел здесь друзей, это еще не значит, что их у него вообще не было. Кому-то он отправил две посылки. Что он мог послать? Записи, расчеты? А может, статьи в научный журнал?

Известны три близких Гало человека: отец, мать и девушка на фотографии. Уж если такой отшельник хранит фотографию женщины, то явно не в память о далеком детстве».

Дени остановился в тени каштана.

«Все-таки Гало слишком увлекался своей работой. Может быть, для него женщины — дело десятое. Во всяком случае не верится, чтобы он из-за смазливой мордашки вогнал в себя пулю. Отец?.. Выгнал из дому, оставил без средств и не подумал, на что существует сынок. На скачках играл? Не похоже... Если объединить эти две причины — жестокосердие любимой женщины и отсутствие денег, резонов для самоубийства достаточно. Достаточно ли? Для прошлого века — пожалуй. Но сейчас... Девяносто девять мужчин из ста попадают в такое положение, тем не менее самоубийцы не валяются на каждом шагу».

После уличной жары в прохладном кондиционированном воздухе почтового отделения Дени сразу весь покрылся испариной. Начальник оказался ветхим старичком с лентой Почетного легиона в петлице неопрятного серого пиджака и с новеньким слуховым аппаратом, которого, несомненно, стыдился. Дени молча показал удостоверение, и старичок принял до комизма строгий и торжественный вид.

— Меня интересуют адреса, по которым отправлены две бандероли неким Джошуа Гало,— сказал Дени, сдерживая улыбку — уж слишком серьезно играл в «сыщик-ищи-вора» этот чудак.

— Если, бандероли отправлены ранее пятьдесят первого года, к сожалению, ничем помочь не смогу,— отрапортовал чиновник.— Мой предшественник, знаете ли, очень небрежно вел архив...

— Нет-нет, они отправлены вчера и позавчера.

— Тогда один момент. Я принесу квитанционную книгу.

Обе записи отыскались быстро. И первая, и вторая бандероли были отправлены по одному адресу: Ивонне Муанель, рю де Распай, 12. Париж.

5

«Явное самоубийство,— размышлял Дени,— остается лишь подтвердить. Стоит ли копаться в психологии? Конечно, этому Гало теперь на все наплевать, но все же неприятно сознавать, что суешь нос в дела, которые тщательно скрывали от всех. Впрочем, на то и полиция, чтобы совать нос...»

Следователь кривил душой перед самим собой: ему всегда хотелось понять истинные причины тех или иных поступков людей. Началось это еще в детстве. Однажды соседский мальчик Жан, года на полтора старше, предложил Аллену обменяться перочинными ножами. Ножи были одинаковыми, только Аллен сломал у своего штопор. Выгода была явная, и он недоумевал, почему Жан так опростоволосился. Оказалось, отец заподозрил его в откупоривании бутылок со старым вином; вот так Жан и доказывал свое алиби. И хотя ему не удалось усыпить подозрения отца, на Аллена эта хитрость произвела сильное впечатление.

С тех пор Аллен стал задумываться: может ли человек прожить без лжи? Мать, отец, кюре, учителя — все в один голос твердили: лгать нехорошо. Но вот однажды семейство Дени пригласило кюре осмотреть их виноградник, и Аллен увидел, как святой отец,

приотстав, справил малую нужду, а потом сказал, что любовался кистью винограда.

Позже Дени понял — существует «ложь во спасение». Но еще тверже стала его уверенность, что истинные мотивы поведения человека редко бывают обнажены. Поиск подспудных причин стал для Аллена настоящей страстью. А позже, на юридическом факультете, его поразила наследственная теория преступлений. И он мечтал, что сможет, зная привычки, склонности, темперамент человека, предсказывать его поступки в определенных ситуациях.

«Действие рождается мыслью. Но мне ничего не известно о внутреннем мире Гало. Биофизик, магистр наук... Замкнут, необщителен. А посылки? Вот чем надо заняться: если их посылал человек, решившийся на самоубийство, содержимое может кое-что подсказать...»

6

Пригородный автобус тащился около часа. Дени успел за это время возненавидеть слащаво-многозначительный стиль политического обозревателя «Леттр Франсез», еще раз поразился повальным увлечением спортом и наконец добрался до страницы с хроникой.

Как всегда, большинство заметок было посвящено автомобильным катастрофам и мелким кражам. Но вдруг на глаза попалось несколько строк, набранных курсивом:

«Профессор биофизики Лозаннского университета Леопольд Порелли, прибывший вчера в Париж на симпозиум биофизиков, считает, что современная наука близка к управлению с помощью электромагнитных волн действиями не только насекомых, но и более высокоразвитых живых организмов. В беседе с нашим корреспондентом он заявил... Симпозиум продлится пять дней».

«Удача! Из Лозанны, биофизик... Ну, уж часа два из этих пяти дней я заставлю достопочтенного профессора провести в компании со мной!» — подумал Дени, сворачивая газету.

Дом 12 на рю де Распай оказался огромным параллелепипедом из стекла и бетона, одним из тех, где создан максимальный уют и современный сервис для хорошо обеспеченных людей. Вместо консьержа на первом этаже оказалось что-то вроде универсального бюро обслуживания. Выяснилось, что мадемуазель Муанель сегодня уехала из Парижа. Она просила переключить ее телефон на бюро обслуживания и посылать ей телефонограммы только в двух случаях: если позвонит мадам Фуа или придет сообщение из Нью-Йорка.

— Куда вы должны тогда сообщить?

— Сен-Назер 6-16-85. Прошу вас, мсье, если вы свяжетесь

с мадемуазель Муанель, не упоминайте, что узнали ее адрес у меня.

— Но вы обязаны дать ее адрес полиции!

— Прежде всего мы обязаны заботиться об удобствах и спокойствии клиентов. Прошу прощения, меня вызывают, я на минуту отлучусь.

Вошел почтальон.

— Семьдесят шестую обслуживаете?

Та самая, квартира Муанель!

— Да.

— Туда бандероль. Распишитесь.

«А вот и штемпель Сен-Мартена. До чего четкий! Видно, ставил его мой знакомый — аккуратист с лентой Почетного легиона».

Бандероль была маленькой, но увесистой. Дени, не раздумывая, опустил ее в карман пиджака. От этого бюро обслуживания трудно ожидать содействия.

«Это вторая, последняя отправленная Гало бандероль,— думал Дени.— Что это может быть? Только не бумаги. Драгоценности? Реликвия обманутой любви?»

7

Когда пожилой священник завел разговор о селекции роз, Дени с ужасом подумал об участи, уготованной ему на всю дорогу. К счастью, вежливое внимание окружающих становилось все более холодным, и священник в конце концов умолк. Сухопарая дама у окна с видимым облегчением достала вязание*

«Ивонна в отличие от Джошуа богата,— раздумывал Дени, откинувшись на высокую спинку сиденья *и полузакрыв глаза.— Может быть, родители Гало лелеяли надежду на брак Джошуа с ней, надеясь, что этот брак образумит их «блудного сына»? Допустим, они были знакомы с детства. Детская привязанность довольно часто переходит в любовь. В отношении Джошуа это представляется довольно вероятным, а вот об Ивонне я ничего не знаю...»

Дени встал и вышел из купе. Он смотрел в мутное стекло окна, автоматически считая километровые столбы. Иногда ему приходилось прижиматься к окну, пропуская проходящих мимо людей. Из соседнего купе вышла эффектная молодая блондинка. Лицо без всякой индивидуальности — под голливудский стандарт красоты. В каком фильме я видел такое лицо? Не помню...

— Мадемуазель, вам не кажется, что человечество только и занято тем, что сначала изобретает яды, а потом изыскивает пути спасения от них. На бациллу автомобиля оно напустило вирус светофоров, чуму кинематографа подавляет холера телевидения... Ну, а дорожную скуку приходится разгонять дорожными знакомствами.

— Кажется, я догадываюсь: вы врач,— как бы про себя сказала его собеседница.

— Почему вы так думаете?

— Ну, саквояж у вас типично медицинский, да и терминология.

— Вы наблюдательны, и мне не хотелось бы вас разочаровывать, но моя служба не имеет ничего общего с медициной.

— Кто же вы?

— Простите,— спохватился Дени,— я еще не представился. Аллен Дени, начинающий юрист.

— Очень приятно,— сказала она обязательную фразу.— Ивонна Муанель.

8

Позже Дени проанализировал, как он воспринял это. Да, он растерялся. Потом его охватило такое чувство, будто его одурачили. Словно пса, узнавшего в колотившей его палке ту самую, которую он сотни раз приносил в зубах своему хозяину.

Остался позади Нант. Через час будет Сен-Назер, а Дени все еще не решил, как он заговорит с Ивонной. Она была в Париже, но знает ли о его смерти?

Снова сомнения овладели Дени. Кому нужны предпринятые им шаги, кроме него самого? Да и ему — зачем все это? Но он уже знал, что не сможет остановиться. Слишком много вопросов, слишком сложны они, слишком велик соблазн попытаться найти их решение. Представится ли еще такая возможность — холодным скальпелем ума рассечь клубок страстей, расчетов и чувств?..

Ритм колесного перестука замедлился. Поезд подходил к станции. Тогда Дени решился.

— Вы знаете, мадемуазель, нам по пути. Я направляюсь в поместье Клуа.

Ивонна быстро обернулась: на ее лицо выразилось удивление.

— Больше того,— продолжал Дени,— цель моей поездки — встреча с вами. Я веду следствие по делу Джошуа Гало.

— А...— лицо Ивонны на миг исказилось гримасой боли, потом снова приняло бесстрастное выражение.

Дени понял, что ей обо всем известно. Что же, будет легче вести следствие.

9

— Вы правы, мои отношения с Джо были сложными. Любовь? А что это такое? Под этим словом подразумевают слишком разные вещи. Я вижу, вы меня не понимаете. Не понимал и Джо.

Нет, она совсем не так легко приняла смерть Гало, как пытается показать. Ее выдают руки. Они измяли край скатерти, пока Ивонна ровным голосом говорила все это.

— Но любовь... Ведь все знают, что это такое!

— Ничего подобного. Каждый знает лишь о своих чувствах. И очень редко догадывается о том, что испытывает другой.

— Для того и существует признание,— продолжал эту странную полемику Дени.

— Что скажет вам такая фраза: «Я вас люблю, как сто тысяч морских чертей?» Или: «Ты цветущий миндаль и полноликая луна»? Сколько людей — столько совершенно различных чувств, неповторимых миров, скрытых один от другого! Я и Джо — такие разные! Когда мы беседовали, это был разговор глухих. Он все мои, даже самые искренние, слова истолковывал по-своему. Я с ужасом видела, что между нами пропасть, уничтожить ее могло лишь полное взаимопонимание. А его все не было. Возможно, я меньше любила его, чем он меня. Но где весы, на которых взвесишь это?..

Вам, полиции, подавай улики: мышьяк, пистолет, Эйфелеву башню. Но ведь убивают не они, убивает мысль, своя ли, чужая ли. Вам подавай причины: разврат, банкротство, умоисступление. А если это не причины, а следствия? Вам подавай очевидцев, свидетельства: фотографии, письма, дневники. А они фиксируют поступки мертвеца. Уже мертвеца!

— Вы не правы, мадемуазель. Письма или дневники, например,— развивающаяся на глазах драма, мертвец появляется лишь в последнем акте.

— А если дневника нет?

— А если он есть? Что вы получили от Гало по почте за день до его смерти?

— Он вернул несколько моих писем, но поймите, я не могу вам их показать.

— Почему вы не хотите помочь мне установить истинную причину его смерти?

— Я сделала все, что могла. Я пыталась объяснить вам, что причина в человеческой сущности, которую невозможно понять постороннему. В том, что случилось с Джо, никого нельзя обвинять, даже его самого.

...Итак, результаты встречи неутешительны. В многозначительности слов Ивонны Дени не сомневался. Но почему она не желает выразиться яснее? Что скрывается за туманными рассуждениями о взаимном непонимании?

10

«Ив! Ты прочла мой дневник? Не думай, я не сумасшедший. Мало того, ты должна испытать то, что испытал я. Прикрепи к правому виску присоску с датчиком и нажми кнопку. Остальное

поймешь сама. Аппарат действует в пределах пяти метров, надо только направлять раструб в сторону объекта. Время работы ограничено, но, думаю, тебе его будет достаточно. Это и есть «Откровение». Не скрою, работал я над ним ради славы, ради возможности самостоятельно и гордо встать на ноги, а обернулось это для меня данайским даром...

Теперь я знаю, что я вне всякого суда. Искус подслушивать еще и еще терзает меня. Уверен — не смогу жить с таким откровением.

... И возненавидел я жизнь: потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо все — суета и томление духа...

Прощай. Джо».

Странное письмо... И странный аппарат. Дени ожидал чего угодно, но это...

Пластмассовая коробочка сделана грубовато, но так, что открыть ее, не повредив содержимого, видимо, невозможно. На торце, как у карманного фонаря, раструб, прикрытый мелкой сеткой. Рассмотрев внимательнее, Дени убедился, что это не сетка, а какая-то ячеистая поверхность. От аппарата тянется тонкий гибкий провод с метр длиной, на конце его крошечный диск. Поверхность диска тоже ячеистая, только ячейки как бы вывернуты наизнанку и образуют едва различимые бугорки с острыми вершинами. Сбоку диска — присоска наподобие тех, которыми прикрепляют обезьянок к ветровому стеклу автомобиля, но гораздо меньшего размера. Может быть, это магнитофон, на котором Джошуа записал свои последние слова? Нет, не похоже... Что же, надо действовать согласно инструкции. Стоп! Гало — биофизик, работал в области излучений головного мозга... Но он не только изучал, но и изобретал...

Что, если это какой-нибудь биостимулятор, нечто вроде электронного наркотика? Ведь ученые открыли в коре мозга центры наслаждения, страха, голода и всякие другие. Даже пытаются управлять чувствами! А если Гало это удалось? Недаром он предупреждает Ивонну...

«Откровение»... Любопытно, почему Гало дал такое название этой штучке?

Дени еще раз перечитал записку. Его внимание на этот раз привлекла фраза: «Аппарат действует в пределах пяти метров, надо только направлять раструб в сторону объекта...»

Если предположить, что это биостимулятор, фраза становится непонятной. На какой «объект» надо направлять раструб? И что значит «действует в пределах пяти метров».

Остается одно: испытать аппарат на себе. Если действовать строго по инструкции, едва ли произойдет что-то ужасное. Не убивает же он мгновенно, иначе зачем был нужен Гало пистолет?

Дени приладил присоску на правом виске, сел в кресло, поправил свисающий провод и осторожно нажал кнопку.

Кнопка утопилась в корпус, мягко щелкнула и вернулась в исходное положение. Дени показалось, что висок слегка покалывает, но потом это ощущение прошло. Он посидел неподвижно минуту, две — ничего не происходило.

Дени закрыл глаза, стараясь расслабиться, ни о чем не думать, подождал еще — ничего.

Глупо, очень глупо! Дени с досадой стал вертеть аппарат в руках. Еще раз перечитал письмо-инструкцию.

Фраза «направляй раструб в сторону объекта» звучала как издевательство.

«Понятно,— стал злорадствовать Дени,— это машинка для исполнения желаний. Например, я желаю жареный сейф. Направляю раструб в сторону объекта и... раз, два, три — никакого эффекта! Ну, конечно, жареный сейф — понятие абсурдное. Придется пожелать чего-нибудь более реального. Хотя бы жареного голубя...»

На подоконнике раскрытого окна, нежась на солнце, ворковала пара голубей. Дени направил в их сторону раструб и... Теплая волна сытого блаженства охватила его, заставила забыть обо всем на свете. Не было никаких желаний, мыслей, лишь ощущение — неопределенное, но очень приятное. В оцепеневшем мозгу мелькнула одна слабая мысль — это не его ощущения, что-то навязывает их. Вдруг налетела непонятная тревога, переросла в чувство опасности, страха, ужаса... и все прошло.

Голубей на подоконнике уже не было. На их месте воровато озиралась невесть откуда взявшаяся тощая рыжая кошка. Тотчас же Дени почувствовал звериную злобу и дикий голод, от которого хотелось выть, бросаться, кусать...

И опять все пропало. Сипло мяукнув, кошка спрыгнула на землю.

«Вот тебе и жареный голубь! — растерянно подумал Дени.— Что же произошло? Похоже, что голубя захотелось не только мне.

...Кажется, я начинаю понимать. Сначала я чувствовал то, что голубь, потом кошка. А если бы на их месте был человек?»

Дени подошел к раскрытому окну. Улица была пустынна. Но вот из соседнего дома вышел парнишка в фуражке рассыльного. Вид у него был серьезный и даже солидный. Дени направил на него аппарат, и опять что-то постороннее ворвалось в его мозг.

Дени захотелось вдруг запустить камнем в окно и расквасить нос паршивому Полю, который отобрал у него такую отличную рогатку. Хорошо бы еще сходить в кино...

... Мальчик ушел, и все снова стало на свои места.

«Глупости какие-то... Вроде как я жил одной жизнью с мальчишкой. А перед этим — с кошкой и голубем. Стоп, стоп! Гало назвал аппарат «Откровением». Значит... значит, он позволяет проникать во внутренний мир людей, животных, растений? Впрочем, какой может быть «внутренний мир» у растений? Вот хоть

у каштана. Уже минуту я держу его под прицелом и ничего не ощущаю. А едва направил на мальчика... Что, собственно, я чувствовал? Желания? Да. Но не свои. Словно кто-то нашептывал их мне. И откуда я узнал, что какой-то Поль отнял у него рогатку?

Я читал мысли. Конечно, мысли. Даже у голубя, у кошки они есть.

Интересно, какой принцип действия этого аппарата? Пожалуй, мне не понять. «Откровение»... От него ничего не скроешь. Неужели это так действует на психику, что Гало не выдержал?»

11

В бар с экстравагантным названием «Вье бэт» Дени пришел не для того, чтобы оглушить себя порцией «Старого зверя». Перед ним на столе, прикрытая газетой, лежала невзрачная коробочка аппарата. Присоска была уже на виске, но он все еще медлил, хотя знал: минутой раньше или позже нажмет кнопку.

«Все же есть в этом что-то порочное. Интересно, кто бы из них остался, если бы узнал, что сейчас начнется подслушивание мыслей?

... Ну, эта парочка так и будет танцевать, им-то скрывать нечего — все написано на лицах. А этот паренек? Тоже ясно: он ждет ее, а она, коварная, не спешит, опаздывая уже на полтора часа. У бармена нет времени думать ни о чем, кроме заказанных коктейлей да своего ревматизма...

Вот, пожалуй, интересный фрукт, через три столика налево: один и, видно, завсегдатай. С него и начну!»

В этот момент Дени почувствовал на плече чью-то руку. Он оглянулся. Этого еще не хватало!

— У меня здесь свидание,— бросил он недовольно.

— Значит, она не придет. Ты сидишь уже полчаса и не спросил второго бокала. Не собираешься ли ты превратить этот столик в необитаемый остров? Тогда я буду Пятницей, не возражаешь, Робинзон?

На вид лет двадцать, только хрипловатый голос да старательно разглаженные и припудренные морщинки у глаз наводили на мысль, что ей больше.

— Мне скучно, я хочу выпить, слышишь?

«Сейчас я тебя проверю». Дени молча подвинул ей бокал с коктейлем и нажал кнопку.

Везет мне. Не хватает еще, чтобы он оказался идиотом...

Это настолько ясно пронеслось в голове Дени, что ему стало не по себе — такого эффекта он не ожидал.

... А вчерашнего старикана я все-таки расшевелила, не поскупился он на шуршики... Все же гадость порядочная этот «Старый зверь»... И чего все его хлещут?

— Может быть, лучше коньяк? — спросил Дени.

— Как ты догадался, мой Робинзон?

Говорит нормально. Впрочем, какое ото имеет значение? А может, он и ничего? Тогда — да здравствует общество тихих идиотов!

Ее скудные мысли врывались в мозг Дени, захлестывая его собственные. К этому надо было привыкнуть.

Дени заказал коньяк.

— Послушай, Робинзон, а ты не разговорчивый.

— Извини, я просто рассеян.

Она сквозь зубы тянула коньяк.

— Слушай, не будем здесь долго задерживаться. Ведь мы еще вернемся сюда?

... Если бы Шарль не схлопотал, пять лет, ты бы у меня тридцатью франками не отделался.

Изредка Дени отводил раструб аппарата, чтобы сосредоточиться, сопоставить ее мысли и слова.

— Куда же мы пойдем?

— Ну, милый,— наморщила она лоб,— конечно, к тебе...

... Комнату сегодня занимает Кристина. Неужели этот олух не может понять?..

Она быстро пьянела. Небрежная улыбка уже не сходила с ее лица.

— Все-таки тебе выгоднее подыскать кого-нибудь вроде вчерашнего старикана, щедрого на шуршики.

— Я так и думала, что ты кретин.

— Я знаю, что ты думала. Привет шуршикам!

Она встала, возмущенно вильнула бедрами и удалилась, гордо попыхивая сигаретой.

12

... Свиньи! Все вы грязные свиньи...

... Не надо форсировать события...

... Боже, как я устала, я не хочу больше пить...

... Она будет мне еще ноги лизать...

Обрывки мыслей проникали в мозг. Дени слышал их, видел их очертания, какие-то движущие штрихи, отражавшие неровную пульсацию мозга. Неясный, мутный поток мыслей захлестывал его. Среди этого хаотичного потока иногда, словно влекомые им камни, проносились оглушающе четкие рассуждения.

Куда бы Дени ни направил аппарат, отовсюду доносились вопли чужого сознания. Это было как тяжелый, болезненный бред.

Дени уже не мог остановиться, не мог выключить «Откровение», чтобы привести в порядок свои мысли, которые путались, переплетались в причудливый клубок с импульсами чужого сознания.

Внезапно бурлящий поток превратился в еле различимое журчание ручейка, похожее на отголоски разговоров в перегруженной телефонной линии.

Что такое? Испортился аппарат? Но стоило Дени отвести раструб немного в сторону, как журчание переросло в рев. Дени опять направил ((Откровение» в затылок неподвижно сидящего посетителя, и снова все смолкло. Только изредка в сознании Дени взрывались вспышки мелодичных звуков, которые притупляли, заглушали волю. Хотелось их слушать, слушать и забыть обо всем...

Пришлось сделать усилие, чтобы нажать кнопку выключателя и встать. Медленно Дени подошел к стойке. Там он оглянулся.

За третьим столиком слева от эстрады сидел рано состарившийся человек, обросший, в помятом грязноватом костюме, который, несомненно, был когда-то элегантным. Но все это, пожалуй, не привлекло бы особого внимания Дени, если бы не лицо странного посетителя.

Широко раскрытые глаза смотрели далеко-далеко, сквозь всех танцующих и пьющих, сквозь стены и улицы.

— С каких это пор здесь пристанище шизофреников? — спросил Дени у бармена, хотя уже догадался, что представлял собой этот тип. Бармен усмехнулся, отвел глаза и, потряхивая миксером, равнодушно ответил:

— Это не шизофреник — наркоман.

«Странно,— думал Дени, направляясь к своему столику,— если человек мыслит, думает о чем-либо, то его мысли «Откровение» считывает. А если мыслей нет? Как было в случае с голубем и кошкой? Я чувствовал, ощущал, жил их жизнью. Так ли это?»

Дени опустился на стул напротив наркомана. Аппарат наготове, надо только нажать кнопку.

...Сначала был свет. Ослепительно белый. Надо закрыть глаза, вот так... И сразу — чернильная тьма.

Матово-серебряный круг растет и растет. Это лампа. Круг полутьмы морщится разбегающимися волнами серо-серебряного цвета. За ними — сквозная решетка с зелеными просветами, а там, в этих просветах, серебро расплавленного блика, оно изрешетило на квадраты бледнеющую полутьму. Р асцветаю{ее дрожание лампы печалит. Печаль становится все больше и больше, она разливается и окрашивает все вокруг желтизной... Желтый бесконечный поток одинаковых лиц. Надо ловить звуки сплетенных разговоров...

...Липкая, зеленая вода. Это канал, канал и мост. Под ним расколотое па тысячи мелких осколков отражение беспредельных горизонтов. Вынырнула из воды чайка и закричала...

...Вдруг удар... Боль... Свет... Голоса...

Дени с удивлением обнаружил, что лежит на полу, а вокруг него беснуется орущая толпа. Он поднялся на ноги, увидел валяющийся аппарат, схватил его: «Слава богу, цел!»

Двое полицейских разгоняли дерущихся парней.

— Укокошили художника! — раздался чей-то крик.

... Рядом с художником лежали осколки бутылки, а его лицо перечеркнули черные струйки крови...

13

И опять Дени в Париже.

От Лионского вокзала он поехал автобусом в ту часть города, что граничит с улицей Реомюра, Монмартром и Большими Бульварами.

Там, в узком переулочке де-Фобур, стоит темно-серое с высокими узкими окнами здание филиала Института медицины.

Строгая академическая тишина встретила Дени, едва он открыл массивную дверь. Широкая, крытая ковром лестница вела из вестибюля на второй этаж, а немного сбоку, как у подножия Монблана, зеленел сукном длинный стол.

— Простите,— обратился Дени к молодому человеку за столом,— как мне найти профессора Порелли?

— Поднимитесь на второй этаж,— с нотками предупредительности заговорил тот.— Сегодня заключительный семинар. Сейчас профессор Порелли как раз полемизирует с доктором Дюмондом...

Дверь на втором этаже была приоткрыта, из-за нее доносился приглушенный шум зала. Дени вошел.

— Законы природы непреложны, и подменять их искусственными положениями нельзя.

Я восхищен терпением доктора Дюмонда, поставившего столько экспериментов. Но не могу согласиться с его интерпретацией полученных результатов, как и с постановкой вопроса вообще. Беру на себя смелость утверждать, что телепатия, или, как ее именует доктор Дюмонд, парапсихология, не имеет под собой никакой почвы!

Уважаемому доктору Дюмонду удалось разыскать лишь троих мало-мальски способных перципиентов, да и они занимались тем, что раскладывали пасьянс из символов Зенера! Тем не менее доктор Дюмонд уверенно говорит о возможности передачи мысли на большие расстояния, ссылаясь на высокий коэффициент корреляции.

Нет, господа, физиологические, а тем более психические возможности человека не безграничны. Только гармонический синтез достижений техники и биологии поможет нам осуществить то, в чем природа оказалась бессильной!

Порелли, низенький и совершенно лысый, покинул трибуну под невообразимый шум аудитории. Профессор направился к выходу, задев не успевшего посторониться Дени.

— Мсье Порелли,— почти закричал ему вдогонку Дени,— не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Что вам угодно?

— Меня интересует ваш ученик Джошуа Гало.

Профессор резко остановился. В этот момент Дени нажал кнопку «Откровения».

...Гало! Гало! Гало... Неужели?

— Ага, вероятно, вы представитель фирмы, куда пристроился этот незадачливый экспериментатор?

Дени не стал разубеждать профессора.

Неужели он успел? Неужели? Неужели? — пульсировало в мозгу Порвали одно слово.

— Что же, в свое время я сожалел, что Гало ушел от нас.

...Мне было это необходимо, не мог же я допустить... Экспериментатор он тонкий, но упрямства у него, как у каталонского мула. *Своим упорством он разрушил все мои планы...*

— У вас он работал в области излучений коры головного мозга?

— Нет. Во всяком случае меня это не интересовало...

Он не мог... не имел права! Только я, посвятивший этому жизнь, знаю, как применить такую страшную силу.

— А почему вы... попросили Гало покинуть вашу лабораторию?

— Послушайте, молодой человек...— возмутился профессор, но Дени не дал ему договорить.

— Дело в том, что Гало умер. Может быть, убит. Я веду следствие и правомочен задавать любые вопросы.

...Бот как?! Это судьба! Значит, не все еще потеряно... Брови профессора сдвинулись к переносице.

— Я весьма сожалею... Но уж не считаете ли вы, что его смерть связана с его работой?

— Да,— уверенно ©тветил Дени.

...Что это значит? Он успел? Перед смертью?.. Если бы я мог получить доступ к его бумагам...

— Если вы имеете в виду ситуацию, когда взгляды научного руководителя и исполнителя расходятся, то это, по-моему, повод только для сумасшедших. А я всегда считал Гало нормальным, даже очень здравомыслящим ученым.

...Когда это было? Кажется, в августе... Я был ошеломлен, Не знал, что предпринять. Этот юнец не понимал, какая бомба была заложена в его рукописи.

Я снял копию. Он пришел, заранее ожидая похвал. И я похвалил его усердие. Он сдержался и не бросился в огонь за обрывками рукописи, но я видел его мучительную бледность. Мне не удалось убедить его. Нет, нет, Гало не догадался ни о чем! Ему пришлось уйти... как я жалел потом об этом! Год напряженной работы — и все, все впустую...

— Я сегодня слушал ваше выступление, профессор, и заметил, что идеи Гало нисколько не противоречат вашим принципам...

— Молодой человек, для следователя вы мыслите довольно логично, но откуда вам знать, какие идеи были у Гало?

— В общих чертах мне известно, что Гало делал попытку принимать и расшифровывать мысли.

Ни один мускул не дрогнул на лице профессора.

— Он оставил какие-нибудь следы этой работы?

...Как давит сердце... Выдержу ли?..

— Он все уничтожил. Остались только кое-какие частные письма и долги,— поспешил успокоить профессора Дени, чувствуя, что перехватил.

...Письма... Письма... Письма... Хорошо, так спокойнее.

— Да, мне очень жаль его. Джошуа Гало мог стать блестящим ученым,— это было сказано тихим-тихим голосом, почти шепотом, трудно было поверить, что несколько минут назад этот голос гремел в огромной аудитории.

— Скажите откровенно, профессор, идея Гало осуществима?

...Да... Я это понял позже... Гораздо позже него... Да, да, да.

— Да...

...Что я наделал?..

— Только чисто теоретически,— спохватился профессор.— Я еще нужен вам?

— Благодарю, профессор. Если у меня возникнут вопросы, я обязательно обращусь к вам,— совсем по-студенчески ответил Дени и с облегчением выключил «Откровение».

На лестнице Дени оглянулся: профессор, маленький и совсем незаметный, сгорбившись на диванчике, торопливо глотал таблетки из синего флакончика...

14

Молочно-сизый туман обволок клейкой сыростью крыши домов, скрыл улицу, лежащую где-то внизу. Верховой ветер отрывал белесые клочья и уносил их вверх. Ивонна зябко поежилась и отошла от окна.

Одиночество ее не тяготило. Она избегала общества, друзей — ведь нужно что-то говорить, улыбаться, а для нее это сейчас тяжело. Одиночество не обременительно, если знаешь, что это ненадолго... Но надо еще раз встретиться с этим следователем, одержимым стремлением к истине.

Звонок. Сначала появилась большая корзина, ее держал Аллен Дени, а из-за его плеча выглядывал растерянный рассыльный из универсального магазина Карли. Ивонна невольно улыбнулась.

— Я совсем забыла о своем заказе. Несите сюда. Раз уж вы взялись, помогайте до конца.

Дени стал послушно опорожнять корзину. Ивонна едва сдерживала усмешку, видя, как он косится на растущую батарею бутылок.

— Вы любите коктейли? «Устрицу в пустыне» или «Неотразимый»?

— Я предпочел бы кое о чем спросить вас.

— Одно другому не помешает.

— Когда вы в последний раз видели Джошуа?

Имя было произнесено. Ивонна не шелохнулась. Дени невозмутимо тянул коктейль — он ждал.

— Точно не помню, около месяца назад...

...Интересно, что ему даст эта игра в прятки? Меня никто не видел. Я примчалась к нему ночью. Нет, Джо, ты прочел мои мысли, но ты не знал меня! Да я и сама не знала, что способна на такое.

Трудно, получив два ответа — словесный и мысленный,— не перепутать их и не подать виду, что знаешь не только то, что было произнесено.

— Сколько времени вы знакомы с Гало?

— С детства. Наши семьи были дружны.

Джо был бы идеальным мужем — не от мира сего, да и не беден. Увлечения наукой у него хватало на двоих, я всегда затыкала уши, когда он заводил речь о своей работе.

— Рассказывал ли он вам о своей работе?

— Да. Но это было так непонятно. *Я не хотела понимать. И в дневнике я многого не поняла. Часто думала, как смешны его наивные мечты о полном взаимопонимании. Мир держится на больших и маленьких тайнах, без них невозможна жизнь, и с чего Джо взбрело в голову, что это плохо?*

— Вы получили посылку от Гало?

Откуда он знает? Ну, конечно, полиция все знает!

— Да, получила.

— Следствию необходимо с ней ознакомиться.

Самое страшное я уничтожила — сразу же, как только прочла.

— Там его дневник. Я отдам вам!

— Пожалуйста, Ивонна, достаньте его сейчас.

Он узнал обо мне все, обо всех любовниках и портнихах, о деньгах, тряпках, недомоганиях, о том, что я думаю о себе и о нем, о Серже и его родителях. И это еще не самое страшное — мало ли семей, где отнюдь нет пылкой любви: он прочел и то, в чем сама не всегда отдаешь себе отчет, чему стыдишься дать название даже мысленно. Убить — только об этом думала я по дороге.

— Вот он, дневник.

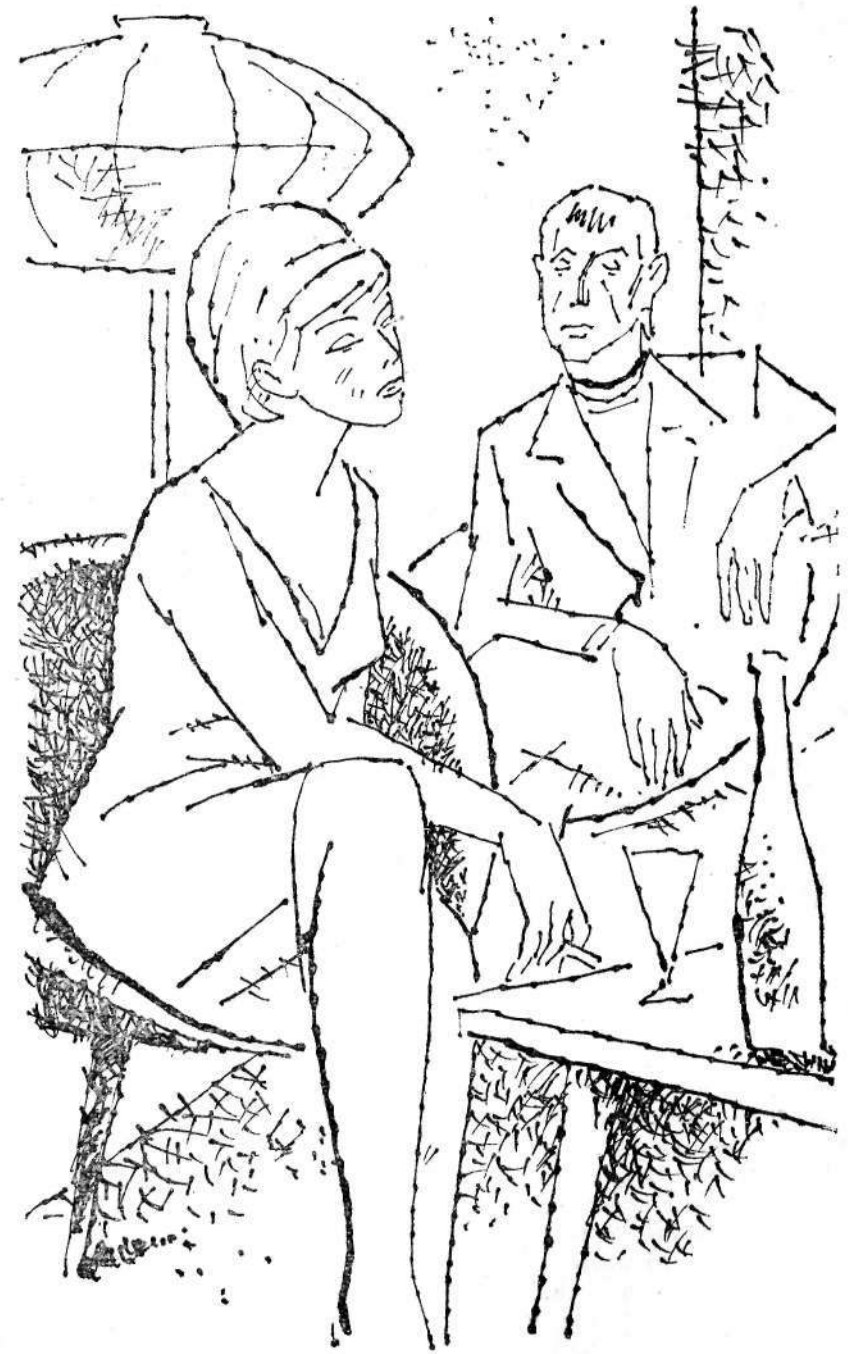
Дени взял тетрадь в полиэтиленовом переплете, еле сдержал желание тут же полистать ее.

Ивонна подошла к роялю. Секунду помедлила.

...Что я тогда играла? Кажется, это...

Странные, неистовые звуки заполнили комнату. Мелодия взлетала, билась о стены, падала и вновь взлетала. Она оглушала, притупляла волю...

...И ночь была какая-то непонятная. Черная и прозрачная.



Тишина такая, что в ней вязли все звуки. Наверное, поэтому его голос так раздражал. И голос, и то, что он говорил... Что-то жалкое и героическое:

— Теперь ты знаешь, что такое откровение! Это слишком страшно... Вот тогда я поняла, что он уже дошел до точки. Его надо лишь толкнуть... «Толкни падающего!»

Я усмехнулась:

— Нет, ты еще не знаешь откровения. И это совсем не страшно.

Небрежно, словно носовой платок, достаю из сумочки револьвер. Джо вроде не испугался, словно ждал этого.

— Мы оба запутались в своих отношениях к миру, друг к другу. Видишь, какое оно, откровение? Безжалостное. Если скучная комедия затянулась, зритель уходит, не дожидаясь конца.

И все-таки ты не ожидал, ты испугался. Но нет, это еще не финал! Он должен прозвучать эффектнее...

...Музыка властно врывалась в уши Дени, нагнетая тревогу, ожидание чего-то ужасного. Ивонна играла исступленно, и мозг ее, повинуясь бешеной музыкальной теме, отбросил все постороннее, сосредоточившись на одном воспоминании о ярости...

...— Ты считаешь, что мы друг друга нашли? Нет, я уверена, потеряли. Потеряли давно, едва став близкими. Кто в этом виноват? Оба...

Слова, слова... мир — театр, в котором люди-артисты произносят отрепетированный текст. Я хочу импровизации.

Выстрел. Я роняю пистолет и скрючиваюсь на лавке. Ну, где же вторая тема?

Выстрел...

...Что я играю? Финал здесь совсем не такой, а у меня что-то другое — постыдный ужас, плачевное бегство...

— Что это было?

Дени казалось, что он спросил тихо, почти шепотом, но в наступившей тишине вопрос прозвучал неестественно громко.

Ивонна очнулась.

— Скрябин. «Поэма экстаза».

15

Разноголосый шум улицы, как сквозь вату, просочился в уши Дени, став привычным звуковым фоном. Дени с трудом раскрыл веки — утренний свет бритвой полоснул глаза.

Постепенно восстанавливалась картина реальности, прогоняя остатки сонного забытья. Дени вспомнил, как очутился в этом номере гостиницы, вспомнил, что было вчера. Ему редко приходилось так много пить, и всегда после этого вместе с головной болью приходило чувство брезгливости к себе.

Дени подошел к окну и жадно выпил нагревшуюся на солнце воду в графине. Мелькнуло беспокойство, словно забыто что-то

важное. Он еще раз стал припоминать вчерашние события. Дневник Гало! Вот же он, на стуле, под измятой сорочкой. Дени раскрыл его, но тотчас же захлопнул. Нет, это надо читать с совершенно ясной головой. Пришлось позвонить портье и заказать крепкого кофе. После второй залпом выпитой чашки Дени устроился в кресле у окна.

Это был обычный блокнот для ежедневных записей, дневником его не назовешь. Каждая страница разделена на три части, в них стоят числа и дни недели. Но коротенькие записи сделаны как попало.

Дени листал страницу за страницей. Мелькали схемы, формулы, отрывочные непонятные записи. Он уже едва сдерживал досаду и разочарование. Да и что можно было ожидать? Но почему он послал эти записи Ивонне? В них, пожалуй, не разберется даже специалист. Хотелось пропустить эти скучные листки и заглянуть в конец, но Дени старался ничего не упустить.

Ага, появилась Ивонна!

«Позвонить Ивонне, пока она не уехала...»

А вот и более пространная запись. Это уже интересней!

«...Понял, что начинаю разочаровываться в работе. Раньше мне казалось, что мы делаем что-то полезное, теперь я так не думаю. Старик Порелли всю лабораторию заставляет работать только на него, и не смей думать о другом...»

Эти записи относятся, видимо, к периоду работы Гало у профессора Порелли. Интересно, как тогда относился к нему шеф?

«...Виделся с Ивонной. Собирается путешествовать — показала новую яхту. Простилась весьма прохладно. Черт возьми, женская логика долго еще будет предметом изучения ученых мужей...»

«Готова новая установка. Просто мечта! Десятиканальная, с амплитудным анализатором, чувствительность 10^{-6}. В лаборатории появился новый объект — мрачный тип с лицом как висячий замок. На новой установке будем записывать его биотоки. Что-то новое!»

«Все не то, не то! Копаюсь уже несколько дней, исписаны рулоны ленты, а итог — рука и предплечье».

«...Работа еле двигается, эксперименты продолжаются. Набрал великолепный материал. Правда, теоретически здесь ничего не докажешь... Хотя... Попробую посчитать...»

«...Опять помехи. Установка забарахлила с самого утра. Надо было снимать потенциалы коры, поставил тантало-ксилидиновые датчики. И вдруг на экране вместе с основной кривой полезла еще одна. Проверил все блоки, даже сетку, которой заэкранирован «зверинец»,— заземление надежное. Вот до чего довела высокая чувствительность. Помехи какие-то внутренние».

«Что мне пришло в голову взяться рукой за сетку? Только взялся — «помешанная» кривая исчезла. Отпускаю сетку — опять она на осциллографе. Целый вечер голову ломал.

Впечатление такое, будто мешают наводки от излучения мозга. Какие центры могут давать такое интенсивное излучение? Зарегистрировать излучение коры головного мозга, кажется, еще никому не удавалось, не удалось бы и мне, если бы не высокая чувствительность установки. Все-таки молодец старик Порелли!»

Дени уже с трудом пробирался сквозь дебри техницизмов.

16

«...Пусть это только догадка, хилая гипотеза, но она стоит того, чтобы над ней подумать. Мне кажется, что на экране осциллографа я видел мысль. Мысль в электромагнитном состоянии. Конечно, мои наблюдения, на основании которых я это утверждаю, носят случайный характер. Но сколько научных открытий было сделано случайно!

Шеф выслушал меня с кислым видом: «Идея любопытная, но мы фантастикой не занимаемся».

...Если я вижу мысль, то почему я не могу ее услышать, расшифровать или записать в конце концов? Что для этого нужно?

Волновой электромагнитный пакет несет закодированную информацию, которую надо расшифровать. Чем? Кристаллом-анализатором? Но на такую частоту анализаторы не существуют... Что же делать?

...Не применить ли принцип суперпозиции излучений несущей частоты и частоты коры мозга? Потом — модуляция, детектирование, как в обычной радиосвязи...

...Сделал расчеты и решил показать шефу, убедить его в своей правоте. Самое удивительное — он заинтересовался, покровительственно похлопал меня по плечу и попросил оставить «на денек, чтобы вдуматься» — так он сказал.

«Денек» обернулся неделей, но я времени не терял — собирал схему, отлаживал и доводил. Можно приступать...

До сих пор я не задумывался, что же будет представлять собой мое приспособление. Что оно даст? В идеале это аппарат «выворачивания наизнанку человеческих мыслей».

Мысль... Сложный биофизический процесс, который позволяет человеку анализировать, сопоставлять, вспоминать — словом, думать.

Сказанные, даже шепотом, слова можно подслушать, записать на пленку. Действия, поведение человека можно подсмотреть, заснять скрытой камерой.

Мысль — это единственное сокровенное. Говорят: откровенный человек. Так ли это на самом деле? Кто проверял, насколько совпадают слова и дела «откровенного» человека с его мыслями?

Неужели право человека оставаться наедине со своими мыслями исчезнет с моей помощью? Не слишком ли много я хочу?

А впрочем, что в этом плохого? Странным кажется все новое, необычное, но потом оно становится привычным, даже необходимым.

Люди, радующиеся своим скрытым мыслям! Вы можете быть спокойны. Пока никто не сможет узнать, о чем вы думаете, что замышляете. Только пока!..

Не могу же я каждого из вас, как подопытного кролика, приводить в лабораторию, сажать перед установкой и заставлять думать. Думать то, о чем бы не хотели вы говорить.

Вы нужны мне в нашей привычной обстановке, с вашими обычными, ничем не возмущенными мыслями. А для этого не вы должны подойти к моему прибору, а прибор к вам.

Не просто это сделать, очень не просто...

...Сегодня я узнал истинное лицо профессора Порелли. Произошло все так. С милой улыбкой пригласил он меня в свой кабинет, усадил возле камина, предложил коньяку.

— Дорогой мой, я с любопытством изучил ваши расчеты. Скажу откровенно — они доставили мне немало веселых минут. А ведь я считал вас серьезным исследователем. Бросая эту рукопись в огонь, я спасаю ваш престиж ученого...

... Нет, я не упал с кресла и не пополз в камин за рукописью. Только какой-то противный комок застрял в груди и не давал вздохнуть. Я ничего не слышал, внезапно мне стали ясны все последние поступки профессора. Это было так мерзко! Он даже не позаботился придать видимость добропорядочности своим поступкам. Отвергнув идею, ухватился за расчеты, держал их неделю и бросил в огонь... Что это? Лицемерие, зависть или убожество мысли?»

Здесь Дени заметил, что в тетради вырвано несколько листочков, аккуратно подчищено место отрыва. Кто это сделал? Ивонна?

«... Память не так прямолинейна, как блокнот. Из нее не вырвешь несколько исписанных листочков без ущерба для всего остального. И все же она совершенней записи. Память сама себя стремится пригладить, сделать не такой мучительной, все наиболее острое и ранящее спрятать поглубже или обволочь дымкой философского оправдания.

Но сейчас боль еще свежа. И все-таки нельзя было поддаваться инстинкту, потребовавшему удалить ее источник...

...С какой настойчивостью человек стремится к познанию мира, сути вещей и явлений! Он изобретает телескопы, радары, эхолоты, микроскопы, счетчики Гейгера — несть числа его выдумкам. Философы возвели гигантскую надстройку над естественными науками, выдумали законы мышления, льстящие самолюбию непомерно влюбленного в себя человечества. Но только в детстве каждый задает себе беспощадный вопрос: а какой я? Ведь не такой же, как все? Книга, картины, музыка — неужели это создавали такие, как я?

— Нет,— говорит себе отрок.— Я не такой. Но я это скрою. Ведь никто меня не разоблачит. И может быть, я не один такой?

Сущность человека! Одни верят, что она прекрасна. Другие, потерявшие надежду, твердят, что в душах людских — ад. Ну, а если этой сущности просто нет?.. Передо мной прошла галерея душ. Политика, религия, искусство. Любовь и ненависть, восторг и отчаяние, твердость и бесхребетность. Какие они разные, люди, сколько оттенков, сколько граней характеров, как искрятся их поверхности!

Но алмаз но сам блестит, а лини, в лучах солнца. Весь спектр излучения преломляется, поглощается и отражается по законам оптики. Для химика любой бриллиант — это углерод с ничтожными примесями других элементов. Так и человек перед «Откровением» — хаос случайной информации, не объединенной чем-то общим.

Бог! Принципы! Идеалы!..

При ближайшем рассмотрении все разлетелось в пыль, и на первый план выползла отвратительная физиономия чувственности. В одном случае желудок, в другом.— похоть, в третьем — «утонченный» умственный разврат...

И странно: я с каким-то сладострастием копался в этой человеческой помойке, все в ней было мне знакомо. И все вызывало отвращение. Брезгливость — вот что движет миром! Недаром любовники задергивают шторы и гасят свет...

Еще плотнее занавес над мыслями наших ближних. И средства информации, общение между людьми — самая бесстыдная ложь, ложь во спасение единства между пауками в банке...

... Неужели рушится все мое мировоззрение, все мои идеалы?!»

17

Ровно в девять утра младший следователь Пьер Этраиж сидел в своем кабинете и, ожидая вызова к комиссару, размышлял.

В этой самой комнате, которую и кабинетом-то назвать трудно, начинал карьеру младший следователь, позднее помощник комиссара по уголовным делам, а ныне комиссар полицейского участка Аллен Дени. Головокружительной была его карьера.

Шефу крупно повезло. Кто мог знать, что дело о самоубийстве какого-то полуголодного изобретателя нашумит в Париже?

С этого и началось. Успешно завершенное следствие о фальсификации банковских чеков, блестяще раскрытые преступления и даже два предупрежденных. Просто невероятно, как можно так быстро и безошибочно работать. Комиссар Дени, казалось, видел людей насквозь, и каждое дело он вел не более трех-четырех дней. Нюх у него особый, что ли?

«Говорят, успех окрыляет,— продолжал рассуждать Этранж.— Незаметно что-то крыльев у шефа. Никогда не улыбнется, всегда мрачен и замкнут. В тридцать лет превратиться в сухаря...»

Телефонный звонок прервал размышления следователя.

— Этранж, — раздался в трубке бесстрастный голос шефа, — вам поручается дело об убийстве: повторяю — об убийстве комиссара полицейского участка Аллена Дени.

И ошеломленный Этранж отчетливо услышал сухой щелчок выстрела и стук упавшей на письменный стол телефонной трубки.

Об авторах

Михеев Эдуард Аркадьевич. Родился в 1941 году в Златоусте в семье потомственных металлургов. По профессии инженер-металлофизик, работает в Центральном научно-исследовательском институте черной металлургии им. Бардина. «Данайский дар» — его первое художественное произведение, написанное в соавторстве с А. Пирожковым, с которым сейчас работает над фантастической повестью. В альманахе публикуется впервые.

Пирожков Анатолий Николаевич. Родился в 1936 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ, в настоящее время заместитель ответственного секретаря газеты «Московская правда». Публиковались его очерки, рецензии, статьи в различных изданиях. Написанный совместно с 0. Михеевыш рассказ «Данайский дар» — первое печатное художественное произведение.

С РУЖЬЕМ НА ДИНОЗАВРА

Л. Спрэг де Камп

Фантастический рассказ

Нет, мистер Зелигман, я не возьму вас с собой в поздний мезозой.

Почему? А какой ваш вес? Сто тридцать фунтов? Постойте-ка... Так это же меньше шестидесяти килограммов? Сам я никогда так мало не весил.

Я готов взять вас в любой период кайнозоя. Я позволю вам пострелять в энтелодона, титанотерия или уинтатерия.

Я даже возьму вас в плейстоцен, где можно поохотиться на мамонта или мастодонта.

Я возьму вас и в триас, и вы сможете застрелить там какого-нибудь недоросля — предка динозавров.

Но я ни за что, нет, ни за что на свете не возьму вас в юру или мел охотиться на динозавра.

При чем тут ваш вес, говорите?

Дело вот в чем, старина. Скажите-ка, с каким ружьем вы собираетесь охотиться на них?

Не подумали? Вот то-то и оно!

Ну, ладно. Посидите-ка минутку... Держите!.. Это мое собственное — «континенталь-

0,600». Как раз для такой охоты. Похоже на дробовик, не правда ли? Но нарезное, как вы можете убедиться, заглянув в стволы. Стреляет нитропатронами размером с банан. Калибр — 0,600, высокая начальная скорость, весит четырнадцать с половиной фунтов, а дульная энергия — свыше семи тысяч футофунтов. Стоит тысячу четыреста пятьдесят долларов. Куча денег, верно?

У меня есть запасные ружья, и я даю их напрокат сахибам. Выстрелом из такого ружья можно свалить слона. Не просто ранить, а именно свалить. Эти ружья не делают в Америке, но, как мне кажется, придется их выпускать, если благодаря машине времени охотничьи партии будут все дальше углубляться в прошедшие эры.

Я вожу охотничьи партии уже лет двадцать. Я был проводником в Африке, пока там не пришел конец охоте на крупного зверя.

А хочу я сказать вот что: за все эти годы мне ни разу не повстречался человек вашего роста, который мог бы справиться с «шестисоткой». От сильной отдачи все они летели кувырком. Те же, кто смог устоять на ногах, после нескольких выстрелов так были напуганы проклятой пушкой, что дрожали, как осиновый лист. Не попадали в слона на расстоянии плевка. Да и тяжеловато для них это ружье. Тащить его на себе по пересеченной местности в мезозойскую эру им не под силу.

Правда, многие убивали слона из ружей и меньшего калибра, например из двустволок калибра 0,500, 0,475 и 0,465, а то и из магазинной винтовки калибра 0,375. Все дело в том, что из ружья калибра 0,375 вы должны попасть в его жизненные центры, лучше всего в сердце. На одну лишь убойную силу пули не приходится рассчитывать.

Слон весит, постойте-ка... от четырех до шести тонн. Вы же собираетесь охотиться на рептилий весом в два или три раза больше слона, к тому же они намного живучее. Вот почему синдикат решил не брать на охоту на динозавров людей, которые не могут справиться с «шестисоткой». Мы научены горьким опытом. Были несчастные случаи.

Вот что, мистер Зелигман. Ба! Да уже шестой час. Пора закрывать контору. Не заглянуть ли нам по пути домой в бар, я расскажу вам одну историю?

Это случилось во время пятой охотничьей экспедиции, которую вели Раджа и я. Раджа? Айяр, совладелец фирмы «Риверз и Айяр». Я зову его Раджей, потому что он наследный монарх Джанпура. В наши дни, конечно, этот титул не стоит и выеденного яйца. Я знал его еще в Индии, затем неожиданно встретил в Нью-Йорке, где он возглавлял индийское туристическое агентство. Помните, темнолицый малый на фотографии, что висит на стене нашей конторы,— он еще поставил ногу на труп саблезубого тигра?

Ну так вот, Раджа был сыт по горло раздачей проспектов

о Тадж Махале и хотел снова поохотиться, как в былые времена. А я был без дела, когда мы впервые услышали о профессоре из Вашингтонского университета и его машине времени.

Где сейчас Раджа? В раннем олигоцене, они там охотятся на титанотерия, пока я управляю конторой. Теперь мы работаем по очереди, а сначала отправлялись вместе.

Так вот первым же рейсом мы вылетели в Сен-Луи. Мы здорово приуныли, когда обнаружили, что были далеко не первые.

Бог ты мой, куда там! Просто отбоя не было от проводников охотничьих партий и от ученых, напичканных всякими идеями, как наилучшим образом использовать машину времени.

Первым делом мы отшили историков и археологов.

Кажется, чертова машина рассчитана для периода не ближе ста тысячи лет до нашего времени. И дальше — примерно до биллиона лет.

Почему так? Не очень-то я смыслю в четырех измерениях. Но насколько я понимаю, если бы люди попали во время до ста тысяч лет, их действия могли бы сказаться на нашей истории. А этого не должно быть. Такое не может случаться в хорошо устроенной вселенной. Но где-то за сто тысяч лет до нашей эры, еще до зари человеческой истории, все действия затеряются в потоке времени. По той же причине, если вы использовали какой-то отрезок прошлого времени, скажем январь миллионного года до нашей эры, вы не можете использовать этот месяц еще раз и послать туда другую экспедицию.

Но профессор не тужит: имея в своем распоряжении биллион лет, он не скоро выйдет за опасные пределы.

Габариты машины тоже ограничивают возможности ее применения. По техническим причинам конструктору пришлось построить транзитную камеру, только-только вмещающую четырех человек со снаряжением и обслуживающий персонал. Более крупные партии приходится засылать в несколько приемов. А это значит, как вы понимаете, что джипы, лодки, самолеты и прочее с собой не захватишь.

С другой стороны, поскольку вы отбываете в безлюдные периоды, нельзя ожидать, что только вы свистнете — и перед вами, тут как тут, сотня туземцев-носильщиков, готовых тащить на голове вашу поклажу. Поэтому мы обычно берем с собой караван ослов — бурро, как их зовут здесь. В большинстве периодов им вполне хватает естественного корма; так что любые дороги нам не заказаны.

Я уже сказал, каждый приехал со своей идеей, как использовать машину. Ученые смотрели на нас, охотников, свысока. По их мнению, было бы преступлением тратить дорогое время этой удивительной машины ради каких-то эгоистических развлечений.

Мы же подошли к делу с другой стороны. Машина обошлась в кругленькие тридцать миллионов. Как я понимаю, постройка

ее субсидировалась концерном Рокфеллера или что-то в этом роде. Но в эту сумму вошла только первоначальная стоимость, без эксплуатационных расходов. А эта штука потребляла чудовищное количество энергии.

Тогда мы, проводники, обратились к д е п е ж и ы м м е ш к а м, к тем людям, которых мы обслуживали и которыми в Америке, кажется, хоть пруд пруди. Не в обиду будь сказано, дружище. Многие из них были в состоянии сделать существенный взнос за то, что машина времени перенесет их в прошлое. Так мы помогли финансировать эксплуатацию машины в научных целях при условии, что нам будет уделена часть времени по справедливости.

Не тратя лишних слов, скажу лишь, что в конце концов для распределения машинного времени проводники образовали синдикат из восьми членов, одним из которых стала фирма «Риверз и Айяр».

В пятой экспедиции нашими кормильцами оказались два сахиба: оба американцы, обоим шел четвертый десяток, крепкие парни и, главное, платежеспособные. В остальном же не было на свете двух более несхожих людей.

Кэртни Джеймс, богатый молодой человек из Нью-Йорка, всячески прожигал жизнь и не понимал, почему это приятное времяпрепровождение не должно продолжаться вечно. Цветущий, рослый парень, почти как я, но уже начинающий тучнеть. Он был женат в четвертый раз, и, когда появился в конторе с блондинкой, у которой прямо-таки на лице было написано, что она манекенщица, я принял ее за четвертую миссис Джеймс.

— Мисс Бартрэм,— поправила она меня, смущенно хихикнув.

— Моя жена в Мексике, где она, судя по всему, добивается развода,— пояснил Джеймс— Так вот. Банни, которую вы видите перед собой, хотела бы вместе со мной отправиться...

— Сожалею,— перебил я,— но мы не берем дам. И тем более в поздний мезозой.

Это было не совсем верно, но я не хотел впутываться в семейные дела, ведь мы и так подвергаемся риску, отправляясь на поиски малоизвестной фауны.

— Чепуха! — сказал Джеймс— Раз она хочет, она поедет. Она ходит на лыжах, управляет моим самолетом, так почему бы ей и...

— Не в правилах фирмы.

— Если мы наткнемся на опасного зверя, она отойдет в сторонку.

— Нет. К сожалению, это невозможно.

— К дьяволу! — сказал он, багровея.— В конце концов я плачу вам кругленькую сумму и имею право взять с собой кого хочу.

— Принцип есть принцип. Плата тут ни при чем. Не согласны— ищите другого проводника.

— Ладно. Так я и сделаю. И скажу всем друзьям, что вы проклятый...— Ну, тут он наговорил? такого, о чем я лучше умолчу. Кончилось тем, что я велел ему убираться, пригрозив вышвырнуть его вон.

Я сидел в конторе, с грустью размышляя об уплывших денежках, которые Джеймс отвалил бы мне, не будь я таким упрямцем, когда вошел второй барашек, некто Огэст Холтзингер. Небольшого роста, худощавый, бледный малый в очках, вежливый и чопорный, не в пример первому — ветреному и наглому.

Холтзингер присел на краешек стула и начал:

— Видите ли, мистер Риверз, я не хотел бы, чтобы у вас сложилось обо мне неправильное впечатление. По натуре я не бесшабашный бродяга и, наверное, умру со страха, повстречавшись с живым динозавром. Но я решил твердо: или голова динозавра будет висеть над моим камином, или пусть я погибну, охотясь за этим трофеем.

— Все мы вначале хватили страху,— подбадривал я его. Оттаяв, он рассказал мне свою историю.

В то время как Джеймс всю жизнь купался в золоте, Холтзингер лишь недавно стал на ноги. Раньше у него было небольшое дело здесь, в Сен-Луи, и он только-только сводил концы с концами, как вдруг один из его дядей неожиданно сыграл в ящик, оставив Оги кучу денег.

Он никогда не был женат, но у него есть невеста. Сейчас он строит большой дом, и, когда тот будет закончен, они поженятся и переедут в него. И одним из предметов меблировки должна стать голова цератопса над камином. Ну, вы знаете, огромная рогатая голова, клюв попугая, костяной воротник вокруг шеи.

Мы толковали обо всем этом, когда вошла девушка, да нет — девчушка лет двадцати, ничего особенного.

— Оги! — говорит она, обливаясь слезами.— Ты не можешь! Ты не должен! Тебя убьют!

Она судорожно обняла его и, обращаясь ко мне, сказала:

— Мистер Риверз, вы не должны брать его с собой! Он для меня все.

— Милая мисс,— ответил я,— ни в коем случае не хотел бы причинять вам огорчения. Путь мистер Холтзингер решит сам, нужны ли ему мои услуги.

— Бесполезно, Клэр,— сказал Холтзингер.— Я отправляюсь. Хоть, кажется, я ненавижу каждый миг этого предстоящего путешествия.

— В чем дело, дружище? — спросил я. — Не хотите — не езжайте. Вы что, держите пари?

— Нет,— сказал Холтзингер.— Дело в другом. Как бы вам это объяснить... Понимаете, я самый заурядный человек. Нет у меня ни блестящего ума, ни силы, как у быка, ни смазливой физиономии. Я всего лишь обыкновенный маленький бизнесмен со Среднего Запада. А между тем я всегда мечтал отправиться

в далекие края и совершить там что-нибудь необыкновенное. Я бы хотел быть рисковым парнем. Как вы, мистер Риверз.

— Ну что вы! — запротестовал я.— Жизнь охотника-профессионала кажется блестящей только со стороны. Для меня охота — лишь кусок хлеба.

Он покачал головой.

— Нет, нет... Вы же понимаете, что я имею в виду. Теперь, получив наследство, я мог бы посвятить остаток жизни игре в бридж и гольф. Но я твердо решил совершить нечто необычное. Так как охоты на крупного зверя в наше время уже нет, я решил застрелить динозавра и повесить его голову у себя над камином.

Холтзингер и его девушка продолжали препираться, но он не сдавался. Тогда она заставила меня поклясться, что я буду беречь Оги как зеницу ока, и ушла вместе с ним, всхлипывая.

После ухода Холтзингера кто бы вы думали вошел в контору? Мой вспыльчивый друг Кэртни Джеймс. Он извинился за оскорбления, хотя едва ли в самом деле сожалел о них.

— Я не так уж часто бываю в дурном настроении,— сказал он.— Только в тех случаях, когда люди не хотят соглашаться со мной. Тогда я иногда срываюсь. Но пока они проявляют готовность к сотрудничеству, со мной не трудно поладить.

Я прекрасно понимал, что для него «сотрудничество» — это когда все поступают так, как того хочет Кэртни Джеймс, но не стал наступать на его любимую мозоль.

— Как насчет мисс Бартрэм? — спросил я.

— Мы поссорились,— сказал он.— С женщинами покончено. Так что, если вы ничего не имеете против, продолжим наш разговор с того места, где мы его прервали.

— Идет,— согласился я.— Бизнес есть бизнес!

Раджа и я решили, что вместе отправимся в охотничью экспедицию на восемьдесят пять миллионов лет назад: в раннюю эпоху верхнего мелового периода, или в средний мел, как называют его некоторые американские геологи. Это были самые лучшие денечки для динозавров на Миссури. К тому же период представлял больший интерес с точки зрения разнообразия форм.

Что касается снаряжения, то мы с Раджей держали по «континенталю-0,600» и несколько ружей калибром поменьше. В то время наш капитал был еще невелик, и мы не могли приобрести лишних «шестисотою), чтобы давать их напрокат.

Между тем Огэст Холтзингер как раз хотел взять ружье напрокат, полагая, что эта охотничья экспедиция останется единственной в его жизни и потому бессмысленно выкладывать тысячу с лишним долларов за ружье, из которого ему придется выстрелить всего несколько раз. Но поскольку у нас не было лишней «шестисотки», ему приходилось выбирать: либо купить ее, либо взять напрокат одно из наших ружей меньшего калибра.

Мы отправились за город испытать «шестисотку». Установили цель. Холтзингер с трудом поднял ружье, словно оно весило

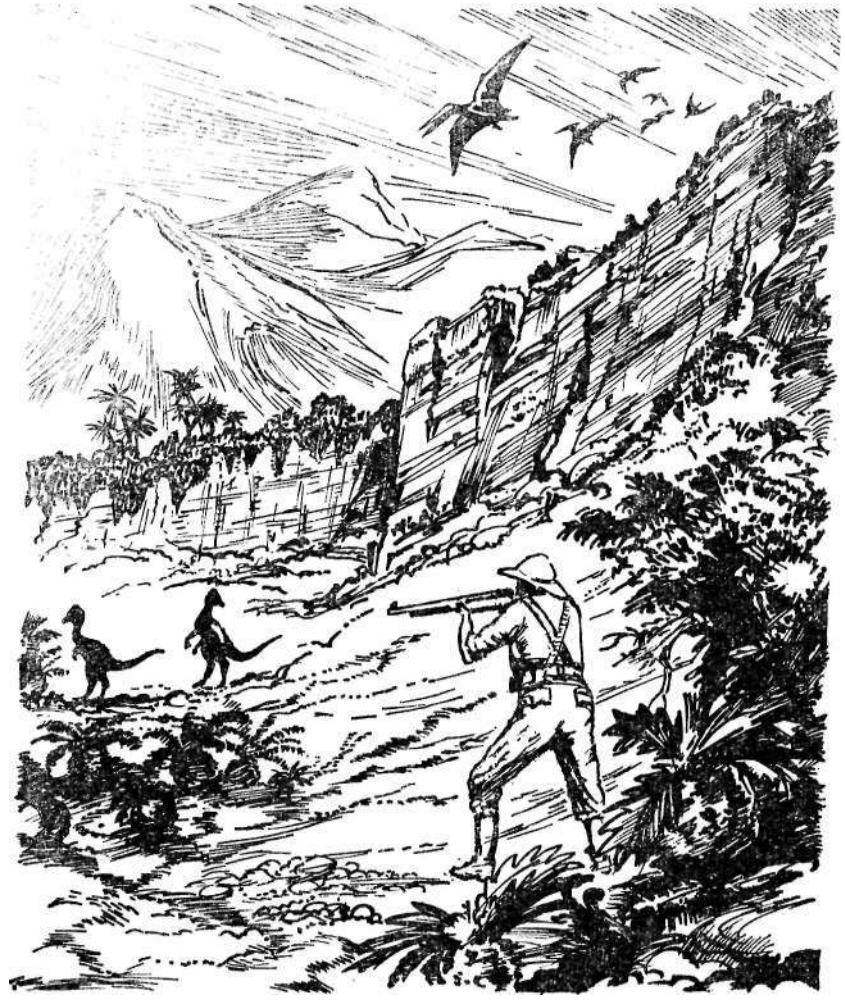
целую тонну, и выстрелил. Пуля ушла «за молоко», а сам он повалился на землю.

Он встал бледнее обычного и вернул мне ружье со словами:

— Знаете... я лучше опробую какое-нибудь полегче.

Ему понравился мой винчестер-70 с патронником под патрон калибра 0,375. Это отличное универсальное ружье...

Какого типа? Обычная магазинная винтовка со скользящим затвором, как у винтовки Маузера. Превосходна для охоты на тигров и медведей, но легковата для слона и совсем уж не годится для динозавра. Никогда бы не согласился на это, но мы спешили, а поиски новой «шестисотой» заняли бы месяцы. Как вы знаете, они делаются на заказ. Джеймс же выражал нетерпение. У него



уже была двустволка калибра 0,500 фирмы «Голапд и Голапд», почти одного класса с «шестисоткой».

Меткость моих клиентов меня не беспокоила. Охота на динозавра требует лишь ясной головы и четкости действий — чтобы не заело механизм ружья от случайно попавшей туда веточки, чтобы вы не упали в яму, не карабкались на деревце, откуда вас легко сорвет динозавр, и не прострелили голову вашему проводнику.

Тот, кто привык охотиться на млекопитающих, порой пытается попасть динозавру в мозг. Глупее ничего нельзя придумать, потому что у динозавров нет мозга. Или, если быть более точным, у них есть маленький комок мозговой ткани размером с теннисный мячик

в передней части позвоночного столба. Но поди доберись до него.

Самый надежный способ охоты на динозавра — целиться ему в сердце. У них большие сердца, свыше ста фунтов у самых крупных экземпляров. Пара зарядов из «шестисотки» прямо в сердце валит их замертво. Все дело в том, как пробиться к сердцу сквозь гору мяса и броню костей.

Так вот, в одно дождливое утро мы собрались в лаборатории профессора: Джеймс и Холтзингер, Раджа и я, погонщик Боргард Блэк, трое помощников, повар и двенадцать «джеков», то есть осликов.

Транзитная камера представляет собой кубическое помещение размером с небольшой лифт. По заведенному порядку я слежу за тем, чтобы первыми отправились вооруженные охотники, на случай если у машины времени в момент ее прибытия окажется голодный теропод. И вот два сахиба, Раджа и я набились в камеру с нашими ружьями и вьюками. Оператор втиснулся вслед за нами, задраил дверь и стал колдовать у приборов. Он поставил стрелку указателя времени на 24 апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры и нажал красную кнопку.

Свет погас, лишь крошечная лампочка, работающая от батарейки, освещала камеру. Джеймс и Холтзингер позеленели, но виной тому могло быть тусклое освещение. Радже и мне уже приходилось испытать все это, так что вибрация и головокружение нас мало беспокоили.

Со своего места я мог видеть, как маленькие черные стрелки приборов описывали круги: одни — медленно, другие — с такой сумасшедшей скоростью, что рябило в глазах. Но вот стрелки стали замедлять свой бег и замерли. Оператор посмотрел на прибор и, повернув ручной штурвал, приподнял камеру, чтобы материализация произошла не на поверхности земли. Затем он нажал кнопку, и дверь отворилась.

Каждый раз, когда я выхожу в прошлую эру, меня охватывает дрожь волнения. От камеры до поверхности земли было около фута, и я выпрыгнул с ружьем наготове. Остальные последовали за мной. Мы оглянулись — в воздухе висел большой сияющий куб с маленькой круглой дверцей.

— Все в порядке! — сказал я технику, и он закрыл дверь. Камера исчезла. Мы осмотрелись. Ландшафт не изменился со времени моей последней экспедиции в эту эру — экспедиции, которая закончилась за пять дней до начала нынешней. Динозавров не было и следа. Одни ящерицы.

Мы стояли на каменистой возвышенности. Отсюда, куда ни кинь глаз, открывались бескрайние, теряющиеся в дымке дали.

К западу виднелся залив Канзасского моря, простирающийся до Миссури и далее. Вокруг залива — огромное болото, где живут завроподы. Принято думать, что завроподы вымерли еще до мелового периода, но это не так. Сократилась лишь область

их распространения, так как болота и лагуны уже не занимали столь большую поверхность суши, как раньше. Но завроподов в этот период еще достаточно. Нужно только знать, где их искать.

К северу тянется низкая горная цепь, которую Раджа окрестил Джанпурскими Холмами — в честь маленького индийского княжества, которым правили его предки. К востоку местность постепенно повышается и переходит в плато — рай для цератопсов. А на юге простирается болотистая низменность, где обитают завроподы и орнитоподы — утконосые динозавры и игуанодоны.

Меловой период чарует своим климатом: он мягок, как на Островах Южных Морей, мало зависит от времен года и не так влажен, как климат юрского периода. Мы прибыли туда весной, когда повсюду цвели карликовые магнолии, но воздух там душист точно так же почти в любое время года.

Замечательная черта ландшафта мелового периода — своеобразный тип растительного покрова. Травы в процессе эволюции не образовали еще сплошного ковра на всей поверхности суши, и земля покрыта густой растительностью из лавра, сассафраса и других кустарников с огромными плешинами между ними. Кругом густые заросли карликовых пальм и папоротников. По холмам одиночками и рощицами растут саговники. Их обычно называют пальмами, хотя мои друзья-ученые говорят, что это не настоящие пальмы.

Пока один из помощников выводил из машины времени двух осликов и привязывал их к колышкам, а я пытался проникнуть взглядом сквозь дымку, позади меня прогремели выстрелы — б а х! б а х!

Я обернулся и увидел Кэртни Джеймса с дымящейся «пятисоткой» в руках, а в пятидесяти ярдах от него — улепетывающего вовсю орпитомима. Орнитомимы — это среднего размера динозавры, безобидные существа с длинной шеей и длинными ногами, нечто среднее между ящерицей и страусом. Они семи футов высотой и весят столько же, сколько и человек.

Я был несколько обескуражен, потому что сахиб, безрассудно палящий по всему живому, столь же опасен, как и тот, кто впадает в панику или удирает со всех ног.

Я заорал:

— Идиот вы этакий! Какого черта вы стреляете без разрешения?

— А кто вы такой, чтобы тут распоряжаться, когда мне стрелять, когда нет из собственного ружья? — отпарировал он.

Мы снова крупно поговорили, пока Холтзингер и Раджа не утихомирили нас.

Я пояснил:

— Выслушайте меня, мистер Джеймс, доводы мои достаточно убедительны. Во-первых, если вы расстреляете все ваши патроны еще до конца экспедиции, ваше ружье превратится в бесполезную палку и им нельзя будет воспользоваться в случае нужды,

а другого, такого же калибра у нас нот. Во-вторых, если вы будете палить из обоих стволов по кому попало, что вы станете делать, если крупный теропод нападет на вас, прежде чем вы успеете перезарядить ружье? И последнее. Не спортивно убивать все, что попадает в поле зрения. Я стреляю, чтобы раздобыть мяса, или ради трофеев, или защищаясь, а но для того, чтобы только слышать звуки выстрелов. Если бы люди могли обуздать свою страсть к убийству, охотничий спорт процветал бы и в нашу эру. Дошло?

— Да-а... как будто...— протянул этот парень, живой, как ртуть.

Из машины времени вышли остальные участники охоты, и мы разбили лагерь на безопасном расстоянии от места материализации. Нашей первой задачей было раздобыть свежего мяса. Охотничья экспедиция рассчитана на двадцать один день, и мы точно калькулируем наш пищевой рацион, чтобы в случае необходимости обойтись консервами и концентратами, но все же рассчитываем убить хотя бы одного зверя. Обеспечив себя мясом, мы отправляемся в короткое путешествие с четырьмя или пятью стоянками, охотимся и возвращаемся на базу за несколько дней до появления транзитной камеры.

Холтзингеру, как я сказал, нужна была голова цератопса любого вида. Джеймса устраивала только голова тираннозавра.

Представление о тираннозавре как о самом жестоком хищнике сильно преувеличено. Он не активный хищник, больше питается падалью, хотя проглотит и вас, если вы ему подвернетесь. Он не так опасен, как некоторые другие плотоядные тероподы, например большой заврофаг юрского периода или даже более мелкий горгозавр той эпохи, в которой мы находились.

Тираннозавр того периода, в который прибыли мы, не являлся царем ящеров, так называемым тираннозавром-рексом. Тот появился позднее, был более крупного размера и более специализирован. Этот же носит название — тираннозавр-трионикс. Его передние конечности еще не стали рудиментами, хотя они и годны лишь для того, чтобы ковырять в зубах после сытной трапезы.

Сразу же после полудня, разбив лагерь, Раджа и я взяли наших сахибов на первую охоту. У нас была карта местности, составленная во время предыдущих экспедиций.

У Раджи и у меня своя система охоты на динозавра. Мы разделяемся на две партии, по два человека в каждой, и двигаемся параллельным маршрутом на расстоянии от двадцати до сорока ярдов друг от друга. В каждой партии — сахиб, идущий впереди, и проводник, который следует за ним и показывает, куда идти.

Сахибам мы говорим, что ставим их впереди, чтобы они могли стрелять первыми. И это действительно так. Но есть и другая причина. Дело в том, что они постоянно спотыкаются и падают^ с ружьем на взводе — будь проводник впереди, он был бы убит.

Разделяемся же мы на две партии потому, что, если динозавр двинется в сторону одной группы, другая сможет сбоку выстрелить. ему в сердце.

Мы карабкались по бесчисленным руслам высохших речек, пересекавших местность во всех направлениях, в течение часа, и сахибы уже обливались потом, когда Раджа вдруг свистнул. Он заметил группу «крепкоголовых» динозавров, ощипывающих побеги саговника.

Это были троедонты — маленькие орнитоподы ростом с человека, с выпуклостью на верхушке головы, что придавало им человекообразный вид. Но выпуклость была всего лишь толстой костью, и мозг их так же мал, как и у других динозавров. Когда самцы дерутся из-за самок, то бодают друг друга головами.

Они то опускались на все четыре лапы, прожевывая побеги, то вставали и оглядывались — троедонты осторожнее прочих динозавров: ведь они любимое блюдо крупных тероподов. Иногда думают, что раз динозавры глупы, то и чувства их неразвиты. У некоторых видов, как, например, у завроподов, это действительно так. Но у большинства хорошее обоняние, зрение и тонкий слух. Уязвимость их в другом: поскольку у них нет ума, у них нет и памяти. Отсюда: с глаз долой — из головы вон. Если вас, брызгая слюной и заранее облизываясь, атакует крупный теропод, лучше всего спрятаться в расселине или за кустом, и, как только он потеряет вас из виду и не сможет почуять, он тут же забудет о вас и побредет прочь.

Укрываясь за карликовыми пальмами, мы подкрадывались с наветренной стороны к ящерам. Я шепнул Джеймсу:

— Вы уже стреляли сегодня. Подождите, пока выстрелит Холтзингер, но и тогда стреляйте только в том случае, если он промахнется или ранит зверя.

— Угу,— сказал Джеймс.

Мы разделились. Он пошел с Раджей, а Холтзингер со мной. Это стало уже правилом. Джеймс и я действовали друг другу на нервы, а Раджа, если только выбросить из головы весь этот вздор о восточном монархе-предке, был славным, отзывчивым малым, которого нельзя было не любить.

Итак, мы пробирались ползком, с противоположных сторон огибая участок карликовых пальм, и Холтзингер уже приподнялся, приготовившись стрелять. Из крупнокалиберного ружья нельзя стрелять лежа. Нет достаточной амортизации, и отдача может сломать плечо.

Холтзингер прицеливался, скрываясь за листвой крайних пальм. Я видел покачивающееся дуло его ружья, когда вдруг прогремели оба ствола ружья Джеймса. Самый крупный динозавр упал, катаясь в агонии по земле, а остальные огромными прыжками помчались прочь; головы их судорожно подергивались, хвосты стояли торчком.

— Поставьте ружье на предохранитель! — крикнул я Холт-

зингеру, бежавшему к убитому динозавру. Когда мы подбежали к «крепкоголовому», над ним, переломив ружье и продувая стволы, уже стоял Джеймс. Самодовольство прямо-таки распирало его, можно было подумать, что ему только что отвалили миллион. Он стал просить Раджу заснять его в этой героической позе — попирающим ногой динозавра. Его первый выстрел был в самом деле превосходен — прямо в сердце. Но Джеймс не мог побороть искушения выстрелить еще раз, хотя бы впустую.

— Стрелять был черед Холтзингера,— заметил я.

— К черту! Я ждал,— сказал Джеймс,— но он проканителился, и я решил, что с ним что-то стряслось. Сколько можно мешкать? Они увидели бы или почуяли нас.

Его возражения были не так уж глупы, но меня раздражала сама его манера говорить.

Я сказал:

— Если это повторится, в следующий раз мы оставим вас в лагере.

— Не будем ссориться, джентльмены,— успокаивал Раджа.— Не следует забывать, Реджи, что они ведь еще неопытные охотники.

— Что будем делать дальше? — спросил Холтзингер.— Потащим зверя сами или пришлем за ним людей?

— Я думаю, мы можем донести его на шесте,— сказал я.— Он не потянет больше двухсот фунтов.

В рюкзаке у меня был складной алюминиевый шест для переноски тяжестей с мягкими прокладками из губчатой резины на концах, чтобы не натирало плечи.

Раджа и я выпотрошили «крепкоголового» динозавра и привязали его к шесту. Тучи мух налетели на отбросы. Ученые утверждают, что это не мухи в обычном смысле слова, но они схожи с нашими, да и повадки у них те же.

До самого вечера мы обливались потом под тяжестью шеста с ношей. Одна пара несла зверя, другая — ружья. Время от времени мы менялись. Из-под ног разбегались ящерицы, и мухи, жужжа, вились над тушей.

До лагеря мы добрались перед самым закатом. Мы были так голодны, что могли бы за один присест проглотить целого динозавра. В лагере все было в порядке; пока повар поджаривал куски мяса «крепкоголового», мы сели опрокинуть по стаканчику виски.

— Хотел бы я знать,— сказал Холтзингер, — если я убью цератоцса, как мы справимся с его головой?

— Если позволит рельеф, мы привяжем его к раме катка и покатим,— пояснил я.

— А сколько может весить его голова? — спросил он.

— Это зависит от возраста и экземпляра,— ответил я.— У самого крупного — около тонны, у прочих — от пятисот до тысячи фунтов.

— И повсюду такая овражистая местность, как та, по которой мы шли сегодня?

— Почти везде. Это все из-за сильных дождей. Эрозия здесь устрашающе быстра — мало растительности.

— А кто потянет каток с головой?

— Да все, у кого есть руки. Крупная голова потребует участия всей партии. И даже тогда мы можем не справиться с ней.

— О! — сказал Холтзингер. По всему было видно, что он размышляет, стоит ли голова цератопса всех этих усилий.

Следующие два дня мы обследовали окрестности. Ничего интересного для охотника — ящерицы и птерозавры, птицы и насекомые. Встретилось только стадо, голов пятьдесят, орнитомимов, которые убежали прыжками, как толпа балетных танцовщиков. Среди насекомых была огромная муха с кружевными крыльями, жалящая динозавров. Сами понимаете, кожа человека для их хобота — ничто. Одна из этих мух ужалила Холтзингера сквозь рубашку, да так, что он подскочил. Джеймс подтрунивал над ним по этому поводу, приговаривая: «Сколько шума из-за какой-то мошки!»

На следующую ночь в дежурство Раджи вдруг слышим страшный крик Джеймса. Мы выскочили из палаток с ружьями наизготовку. А случилось вот что: один из паразитирующих на динозаврах клещей заполз в палатку к Джеймсу и присосался у него под мышкой. Этот клещ, даже не насосавшись, размером с большой палец руки, так что испуг Джеймса вполне понятен. К счастью, он разделался с клещом раньше, чем тот высосал из него пинту крови. Холтзингер, еще не забывший насмешек Джеймса, теперь отомстил ему, заметив: «Сколько шума из-за какого-то паршивого клопика, дружище!»

Джеймс со злости топнул ногой и что-то проворчал — он не терпел насмешек.

Мы сложили свои пожитки и снова отправились в путь. Нам хотелось сводить сахибов на край болота, где водились завроподы.

Я вел охотников к краю болота, к песчаному, лишенному растительности гребню, откуда открывался чудесный вид. Когда мы добрались до гребня, солнце почти зашло. При виде нас несколько крокодилов скользнули в воду. Сахибы, выбившиеся из сил, замертво растянулись на песке.

Над головой парили мелкие птерозавры, похожие на летучих мышей.

Боргард Блэк набрал хвороста и разжег костер. Мы только что принялись за бифштекс, когда из воды, шумно дыша и издавая скрежещущие звуки, вынырнул завропод.

Сахибы вскочили, размахивая руками и крича:

— Где он? Где он?

Я показал:

— Вон то черное пятно на воде... левое...

Они голосили, пока завропод не наполнил легкие воздухом и не исчез.

— Я читал,— сказал Холтзингер,— что они никогда не выходят из воды, потому что слишком тяжелы.

— Это неверно,— сказал я.— Они отлично передвигаются по суше и часто совершают прогулки, чтобы отложить яйца или перейти в другое болото. Но большую часть времени они проводят в воде, как гиппопотамы, и съедают за день по восемьсот фунтов нежных болотных растений. Они бродят, жуя, по дну озера и болот и каждые четверть часа высовывают из воды голову, чтобы подышать воздухом. Уже темнеет, так что эта бестия скоро выйдет наружу и уляжется поспать на отмели.

— Не подстрелить ли нам его? — спросил Джеймс.

— Я бы не стал этого делать,— сказал я.

— Почему?

— Бессмысленно,— ответил я.— И не спортивно. Прежде всего, поразить его в мозг очень трудно из-за повадки постоянно покачивать головой на длинной шее. А чтобы попасть ему в сердце, прикрытое горой мяса, нужна исключительная удача. Затем, если вы убьете его в воде, он утонет, и найти его невозможно. Если же вы убьете его на суше, единственным трофеем станет маленькая голова. Вы не можете унести с собой зверя, так как он весит тонн тридцать, а то и больше.

— Музей в Нью-Йорке — как его там? — заполучил-таки один экземпляр,— сказал Холтзингер.

— Да,— согласился я.— Американский музей естественной истории послал в раннюю эпоху мелового периода экспедицию из сорока восьми человек с пулеметом пятидесятого калибра. Они установили пулемет на краю болота, убили завропода, и им потребовалось целых два месяца, чтобы освежевать его, отделить скелет от мышц и дотащить до машины времени. Я знаком с парнем, которому было поручено осуществление этой операции: до сих пор его мучают кошмары и преследует запах разлагающегося динозавра. Им пришлось заодно убить еще дюжину крупных тероподов, которых привлекло зловоние и которых никак нельзя было отпугнуть. Все они полегли вокруг и тоже гнили. И тероподы все же сожрали трех участников экспедиции, несмотря на пулемет.

На следующее утро мы как раз кончали завтрак, когда один из помощников позвал меня:

— Гляньте, мистер Риверз! Вон туда!

Он показывал на берег. Шесть крупных утконосых динозавров паслись на отмели. Они принадлежали к виду паразавролоф, на макушке у них возвышался гребень, состоящий из длинного костяного шипа наподобие рога антилопы бейза, и кожной ткани, соединяющей этот шип с затылком.

— Тише! — предостерег я.

Утконосые динозавры, как и прочие орнитоподы, очень осто-

рожны, так как у них нет ни защитного панциря, ни какого-либо оружия против тероподов. Они пасутся в прибрежной полосе озер и болот и, если из-за деревьев внезапно нападает горгозавр, тут же погружаются в воду и уплывают. Если же в воде на них начинает охоту гигантский крокодил фобозух, они выбегают на сушу. Расчудесная жизнь! Не правда ли?

— Послушайте, Реджи,— сказал Холтзингер,— я все время вспоминаю ваши слова про голову цератопса. Сними я череп с одного из тех вон там, я, пожалуй, им бы удовлетворился. Такая голова выглядела бы достаточно внушительно в моем доме, разве нет?

— Конечно, старина,— сказал я.— Но как подойти к ним? Мы могли бы сделать крюк и выйти на берег, но придется целые полмили месить грязь и продираться сквозь заросли по колено в воде, и они могут услышать, как мы подкрадываемся. Есть другой путь — переползти на северный конец песчаной косы. Оттуда до них около четырех или пяти сотен ярдов. Стрелять придется с далекой дистанции, но попасть можно. Как вы думаете? Попадете?

— С оптическим прицелом и из положения сидя — да. Я попытаюсь.

— Оставайтесь здесь,— сказал я Джеймсу.— Эта голова — для Оги, и я не хочу, чтобы опять возник спор, кому стрелять первым.

Джеймс что-то проворчал, но Холтзингер уже привинчивал оптический прицел к своей винтовке. Пригнувшись, мы двинулись к косе, стараясь, чтобы песчаный гребень все время оставался между нами и утконосыми динозаврами. Достигнув открытого места, мы поползли на четвереньках, продвигаясь вперед с крайней осторожностью.

Утконосые динозавры, опустившись на все четыре лапы, продолжали кормиться, каждые несколько секунд поднимая головы и оглядываясь. Холтзингер присел, занял удобное положение для стрельбы, взвел курок и начал целиться. И вдруг...

Бах! бах!— прогремели выстрелы из крупнокалиберного ружья позади нас, со стороны лагеря.

Холтзингер вскочил на ноги. Утконосые динозавры, резким движением вскинув головы, суматошными прыжками уходили на большие глубины; лишь брызги фонтаном летели из-под их тел. Холтзингер выстрелил и промахнулся. Я послал пулю вдогонку за последним уткоиосым динозавром, прежде чем тот окончательно исчез из виду. И тоже промахнулся: «шестисотка» не годится для стрельбы с дальней дистанции.

Холтзингер и я повернули обратно к лагерю. У нас мелькнула мысль, не напали ли на него тероподы и не нужна ли там наша помощь.

Произошло же вот что. Крупный завропод, по-видимому тот самый, чьи вздохи мы слышали минувшей ночью, кормясь по

пути, прибрел под водой к лагерю. Перед ним была отмель. Завропод взбирался вверх по склону, пока почти все его тело не выступило из воды. Покачивая головой, он осматривался, ища чего бы такого пожевать из зелени.

Когда я увидел вдали лагерь, завропод как раз с ужасающим ревом поворачивал назад, чтобы вернуться той же дорогой, по которой пришел. Он все больше и больше уходил под воду, пока над поверхностью не осталась только голова и десяти- или двадцатифутовый отрезок шеи, которые раскачивались некоторое время, пока не исчезли в дымчатой дали.

Когда мы подошли к стоянке, Джеймс спорил с Раджей. Холтзингер взорвался:

— Чертов ублюдок! Второй раз портишь мне охоту!

Сильные выражения для маленького Оги!

— Не дури! — сказал Джеймс— Не мог же я позволить ему пройтись по лагерю и растоптать все.

— Опасности не было никакой,— вежливо возразил Раджа.— Вы же видите, что берег тут крут. Просто наш воинственный мистер Джеймс не может равнодушно видеть живую тварь, чтобы не пальнуть в нее.

Я сказал:

— Подойди он в самом деле чересчур близко, запустили бы в него палкой. И делу конец! Они совершенно безобидны.

Тут я покривил душой. Когда граф Делотрек погнался за одним таким, завропод оглянулся, стеганул хвостом и смахнул графскую голову, да так чисто, что в Тауэре * бы позавидовали.

— Откуда мне было знать это? — заорал Джеймс, побагровев.— Вы все против меня. Какого дьявола мы забрались сюда, как не для того, чтобы стрелять? Охотнички дутые! Из вас всех я один хоть раз да попал!

Я разозлился и сказал, что он мальчишка и хвастун, у которого больше денег, чем мозгов, и что мне не следовало брать его с собой.

— Ах так! — сказал он.— Дайте мне осла и немного еды, и я сам доберусь до базы. Не хочу осквернять воздух, которым вы дышите, своим презренным присутствием.

— Не будьте сами ослом! — фыркнул я.— Это невозможно.

— Что ж, обойдусь и без вашей помощи! — Он схватил рюкзак, швырнул туда несколько банок бобовых консервов и консервный нож и пошел прочь, прихватив с собой ружье.

Тут заговорил Боргард Блэк:

— Мистер Риверз, нельзя отпускать его одного в таком состоянии. Он заблудится и умрет с голоду или его сожрет теропод.

— Я верну его! — сказал Раджа и пустился за беглецом. Он догнал Джеймса, когда тот уже исчезал в саговниках. Мы могли

———————

* Тауэр — старинный замок в Лондоне, в средние века служил тюрьмой для особо важных государственных преступников и местом казни знаменитых узников.— *Прим. ред.*

видеть, как они спорили и размахивали руками, но о чем они там говорили, так и осталось тайной. Только через некоторое время видим: оба возвращаются, обнявшись, будто старые школьные товарищи. Просто ума не приложу, как Радже удается такое.

Я вовсе не хочу, чтобы создалось впечатление, что Кэртни Джеймс для всех был только обузой. У него были и хорошие черты. Он быстро отходил и на следующий день после очередной ссоры бывал весел как обычно. Во всяком случае, когда он был в хорошем настроении, он вносил свою лепту в общий труд по лагерю.

В этом лагере мы пробыли еще два дня. Мы видели крокодила, правда небольшого, и множество завроподов — иногда по пять сразу,— но утконосые динозавры больше не появлялись. Не видно было и гигантского пятидесятифутового крокодила.

Первого мая мы свернули лагерь и двинулись на север, к Джанпурским Холмам. Мои сахибы все более ожесточались и выражали нетерпение. Мы пробыли в меловом периоде уже неделю — и никаких трофеев.

Не буду подробно рассказывать об этом переходе. Никакого крупного зверя. Только горгозавр, которого не достать было пулей, промелькнул мимо нас вдалеке, да еще наткнулись на следы огромного игуанодона. Новый лагерь мы раскинули у подножия холмов.

Мы доели «крепкоголового» динозавра, так что первой нашей заботой было добыть свежего мяса. Не забывая, конечно, о трофеях. На утро третьего дня мы собрались на охоту.

Я сказал Джеймсу:

— Послушайте, старина, хватит ваших штучек! Ждите, пока Раджа не подаст знак, что можно стрелять.

— Ладно, вас понял,— сказал он, кроткий, как Моисей. Ни за что на свете не решился бы я предсказать, как поступит этот парень в том или ином случае.

Мы искали «крепкоголового» динозавра, но не отказались бы и от орнитомима. Не исключено было, что и Холтзингеру повезет подстрелить цератопса. Поднимаясь в горы, мы видели двоих, но то были детеныши, без хороших рогов.

Было жарко и душно, и вскоре мы были загнаны и взмылены, как лошади. Все утро мы: то продирались сквозь кустарник, то карабкались по невысоким горам, когда вдруг мне почудился трупный запах. Я остановил партию и потянул носом воздух. Мы находились на открытой прогалине, образованной высохшими руслами маленьких речек. Эти. высохшие русла вели к двум глубоким узким ущельям, густо заросшим кустарником, саговником и пандануса ми. Прислушавшись, я уловил жужжание трупных мух.

— Сюда! — сказал я.— Здесь какая-то падаль. А! Вот и она!

И в самом деле, останки огромного цератопса лежали в небольшой ложбинке на опушке рощицы. Наверное, живой он весил

от шести до восьми тонн. Трехрогая разновидность — может быть, предпоследний вид трицератопса. Трудно было это определить, так как большая часть шкуры с верхней части трупа была содрана, а вокруг валялось множество обглоданных костей.

— О, черт! — вырвалось у Холтзингера.— Почему я не добрался до него, пока он еще не подох! Дьявольски красивая была бы голова!

Вы заметили: общение с нами, грубыми охотниками, испортило словарь Маленького Огэста.

— Дела идут на лад, ребята! — весело сказал я.— Тут был теропод. Лакомился этой падалью. Он должен быть где-то поблизости.

— Откуда вам это известно? — возразил Джеймс. Пот капал с его красного круглого лица. Он пытался (хотя это ему и плохо удавалось) говорить приглушенным голосом: мысль о тероподе, находящемся где-то рядом, действует отрезвляюще даже на самых легкомысленных.

Я снова потянул носом воздух. Мне казалось, что я чую характерный отвратительный запах теропода. Но я не мог быть уверен — мне сильно мешало зловоние, издаваемое трупом.

Я сказал Джеймсу:

— Даже самый крупный теропод крайне редко нападает на взрослого цератопса. Рога цератопса чересчур велики для него. Но цератопс мертвый или умирающий — их любимейшее блюдо. Они неделями будут кружить вокруг трупа, насыщаясь, а затем по целым дням отсыпаясь после своих трапез. Обычно они ищут укрытия от дневной жары, так как подолгу не выдерживают прямых солнечных лучей. Их можно обнаружить лежащими в рощицах вроде этой или в ложбинках — повсюду, где есть тень.

— Что же будем делать? — спросил Холтзингер.

— Сначала прочешем эту рощицу. Двумя парами, как обычно. В любом деле прежде всего хладнокровие и выдержка.

Я бросил взгляд на Кэртни Джеймса, но он невозмутимо посмотрел на меня и занялся проверкой ружья.

— Нести мне его по-прежнему, переломив? — спросил он.

— Нет, закройте, но держите на предохранителе,— ответил я. Нести двустволку закрытой рискованно, особенно в чаще, но, когда где-то рядом теропод, еще больший риск — нести ружье переломленным: случайно попавшая туда ветка может помешать своевременно закрыть его.

— Будем держаться поближе, чтобы не терять друг друга из виду,— продолжал я.

Мы пробирались некоторое время сквозь чащобу, ничего не видя. Наконец заросли несколько расступились, и мы снова могли хоть что-то разглядеть.

Косые лучи солнца проникали сквозь чащу. Я ничего не слышал, кроме жужжания насекомых, шороха разбегающихся ящериц да пронзительных криков зубастых птиц на верхушках де-

ревьев. Мне казалось, что я определенно чую запах теропода, но это могло быть игрой воображения.

— Вперед! — шепнул я Холтзингеру. Было слышно, как Джеймс и Раджа продвигались справа от нас.

— Чуть ближе! — окликнул я их, и вскоре они появились, приближаясь к нам под углом.

Мы спустились в овраг, заросший папоротниками, выбрались из него и увидели большую группу карликовых пальм, преградившую нам дорогу.

— Вы обходите рощу той стороной, а мы этой,— сказал я, и мы двинулись вперед, останавливаясь, чтобы прислушаться к звукам и втянуть в себя запахи. Наше расположение было в точности таким же, как в первый день, когда Джеймс убил «крепкоголового» динозавра.

Наверное, мы прошли две трети пути по полуовалу вокруг пальм, когда впереди, слева от нас, мне послышался шум. Холтзингер тоже услышал его и сдвинул предохранитель. Я, держа на предохранителе большой палец, отступил в сторону для лучшего обзора.

Треск усиливался. Я поднял ружье и прицелился в то место, где, по моему предположению, должно было находиться сердце крупного теропода, если тот паче чаяния появится перед нами из зарослей на ожидаемой дистанции. Листва раздвинулась — и «крепкоголовый» динозавр ростом около шести футов возник перед нами, торжественно шествуя слева направо и покачивая головой при каждом шаге, точно гигантский голубь.

Я еле удерживался от смеха.

— Ого!..— вырвалось у Холтзингера.

— Тише!..— прошептал я.— Теропод может еще...

Но тут прогремело распроклятое ружье Джеймса: б а х! б а х! Крепкоголовый динозавр полетел вверх тормашками.

— Попа-л! — завопил Джеймс. Слышно было, как он бежал к поверженному зверю.

— Боже мой! Опять он за свое! — простонал я.

Внезапно послышался громкий свистящий звук и дикий вопль Джеймса. Что-то огромное вздыбилось и выплыло из кустарника... Я узнал голову крупнейшего из плотоядных того времени — самого тираннозавра-трионикса.

Пусть ученые говорят, сколько хотят, что тираннозавр-рекс крупнее трионикса. Я же готов поклясться, что этот тираннозавр был побольше любого когда-либо существовавшего рекса. Ростом он был не менее двадцати пяти футов и футов пятьдесят длиной. Я разглядел его огромный блестящий глаз, шестидюймовые зубы и толстый подгрудок, свисавший с подбородка до груди.

Одно из высохших русл, прорезывавших рощу, пересекало наш путь у дальнего края группы карликовых пальм. Глубина русла была футов шесть. Оно-то и служило лежбищем тираннозавру, отсыпавшемуся после сытной трапезы. Папоротники на

краю русла скрывали вздымавшуюся спину. Джеймс разрядил оба ствола над головой теропода и разбудил его. Затем Джеймс побежал вперед, не перезарядив ружья. Еще каких-то двадцать шагов — и он вскочил бы тираннозавру на спину.

Джеймс, понятно, остановился, когда эта гора внезапно выросла перед ним. Он вспомнил, что ружье не заряжено и что Раджа остался слишком далеко позади, и не мог сделать прицельного выстрела из-за мешавших зарослей.

В этой критической ситуации Джеймс сначала действовал правильно. Он переломил ружье, вынул два патрона из патронташа и вогнал их в стволы. Но в спешке при закрывании ружья его правая рука, а именно мясистая часть между большим пальцем и ладонью, попала между стволами и ударным механизмом. От нестерпимой боли Джеймс уронил ружье. Это совсем лишило его рассудка, и в паническом страхе он помчался прочь.

Ничего не могло быть хуже этого. Раджа уже приближался, держа перед собой ружье, в любой момент готовый вскинуть его к плечу и выстрелить, как только тираннозавр покажется из зарослей. Увидев бегущего Джеймса, он заколебался, боясь попасть в сахиба. А тот сломя голову летел прямо на него и, прежде чем Раджа успел отскочить в сторону, сбил его с ног. Они покатились в папоротники. Тираннозавр собрал жалкие крохи своего ума и, круша все на своем пути, помчался им вслед, горя желанием расправиться с обоими.

А как в это время обстояло дело с Холтзингером и со мной по другую сторону пальмовой рощи? Так вот, в тот момент, когда мы услышали крик Джеймса и заметили голову тираннозавра, Холтзингер с быстротой зайца ринулся вперед. Я вскинул ружье, чтобы выстрелить тираннозавру в голову, надеясь, что попаду хотя бы в глаз, но, прежде чем я поймал ее на мушку, голова исчезла за пальмами. Может быть, мне следовало выстрелить в то место, где, по моему разумению, она должна была быть, но весь мой опыт восставал против неприцельных выстрелов.

Когда я оглянулся, Холтзингер уже исчез за пальмами. Я довольно грузен, как видите, но помчался за ним со всей прытью, на какую только был способен; и вдруг услышал выстрелы из его винтовки и клацканье затвора между выстрелами: б а х!— клик-клик — б а х! — клик-клик — что-то вроде этого.

Он подоспел к тираннозавру, когда зверь уже нагибался над Джеймсом и Раджей. С шагов двадцати от тираннозавра он стал всаживать пулю за пулей 0,375 калибра в тело чудовища. Он успел выстрелить три раза, когда рассерженный тираннозавр, оглушительно взревев, обернулся посмотреть, кто это жалит его. Пасть его раскрылась, а голова раскачивалась из стороны в сторону и сверху вниз.

Холтзингер выстрелил еще раз и попытался отскочить в сторону. Он стоял на узкой площадке между группой пальм и глубоким руслом высохшей речки и свалился туда. Тираннозавр, про-

должая описывать головой круги, поймал его то ли на лету, то ли когда тот уже коснулся земли. Челюсти захлопнулись — и голова тираннозавра с бедным, жалобно кричащим Холтзингером пошла вверх.

В этот момент подоспел я и прицелился. Но тут до меня дошло, что, целясь в морду, я могу попасть в Холтзингера. Когда голова, как ковш гигантского экскаватора, пошла вверх, я выстрелил в сердце. Но тираннозавр уже поворачивался, собираясь уходить, и я подозреваю, что пуля скользнула по ребрам.

Зверь сделал еще несколько шагов, когда я из второго ствола выстрелил ему в зад. Он зашатался, но устоял. Еще шаг, и он уже почти исчез из виду среди деревьев, когда дважды выстрелил Раджа. Отважный охотник освободился наконец от Джеймса, вскочил на ноги, схватил свое ружье и разрядил его в тираннозавра. Мощный сдвоенный удар опрокинул зверя. Он упал в карликовые магнолии, и я видел, как его задняя нога нелепо раскачивалась среди моря красивых бело-розовых лепестков.

Можете вы представить себе ногу хищной птицы толщиной со слоновью?

Но затем тираннозавр встал и заковылял прочь, так и не выпуская из челюстей своей жертвы. Последнее, что я видел, были ноги Холтзингера, свисавшие по одну сторону пасти (теперь он уже не кричал), и длинный хвост, который бился о стволы пальм, когда зверь качался из стороны в сторону.

Раджа и я перезарядили ружья и со всех ног помчались за зверем. Когда мы выбежали из рощи, тираннозавр был уже в дальнем конце прогалины. Я быстро выстрелил, но, вероятно, промахнулся, и он скрылся из виду, прежде чем я мог повторить выстрел. Мы продолжали бежать по его следам, залитым кровью, пока не задохнулись. Походка динозавров кажется медленной, но с такими ногами им не нужно слишком много шагов, чтобы покрыть значительное расстояние.

Немного отдышавшись и утерев пот со лба, мы возобновили преследование, предполагая, что тираннозавр упал где-то неподалеку и подыхает. Но следы вдруг исчезли, и мы остановились в растерянности.

Прошло несколько часов, прежде чем мы, обшарив всю округу, прекратили поиски и в подавленном настроении отправились назад, к прогалине.

Кэртни Джеймс сидел, прислонившись спиной к дереву, держа два ружья, свое и Холтзингера. Кисть его правой руки опухла и посинела в том месте, где он прищемил ее, но он все же мог владеть ею.

Он встретил нас бранью:

— Где это, дьявол побери, вы шатались? Вы не должны были покидать меня. Вдруг явилось бы еще какое-нибудь чудовище? Хватит того, что из-за вашей глупости мы потеряли одного охотника. А вы рискуете еще и вторым.

Я приготовился было разругать Джеймса в пух и прах, но его наглость настолько ошеломила меня, что я только и смог что пробормотать:

— Из-за нашей глупости?!

— Ну да,— сказал он.— Вы поставили нас впереди себя, как заслон, чтобы в случае опасности не вас сожрали в первую очередь. Вы послали против этих тварей плохо вооруженного охотника. Вы...

— Грязная свинья! — взорвался я и наговорил ему еще кучу приятных вещей. Как я догадался позже, за время нашего отсутствия он выработал стройную теорию; по ней выходило, что несчастье произошло по нашей вине — Холтзингера, Раджи и моей. В ней не было места тому факту, что Джеймс открыл стрельбу, когда не следовало, а потом струсил и что Холтзингер спас его паршивую жизнь. Это, оказывается, Раджа был виноват, что не отскочил в сторону, когда Джеймс налетел на него, и все остальное в том же роде.

Ну, что ж. Я огрубел, ведя жизнь, полную лишений, и могу выражаться вполне красноречиво. Раджа пытался не отстать от меня, но английский язык не давал ему достаточного простора, и он вынужден был перейти на хиндустани, на котором и продолжал осыпать Джеймса проклятиями.

По медленно багровевшему лицу Джеймса я мог видеть, что слова мои попали в цель. И будь у меня время подумать, я понял бы, как опасно оскорблять вооруженного человека. Вдруг Джеймс швырнул ружье Холтзингера на землю и ухватился за свое со словами:

— Никому еще не проходили даром такие оскорбления! Я просто скажу, что тираннозавр сожрал и вас!

Раджа и я стояли с переломленными ружьями под мышкой; понадобилось бы не меньше секунды, чтобы закрыть их и привести в боевую готовность. К тому ж я понимал, к чему приведет выстрел из «шестисотки», которую свободно держишь в руках. А Джеймс уже приставил приклад ружья к плечу, и дула глядели прямо мне в лицо. Как два туннеля в преисподнюю.

Зато реакция Раджи была мгновенна. Когда негодяй прицелился, он отчаянным прыжком бросился на него. Раджа ударом подбросил «пятисотку» вверх, и пуля прошла на дюйм выше моей головы. От грохота выстрела у меня чуть не лопнули перепонки.

В момент выстрела Джеймс, видно, неплотно прижал приклад, и при отдаче тот лягнул его в плечо, как конь копытом, так что Джеймса с силой развернуло в обратную сторону.

Раджа, отбросив свое ружье, вывернул ружье Джеймса у него из рук, чуть не сломав ему лежащий на спусковом крючке указательный палец. Я тут же хватил Джеймса по голове стволом своего ружья, сбил его с ног и начал выколачивать из него глупость. Он был рослый парень, но, принимая во внимание мои сто. килограммов, дело его было безнадежно.

Порядком разукрасив его физиономию, я остановился, чтобы перевести дух. Мы повернули Джеймса лицом: к земле, вынули из его рюкзака веревку и связали ему руки за спиной. Мы пришли к выводу, что не можем считать себя в безопасности, если он не будет под постоянной охраной до тех пор, пока мы не доставим его обратно в наше время.

Мы отвели Джеймса под конвоем в лагерь и рассказали команде, что произошло. Джеймс, отвратительно бранясь, проклинал всех и каждого.

— Лучше убейте меня, или в один несчастный день укокошу вас я, — орал он. — Смелей! Или вы боитесь, что кто-то проговорится и выдаст вас? Ха-ха!

Время охотничьей экспедиции подходило к концу. Все были подавлены и мрачны. Мы безуспешно потратили три дня, прочесывая местность в поисках тираннозавра-убийцы. Он мог лежать в одном из высохших русл, сдохший или поправляющийся, и его нипочем не заметишь, пока не споткнешься об него. Но мы чувствовали, что было бы низко не попытаться найти останки Холтзингера.

После нашего возвращения в базовый лагерь пошли дожди. В промежутках между дождями мы собирали мелких рептилий и других представителей фауны мелового периода для наших друзей-ученых. Когда материализовалась прибывшая за нами транзитная камера, все, обгоняя друг друга, спешили занять в ней места.

Раджа и я еще ранее обсудили вопрос о преследовании Кэртни Джеймса по закону. Мы пришли к выводу, что нет прецедента для наказания преступника, совершившего преступление восемьдесят пять миллионов лет назад, и что дело, по всей вероятности, было бы прекращено за истечением срока давности. Поэтому, когда подошла наша очередь, мы развязали его и втолкнули в транзитную камеру.

Возвратившись в свое время, мы вручили Кэртни Джеймсу его ружье, правда незаряженным, и все его пожитки. Как мы и ожидали, навьюченный амуницией, он молча пошел прочь. Тут подбежала невеста Холтзингера крича:

— Где он? Где Огэст?

Не буду описывать эту мучительную сцену, хочу только сказать, что девушка была безутешна, несмотря на искусство Раджи в такого рода делах.

Как вы думаете, мистер Зелигман, что же надумал этот негодяй Джеймс? Он отправился домой, запасся уймой патронов и вернулся к университету. Там он подстерег конструктора машины времени и сказал ему:

— Профессор, я хотел бы еще раз совершить короткую прогулку в меловой период. Немедленно. За ценой я не постою. Даю пять тысяч аванса. Я хочу попасть туда 23 апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры.

— Что вы там забыли? К чему такая спешка? — спросил его конструктор.

— Я обронил в меловом периоде бумажник,— сказал Джеймс.— И вот думаю: если вернусь в эту эру на день раньше, чем в прошлый раз, увижу прибытие самого себя и замечу, как теряю бумажник!

— Разве он стоит пяти тысяч?

— Это уж мне судить, стоит ли он этих денег.

— Ладно,— сказал конструктор, размышляя.— Партия, которая должна была отбыть сегодня утром, немного задерживается, так что, может быть, я смогу включить вас в нее. Меня всегда интересовало, что произойдет, если один и тот же человек дважды окажется в одном: и том же времени.

Словом, Джеймс выписал чек, и конструктор проводил его до транзитной камеры и простился с ним. По-видимому, Джеймс замышлял притаиться за кустом в нескольких ярдах от места, где должна была появиться машина времени, и пристрелить Раджу и меня, как только мы возникнем перед ним.

Прошло несколько часов. Мы переоделись и позвонили по телефону нашим женам, чтобы они встречали нас. Мы стояли на Форсайтском бульваре, поджидая их, как вдруг раздался страшный грохот, похожий на взрыв или близкий удар грома. Не далее как в пятидесяти шагах от нас сверкнула вспышка пламени. Взрывная волна выбила окна в ближайших зданиях и оглушила нас.

Мы побежали к месту происшествия, куда уже спешили несколько прохожих и полисмен. На бульваре, у обочины, лежал человек. Или, лучше сказать, то, что было когда-то человеком: кости, казалось, превратились в прах, а в жилах не было и капли крови. Одежда, которую он когда-то носил, истлела. Но я узнал двуствольное ружье калибра 0,500 фирмы «Голанд и Голанд». Приклад обуглился, металл местами оплавился, но это было ружье Кэртни Джеймса. Вне всякого сомнения.

После расследования и изучения обстоятельств дела вот что удалось установить. Никто ведь не застрелил нас, когда мы появились 24-го в меловом периоде, и этого факта, конечно, ничто не могло изменить. Поэтому в тот момент, когда Джеймс приступил к действиям, которые могли вызвать заметные изменения в мире восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры, пространственно-временные силы вытолкнули его, во избежание парадокса, в настоящее.

Теперь, когда суть проблемы стала яснее, профессор следит за тем, чтобы путешественников во времени разделял промежуток не менее пятисот лет, иначе даже срубленное ими дерево или утеря какого-нибудь предмета может повлиять на мир в последующем периоде. Если же путешествия более отдалены друг от друга, то, по его словам:, возникшие изменения сглаживаются и теряются в потоке времени.

После всех этих событий нам пришлось нелегко: дурная слава и все такое прочее. Правда, нам удалось все же получить гонорар из состояния Джеймса. Что касается несчастья, то оно произошло не только по вине Джеймса. Мне не нужно было брать его в прошлое, раз я видел, что это дрянной, вспыльчивый как порох человек. А если бы Холтзингер мог справиться с ружьем большего калибра, он скорей всего своим выстрелом свалил бы динозавра, а мы бы прикончили его.

Вот потому-то я и не беру вас на охоту в тот период. Хватит и других эпох. Если вы хорошенько подумаете, я убежден, вы согласитесь...

Перевод с английского
Яна Пазара

Об авторе

Л. Спрэг де Камп — американский писатель. По образованию инженер (окончил Калифорнийский Технологический институт). Консультант Бюро патентов, инструктор Фонда изобретений, издатель учебников и отраслевых журналов, лектор, журналист. Начал писать по вопросам техники с 1933 года, художественные произведения — с 1939 года. Автор (или соавтор) более тридцати книг, в том числе в жанре научной фантастики. Им написаны: «Практическое руководство по изобретательской деятельности» (1937 г., выдержало несколько изданий, переработано и расширено в 1959 г.), «Руководство по написанию научно-фантастических произведений» (1953 г.), «Железный Замок», «Страна абсурда», «Творцы континента», «Конец тритонов», «Род человеческий», «Меч и чары» и многие другие.

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ

Джером Биксби

Фантастический рассказ

Джо Дуллин меня зовут. Присматривал я за коровами старого Фэррела, что возле Лэйзи Эф, за Ручьем. Клеймить коров да напиваться в день получки — вот и все, что было стоящего. в моей жизни, пока я не увидел, как молодой Бак Тэррэнт вытаскивает из кобуры револьвер.

Вообще-то Бак всегда стрелял будь здоров. К примеру, на сотню футов он мог двенадцать раз подряд влепить пулю всего лишь в дюйме от цели. Но, видит бог, его ухлопали бы, пока он вытаскивал револьвер.

Я видел пару раз еще до этого, как он тренировался на Ручье. Выберет дерево, согнется в дугу, и, сдается мне, это он представляет, что перед ним Билли Кид или еще кто, да тут же хвать за кобуру, вцепится корявыми пальцами в рукоять, дернет, как черт, и уж револьвер выскакивает из кобуры, а Бак целится и бьет без промаха. Но все это занимало у него около полутора секунд, и, к примеру, Билли Кид или шериф Бен Рэндольф из города, да хоть даже и я, Джо Дуллин, могли срезать его всего за полсекунды. Так вот, в тот раз, когда я ехал вдоль Ручья и увидел Бака под деревьями, я только ухмыльнулся, да и все.

Он стоял лицом к старому вязу, к которому прибил игральную карту на высоте четырех футов, аккурат там, где у человека сердце. Краешком глаза я видел, как он согнулся.

Выстрел раздался, когда каменистый склон разделял нас. Я опять ухмыльнулся, представив себе неуклюжую повадку Бака.

Несчастный он был парень. Другого слова и не подберешь. Несчастный, и все тут. Костлявый недомерок лет восемнадцати, пучеглазый, рот до ушей. Свое прозвище он получил из-за золотых зубов, а не из-за того, что был богат *. Он неплохо дрался и любил раздавать подзатыльники парням, когда в точности знал, что может поколотить их. Его отец умер года два назад, и он жил с матерью на маленькой ферме возле Ручья. Ферма была захудалая. Бак, бывало, и пальцем не пошевелит, чтоб сделать чего-нибудь по хозяйству. Изгороди повалились, двор весь зарос, дом разваливался, а Бак знай себе слоняется по городу, норовя сцепиться с кем-нибудь в салуне «Еще разок», да разъезжает по округе, или валяется под деревьями на берегу Ручья, или — вот как сегодня — тренируется в стрельбе, сокрушая деревья и камни.

Похоже на то, что ему всегда хотелось стать самым сильным в округе. Он и ходить-то старался так и — уж потом мы узнали — только и думал, когда валялся на траве, как бы ему всех одолеть.

Таким вот и был Бак Тэррэнт — низкорослый злобный паренек, опасный, как гадюка, и всегда мечтавший стать над всеми.

Никогда он таким не стал бы и за миллион лет — вот что самое смешное, да и вроде жалость он вызывал. Не было в нем настоящей силы, только трусливая злоба, и все. А она-то может научить лишь одному — как побыстрей управляться с оружием. Вот Бак и стал мерзким крысенком, готовым пробиться в жизни любым способом, лишь бы пробиться. Он ограбил бы вас тут же, стоило зазеваться.

Я услыхал еще один выстрел и выехал на открытое место. Я был уже так близко, что видел десятку бубен, в которой Бак просверливал пулями одно отверстие за другим. Стрелял он будь здоров, я уже говорил.

Потом заметил меня и вышел из-за дерева — револьвер в кобуре, рука спереди на поясе. Я придержал лошадь в десяти футах от него и стал ждать, что будет дальше.

Ох и смешон же он был в своих мешковатых штанах, в грязной клетчатой рубахе, с большим револьвером на бедре!

— Кого это ты собираешься испугать, Бак? — спросил я, окинул его взглядом с ног до головы и хмыкнул.— Ты выглядишь так же грозно, как, к примеру, жена пастуха.

* Buck — на разговорном языке означает «доллар», «щеголь».— *Прим. пер.*

— А ты сукин, сын,— сказал он.

Я весь подобрался и выпятил челюсть.

— Поосторожней, ты, ублюдок, не то получишь по зубам- и будешь валяться у меня в ногах.

— А разве ты не сукин сын? — злобно сказал он.

И тут, дьявол меня забери, я чуть не выпал из седла! Клянусь, я даже не заметил, как он двинул рукой — так быстро он это проделал! Револьвер просто возник невесть откуда.

— Разве нет? — спросил он снова, и блестевшее от смазки отверстие дула показалось мне воротами в преисподнюю.

Во рту у меня пересохло, я сидел в седле и прикидывал, когда он меня прикончит. Я держал руки так, чтоб он их все время видел, и старался выглядеть как можно дружелюбнее: в самом деле, я ведь никогда не ссорился с Баком, разве что дразнил его изредка, да ведь не больше, чем другие. Не было у него особых причин убивать меня.

Но лицо Бака было таким злобным и жестоким, как у парней вроде него, когда они вдруг сообразят, что в их руках жизнь и смерть.

И вот еще почему я струхнул.

Однажды я видел, как выхватывает револьвер Бэт Мэстерсон. Он это проделывал за полсекунды, может чуть больше. Вы вряд ли увидели бы движение его руки, только услышали бы шлепок по рукояти и через мгновение — выстрел. Это требует длительной тренировки: вмиг выхватить револьвер, прицелиться и выстрелить. Тренировка и умение начать первым — вот что делает меткого стрелка. И сдается мне, такие, как Бак Тэррэнт, всегда стремятся стать меткими стрелками.

Так вот, дуэль Мэстерсона с Джеффом Стюардом в Эбилине выглядела так: шлепок, выстрел — и у Стюарда появился третий глаз. Одно движение, быстрое, как молния. Но когда Бак Тэррэнт навел на меня револьвер у Ручья, я ничего не увидел, совсем ничего. Он только согнулся, и тут же на меня глянуло дуло револьвера. Это могло произойти только в миллионную долю секунды, если секунду удалось бы разделить на миллион частей.

Это было самое быстрое выхватывание револьвера, которое я видел в своей жизни. Нет, не может рука человека с такой скоростью добраться до кобуры, ухватить и поднять тяжелый «писмейкер» * по двухфутовой дуге.

Это было ну никак невозможно — и все-таки произошло. И револьвер был направлен на меня.

Я. не произнес ни слова. Сидел себе в седле да думал обо всех этих вещах, а моя лошадь тихо брела по склону, пока не остановилась пощипать травы. И все это время Бак Тэррэнт стоял в той же позе, дикое злорадство горело в его глазах. Он знал, что может убить меня в любой момент и что я об этом знаю. Когда он заговорил, голос его дрожал, будто от сдерживаемого смеха — да только недобрым был этот смех.

* «Peacemaker» — марка револьвера, в переводе на русский означает «миротворец».— *Прим. пер.*

— Что скажешь, Дуллин? — спросил он. — Достаточно быстро, а?

— Да, Бак, достаточно быстро,— ответил я.

Мой голос тоже здорово дрожал, но уж не от желания посмеяться.

Бак сплюнул, с презрением глядя на меня. Он стоял на высоком месте, и наши головы находились на одном уровне. Но я-то чувствовал себя гораздо ниже ростом.

— Достаточно быстро! — фыркнул он.— Быстрей, чем кто-нибудь еще может!

— Верно, это так,— сказал я.

— Знаешь, как я это делаю?

— Нет.

— *Я думаю,* Дуллин. *Я думаю, что мой револьвер у меняв руке.* Как тебе это нравится, а?

— Чертовски быстро, Бак.

— Я только думаю — и он у меня в руке. Неплохое выхватывание!

— Неплохое.

— Ты чертовски прав, Дуллин. Быстрее всех!

Я тогда не знал, что он хотел сказать, когда говорил: «Думаю, что мой револьвер у меня в руке», но, будьте уверены, у меня и мысли не было спросить его об этом. Глаза его горели так, что, казалось, вот-вот прожгут дырки в ближайшем дереве.

Бак снова сплюнул и оглядел меня.

— Знаешь, Дуллин, можешь убираться к дьяволу. Ты вшивый, богом проклятый, трусливый сукин сын.— Он холодно усмехнулся.

Он не оскорблял меня — просто нагло издевался. Я, бывало, бил по морде за меньшее: могу постоять за себя, если меня затронут. Но сейчас я начисто забыл об этом:.

Он заметил, что я взбешен, стоял и наблюдал.

— Да, это очень быстро, Бак,— сказал я,— я и не думаю с тобой соревноваться. Ты хочешь убить меня, что ж, не могу препятствовать в этом и не подумаю вытаскивать револьвер. Нет, сэр, это уж точно.

— Душа в пятки ушла,— ощерился он.

— Может, и так,— согласился я.— Встань на мое место и спроси себя, что бы ты, черт побери, сделал.

— Трусливая душонка! — прорычал он, тараща на меня свои наглые глаза.

У меня плечи свело, а рука так и потянулась к револьверу. Ничего подобного никогда я еще не выслушивал.

— Не буду я доставать револьвер,— сказал я. — Поеду-ка дальше, если ты не против.

Я осторожно взял поводья, повернул лошадь и стал спускаться по склону. Я чувствовал на себе его взгляд и все ждал пулю в спину. Да ее все не было. Потом Бак Тэррэнт крикнул:

— Дуллин!

Я повернул голову.

— Ну?

Он стоял все в той же позе. Чем-то напоминал он мне сбесившегося койота: и глаза желтоватые, и слишком уж рот разевал, выплевывая слова, и его большие кривые зубы блестели на солнце. Думается, его бешеное желание грубить шло от одного: он теперь поступал, как хотелось ему всегда,— нагло, безбоязненно, подло, и только потому, что выхватывал револьвер быстрее всех. Это прямо-таки сочилось из него, как яд.

— Дуллин,— сказал он.— Часа в три я буду в городе. Передай от меня Бену Рэндольфу, что он сукин сын. Скажи ему, что он хоть и шериф, а башка его навозом набита. Скажи ему, пусть на глаза мне не попадается, когда я буду в городе, лучше пусть убирается, совсем убирается отсюда. Передашь?

— Передам, Бак.

— Зови меня мистер Тэррэнт, ты, ирландский ублюдок.

— Хорошо... мистер Тэррэнт,— сказал я и, спустившись со склона, направился к дороге, идущей вдоль Ручья. Проехав с сотню ярдов, я обернулся: Бак снова тренировался — согнулся, как по волшебству, револьвер очутился в его руке, выстрелил...

Я ехал в город, чтобы сказать Бену Рэндольфу, что он должен либо уехать, либо умереть.

Бен был долговязым, тощим техасцем. Он приехал в город с севера лет десять назад, прижился в аризонском климате да так и остался. Он был хорошим шерифом — достаточно твердым, чтобы держать в руках большинство, и достаточно мягким, чтобы управляться с остальными. За годы службы он стал еще более живым и проворным, чем раньше.

Когда я рассказал ему о Баке, он сгорбился в своем кресле и начал раскуривать трубку: зажег спичку, и она горела, пока не обожгла пальцы,— табака огонь и не коснулся.

— Это точно, Джо? — спросил он.

— Бен, я видел это четыре раза. Поначалу я глазам своим не верил. Да, скажу я вам, он делает это быстро. Быстрее, чем вы, или Хиккок, или я, или кто еще. Дьявол его знает, откуда это у него.

— Но,— сказал Бен Рэндольф, зажитая другую спичку,— не может это у него так получаться.— Его голос звучал почти умоляюще:— Такая сноровка вырабатывается медленно, очень медленно. Вы же знаете. Как он мог этому выучиться за несколько дней? — Он сделал паузу, попыхивая трубкой.— Вы уверены, Джо? — спросил он снова из-за клубов дыма.

— Да.

— И он хочет иметь дело со мной?

— Так он сказал.

Бен Рэндольф вздохнул.

— Он несчастный малый, Джо, просто несчастный. Если бы не умер отец, я думаю, он не был бы таким. Мать не в состоянии направить его по верному пути.

— Вы ведь отбирали у него револьвер раза два, а, Бен?

— Угу. И из города его выгонял, когда он становился слишком уж опасен. Говорил ему, чтоб немедленно убирался домой и помогал матери.

— Думаю, потому он и вызывает вас.

— Да. И еще потому, что я шериф. Я лучше всех управляюсь с револьвером: в округе, и он не хочет начинать с конца, это не по нему. Сразу хочет стать первым.

— Он это может, Бен.

Шериф снова вздохнул.

— Понимаю. Если то, что вы сказали, правда., мне и в самом

деле плохо придется. И все же я должен идти к нему. Вы же знаете, я не могу оставить город.

Я поглядел на его руку, что лежала на коленях,— пальцы дрожали. Он сжал пальцы в кулак — и кулак дрожал.

— Вам надо бы уехать, Бен,— сказал я.

— Да, конечно,— мрачно ответил он.— Но я не могу. Что будет с этим городом, если я сбегу? Разве кто-нибудь еще может держать его в руках? Нет, черт побери. И вы это знаете.

— Таких сумасшедших опасных негодяев, как он, надо бы убивать.— Я помялся.— И... может, выстрелить ему в спину, если уж нельзя подстрелить спереди?

— Верно,— сказал Бен Рэндольф.— Рано или поздно это произойдет. Но что случится за это время? Сколько людей будет убито? Это и есть моя работа, Джо, люди, которые могут погибнуть... Я должен встать между Баком и ими, понимаете?

Я встал.

— Да, Бен, понимаю, но хочу, чтобы вы не делали этого.

Он выпустил клуб дыма.

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, что он «думает» о револьвере в руке?

— Прямо ума не приложу. Может, он совсем рехнулся?

Еще один клуб дыма.

— Вы считаете, что я покойник, Джо, а?

— Похоже, что так.

В четыре пополудни Бак въехал в город с таким видом, словно был его полным хозяином. Он сидел в своем потрепанном старом седле, как раджа на слоне: правая рука низко на бедре и чуть отставлена. В своей обвисшей шляпе, лихо надетой набекрень, с вытаращенными глазами, он при своей костлявой фигуре выглядел как огородное пугало, пытающееся походить на человека, на сильного человека. Но ведь он и в самом деле был сильным человеком. Все в городе знали об этом от меня.

Никто не произнес ни слова, пока он ехал по улице до коновязи перед салуном. Да и разговаривать-то особенно было некому. Почти все попрятались по домам, можно было заметить лишь легкое движение за окнами да колыхание занавесок.

Только несколько человек сидели в креслах на верандах. Кое-кто стоял, прислонившись к стене. Они быстро глянули на Бака и тут же отвернулись.

Я находился неподалеку, когда Бак привязывал лошадь. Он с важным видом направился к салуну: правая рука на поясе, глаза горят адским пламенем.

— Ты передал ему? — спросил, он.

Я кивнул.

— Он придет к тебе, как ты сказал.

Бак коротко рассмеялся.

— Не нравится мне этот долговязый ублюдок. Я подожду. Сдается мне. я в два счета покончу с ним.

Он глядел на меня, а лицо его приняло выражение, какое он считал подобающим его грубому, ворчливому тону. Чудно, но почему-то можно было с уверенностью сказать, что внутри он не такой. Не было в нем настоящей твердости и силы. Вся его грубость, вся жестокость умещалась в кобуре, ну а остальное в нем подлаживалось к этому.

— Вот что,— сказал он.— Что-то не нравишься ты мне, ирлашка. Может, мне и тебя придется прикончить. Что мне стоит, а?

Так вот, единственно, почему я стою сейчас живой у дверей своего дома, — это то, что я сообразил: раз уж Бак имел шанс пристрелить меня, да не сделал этого, я должен спастись, должен — и все тут. И еще я подумал: вдруг, когда придет время выложить козыри, я смогу что-нибудь сделать для Бена Рэндольфа, если только сам господь бог мне поможет!

Ничего я так не желал тогда, как находиться в комнате у окошка и смотреть, как Бак Тэррэнт собирается прикончить кого-то другого.

— Нет, не сделаю я этого,— говорит Бак, мерзко ухмыляясь.— Ты сходил и сказал шерифу, как я велел тебе, проклятому ирлашке, овечьему пастуху с заячьей душонкой. Сказал ведь?

Я кивнул, а у меня прямо челюсти свело от злости, да так, что кожа на лице чуть не лопнула.

Он ждал, что я пойду впереди него. И когда увидел, что я не двигаюсь, расхохотался и пнул ногой дверь салуна.

— Входи, ирлашка,— бросил он через плечо.— Я поставлю тебе самую лучшую выпивку.

Я вошел вслед за ним, и он, тяжело ступая, направился прямо к стойке, взглянул старому Меннеру в глаза и сказал:

— Дай-ка мне бутылку самой лучшей отравы, что есть в твоем заведении.

Меннер глядел на сопляка, которого вышвыривал отсюда раз двадцать, и лицо его стало прямо белым. Он повернулся, взял с полки бутылку и поставил на стойку.

— Два стакана,— сказал Бак Тэррэнт.

Меннер осторожно поставил два стакана.

— Чистых.

Меннер отполировал два других стакана полотенцем, поставил их на стойку.

— Ты ведь не возьмешь денег за выпивку, а, Меннер? — спросил Бак.

— Нет, сэр.

— И впрямь, что бы ты с ними делал? Отнес бы домой и потратил на эту толстую телку, свою жену, да на свое отродье, этих двух недоумков. А?

Меннер кивнул.

— Черт побери! Они не стоят такого беспокойства, верно?

— Нет, сэр.

Бак заржал, взял стаканы, протянув один мне. Он оглядел салун и увидел, что там почти пусто: Меннер за стойкой, в конце зала пьяница, уснувший за столом, уронив голову на руки, да маленький человечек в шикарном городском костюме, сидевший со стаканом в руке у окна и глазевший на улицу.

— Где-все? — спросил Бак у Меннера.

— Да ведь, сэр, похоже, они дома. Почти все по домам сидят,— сказал Меннер.— Жаркий сегодня денек. Бот и все и...

— Бьюсь об заклад, он будет еще жарчей,— резко бросил Бак.

— Да, сэр.

— Сдается мне, им это будет не по нутру, если день будет жарчей. А?

— Да, сэр.

— Ну а я все же собираюсь его подогреть, слышишь ты, старый ублюдок, да так, что все это почувствуют.

— Раз вы сказали, сэр, значит, так и будет.

— Может, и для тебя будет слишком жарко. Ну да, так и будет. Что ты думаешь об этом?

— Я... я...

— Ты ведь выгонял меня отсюда. Помнишь?

— Д-да... но я...

— Гляди сюда! — Бак только сказал — и револьвер появился у него в руке, тут как тут, а сам и рукой не шевельнул, ни на дюйм.

Я смотрел на Бака: рука его лежала на стойке у стакана, и вдруг револьвер очутился в ней, нацеленный прямо в живот Меннера.

— Понимаешь,— сказал Бак, ухмыляясь и глядя на искаженное страхом лицо Меннера,— я могу влепить пулю, куда захочу. Показать?

Его револьвер рявкнул, пламя сверкнуло над стойкой, и на зеркале за стойкой появилась черная дырка с паутиной трещин.

Меннер стоял, а кровь стекала ему на шею с разорванной мочки уха.

Револьвер Бака снова рявкнул — и другая мочка Меннера окрасилась кровью. А револьвер Бака был уже в кобуре — он попал туда с той же скоростью, как и выскочил.

— Ну, пока хватит,— сказал Бак.— Выпивка хороша, и, сдается мне, должен же кто-то мне подавать ее, а ты, старый осел, больше всего годишься для такой работы.

Он больше и не глянул на Меннера. Старик, весь дрожа, прислонился к полке за стойкой, две красные струйки стекали ему на

шею, залипая воротник рубашки. Я видел, как ему хочется дотронуться до пораненных мест, узнать, что там и как, но он боялся поднять руку.

Бак уставился на маленького человечка в городском костюме, сидевшего у окна. Тот повернулся на звук выстрелов и сидел, глядя прямо на Бака. Стол перед ним был мокрым: видно, резко повернувшись, незнакомец разлил свою выпивку.

Бак оглядел шикарный костюм парня, его маленькие усики и ухмыльнулся.

— Пошли,— сказал он мне, взял стакан и слез с табуретки у стойки.— Узнаем, что это за франт.

Бак пододвинул стул и сел лицом к входной двери, да и окно он мог так видеть.

Я взял другой стул и тоже подсел к незнакомцу.

— Хорошая стрельба, верно? — спросил Бак у маленького франта.

— Да,— сказал тот.— Отличная стрельба. Признаюсь, она меня просто поразила.

Бак грубо захохотал.

— Она и старое чучело поразила,— он повысил голос: — Скажи, Меннер, ведь ты поражен?

— Да, сэр, — полным боли голосом ответил Меннер из-за стойки.

Бак с ног до головы оглядел парня. Его наглые глаза шныряли вниз и вверх: по шикарному жилету, полоске галстука, острому личику с узким ртом, усиками и черными глазами. Он долго-долго смотрел ему в глаза, а тог, казалось, ничуть не испугался.

Бак глядел на маленького франта, а маленький франт глядел на Бака. Так оно продолжалось некоторое время, а потом Бак опустил глаза. Он пытался держаться — как и до этого — с наглой настороженностью. Да только плохо ему это удавалось.

— Ты кто, мистер? — хмуро и злобно спросил он.— Никогда не видел тебя в здешних местах.

— Меня зовут Джэкоб Прэтт, сэр. Я направляюсь в Сан-Франциско и дожидаюсь здесь вечернего поезда.

— Торговец?

— Простите?

Лицо Бака вмиг стало угрожающим.

— Ты слышал меня, мистер. Ты торговец?

— Я слышал вас, молодой человек, но я ничего не понимаю. Вы хотите знать, не музыкант ли я, играющий на барабане? *

— Нет же, проклятый осел! Я хочу знать, чем ты торгуешь? Ядовитыми снадобьями? Выпивкой? Мылом?

— Что вы... Я ничем не торгую. Я профессор, сэр.

— Ну и ну, будь я проклят! — Бак поглядел на него с некоторой опаской.— Перфессор, а? И чего же?

---

* Drummer — барабанщик, в разговорном языке — коммивояжер, торговец.— *Прим. пер.*

— Психологии, сэр.

— Чего это?

— Это наука о поведении человека, о причинах, толкающих его на те или иные поступки.

Бак прямо заржал, и снова в его голосе появилось рычание.

— Ну, перфессор, ты попал туда, куда надо. Я покажу тебе самую настоящую причину, почему люди поступают так или иначе! Перво-наперво, я и есть та главная причина в этом городе... Ха-ха!

Его рука лежала на столе — и вдруг «писмейкер» очутился в ней, нацеленный прямехонько в четвертую пуговицу профессорова жилета.

— Ну, понял?

Маленький человечек глаза вытаращил.

— Да, да,—сказал он и уставился на револьвер, как загипнотизированный.

Чудно, да и только. Он ничуть не испугался, а только вроде как сгорал от любопытства.

Бак опять уставился на профессора с той же настороженностью, что и прежде. С минуту он сопел, кривя рот.

Потом сказал:

— Вы образованный человек, верно? Думаю, много выучили всего. Или не так?

— Да, я полагаю, что так.

— Ну вот...

И снова Бак вроде замялся. Револьвер в его руке опустился, и дуло уткнулось в стол...

— Вот что,— сказал он медленно,— может, вы скажете мне, как это, черт возьми...

Он умолк, и профессор сказал:

— Вы хотели сказать...

Бак глядел на профессора, его вытаращенные глаза сузились, глупая ухмылка бродила по зверской роже.

— Вы скажете мне, что тут правда, а что вранье, с моим револьвером?

— Но зачем здесь револьвер? Разве его присутствие меняет что-нибудь?

Бак постучал тяжелым стволом по столу.

— Эта штука меняет чертову уйму вещей. Будете спорить?

— Только не с револьвером,— спокойно сказал профессор.— Он всегда побеждает. Однако я намерен беседовать с вами, если только будете говорить вы, а не револьвер.

Я был прямо потрясен профессоровой храбростью: того и гляди, Бак потеряет терпение и начнет разбрасывать свинец.

Но тут вдруг револьвер Бака снова оказался в кобуре. Я заметил, что профессор опять словно удивился.

— Нервы у вас будь здоров, перфессор,— сказал Бак, блудливо ухмыляясь.— Может, вы как раз и знаете то, что мне нужно.

Как Бак ни пыжился, все равно было видно, что профессор снова побил его, словами — против револьвера, глазами — против глаз.

— Что же вы хотите знать? — спросил профессор.

— Это... ну,— сказал Бак, и опять револьвер очутился в его руке — и впервые при этом его лицо вместо того, чтобы стать жестоким и угрожающим, осталось нормальным — глуповатым и немного растерянным.

— Как... как я вот это делаю?

— Хорошо, я вам объясню,— сказал профессор,— но, может быть, вы сами ответите на свой вопрос, если расскажете все с самого начала.

— Я... — Бак покачал головой,— ну ладно, это получается тогда, когда я думаю о револьвере в моей руке. В первый раз такая штука случилась сегодня утром. Я стоял у Ручья, где всегда тренируюсь, и мне страсть как захотелось, чтобы я выхватывал револьвер быстрее всех на свете, прямо чтоб совсем ни секунды не проходило. И это случилось. Револьвер был в моей руке точь-в-точь, как сейчас. Я только протягивал руку вперед ...и револьвер тут же оказывался в ней. Господи, я чуть не свалился наземь — так обалдел.

— Понимаю,— сказал профессор медленно.— Вы просто думаете, что револьвер в вашей руке?

— Ну да, вроде того.

— Вы не могли бы проделать это еще раз, если нетрудно,— и профессор наклонился вперед, чтобы видеть кобуру Бака.

Револьвер Бака появился в его руке.

Профессор глубоко вздохнул.

— Теперь подумайте, что он у вас в кобуре.

Так оно и случилось.

— Вы ни разу не двинули рукой,— сказал профессор.

— Точно так,— сказал Бак.

— Револьвер просто внезапно возникал в вашей руке. И затем таким же образом возвращался в кобуру.

— Верно.

— Телекинез,— торжественно сказал профессор.

— Теле... что?

— Телекинез, или перемещение материальных объектов мысленной энергией.

Профессор наклонился и внимательно осмотрел кобуру с револьвером.

— Да, это так. Трудно было поверить сразу, но теперь я убежден окончательно.

— Как вы сказали?

— Т-е-л-е-к-и-н-е-з.

— Ну, и как я это делаю?

— Ничего не могу вам ответить. Этого никто не знает. Проводилось довольно много опытов, отмечено немало фактов телекинеза, но о таком поразительном случае, как ваш, я даже не слышал.— Профессор наклонился над столом.— А вы можете, молодой человек, проделывать это с другими предметами?

— С какими еще предметами?

— С бутылкой на стойке, например.

— Не пробовал.

— Попробуйте, прошу вас.

Бак уставился на бутылку. Она покачнулась, еле дрогнула и опять застыла. Бак пялился на нее изо всех сил, чуть глаза не вылезли. Бутылка задрожала.

— Черт,— сказал Бак.— Вроде не могу, не получается у меня думать о ней так, как думаю о револьвере.

— Попытайтесь переместить этот стакан на столе,— сказал профессор,— он легче бутылки и расположен ближе.

Бак уставился на стакан. Тот немного проехался по столу, чуть-чуть. Бак взвыл, как собака, и, схватив стакан, швырнул его в угол.

— Видимо,— сказал профессор, подумав,— вы можете проделывать это только с вашим револьвером, ведь ваше желание очень велико. Оно освобождает или создает некие психические силы, они-то и позволяют совершать это действие.— Он помолчал, задумавшись.— Молодой человек, а вы не могли бы переместить ваше оружие, скажем, на тот конец стойки?

— Это еще зачем? — подозрительно спросил Бак.

— Мне бы хотелось установить, на какое расстояние действует ваш фактор.

— Нет,— злобно сказал Бак.— Черта с два я это сделаю. Я отправлю туда свой револьвер, а вы вдвоем на меня наброситесь. Не нужны мне такие фокусы. Спасибо.

— Как угодно,— сказал профессор спокойно,— Я предлагал это в виде научного опыта.

— Ну да,— сказал Бак.— Хватит с меня твоей науки, не то я проделаю другой опыт: узнаю, сколько нужно дырок проделать в тебе, прежде чем ты загнешься.

Профессор откинулся на стуле и взглянул Баку прямо в глаза. Через минуту Бак отвел взгляд.

— Куда же запропастился этот поганый трусливый шериф? — рявкнул он, поглядев в окно, потом покосился на меня.— Ты передал ему, чтоб он пришел, а?

— Да.

Несколько минут мы сидели молча.

Профессор сказал:

— Молодой человек, вы не смогли бы поехать со мной в Сан-Франциско? Я и мои коллеги были бы весьма благодарны вам за возможность исследовать ваш столь необычный дар. Мы смогли бы даже оплатить вам то время..,

Бак расхохотался.

— Пошел ты к черту, мистер. У меня есть идеи почище, настоящие большие идеи. Нет на свете человека, кто мог бы побить меня! Я доберусь до Билли Кида... Хиккока... До всех. Когда я буду входить в салун, они станут подавать мне выпивку. Вхожу в банк, мне уступают очередь. Ни один законник от Канады до Мексики не остановится в городе, где буду я. Ну, черт возьми, можете вы мне это дать, вы, поганый маленький франт?

Профессор пожал плечами.

— Ничем не могу помочь вам.

— То-то и оно.

Вдруг Бак взглянул в окно, вскочил со стула.

— Рэндольф идет! Вы оба оставайтесь здесь — может, я вас оставлю живыми. Перфессор, я хочу еще потолковать с тобой об этом телекинезе. Вдруг я смогу направлять и пули в полете. Оставайтесь здесь. Понятно?

Он повернулся и выскочил за дверь.

Профессор сказал:

— Он не сумасшедший?

— Рехнулся, как объевшийся ядовитой травы бычок,— ответил я.— Видно, этим он и кончит. Безобразная тварь, ненавидит всех, но теперь-то он в седле, и все остальные должны уступать ему дорогу.

Я с подозрением посмотрел на профессора.

— Послушайте, профессор. Вот вы говорили что-то о телекинезе. Это так и есть?

— Абсолютно точно.

— И он в самом деле думает о револьвере в своей руке?

— Именно.

— И быстрее всех выхватывает его?

— Невероятно, но так. Фактора времени практически не существует.

Я встал. Никогда я не чувствовал себя так скверно, как сейчас.

— Пошли,— сказал я.— Посмотрим, как там будет.

Будто у меня появились какие-то сомнения в способностях Бака. Мы вышли на веранду и приблизились к перилам. Возле нас появился Меннер. Он повязал голову полотенцем, на котором проступали красные пятна. Он смотрел на Бака, и ненависть была на его лице.

Улица была пуста. Только Бак стоял футах в двадцати от нас, да в конце ее шел шериф Бен Рэндольф, медленно ступая по густой пыли.

Несколько человек стояли на верандах, прижавшись к стенам и дверям. Никто не сидел — все понимали, что сейчас произойдет.

— Будь все проклято,— сказал я хрипло.— Бен слитком хороший человек, чтоб вот так его убивали. И кто его убьет? Какой-то псих, черт знает что делающий со своим револьвером.

Я почувствовал, что профессор смотрит на меня, и обернулся.

— Так почему же,— сказал он,— вы все не выступите против него? Десять человек вполне могли бы его окружить.

— Нет. это не годится,— сказал я.— Это не пройдет. Кто-то из нас должен выйти первым и остановить его. Каждый из нас должен выйти против Бака Тэррэнта, но всем сразу нельзя.

— Понимаю,— сказал профессор.

— Боже,— я в отчаянии сжал кулаки,— как бы мне хотелось,

чтобы его револьвер вернулся в кобуру или провалился куда-нибудь!

Бен и Бак были футах в сорока друг от друга. Бен шел твердо, и рука его лежала на рукоятке револьвера. Думаю, он надеялся, что Бак не убьет его первым выстрелом, и он сможет ответить.

Профессор как-то чудно смотрел на Бака.

— Надо его остановить,— сказал он.

— Ну что же, остановите,— ядовито сказал я.

— Видите ли,— продолжал он,— у всех нас есть способность к телекинезу. Я полагаю, что ее можно привести в действие либо неистовой верой, либо сильнейшим желанием. Если исходить из этого положения...

— Черт вас побери, вы слишком много говорите,— со злостью сказал я.

— Это ведь ваша идея,— сказал профессор, продолжая глядеть на Бака.— Помните, вы говорили, что вам хотелось бы, чтобы его револьвер очутился в кобуре. В конце концов, если мы вдвоем выступим против одного...

Я обернулся и посмотрел на профессора, будто видел его впервой.

— Верно! — сказал я.— Господи... неужели мы сможем это сделать?

— Мы можем попытаться,— сказал он.— Мы знаем, что это возможно, а это почти выигранная битва. Раз он может, значит это возможно и для других. Мы должны хотеть сильнее, чем он.

Бен и Бак были уже футах в двадцати друг от друга. Бен остановился.

У него был усталый голос, когда он сказал:

— К твоим услугам, Бак.

— Ты, поганый шериф! —завизжал Бак.— Вонючий подонок!

— Не нужно оскорблять меня,— сказал Бен.— Этим ты меня не заденешь. Я могу говорить с тобой оружием, если ты готов.

— Я всегда готов, бобовый ты стручок! — взревел Бак.— Может, ты выхватишь револьвер первым?

— Думайте о его оружии,— громко прошептал профессор.— Выбросьте все из головы и думайте, что он не может это сделать! Думайте! Думайте!

Бен Рэндольф схватился за кобуру, а в руке Бака уже был «писмейкер». Мы с профессором как статуи застыли на веранде, думали только о револьвере Бака, глядели на него, затаив дыхание.

Револьвер Бака заговорил. Пуля взбила пыль у ног Бена.

Бен уже наполовину выхватил револьвер.

Дуло револьвера Бака смотрело вниз, он изо всех сил старался поднять револьвер, так, что рука побелела. Он стрелял и стрелял, и пули взбивали пыль у ног Бена.

Бен выхватил револьвер и прицелился.

Бак продолжал буровить пыль под его ногами.

Потом Бен выстрелил. Бак вскрикнул, револьвер выпал из его руки. Бак пошатнулся и сел прямо в пыль, кровь хлестала у него из плеча. Мы подошли, чтобы поднять его.

Профессор и я рассказали Бену, как у нас все получилось. Больше никому мы не рассказывали. Думаю, он нам поверил.

Бак отсидел две недели в городской кутузке, а потом год в тюрьме штата за угрозы шерифу. Прошло уже шесть лет, как его не видно и не слышно. Никто не знает, что с ним, да и не очень-то стараются узнать.

Пока он сидел в городской тюрьме, профессор целыми днями толковал с ним, даже отложил свою поездку.

Как-то вечером он сказал мне:

— Тэррэнт больше этого никогда не повторит. Никогда — даже левой рукой. Выстрел окончательно разрушил его веру. Я разузнал у него все, что мог, и теперь моя работа окончена.

Профессор уехал в Сан-Франциско, там он занимался своими опытами. Он ими занимается и по сей день. Никак не может забыть, что случилось в тот день с Баком Тэррэнтом. Ничего подобного у него так и не получилось. Он писал мне, что ему не удалось больше проявить свою способность к телекинезу. Говорит, пробовал тыщу раз, даже и перышка не смог сдвинуть с места.

Вот он и думает, что, мол, мне одному удалось повлиять на револьвер Бака п спасти Бену жизнь.

Я частенько думал обо всех этих чудных штуках. Может, у профессора веры не хватает, слишком много он всего знает, сомневается — вот у него ничего и не выходит. Не верит по-настоящему даже тому, что видит собственными глазами.

Как там ни крути, в общем он хочет, чтобы я приехал в Сан-Франциско и чтобы он делал со мной опыты. Может, когда и соберусь. Но не похоже, что я найду когда-нибудь свободное время.

Дело в том, что у меня-то веры хватает, даже с избытком. Что вижу, в это и верю. Так вот, когда Бен в прошлом году ушел в отставку, я занял его пост — ведь у меня самый быстрый револьвер в здешних местах. А вернее, во всем мире. Может, если бы я не был таким смирным да миролюбивым, я бы стал знаменитостью.

Сокращенный перевод с английского
Н. Кондратьева

Об авторе

Джером Биксби — современный американский писатель. Специализируется в жанре так называемых рассказов о Диком Западе (вестерны). Второе его увлечение — научная фантастика. Часто его, как правило, небольшие, рассказы представляют собой сплав этих двух увлечений. Начал печататься в различных журналах в начале 50-х годов.

Право силы — или справедливость?

Послесловие к рассказам Л. Спрэга де Кампа «С ружьем на динозавра» и Джерома Биксби «Американская дуэль»

Сборник «На суше и на море» продолжает знакомить читателей с произведениями зарубежной фантастики. Рассказы, опубликованные в этом выпуске, представляют характерные направления западной фантастической литературы. Одно из них использует в различных вариациях сюжеты, основанные на идее перенесения объектов в прошлое или будущее, как правило, с помощью традиционной уэллсовской машины времени. В другом — энергично «эксплуатируются» темы, связанные с загадочными возможностями парапсихологии — области психологических исследований, в праве на существование которой сомневаются многие ученые.

...Два американекпх толстосума, стремясь не отстать от моды снобов своего электронного века, совершают путешествие в «85-мнллионный год до нашей эры», чтобы поохотиться на динозавров. По вине одного из участников экспедиции, Кэртни Джеймса, эгоиста и самодура, охота кончается трагически: в пасти доисторического чудовища гибнет второй американец. Джеймс хочет взвалить вину за случившееся на проводников Риверза и Раджу, даже пытается застрелить их, чтобы замести следы преступления, но вовремя получает крепкую взбучку.

И Джеймс замышляет месть. Он возвращается на берег «Миссури мелового периода» 23 апреля 85-мнллиониого года до нашей эры (то есть в день, предшествующий прибытию туда злополучной охотничьей экспедиции), чтобы расправиться с Рнверзом и Раджой, как только то покажутся из машины времени.

Однако такой парадокс невозможен «в хорошо устроенной Вселенной», замечает Л. Спрэг де Камп устами одного из персонажей своего рассказа. Нельзя по чьей-либо прихоти «перекраивать» то, что уже совершилось, подменять одно прошлое другим. Миллионер Джеймс был невежда — задумав месть, он не учел «пустякового» обстоятельства: природа не допускает противоестественных парадоксов, ибо (по мысли автора рассказа) в «хорошо устроенной Вселенной» действуют некие фундаментальные законы «объективной справедливости».

В тот миг, когда Джеймс попытался «слегка изменить прошлое», сама природа, как бы негодуя на преступника, вышвырнула его из мелового периода. Обугленный труп авантюриста оказался на мостовой современного города. Природа не терпит «несправедливости», затрагивавшей основы ее бытия,— таков вывод, следующий из рассказа Спрэга де Кампа «С ружьем на динозавра». Мысль весьма интересная; прежде всего она относится, конечно, к естественным нормам существования физической реальности. Однако логика размышлений не может не вызвать в сознании людей вопроса: каков фундаментальный механизм взаимосвязи сугубо физических закономерностей мпра с более сложными и противоречивыми проявлениями и формами его бытия, такими, например, как духовная жизнь человека и человеческого общества? Рассказ «С ружьем на динозавра», как мы видим, довольно прозрачно намекает на существование таких природных зависимостей.

Нельзя не вспомнить здесь слова из «Философских тетрадей» В. И. Ленина о всеохватывающей природной взаимосвязи: ...«Все vermittelt ~опосредствовано, связано в едино, связано переходами. ... Закономерная связь *всего (процесса)* мирт> (М., Издат. полит, лит., 1969, стр. 92).

Зарвавшийся, в своем преступном своеволии американский миллионер получает в конце концов по заслугам от самой природы. Эта символическая концовка фантастического рассказа звучит сегодня в высшей степени реалистично! Если до каких-то пор мистеры джеймсы теперешней Америки еще могут по своей воле сеять зло то там, то здесь на Земле, нести страдания своему и другим народам, несомненно главное: общество, социальная система, вступившие в глубокие противоречия с фундаментальными закономерностями мира, необходимо обречены.

Объективно мыслящие писатели Америки, в том числе и фантасты, не могут так или иначе не выражать этой идеи (которой в наш век насыщена, кажется, сама атмосфера планеты) в произведениях, написанных с честных реалистических позиций.

С красноречивым кусочком заокеанского образа жизни знакомит читателей и рассказ Джерома Биксби «Американская дуэль». Некто Бак Тэррэнт не менее типичный продукт породившей его системы, чем миллионер Джеймс, хотя в отличие от последнего Бак почти нищий, пария.

Это был «низкорослый злобный паренек, опасный, как гадюка, и всегда мечтавший стать над всеми... Не было в нем настоящей силы, только трусливая злоба, и все... Вот Бак и стал мерзким крысенком, готовым пробиться в жизни любым способом, лишь бы пробиться». Таков главный антигерой рассказа Джерома Биксби.

Право сильного — закон существования в некоем американском городишке. Впрочем, но только в нем: принцип «сильный — всегда прав» возведен, как известно, в ранг государственной политики США.

Но и в этом рассказе право грубой физической силы приходит в столкновение с правом силы моральной, с правом простой, всем понятной человеческой справедливости.

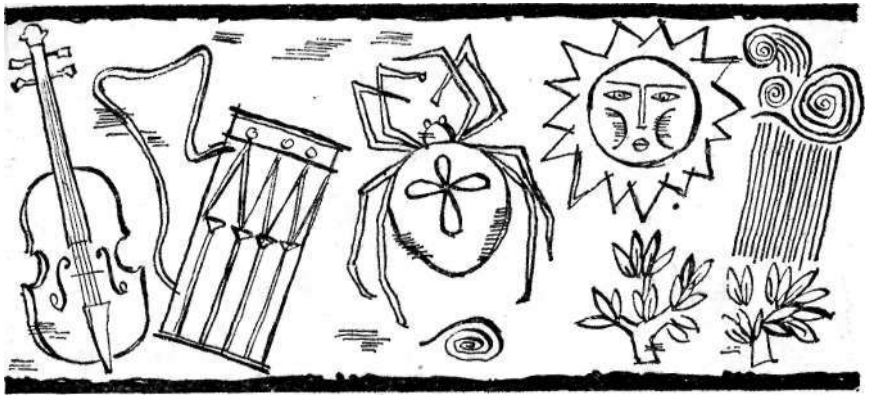
Джером Биксби допускает фантастическую посылку: «мерзкий крысенок» Бак, страстно мечтавший обладать «самым быстрым револьвером», непроизвольно разбудил в себе телекинетические способности. Его револьвер сделался «быстрым, как сама мысль». Используя это неожиданное преимущество перед остальными людьми, Бак терроризирует весь город, дает волю своей злобной, мстительной, животной натуре. Назревает трагедия.

Однако, по главной идее рассказа «Американская дуэль», с парапсихологическими эффектами, связаны столь могущественные природные силы, что было бы величайшей несправедливостью, если бы ими безнаказанно пользовался «мерзкий крысенок» Бак да и вообще любой человек, стремящийся употребить их во зло людям. Природа не может быть абсурдной — из этого принципа исходит и Джером Биксби в рассказе, предложенном здесь.

Право моральной справедливости одерживает победу над так называемым правом грубой физической силы и злой воли. Бак терпит поражение из-за того же эффекта телекинеза, коим случайно овладел. Зло, которое этот мерзавец пытался причинить другим, закономерно обрушивается па него самого. Идея древняя, как мир, но нестареющая: «поднявший меч — от меча и погибнет...»

Не будем оценивать оба рассказа с точки зрения их художественных достоинств. Нашей целью было отмстить на двух примерах некоторые из положительных тенденций прогрессивной американской фантастики, которые так или иначе сближают ее с советской фантастической литературой, неустанно утверждающей в лучших своих произведениях веру в высокое назначение Человека, уверенность в его будущем.

Н. Петров



ВОСЬМИНОГИЕ НАШИ СОСЕДИ

Лечебная хореография

Самый древний портрет паука, сделанный рукой человека, красуется на стене одной из пещер Испании. Портрет весьма реалистический.

В те далекие тысячелетия, когда люди поселились в пещерах, пауки уже давно там жили. Они стали нашими соседями, правда не очень общительными. Соседствуют и поныне: в садах, лесах и домах, в которые люди переселились из пещер и пауки — за ними. Пауки всюду деловито прядут свою изумительную паутину, по-прежнему необщительные, незаметные и, на взгляд многих, несимпатичные. Интересно, оставили ли пауки, первые со скорпионами заселившие сушу планеты, хоть какой-то след в истории и хозяйстве человека, который этой планетой безраздельно завладел?

Если обратимся к временам менее древним, чем каменный век, можно найти в старых книгах странные и непонятные рассказы о пауках.

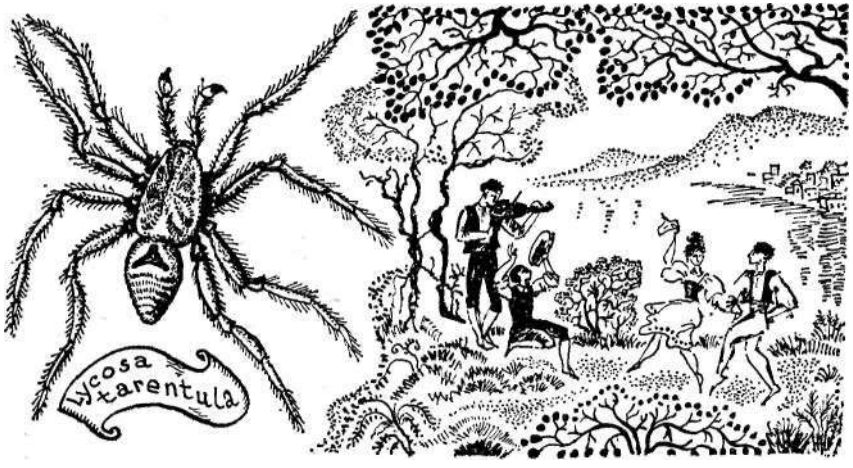
В них повествуется, что в 867 году войска Людовика Немецкого вторглись в Италию. Но вот в горах Калабрии их настигла неведомая болезнь, губившая солдат одного за другим. Что-то вроде буйного помешательства: судороги, похожие на пляску, и — смерть. Ничто не помогало, никакие лекарства.

И тогда решили, что виноваты... пауки. Люди погибали так странно будто бы от их укусов. По всей Европе вскоре прокатилась эпидемия этой болезни, сопровождавшаяся мучительной изнурительной пляской. Назвали ее тарантизмом. Начитанные люди вспомнили, что еще в давние времена греки и римляне писали о ядовитых пауках, о тарантуле в особенности, и пошла о нем дурная слава.

И чем же лечили укушенных этим злосчастным тарантулом? Музыкой. Играли весело и быстро на скрипке, на тамбурине и на гитаре. Больной, даже если он едва дышал, должен был встать и танцевать. Танцевать долго, сколько сил хватит. Иные будто бы танцевали по 36 часов подряд.

До предела изнурив себя в бешеной пляске, тарантолати (укушенный тарантулом) падал в изнеможении и засыпал крепким сном. А наутро уже был здоров, хотя и очень слаб. Через год нередко приступы тарантизма повторялись, и вновь родные бежали за музыкантом.

Возможно, что, без меры танцуя, больной выздоравливал, обильно потея: пот уносил из тела губительные яды и токсины — так сказать, экстрагировал больного. Этим только



танец, видимо, и помогал. А кто и что и на чем играл — не имело значения, хотя люди тогда думали иначе*.

Ничего другого медики сейчас придумать не могут для объяснения музыкальных методов лечения загадочного тарантизма. В наши дни такая болезнь науке не известна. Возможно, что тарантизм — стопроцентная легенда. Одно ясно: тарантулы в тарантизме обвинены ложно. Их яд плясать людей не вынуждает. Поболит немного укушенное место — и все.

Тарантизм исчез без следа, но тарантелла осталась. Пауки, и поныне еще красующиеся на нотных листах, убедительно свидетельствуют: если тарантизм сам по себе миф, то музыкальное лекарство — несомненная реальность. Название наиболее популярной мелодии лечебной пляски «тарантелла» встречается уже в рукописях XIV века. Сейчас это веселый народный танец, быстрый и весьма продолжительный, что вполне понятно, если вспомнить о его первоначальном назначении.

Опровержение „научного мифа"

Старое название паука у англосаксов — эттеркоп, у датчан — эддеркоп; оба означают «ядовитая голова».

«По старому английскому поверью, — читаем мы в примечании к «Зимней сказке» Шекспира,** — пауки считались ядовитыми. В деле сэра Томаса Оверберга, деле, которое наделало много шуму в царствование короля Якова I, один из свидетелей обвинения сказал: «Графиня Соммерсетская просила меня, чтобы я достал яду самого сильного, а поэтому я купил для нее семь больших пауков».

Тогда в Европе в ходу были всякого рода отравления — яды и противоядия изобретались самые различные и изощренные, секреты их в большинстве давно утеряны и нам сейчас неведомы. Но вот в рецептах иных ядовитых смесей пауки числились как сильная отрава.

Прошли века, и вдруг (как часто, впрочем, бывало и с другими опасными или загадочными животными)

* Считалось особенно полезным, если на скрипке играл священник. Но, судя по всему, случалось такое нечасто. Обычно музицирующими «лекарями» были бродячие студенты. Для иных музыкальные упражнения такого рода стали профессией.

** Собрание сочинений, выпущенное в виде приложения к журналу «Живописное обозрение», 1893.

маятник общественного мнения резко отклонился в обратную сторону. Пауков слишком поспешно реабилитировали, решив без достаточных оснований, что они не опасны, совершенно не ядовиты. Правда, и раньше, в век Шекспира и всеобщей паукофобии, такие суждения уже высказывались. В 1693 году итальянский врач Санкуинётти при свидетелях дал себя укусить двум тарантулам. Боли, как он уверял, не чувствовалось. Лишь на второй день укушенные места опухли и появились две маленькие язвочки.

Но решительная реабилитация пауков пришла позднее, в прошлом веке и в начале нашего, когда многие аранеологи (пауковеды) стали утверждать в своих трудах, что восьминогие объекты их исследований совсем не ядовиты.

Однако врачи, особенно в тропических странах, продолжали лечить людей, укушенных пауками.

Мало-помалу в медицинской литературе накопилось достаточно фактов тяжелых и даже смертельных отравлений ядом пауков. И тогда стало ясно: не все пауки безобидны. Некоторые даже очень ядовиты. Но лишь некоторые, немногие. В мире плетут сети (и не плетут, обходясь без них!) 30 тысяч всевозможных видов пауков. А вот тех немногих, очень ядовитых, можно, полагают исследователи, пересчитать по пальцам (правда, нескольких рук).

Большая часть из них — неприятное добавление к экзотике тропиков.

Есть и у нас два паука — тарантул и каракурт, которых всюду, где они обитают, боятся люди и животные. Особенно каракурта. Родичи этого паука, похожие на него и видом, и образом жизни, и убийственной СИЛОЙ яда,— нежелательные «аборигены» многих стран мира. В Северной Америке — знаменитая «черная вдова», в Южной — страшный мико, на Мадагаскаре — меноведи (единственное животное, которого здесь боятся!), в Австралии и Новой Зеландии — катило. Есть они и в Африке, Южной Европе и Азии.

Крупнейший серологический институт «Бутантан» (в Бразилии) уже много лет помимо змеиных сывороток поставляет тропическим странам противоядия и от паучьих укусов.

Институт «Бутантан» разослал по всей стране специальные деревянные ящики. 13 тысяч коллекторов из местного населения наполняют эти ящики ядовитыми змеями, пауками и скорпионами. Авиационные и автобусные компании отказываются перевозить ядовитый груз. Едет он в «Бутантан» на поездах, иногда недели две, так как расстояния в Бразилии немалые. За пятьдесят лет в «Бутантан» было доставлено 750 тысяч ядовитых змей и десятки тысяч пауков. Живут пауки в институтских лабораториях в банках и клетках (некоторые по 20 лет!).

Слабым электротоком слегка парализуют паука, и тогда без особых хлопот берут у него яд. Яд впрыскивают лошади, из сыворотки ее крови готовят противоядия, которые рассылают по всей Бразилии. Миллион спасительных ампул институт экспортировал в другие страны.

В США тоже несколько лет назад начали изготавливать лечебную сыворотку от яда «черной вдовы». Производят сыворотку и в Мексике против местных пауков.

Пауки в пилюле

Медицина давно имеет дело с пауками. Бывало, что врачам случалось лечить людей не только от пауков но и… пауками.

Паутина как пластырь для ран давно уже на хорошем счету в народной медицине. Кровь она останавливает, кажется, неплохо, и, возможно, есть у нее кое-какие бактерицидные свойства — у чистой, свежей паутины. Но так как чистой она почти никогда не бывает, всегда покрыта пылью, и сотни мух, погибая в ней, без сомнения, оставляют в паучьих тенетах вредоносные следы своего пребывания, лечить ею раны не рекомендуется.

Тем не менее раны ею лечат по сей день. А в древности (с I века новой эры) паутинный пластырь широко употреблялся.

А во времена Плиния «знатоки» советовали носить на шее паука в скорлупе ореха или специальном мешочке, чтобы излечиться (или в профилактических целях) от малярии и других болезней. Советы такие давали своим пациентам и много столетий спустя весьма знаменитые тогда европейские врачи.

Если нет живого, так и каменный паук, уверяли медики в XVII веке, неплохо изгоняет из больного тела заразу, особенно лихорадку. Вот почему великое изобилие вырезанных из камня или на камне пауков быстро раскупали у ювелиров и аптекарей: туг и диадемы, и колье, камни простые и драгоценные — и на всех пауки!

В конце концов эта странная вера в целебные свойства пауков привела к тому, что люди стали их не только на шее носить, но и… глотать как пилюли! Невероятно, но факт. Вот старый рецепт паукотерапии: «Возьми живого паука, залепи его всего осторожно мякишем свежего хлеба, но так, чтобы не повредить его, и дай пациенту быстро проглотить. Это очень эффективное лекарство, хотя многие и не любят его».

Британский аранеолог доктор Бристоу нашел в средневековых манускриптах не менее дюжины разных рекомендаций такого рода.

Были и небылицы

Поздней осенью 1794 года французские войска выступили против голландцев. Но голландцы, которые, как известно, живут ниже уровня моря, открыли шлюзы и затопили все поля и дороги. Французы не могли ни пройти, ни проехать. Они уже собрались повернуть обратно, но тут их главнокомандующему донесли, чтобы он не торопился: паук предсказывает морозы. И в самом деле, дней через десять погода стала ясной и морозной, и французы по льду, как по паркету, дошли до самого Амстердама.

Вера в своеобразное бюро прогнозов на паутине очень древняя: еще Плиний почти две тысячи лет назад писал об этом.

Народные приметы утверждают: если паук сидит в центре паутинного круга или начал плести его сразу после дождя и сеть большая, на длинных нитях,— быть хорошей погоде. Если лесные пауки заложили новые маленькие тенета на коротких нитях, а домовые пересе~

лились с наружных стен на внутренние — жди ненастья с дождем и ветром. Если над полями летает много серебристых паутинных нитей — опять впереди ясные и теплые дни.

Кстати, об этих летающих над полями паутинах. Как ни странно, люди долго не могли понять, откуда они берутся. Плиний писал: «В год, когда Паулус и Марцеллус были консулами, шел шерстяной дождь».

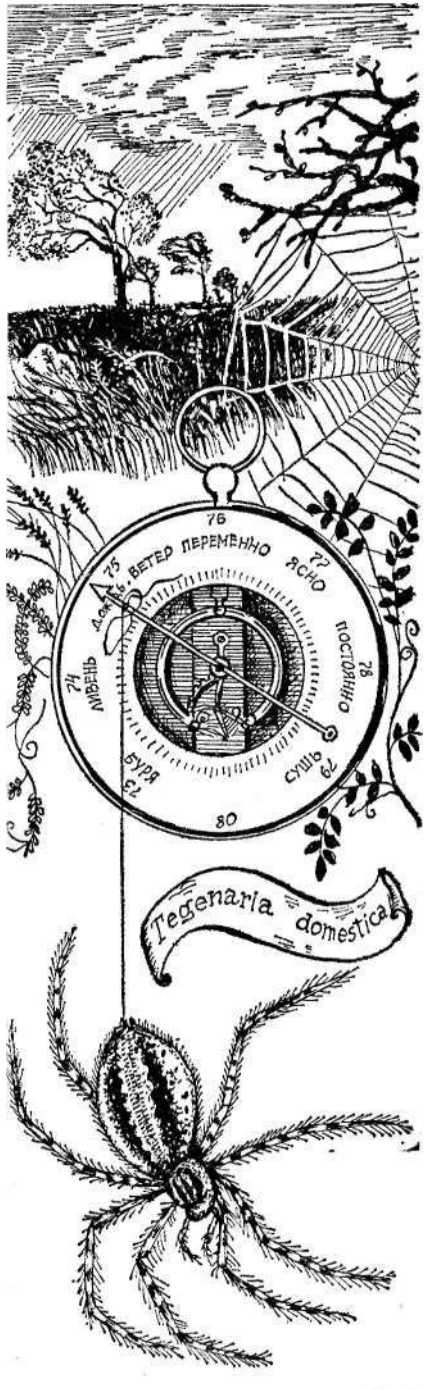
Предполагали также, что таким образом испаряется роса. Многим поэтам прежних времен эта идея пришлась по душе, и они писали в своих стихах о «тонких нитях испаряющейся росы». А в 1664 году британский натуралист Роберт Гук в докладе научному Королевскому обществу предположил: «Не исключено, что большие белые облака, которые появляются в летнее время, могут быть из того же вещества», что и паутина, летающая над полями.

Даже в наш век (в годы второй мировой войны) парящие в небе паутинки люди, напуганные новыми образцами секретного оружия, приняли за особый вид отравляющих веществ. Зоолога доктора Бристоу как знатока всевозможной паутины пригласили в Британское военное министерство для консультации. И только после этого аннулировали заготовленный циркуляр службе наблюдения.

Некоторые биологи считают, что, возможно, паук чувствует колебания атмосферного давления и, повинуясь инстинкту, ведет себя соответствующим образом. Давление повышается — быть ясной погоде — паук плетет ловчую паутину. Когда давление перед дождем падает, он на ненужную в дождь паутину сил не тратит. Зная эти паучьи повадки, можно будто бы по ним предсказывать погоду.

Другие не верят в такие предсказания. Никто еще, говорят они, точными научными методами эти паучьи прогнозы не проверил.

Так или иначе, но почти повсеместная вера в пауков-предсказателей сослужила хорошую службу маленьким восьминогнм существам. Их берегут из опасения, что вред,



причиненный им, может повлиять на погоду.

Говорят, что вообще паук приносит удачу или хорошую весть. Игроки и те люди, которым часто приходится испытывать судьбу и которые разделяют эту веру в «паука удачи», просто благоговеют перед гауками, питая к ним чувства мистического страха и уважения. Они носят пауков «на счастье» в разных коробочках и медальонах или заменяют эти талисманы татуировкой, изображающей паука.

В Египте до сих пор, кажется, жив еще местами обычай: пускать на счастье большого паука... в постель новобрачных.

Многие музыканты находили в пауках благодарных слушателей. Стоит взять несколько нот на скрипке — и паук тут как тут: сидит и слушает. О любви пауков к музыке рассказывают много. Но, бесспорно, любовь эта весьма корыстная: но музыка сама по себе привлекает пауков, а резонансное сотрясение паутины, и им чудится тогда, что это попавшая в сеть муха ее трясет.

Как уверяют предания, пауки не раз спасали людей от преследователей.

-Истории эти по большей части старые. Еще Магомету, говорят, паук спас жизнь: заплел паутиной вход в пещеру, в которой легендарный пророк прятался от злых недругов, и они не вошли туда, решив, что там никого нет, раз паутина у входа не порвана. Потому и считается за грех у магометан убить паука.

Будто бы таким же образом паук спас Давида от Саула. (Но христиане, увы, черной неблагодарностью платят за это доброе дело, когда уверяют, что сорок грехов простится тому, кто убьет паука.)

Подобные легенды широко гуляют по миру. В Болгарии и Англии еще недавно жило устное предание: самого Христа паук так же спас от Ирода, а в Италии — св. Феликса, в Японии — героя Йорптомо.

Но пожалуй, ни одному народу не оказал паук такой важной услуги, как некогда шотландцам. Роберт Брюс, герой Шотландии, в кровопролитных схватках с англичанами терпел одно поражение за другим: слишком малы были силы у шотландских повстанцев, сражавшихся за свободу. Семь раз подряд, рассказывает предание, побеждали англичане. Как-то в горах Роберт Брюс забрел в пещеру. Он совсем уже пал духом, все надежды его были разбиты. В углу пещеры паук ткал паутину. Злой на всех Брюс сорвал ее. Но паук снова принялся за работу в том же углу. Брюс опять разрушил все его труды — смотрит, а тот снова плетет, невозмутимо и деловито. Семь раз срывал Брюс паутину, а паук трудился все с прежней энергией, заново сплетая ее.

И тогда Брюс устыдился: маленькая «букашка» так упорна, а он от нескольких поражений пал духом! Не бывать тому! Вышел Брюс из пещеры, полный отваги, собрал своих людей и в новом бою разбил наголову англичан.

Малый вред, большая польза

Человеку от пауков вред малый, а польза большая. Некоторые из них ядовиты и потому опасны для людей и скота. Пауки, поселившиеся в домах, оплетают стены и углы жилищ паутиной, на которой скапливается пыль. Вот, пожалуй, и весь вред. А польза? Пауки прожорливы: каждый в день съедает не меньше, чем весит сам. Когда охота особенно удачна, некоторые пауки из рода Аранеус (и среди них обычный наш крестовик) ловят в сети по... пятьсот насекомых за сутки. В этом улове преобладают мухи.

На обычном лугу на пространстве в гектар (то есть сто на сто метров) обитает нередко... пять миллионов всевозможных пауков! Но эти цифры предельные. Допустим, что пауков в тысячу раз меньше, пять тысяч на гектар, и каждый из них поймает за сутки пусть не 500, а хотя бы 10 мух, то и тогда они уничтожат 50 тысяч вредоносных насекомых.

Вывод из этой простой арифметики, кажется, ясен: пауков надо беречь... Может быть, многим они и несимпатичны. Может быть, эстетическое чувство находит удовлетворение совсем в иных живых формах. Но интеллект у человека всегда первейшая доминанта, и поэтому каждый должен помнить: паук — наш Друг!

Пауки полезны уже тем, что уничтожают мух и других вредных насекомых. Чем еще они хороши?

Удивительной паутиной. А ее, увы, в наш практический век мы, можно сказать, никак не утилизируем.

Глядя на паука, первобытный человек научился, наверное, прясть. Во всяком случае паук подает здесь отличный пример. Так или иначе, метод был усвоен, и материал для пряжи стали искать и тут и там: пряли из биссусных нитей морских моллюсков знаменитый в древности виссон. Пряли из шерсти коз, баранов и верблюдов. А потом вдруг произошло нечаянное открытие: как-то летним днем китайская императрица потянула ноготками за паутинку упавший в чашку с чаем кокон гусеницы-шелкопряда, а паутинка все тянулась и тянулась! Этих гусениц развели и удивили мир блеском драгоценного шелка.

Но что этот шелк в сравнении с шелком, которым в изобилии наполняют леса и дома пауки?

«Сатин Восточного моря» — Тонг-Хай-Туан-Тсе,— известную некогда очень прочную ткань, пряли, повидимому, из паутины не гусениц, а пауков.

Рассказывают, что в марте 1665 года луга и заборы вблизи Мерзебурга сплошь покрылись паутиной, «из которой женщины окрестных селений понаделали себе лент и разных украшений».

Тогда же примерно Людовику XIV, королю Франции, парламент города Монпелье преподнес чулки и перчатки, тканные из шелковистых нитей французских пауков. Великолепные перчатки из паутины преподнесли и Жозефине, возлюбленной Наполеона.

Больше ста лет назад знаменитый натуралист Орбиньи щеголял в панталонах из паутины бразильских пауков. В них Орбиньи пришел на заседание французской Академии наук. Но академиков панталоны из паутины не удивили: они уже такие диковинки видели и обсуждали даже вопрос о том, стоит ли рекомендовать ткацкой промышленности паутину как пряжу для шелка.

Некто Бон, президент Палаты счетов в Монпелье, представил доклад, в котором на многих страницах описал основы прядения и изготовления тканей из паутины. А к докладу приложил наглядные пособия— чулки и перчатки из паутины крестовиков.

Академия избрала комиссию, которой поручила подробно изучить реальность и рентабельность паучьего шелководства *и* шелкопрядения. Реомюр, член этой комиссии, нашел паутину вполне пригодным сырьем для промышленного производства, но решил, что местные французские пауки не плетут нитей нужной длины. Он подсчитал: надо обработать 522—663 паука, чтобы получить один фунт шелка из паутины. А промышленному производству потребуются полчища пауков и тучи мух для их пропитания — больше, чем летает над всей Францией.

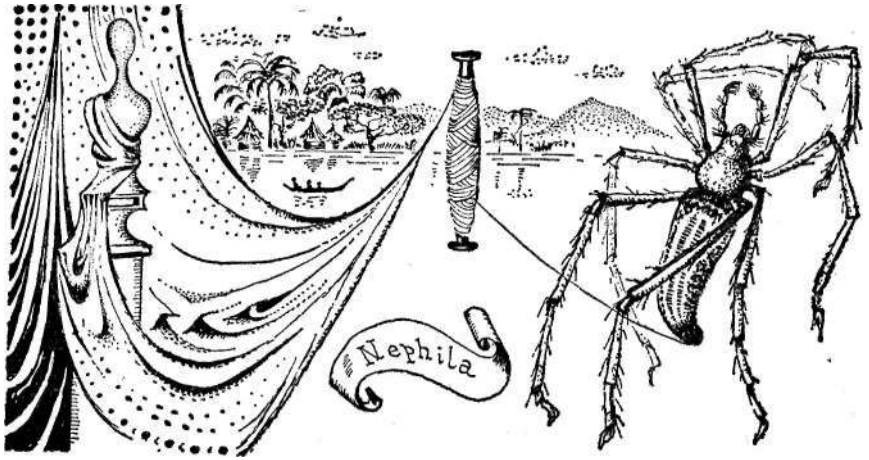
«Однако,— писал Реомюр,— может быть, со временем удастся найти пауков, которые дают больше шелка, чем те, какие обычно встречаются в нашем государстве».

Пауков таких вскоре и в самом деле нашли в тропиках. Путешественники рассказывали: в их паутине запутываются мелкие птицы и даже голуби. Пробковый шлем, зацепившись за такую паутину, может повиснуть на ней: так прочны ее нити. А одна паучиха за месяц без труда вытягивает из себя три-четыре километра подобных нитей.

Этих удивительных пауков назвали нефилами. Природа не поскупилась для них ни на краски, ни на таланты, необходимые ткачам.

Паучиха мадагаскарской нефилы с золотой грудью и огненно-красными ногами в черных «носках» прядет сверкающую паутину. Огромная (с большой палец величиной), она словно царица-исполин на ковре из серебристой ткани в окружении невзрачных самцов-карликов.

Наш знаменитый соотечественник Миклухо-Маклай первым из европейцев увидел и описал, какое применение нашли на Новой Гвинее паутине нефил. Но оно было столь необычным, что рассказам отважного исследователя мало кто поверил. Через четверть века коллектор Британского музея естественной ис-



тории А. Пратт приехал с сыном в те же новогвинейские леса и прожил там два года. И вот что он рассказал в 1906 году, когда вернулся в Европу: «В лесу множество паутины огромных пауков, в диаметре она футов шесть. Паутина очень прочная, и, конечно, туземцы быстро сообразили, как с выгодой ее употребить в дело, заставив большого волосатого паука служить человеку».

Бамбуковый прут сгибают на конце петлей и вплотную ставят к паутине. Очень скоро паук заплетает эту удобную раму — и готов отличный сачок! С его помощью в речной заводи, где утихшее течение кружит небольшие водовороты, ловят рыбу: подхватывают ее сачком и выбрасывают на берег. «Ни вода, ни рыба не могут порвать ячею»,— писал Пратт.

Увы, и ему немногие поверили, что можно паутиной ловить рыбу. Но позднее другие исследователи своими глазами убедились в этом и на Новой Гвинее, и на Фиджи, и на Соломоновых и других островах. Сейчас об этом написано уже немало. Рассказывают, что бабочек, жуков, птиц, летучих мышей ловят сачками из паутины. А рыбу будто бы вытягивают из воды весом по фунту и более.

Придумали и иной способ рыболовства паутинными сетями. Сгибают обручем прут, заплетают его паутиной нефил, сверху кладут приманку,— муравьев и их яйца, и пускают эту ставную сеть тропического образца плыть по течению. Небольшие рыбешки «клюют» приманку и запутываются жабрами в паутине. Остается только поймать ниже по течению эту плавучую сеть с рыбой.

Недавно проверили наконец прочность паутины нефил. Нить толщиной в одну десятую миллиметра выдерживает 80 граммов. (Нить шелковичного червя — лишь 4—15 граммов.) Она так эластична, что вытягивается почти на четверть своей длины и не рвется. Метровая нить шелковичного червя вытягивается без разрыва лишь на 8—18 миллиметров.

Ткань из паутины нефилы золотистого цвета, удивительно воздушная и легкая. Паутину для пряжи собирают из тенет нефил или разматывают их яйцевые коконы. Но лучше тянуть ее прямо из паука, которого сажают в коробочку так, чтобы торчал лишь кончик брюшка с паутинными бородавками. Из бородавок вытягивают эластичные нити «так же, как разматывают кокон,— говорит большой з,наток шелководства Ж. Ростан,— Таким способом из одного паука можно получить за месяц около четырех тысяч метров шелковой нити». Длина нити из кокона шелковичного червя, в зависимости от его породы, от трехсот до полутора тысяч метров.

Различными методами и от разных пауков экспериментаторы получали нити такой длины: 1) за два часа от 22 пауков — пять километров, 2) за несколько часов от одного паука — 450 и 675 метров, 3) за 9 «размоток» одного паука в течение 27 дней — 3060 метров.

Лучших результатов добился аббат Камбуэ, исследовавший шелкопрядные возможности мадагаскарского паука галаба. Этот изобретательный человек сумел так усовершенствовать свое дело, что живых пауков в маленьких выдвижных ящичках «подключал» прямо к ткацкому станку особого образца. Станок тянул из пауков нити и тут же ткал тончайший шелк.

Пауков галаба пробовали акклиматизировать во Франции и в нашей стране. Но ничего из этого не вышло.

В широкое производство паутина едва ли когда-нибудь поступит: нелегко содержать фермы пауков-шелкопрядов. Но для некоторых особых целей прочная и легкая паутинная пряжа очень может пригодиться человеку.

Игорь Акимушкин

КОРОТКО О РАЗНОМ

Не так давно близ города Фаюм в ОАР палеонтологи нашли остатки гигантского питона, обитавшего на берегах Нила десятки миллионов лет назад. Длина питона достигала почти 22 метров. Это была самая крупная из известных на нашей планете змей. Анаконды с берегов Амазонки в редких случаях достигают 10 метров.

Австралийский геофизик М. Маккэлхинн, сотрудник университета в Канберре, на основе исследований потоков ископаемой лавы близ Бомбея и океанического дна южнее Цейлона пришел к выводу, что весь полуостров Индостан перемещается в северном направлении. Сейчас скорость этого перемещения незначительна, а несколько тысячелетий назад она достигала 10 сантиметров в год. В самые ранние эпохи это продвижение на север было еще более значительным.

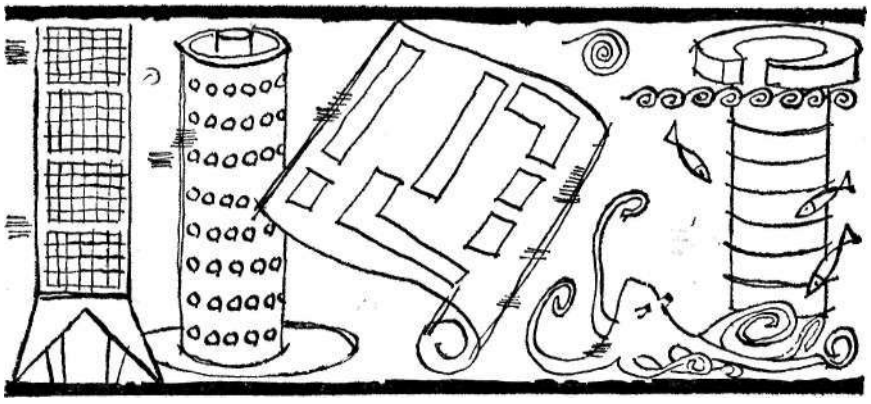
Судя по всему, когда-то это был самостоятельный континент, постепенно примкнувший к Азии. 50 миллионов лет назад его центр был южнее экватора.

При строительстве олимпийской деревни в Мехико бульдозеристы случайно открыли площадку, вымощенную прекрасно обработанными камнями. Прибывшие на место находки археологи продолжили раскопки и открыли... три ступенчатые пирамиды. Ученые датируют их 450 годом до н. э.

Главное открытие в астрономии второй половины XX века — пульсары. Необыкновенные звездные источники посылают импульсы, которые сначала были приняты за сигналы разумных существ с дальних звезд. Один из основных доводов против этого предположения выдвинул профессор Фрэнк Дрейк, директор радиоастрономической обсерватории в Аресибо. Он подсчитал, что на образование пульсирующих сигналов тратится фантастически огромное количество энергии. Она может исходить скорее всего от сверхплотных белых карликов. Только они способны генерировать столь баснословную энергию.

У охотников Южного Судана есть очень интересный способ поимки крокодила. Охотники вооружаются копьями и колотушками и, поднимая сильный шум, отрезают молодому крокодилу путь к воде. С помощью собак хищника заставляют бежать по прибрежному песку. Примерно минут через десять крокодил останавливается в полном изнеможении. К нему можно совершенно безопасно подойти, потрогать, заглянуть в пасть. Крокодил дышит, лежит с открытыми глазами, но не может пошевелиться. Его спокойно связывают.

Когда этим явлением заинтересовались ученые, выяснилось, что крокодил впадает в прострацию из-за сильных изменений в печени, вызванных чрезмерным утомлением.



РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДАХ БУДУЩЕГО

Различные причины побуждали думать о городах будущего, заниматься принципами их построения, предлагать смелые технические решения и оригинальные планировочные схемы. Великие утописты теперь уже далекого прошлого прежде всего мечтали о справедливо устроенном обществе. Их города будущего как бы иллюстрировали организацию жизни общества, построенного на принципах свободы, равенства, братства.

На рубеже XIX И XX веков, когда недостатки и противоречия крупных промышленных центров проявились с большой остротой, усилились поиски идеальных городов. Появились проекты городов-садов, начался спор урбанистов с дезурбанистами, который не прекращается и до сего времени.

Научно-техническая революция середины XX столетия открыла новый этап мировой урбанизации. Влияние научно-технического прогресса на города оказалось чрезвычайно противоречивым. С одной стороны, казалось, что открылись беспредельные возможности развития крупных городов, а их проблемы легко преодолимы с помощью могучей техники. С другой стороны, города оказались в тисках постоянных затруднений. Техника XX века вынудила признать инертность и неполноценность городов старого типа. Явно усилилась их неблаговидная роль как гигантского пресса, отнимающего у жителей душевные и физические силы. Города породили различные виды усталости: транспортную, информационную, психологическую; они расхищают время людей, вынужденных совершать длительные п утомительные поездки к месту работы. На города во все возрастающем количестве обрушиваются промышленные отходы. Выхлопные газы автомашин отравляют воздух. Улицы не в состоянии пропустить резко усилившиеся транспортные потоки. Гигантски разрастаются городские территории. Реконструкция лишь на время ослабляет эти противоречия. Техника, совершенствуя города в ходе их реконструкции, вызывает появление новых, еще более сложных проблем. Все это относится к большим городам — городам-гигантам. Но ведь именно их развитие и составляет характерную черту современной урбанизации.

И в обстановке, когда старые города оказываются в тупике, увлечение проблемой городов будущего — это --реакция на небывалые и, главное, непрекращающиеся трудности градостроительства. Это попытка овладеть процессом развития городов, заставить их войти в регулируемое русло.

Основные из этих проблем связаны с социальным прогнозированием. Градостроителю — нашему современнику надо конкретно представить жизнь человека в будущем. Как наши потомки будут работать и отдыхать? Каков будет их бюджет времени, привычки, вкусы? Какова будет средняя численность семьи, как будут воспитываться и обучаться дети?

Необходимо также знать, как изменится градообразующая база городов, что нового появится в их функциях и как в связи с этим будет выглядеть структура занятого населения.

Что же касается самой техники градостроительства, планировочных приемов и типов зданий, строительных материалов и видов городского транспорта, то все это, хоть и важные,— частности, детали, подверженные довольно частым изменениям под влиянием научно-технического прогресса.

Разработка основных вопросов, раскрывающих организацию жизни будущего общества,— вот главное, что создает базу градостроительных решений.

Несколько иной акцент наблюдается в работах зарубежных проектировщиков в капиталистических странах. Они хорошо чувствуют изменчивость городов, рост которых приобретает в условиях капитализма характер стихийного бедствия, видят глубокие перемены в мире. Но при этом они, как правило, остаются в стороне от социального прогнозирования и свою задачу ограничивают отысканием идеальной планировочной схемы. Иногда такой задаче придается явно преувеличенное значение: рациональная планировка выступает чуть ли не панацеей от всех бед современного города. При идеальной планировке не могут якобы возникнуть пороки, свойственные современным городам. Вообще она выступает в роли средства социального оздоровления общества, достижения гармонии между всеми слоями населения.

В действительности это, конечно, в лучшем случае лишь иллюзия.

Общество, в основе которого лежит частная собственность и эксплуатация человека человеком, действительно нуждается в оздоровлении, которое не может быть достигнуто средствами планировки.

Итак, для воплощения в жизнь смелых проектов городов будущего нужны определенные социальные предпосылки. И для того чтобы создать города, отвечающие высоким идеалам человечества, нужно предварительно излечить общество в целом, освободить его от классового гнета в любых его формах. Без этого проектирование идеальных городов— прекраснодушное мечтание. Красноречив пример новой столицы Бразилии. Великолепный город, талантливое воплощение принципов прогрессивного градостроительства, предмет национальной гордости, символ возрождения огромной страны, запроектирован выдающимися градостроителями. Необычны планировка п облик города, который можно рассматривать как скачок в будущее, но… не в социальном отношении. А что касается последнего, то Бразилиа поражена теми же недугами, что п остальные города Южной Америки. Так же, как и они, столица Бразилии окружена сейчас вовсе не предусматривавшимися в проекте трущобами-фавеламн, так контрастирующими с ультрасовременными зданиями.

Но помимо социального аспекта есть технический, градостроительный в узком смысле. И это заставляет нас с большим вниманием относиться к зарубежным архитектурным проектам.

Города всегда строились на века. Градостроителям всех времен было свойственно чувство далекой исторической перспективы. Но никогда будущее не приближалось к человечеству так стремительно, как сейчас. И надо сказать, что научно-технический прогресс не устает изменять зыбкие контуры будущего. Разрабатывая проекты «идеальных» городов, градостроители полны желания и решимости создать чудо-города, полностью отвечающие представлениям о гармоничной среде.

Диапазон представлений о городах будущего, выраженный в многочисленных проектах, очень велик. Нередко они очень похожи на современные города, как бы очищенные от их недостатков. Но подчас, глядя на эти проекты, с трудом представляешь себе, что здесь должны жить люди. В нечто фантастическое соеди-

няются какие-то конусы и цилиндры, похожие на части циклопических диковинных механизмов.

В проектах, несомненно, проявляются индивидуальность воззрений и таланта авторов. Но вырисовываются и общие черты, если не во всех, то в значительной части проектов.

Один из первоочередных вопросов: каковы наиболее вероятные размеры городов грядущего?

Сейчас по многим причинам наблюдается невиданный ранее рост городов. И многие проектировщики исходят из того, что города будущего будут огромных размеров, оставив далеко позади крупнейшие города современного мира, подобные Токио и Нью-Йорку. Советский инженер Дрязгов в 60-х годах предложил проект города, рассчитанного не более и не менее как на 54 миллиона жителей. Но занимает этот город небольшую территорию.

Наступление городских строений на открытый ландшафт, «затопление» близлежащих районов «половодьем» пригородов заставляет считать желательной максимально возможную по условиям техники концентрацию застройки. Это предопределяет рост городов ввысь. В описываемом проекте город возвышается над землей подобно гигантскому муравейнику, представляя собой усеченные конусы полуторакилометровой высоты с нижним диаметром в 34 и верхним в 31 километр. Поднимая ввысь свой гигантский город, автор называет города нашего времени, как бы «распластавшиеся» по земле, «пленочными».

Городам, несомненно, предстоит расти ввысь. Но они могут уйти и под землю. Уже в настоящее время под 25 крупнейшими городами Японии сооружены центры развлечений и деловой жизни — «шикогай». Здесь рестораны и кинотеатры, магазины и банки, различные конторы. Быстроходные лифты и эскалаторы связывают подземный центр с подземными строениями. Кондиционированный воздух под землей гораздо чище обычного городского. О размерах этих подземных поселений можно судить хотя бы по тому, что «шикогай» города Кобе ежедневно посещают более полумиллиона человек.

Один из проектов реконструкции Парижа, разработанный Полем Мэймоном, предусматривает создание под Сеной подземного города. Его 12 ярусов уходят на глубину в 60 метров и служат для размещения промышленных предприятий, складов, гаражей, а также Лувра и противоатомного убежища на 3 миллиона человек. А над существующей застройкой возвышаются огромные конические башни, на которых формируются жилые комплексы и учреждения обслуживания.

В другом проекте вдоль Сены предлагается устройство легких каркасных конструкций из прозрачных материалов, к которым крепятся гостиницы с зелеными насаждениями на плоских крышах.

Мнение о перспективности городов-гигантов разделяется не всеми. Градостроительные недостатки не без основания связываются с размерами городов, перешагнувших разумные пределы. И города-эталоны, выросшие по соседству с европейскими столицами,— финский город Тапиола, шведский Веллингбю, английский Харлоу — невелики по размерам. Провозглашается также (впрочем, уже не впервые) ненужность больших городов, неизбежность их отмирания. Быстро растущие сейчас скопления городов, «погруженных» в собственные бесконечные пригороды и соединяющихся друг с другом, кажутся некоторым футурологам нежизнеспособными. По их мнению, гигантские скопления такого рода, называемые мегалополисами, обречены на вымирание.

Такую точку зрения выразил английский писатель-фантаст А. Кларк, предсказав, что большие города будут покинуты их жителями и останутся своего рода историческими памятниками, так как обществу будет жаль времени и затрат на их снос.

Второй вопрос, пожалуй, еще более существен: чем преимущественно будет занято население в городах будущего? Окидывая взором прошлое и настоящее городов, мы видим удивительное разнообразие их типов. Это и города-купцы, и города-воины, приморские города-порты и города-курорты, города университетские и

столичные. Начиная со времени промышленной революции градообразующей функцией номер один стала крупная промышленность, развитие которой и послужило главной причиной невероятно быстрого роста городов. Даже в таком исключительно многофункциональном городе, как Москва, в промышленности занята третья часть всех работающих. Изменения в структуре занятости городского населения можно представить в виде такой схемы: когда-то господствовал полусельскнй город, затем он сменился промышленным, но теперь уже приближается время доминирующего положения науки. В будущем, когда резко возрастет производительность общественного труда и у людей появится больше свободного времени, на первый план смогут выйти творческие занятия.

Третий вопрос — промышленность и города.

Города будущего не должны страдать от насыщения промышленными предприятиями. Все вредные для здоровья производства, видимо, будет целесообразно разместить под землей. Города — зеленые, благоустроенные, с чистым воздухом — должны остаться в полном распоряжении жителей. Уже вырисовывается как вполне реальная перспектива создания космических заводов, что вообще освободит земной шар от промышленных вредностей. Часть ученых считает, что решительным образом изменится и сам характер производственных процессов. Отпадет необходимость в свойственных современной индустрии громоздких, занимающих огромную территорию устройствах и сооружениях.

Наконец, узловой в планировочном смысле вопрос. Несомненно, что города будущего унаследуют от своих предков — современных городов динамичность, неистребимое стремление непрерывного развития. Но противоречия между динамичной градообразующей основой города и его статичной, как бы застывшей и раз навсегда отлитой планировочной структурой пока еще далеко не преодолены. Видимо, следует считать одной из важнейших черт города будущего гибкую планировочную структуру, не препятствующую его развитию. Это позволяет определить города будущего как динамические, или кинетические.

Гибкость планировочной структуры многократно повышает емкость городов. И они всегда смогут наращивать свою градообразующую базу. Это счастливое свойство позволит городам всегда оставаться молодыми и не вступать в серьезный конфликт с научно-техническим прогрессом. Требованию гибкости отвечает, например, структура, в которой основные функциональные зоны располагаются параллельно, полосами.

Гибкость планировочной структуры позволяет решить транспортную проблему, острейшую в городах нашего времени. Сейчас здесь пока господствует автомобиль, заслуживший в ряде стран мира нелестное прозвище бича городов. Ведь автомобиль требует много драгоценной городской территории, гораздо больше, чем ее можно выделить в пределах старой застройки. Он наполняет улицы шумом, загрязняет воздух газом, пылью, буквально вытесняет человека. Многие полагают, что автомобиль должен уступить место электромобилю, а решающая роль в городском транспорте будет принадлежать метрополитену, монорельсовой дороге и другим видам скоростного магистрального транспорта.

Во многих проектах современных городов предусматривается, что пешеходное и автомобильное движение будет происходить на разных уровнях. Несколько лет назад на страницах научно-популярных журналов описывался спроектированный в Англии город Мотопия, рассчитанный на 30—60 тысяч жителей. В нем автомобили должны двигаться по крышам пятиэтажных домов, которые образуют сплошные длинные ленты, пересекающиеся под прямым углом. Проектировщики руководствовались принципом: земля существует для людей, и ничто не должно угрожать их безопасности.

В другом проекте основой планировочной системы города служит сеть транспортных путей, проложенных в так называемых каньонах с односторонним движением. Они расположены ярусами по обе стороны зеленой полосы. В вертикальных опорных конструкциях, на которых крепятся ярусы, имеютсяустройства для вертикального транспорта, на площадках-террасах с внешней стороны по отношению к полосе движения монтируются индивидуальные жилища, которые по желанию можно перемещать.

Многие авторы проектов считают, что застройка не должна быть «жесткой». Жилые дома мыслятся состоящими из сборных крупноразмерных элементов, которые при необходимости можно перевозить в любую часть города. Не исключено, что здания будущего — это дома с полным обслуживанием наподобие того, что построен в Москве на бульваре генерала Карбышева.

Проблема города будущего — это непрекращающиеся дискуссии, это сотрудничество представителей многих наук. И это искусство научного предвидения путей, по которым пойдет развитие общества, науки, техники, потребностей человека. Разве легко представить себе человека будущего, его интересы, образ жизни, баланс времени? А ведь от всего этого зависят основные принципы градостроительства. Несомненно одно, что в городе грядущего будет удобно жить. Он выступает в проектах как отрицание унаследованных от прошлого недостатков крупных населенных пунктов. Но как же быть с современными городами, в которых сейчас живет одна треть человечества? Пораженные многими недугами, они тем не менее имеют бесспорные заслуги перед историей. У них великолепие архитектурных ансамблей, освященные временем традиции, характерный силуэт, неповторимость... Память и воображение человечества населяют их но только знаменитостями, уже ушедшими из жизни, но и литературными героями. Все это усиливает эмоциональное воздействие исторических городов. Города-ветераны стремятся врасти в будущее, насыщаясь прогрессивными элементами в виде метрополитена или домов нового быта. Может быть, наши потомки потребуют от старых городов (в качестве пропуска в будущее) решительного разрыва с прошлым, столь значительного видоизменения, которое сотрет характерные черты, делающие исторические города известными всему миру? Нам бы очень не хотелось этого. Больно представить великие города утратившими свою характерность, позволившими безразличной к прошлому технике изменить себя до неузнаваемости.

Города будущего впитают новейшие достижения науки и техники, воплотят ценный опыт мирового градостроительства, его прогрессивные принципы. В то же время они обязаны быть красивыми и ни в коем случае не представлять собой унылый ряд домов-близнецов.

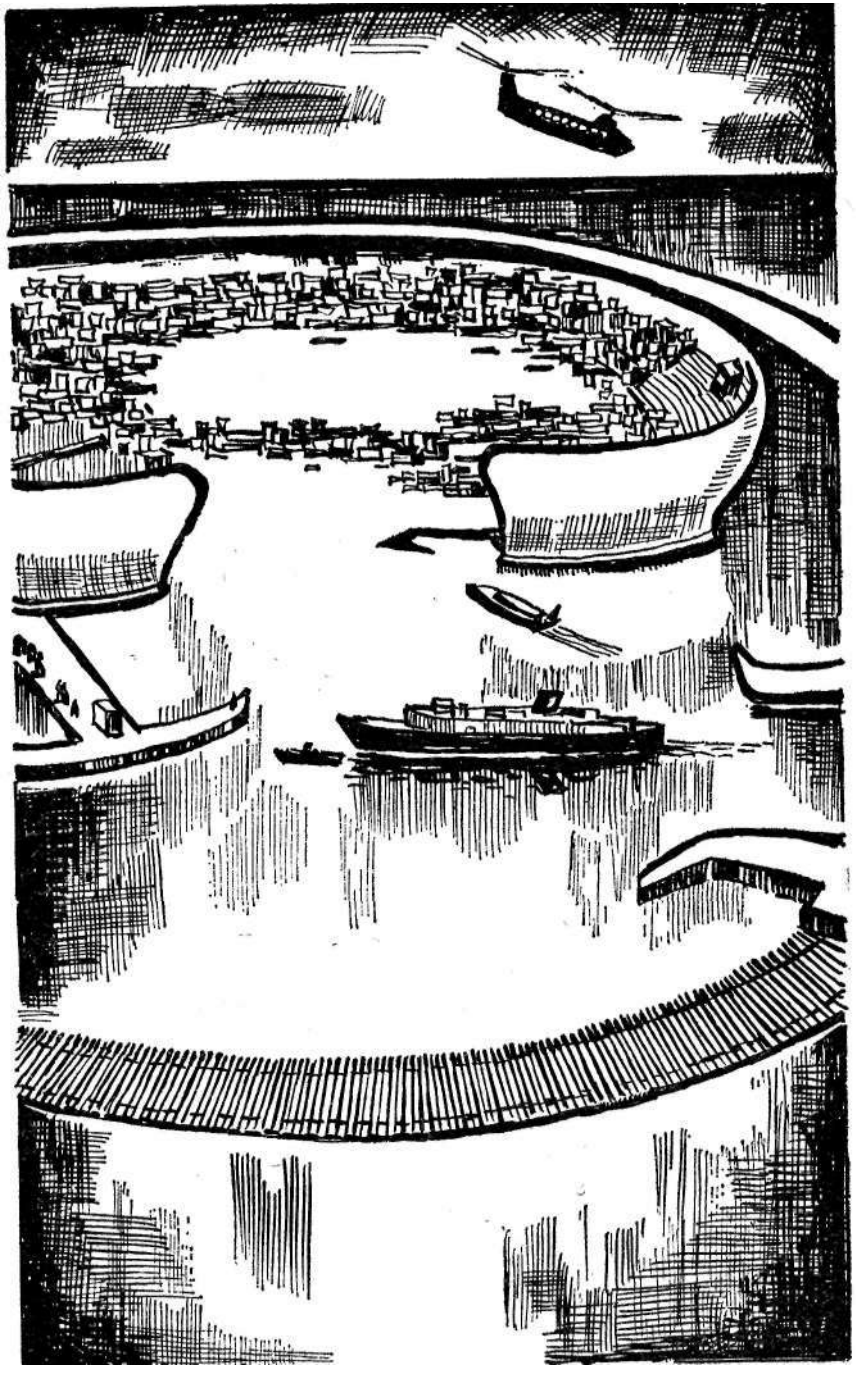
Оригинальные но смелости технических решений, города будущего станут, видимо, еще более необычными в районах со специфическими природными условиями.

Проблема городов будущего связана с задачами освоения новых районов и новых энергетических и сырьевых ресурсов. Человечество находится на пути к более полному овладению богатствами природы в труднодоступных местах — в пустынях, арктической тундре, влажных субтропических лесах, закованной в ледяной панцирь Антарктиде, высокогорных областях.

Но даже в таких природных условиях города должны будут отвечать всем требованиям, обеспечивающим нормальную жизнь людей. Прообразы таких городов есть уже и сейчас. Стоит, например, сравнить тысячелетние города Средней Азии и Навои — новый город, легкий, как хлопок, быстро вырастающий в пустыне.

Города, возводимые в труднодоступных местах,— это неустрашимые пионеры, прокладывающие путь грядущему. Бросает вызов безводью, жаре и ветру город Шевченко, где получают (именно получают, а не добывают) воду в мощных опреснителях.

Упоминавшийся уже Поль Мэймон предложил проект города в Сахаре. Компактный, рассчитанный на несколько тысяч жителей, он поднят над землей для предотвращения последствий песчаных бурь. Несущие конструкции состоят из металлических опор, соединенных тросами. Для доступа в город предусмотрена система лифтов, лестниц, пандусов, устроенных в шахтах вертикальных опор. Вокруг искусственного оазиса



уступами располагаются жилища. Под землей сооружаются склады. Над городом натягивается гигантский тент, на котором устанавливаются солнечные генераторы. В стенах создается система аммиачных трубопроводов, что превращает все сооружение в гигантский холодильник. Атмосферная влага ночью конденсируется на стенах и попадает в специальные колодцы. Так решается извечная в пустыне проблема воды.

Специфичны условия градостроительства на Крайнем Севере. Сейчас здесь населенные пункты не так уж сильно отличаются от городов средней полосы и, следовательно, плохо приспособлены к северному климату. Норильск называют маленьким Ленинградом. Это лестно. Ведь Ленинград — замечательное достижение мирового градостроительного искусства. Но и плохо, потому что на 70-й параллели нужно строить город с учетом суровых климатических условий.

И чем дальше на Север шагают города, тем настойчивее архитекторы должны искать такие градостроительные решения, которые сделали бы этот край более гостеприимным. И этому, несомненно, будут способствовать атомная энергетика, новые строительные материалы, современный транспорт, бытовой комфорт. У будущих городов Севера должен быть свой микроклимат, резко отличающийся от климатических условий окружающего района. За стеклянной стеной — мороз и пурга, темнота полярной ночи, а в самом городе искусственное солнце освещает сад, зеленые березки и клены. Прикрывающие дома и сады купола соединены закрытыми галереями. Нечто подобное воплощено в проекте города Айхала — настоящей мечты Севера.

Скандинавский архитектор Эрскин так выразился о зданиях для специфических условий Севера: «На Севере дома и улицы должны быть как цветы: раскрываться навстречу весенне-летнему солнцу и отворачиваться от холода и тени».

Для района Норильска архитектором Шпиковым разработаны проекты необычных зданий. Один тип, носящий название «Бульвар», представляет собой 16-этажный дом большой протяженности, изогнутый в плане. Он разделен вдоль на две части, между которыми проходит внутренняя улица, служащая пешеходной магистралью.

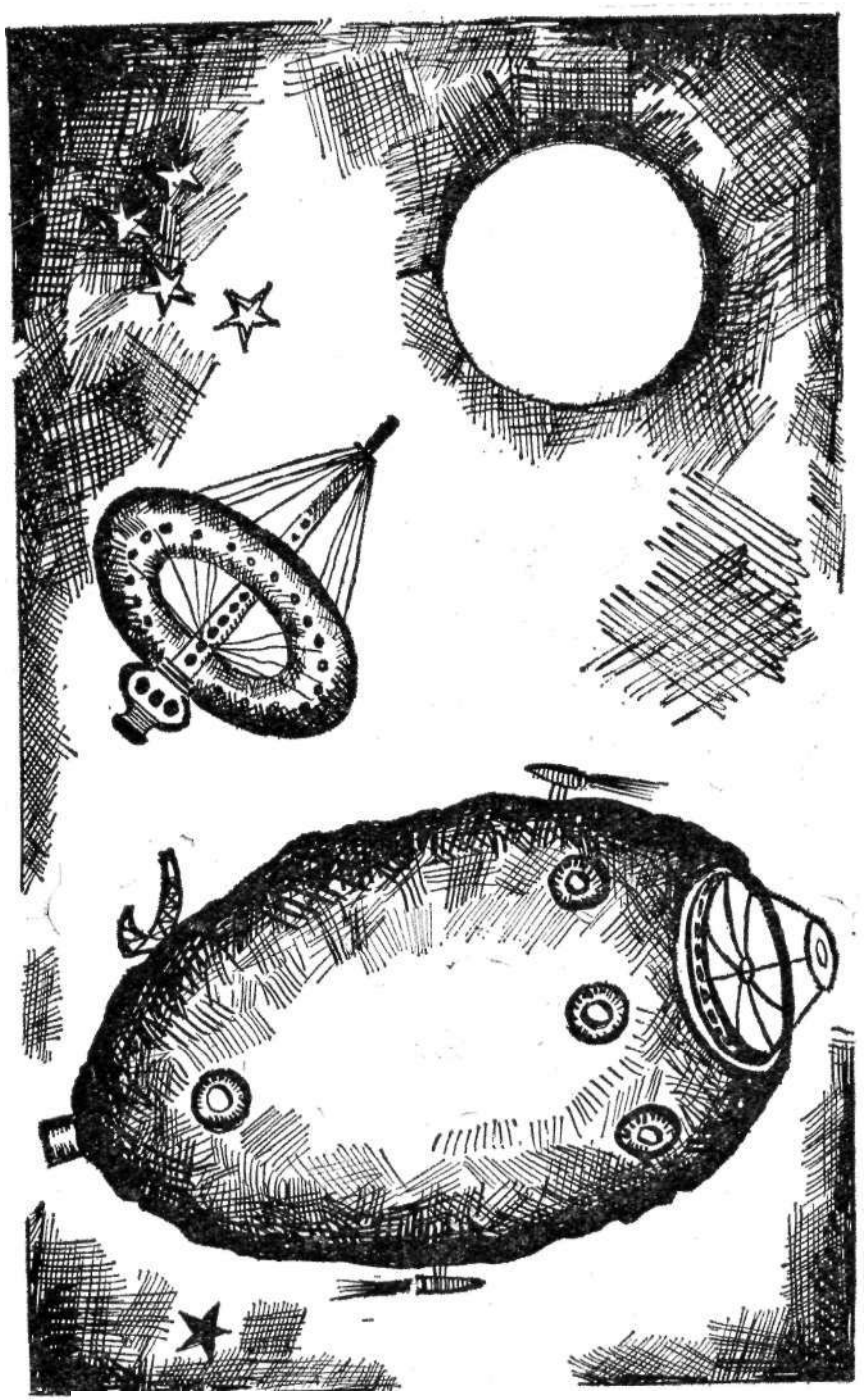
Второй тип еще более необычен. Пустотелые пирамиды поднимают ввысь свои 23 этажа. Внутри крытого пространства — двор с садом. Два нижних этажа отведены для подсобных помещений.

20 этажей заняты жилыми помещениями на гранях пирамиды, обращенных к югу и западу. Северный фасад представляет собой стеклянное ограждение для освещения и аэрации зимнего сада. Пирамидальная форма обеспечивает лучшие условия освещения и инсоляции здания. У него большой запас прочности и повышенная устойчивость к ветровым нагрузкам.

Снижение численности населения в горах — общемировая тенденция. Человек покидает горы, спускается на равнины, устремляется к морским побережьям. Однако запасы полезных ископаемых, гидроэнергии, красота ландшафтов, чистота и прозрачность горного воздуха заставляют людей идти в горы и возводить там города, строить гидроэлектростанции, рудники, обсерватории, туристские базы. Населенным пунктам нелегко в горах. Они вынуждены приноравливаться к сложному рельефу, им грозят опасности в виде оползней и землетрясений, снежных лавин и селей. Застройку приходится размещать на сложном рельефе. Необычайно сложно прокладывать инженерные коммуникации. История оставила нам многочисленные пещерные города. Теперь проектировщики обратились к ним, чтобы использовать эту идею на современном техническом уровне, что обещает немало выгод.

Человек все смелее осваивает океанские просторы. Но существующие методы использования полезных .веществ, содержащихся в морской воде и в донных отложениях, нельзя признать эффективными с точки зрения будущего.

Голландцы столетиями отвоевывали у моря землю с помощью плотин. Может быть, лучше пойти в наступление на море городами?



Широко известен город-амфибия Нефтяные Камни на Каспии. У него уже появились младшие братья — Избербаш и Челекен.

В конце 60-х годов в Великобритании был разработан проект морского города Си-Сити. 16-этажный, возведенный на сваях подковообразный амфитеатр застроен террасами вокруг лагуны километрового диаметра. Внешняя 60-метровая стена защищает Си-Сити от ветра, а пояс пластмассовых баллонов — от волн. Город поднят над поверхностью моря так, чтобы ему не угрожали приливы. Население города по замыслу проектировщиков должно заниматься производством консервов, судостроением, добычей ценных химических веществ и благородных металлов.

В Японии спроектированы плавающие города. Стальная платформа диаметром в несколько сот метров возвышается над водой. На ней размещаются различные коммунальные учреждения. Вниз от платформы уходит на 30-метровую глубину цилиндр, в котором ярусами-этажами располагаются жилые помещения. Материковый шельф может рассматриваться как наиболее благоприятная для заселения прибрежная полоса. По подсчетам ряда специалистов, он составляет 10 процентов поверхности Мирового океана. Здесь проще осваивать богатства моря и строить города-амфибии.

Экспериментами, которые проводились в подводных домах, подобных французскому «Преконтиненту», положено начало создания подводных городов. По мнению Ива Кусто, человечество рано или поздно поселится на дне моря. Это чрезвычайно расширит зону расселения на земном шаре. Полеты космических кораблей приблизили время возникновения космических городов. Мы видим, что сделанное несколько десятилетий назад предсказание К. Э. Циолковского об эфирных городах, несомненно, осуществится. Космические города могут возникнуть не только из доставленных с поверхности Земли конструкций. Считается возможным использовать планетоиды и расположить города внутри их. Это позволит создать там подобие земных ландшафтов.

Все варианты городов будущего должны обладать общей чертой — быть благоприятной средой для людей, для формирования человеческой личности.

Город будущего призван унаследовать все самое ценное существующих городов, веками хранящих непреходящие эстетические ценности, созданные многими поколениями. Он сыграет роль подлинного университета культуры, как выразился, говоря о знаменитых русских городах, советский историк Д. С. Лихачев.

Можно согласиться с мнением искусствоведа О. А. Швидковского: «Мне представляется, что советский город будущего не будет похож на известные сегодня проекты. Попытки перенести на нашу почву футурологические искания японских, английских, американских зодчих напоминают мне попытки натянуть на себя одежду, скроенную но чужим плечам».

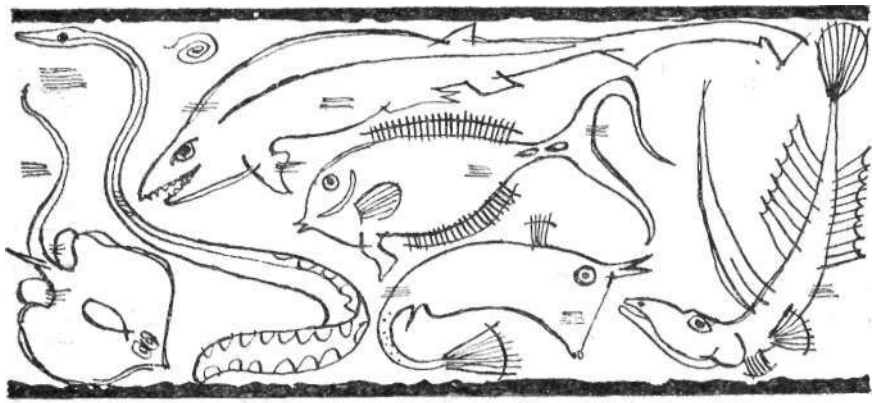
Город будущего в нашей стране — это город коммунистического завтра, общества, построенного по принципу: «Все во имя человека, для блага человека».

В градостроительстве мы перенимаем эстафету от великих мечтателей-утопистов: наши города будут городами радости и счастья, городами великого гуманизма.

Г. Лаппо

Наблюдения канадских ученых показали, что северные сияния происходят теперь чаще, чем, скажем, 15 лет назад. Кроме того, замечено, что зона их распространения значительно удалилась от Северного полюса и находится ныне между 70 и 60 градусами северной широты.

В ряде районов США, где уже в течение продолжительного времени добывается нефть, началось быстрое оседание почвы. В Калифорнии, например, есть местность, где уровень почвы за последние 20 лет понизился от 2 до 7 метров.



ОСТОРОЖНО — МОРСКИЕ ЧУДИЩА!

Море влечет к себе туристов, рыбаков, любителей подводного спорта, ученых. Морские просторы поистине кладовая, хранящая неисчерпаемые богатства. Тысячи тонн добычи привозят в переполненных трюмах суда наших рыболовецких флотилий.

Пищевая и парфюмерная промышленности используют ценные продукты, добываемые из рыб, крабов, моллюсков, морского зверя, а фармацевты изготовляют из даров моря лекарственные препараты.

Воды морей и океанов всего мира бороздят наши суда. Моряков влекут туда кочующие косяки рыб, а ученых — возможность отыскать малоизученных морских обитателей. Ихтиологов интересуют не только животные, встречающиеся в поверхностных водах, но и представители глубоководной фауны. В морскую пучину опускаются толстостенные шары-лаборатории батисферы в поисках диковинных рыб, а водолазы и аквалангисты собирают улов со дна в расщелинах подводных скал. Вот тут-то их нередко подстерегают различные опасности: острые шипы, ядовитые колючки или нападение хищных рыб. В результате травмы можно получить легкий ожог, серьезный шок или даже погибнуть от ран.

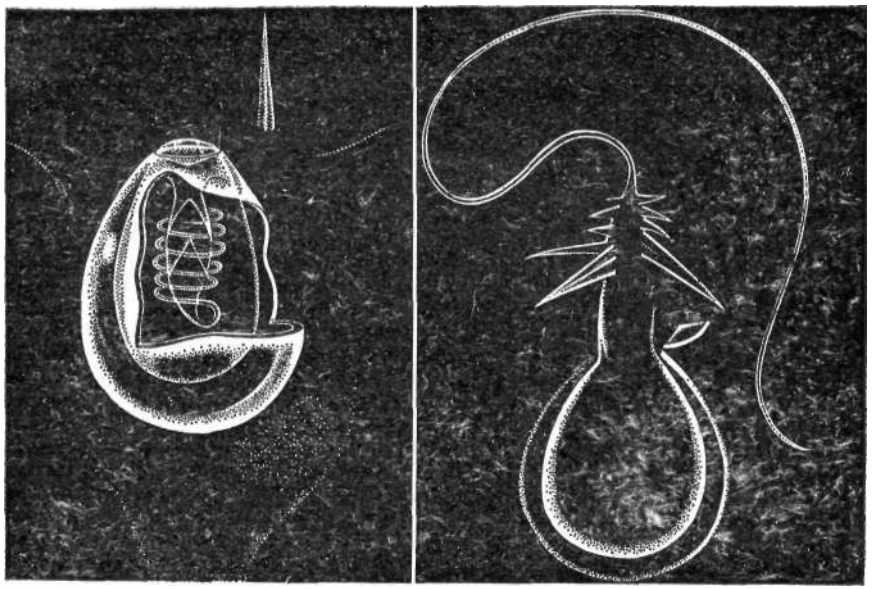
Мне пришлось быть свидетелем серьезных травм.

'Приведу некоторые примеры, сгруппировав их по ядовитости, хищности и опасности представителей беспозвоночных и позвоночных обитателей моря.

Ядовитые кишечнополостные. В жаркий летний день в одну из больниц Владивостока был доставлен Р. Он жаловался на сжимающие боли в груди, кашель, затрудненное дыхание, тошноту, рвоту, боли в суставах ног и пояснице.

Купаясь в Амурском заливе вблизи берега, Р. внезапно почувствовал жгучую боль в области левого бедра и немедленно вышел из воды. Произошел «ожог» крапивной жидкостью, выделяемой ядовитой медузой.

В конце лета в прибрежных водах залива наблюдается массовое скопление медуз, окрашенных в голубой, оранжевый и другие цвета. Их ошибочно считают ядовитыми. На самом же деле для человека опасны не эти крупные медузы, а маленькие рыжеватые, известные среди местного населения под названием «крестовики». Они относятся к стрекающим гидроидным кишечнополостным животным — гонионемам. Они водятся в умеренных водах северной части Тихого океана — в Японском море у Владивостока и в заливе Ольга, у берегов Татарского пролива, возле южной части Сахалина,



Слева: неразряженная стрекательная клетка-нематоцист кишечнополостного животного (медузы); справа та же, но разрядившаяся стрекательная клетка (сильно увеличено)

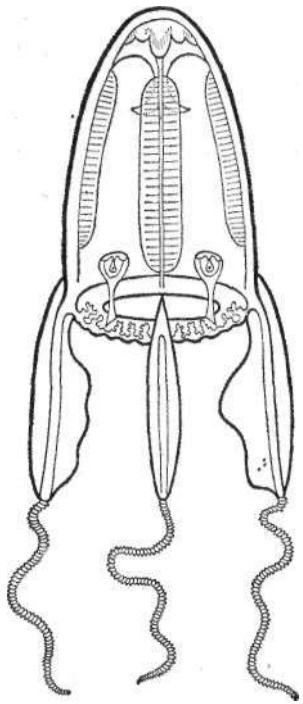
южных Курильских островов и в других местах.

Гонионема напоминает своим видом колокольчик диаметром 3—4 сантиметра. В центре вогнутой стороны находится хоботок, а по краям свисает до 80 щупалец. Это органы защиты, поражения и захвата добычи. На щупальцах — тысячи крошечных стрекательных клеток. В них расположены капсулы со стрекательной нитью, способной выбрасываться наружу и вонзаться в тело жертвы. Ядовитое вещество (конгестин, талласин и гипнотоксин), попав в кожу человека, вызывает ожог. Уже через 10—20 минут наступает острое отравление. В тяжелых случаях при обширных ожогах пострадавшие возбуждены, мечутся, кричат от боли. Такое состояние длится больше суток, затем наступает улучшение. Случаи гибели от поражения гонионемой редки. Способы лечения ожогов предложены врачом М. С. Азнауряном. Он дает пораженному эфедрин и адреналин, а спустя 12—24 часа производит внутривенное вливание новокаина вместе с глюкозой, а внутрь — димедрол. При повторных ожогах гонионемой действие яда иногда проявляется в еще более тяжелой степени.

Среди сцифоидных медуз существуют виды, способные нанести смертельное поражение. Так, морская оса хиропсальмус, встречающаяся в водах Северной Австралии, Юго-Восточной Азии, вызывает рвоту, потерю речи, спазм гортани, нарушает дыхание, работу сердца. Пострадавший гибнет от паралича дыхательных органов уже через 3—10 минут.

Известны и другие ядовитые кишечнополостные, например физалия. Она относится к гидроидным медузам — сифонофорам. Ее называют португальским корабликом. Американский писатель Хемингуэй в повести «Старик и море» описывает эту медузу так: «...На поверхности воды не виднелось ничего, кроме пучка желтых, выгоревших на солнце саргассовых водорослей и лилового, переливчатого студенистого пузыря — португальской флотилии, плыв-

шей неподалеку от лодки. Физалия перевернулась на бок, потом приняла прежнее положение. Она плыла весело, сверкая на солнце, как мыльный



Морская оса (Carybdea alata)

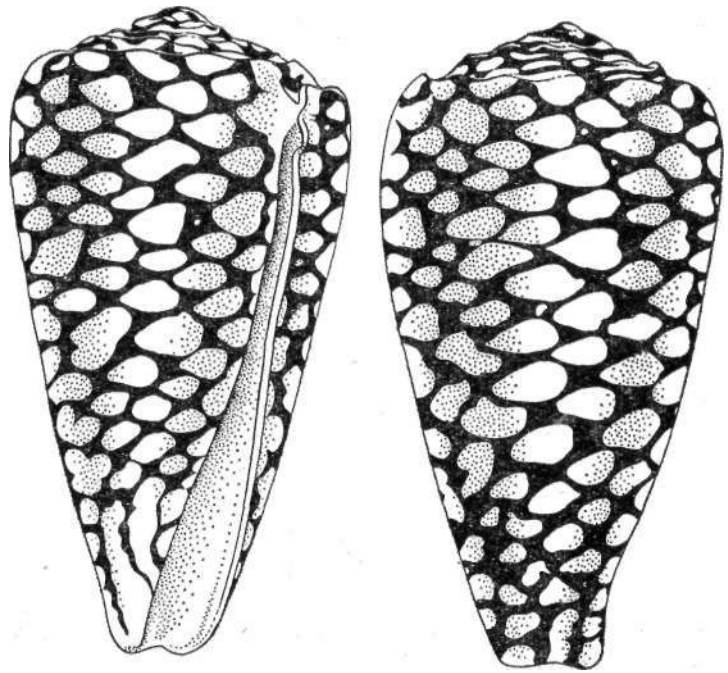
пузырь, и волочила за собой по воде на целый ярд свои длинные, смертоносные лиловые щупальца ... Когда такие вот щупальца цеплялись за леску и приставали к ней, скользкие и лиловые, пока старик вытаскивал рыбу, руки до локтей покрывались язвами, словно от ожога ядовитым плющом. Отравление наступало; быстро и пронзало острой болью, как удар бича».

В водах Атлантического океана обитает огромная — до двух метров в диаметре — медуза, известная под названием «морская ворвань». Ее ожог настолько ядовит для человека, что даже если медузу поместить в бочку с водой, человек ощутит ожог при одном лишь прикосновении к воде.

Ядовитыми свойствами обладают также морские анемоны — актинии и кораллы. В этом мне пришлось убедиться лично, когда я собирал иглокожих возле берега в Адриатическом море. Держась левой рукой за плотно приросшую под водой к скале греческую губку, правой я отдирал от камня и выбрасывал на берег морских ежей. К вечеру пальцы так опухли, что я не мог их сжать в кулак. Постепенно в кисти руки появилась ноющая боль и пульсация. Оказалось, что меня обстрекала не губка, за которую я держался, а небольшие скопления актиний, живущих на губке. Это они и обожгли мне кожу пальцев. Как мне рассказал местный врач, у ловцов губок возникает профессиональное заболевание, вызванное подобными ожогами. На коже рук появляются затвердения, краснота, зуд и жжение. Позже кожа принимает серый оттенок, иногда чернеет, образуются язвы, происходит омертвление участков кожи.

Ядовитые моллюски. На берег Персидского залива возле Басры (Ирак) мои товарищи и я попали в час отлива. На песчаном дне барахтались в лужицах морские животные. Наше внимание привлекли конические раковины длиной 5^7 сантиметров с темно-коричневыми пятнами. Мы брали их в руки, не зная, что сидящие в раковинах моллюски способны нанести опасный для жизни укол. Это были ядовитые мраморовидные конусы, встречающиеся в водах Персидского залива. Позже, вскрыв моллюска, я обнаружил бобовидную железу, вырабатывающую яд. По извивающемуся протоку он изливается в хоботок, прикрытый мышечной пластинкой — тёркой, из которой торчат острые иглы, напоминающие рыболовные крючки.

Такой же ядовитый моллюск встречается и возле Австралии. Известен трагический случай. Однажды вместе с рыбой попала в сеть пара красивых ракушек. Полюбовавшись ими, рыбак засунул раковины за обшлаг рубахи. Через несколько минут он ощутил боль в руке, пальцы онемели. Расстегнув обшлаг, рыбак нащупал на предплечье обширный припухший и болезненный участок кожи. Рыбак понял, что



Мраморовидный конус (Conus marmoreus)

ожог вызвали моллюски и выбросил их. Когда он пришел к врачу, его качало, как пьяного. Через час пораженный конусом рыбак потерял сознание, а спустя два часа скончался.

Тридакна. Это гигантский моллюск, весящий полтонны и даже больше. Обитает в тропических морях. Он лежит на дне, распахнув огромные створки раковины. Если случайно попасть ногой или рукой в коварную ловушку, створки сомкнутся. Можно согнуть металлический лом, но так и не разжать их. И только если рассечь острым ножом в глубине щели две пары сильных поперечных мышц, связывающих створки раковин, тридакна выпустит свою жертву.

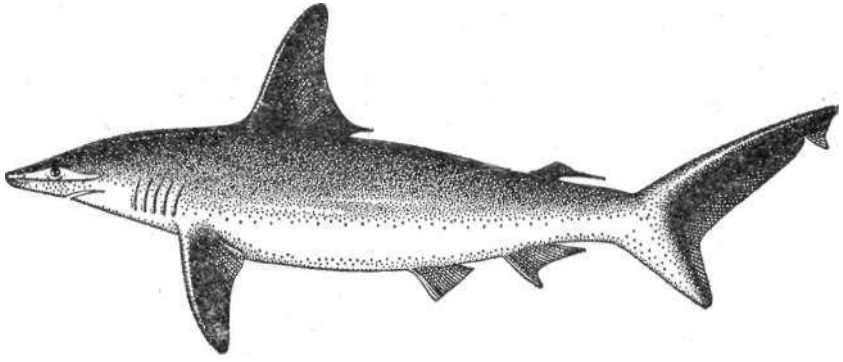
Акулы-людоеды. За последние годы все чаще говорят и пишут о встречах с акулой. Опасный хищник с пристальным вниманием изучает аквалангиста, старающегося не подставлять акуле ноги.

Известно, что в морях и океанах обитает около 350 видов акул. Некоторые из них достигают в длину 12—14 метров. Самые крупные акулы — китовая и гигантская — питаются планктоном, мелкой рыбешкой и для человека не опасны.

Другие,, чаще это менее крупные представители акульего царства, вооружены острыми, зазубренными зубами. Кожа хищника покрыта чешуей с обращенными назад шипами. Одного прикосновения к такой плакоидной чешуе достаточно, чтобы поцарапать или вырвать у пловца участок кожи.

Акулы предпочитают плавать в одиночку. Они очень чувствительны к запаху крови. Даже микроскопически малое ее количество в морской воде может издалека привлечь акулу. Известен случай, когда у аквалангиста пошла носом кровь. Она попала ему в рот и через трубку — в воду. Небольшая акула, видимо привлеченная запахом крови, ударив ныряльщика по голове, кинулась прочь. Он отделался небольшими ранениями.

Хищник обычно появляется среди купальщиков внезапно. Акулы обладают феноменальной маневренностью и коварством. Опытные моряки говорят так: невозможно предугадать, что предпримет нападающая акула в следующий момент.



Акула-людоед

Когда одиночная акула внезапно нападает на группу людей, она, как правило, избирает в жертву лишь одного из пловцов, преследует только его, игнорируя остальных.

Джон Адаме, профессиональный ныряльщик, подвергся на дне бухты Тринидад (Калифорния) нападению леопардовой акулы, считавшейся многими «безвредной». Ее длина меньше метра. И это не единственный случай нападения мелких акул.

Как уже указывалось, акул больше всего привлекает кровь. Кажется, что вблизи нет ни одной акулы. Но вот тонет корабль или падает самолет, и в воду попадает человеческая кровь, пусть в самом небольшом количестве. Немедленно появляются акулы. Они вначале описывают круги, потом одна из них кидается на добычу, затем другая. И вскоре вода закипает ключом. Акулы впадают в неистовство. Часто после кораблекрушения не остается в живых никого, кто мог бы рассказать о происшедшем. Г. Мак-Кормик приводит такое печальное описание расправы акул с пассажирами гибнущего корабля: «Когда в Тихом океане затонул транспортный корабль «Кейп Сан-Хуан», торпедированный японской подводной лодкой, на его борту было 1429 человек. Из такой же приблизительно команды торгового судна «Эдвин Мередит» после торпедирования удалось спасти лишь 448 человек. И даже во время спасательной операции несколько стай акул продолжали нападать на надувные плотики и уничтожали людей, цеплявшихся за их поручни».

Нападения акул на людей регистрируются главным образом в зоне, лежащей между 30° к северу от экватора и 30—40° к югу от него. Наиболее агрессивны они там, где температура воды достигает 21° С и выше. Отмечено также, что большинство нападений происходит в январе, преимущественно ночью.

Зубы у акулы расположены в пасти ровными рядами, иногда по тысяче и более в ряду. У песчаной акулы они похожи на кинжалы. Некоторые акулы могут пустить в ход не менее пяти рядов зубов. А позади каждого зуба имеется в резерве еще несколько зубов, лежащих в глубоких выемках.

Акула способна перекусить крупные трубчатые кости конечностей. Ее челюсти смыкаются с огромной силой.

Однажды голодной морской хищнице, находившейся в аквариуме океанографического института в США, сунули в пасть на стальном тросе динамометр. В нем между алюминиевым цилиндром и стальными обоймами были помещены шарики из нержавеющей стали. Все это устройство затягивала пластмасовая оболочка, представлявшая собой искусственную приманку. Акула вцепилась в предложенное ей «угощение». Оказалось, что давление зубов акулы на добычу превысило 2 тысячи атмосфер!

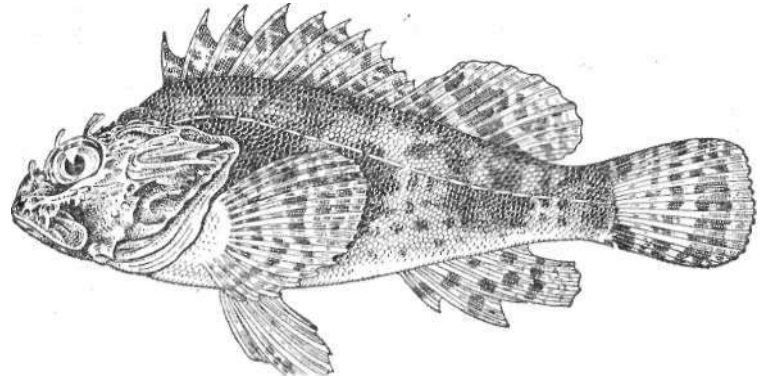
Акулы-людоеды изв-естны среди представителей четырех семейств. Наиболее опасны для человека макрели. Они активны в воде и способны даже опрокинуть шлюпку.

У макрели сигарообразное тело, острая морда, крупный, лунообразно загнутый хвостовой плавник, огромные зазубренные по краям зубы. Цвет акулы — от темно-серого до тускло-голубого. Белые акулы этого семейства достигают десяти метров. Так называемые «заупокойные акулы» (реквием) относятся ко второму семейству, и среди них заслуживает внимания тигровая, известная своей агрессивностью. Песчаная акула, относящаяся к третьему семейству, чрезвычайно прожорлива. Достигает в длину трех метров. Встречается в Средиземном море, тропических водах Западной Африки, восточных районах Атлантики и в ряде других мест. К четвертому семейству относится рыба-молот. Она приобрела репутацию опасной, внезапно атакующей находящегося в воде человека. Известны случаи, когда в желудке рыбы-молота находили останки людей. В длину эта акула иногда достигает 5 метров. Встречается она во всех тропических и теплых районах океанов и морей, включая Средиземное.

Ядовитые и колющие рыбы. Среди рыбного царства морей и океанов есть также немало опасных для человека представителей. Они вооружены, как правило, острыми и ломкими шипами, колючками и ядовитыми железами. Часть рыб обладает только колющими органами. Другие вызывают комбинированное поражение. Рыбы наносят уколы плавниковыми лучами и шипами жаберных крышек, вводя при этом ядовитые выделения слизистых желез. Некоторые особи вооружены шипами и лишь во время нереста становятся ядовитыми.

Здесь нет возможности перечислить хотя бы основных представителей ядовитых и колющих рыб — так велико их количество.

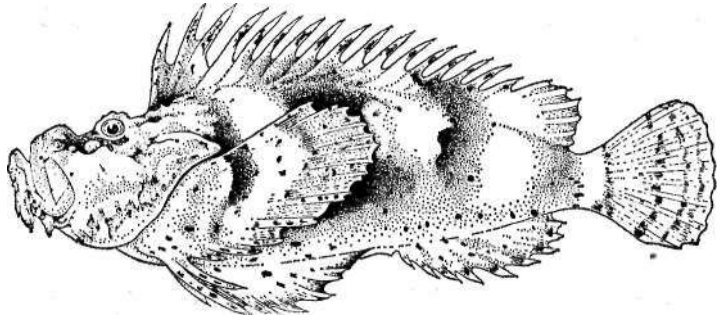
В Мурманском порту я видел сложенных в ящики, только что выловленных морских окуней. Мне рассказали, сколько болезненных ранений наносят они рыбакам. Окунь достигает 30—35 сантиметров и вооружен 13 жесткими лучами-колючками. В спинном плавнике их два, в брюшных — три. При уколе в рану попадают яд, слизь и патогенные микробы. Обычно в рану проникают небольшие, несмертельные дозы, поэтому поражение ограничивается местными явлениями. Однако нередко возникают и тяжелые заболевания. Н. П. Бычихин из Архан^



Рыба-скорпион (Scorpaena guttata). На шипах ядовитые железы

гельска при осмотре 1040 моряков обнаружил у 72 процентов тралмейстеров, матросов, рыбных мастеров и засольщиков различные повреждения рук, включая потерю подвижности пальцев.

К рыбам, вооруженным острыми лучами и ядовитыми железами, относятся многие виды драконов, зиганов, морских чертей, или скорпен, крылаток, бородавочников и жабунов. Стоит остановиться на наиболее



Ядовитая колючая рыба (Imimicus japonicus)

опасном из них — морском драконе. Его почти ножевндное, сильно сжатое с боков тело несет на жаберной крышке шиловидный шип, направленный острием назад. В переднем спинном плавнике имеется шесть жестких колючек. Все шипы снабжены ядовитыми железами. Хищник, ведущий донный образ жизни, имеет в длину всего 30 сантиметров. Маскируясь, он зарывается в песок, выставив лишь два высоко расположенных и сближенных друг с другом глаза. В засаде дракон подстерегает других рыб. Он распространен в Атлантическом океане, у берегов Европы, в Средиземном и Черном морях.

Если схватить рыбу рукой или дотронуться до нее, дракон молниеносно выскакивает из песка п, быстро извиваясь, колет своими шипами. Пострадавший ощущает невыносимую боль, иногда теряет от нее сознание. Бурентье приводит случай, когда боль была столь нестерпимой, что пострадавший отсек себе палец. Некоторые рыболовы стучат о палец тяжелым предметом, другие обвертывают пораженное место бумагой, пропитанной уксусом, п поджигают в надежде заглушить боль. Часто даже морфий не в состоянии облегчить состояние пострадавшего. Боль утихает лишь через несколько часов, а иногда через сутки.

При лечении пострадавшему дают кислород, разрезают рану стерильным ножом и высасывают ее содержимое. Облегчает страдание обмывание раны холодной водой с сернокислой магнезией, обкалывание раны новокаином, антибиотиком. Рекомендуется Держать пораженное место в пресной ледяной воде два часа.

Чтобы представить, как действует яд морского дракона, названного итальянцами морской гадюкой, приведу случай, который произошел в Неаполитанском заливе в 1955 году*. Зоолог-аквалангист заметил на дне частично зарывшуюся в песок морскую гадюку необычно крупных размеров. Рыба, как ему показалось, не обращала на него никакого внимания и даже позволила дотрагиваться до себя рукой. Неожиданно морская гадюка молниеносно метнулась вверх к лицу аквалангиста. Первый удар пришелся по предохраняющей лицо маске, второй — в нижнюю челюсть. Укол вызвал кровотечение. Боль нарастала постепенно. Болели голова и грудь, появилось затрудненное дыхание. Пострадавший перестал видеть и слышать окружающих. Пораженная сторона опухла, больной стонал от невыносимой боли. Отек в области головы достиг наибольшей степени на второй день. Верхняя часть туловища приобрела багровый цвет, образовалась отечность, мешавшая глотать и дышать. Больному вводили внутривенно солянокислый мепередин, антибиотики, морфий и проводили симптоматическое лечение. Его удалось спасти.

Многие слышали об опасных для человека угреобразных рыбах — муренах. Они встречаются у побережья Африки, Америки, в морях Юго-Восточной Азии и в ряде других мест.

По давней традиции, мурену считают чрезвычайно опасной рыбой-людоедом. Древнеримский историк Сенека описал обед у патриция Ведиуса Поллиона, на котором присутствовал император Август. За какую-то провинность разгневанный хозяин приказал бросить раба, прислуживавшего за обедом, в бассейн на растерзание муренам. Но Август заступился за раба, и Поллион отменил приказ. Этот рассказ и послужил основой для нелестной репутации мурен. Однако позже выяснилось, что в Древнем Риме муренами именовали морских и речных угрей, а также миног. К тому же пасть у настоящей мурены, хотя и вооружена острыми зубами, не в состоянии открываться так широко, чтобы можно было напасть на человека. Другое дело, если сунуть руку в расщелину, где поджидает добычу мурена, и попасть пальцами в зубастую пасть. Долго ждать укуса не придется. Однако яд в раны, видимо, не попадет, так как желез, вырабатывающих его, у мурен пока не найдено. Однако употреблять в пищу мясо мурен, как и акул, скатов, тунцов и особенно рыбы пэффер, опасно. У иэффера сильно ядовиты печень, внутренность и кожа. Они содержат сильнейший яд, влияющий на нервную систему.

Существуют рыбы, имеющие электрические органы. Среди них хвостокол, или морской кот, звездочет, электрический скат и группа морских угрей.

Специальные органы, вырабатывающие электрическую энергию, расположены возле головы. По весу они составляют у ската длиной до двух метров одну шестую часть тела. Брюшная поверхность ската электрически отрицательна, спинная — положительна. Скат может нанести несколько ударов подряд, затем рыбе требуется некоторое время для восстановления утраченного заряда. У разных рыб напряжение тока колеблется от восьми до 300 вольт, сила тока — семь-восемь ампер. Достаточно задеть рыбу в любом месте, как тотчас же произойдет разрядка тока, влекущая за собой тяжелый травматический электрошок. Удар крупного ската приводит к нарушению нервной регуляции жизненных процессов и моментальной гибели пострадавшего.

Морские змеи. В водах Тихого и Индийского океанов встречаются морские змеи. Принято считать, что их около 50 видов. Голова у них маленькая, глаза небольшие, как и зубы, прикрепленные неподвижно к верхней челюсти. Шея толстая, хвост сплющен с боков и напоминает весло.

Типичный представитель морских змей — ластохвост, достигающий в длину двух-трех метров. К роду этих змей относятся 24 вида. Чаще их можно встретить в прибрежной зоне, реже в глубинах океанов и пресноводных водоемах. Ластохвосты никогда не выползают на сушу и вне воды погибают. Питаются они рыбой и ракообразными. Яд ластохвостов отличается большей токсичностью, чем сухопутных змей. Морские змеи, как правило, кусают человека, обороняясь.

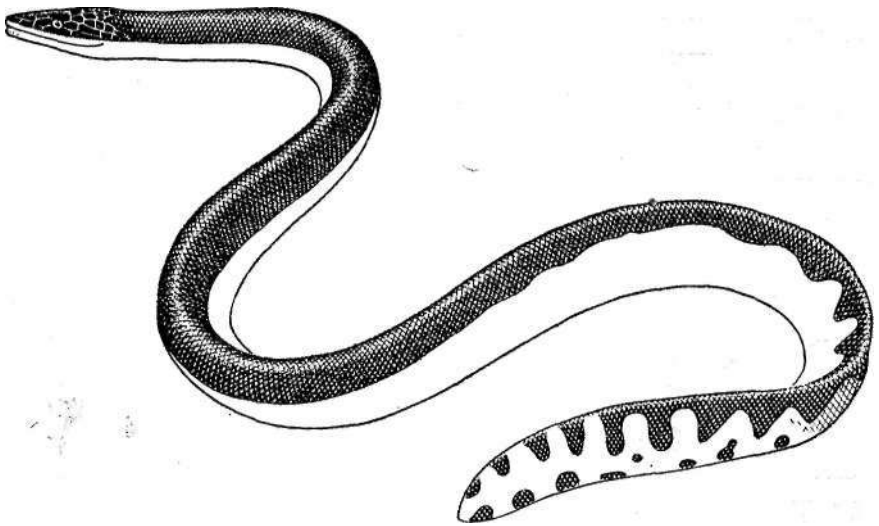
В Мадрасе я видел только что пойманную морскую змею пеламиду. На ее ядовитых зубах хорошо была заметна бороздка для стока яда. Железы, вырабатывающие яд, находятся позади глаз, как и у сухопутных змей.

После укуса у человека наблюдается паралич конечностей, туловища, шейных мышц. Самый ранний симптом отравления — полузакрытые веки, которые пострадавшему трудно поднять.

* B. W. Halsteade. The poisonous sea animals. Cambridge, Maryland 1959

На рыб яд морских змей действует расслабляюще. Жертва не в силах даже растопырить плавники, и морская змея спокойно глотает ее. Только что пойманные морские змеи издают резкий запах ворвани.

В Мадрасе рыбаки говорили мне, что змей иногда трудно заметить в массе пойманных рыб. Парусиновые рукавицы защищают лишь кисть руки, предплечье же остается обнаженным, а змеи как раз и кусают в открытые места.



Желтобрюхая ядовитая морская змея (Pelamis **platurus)**

«Когда английское военное судно «Альджерин» стояло на Мадрасском рейде,— пишет Врем*,— была поймана морская змея длиной в два метра. Один из матросов до тех пор разглядывал и трогал ее, пока она не укусила его за указательный палец правой руки. Матрос не обратил внимания на маленькую ранку, так как подвергался уже раньше укусам водяных змей и не чувствовал никаких дурных последствий. Через полчаса после укуса он позавтракал и приблизительно часа через два отправился на палубу. Здесь у него вдруг началась рвота, пульс стал слабым и по временам исчезал; зрачки были расширены, но сужи-вались под влиянием света; на коже выступил холодный пот, и выражение лица становилось более тревожным и все более и более обнаруживало общее и тяжелое болезненное состояние.

Скоро наступил паралич гортани, который существенно затруднял дыхание. Края раны и ближайшие части руки опухли: опухоль распространилась потом по всей правой половине тела, а шея и лицо приняли пятнистый пурпуровый и серый .цвет. Врач применил различные средства, больной' делал усилия, чтобы принять их, но не мог и только после теплой ванны проглотил лекарства, но его вырвало. Приблизительно через 20 минут после ванны появились приступы удушья. Дышать становилось труднее, наступила потеря сознания и спустя четыре часа после укуса больной умер».

Этот случай показывает, что неосторожное обращение с морской змеей столь же опасно, как и с сухопутной. Те и другие в равной степени вселяли всегда в людские души цепенящее чувство ужаса. Многие почему-то считают, будто любая змея, едва завидев человека, немедленно бросается на него в атаку.

В действительности морским и сухопутным змеям человек безразличен, в их «меню» он не числится. Но нужно, конечно, знать их повадки, образ жизни и возможные последствия укуса.

Ядовитость органов некоторых млекопитающих. Ядовитость — широко распространенное явление в животном мире. Иногда сам факт ядовитости может быть выявлен только в условиях эксперимента. Так, немногие, вероятно, знают, что печень и почки белого медведя токсичны для человека.

В 1964 году Ф. Расселу* охотники Аляски передали печень двух убитых ими белых медведей. Одна принадлежала взрослому, другая — молодому зверю. Экстракты из этих органов содержали огромное количество витамина «А». Если сравнить его количество с содержанием витамина в печени других животных, то получится следующее соотношение (в миллиграммах на один грамм печени): взрослый белый медведь — 10 400, молодой — 9215, акула — 400, рыба — 80, домашняя кошка — 18.

Употребление в пищу печени, содержащей столь огромное количество витамина «А», может вызвать ряд болезненных симптомов. У людей появляются тупая боль в голове, тошнота, рвота, расстройство пищеварения, сонливость, падение пульса, судороги. По наблюдениям Б. Халстида, пострадавшие, как правило, выздоравливают через несколько дней.

Укажу также, что печень некоторых тюленей (например, бородатого, жителя Крайнего Севера, и австралийского морского льва) токсичны для человека. Есть сообщения и о том, что мясо некоторых видов китов и дельфинов ядовито.

Итак, в глубинах морей и океанов человека подстерегает ряд опасностей. Но ведь можно избежать их?

Конечно, можно. В заключение хочется привести слова одного моряка, побывавшего на многих морях и океанах и ни разу не пострадавшего от их обитателей: «В воде не робей, береги ноги, торопись не спеша и гляди в оба!..»

Федор Талызин

* Врем. Жизнь животных, т. 5. Земноводные и пресмыкающиеся, 1931, стр. 107.

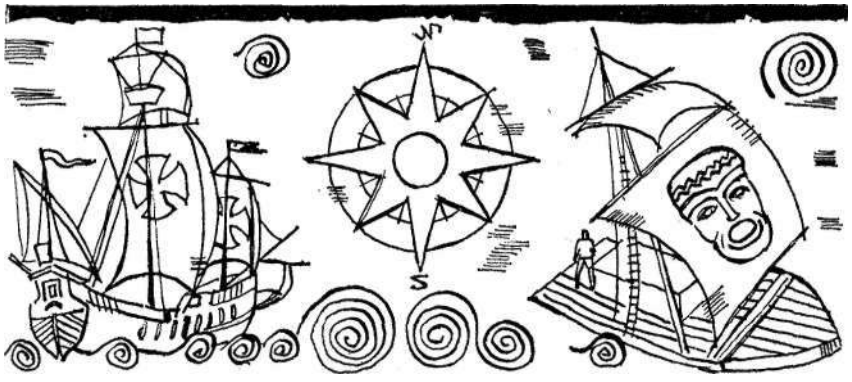
* Ф. Э. Рассел. О содержании витамина «А» в печени полярного медведя. «Тожинон», 1966, Т.V, стр. 61—62. Издательство «Пергамон», Лондон.

Мех норок, выращенных на фермах Алтая, считается в настоящее время лучшим в мире по качеству. Секрет заключается в том, что норок подкармливают препаратом из корней и листьев колючего таежного кустарника—элеутерококка. Зверьки вырастают более крупными и с очень красивым мехом.

В Новой Зеландии организована авиаслужба защиты пляжей от акул. Над морем летают вертолеты на высоте двух-трех метров. По хищницам ведется огонь из малогабаритных гарпунных пушек. Убитые акулы поднимаются в машину специальной лебедкой. За час таким образом два человека вылавливают до 30 хищниц.

Профессор Парижской обсерватории Одуэн Дольфус более 20 лет наблюдал поверхность Марса, применяя самые различные приборы. В частности, он сделал большое число измерений поляризации света, рассеянного от поверхности планеты. На основании своих наблюдений ученый сделал вывод, что Марс вполне заслужил названия «ржавой планеты»: его поверхность покрыта окисью железа.

В ботаническом саду близ курорта Адлер на Черноморском побережье заложена плантация секвойи. Мамонтовы деревья, достигающие в высоту ста метров и живущие более трех тысяч лет, будут украшать аллеи Сочи и других зон отдыха на Кавказе.



НА ПЛОТАХ И ЛОДКАХ — ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ

Три судьбы

Днем 6 мая 1963 года вахтенный штурман советского турбоэлектрохода «Балтика», шедшего из Калининграда в Гавану, заметил парусную лодку. Капитан приказал изменить курс, и вскоре «Балтика» подошла к суденышку. Это была резиновая надувная лодка длиной семь с половиной и шириной около трех метров. На корме виднелось два мотора, мачта была оснащена парусами. Называлось суденышко «Тысяча вех», а плыл на нем всего лишь один человек — французский моряк Рене Лекомб.

31 марта он вышел в море из Гваделупы (Малые Антильские острова), намереваясь в одиночку пересечь Атлантический океан с запада на восток. К моменту встречи с советским судном Лекомб прошел примерно треть расстояния до Франции. От помощи, предложенной нашими моряками, он отказался, попросив лишь уточнить местонахождение его лодки. Ему сообщили точные координаты: 32°50' северной широты и 48°47' западной долготы.

После этого Лекомба видели еще с нескольких судов; в последний раз его заметили греческие моряки 27 мая. А в начале июля остов «Тысячи вех» с обезображенным трупом был обнаружен на скалах одного из Азорских островов. Судя по всему, отважный путешественник потерпел аварию во время шторма.

... В ночь с 14 на 15 марта 1967 г. радиостанции западного побережья Южной Америки приняли сигналы бедствия. Их посылали с плота «Пасифик», находившегося в это время в Тихом океане, в районе Галапагосских островов. Что же заставило людей отправиться в океан на илоту?

Организатор экспедиции испанец В. Альфар хотел доказать, что индейцы-инки начинали плавание через Тихий океан от берегов Эквадора, а не Перу, как считают некоторые ученые. Древние мореплаватели Южной Америки, утверждал Альфар, на своих бальсовых плотах добирались не только до Полинезии, возможность чего доказал еще Т. Хейердал, но даже до Австралии.

23 октября 1966 г. «Паспфик» отправился в плавание из эквадорского порта Гуаякиля. Вскоре плот, несмотря на все усилия команды, начало относить к северу — к Галапагосским островам. Спустя месяц после начала плавания, опасаясь, что плот разобьет о прибрежные скалы, В. Альфар обратился по радио за помощью. Через сутки к «Пасифнку» подошел эквадорский

военный корабль и отвел его в одну из бухт архипелага. Там плот привели в порядок, несколько улучшили его конструкцию и парусное вооружение. Во время стоянки у Галапагосских островов команда «Паснфнка» сократилась с пяти человек до трех: двое отказались продолжать опасное путешествие.

Закончив все нужные приготовления, путешественники снова вышли в океан. За неделю удалось пройти более 460 километров на юго-запад, но затем экспедицию опять постигла неудача. Встречные ветры упорно не давали «Паснфику» продвигаться по заданному курсу. Запасы продовольствия и воды таяли, а сам плот начал медленно, но неуклонно погружаться в воду. Тогда-то и был подан сигнал бедствия, который приняли многие радиостанции. Капитан одного из судов подошел к плоту и снял с него людей. «Паснфик» к тому времени уже наполовину погрузился в воду.

...Англичанин Френсис Чичестер в молодости был летчиком, потом сменил много других профессий и, наконец, увлекся парусным спортом. Это он выиграл первые гонки яхтсменов-одиночек через Атлантику, занял второе место на следующих гонках, а потом пересек этот океан в третий раз — снова в одиночку, но уже не участвуя в соревнованиях. Под старость он решил отправиться на небольшой яхте в кругосветное путешествие.

Его смелый замысел финансировала фирма, заинтересованная в сбыте шерстяных изделий. Проверка их качества в самых различных климатических условиях могла послужить грандиозной рекламой и с лихвой окупить расходы на яхту, снаряжение и продовольствие.

В путешествие Чичестер отправился на двухмачтовой парусной яхте водоизмещением 18,5 тонны и с площадью парусов 250 квадратных метров. Для такого судна, как правило, требуется команда из десяти человек, но Чичестер решил, что справится п один. Свой корабль он назвал «Джипси Мот IV», так как совершал четвертое плавание в одиночку.

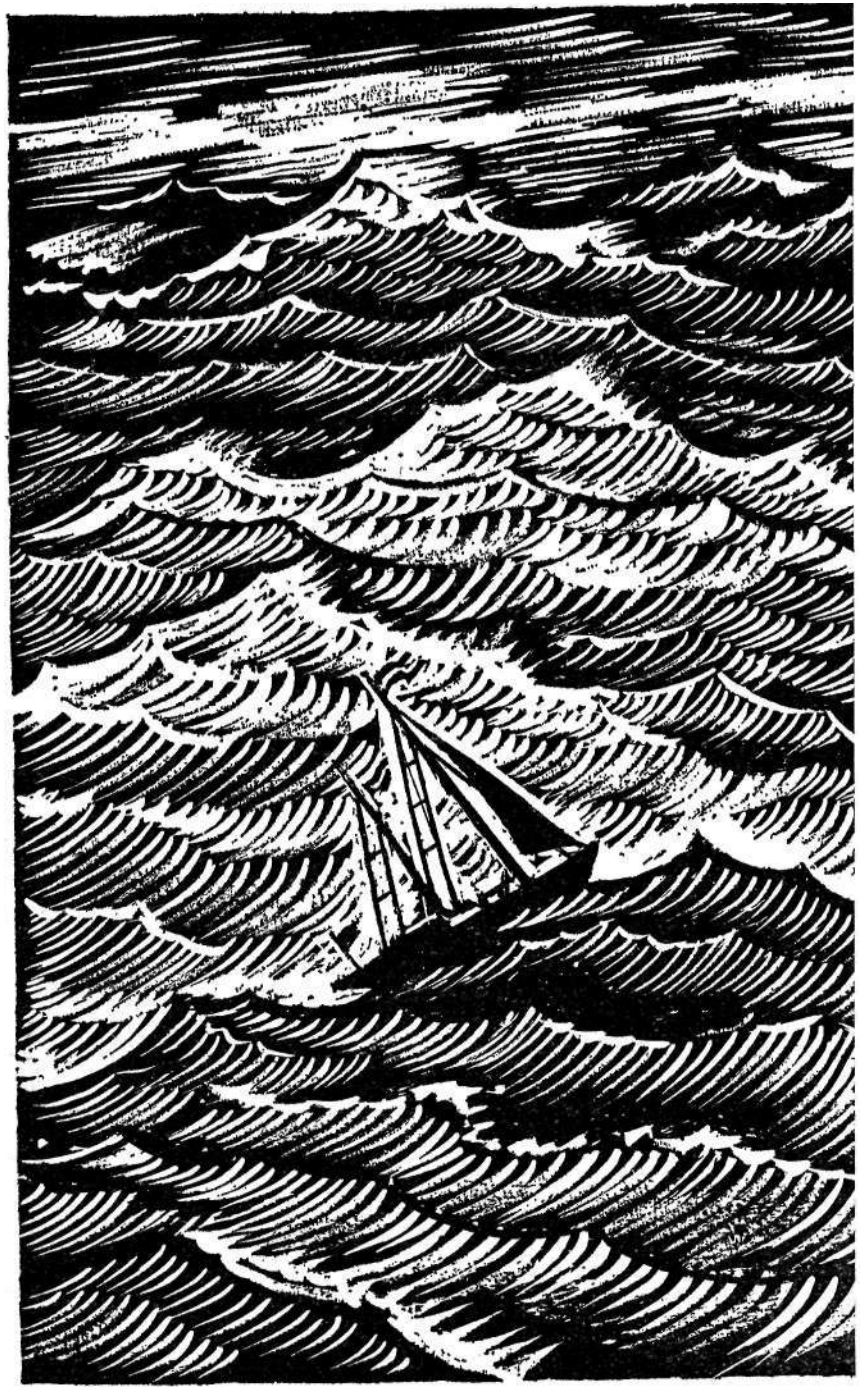
27 августа 1966 г. Чичестер вышел из Плимута (Южная Англия), намереваясь без вахода в порт пройти два океана — Атлантический и Индийский — и добраться до Сиднея в Австралии. Во время этого длительного и достаточно тяжелого перехода Чичестер управлял яхтой, следил за парусами, выверял курс, занимался текущим ремонтом, готовил пищу и даже... выращивал салат — украшение своего довольнотаки однообразного меню, основу которого составляли консервы.

Ради чего этот человек в четвертый раз отправился в опаснейшее плавание? Чнчестера не волновала какая-либо научная проблема пли желание прославиться. Он испытывал радость от самого плавания, его привлекала необходимость напряжения всех сил, неизбежная в таком путешествии. Чичестер писал: «...Я люблю приключения. Без них моя жизнь была бы неполной. Для меня дальние морские переходы — необходимость».

Все шло как нельзя лучше до 15 ноября, когда жестокий шторм вывел из строя автоматическое рулевое управление. Починить его самому оказалось невозможно, и Чичестер вынужден был постоянно стоять у штурвала, иначе яхта сбивалась с курса. Но так как дежурить круглые сутки физически невозможно, то скорость передвижения замедлилась. На долю моряка выпали тяжелые испытания: Чичестер мало и плохо спал, терял силы...

И все же он добрался до Сиднея без захода в порт. За 107 дней путешественник прошел около 25 тысяч километров. Когда «Джипси Мот IV» вошел в порт, силы Чнчестера были на исходе. С трудом выйдя на берег, он произнес только одну фразу: «Спать, и как можно скорее».

В XIX веке путь, проделанный Чпчестером за 107 дней, парусные корабли преодолевали в среднем за 127 дней. Если учесть, что экипажи этих судов работали посменно, а Чичестер был один, его переход, бесспорно, следует признать блестящим с точки зрения мореходного искусства. Не случайно Французская академия спорта наградила Чнчестера призом «За современное приключение», а королева Англии Елизавета II возвела отважного мореплавателя в рыцарское звание и сделала



его командором ордена Британской империи.

Френсис Чичестер, однако, вовсе не собирался успокаиваться на этом: ведь его целью было не дворянское звание, а кругосветное плавание. Поэтому он пробыл в Австралии ровно столько, сколько нужно было, чтобы отдохнуть и привести в порядок «Джипси Мот IV», и 29 января 1967 года покинул гавань Сиднея.

Самым тяжелым оказался район вблизи мыса Горн — один из наиболее опасных для мореплавания на земном шаре. Этот район печально знаменит своими штормами, туманами и айсбергами. Плавание вокруг мыса Горн произвело на Чичестера сильнейшее впечатление. «Было что-то кошмарное,— вспоминает он,— в гудящем ветре и озверевшем море. Я чувствовал себя беспомощным перед силой волн, обрушившихся на яхту...»

Но вот все трудности и опасности многомесячного пути позади, и яхта Чичестера, теперь уже сэра Чичестера, входит в бухту Плимута. «Джипси Мот IV» сопровождают сотни лодок, катеров, яхт и небольшие военные корабли; в воздух для встречи яхты поднялись самолеты и вертолеты. Гремит залп в честь отважного путешественника, слышатся громкие крики тысяч людей, собравшихся на берегу.

Необычные плавания

Перед нами прошли три плавания— три судьбы: Лекомб погиб; путешествие на «Пасифике» окончилось неудачей, но людей удалось спасти; Чичестер успешно завершил свое предприятие. В эту схему по существу укладываются все необычные плавания. Но прежде чем рассказывать о них, следует дать определение этому понятию. В самом деле, что же это такое — необычное плавание?

Необычными мы условимся называть плавания на судах, резко отличающихся по типу или размеру (или по тому и другому одновременно) от тех, что служат для этой цели в данное время. Слокам и Чичестер со своими современными парусными яхтами не привлекли бы внимания, если бы они плавали в прибрежных районах. Но «кругосветка» на таких суденышках уже явление необычное, ибо в наше время океаны пересекают крупнотоннажные суда.

Плавание Колумба через Атлантический океан, выдающееся по своим результатам, не было в XV веке чем-то необычным с точки зрения мореходных средств, ибо в те времена каравеллы служили для дальних морских переходов. Путешествие же на каравелле образца XV века, предпринятое в 1962 году по маршруту Колумба, безусловно необычное.

Конечно, в силу каких-то особых обстоятельств (чаще всего кораблекрушений) люди часто вынуждены использовать любые плавучие средства. Нам же хочется рассказать лишь о плаваниях, совершаемых добровольно, по собственной инициативе.

За последние сто лет было совершено множество необычных плаваний. Одним из наиболее удивительных можно считать переход через Атлантический океан в простой шлюпке двух норвежских моряков.

Три миллиона гребков

Оказавшись в Нью-Йорке без денег, Г. Харбо и Ф. Самуэльссон решили вернуться домой в Норвегию на открытой морской шлюпке длиной в 5,4 метра, без паруса, пользуясь только веслами. Плавание в целях рекламы финансировал один американский владелец газеты. И вот в 1896 году норвежцы отправились в это рискованное путешествие.

Они гребли с восьми утра до полудня, затем отдыхал», снова гребли — и так день за днем. Однажды шторм опрокинул шлюпку, но даже в этот отчаянный момент Харбо и Самуэльссон сохранили присутствие духа. Они предусмотрительно надели спасательные нагрудники, и поэтому, когда очутились в воде, их руки оказались свободными. Морякам удалось поставить шлюпку на киль и вычерпать воду. Они упорно продвигались на во-

сток и в конце концов добрались до Норвегии. За время этого плавания Харбо и Самуэльссон сделали более трех миллионов гребков веслами...

Спустя 70 лет, в 1966 году, два молодых англичанина — Д. Риджуэй и Ч. Блайт — повторили плавание норвежцев. На весельной шлюпке они за 92 дня прошли от Бостона (США) до западного побережья Ирландии. У путешественников были компас и радиопередатчик, но последним они ни разу не воспользовались. Пищу Риджуэй и Блайт готовили из обезвоженных концентратов.

Плавание оказалось тяжелым. Одежда почти все время была мокрой: то шел дождь, то в шлюпку залетали брызги волн. Даже выспаться по-настоящему не удавалось: лежать можно было только скорчившись, так как не хватало места.

Во время этого труднейшего перехода Риджуэй и Блайт не раз попадали в штормы, но они благополучно достигли цели. Плавание же двух других англичан — Д. Джонатана и Д. Хоара — кончилось трагически. В том же 1966 году они отправились на шлюпке через Атлантику и пропали без вести. Вскоре в океане обнаружили их перевернувшуюся шлюпку.

Выйти в открытый океан на весельной шлюпке — затея, граничащая с безумием. Гораздо чаще в дальнее морское путешествие отправляются на небольших парусных или моторных яхтах. Больше всего таких плаваний совершалось и совершается через Атлантический океан. В последние годы" стали проводиться даже трансатлантические гонки.

Гонки через Атлантику

Первые гонки по маршруту Плимут—Нью-Йорк состоялись в 1960 году по инициативе Королевского западного яхт-клуба (Англия). В них участвовало пять парусных яхт; на каждой — команда из одного человека. Все яхты были оснащены парусами из терилена, на четырех было установлено автоматическое рулевое управление. Согласно правилам, использовать двигатель было нельзя.

Старт был дан 11 июня. Все участники благополучно пересекли Атлантику и добрались до берегов Северной Америки, причем каждый шел по маршруту, выбранному им самим. Первым в Нью-Йорк пришел уже знакомый нам Ф. Чичестер, проделавший весь путь за 40 дней. Из 7,4 тысячи километров пути 2,6 тысячи Чичестер прошел в тумане — и все-таки был первым!

Вслед за ним пришел Хазмер, преодолевший океан за 48 дней. За исключением одного часа, его яхта все время шла с автоматическим рулевым управлением. Самое любопытное, что он добрался до цели без каких-либо признаков усталости и, выйдя на берег, заявил: «Это был самый лучший отдых в моей жизни».

Во вторых трансатлантических гонках (1965 год) участвовало 15 мореплавателей-одиночек. Среди них был и Чичестер, но на этот раз он пришел вторым: первое место досталось французскому яхтсмену Э. Табарли. От Плимута до Нью-Йорка ему удалось добраться в рекордно короткий срок: за 27 суток 4 часа 56 минут.

Табарли шел на яхте, построенной из пластмассы (длина — 13,6 метра, водоизмещение — 5,4 тонны). Автоматическое рулевое управление в пути вышло из строя, и после этого Табарли мог оставлять руль не более чем на час. Спал он в общей сложности по два-три часа в сутки, подымаясь каждые полчаса, чтобы проверить правильность курса. Стремясь во что бы то ни стало прийти первым, французский яхтсмен пошел на большой риск: он не уменьшал парусность даже при сильном ветре.

В гонках 1968 года участвовало уже 35 спортсменов из 10 стран, в том числе одна женщина — Эдит Бауман из ФРГ. Среди яхт преобладали катамараны и тримараны, то есть суда с двумя и тремя корпусами. Табарли на этот раз не повезло: его тримаран столкнулся с грузовым судном, и победа досталась англичанину Д. Уильямсу, прошедшему дистанцию за 26 дней 3 часа 20 минут.

Всего через Атлантический океан в том или другом направлении было совершено несколько десятков плаваний на небольших судах. Далеко

не все они кончались успешно: некоторые из смельчаков (например, Лекомб) погибли, других вовремя подобрали проходившие мимо суда.

Англичанка Энн Дэвисон была первой женщиной, которой в одиночку удалось переплыть Атлантику. В 1953 году в возрасте 38 лет она за 65 дней пересекла океан на парусной яхте. В это путешествие смелая женщина отправилась по несколько необычной причине. В одном из плаваний погиб ее муж, страстно любивший море. Энн казалось, что жизнь для нее кончилась... Но через некоторое время у нее зародилась мысль — победить стихию, погубившую ее мужа, доказать, что она, женщина, сильнее океана, и этим как бы отомстить беспощадной стихии за гибель любимого человека. И Дэвисон удалось добиться своего: несмотря на сильные штормы, она успешно закончила плавание.

Вокруг света в одиночку

В то самое время, когда Харбо и Самуэльссон день за днем работали веслами в Атлантике, океаны бороздил шлюп «Спрей». На этом небольшом суденышке американскому моряку Джошуа Слокаму впервые удалось совершить кругосветное путешествие в одиночку. Слокам всю жизнь провел в дальних плаваниях и был, как говорится, старым морским волком. В последние годы службы он был капитаном парусных судов. Времена же для парусников наступали тяжелые: в конце XIX века их быстро вытесняли паровые суда. И Слокам в числе многих других моряков парусного флота в конце концов потерял работу.

Что было делать? Получить место капитана парусного копабля стало почти невозможным... Расстаться с морем и доживать свой век на берегу? Но он был не так стар для этого...

Слокам решил построить своими руками небольшое судно и в одиночку отправиться в кругосветное плавание. За 13 месяцев упорной работы Слокам построил шлюп, названный им «Спреем». На этом-то одномачтовом с легким парусным вооружением суденышке длиной в 11,2 метра Слокам и отправился в 1895 году в океанские просторы.

Плавание американского моряка не имело какого-либо научного значения, но было блестящим, сенсационным спортивным достижением. За 3 года 2 месяца и 2 дня Слокам совершил кругосветное плавание, пройдя более 85 тысяч километров. Он доказал, что хорошо подготовленные люди даже на маленьких, но правильно сконструированных судах могут предпринимать самые далекие и опасные путешествия.

Другое, так сказать, классическое кругосветное плавание в одиночку совершил в двадцатых годах нашего столетия француз Ален Жербо. Во время первой мировой войны он был летчиком. На фронте погибли все его друзья, и Жербо возненавидел войну и буржуазное общество. «Война заставила меня уйти от цивилизации. Я не стремлюсь вновь вернуться к ней»,— писал он. Что же делать? «Ничто не заполняет огромной пустоты моей жизни»,— жаловался Ален. А тут еще умерла его мать...

Давно уже мечтал Жербо отправиться в одиночку в далекое и опасное плавание, которое отвлекло бы его от навязчивых воспоминаний. И вот теперь он решил осуществить свою мечту. Был куплен тендер «Файркрест» — одномачтовое парусное судно с длинным горизонтальным бушпритом. «Файркрест» был построен в 1892 году из дуба и тика, обладал хорошими мореходными качествами и достаточной надежностью, несмотря на свой почтенный возраст. «Файркрест» был очень узок (2,5 метра ширины при И метрах длины) и необычайно остойчив. Перевернуть его было практически невозможно, так как это небольшое суденышко имело внушительную осадку в 1,8 метра, его свинцовый киль весил 3,5 тонны, а балласт в трюме еще 3 тонны.

Жербо отправился в плавание в 1923 году. В западной Атлантике он попал в шторм, свирепствовавший в течение двадцати дней. Ветер рвал паруса, приходилось почти непрерывно их чинить. Лил проливной дождь. «Я настолько пропитался водой,— вспоминал путешествен-

ник,— что кожа на руках разбухла и размякла, и я испытывал ужасные мучения, когда приходилось тянуть снасти или чинить паруса». Тропические ливни, ураганы, палящее солнце, голод, муки жажды, болезни, изнуряющие двенадцатичасовые вахты у штурвала — все пришлось перенести Жербо. И тем не менее на 101-й день пути он добрался до Нью-Йорка.

Пробыв более года в США, отремонтировав «Файркрест» и отдохнув, Жербо в 1924 году продолжил путешествие. Он пересек Тихий и Индийский океаны, вновь вышел в Атлантику и в 1929 году вернулся во Францию, завершив кругосветное плавание. Оно было более длительным, чем у Слокама, и потребовало "большей затраты сил.

Пссле второй мировой войны в плавание вокруг Земли почти одновременно отправляются французы Ле Тумелен и М. Бардьо. Жак-Ив Ле Тумелен на парусной яхте «Курун» проделал кругосветное путешествие в 1949—1952 годах, причем без единой аварии, не порвав ни единого паруса, ни разу не посадив свое суденышко на мель. Гораздо дольше длилось плавание Мишеля Бардьо: стартовав 1 января 1950 года, он вернулся на родину только осенью 1958 года. За это время на своей небольшой парусной яхте «Четыре ветра» он прошел 130 тысяч километров.

В 1967 году в кругосветное плавание вышел поляк Леонид Телига. После захвата Польши немецкими фашистами он работал шкипером на советских торговых судах в Черном море, позднее стал летчиком и сражался с нацистами. В послевоенные годы, вернувшись в Польшу, Телига занялся журналистикой, продолжая увлекаться парусным спортом, которым он интересовался еще в юности.

С помощью общественных организаций Телига построил парусно-моторную яхту «Опты»,- на которой отправился в кругосветное путешествие. Он прошел таким маршрутом: Касабланка — Малые Антильские острова— Панамский канал — Галапагосские острова — Таити — острова Фиджи. От Фиджи Телига без захода в порт за 165 дней пересек Индийский океан, прошел вдоль берегов Африки и летом 1969 года вернулся на родину.

„Кон-Тики" и „Еретик"

Выше говорилось о плаваниях на весельных суденышках, парусных или моторных яхтах. Многие из них — образцы мужества и бесстрашия. Но в последние десятилетия наибольшее впечатление, безусловно, произвели экспедиции Т. Хейердала и А. Бомбара. Объясняется это тремя основными причинами. Первое — средства передвижения: илот у Хейердала и резиновая надувная лодка у Бомбара. Второе — цели: не спортивные, не рекламные, а научные. Третье — книги этих людей: и Хейердал («Путешествие на «Кон-Тики»), и Бомбар («За бортом по своей воле») настолько интересно рассказали о своих необычайных путешествиях, что уже одно это сразу же вызвало к ним всеобщий интерес.

Как известно, Хейердал предпринял столь необычную экспедицию, чтобы обосновать свою гипотезу о заселении Полинезии через Южную Америку. Но прежде следовало доказать возможность пересечения океана южноамериканскими индейцами. Так как инки плавали на бальсовых плотах, то и Хейердал решил со своими пятью товарищами на таком же плоту добраться из Перу до островов Полинезии.

. В 1947 году, подгоняемый течением и ветром, плот «Кон-Тики», сооруженный из очень легких бальсовых бревен, за 101 день плавания прошел почти восемь тысяч километров и достиг архипелага Туамоту. Этой экспедицией Хейердал доказал, что на бальсовом плоту можно пересечь Тихий океан с востока на запад. Но проблема заселения Полинезии еще ждет своего решения. Для этого нужда длительная исследовательская работа ученых разных специальностей.

...Как показывает статистика, 90 процентов людей, оказавшихся в шлюпках или на плотах, умирает в первые три дня после кораблекрушения. Известно, что без пищи и пресной воды человек может продержаться больше трех дней; жертвы же

морских катастроф часто умирают даже в том случае, когда у них есть и пища, и пресная вода. Что же служит причиной их гибели?

Этой проблемой заинтересовался молодой французский врач Ален Бомбар. Изучив материалы о морских катастрофах, он пришел к правильному выводу: люди умирают от сознания своей обреченности, от сильнейшего нервного потрясения.

Как же им помочь? Как заставить их поверить, что спасение возможно и после гибели судна? Как побудить их бороться за свою жизнь? Очевидно, решил Бомбар, нужно наглядно продемонстрировать, что с океанской стихией можно бороться даже в самых, казалось бы, безнадежных условиях. И вот в 1952 году молодой врач организует экспедицию на «Еретике» — открытой резиновой надувной лодке длиной 4,65 и шириной 1,9 метра. На этой лодке, имея только небольшой аварийный запас продовольствия и пресной воды, Бомбар решил переплыть Атлантический океан.

Во время плавания он питался сырой рыбой и планктоном, пил сок из рыбы и дождевую воду. Все, казалось, было против него, но воля, выдержка, мужество победили. Переплыв за 65 дней океан, Бомбар добрался до острова Барбадоса у берегов Южной Америки, не притронувшись к аварийному запасу продовольствия. Его путешествие подтвердило огромное значение морального фактора в борьбе с океанской стихией. Оно показало, что потерпевшие кораблекрушение при определенных условиях, даже не имея пищи и пресной воды, могут довольно долго продержаться в море. Во время плавания Бомбар провел интереснейшие медицинские наблюдения над своим организмом. Это путешествие молодого врача было ценным, хотя и несколько жестоким экспериментом, давшим немало материалов для науки.

Путешествия Уилписа

Плавание Хейердала и выход в свет его книги вызвали настоящий ажиотаж вокруг необычных плаваний. За последние два десятка лет было совершено множество путешествий на плотах по рекам, морям и океанам. Многие из этих предприятий кончились крахом, вроде плавания на «Пасифике». Из тех, что успешно завершились, стоит отметить экспедицию американского моряка Уильяма Уиллиса (1893—1968 гг.). В 1954 году он, как и Хейердал, стартовал из Кальяо (Перу). За 115 дней Уиллис прошел около 12 тысяч километров, отделяющие Американский континент от островов Самоа. Плот Уиллиса был сделан из бальсы, как и «Кон-Тики», но американский моряк отправился в плавание один, если не считать кота и попугая.

В книге «На плоту через океан» Уиллис так говорит о цели своего плавания: «Я не хочу доказать какую-либо научную теорию или открыть новый путь, чтобы по нему шли другие... Мне хочется подвергнуть себя суровому испытанию, какому должен, по-моему, подвергнуть себя каждый человек... возможно, мой опыт когда-нибудь пригодится потерпевшим кораблекрушение».

Трудности и опасности, с которыми пришлось встретиться американскому моряку, были действительно велики: одиночество, которое он в отличие от Слокама и Чичестера переживал очень тяжело, потеря запасов пресной воды, штормы, мучительные болезни (в этом отношении Уиллису принадлежит своеобразный рекорд) и, наконец, кошмарный эпизод с акулой.

Поймав как-то на крючок акулу, Уиллис вытащил ее на плот, пригвоздил острогой к бревнам и стал вытаскивать из пасти крючок. Едва он его достал, как акула бешено рванулась, Уиллис поскользнулся на водорослях, которыми обросла корма плота, и упал в воду. При этом его рука случайно попала акуле в пасть и была сильно поранена.

Плот, подгоняемый ветром, на всех парусах уходил на запад. Из раненой руки лилась кровь, намокшая одежда тянула вниз. «Я погиб. В отчаянии я стал плыть за плотом,— вспоминал Уиллис,— но тут же сдержал себя, сообразив, что за ним все равно не угонишься. Тут я осознал, что леска все еще обернута

вокруг моей правой руки... Другой конец лески был привязан к поперечному бревну на корме плота». Это и спасло Уиллиса: держась за леску, он осторожно подтянулся к плоту и с трудом взобрался на его скользкие бревна...

Испытания, выпавшие на долю Уиллиса, не отбили у него охоты к опасным путешествиям. Через несколько лет после своего первого плавания он вновь отправляется через Тихий океан. На этот раз он решил удлинить маршрут до Австралии. Уиллис соорудил плот (снова из бальсовых бревен), набрал «экипаж» — две кошки и почтового голубя — и 5 июля 1963 года вышел в океан.

Во время шторма у плота был серьезно поврежден руль, но Уиллису все же удалось добраться до Западного Самоа. Там он отдохнул, привел в порядок плот и пустился к берегам Австралии, которой и достиг 9 сентября 1964 года. В это время Уиллису был уже 71 год, но его плот недаром назывался «Возраст — не помеха»!

Но третье плавание неугомонного морехода кончилось трагически. На этот раз Уиллис изменил своей привязанности к плотам и решил на крохотной яхте пересечь Атлантический океан с запада на восток. Это суденышко только с большой натяжкой можно было назвать яхтой: длина парусной лодки Уиллиса составляла 3,36 метра, ширина — чуть больше метра. 3 мая 1968 года Уиллис вышел из Нью-Йорка и взял курс на Плимут.

А 20 сентября советский рыболовный траулер «СРТ-4486» в 700 милях к западу от Ирландии заметил в море полузатопленную лодку со сломанной мачтой. Суденышко подняли на борт траулера. Людей в лодке не оказалось, руль был вырван, верхняя часть рубки из стекловолокна разбита...

По найденным в рубке документам установили, что это яхта Уиллиса. Последняя пометка в морском астрономическом ежегоднике была сделана 20 июля; следовательно, скорее всего в этот или на следующий день бесстрашный путешественник погиб. Несколько часов «СРТ-4486» искал в океане Уиллиса, но поиски оказались безуспешными.

Бишоп против Хейердала

Одни плавания на плотах были предприняты с научными целями, другие — для проверки своего мужества и выносливости, третьи — из желания прославиться. Было, наконец, и такое путешествие на плоту, в которое люди отправились из-за безработицы.

В 1956 году молодые канадцы А. Боду, Г. Ванакир и М. Модена за три месяца пересекли Атлантический океан от города Галифакса в Канаде до берегов Англии. Не от хорошей жизни отправились они в это плавание. Инженер-электрик А. Боду работал судомойкой в ресторане, тяжело приходилось и двум его будущим спутникам. Бедность, лишения, работа не по специальности, отсутствие каких-либо перспектив...

Может, рискнуть? Переход на плоту через океан — это сенсация, а сенсация — это деньги... Риск? Да, и смертельный... Но что же делать? А вдруг удача?!

И вот, соорудив плот и взяв заведомо недостаточное количество продовольствия (на большее не хватило денег), они вышли в море. Экономить начали чуть ли не с момента отплытия. Так как поймать рыбу долго не удавалось, питаться пришлось водорослями. «Есть это отвратительно, но мы знаем, что необходимо сохранять запасы, которые нам удалось сделать на берегу»,— записывал в своем дневнике А. Боду.

Три месяца безработные боролись с бурями, мерзли и голодали. Особенно мучительными были последние дни путешествия: продовольствие кончилось, оснастка плота износилась, и управлять им стало трудно. Добравшись до Англии, канадцы продали материалы о путешествии одной из лондонских газет и этим несколько поправили свои дела.

В том же 1956 году в океан вышел еще один плот, на котором через Тихий океан отправился Эрик де Бишоп. В противоположность Т. Хейердалу он считал, что не южноамериканские индейцы плавали в Полинезию, а, напротив, полинезийцы — в Южную Америку. Бишоп полагал также, что полинезийцы

плыли не прямо на восток, против пассатов, а спускались прежде примерно до 40° южной широты, в район сильных западных ветров. «Почти у Южной Америки,— писал он,— их подхватывало течение Гумбольдта и несло до Перу, откуда, естественно, легко было возвратиться в Полинезию, пользуясь восточными пассатами и течениями».

Стремясь доказать свою правоту, Бипшп соорудил из бамбука плот «Таити-Нуи I» (в переводе — «Великий остров Таити») длиной в 14 и шириной 4,5 метра; управлялся он при помощи выдвижных килей.

8 ноября 1956 года плот вышел в океан. Вместе с Бишопом экипаж состоял из пяти человек. Экспедиция продолжалась дольше, чем предполагалось,— шесть с половиной месяцев, поэтому участники экспедиции стали голодать. Лишь- на 195 день плавания вызванный по радио чилийский крейсер снял их с плота в районе островов Хуан-Фернандес и доставил в Чили.

Теперь предстояло проделать второй этап путешествия, уже в обратном направлении,— из Южной Америки в Полинезию. В феврале 1958 года плот «Таити-Нуи II» вышел из Чили, в конце марта добрался до Кальяо, откуда 13 апреля начал плавание к островам Полинезии. «Таити-Нуи II» был сооружен из кипарисового дерева и управлялся четырнадцатью выдвижными килями. Впоследствии пришлось установить еще большой руль на корме. Вскоре бревна оказались сильно поврежденными корабельными червями, и плот стал постепенно погружаться в воду. Участникам экспедиции пришлось спать на крыше каюты, так как палубу то и дело заливало водой. Когда плот почти целиком погрузился в воду, его пришлось разобрать и соорудить легкий плот «Таити-Нуи III». На этом плоту экспедиция достигла острова Ракаханга. 30 августа плот разбился на коралловых рифах острова. Бишоп погиб, остальным удалось спастись.

Неудачная конструкция плота, случайный подбор людей, приведший к непрерывным ссорам, недостаток продовольствия, болезнь Бишопа — все это послужило причинами чрезвычайно тяжелых условий плавания.

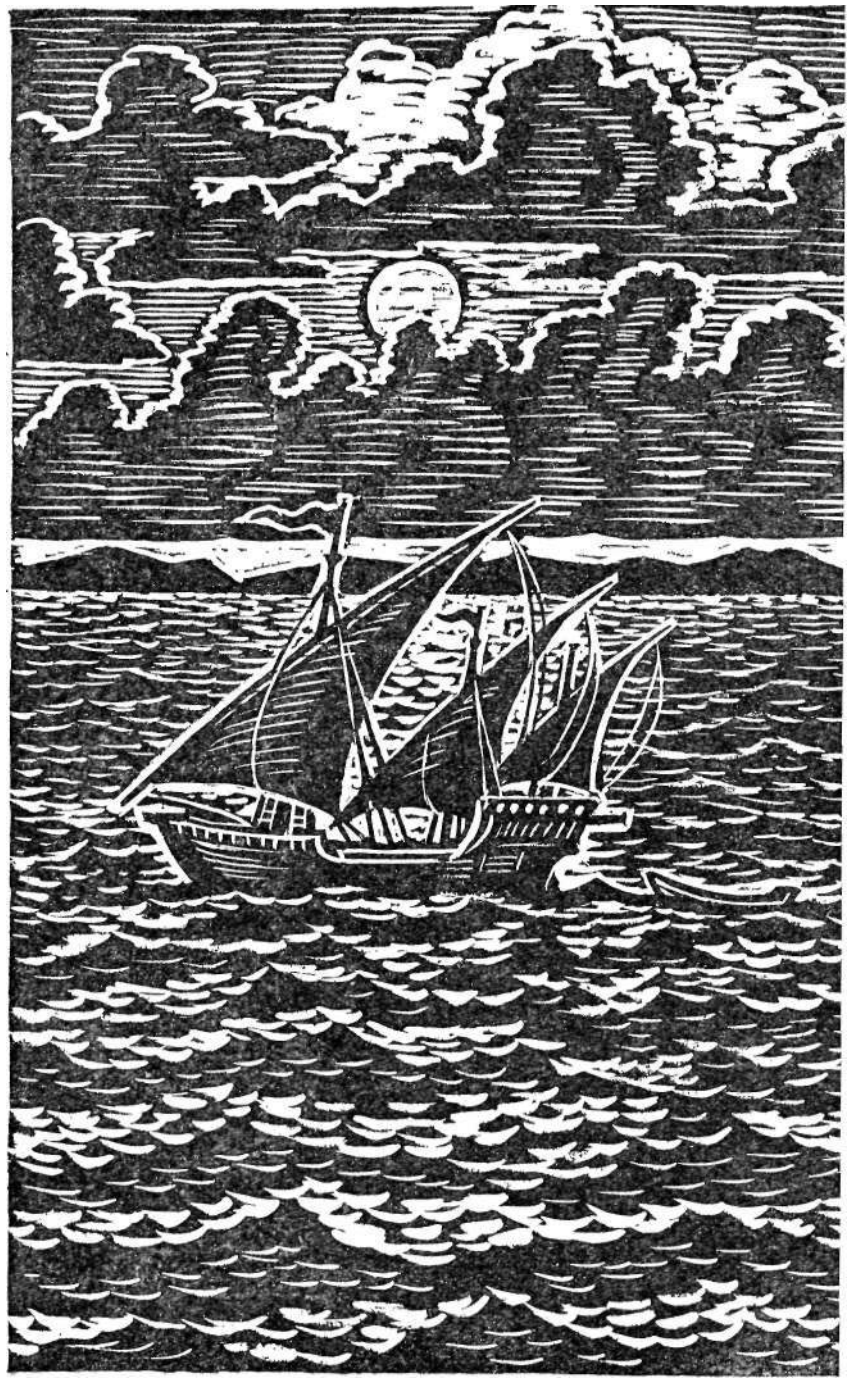
„Нинья II"

В последние годы на морских путях можно встретить корабли, словно перенесенные силой волшебства из прошлого в настоящее. Дело в том, что на воду было спущено несколько судов, копировавших прославленные в истории мореплавания корабли. В их числе каравелла «Нинья TI»— точная копия самого маленького судна в первом путешествии Колумба.

Можно ли в наши дни повторить плавание Колумба с помощью только тех средств, какими пользовался испанский мореплаватель? Карлос Этайо, бывший лейтенант испанского флота, решил доказать, что это возможно. Конструкция и оснастка судна, снаряжение, инструменты, пища, одежда, оружие — все было таким же, как в конце XV века. В путешествие взяли или подлинные вещи того времени, пли специально изготовленные по старинным образцам. На «Нинье II» не было ни радио, ни современных спасательных средств. И лишь одна деталь нарушала стиль XV века: моряки Колумба не курили, так как табак в Европе до открытия Америки не был известен, экипаж же «Ниньи II» (девять человек) не нашел в себе силы отказаться от этой укоренившейся привычки.

4 августа 1962 года «Нинья II» покинула берега Испании. Без особых приключений добрались до Канарских островов, погрузили там свежие овощи и фрукты и 10 октября отправились дальше. Но в точности повторить маршрут Колумба не удалось: «Нинью II» отнесло на юг, плавание стало более продолжительным, а потому и более тяжелым. Стояла жара, овощи и фрукты вскоре сгнили, солонина протухла, бочки с пресной водой рассохлись, дал течь и корпус корабля, в результате чего подмокли в трюме рис и бобы.

Воду из трюма откачивали двумя помпами образца XV века, которые поочередно приходилось ремонтировать. Тяжелая работа, недоедание, жажда, штормы — все это не сломило испанцев. В конце декабря 1962 года плавание благополучно завершилось: «Нинья II» подошла к Сан-Сальвадору — одному из Багамских островов.



Расстояние от Канарских островов до Сан-Сальвадора Колумб покрыл за 33 дня, а Этайо за 77. Худший результат современных колумбов —результат сноса «Ниньи II» на юг, что, впрочем, и не удивительно: в составе ее экипажа было всего два профессиональных моряка.

Наследники поморов

В XVI — начале XVII века в торговле с Сибирью важную роль играла Мангазея, расположенная на реке Таз, недалеко от Обской губы. От Архангельска до Мангазеи русские люди добирались и сухопутным путем, и морским — вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Обычно промышленники успевали за одну навигацию проделать путь туда и обратно. Плавали поморы на небольших парусных судах; такие препятствия, как полуострова Канин и Ямал, вытянувшиеся далеко на север, чаще всего не обходили, а пересекали почти напрямик, используя систему речек, озер и волоков. Именно этот маршрут и решили повторить старый полярник-зверобой Д. А. Буторин и писатель М. Е. Скороходов.

Но где же взять судно для такой экспедиции? Случайно Буторин узнал о списанном на дрова парусно-моторном карбасе, обслуживавшем зверобойные шхуны. Буторин приобрел его и стал приводить в порядок, а по существу переделывать по-своему: сделал новый киль, установил двигатель, из оцинкованного железа смастерил маленькую лодку и взял ее на борт карбаса, длина которого составляла 8 метров.

Из двойного брезента Буторин соорудил каюту, в которой стояли две раздвижные койки, железная печка и столик. Печка удалась на славу: раскалялась быстро, грела сильно, так что в каюте было тепло даже при ледяном ветре. На этой печке готовили пищу, кипятили чай.

14 мая 1967 года, погрузив на «Щелью» (так был назван карбас) продовольствие, запасной мотор и 160 литров бензина, захватив географические карты и винтовку с запасом патронов, путешественники отошли от причала Архангельского яхт-клуба. Плавание началось раньше, чем была открыта арктическая навигация.

Из Архангельска «Щелья» направилась вверх по Северной Двине, затем прошла по Пинеге и каналу Пинега — Кулой, после чего по реке Кулой спустилась в Мезенскую губу. Отсюда путешественники морем дошли до полуострова Канин, пересекли его по рекам, озерам и волокам, вышли в Чешскую губу Баренцева моря, прошли вдоль Тиманского берега, обогнули полуостров Русский Заворот и вышли в Печорскую губу.

Здесь «Щелья» встретила льды. Приходилось осторожно вести карбас между льдинами, то и дело натыкаясь на ледяные поля, заставляющие поворачивать обратно. Это, пожалуй, была самая тяжелая часть пути. Зато Печорская губа порадовала удачной охотой: Буторин убил морского зайца — животное из семейства настоящих тюленей. Теперь у путешественников было свежев мясо и жир.

...Скопления льдов остались за кормой, «Щелья» прошла проливом Югорский Шар и подошла к Амдерме. Тут сделали остановку, перебрали и отрегулировали в мастерских мотор. Полярники снабдили путешественников теплой одеждой, свежим картофелем, консервами и другими продуктами, запасными деталями для двигателя. 16 июля Буторин и Скороходов простились с гостеприимной Амдермой и вдоль Югорского полуострова двинулись к Байдарацкой губе.

Подобно поморам наши путешественники решили не обходить Ямал морем, с севера, а пересечь его напрямик — от Байдарацкой губы до Обской. Но обстановка для такого перехода оказалась крайне неудачной. Лето в Заполярье стояло жаркое, сухое, реки обмелели, на них появились мели и перекаты. Десятки раз пришлось Буторину и Скороходову разгружать «Щелью», тащить ее волоком и снова грузить.

Завершив переход через Ямал, путешественники вышли на простор Обской губы, поплыли в Тазовскую губу и наконец добрались до того места, где некогда стояла легендарная Мангазея,

В кроватях и ваннах

Можно было бы долго рассказывать о необычных плаваниях, но подробно перечислять их нет необходимости. У путешествий такого рода много общего, типического. Но об одной группе плавания стоит сказать хоть несколько слов. Речь идет о путешествиях совершенно неподготовленных, а нередко и просто бессмысленных.

В 1948 году американский студент Льюис, учившийся во Франции, соорудил в Марселе плот из пустых бочек из-под бензина, наполненных мячиками для пинг-понга, и вышел на нем в море вместе со своими товарищами. Странное сооружение сопровождали многочисленные катера и яхты. Любопытные с интересом наблюдали, чем кончится эта затея. Плот оказался настолько легким, что подпрыгивал даже на небольших волнах, грозя перевернуться. Льюис и его спутники стали подавать сигналы бедствия. Незадачливых мореходов тут же сняли с плота и, к немалому удовольствию зрителей, собравшихся в порту, доставили обратно в Марсель.

Несколько плаваний на самых, казалось бы, неподходящих предметах было совершено через Ла-Манш. Этот пролив переплывали на доске, в кровати, ванне, бочке и т. д. Англичанин Р. Платтен умудрился пересечь Ла-Манш даже в «бутылке». В 1965 году, желая привлечь внимание к своей особе, он соорудил своеобразное судно, напоминающее по форме бутылку из-под джина, но солидных размеров — пятиметровой длины. Установив на этом судне подвесной мотор, Платтен за 8 часов 20 минут покрыл расстояние от Англии до Франции.

Каково же значение необычных плаваний? Что это такое — мода, спорт, новый метод научного эксперимента? Заранее оговариваемся, что мы не собираемся обсуждать значение путешествий в кроватях и «бутылках» — оно равно нулю. Попробуем разобраться в тех плаваниях, которые представляют хоть какой-то общественный интерес.

Плоты и лодки в эру космоса

Путешествия, о которых шла речь в этом очерке, можно разделить на две группы: предпринимавшиеся для решения определенной научной задачи (Хейердал, Бомбар, Бишоп) и не преследовавшие никаких научных целей. Последние в свою очередь условно подразделяются на типично спортивные (гонки через Атлантику, путешествия Чичестера, Бардьо, Лекомба, Уиллиса) и плавания, вызванные иными причинами, среди которых одни были попыткой найти выход из . затруднительного материального положения (Харбо и Самуэльссон, Слокам, канадцы), другие — уйти от тяжелых воспоминаний (Дэвисон) или порвать с опостылевшей средой (Жербо).

Значительная часть необычных плаваний совершалась (и совершается) из любви к приключениям, из желания проявить свои силы, свою волю, выстоять в борьбе с могучей стихией. Этот элемент самоутверждения присутствует почти во всех необычных плаваниях, с какой бы целью они ни предпринимались.

Победить грозную, неукротимую стихию приятно и само по себе, но когда это сопровождается сенсацией, а значит, становится и источником дохода, привлекательность подобных путешествий сильно возрастает. Сенсационность — характерная черта большинства необычных плаваний, причем шумиха вокруг них нередко принимает гротескные, уродливые формы.

Каково же значение плаваний, предпринятых с научной целью? Наибольшие научные результаты дали, безусловно, экспедиции Хейрдала и Бомбара. Основная их заслуга в том, что они привлекли внимание широкой общественности к определенным научным проблемам. И все же не это послужило причиной того громадного резонанса, который они вызвали. Ведь единичными плаваниями, даже самыми удачными, невозможно решить какие-либо проблемы. Так, Хейердал и Бишоп, стремившиеся доказать возможность пересечения Тихого океана на плоту в том или ином направлении, дейст-

вительно добились своей цели. Но это в общем мало что дало для решения вопроса о заселении Полинезии. Другие же плавания на плотах по Тихому океану вообще ничего не дали для науки.

Путешествие Бомбара, бесспорно, интереснейший и поистине героический эксперимент. Этим плаванием Бомбар наглядно доказал огромные возможности человека в борьбе с океаном.

В то же время опыт Бомбара имеет ограниченное значение. Дело в том, что между психической настроенностью человека, добровольно отправившегося на шлюпке через океан, и моральным состоянием потерпевшего кораблекрушение и внезапно оказавшегося посреди океана в шлюпке, дистанция огромного размера. В самом деле, человек, даже не будучи профессиональным моряком, решив переплыть океан в лодке или на плоту, может осуществить этот замысел, а «морской волк», внезапно очутившийся в океане после гибели корабля, часто умирает в течение двух-трех дней, даже имея продовольствие и пресную воду. Словом, главное в том, готов ли человек психологически к схватке со стихией или нет. Если нет, то никакие идеи о возможности спастись ему не помогут. Так что опыт Бомбара на практике может пригодиться только людям, обладающим волей к победе, волей к жизни, но и это, конечно, немало.

Говоря о возможностях человека в борьбе с океаном, нельзя не упомянуть еще раз и других мореплавателей-одиночек, таких, как Слокам, Жербо, Уиллис, Чичестер. Даже одиночество — самый коварный враг человека в такого рода предприятиях — не могло сломить этих людей. Правда, переносили они его но-разному.

Во время необычных плаваний удивительно ярко, выпукло проявляются лучшие человеческие качества: смелость, упорство, выдержка. Если же люди оказывались не на высоте положения, то их слабость выступала столь же выпукло.

Групповые плавания на необычных судах сразу же подчеркнули огромное значение правильного подбора людей (проблема психологической совместимости). Удачный состав экипажа в необычных плаваниях так же важен, как и для работы на полярных станциях или для полетов в космос. Одна из причин гибели Бишопа — неудачный подбор людей. В то же время экспедиции на «Кон-Тики» и «Щелье» дают нам примеры удачного подбора экипажа.

Обращаясь к плаваниям, повторяющим экспедиции прошлого, следует отметить, что копия не всегда и не во всем повторяла оригинал. Так, у Хейердала и Альфара плоты были построены по образцу инкских, но в отличие от последних оба мореплавателя имели радиопередатчики, не говоря уже о составе пищи. Между тем одна лишь возможность (или невозможность) вызвать помощь по радио играет большую психологическую роль.

На «Щелье» был двигатель внутреннего сгорания, без которого, как известно, приходилось обходиться поморам XVI века. Такой знаток Арктики, как И. Д. Папашш, высоко оценив мужество и настойчивость экипажа «Щельи», справедливо писал: «Не надо забывать, что за плаванием «Щельи» следили полярные станции, в трудную минуту на помощь карбасу были посланы самолеты полярной авиации. Конечно, 300—400 лет назад были совсем другие условия для плавания поморов».

Допустимо предположить, что поход Буторина и Скороходова поможет в будущем решить какие-то вопросы истории освоения Севера. Но вот значение плавания «НиньиП» неясно. Путешествия Колумба изучены достаточно хорошо. Что могло дать науке повторение одного из его рейсов?

Необычные плавания, неотделимые от Мирового океана, почти ничего, однако, не дают для его познания. В этом отношении самые блестящие, наиболее успешные среди них ни в какое сравнение не могут идти даже с самой скромной океанографической экспедицией, не говоря уже о классических рейсах «Витязя» или «Калипсо».

Одна из характернейших особенностей необычных плаваний заключается в том, что для получения даже небольшой научной информации требуется огромная затрата сил, энергии, времени и средств, не говоря уже о постоянном риске. В безбрежном океане все зависит от человека, его опыта, мужества, настойчивости, выносливости, веры в свои силы.

Необычные плавания крайне опасны. Одни мореплаватели тяжело болели (Жербо, Бомбар), другие погибли (Бишоп, Лекомб, Уиллис). Сравнительно легче проходили путешествия некоторых профессиональных моряков (Слокам) или крепко спаянных коллективов («Кон-Тики»).

Необычные плавания — это, безусловно, спорт, но не массовый, а спорт одиночек. Слишком большой риск, необходимость иметь много свободного времени для подготовки и осуществления плавания, высокая стоимость снаряжения и прежде всего самого судна — все это, вместе взятое, приводит к тому, что необычные плавания не могут (во всяком случае в наше время) стать массовым видом спорта.

Многие из тех, кто рискнул пуститься в необычное плавание, написали о своих приключениях интересные книги (Хейердал, Бомбар, Слокам, Жербо, Уиллис), навсегда вошедшие в золотой фонд морской литературы. Для широких масс читателей это, пожалуй, наиболее существенный результат необычных плаваний.

В этой статье мы попытались подметить их характерные особенности, уяснить значение. Невыясненным, однако, остался вопрос: почему же все-таки необычные плавания имеют столь огромный резонанс, чем объясняется острый интерес к ним?

По нашему мнению, в эру атомной энергии и покорения космоса, невиданного технического прогресса, в век стандартизации быта, одежды, жилищ, транспорта, пищи, развлечений, человек в экономически развитых странах все сильнее и сильнее начинает интересоваться всем, что резко отличается от общепринятого, массового, стандартного, от современной урбанизованной жизни.

Горожанин хочет жить в комфорте, но при этом вздыхает о природе, тишине и спокойствии сельской жизни. Передвигается современный человек на поездах-экспрессах или самолетах, но стремится провести свой отпуск в путешествиях пешком или на лодках. В быту человек окружает себя различными приборами, аппаратами, но в этом техническом окружении у него вдруг просыпается острый интерес ко всему живому — будь то цветы или животные. Имея возможность приобрести все готовое, современный человек увлекается самоделками, им овладевает непреодолимое желание что-то сделать самому, своими руками.

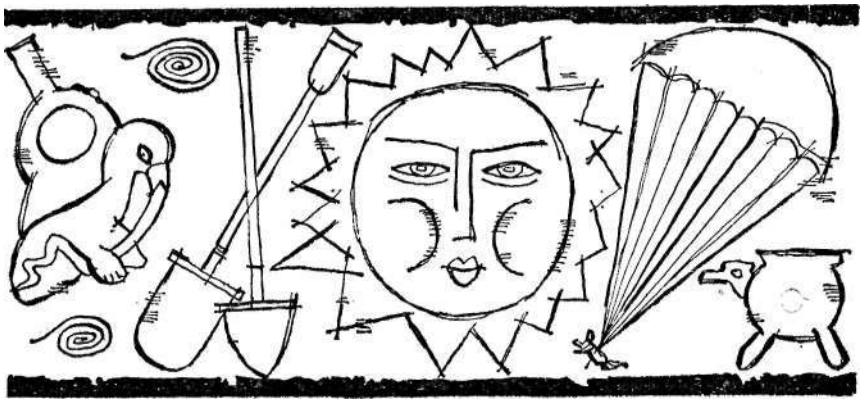
В эпоху техники у людей все чаще и чаще возникает желание остаться наедине с природой, доказать, что они могут существовать без помощи могучих технических средств, которые сами же создали. Горожанам хочется добыть дичь или наловить рыбы, взобраться на труднодоступную вершину или проникнуть в неизведанные пещеры, пройти пешком по глухим местам или проплыть на байдарке по таежной реке.

Несомненно, что в этом перечне необычные плавания занимают одно из высших по трудности мест. Они дают возможность померяться силами с одной из наиболее грозных стихий природы — Океаном. На это способны немногие. Но тем острее интерес к людям, своим личным примером подтверждающим безграничные возможности человека.

Вл. Кречетов

В столице ГДР проводятся опыты по борьбе с уличным шумом с помощью зеленых насаждений. Акустические приборы доказали: если точно рассчитать линию посадки лип, то их зеленые кроны будут поглощать до 80 процентов шума, вызываемого движением городского транспорта.

Ученый биолог Г. Шерман в австралийском штате Новый Южный Уэлс создал первую опытную ферму по одомашниванию кенгуру. Эти эксперименты ведутся в расчете на массовое производство консервов из мяса так называемого рыжего кенгуру.



ГДЕ ЖЕ БЫЛО ЭЛЬДОРАДО!

Историю об Эльдорадо лучше всего повествовать с полным нарушением порядка в ее хронологии. Например, сначала вполне уместно привести данные из самых последних энциклопедий, где лапидарным языком утверждается, что такой страны никогда не существовало.

Теперь же перенесемся в 1912 год. На самом трудном высокогорном перевале в перуанских Андах, пробитом еще руками трудолюбивых инков, можно было увидеть весьма необычный обоз. Мулы и быки, запряженные в огромные повозки, тащили в поднебесье громоздкие паровые насосы.

Это оборудование с нетерпением ожидали инженеры на берегу озера Гватавита в Колумбии. Они совсем не собирались строить в этом заброшенном крае фабрику или мельницу, так как состояли членами новой акционерной компании по разработке сокровищ Эльдорадо. Такая компания возникла в Лондоне.

Больше месяца работали паровые насосы, удивляя местное население. Вскоре озеро превратилось в маленький илистый пруд, и рабочие тут же начали выносить корзинами зловонный ил на берег. Акционеры уже в первой корзине нашли золотые ожерелья и диадемы, изумруды и куски яшмы.

Алчная радость кладоискателей длилась недолго. Под лучами солнца весь ил быстро превратился в массу прочнее бетона. В бессильном гневе англичане t пытались размыть его водой," но..."""ил навеки стал камнем, накрыв непробиваемым панцирем тысячи золотых изделий ювелиров древней Америки.

Озеро Гватавита только в глазах авантюристов из Лондона совпадало с географической точкой Эльдорадо. Многие придерживаются тут совсем другой версии. Чтобы это выяснить, заглянем в иную эпоху.

Один из самых жестоких конкистадоров Франсиско Писарро совершил в 1533 году поход к югу от Панамы и разгромил империю инков. Его отряд добыл не больше не меньше как 30 кубических метров золота. Таких сокровищ не имел в своих сундуках ни один сиятельный владыка тогдашней Европы.

Писарро со своими братьями бесславно погиб в Перу. Но кое-кто из его солдат добрался до Панамы, где тогда уже была испанская колония. Слухи о богатых золотом городах быстро достигли Мадрида. В Центральную Америку стали прибывать бесчисленные отряды обедневших дворян и беглых преступников.

И вот именно в такой пестрой среде где-то около 1536 года и родился миф об Эльдорадо. Авантюристы заметались, не зная, куда броситься, где начать грабежи во имя Христа, ' короля Испании и личного блага.

Из джунглей частенько возвращались обезумевшие от болезней и голода неудачливые авантюристы из первых отрядов завоевателей континента. Они и рассказали, что где-то в дебрях лежит сказочно богатая страна, где индейцы живут во дворцах, облицованных массивными золотыми плитами. Главный город страны носит тоже название — Эльдорадо. Он целиком построен из драгоценной яшмы, золота и серебра. Фанатики, вышедшие из леса, добавляли, что жители страны, напуганные нашествием иноземцев, начали прятать свое золото в тайники, ибо это был металл, посвященный богу Солнца.

Один из авантюристов, поседевший от тропической лихорадки и ран, послал отряд, организованный испанским грандом Васкесом де Коронадо, на север. «Эльдорадо там! — восклицал он.— Вы узнаете его по блеску золота, отраженному на небесах».

Испанцы к тому времени уже знали, что к северу от Панамы лежит государство ацтеков, где конкистадоры Кортеса добыли столько золота, что им можно было бы загрузить целую эскадру кораблей.

Отряд Коронадо прошел от Юкатана до территории нынешней Калифорнии, но так и не смог найти сказочного Эльдорадо.

Другой испанец, Гонсало Хименес де Кесада был первым из тех, кто решился искать легендарную страну в Южной Америке. Он собрал отряд из 900 искателей легкой наживы. До территории нынешней Колумбии добралось всего 200 в поржавевших панцирях и босиком. И тут им пришлось выдержать бой с индейцами племени чичба. Разбив отряд чичба, испанцы вышли на берега озера Гватавита. Подвергнув пытке пленных, конкистадоры узнали, что все золото племени лежит на дне озера...

Когда-то вождь чичба убил любовника своей жены, а ее заставил есть куски мяса из его тела! Обезумевшая женщина бросилась в озеро. С тех пор жрецы племени и придумали для вождей довольно странный обряд искупления. Раз в год вождя обмазывали благовонными смолами, обсыпали золотым порошком и заставляли нырять в воды озера. Вслед ему сыпался дождь из золотых украшений. В XVI веке этому обычаю было уже более 300 лет. Можно себе представить, какие огромные запаси драгоценностей находились в водах Гватавиты! Однако, как выяснили потом испанцы, все золото чичба получали от других племен...

В XVII и XVIII веках сотни отрядов авантюристов искали Эльдорадо в Гватемале, Гондурасе, Панаме, Перу, Венесуэле и Эквадоре. Миф об Эльдорадо расцвечивался новыми красками, поиски его доходили даже до Огненной Земли. Однако успех никому не сопутствовал. Правда, в 1787 году в Эквадоре испанские офицеры нашли богатый клад золотых вещей. Невозможно теперь установить, что именно они нашли, ибо все драгоценные украшения были тут же переплавлены в слитки.

Не нашел Эльдорадо и Александр Гумбольдт, знаменитый немецкий географ и путешественник, исколесивший в 1801 году в поисках призрачного золота Перу и Колумбию. Он первый и единственный в том веке мечтал не о личном обогащении, а о сенсационной выставке редких находок в музеях Берлина.

Почти весь XIX век американцы искали клады Эльдорадо в земле вокруг перуанского города Куско. Австрийцы и французы — вокруг эквадорского города Кито. Различные экспедиции добирались до труднопроходимых гор в Чили и джунглей в бассейне Амазонки.

Лет сто назад в газетах Бразилии несколько раз появлялось интервью с «вполне солидной европейской дамой, живущей в США». На сеансе спиритизма ей якобы открылась древняя тайна во всей ее полноте. Оказывается, индейцы спрятали все свое золото в извилистом туннеле, который был прорыт через всю Южную Америку от Лимы до Рио-де-Жанейро. Далее он шел под океаном до... Атлантиды. По этому туннелю жители погибшего материка проникли в свое время на новый континент и научили индейцев, в том числе и население Эльдорадо, добывать и обрабатывать драгоценный металл.

Как это ни странно, карты гигантского туннеля появляются в некоторых книгах до сих пор и служат руководством для современных кладоискателей.

В одном из карманных пособий для конкистадоров XX века говорится, что золото, исчезнувшее из Эльдорадо, нужно искать в горах Азангар, к востоку от Куско. Именно туда, в древние тайные храмы среди скал, были свезены несметные сокровища инков, нагруженные на 11 тысяч лам.

Губительная сила обветшалой легенды так велика, что кое-кто даже из профессиональных археологов, занимающихся раскопками в Южной Америке, порой бросал свою серьезную работу и начинал лихорадочно искать золото индейцев. Для себя, а не для музеев! Так было в наши дни с французом Вернье, с итальянцем Багетти, англичанином Тарнтоном.

Многие, наверно, помнят увлекательный фильм «Анаконда». Его автор швед Рольф Бломберг на время забросил исследования животного мира тропиков и предпринял три отчаянные экспедиции в сельву на склонах Анд. Он почему-то твердо уверен, что Эльдорадо находилось близ сегодняшнего горного поселка Льянганати в Эквадоре.

Недавяо он отправился в четвертый поход за золотом, будто бы спрятанным среди непроходимых горных джунглей. Если отважный и безрассудный Бломберг и найдет что-либо похожее на Эльдорадо, золотые изделия древних ювелиров не пропадут для науки. Будет снят квалифицированный фильм, на месте будут произведены тщательные исследования, а сами находки (даже не золотые) попадут в добросовестные руки музейных работников. Бломберг — редкое исключение среди почитателей Эльдорадо, ибо он романтик трудных поисков. Однако число таких честных энтузиастов крайне мало. Гораздо в большей степени армию искателей древних кладов пополняют так называемые отбросы общества — беспросветные авантюристы и гангстеры.

Во второй половине XX века легенда об Эльдорадо приобрела зловещий оттенок. И до кульминационного пункта здесь еще далеко. Ученые-историки уже документально доказали, что такой страны на Американском континенте не было. Раскрыты исторические корни мифа. Но, доказывая все это, они признавали в своих трудах, что было много других городов от Мексики, до Чили, где правители древненндсйских государств жили во дворцах из золота, имели сады с золотыми деревьями и храмы с золотыми идолами.

И кладоискатели с интересом изучали подобные труды. Поэтому их «работа» из Перу, где они в начале века искали золото инков, перенеслась ныне во все страны Центральной Америки и экваториальные страны Южной Америки. Словом, поиски Эльдорадо переместились в центры перспективных археологических находок. Огромное количество изделий талантливых мастеров седой древности уже никогда не предстанут перед восхищенным взором специалистов, способных оценить их историческое и художественное значение. Поиски Эльдорадо превратились в стихийное бедствие, в беспощадное ограбление исторических памятников. Современники перещеголяли варварство испанцев эпохи Конкисты.

Открытие древних цивилизаций Америки началось с их беспощадного ограбления. В наши дни тоже открываются неизвестные ранее цивилизации. И все начинается тоже с ограблений. Как это ни звучит парадоксально, именно армия жуликов, поверивших в Эльдорадо, причастна к большинству новейших сенсационных открытий в области археологии Нового Света.

Ученые с предельно горькой усмешкой сами признают, в каком смешном положении они оказываются из-за «уакерос». Такое прозвище получили профессиональные грабители могил в Америке. Полчища предприимчивых осквернителей могил насчитывают в своих рядах в несколько тысяч раз больше «активистов», чем отряды историков прошлого.

Все сведения археологи получают из земли. Ведь их не случайно называют историками, действующими лопатой. И вот для этого главного рабочего инструмента археологов ныне нет работы. Ее нет потому, что земля на месте древних поселений индейцев еще до прихода археологов перекапывается кладоискателями так, что ученым (по выражению одного из них) остается лишь укусить себя за руку, чтобы не завыть от обиды. И виноват в этом именно живучий миф об Эльдорадо. «Археологическая саранча» в поисках кладов с золотыми сокровищами работает весьма оперативно, вскрывая десятки тысяч могил, подкапываясь под храмы и пирамиды, разрушая до основания сотни ценнейших памятников старины.

Туристам в Перу, Эквадоре и Колумбии показывают как пикантную достопримечательность бесчисленное число ям и нор, вырытых «уакерос». Они производят впечатление бурной деятельности каких-то огромных кротов.

Чтобы иметь сведения о важных и редких находках, сделанных своими бесчисленными и бессовестными соперниками, археологи вынуждены завязывать дружбу с полицейскими и таможенниками, иметь своих платных осведомителей на черном рынке, заводить картотеки на частные собрания. Только таким образом, а не путем раскопок они часто получают информацию о новейших открытиях второй половины XX века. Это поистине тяжкая дань легенде об Эльдорадо.

В 1964 году в печать некоторых стран Латинской Америки просочились сведения, что богатые коллекционеры из Европы и США покупают за большие деньги весьма необычные статуэтки и золотые вещи. «Наконец найдено Эльдорадо!» — кричали газеты. Археологи забеспокоились. Нужно было срочно выяснить место новых находок.

Пока они вели разведку на черном рынке, допрашивали перекупщиков, искали средств у своих меценатов, прошло довольно много времени. Прибывшая в северную часть Перу экспедиция нашла на склонах одного из горных хребтов лишь тысячи пустых ям — разграбленные могильники. Вся местность была так варварски перекопана алчными грабителями, что ученым пришлось вернуться и сведения о новой цивилизации, открытой в северном Перу, составлять лишь по находкам, быстро попавшим в частные собрания. Это зло вполне сравнимо, скажем, с деятельностью испанских миссионеров, уничтоживших ценнейшие рукописи майя.

Вот таким окольным путем и открыты первые следы замечательной древнеиндейской цивилизации, переживавшей бурный расцвет почти 3 тысячи лет назад, то есть задолго до появления культуры инков. Где-то в начале I тысячелетия до нашей эры, когда в Европе Древняя Греция еще не достигла зенита своей славы, на Южноамериканском материке начало консолидироваться государство с высокоразвитой культурой.

Жители этого государства были умелыми гончарами и металлургами. Глиняные сосуды они делали в виде маленьких фигурок домашних божков. Почти на всех сосудах-скульптурах есть изображение муравья. Что это могло означать, ученые пока не в состоянии установить.

Медные ритуальные сосуды и щиты воинов древнеперуанскне металлурги умели покрывать слоем золота. Здесь уместно заметить, что даже в наш просвещенный век эта работа считается технологически трудной. Такого мастерства в обработке металла не достигала ни одна другая культура на территории всего Нового Света.

Именно этот тонкий слой золота и позволил некоторым газеткам заговорить об открытии кладов Эльдорадо. Несуразица этого крикливого заявления видна уже из того факта, что за много веков до появления испанцев в Америке, то есть до рождения мифа о золотой стране, недавно открытые города уже лежали под слоем земли.

Ученым мастерство древних перуанцев позволило говорить о том, что найдена еще одна древняя цивилизация Американского континента. Археологи сейчас прилагают неимоверные усилия, чтобы выяснить ее исторические границы, ее связь с последующими цивилизациями, причины гибели. Известный популяризатор достижений археологии К. Керам собирается писать книгу о тра-

гической истории открытия цивилизации в северном Перу.

В глубь истории Америки ученые пробиваются шаг за шагом, как пробиваются охотники в зарослях джунглей. И тем обиднее, что на этом пути археологи сталкиваются с самыми уродливыми гримасами современной буржуазной цивилизации.

Вот, например, каким странным путем они собирают в свою копилку сведения о новых находках вездесущих «уакерос». Для этого историкам подчас приходится брать уроки артистического мастерства, переодеваться и играть роль богатых путешественников. Таким лицам, если повезет, владелец подпольной лавки древностей выдаст превосходно напечатанный каталог. На его страницах можно увидеть статуи из Мексики, золотых ящериц из Панамы, резные драгоценные камни из Перу. Любой музей мира мог бы гордиться таким каталогом. Однако...

Десятки подпольных фирм Швейцарии, США, Голландии, Бельгии и Франции издают такие каталоги для частных лиц с тугим кошельком. Но особенно широкого размаха достигла спекуляция древностями из Америки в Швейцарии. Именно отсюда уникальные образцы искусства переправляются в закрытые собрания, в руки невежественных бездельников, для которых обладание редкостями — новомодное хобби. И тем самым эти образцы навсегда теряются для науки. О степени культурности этих владельцев краденого говорит следующий факт. Один техасский бизнесмен с успехом выдавал гранитную ацтекскую богиню за Аполлона из Малой Азии...

Но ученым не смешно. Им грустно.

Однажды мексиканские и американские ученые, рассматривая каталог подпольной фирмы, увидели фотографию удивительной статуэтки. Это была человеческая фигура из базальта. Археологам бросился в глаза ее чрезвычайно своеобразный головной убор. Такие еще нигде им не встречались. Они сразу поняли, что кому-то из «удкерос» удалось натолкнуться на следы еще одной неизвестной цивилизации.

Начались походы на черный рынок и в лавки перекупщиков, обращения к журналистам и коллекционерам. Нить настойчивых расследований привела их в Панаму, в край, который одну половину года представляет собой выжженную пустыню, а вторую — болото. К счастью, ученые появились там довольно быстро, осквернители могил не успели нанести науке больших потерь.

Перед глазами археологов предстала равнина площадью в полторы тысячи километров, сплошь усеянная могильниками, остатками храмов, обломками статуй и черепками посуды. Трудно даже предположить, как раньше никто не замечал тут столь явных следов целого государства.

И вот лопата специалиста, а не заступ грабителя вскрывает слой за слоем. В кабинеты ученых на тщательные исследования целым потоком полились осколки посуды, наконечники стрел, посохи жрецов, барельефы, украшения из хрусталя, яшмы и порфира. Под слоем земли и вулканического пепла хорошо сохранились до наших дней тысячи бытовых вещиц древних индейцев.

Ученые находили и золото, но еще больше они обрадовались, когда освободили от вековых напластований остатки жертвенного алтаря. Близ гранитных колонн стояли плиты из прозрачного порфира. На них лежали кости, смешанные с головешками и золой. Это была неоценимая находка, ибо она давала возможность радиоуглеродным анализом выяснить точную дату жертвоприношений.

Ход развития неизвестной культуры помогли установить и керамические черепки. Однажды был обнаружен шестиметровый слой остатков посуды. Это также были следы жертвоприношений. Устоявшийся религиозный обиход требовал разбивать керамические изделия у подножия статуй. И обряд этот существовал более тысячи лет!..

От этих цифр ученых охватило волнение. Найдена еще одна значительная цивилизация. На территории Панамы были обнаружены древнейшие города, поселения, дворцы и храмы. Наиболее интересным оказался храм Тысячи Богов. Он занимал площадь почти в 50 гектаров. Сотни базальтовых колонн, сверху донизу покрытых барельефами и иероглифами, образовывали гигантский четырехугольник. Колонны, имеющие круглое, квадратное и восьмиугольное сечение, на своих барельефах отражали почти всю историю неведомого народа, его быт, его войны, его обычаи.

Многие барельефы вызывали у первооткрывателей чувства и восхищения, и замешательства. На одном из них ягуар пожирает юношу, а на другом — воины поглаживают рукой кудрявые бороды. Бороды? Но откуда они у индейцев? Ведь лица коренных жителей Америки всегда были лишены растительности...

Но гораздо больше ученые удивились красноречивым фактам, свидетельствующим о глубочайшей древности городов, открытых в Панаме. За 2 тысячи лет до н. э. там уже кипела сложная жизнь, строились пышные дворцы, стадионы, дороги. Некоторые храмы уводят в еще более отдаленные времена. Один из них функционировал в течение 3600 лет, а был разрушен лишь в VII веке н. э. Были найдены постройки городского типа, возведенные задолго до строительства египетских пирамид, раньше, чем появились города в Месопотамии. Некоторые ученые высказывают мнение, что данная культура панамского пранарода начала складываться около 10 тысяч лет назад.

Территория, где сделаны столь ценные находки, объявлена заповедником. Но сейчас и туда систематически проникают «уакерос». Одна из их групп сумела вывезти в США колонну весом в одну тонну. Другая промышляет поиском могил, ускользнувших от глаз ученых. Для этого им приходится ночью прыгать с парашютом в отдаленные районы пустынной местности.

Нисколько не сгущая красок, можно теперь говорить о том, что в наши дни искатели Эльдорадо образовали гигантский гангстерский синдикат. В него входят авантюристы всех мастей — боксеры из США, бывшие солдаты французского «иностранного легиона», члены мафии. Боссы снабжают своих подручных вездеходами, бульдозерами, быстроходными катерами и новейшими геофизическими приборами для обнаружения металла в земле. «Уакерос» разделены на наводчиков, чернорабочих, вооруженных охранников, контрабандистов — перевозчиков находок. Конкурентов безжалостно убивают, скупых перекупщиков запугивают оружием. И вообще в «работе» этих гангстеров оружие употребляется весьма часто.

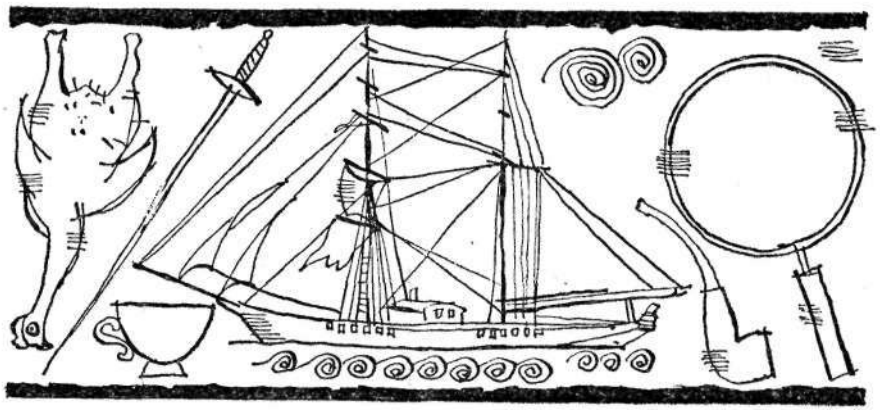
Доходы «археологов»-преступников сравнимы ныне с прибылями гангстерских синдикатов по продаже наркотиков.

Один из ответственных сотрудников американской полиции заявил недавно в прессе, что на борьбу с подпольными археологами мобилизованы лучшие силы Интерпола, но эта солидная международная организация оказалась здесь бессильной. Многих ее членов убили по одиночке снайперы из «уакерос», а однажды отряд Интерпола был рассеян пулеметным огнем. Словом, чтобы защитить археологические объекты, нужно иметь по солдату на каждый могильник и по вертолету на каждый квадратный километр джунглей...

Довольно выразительным дополнением к этому мрачному заявлению могут послужить и слова одного французского археолога: «Если и существовало когда-либо это самое Эльдорадо, то его уже давно перепродали по частям в Швейцарии. Следы его затерялись в тихих переулках Женевы, Цюриха, Базеля. Мы никогда не узнаем, был ли такой город и где он мог быть. Можно только предположить, что массивные золотые вещи из легендарного Эльдорадо украшают ныне аляповатые каминные полки на виллах пивных королей Баварии, а миниатюрные вещицы болтаются на тощих шеях американских миллионерш...»

«Ограблением века» назвали западные газеты нападение английских гангстеров на почтовый поезд с несколькими миллионами фунтов стерлингов. Вот уже многие годы длится беззастенчивое ограбление древних могил и храмов Америки. Именно это позорное явление и следует считать ограблением века.

Герман Малиничев



НОВАЯ ВЕРСИЯ ТАЙНЫ «МЭРИ СЕЛИСТ»

История одной мистификации

Мировой океан веками хранил многочисленные тайны. Раскрывая их, люди пополняют свои знания о море, обогащают летопись мореплавания. И в наше время еще немало таких тайн. Одна из них — загадочная судьба экипажа американской бригантины «Мэри Селист».

В морской литературе едва ли найдется другое судно, которому на протяжении последних ста лет было посвящено столько газетных и журнальных статей, книг, исследований.

Историки, писатели, криминалисты выдвинули множество версий о злополучной судьбе моряков с бригантины. Известный английский писатель Артур Конан-Дойль считал, что море навсегда поглотило тайну «Мэри Селист». Того же мнения придерживались многие исследователи-маринисты прошлого столетия в Англии, США и Франции. Вот, например, как писалось об этом: «При полном отсутствии каких-либо данных, которые могут пролить свет на это дело, следует опасаться, что судьба экипажа «Мэри Селист» увеличит собою число тайн океана, которые откроются только в тот великий день, когда море откажется от своих мертвецов. Если было совершено преступление, как заставляет подозревать многое, то мало надежды на то, чтобы преступники попали в руки правосудия».

Тайна исчезновения всего экипажа хорошо оборудованного и прочного судна, казалось, канула в века.

Но вот в книге Д. Локхарда «Великая тайна океана» и на страницах французского журнала «История» вновь были исследованы обстоятельства загадочного происшествия. Используя архивные материалы тех лет, авторы в какой-то мере приподняли завесу над тайной «Мэри Селист». Однако и у них остался ряд нерешенных вопросов.

Многим, очень многим весьма правдоподобной кажется версия, разработанная английским писателем-мариністом М. Ж. Китянгом. Ряд исследователей считают ее окончательной...

4 декабря 1872 года океанский парусник «Дей Грэйша» держал путь из Нью-Йорка в Италию. Его трюмы были загружены товарами, предназначенными для нескольких портов. Капитан парусника Дэйвид Рид Мохауз, занятый навигационными вычислениями, почти не обратил внимания на возглас вахтенного матроса: «Судно на курсе!»

По расчетам капитана, «Дей Грэйша» находился в точке с координатами 38°20' северной широты и

17°37' западной долготы, то есть на расстоянии 600 миль от берегов Португалии. Установив, что парусник несколько отклонился на север, Мохауз исправил курс и появился на шканцах, чтобы отдать необходимые распоряжения старшему офицеру Оливеру Диво, осматривавшему горизонт в подзорную трубу.

— Это опять то же самое судно, капитан...

— Да, я слышал возглас вахтенного матроса,— спокойно ответил Мохауз. Он проверил показания руля и подошел к Диво.

— Что вы думаете об этом судне?

— Насколько можно определить на таком расстоянии, это бригантина.

Мохауз взял подзорную трубу и с минуту рассматривал корабль. Затем подошел к рулевому и, показав на маячивший вдали силуэт неизвестного двухмачтового корабля, сказал:

— Мы должны его догнать.

Мохауз решил выяснить причину странного лавирования неизвестного судна. Сомнения не было; оно не управлялось.

— Может быть, они мертвецки пьяны и потому сочли за благо закрепить штурвальное колесо? — предположил Диво.

Расстояние между парусниками уменьшалось. На бригантине уже хорошо были видны шканцы. Но людей не было.

— Узнайте, кто они! — приказал капитан Мохауз старшему офицеру.— Возьмите с собой в шлюпку двух человек и отправляйтесь. Выясните, в чем дело.

Тем временем на гафеле «Дей Грэйша» подняли флаг, означающий по коду морских сигналов запрос: «Кто вы такие?» С судна, находящегося на расстоянии менее одного кабельтова, ответа не последовало.

— Нужна ли вам помощь?! — крикнул Мохауз в рупор. Ему ответил лишь плеск волн, бьющих о борт, и свист ветра в вантах.

Танцуя на волнах, шлюпка с «Дей Грэйша» приближалась к бригантине. На ее корме были видны нанесенные белой краской буквы: «Мэри Селист», Нью-Йорк.

Диво и один из матросов по вант-путенсам взобрались на судно,

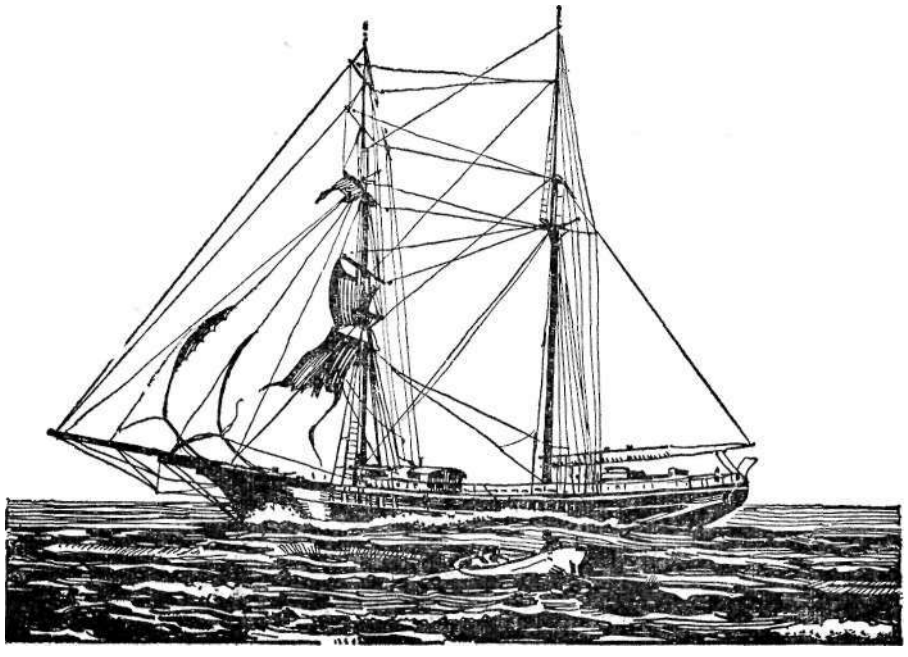
Штурвальное колесо вопреки предположениям Диво оказалось незакрепленным. Оно вращалось то влево, то вправо. На веревке, натянутой поперек палубы, сушилось белье. «Должны же быть люди на этом судне,— подумал Диво.— Однако где они спрятались и почему?» Диво начал звать экипаж. Его призывы остались без ответа. Тишина, царившая на бригантине, неприятно настораживала. Открыв дверь в столовую, Диво увидел на столе чашки с чаем. Он механически прикоснулся — они были еще теплыми.

«Команда должна быть в кубрике»,— решил Диво. Но и там никого не оказалось. Зашел в камбуз, кухонная плита была еще теплой. В одной из кастрюль он увидел цыпленка. «Черт меня побери, если я в этом что-либо понимаю!» — воскликнул старший офицер; Он спустился в трюм. Груз — бочки с коньячным спиртом — был в целости. В трюме примерно на полметра стояла вода, хотя помпы оказались в исправности. На палубе лежала сорванная крышка грузового люка. В твиндеке также оказалось много воды, а помещения носовой рубки были залиты до комингсов.

В кладовой хранились полуторамесячные запасы провианта. Диво снова возвратился на мостик, отыскал судовой журнал. Последняя запись была сделана днем 24 ноября 1872 года. В тот день судно находилось в точке с координатами 30° 56' северной широты и 27° 20' западной долготы, то есть в 500 милях от того места, где было сейчас. Продолжая осмотр, Диво установил, что одна из шлюпок отсутствует. Если судно было оставлено по каким-либо таинственным причинам, то это произошло совсем недавно. Все говорило об этом — но нигде не было видно ни одного судна, ни одной шлюпки. Горизонт был совершенно пустынен.

На бригантине мачты и рангоут оказались в полном порядке. Фок и верхний фор-марсель, очевидно, сорвало ветром. Спущенный грот-стаксель лежал на крыше носовой рубки. Поставлены были только кливер и фок-стаксель, а остальные паруса убраны.

Внимание старшего офицера привлекло следующее необычное обстоя-



тельство: все шесть окон кормовой рубки были закрыты брезентом и досками. В каютах рубки, крыша которой на 60 сантиметров возвышалась над палубой, все вещи были мокрыми, как будто помещение незадолго до этого залило водой. Световой люк оказался открытым.

Диво продолжал осмотр. В каюте капитана стоял рояль розового дерева. Старший офицер нашел немного денег и драгоценностей. Судовые документы отсутствовали. Не было также секстана, хронометра и навигационных книг.

В носовом кубрике те же следы внезапного необъяснимого бегства команды с судна. На полу матросские рундуки, на стенках верхняя одежда; оставлены даже трубки, чего не сделает в здравом уме и твердой памяти ни один моряк.

«Мэри Селист» стала для старшего офицера таинственной загадкой. Он решил вернуться на «Дей Грэйша».

Морхауз стоял на палубе, держась за поручни и с нетерпением ожидал возвращения своего помощника. Когда Диво описал ему обстановку, которую увидел на «Мэри Селист», Морхауз сразу сообразил, что судно, оставленное командой, должно быть признано, согласно морскому праву, погибшим, а следовательно, он может рассчитывать на большую премию за спасение бригантины. Морхауз понимал, что на этом деле можно сорвать солидный куш. А там уж пусть законники разгадывают загадку бригантины и проводят расследования.

Морхауз приказал взять «Мэри Селист» на буксир и днем 13 декабря 1872 г. прибуксировал судно в Гибралтар.

Оба парусника борт к борту были поставлены на якоря, а Морхауз немедленно представил властям рапорт. Он изложил дело так, как было описано выше, и потребовал премии за спасение «Мэри Селист».

Прокурор Салли Флуд занялся расследованием. Из Нью-Йорка сообщили, что «Мэри Селист» вышла 4 ноября 1872 года под командованием Бенджамина С. Бриггза с грузом коньячного спирта в Геную. Затем бригантине предписывалось

посетить другие порты Италии. Команда судна была укомплектована полностью. Список членов экипажа прилагался. Эти скупые данные не пролили света на загадочные обстоятельства исчезновения экипажа бригантины. Ничего не дал следствию и тщательный осмотр судна. Было лишь установлено, что корпус бригантины находился в хорошем состоянии. Этот факт исключал предположение, что судно было покинуто командой во время шторма.

Еще в начале следствия прокурор Салли Флуд пришел к убеждению, что на «Мэри Селист» взбунтовался экипаж. Он окончательно уверился в этом, когда на судне нашли шпагу с бурыми пятнами на острие. Такими же пятнами была покрыта в некоторых местах и палуба. «Это кровь»,— заявил прокурор.

Однако анализ показал, что это обыкновенная ржавчина или следы вина. «В носовой части погнут фальшборт»,— сообщил один из проводивших расследование. «Результат обычного воздействия шторма», — осмотрев поврежденные места, заключил инспектор по мореплаванию.

Салли Флуд настаивал на своем — бунт. В результате следствие не сдвинулось с мертвой точки.

Морхауз с нетерпением ожидал вознаграждения. Он настойчиво напоминал о своем праве. Наконец 26 марта 1873 года морской трибунал определил величину причитающейся ему премии в размере одной пятой стоимости бригантины, то есть 1700 фунтов стерлингов.

«Мэри Селист» была возвращена судовладельцу и продолжала плавать, хотя все время возникали трудности с набором команды. Дурная слава прочно закрепилась за судном, и моряки неохотно нанимались на бригантину. Казалось, что какой-то рок преследует несчастный парусник. В 1885 году «Мэри Селист» погибла, и тоже при весьма загадочных обстоятельствах. В отличную погоду бригантина наскочила на подводные скалы около Гаити и затонула. Катастрофа выглядела столь необычной, что капитана обвинили в умышленной аварии для получения страховки. Однако незадолго до судебного процесса он умер.

Гибель «Мэри Селист» не прекратила толков о ее истории. Наоборот, необычайные обстоятельства катастрофы парусника подлили масла в огонь, послужили источником возникновения многих, порой фантастических гипотез об исчезновении экипажа судна. Вновь появились охотники раскрыть тайну бригантины.

Еще в 1873 году испанские рыбаки наткнулись на плот с разложившимися трупами. Это дало повод предположить, что на плоту находились моряки с «Мэри Селист». Однако никаких доказательств получить не удалось.

Журналисты, писатели, детективы, специалисты в области мореплавания пытались раскрыть тайну происшедшего. Приходя к различным выводам и делая весьма необычные заключения, они все же не смогли найти сколько-нибудь убедительной версии.

История «Мэри Селист» привлекла внимание Конан-Дойля. Создатель образа Шерлока Холмса предложил свою версию: на судно было совершено нападение:

«...Едва я поставил ногу на шканцы, как на меня набросились сзади, повалили на спину и, заткнули рот платком. Я боролся как мог, но веревка быстро и крепко обмоталась вокруг моего тела, и я почувствовал, как меня привязали к одной из лодок. Я не мог защищаться, а во избежание каких-либо попыток сопротивления мне приставили нож к горлу. Ночь была так темна, что я не мог рассмотреть, кто же напал на меня...»

«...В тишине ночи я услышал глухой стон, затем несколько всплесков. Это все, что я знаю о судьбе моих товарищей. Почти немедленно вслед за этим большая лодка последовала за нами, и покинутое судно было оставлено качающимся на волнах. Виден был только мрачный, похожий на привидение корпус корабля».

В талантливом изложении писателя вся история звучала столь убедительно, что читающая публика приняла художественный вымысел за правду. Некоторые газеты вышли с шапками: «Тайна «Мэри Селист» раскрыта!»

Были и другие объяснения, другие гипотезы.

— Команда заметила приближающийся гигантский смерч и в панике покинула судно на шлюпке. Смерч настиг бригантину, сорвал люковые крышки, порвал паруса и залил ее водой. Шлюпка была опрокинута. Команда судна погибла.

— На судне вспыхнула эпидемия чумы. Капитан с женой и дочерью, сопровождаемые штурманом, поспешно покинули судно на шлюпке, которая потом погибла. Оставшиеся на борту открыли трюм, добрались до спирта, перепились и упали за борт.

— Между владельцем «Мэри Селист» и командой «Дей Грэйша» была совершена грязная сделка. Выйдя на два дня позже из Нью-Йорка, Морхауз догнал «Мэри Селист» в океане и послал на шлюпке Диво с матросами. Они перебили команду бригантины и бросили трупы в море.

— «Мэри Селист» была атакована мавританскими пиратами, которые, увидев приближающийся «Дей Грэйша», испугались и обратились в бегство, захватив с собой экипаж бригантины.

Многие гипотезы выглядели весьма правдоподобно. С одной стороны, они подтверждались материалами расследования, проведенного властями береговой охраны Испании, а с другой — обнаружением плотов с трупами. Некоторые версии были совершенно фантастическими.

— Морское чудовище в виде гигантского осьминога уничтожило всех членов экипажа.

— Сошедший с ума повар отравил всех членов экипажа, побросал всех за борт и сам бросился в море.

— Капитан и первый офицер устроили гонки в плаванип. Когда вся команда скопилась у одного борта и следила за состязаниями, в борт внезапно ударила волна, судно резко накренилось, и все моряки вывалились за борт.

Допускалось также, что «Мэри Селист» наткнулась на вулканический остров, неожиданно всплывший из глубин океана. Команда высадилась на этот кусочек земли. Повторный толчок или же извержение вулкана — и остров опять ушел иод воду. ЛЮДИ потонули, а бригантина без команды поплыла дальше подобно «Летучему Голландцу».

Приводилась и такая версия. Дочь капитана София любила с бушприта бригантины смотреть на дельфинов. Боясь, что она может упасть в море, ее отец приказал соорудить специальную площадку. Когда команда устроила состязания по плаванию, на этой площадке собрались все матросы. Под их тяжестью площадка рухнула. На людей напали акулы. Спустили шлюпку, но она перевернулась и затонула. Оставшаяся на борту жена капитана с горя бросилась в море.

Согласно одной из самых распространенных версий, разработанной американским морским страховым агентом Чарлзом Феем, в носовом трюме «Мэри Селист» взорвались пары спирта. Взрывом сорвало люковые крышки трюма. Опасаясь последующих взрывов, люди поспешно спустили шлюпку и отплыли от судна, которое каждую секунду могло превратиться в огромный факел. Взрывов больше не было, но внезапно налетевший шквал погнал бригантину прочь, лишив людей возможности вернуться на судно. Шлюпка затерялась в море и погибла.

— Могу вам рассказать всю правду о «Мэри Селист»,— заявил комиссару портового отделения полиции в Нью-Йорке в 1911 году шестидесятилетний моряк Мик-Уэл-Личан. Он не вызвал доверия у комиссара полиции. Было ясно, что моряк просто хотел подзаработать. В 1917 году в Голландской Гвинее некто Чаппи Пассел заявил, что был вторым офицером на таинственной бригантине.

В общей сложности таких «членов» команды «Мэри Селист» насчитывается более десятка. Долгое время многие люди с разыгравшимся воображением приукрашивали легенду о таинственном судне, внося в нее каждый раз новые подробности.

Даже в фамилиях моряков находили какие-то таинственные значения. Легенды о «Мэри Селист» появлялись на страницах журналов так же часто, как и другие полуфантастические морские истории.

Над разрешением загадки «Мэри Селист» долго и упорно работал английский писатель М. Ж. Китинг.

В 1935 году ему удалось разыскать оставшегося в живых члена экипажа «Мэри Селист». После многолетних усилий, множества опросов, изучения судебных архивов Китинг пришел к убеждению, что тайна бригантины в действительности не что иное, как… мистификация.

Вот как, по его утверждению, развивались события.

4 ноября 1872 г. северо-западный ветер гнал клубы дыма, поднимающиеся из трубы буксира, который выводил в море из нью-йоркского порта два парусных судна — «Мэри Селист» и «Виктори». Никогда уже мы не узнаем о судьбе пропавшего без вести парусника «Виктори», так же как почти столетие ничего не было известно о 10 членах экипажа «Мэри Селист». Это капитан Бриггз и его жена, первый офицер 10. Т. Хулок по прозвищу Бык из Балтиморы, боцман Джек Доссел, п[г]вар Джон Пембертон и матросы Сантос, Венхолт, Моффат, Мэннинг и Хоули.

Посмотрим, однако, на список экипажа «Мэри Селист», который находился у его владельца Джеймса Винчестера. В этом списке числится не 10, а 17 человек. Более того, кроме капитана и его помощника, в списке, представленном судовладельцу, не фигурирует ни одной фамилии людей, в действительности нанятых на бригантину.

Чем это можно объяснить? Во время парусного флота работа на судах была трудной, а плавание сопровождалось немалыми опасностями. Например, за один только 1872 год было зафиксировано 180 случаев, когда суда, покинувшие берега Нового Света, уже никогда более не возвратились в свой порт. Они погибли в море. Тяжелые условия морской службы приводили к тому, что моряки не желали наниматься на парусники, где условия работы были хуже, чем на других. Капитаны таких судов испытывали большие трудности при наборе команды. Часто капитаны парусников вынуждены были прибегать к услугам портовых маклеров, а вернее, торговцев людьми. Они предоставляли морякам в кредит жилье и питание. И не только морякам. Часто их клиентами становились люди с неопределенными занятиями и разные подозрительные субъекты. Если долг клиента возрастал до таких размеров, что погасить его было уже невозможно, то попавший в кабалу нанимался на первое попавшееся судно. Бывало и так, что сделки оформляли сами маклеры без согласия должников. Если сделка была особенно выгодной, маклеры хватали первого попавшегося под руку портового гуляку и сбывали его на судно. Обычно такие сделки совершались в кабаках после солидной попойки. Еле живого «раба» доставляли на судно, где в дальнейшем ему надлежало нести морскую службу.

Когда такой человек немного приходил в себя, то обнаруживал, что находится уже далеко в море на палубе неизвестного ему парусника. И тогда в силу сложившихся обстоятельств ему волей-неволей приходилось выполнять поручаемую работу. Так, при помощи шантажа и обмана вербовались нередко матросы на корабли.

Когда Бриггз показал список экипажа своему заместителю, «Бык из Балтиморы» пришел в ярость:

— И этих, капитан, вы называете моряками! Я не намереваюсь руководить портовым сбродом. Ищите себе другого старшего офицера!

Бриггз с трудом упросил его остаться, а сам отправился на поиски нового экипажа. Безуспешно поискав на территории порта, он в конце концов решил прибегнуть к услугам торговцев людьми. Те пообещали Бриггзу добыть для «Мэри Селист» трех человек. Однако потребовалось еще как минимум трое.

О своих заботах Бриггз рассказал одному из знакомых капитана, который тоже готовился к рейсу в Европу, но намечал выйти в море на следующий день. Он согласился «одолжить» Бриггзу трех человек при условии, что они возвратятся к нему после того, как суда пройдут наиболее трудную часть пути. Условились, что встреча произойдет в районе Азорских островов.

Фамилия этого капитана, как ни покажется на первый взгляд парадоксальным, Морхауз — тот самый капитан британского парусника «Дей Грэйша», обнаруживший в море «Мэри Селист».

Моряки, обещанные маклерами, были доставлены на судно мертвецки пьяными. Бриггза это нисколько не удивило. Через час после отплытия «Мэри Селист» один из этих «добровольцев», Венхолт, под влиянием свежего морского воздуха очнулся и обнаружил, что находится на палубе судна. Это был погонщик из Огайо, приехавший в Нью-Йорк развлечься. Венхолт закричал, что вынет из рулевого душу, если тот немедленно не повернет к берегу. Венхолта с трудом удалось скрутить и запереть в якорном помещении. На судне воцарилось спокойствие.

Госпожа Бриггз, желая развлечься после пережитых волнений, напевала разные мелодии высоким сопрано, аккомпанируя себе на рояле, который стоял в капитанской каюте. Этот концерт пришелся не по вкусу старшему офицеру. Он поклялся выбросить рояль в море, как только представится случай. В течение нескольких дней рев бури заменял концерты госпожи Бриггз.

17 ноября погода улучшилась. Так как это было воскресенье, то госпожа Бриггз распевала псалмы, аккомпанируя себе на сильно расстроенном после бури рояле. Старший офицер, который все время, пока бушевала буря, стоял на вахте и теперь отдыхал, никак не мог заснуть. Он ворвался в каюту капитана и заявил:

— Скажите своей жене, чтобы она прекратила этот галдеж.

Артистическая натура госпожи Бриггз была задета за живое. Двумя минутами позже на палубе появился «Бык из Балтиморы» с окровавленным лицом.

— Эта фурия меня поцарапала, но я ей еще покажу,— грозился он.

На следующий день старший офицер Хулок из-за испытанного унижения начал пьянствовать. Он стал хмур и нелюдим. Пнул матроса, который недостаточно быстро выполнил приказание. Венхолта, который после того как отсидел в якорном помещении, все делал исправно, обозвал трусом и ударил. Завязалась драка, из которой Хулок вышел победителем.

Вскоре после этого случая Венхолт начал «шалить». Он мяукал у каюты капитана каждый раз, как госпожа Бриггз приступала к музицированию. Капитан приказал повару окатить нахала водой. Последующие дни прошли спокойно.

Наступил роковой день 24 ноября. Это было воскресенье. Сразу же после полуночи ветер утих. Судно, которое шло под всеми парусами, находилось примерно в 100 милях от острова святого Михаила из архипелага Азорских островов. В 11 часов утра Бриггз записал в судовом журнале координаты парусника. Эта запись стала последней.

Море было спокойным. Госпожа Бриггз напевала песенки. Люди, стоявшие на вахте, отдыхали. Внезапно все вскочили на ноги. Налетевший шквал положил бригантину на левый борт. Рулевой Сантос выпустил из рук штурвальное колесо и покатился по палубе. «Мэри Селист» получила опасный крен. В этот момент раздался душераздирающий крик. Бриггз, очень бледный, выскочил из каюты, зовя Хулока. Но помощник бросился к рулю, чтобы заменить Сантоса. Ему удалось выровнять судно. Все поздравляли себя со счастливым избавлением от опасности.

Хулок обошел судно, чтобы определить полученные бригантиной повреждения. Пар заполнил помещение камбуза, а кастрюли с содержимым свалились с плиты. Ничего серьезного. Только в каюте капитана... Внезапный крен судна привел в движение рояль, который всей своей тяжестью придавил госпожу Бриггз. Она лежала вся в крови. Хулок только пожал плечами.

— Дайте ей глоток рому, и она станет на ноги,— сказал он опечаленному мужу.

На следующий день, однако, он объявил команде, что госпожа умерла.

С момента смерти жены Бриггз не оставлял своей каюты. Он проклинал то рояль, то Хулока, которого подозревал в умышленно плохом креплении инструмента, то, наконец, угрожал Сантосу, который в момент аварии находился у руля. Капитан хотел привезти тело жены в Европу.

— Об этом не может быть и речи,— заявил Хулок, и, несмотря на протесты капитана, в ночь с 25 на

26 ноября он приказал похоронить ее в море.

Бриггз совсем потерял самообладание. Угрожал, что отдаст под суд всю команду и сожжет судно. Потом его ярость обрушилась на Сантоса.

— Засуньте его в мешок,— приказал он Хулоку,— и выбросьте в море. А если не выполните приказа, то я отдам вас под суд.

— Сантос не виновен,— спокойно отрезал Хулок.

— Кто же виновник в смерти моей жены?

— Рояль, его и надо уничтожить!

Под дружный хохот всей команды Хулок приказал выбросить инструмент в море. Бриггз, потрясая кулаками, посылал проклятия всему экипажу.

Вечером на «Мэри Селист» не было уже ни порядка, ни дисциплины. Моряки вытащили ящики с ромом и беспрерывно пьянствовали.

— Зови капитана,— поручил Хулок одному из матросов.—Верное лекарство от огорчений.

Матрос возвратился, сообщив, что капитана нет в каюте. Услышав это, Хулок вскочил и закричал:

— Мы должны его разыскать, иначе он подожжет судно!

Начались поиски. Внезапно все застыли, окаменев. Вначале казалось, что это спирт помутил у всех рассудок. Какое-то судно ткнулось носом прямо в борт «Мэри Селист».

— Опомнитесь! — крикнул Хулок.— Это обломок полузатонувшего парусника. По местам!

Матросы пришли в себя и как будто отрезвели. Они оттолкнули баграми обломки парусника, который вскоре исчез в тумане.

— А теперь ищите капитана! — приказал Хулок. Обыскали все судно. Капитана нигде не было. Он, должно быть, бросился в море или перепрыгнул на остов судна.

Хулок снова начал пьянствовать. Однако 28 ноября он пришел в себя и приказал команде приниматься за работу. Матросы отказались. Хулок бросился на них. Вновь началась драка. В свалке Венхолт получил удар в голову железным прутом и умер. Его тело выбросили в море.

На «Мэри Селист» осталось теперь только семь человек. Чтобы «освежиться», открыли новый ящик с ромом.

— Слушайте!— обратился Хулок к команде.— Я уже пэ горло сыт этим дьявольским судном. Оставим его. Перед нами Азорские острова. Сейчас подходящий момент. Три смерти произошли, не по моей вине, не мы отвечаем за это, однако полиция сможет причинить нам немало хлопот.

— Отправляемся с тобой,— заявили Доссел и Сантос. Трое матросов с «Дей Грэйша» решили остаться. Повар, человек спокойный, рассудительный, сторонящийся всяких авантюр, тоже решил остаться на судне и ожидать подхода «Дей Грэйша».

Через четверть часа шлюпка отвалила от парусника.

В течение нескольких дней «Мэри Селист» кружилась в районе Азорских островов. Четверо оставшихся на паруснике моряков видели много судов. Ни одно из них, однако, не напоминало «Дей Грэйша». Ожидание было томительным. Временами они сожалели, что не оставили судно вместе с Хул оком.

Попросили повара Пембертона, чтобы он зажарил цыпленка. Хорошая закуска освежит и придаст им силы и терпение в ожидании. Повар положил цыпленка в кастрюлю, приготовил чай и хотел уже позвать своих коллег, когда услышал:

— Пембертон,—это «Дей Грэйша».

Действительно, к «Мэри Селист» на всех парусах приближался «Дей Грэйша».

Мохауз, капитан «Дей Грэйша», быстро сообразил, что из той ситуации, в какой он застал «Мэри Селист», можно извлечь немалую выгоду.

Вызвав на свой парусник четырех моряков с «Мэри Селист», Мохауз втолковал им, что в связи с происшедшими на бригантине трагедиями самым выгодным для них будет умолчать обо всем, что они видели. Он представит рапорт, что застал «Мэри Селист» покинутую экипажем. Мохауз получит право па премию. Команде была обещана часть ее. Тем самым Мохауз сделал их соучастниками своей авантюры и оградил себя от возможностей доноса и разоблачения.

Рапорт, который подготовил Мор-

хауз, только частично соответствовал правде. Встреча судов произошла так, как это уже упоминалось. «Мэри Солист» была обнаружена под парусами, белье сушилось на палубе, корпус не имел повреждений. В камбузе жарился цыпленок, чай был разлит по чашкам. Только о четырех моряках, находившихся на паруснике, в рапорте умалчивалось.

Версия, разработанная Китингом, весьма похожа на правду. Она подтверждается признаниями повара Пембертона, которого Китинг разыскал в Англии 84-летним стариком.

Тайна «Мэри Селист» перестала быть тайной. Она оказалась только удивительной и трагической морской историей.

Вместе с тем эта мистификация является отражением другой таинственной загадки.

В ночь, предшествующую встрече «Мэри Селист», Морхауз наткнулся на остатки парусника «Юлия». На палубе судна не было никого, кроме крыс. Судовые документы исчезли. Барк «Юлия» находился примерно в таком же состоянии, в каком Морхауз будто бы нашел «Мэри Селист». Этот случай и натолкнул его на мысль прибегнуть к обману. Фальшивая тайна «Мэри Селист» возникла из действительной тайны парусника «Юлия». Только загадка этого последнего судна так и не была выяснена.

Д. Эйдельман

Первые выступления артистов состоялись в самом необычном концертном зале мира. На берегу подземной речки Жейта близ Бейрута архитекторы вырубили в скалах огромного грота зрительный зал в виде амфитеатра. Более тысячи человек слушают теперь музыку на глубине 440 метров. В новый концертный зал зрители попадают на специальных лифтах. Спуск длится более 10 минут.

Бразильской бабочке Морфо менелаус грозит полное истребление. Дело в том, что она стала с недавних пор главным сувениром, который стараются увезти с собой туристы. Шелковистые крылья бабочки небесно-голубого цвета и достигают в размахе 12 сантиметров. Местное население ловит бабочек самым современным способом: около деревьев ставятся ловушки с соком бананов, к которому добавляется снотворное.

Близ иорданского города Маан археологи нашли набальзамированную мумию богатой женщины. Анализ показал, что погребение было произведено более трех тысяч лет назад.

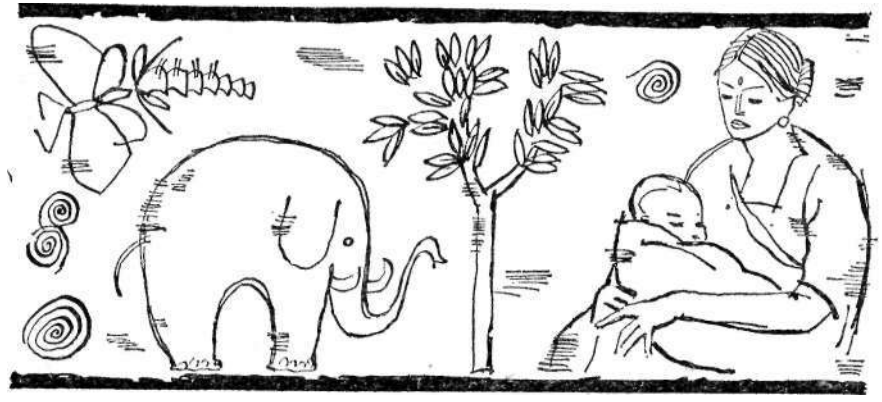
Каирские специалисты утверждают, что способ бальзамирования в данном случае отличается от древнеегипетского лишь одной особенностью — в состав бальзама входило эвкалиптовое масло. Американский ботаник определил, что масло было получено из эвкалипта, произраставшего на Новой Гвинее.

Французские ученые открыли мощный слой каменной соли под дном Средиземного моря близ Алжира. Они выдвигают гипотезу, что соляной пласт окружает всю Африку и по площади превосходит этот континент.

В специальных контейнерах в Бельгию доставляют куски айсбергов. По ним астрофизики изучают интенсивность выпадения на землю космической пыли. Лед с горных вершин Европы или Азии не годится для этих целей, ибо он загрязнен промышленными выбросами городов.

Первый вывод, сделанный в результате исследования антарктического льда, говорит о том, что интенсивность выпадения на нашу планету космических частиц ранее считалась более высокой.

Огромную гору, не уступающую по размерам Эльбрусу, нашли ученые на дне океана близ берегов Австралии. Подводная гора целиком состоит из фосфоритов. Ее макушка находится на глубине 240 метров от поверхности моря. Добыча ценного сырья для удобрений будет налажена с помощью специальных кораблей-землесосов.



Есть только одна народность, чьи восьмидесятилетние женщины выглядят как сорокалетние. Все известные нам долгожители стареют в 70, а потом живут стариковской жизнью до 120 — 150 лет.

«КЛЮЧИ ЖИЗНИ»

Что бы вы сказали, если бы увидели кота, кормящего котят своим молоком? Такого не бывает? Ошибаетесь. Коту пересадили гормоны, и они изменили его природу. Если головастикам ввести гормоны щитовидной железы, то они скоро перестанут расти и превратятся в крошечных лягушат. Если гусеницу шелкопряда перевязать ниткой, препятствуя току гормонов, получится странное существо — наполовину бабочка, наполовину гусеница.

Гормоны диктуют клеткам, какие реакции в них должны протекать медленно, а какие ускоренно. Избыток или недостаток гормонов у человека вызывает кретинизм, зобную болезнь, диабет, карликовость и гигантизм.

Работами последних лет установлено: при старении наблюдается недостаток гормонов.

В коре надпочечников синтезируются мужские и женские половые гормоны.

Если оскопить пару молодых задорных морских свинок, то можно заметить большие перемены: рост самца задержится, густая длинная шерсть станет реже и короче, нрав утихомирится, он станет вялым. А у матери, что так заботливо кормила своих малышей из больших сосков, последние станут маленькими, молоко перестанет выделяться. Самка уже не будет заботиться о детенышах и испытывать влечения к самцам. Если свинкам вновь приживить половые железы, то спустя некоторое время животные станут такими, как и до оскопления.

То, что мы проделываем в опытах с оскоплением, постепенно проделывает сама жизнь: животные, достигнув расцвета своих сил, начинают шаг за шагом «сдавать» — слабеют, дряхлеют. Со старением снижается и деятельность половых желез. Они уменьшаются в размерах и начинают все меньше выделять гормонов.

Мы набрали целый мешок гормональных «если». Давайте заглянем в него и спросим себя: бессмертна ли бактерия, ибо если после смерти животного должно оставаться его бездыханное тело, а бактерии размножаются делением пополам, то, выходит, они живут «вечно»?

Почему персик живет четырнадцать лет, а близкий родич его миндаль — сто? Человек — семьдесят, а тис — 4 тысячи лет? Почему крыса живет до 3, собака до 35, обезьяна

до 40, крокодил до 60, слон до 100, черепаха до 150, а макрозамия до 15 тысяч лет?

Обратили ли вы внимание на пропасть в длительности жизни между представителями животного и растительного миров?

Существует около 200 гипотез, объясняющих процесс старения.

И. И. Мечников говорил: старость — это болезнь, которую нужно лечить. Парацельс считал причиной старения отравление организма различными ядами, Бушар полагал, что организм — это лаборатория ядов, а Мечников утверждал, что вредные для организма вещества выделяются кишечными бактериями, и предлагал бороться со старостью, подавляя в кишечнике гнилостные процессы.

Почему же в таком случае человек, одолевший болезнь, все-таки стареет и умирает?

Последователи И. П. Павлова утверждают, что организм человека стареет в результате нарушений высшей нервной деятельности. Согласно одной из гипотез, людей старят приходящие из космоса лучи; согласно другой — все дело в тяжелой воде, которую мы пьем вместе с обычной, нарушая обмен веществ. По одному из наиболее распространенных ныне воззрений, ряд факторов действует на хромосомы ядра клетки. Там, в молекулах нуклеиновой кислоты (ДНК), записан «план» построения будущих белковых молекул. Космические лучи, яды и другие воздействия искажают информацию, которую ДНК передает белкам. Клетки делятся, ошибки, накапливаясь, передаются по эстафете дальше. Известно, однако: иногда от очень старых родителей рождаются нормальные дети.

Как видно, природа может бороться с «дефектами» воспроизводства. По мере прогресса научных исследований становится все более очевидным, что на процессы старения влияют три группы факторов: 1 — наследственность, 2— условия жизни, 3 — болезни.

Контроль за первой причиной пока не в наших возможностях. Но американец Холмс, признавая роль наследственности, прописал такой шутливый рецепт долголетия. Тем, кто хочет прожить долго, он советовал за несколько лет до рождения поместить объявление в газетах, что нужны родители из семейств, известных своим долголетием.

Перейдем же к более серьезным фактам. В 1900 году английский врач Мак-Кэррисон побывал в высокогорном районе Северной Индии у хунзакутов. Он обнаружил, что представители этой народности прекрасно физически развиты и наделены безупречным здоровьем. Живущие за рекой соседи пьют ту же воду, дышат тем же воздухом, но страдают от диабета, тифа и туберкулеза. Хунзакуты же ничем но болеют и к Мак-Кэррисону обращались за врачебной помощью только из-за случайных увечий.

«Эти люди не сравнимы ни с одной индийской народностью по физическому совершенству,— писал Мак-Кэррисон.— Они живут долго, энергичны в молодости и старости. И наслаждаются замечательной свободой от болезней вообще». Он заметил, что пища у хунзакутов предельно проста — овощи, фрукты, иногда молоко, в редких случаях мясо. Но самое необычное —что почти все это они едят в сыром виде.

Мак-Кэррисон приступил к своим знаменитым опытам. За восемнадцать лет, вначале в Пастеровском институте, а затем на посту директора исследовательских лабораторий питания, Мак-Кэррисон экспериментировал с тысячами животных — обезьянами, морскими свинками, крысами, голубями. Ученый перечисляет 60 с лишним болезней, среди них сердечные, урологические, кожные, включая выпадение волос, болезни дыхательных путей, пищеварительного тракта, зобные, болезни глаз, крови, эндокринных и лимфатических желез, нервной системы, несколько случаев рака. Все эти болезни возникали при плохом рационе питания. Животные же, получавшие вволю сырые овощи и фрукты, ничем не болели, отличались нервной стабильностью и хорошим физическим состоянием.

Мак-Кэррисон ставил сравнительные опыты с рационом питания своих

соотечественников, среди которых особенно распространены болезни дыхательных органов и пищеварения. Одной группе из 20 крыс давали сырые овощи и фрукты, другой — продукты, обычно употребляемые в пищу неимущими слоями населения Англии: белый хлеб, маргарин, сладкий чай с небольшим количеством молока, вареную капусту, помидоры, консервированное мясо, джем. Крысы первой группы прибавляли в весе; второй группы в весе не прибавляли, плохо росли и на 60-й день стали поедать друг друга. У этих крыс оказалось два вида болезней — легочные и желудочно-кишечные. Пища же хунзакутов, на которой содержались крысы первой группы, предохранила животных от этих болезней. В 1935 году Мак-Кэррисон повторил опыт. Результаты первых подтвердились: 1200 крыс, питавшихся тем же, чем и хунзакуты, были абсолютно здоровы. 1200 крыс, содержавшихся на рационе небогатой лондонской семьи (белый хлеб, сельдь, сахар-рафинад, консервированные и вареные овощи), приобрели болезни, распространенные среди этих людей.

В 1959 году в Хунзу приехал врач Аллен Баник из США. «Я убежден,— пишет он,— что пища, на которой эти люди жили века,— причина завидного здоровья, коим они наслаждаются. Пища эта на 80 процентов сырая».

По словам Баника, восьмидесятилетние женщины в Хунзе выглядят как сорокалетние.

Через год в Хунзе появляется Джон Тоуб. У местного врача он узнал, что многие из болезней — сердечные, рак, диабет и ряд других — по-прежнему здесь не встречаются.

Теперь признано, что хунзакуты — самые здоровые люди на Земле.

Когда открывают бутылку подогретого газированного напитка, происходит «взрыв» — угольная кислота почти мгновенно разлагается на углекислый газ и воду. Но даже этот, казалось бы, мгновенный взрыв по сравнению с реакциями нашего организма протекает крайне медленно.

Аналогичный распад совершается и в нашем организме, но, чтобы осуществить его достаточно быстро, организму нужны специфические ускорители — ферменты. Их насчитывается более тысячи.

Ферменты имеют белковую природу, поэтому легко денатурируются. Например, они теряют свои свойства при высокой температуре. Молекулы большинства ферментов помимо белка имеют небелковую часть. Порознь эти части лишены активности. Небелковая часть называется коферментом, если она имеет органическую природу, или активатором, если представлена ионом металла. Роль коферментов часто выполняют витамины. Пока известно около 16 витаминов и их производных.

Человеческий организм, как и любой животный, не может синтезировать витамины. Только растения создают их в цепи реакций, осуществляющихся под действием солнечного света.

Поэтому животный организм должен получать витамины извне. Если рассматривать структурные формулы витаминов, то видно, что они легко могут быть разрушены различными воздействиями.

Самое поразительное свойство ферментов — их специфичность. Есть ферменты, которые воздействуют только на один субстрат. Для этого их конфигурации должны точно соответствовать друг другу. Левую ногу можно втиснуть в правую туфлю, а правую руку в левую перчатку, однако это неудобно и мы стремимся поскорее исправить ошибку. Молекулы фермента и субстрата должны быть «подогнаны» друг к другу почти так же, как ключ к замку. Эту теорию называют теорией ключа и замка. Как отдельный ключ открывает только «свой» замок, так и данный фермент действует на определенный субстрат или вид связи. Кстати, действует не весь фермент, а лишь его активный центр с электрическими свойствами.

Активными центрами гормонов, о которых говорилось вначале, являются также и витамины. Мы упомянули только некоторые гормоны. У человека их множество. Каждый гормон заведует своей «частью».

Все живое имеет общее происхождение. Вначале возникла растительная клетка и выработала все необходимое для жизни, начиная от активных центров — витаминов — и кончая белками, которые животные не могут создавать сами.

Поэтому между длительностью жизни растений (вырабатывающих все жизненно необходимое) и животных (происшедших от растений) наблюдается такая огромная разница. Установлено, что, как правило, чем меньше размеры животного, тем короче его жизнь.

М. Рубнер указывает, что на один килограмм веса подопытных животных после окончания роста требовалось на протяжении их жизни приблизительно одинаковое количество энергии, а именно: в среднем 191 600 килокалорий. Исключение составляет человек, потребляющий в четыре раза больше энергии. Из закона постоянства потребления энергии следует, что продолжительность жизни тем меньше, чем интенсивнее обмен веществ и энергии. Более интенсивный на единицу массы обмен веществ у организмов мелких размеров ведет к более быстрому их изнашиванию и раннему истощению. В качестве примера можно привести, с одной стороны, крыс и мышей, продолжительность жизни которых колеблется от двух с половиной до трех лет и, с другой стороны, слона, живущего около 100 лет.

Но жизнь измеряется еще биологическими часами: чем быстрее они «тикают», тем короче жизнь. У черепахи «тикание» биологических часов замедленное, поэтому она живет 150 лет, а в некоторых случаях и все 300. Жизнь укорачивают разные вредные воздействия, в том числе черви. Если раскопать почву между корнями персика, то окажется, что она кишит личинками усача, которые подтачивают корни дерева. Это ограничивает жизнь персика 14 годами. У миндаля горькие выделения корней отпугивают вредителей, и он живет 100 лет. У тиса все очень ядовитое — от корней до листьев, включая клеточный сок. На тисе не паразитируют никакие вредители.

Растения всасывают питательные вещества корнями, мы — кишечником. Кишечник — это как бы «корни» внутри нас. Поэтому надо принимать меры против тех, кто подтачивает наши «корни».

Как же быть с сырой пищей? Обязательно ли есть все сырое, чтобы продлить зрелые годы жизни?

Мы пока не знаем все «ключи жизни», что содержатся в сырой пище. Логично было бы допустить, что растение, которое вырабатывает их, «знает» секрет их полного набора.

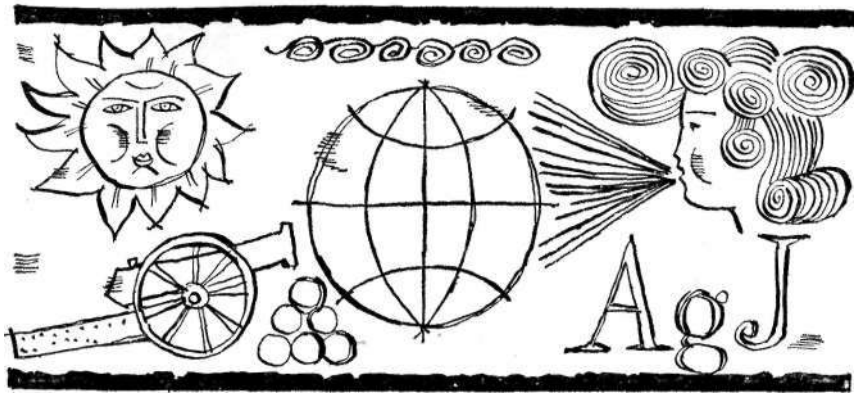
Один раз в году растение, чтобы обеспечить свое потомство всем необходимым, складывает связку «ключей жизни» в особом «кармашке».

Французы извлекли эти «ключи жизни» и дали анемичным младенцам. И обреченные дети, у которых кровавые колиты не могли остановить никакие ультрасовременные лекарства, воскресли. Колиты прекратились, состав крови улучшился, вес прибавился, дети были спасены.

Англичане «ключами жизни» успешно избавились от подагры. Шведы несколькими граммами этих веществ смогли ликвидировать мучительный недуг — воспаление простаты.

Был произведен анализ вещества «ключей жизни». Японский ученый Ишикава установил, что они содержат титан и марганец. Дальнейший спектральный анализ выявил наличие бария, серебра, золота, палладия, ванадия, вольфрама, иридия, кобальта, цинка, мышьяка, олова, платины, молибдена, хрома, кадмия, стронция и других элементов. Найдено огромное количество витаминов А, С, группы В. Обнаружены и витамины Е и Р (рутин). Как известно, последний способствует прочности капилляров и имеет особое значение для людей пожилого возраста. Кроме того, там было обнаружено много ферментов и гормонов, все 20 аминокислот, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека, большой набор жирных кислот. На хроматограммах остались и следы неизвестных веществ. Кто знает, может быть, эти «ключи жизни» послужат и ключом к долголетию?

Георгий Мчедлишвили



МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОГОДОЙ!

Еще десять — пятнадцать лет назад такой вопрос мог бы показаться праздным. Сейчас же он все больше и больше привлекает внимание ученых, и многие из них не склонны торопиться отвечать отрицательно. Может показаться странным, что усиленное внимание к идее управления погодой в последние годы связано с изучением относительно малонаселенных и лишенных значительных континентальных пространств экваториальных и тропических районов Земли.

Территория приэкваториальных и тропических областей Земли огромна — более 40 процентов поверхности планеты. Это «ахиллесова пята» современной метеорологии. Здесь аккумулируется основная часть энергетических ресурсов атмосферы и происходят решающие преобразования различных видов этой энергии, а метеорологам приходится делать свои заключения об атмосферной циркуляции в целом, не имея самых необходимых данных из этой части поверхности Земли. Вот почему тропические области в последние годы стали предметом особого внимания Всемирной метеорологической организации (ВМО).

Стараниями ученых ряда стран достигнуты некоторые успехи в тропической метеорологии. За последние годы возникло много новых научных центров, специально занимающихся изучением вопросов тропической метеорологии. К созданным ранее и уже широко известным институтам и отделам тропической метеорологии в университетах в Майами (штат Флорида в США), на Гавайских островах и в Токио прибавились центры, созданные в Карачи (Пакистан), Пуне (Индия), Каире (ОАР) и в Колорадо (при государственном университете США). Небольшие отделения и исследовательские группы созданы и в южном полушарии — в национальных метеорологических службах Бразилии (Буэнос-Айрес) и Австралии (Мельбурн) и др.

Внимание к тропической метеорологии вытекает из интересов общего развития экономики, которому могло бы способствовать более рациональное и полное использование ресурсов тропических областей. Оно стало реальной действительностью в послевоенные годы и потребовало от метеорологов новых данных, как и ускорения решения старых метеорологических проблем.

Вопросы тропической метеорологии уже давно занимают значительное место в планировании всей деятельности Всемирной метеорологической организации (ВМО) ООН и, в частности, в связи с проектированием Всемирной службы погоды, с развитием национальных метеороло-

гических служб новых африканских государств.

После второй мировой войны ВМО много было сделано для обобщения результатов, полученных различными учеными при исследовании природы и происхождения тропических циклонов, струйных течений восточного направления над Индийским океаном и Африкой; по прогнозу муссонов и т. д. Для этого были организованы специальные обсуждения отдельных вопросов тропической метеорологии на международных симпозиумах в Ньо-Дели в 1957 году, в Найроби в 1958 году, в Мехико-Сити в 1963 году и в Роторруа (Новая Зеландия) в 1964 году.

В метеорологии существует одна, хотя и частная, но чрезвычайно острая проблема, в разрешении которой заинтересованы жители тропиков и моряки разных стран — тропические циклоны.

Интерес к тропическим циклонам вызван прежде всего многочисленностью человеческих жертв, почти ежегодно вызываемых ураганами и тайфунами в различных районах тропических поясов обоих полушарий Земли, как и страшными разрушениями и убытками, причиняемыми ими. Так, в 1963 году ураган Флора унес более 7000 человеческих жизней и только в США причинил убытков более чем на полмиллиарда долларов. Тайфун Вера в 1959 году в одной Японии стоил жизни более 5000 человек и нанес ущерб, оцениваемый почти в полтора миллиарда долларов. Число пострадавших от него в Японии превышает 1 миллион 600 тысяч человек Страшные опустошения принесли тайфуны жителям Пакистана и Филиппин в 1965 году.

Наибольшие разрушения и человеческие жертвы во время тропических циклонов связаны с внезапными затоплениями прибрежных местностей гигантскими волнами, наступающими с океана на сушу, а также с чрезвычайно сильными ливнями и, как следствие, выходом рек из берегов.

Значительную опасность представляет и большая скорость ветра в тропических циклонах. Она достигает 150 п даже иногда 257 км/час, то есть более 70 м и секунду (например, тайфун Эми 1—5 сентября 1962 года), и уже сама по себе может стать причиной катастрофы.

Тропические циклоны зарождаются и развиваются над океанами в низких широтах. Они представляют собой вихри с циклонической циркуляцией (с направлением ветра в северном полушарии против движения часовой стрелки) диаметром от 200 до 2000 км. Длительность жизни тропического циклона — от одного до тридцати дней.

Запасы энергии в них колоссальны. В урагане средней интенсивности в течение суток освобождается количество скрытой теплоты конденсации, эквивалентное энергии взрыва 400 сверхмощных водородных бомб! И только около 3 процентов этой энергии трансформируется в кинетическую энергию, создавая бешеные скорости движения воздуха — ветер в циклоне.

Основу каждого тропического циклона составляет его «глаз» или теплое ядро в самом центре циклона, окруженное несколькими гигантскими облаками-башнями, достигающими высоты 15—17 км. Наиболее мощные облака располагаются справа от направления движения тропического циклона. Нередко тропические циклоны резко изменяют направление своего движения.

Жизненно важную роль во всем циркуляционном механизме циклона играют облака, окружающие «глаз бури». Они служат одновременно и «цилиндрами», в которых происходит сгорание, и «бензонасосами» теплового двигателя, каким в сущности и является каждый тропический циклон. Облака вокруг теплого ядра тропического циклона препятствуют проникновению холода к его центру, которое неминуемо ведет к прекращению урагана или тайфуна, так как проникновение холода к центру циклона ликвидирует разность значений атмосферного давления между центром и периферией циклона, существующей в нижних слоях атмосферы и обусловливающей характерную для циклонов циркуляцию вообще и, в частности, типичные для него скорости ветра.

Подъем воздуха в облаках, окружающих теплое ядро тропического циклона, способствует сохранению разности давления. Массы воздуха поднимаются в облаках-башнях очень быстро и на большую высоту, увлекая в циклон теплый и влажный воздух с поверхности океана. Выброс на высоту более 7500 м этих масс воздуха с избыточным содержанием тепла и влаги вызывает падение давления в тропических циклонах примерно на две трети. Таким образом, эти запасы тепла и влаги облака — «насосы» — черпают ив слоев вовдуха, находящихся непосредственно над поверхностью океана. Интенсивные процессы конденсации сопровождаются обильными ливневыми осадками и грозовыми явлениями, характерными для разрешения неустойчивости атмосферы.

Эксперименты показывают, например, что над Карибским морем в тропических циклонах глубиной от 980 до 940 мб на уровнях 400—300 мб (7500—10 000 м) воздух, поднявшийся в облаках, на 15—18° теплее окружающего или обычного внеоблачного воздуха.

Ничего подобного не наблюдается в кучево-дождевых облаках вне тропических циклонов, когда этих облаков много и они меньше по размерам, слабее развиты по высоте.

Ряд исследователей (Малкус, Рилл) установил численные соотношения между скоростью ветра в урагане, температурой воздуха его теплового ядра, температурой воздуха в облачных башнях на разных уровнях, а также и температурой поверхности океана. Из этих и других исследований вытекает, что облачным башням, окружающим теплое ядро урагана, принадлежит очень важная роль, определяюшая жизнеспособность урагана. Этим можно воспользоваться в интересах людей, терпящих бедствия от ураганов.

Идея активного воздействия на ураганы и тайфуны заключается в том, чтобы попытаться превратить зарождающийся или уже сформировавшийся ураган в обычный тропический циклон, не несущий с собой катастрофических разрушений и жертв.

Разница между обычным тропическим циклоном и ураганом (или тайфуном), как известно, заключается не в количестве энергии, реализуемой этими обоими видами в.озмущений, а в степени концентрации этой энергии, то есть в размерах территорий, над которыми энергия реализуется. Задача, таким образом, сводится к возможно большему расширению площади, над которой происходит подъем вовлекаемого в циклон воздуха.

Например, если засеять йодистое серебро или другие реагенты в наиболее активную, правую по направлению движения урагана часть циклона, усилится развитие кучево-дождевых облаков. Это приведет к резкому расширению облачной зоны урагана, то есть к увеличению радиуса области с восходящим движением вовлекаемого в циклон воздуха, а в последующем — к ослаблению градиентов температуры и давления, скорости ветра и общей интенсивности урагана.

Подсчеты показывают, что замерзание каждого грамма воды на 1 м^3 переохлажденной влаги облака между уровнями 150 и 500 мб обеспечивает повышение температуры приблизительно на 2°, причем половина этого потепления обусловливается выделением скрытой теплоты, сопровождающим замерзание воды, а вторая половина — сублимацией. Понижение давления (вне центральной части циклона) может достигнуть в этом случае 6—7 мб, и, таким образом, величина горизонтального барического градиента в радиусе 20—35 км от центра урагана уменьшится на 15—20 процентов.

Проверка результатов в тщательно обеспеченном всеми доступными техническими средствами эксперименте, потребовавшем применения значительного числа самолетов, радиолокационных установок и дополнительно организованных радиозондирований, дала хорошее совпадение данных расчетов и эксперимента. Так были исследованы ураганы Истер 16—17 сентября 1961 года, Бюлах 19—24 августа 1963 года.

Конечно, пока рано говорить о практической возможности активного воздействия на ураганы и тайфуны, но можно надеяться, что в ближайшие годы успешно завершатся начатые исследования.

Сейчас многое из области активного воздействия на тропические

циклоны может показаться научной фантастикой. Пока эта проблема выглядит в основном не инженерно-технической, а чисто научной проблемой, поэтому внимание к ней ученых вполне закономерно и оправданно.

Идея активного воздействия на ураганы, борьба с ними нашла много сторонников в странах, население которых систематически страдает от тропических циклонов. В правительственных кругах Японии, Филиппин, Пакистана, США и Таиланда неоднократно обсуждались вопросы о поддержке исследований и экспериментов по искусственному ослаблению ураганов и тайфунов.

Предложения о выделении необходимых средств поступали и в ООН, поэтому не могла оставаться в стороне от этой проблемы и ВМО, для которой искусственное влияние на тропические циклоны, естественно, стало частью более общей проблемы активного воздействия на погоду и климат в интересах человека.

С давних пор профессиональные метеорологи во всех странах относятся к этим вопросам с большой осторожностью. Они проявляют значительно меньше энтузиазма при обсуждении перспектив и возможностей активного вмешательства человека в атмосферные процессы в будущем, чем это склонны делать люди, непосредственно метеорологией не занимающиеся, но так или иначе соприкасающиеся с ней.

Например, в США активными воздействиями на погоду интересуются не только научные метеорологические круги, но и многие коммерческие фирмы. Существуют даже частные предприятия, берущие подряды на выполнение работ по увеличению количества выпадающих осадков, рассеиванию туманов и облаков, предотвращению ночных и утренних весенних заморозков, губительных для фруктовых садов и т. п. В Американском метеорологическом обществе, отделение которого в Вашингтоне мне пришлось посетить, я слышал жалобы на бесконтрольность действий частных предприятий в прошлом, мешавшую организации строгой научной оценки эффективности осуществлявшихся опытов по воздействию на погоду.

Усилиями Общества этой практике положен конец, а заодно и частной практике разного рода предприимчивых людей, выдающих себя за метеорологов, но не являющихся таковыми. Специальным законом, принятым недавно в США, работать консультантами частных фирм могут отныне только лица, обладающие дипломом Американского метеорологического общества. Такие дипломы выдаются на каждый вид консультаций только после проверки знаний кандидата специальной комиссией, состоящей из видных ученых — специалистов в этой области.

Необходимость принятия подобного закона в США вызвана большим спросом на метеоспециалистов в частных компаниях, в которых профессиональных метеорологов сейчас занято больше, чем на государственной службе. Хорошо оплачиваемая частная метеорологическая практика стала привлекательным занятием для всякого рода проходимцев, приносивших вред своей некомпетентностью как компаниям, пользовавшимся их услугами, так и репутации прикладной метеорологии. Особенно много авантюристов пыталось подвизаться на поприще активных воздействий на погоду у фермеров, хотевших, чтобы на их полях выпало больше дождя, чем на полях соседей... Трудности учета действительной эффективности всех воздействий на облака и осадки благоприятствовали деятельности авантюристов, остававшейся многие годы фактически бесконтрольной и безнаказанной, пока этому не был положен конец законодательным путем.

Внимание американских метеорологов в первую очередь привлекают ситуации так называемой динамической неустойчивости атмосферы, когда, приложив относительно небольшие усилия, можно дать как бы толчок естественному развитию процессов в желаемом направлении. Это возможно в случаях, когда атмосфера по своему состоянию уже близка к освобождению накопившейся в отдельных ее участках энергии, то есть подготовлена к разрешению неустойчивости и нуждается только в небольшом «подталкивании». Существует несколько таких разновидностей состояния атмосферы, когда она может быть «спровоцирована» на разрешение неустойчивости минимальными средствами.

Например, при неустойчивом состоянии содержащейся в воздухе переохлажденной воды или перенасыщенного водяного пара толчок к нарушению равновесия может быть дан созданием локального источника аагрева. Другой разновидностью может явиться коллоидальная неустойчивость облачных частиц, способных к выделению значительной энергии при фазовых превращениях водяного пара, осуществляющихся в процессе выпадения осадков. Третья — вертикальная, или так называемая конвективная, неустойчивость некоторой ограниченной массы воздуха, освобождающаяся в процессе накопления тепла у поверхности земли и путем передачи его в выше расположенные слои. Наконец, можно назвать и горизонтальную неустойчивость атмосферы, связанную с различиями условий у экватора и над полюсами. Пока она реализуется бесконтрольно и через очень сложный механизм циркуляции, возможности влияния на который все еще не ясны.

Таким образом, наши американские коллеги видят возможность искусственного влияния на погоду прежде всего в воздействиях на облака — в увеличении количества осадков, рассеивании облаков, уменьшении размеров выпадающих из облаков градин и растаивании их в воздухе раньше, чем они достигнут поверхности земли. В этом направлении они и ведут основные исследования и эксперименты, так же, впрочем, как и наши советские ученые, результаты работы которых очень высоко оцениваются в США.

— Мы считаем русских самыми большими оптимистами в вопросе о возможностях борьбы с градобитиями. Полученные вашими учеными результаты на Кавказе, безусловно, дают вам право на такой оптимизм,— сказал мне один из сотрудников американского Института атмосферных исследований, побывавший в Советском Союзе.

— Не хотите ли вы сказать, что в вопросе о возможностях модификации климата американские коллеги настроены менее оптимистично, чем русские? — спросил я, на что мой собеседник не без лукавства ответил:

— Видите ли, наш оптимизм в такого рода вопросах закономерен — мы ведь призываем к осуществлению фундаментальных исследований в метеорологии, необходимых в любом случае, а не только для решения проблемы искусственного изменения погоды и климата. Риска здесь быть не может никакого, так же как и сомнений в том, что путь к научному решению задачи модификации климата лежит именно через теоретические исследования, моделирование атмосферной циркуляции, количественные эксперименты с помощью быстродействующих вычислительных машин и т. д. Но, увы, все это стоит денег, для получения которых в нашем Конгрессе нужен не меньший оптимизм, чем для осуществления самих исследований...

Ну а все же, спросит читатель, можно ли надеяться на успешное управление погодой? Ведь начав искусственно изменять условия погоды, мы должны быть гарантированы, что все изменения будут благоприятными, что они не повлекут за собой никаких непредвиденных отрицательных, необратимых, катастрофических для человечества последствий.

Постановка такого вопроса не лишена смысла, и ответ на него в наши дни уже звучит не столь пессимистически, как прежде.

Комиссия из четырнадцати авторитетных американских ученых, среди которых значатся имена таких крупных специалистов в области изучения атмосферных процессов, как Ю. Чарни, Д. Смагоринского, С. Джонсона, Д. Симеона, Н. Лоренца и др., в своем отчете, единодушно одобренном Комитетом по атмосферным наукам США, состоящим еще из 15 известных ученых, констатировала:

«В известном смысле сегодня модификация погоды может рассматриваться как реальность. Человек может и должен вмешиваться в атмосферные процессы различными спо-

собами. Его способность производить желаемые и полезные изменения еще весьма ограниченна и неопределенна, но ее больше нельзя игнорировать».

На чем основаны эти заключения? Что изменилось в нашем понимании природы атмосферных процессов, формирующих погоду, и возможностей искусственно воздействовать на них в нужном нам направлении?

Прежде всего следует уточнить, что под термином «модификация» погоды подразумеваются искусственно вызываемые как умышленно, так и непреднамеренно изменения ее, проявляющиеся как длительно, так и кратковременно, и, наконец, любые по масштабу. И далее, почти все исследователи этой проблемы, включая советских ученых, в настоящее время считают реально возможными пока только мелкомасштабные, локальные изменения погоды и климата искусственным путем. Возможности же крупномасштабных их изменений еще далеко не ясны и подлежат серьезному и всестороннему изучению.

В целом решение задачи искусственного изменения погоды и климата сейчас стало возможным рассматривать в иной плоскости, чем в начале нашего века, оно перешло в новую, качественно отличную фазу, стало более перспективным. Конкретно это выражается в двух очень важных сдвигах, достигнутых наукой об атмосфере за последние десятилетия.

Во-первых, появилась возможность создания математических моделей теоретических схем атмосферной циркуляции, позволяющих с помощью электронной вычислительной техники производить количественные эксперименты, на их основе уточнять детали сложного циркуляционного механизма земной атмосферы, проверять точность самих схем, рассчитывать возможные последствия искусственных воздействий на атмосферу в самых различных вариантах. Во-вторых, многократно возросла способность человека количественно оценить состояние атмосферы, измеряя новыми средствами все большее количество ее элементов, или, как принято говорить, параметров, в том числе таких, которые не удавалось измерять раньше. Радиометеорологические наблюдения, ракетное, самолетное и оптическое зондирование атмосферы, информация, получаемая с метеорологических спутников, и т. п. наотолько расширили арсенал средств анализа состояния атмосферы, что он качественно изменился, став и более разносторонним, и больз точным, и одновременно более onepi тивным.

Теоретически все это открывает новые перспективы перед исследователями и позволяет надеяться на успешное решение многих вопросов активного воздействия на погоду, в прошлом казавшихся не поддающимися решению.

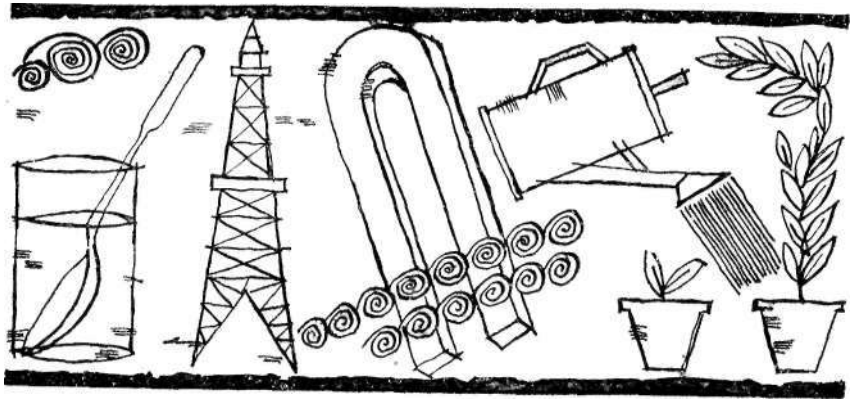
Уже сейчас мы можем изменять микроклимат и должны научиться делать это в значительно больших масштабах. Для этого потребуются длительные теоретические и экспериментальные исследования, новые поиски. Пройдет много лет, может быть, десятилетий, прежде чем человечество научится управлять погодой сначала в ограниченных районах без риска вызвать нежелательные последствия в соседних или более удаленных областях, а затем и в планетарном масштабе. Это будет не скоро, но будет!

П. Астапенко

Флотилия из самых необычных в мире яхт совершила путешествие по Днепру и Черному морю. Молодые киевские изобретатели отказались от традиционного материала и построили свои яхты из бетона.

Тонкие бетонные оболочки, естественно, не боятся морской воды, они не гниют, не поражаются точильщиками.

Близ города Сандомир *в* Польше на дне одной из излучин Вислы рыбаки нашли остатки огромной дубовой рощи. Судя по всему, она была затоплена лет 400 назад. Сейчас там начата добыча мореного дуба. Несколько европейских стран обратились уже с экспортными заказами на эту редчайшую древесину.



ВОДА ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

13 ноября 1968 года в конференц-зале Института физических проблем АН СССР состоялся не совсем обычный по теме семинар. Доклад по чисто физическим вопросам делал доктор технических наук. В воздухе «запахло сенсацией». Что же взволновало ученых?

Физики привыкли считать, что след от любого воздействия на воду, которое не изменило ее состава или структуры, можно наблюдать не более миллионной доли секунды. А вот инженеры объявили, что можно использовать свойство воды хранить память о прошлых процессах сутками.

Физики никак не могли поверить в это открытие, хотя оно уже сейчас дает народному хозяйству десятки миллионов рублей экономии. Речь на семинаре шла о так называемой «омагниченной» воде.

Что же это такое? Если пропустить обычную воду через трубу, на которой установлены магниты, то вода в течение долей секунды приобретает новые свойства и сохраняет их более суток. Это и есть омагниченная вода. Использование «чудо-воды» в различных отраслях народного хозяйства дает громадную экономию средств.

Упомянем некоторые уже реализованные предложения в этой области. Существенно возросло применение магнитной обработки воды для питания паровых котлов, подпитки тепловых сетей и систем циркуляционного водоснабжения. При этом в котлах почти совсем не образуется накипи, что резко улучшило их эксплуатационные возможности. Сейчас работают тысячи установок для омагничивания воды на крупных теплоэлектроцентралях, на морских и речных судах и во многих других местах.

Приведем пример использования омагниченной воды в нефтяной промышленности. Известно, что соли часто забивают трубы, по которым обводненная нефть перекачивается из глубины на поверхность. На предприятиях треста «Башоргэнергонефть» и в Азербайджане в стволах скважин были установлены небольшие магниты. Это резко уменьшило отложение солей по всей длине труб и, следовательно, значительно увеличило время их службы.

Опыт показал, что «омагниченная» вода значительно лучше улавливает топкую кварцевую пыль, чем обычная. Этот эффект, крайне важный для улучшения условий труда на рудниках и обогатительных фабриках, уже с успехом используется в промышленности.

На Новочеркасском заводе железобетонных изделий подтверждено, что если воду для бетонного раствора

подвергнуть магнитной обработке, то возрастают скорость затвердевания и прочность бетона. Близкие результаты получены и на других предприятиях. Это позволяет заметно снизить вес железобетонных конструкций.

Недавно обнаружили, что применение омагниченной воды в технологических процессах при изготовлении синтетического каучука дает возможность улучшить его качество.

Омагниченной водой заинтересовались и биологи. Они выяснили любопытные факты. Так, растения, которые систематически поливали омагниченной водой, растут мною быстрее, чем контрольные. Вообще омагниченная вода оказывает стимулирующее влияние на биологические процессы в живых организмах. Очень интересны исследования ленинградских врачей. Зарегистрированы случаи, когда употребление больными омагниченной воды привело к растворению почечных камней.

Некоторые специалисты высказывают предположение, что так называемые «магнитные браслеты» оказывают благотворное влияние на стабилизацию кровяного давления, они как бы «омагничивают» воду, входящую в состав крови.

Как всегда при открытии нового явления возникают страстные и острые дискуссии. И это понятно, так как еще очень многие вопросы не выяснены. Особенно смущает всех исследователей факт «вариабельности» процесса. Бывают случаи, когда эффект омагничивания воды не наблюдается. Особенно любопытно, что такие случаи большой частью приходятся на весну. Причина этого совершенно не понятна.

Еще меньше нам известно о сущности самого процесса омагничивания. Нет не только теории, но даже общепринятой гипотезы, которая могла бы удовлетворительно объяснить это очень интересное явление.

Многие ученые полагают, что за эти процессы ответственны примеси, которые в огромном количестве содержатся в обычной воде. Эту точку зрения в определенной степени подтверждает опыт, согласно которому чем чище вода, тем в меньшей степени проявляет, она свойства омагничивания. Но до сих пор неясно, создают ли эффект сами примеси или только усиливают его. Последнее как будто подтверждается тем обстоятельством, что некоторые примеси значительно ослабляют . эффект.

Обнаружено очень сильное влияние кислорода, растворенного в воде, на процесс ее омагничивания. Высказано даже предположение о том, что растворенный в воде кислород и является основной причиной процесса.

Проводились эксперименты, давшие совершенно неожиданные результаты. Так, например, если омагниченную воду быстро заморозить, а потом лед вновь растопить, то она сохраняет «магнитные» свойства. Можно представить, сколь сильно должно быть явление омагничивания, чтобы молекулы воды сохраняли «память» о нем даже при агрегатных переходах. Совершенно ясно, что никакие гипотезы, в которых вода рассматривается как равновесное термодинамическое тело, не могут объяснить основных фактов, связанных с этим явлением. Кстати, такой термодинамический подход неприменим и для объяснения другого явления, открытого недавно членом-корреспондентом Академии наук В. В. Дерягиным и его сотрудниками. Это касается «сверхплотной» воды, которая по плотности значительно превосходит обычную. По-видимому, наиболее перспективны такие гипотезы, в которых причина омагничивания объясняется свойствами ее молекул. Процесс омагничивания никак не влияет на средние статистические термодинамические свойства воды. Следовательно, он не может дать никаких энергетических выгод. Однако омагничивание может повлиять на молекулы воды таким образом, что химическая связь между атомами, входящими в молекулу, будет испытывать в течение некоторого времени так называемое флуктуационное колебание. В этом случае заметно увеличится «агрессивность» воды, что и наблюдается в экспериментах. Однако эта гипотеза далеко еще не разработана.

Нет сомнения, что ученые в конце концов решат эту проблему и установят, почему вода за долю секунды омагничивается и хранит память об этом до двух суток.

Однако, не дожидаясь решения этого теоретического вопроса, многие отраслевые исследовательские организации нашей страны занимаются изучением явления омагничивания воды и его практического использования. И в этом нет ничего удивительного. Так бывало в истории не раз. Скажем, обобщающей теории ядерных сил пока не создано, но мирный атом уже служит людям.

Особенно большую работу по всем процессам омагничивания воды проводит коллектив ученых, возглавляемый профессором В. И. Классеном в Институте горючих ископаемых. Сейчас практическим применением магнитной обработки воды заинтересовались предприятия цветной металлургии, угольной промышленности и других отраслей народного хозяйства.

Изучение и использование этого интереснейшего явления многое даст и науке, и производству.

К. Гранов

Директору одного из зоопарков Западной Германии посетители однажды пожаловались, что львы в клетках весьма ленивы: когда бы они ни пришли посмотреть на них, хищники все время дремлют.

Директор вскоре предпринял путешествие в Танзанию и там убедился, что все львы спят в среднем по 16 часов в сутки. Кроме того, они еще и днем находят время, чтобы часика четыре подремать. Чтобы установить эти цифры, а следовательно, и ленивый характер царя зверей, зоолог провел более недели в специальном закрытом домике, установленном на месте обитания целой стаи хищников.

В джунглях, на границе между Перу и Бразилией, водятся небольшие бабочки, которых местное население называет «летающей крапивой». Если бабочка заденет своим крылом кожу человека, то он тотчас же почувствует ощущение ожога. На коже появляются красные пятна.

Ученым многих специальностей станет необходимым телеобъектив, выпущенный в Японии. У него фокусное расстояние равно пяти метрам (в сто раз больше обычного). Вулканологи, например, смогут делать редкие снимки с безопасного расстояния. Зоологи начнут снимать животных в естественных услозиях. «Портрет» осторожной газели теперь можно будет сделать с расстояния около пяти километров.

В феврале 1968 г. в Антарктиде была пробурена скважина через всю толщу ледяного покрова. Глубина ее достигла двух километров 140 метров. Получены образцы со всех горизонтов. На глубине одного километра 420 метров обнаружен слой вулканического пепла. Примерный возраст льда на этой глубине— 14 тысяч лет. Ученые делают вывод, что в ту отдаленную эпоху произошла катастрофа глобальных масштабов. Гигантский вулкан действовал приблизительно за три тысячи километров от края Земли королевы Мод.

Против ревматических болей в суставах существует довольно много лекарств. Однако ни одно из них не обладает столь большой эффективностью, как новое средство, полученное в ГДР. Сырьем для него служит яд паука каракурта («черная вдова»). Миниатюрными электродами раздражаются нервные окончания паука, помещаемого под окуляры микроскопа. Паук поневоле становится донором. Разрабатывается специальный инкубатор для массового разведения ядовитых пауков.

При переводе одного из папирусов ученые выяснили, что древние египтяне построили примерно 4500 лет назад своеобразный маяк для путников в пустыне. Вершина пирамиды царицы Уэбтен была позолочена. Она сияла в свете солнца и луны, указывая путь к берегам Нила.

Ученые продолжают открывать новые виды животных. В 1968 г. в морях близ Антарктиды открыто 17 видов новых рыб. В Мексике обнаружена черепаха с панцирем до 30 сантиметров в диаметре. Считалось, что этот вид вымер 100 миллионов лет назад. На одном из южных островов Японии неожиданно открыт неизвестный вид дикой кошки. Есть предположение, что именно этот вид является родоначальником всех современных кошек.

Рыбак из Гонолулу Билл Янг в течение 50 лет охотится на акул. За это время он истребил несколько десятков тысяч морских хищниц. Однажды Янг нашел в брюхе белой акулы мешок с углем и тунца длиной в два метра.

Единственный в мире крокодил-альбинос перевезен недавно из Индонезии в Штутгартский зоопарк. Беловатый хищник имеет в длину более двух метров. По мнению специалистов, это весьма редкое явление среди пресмыкающихся.

Об авторах

Акимушкин Игорь Иванович. Родился в 1929 году в Москве. Окончил биологический факультет МГУ, кандидат биологических наук, специалист по головоногим моллюскам. Автор многих научных статей и нескольких научно-художественных книг, в том числе таких: «Следы невиданных зверей», «Тропою легенд», «Приматы моря», «И у крокодила есть друзья», «Куда и как?», «Занимательная биология». Им написано также восемь книг для детей. В альманахе публиковался много раз. В настоящее время работает над новой книгой о членистоногих.

Лаппо Георгий Михайлович. Родился в 1923 году во Льгове Курской обл. Окончил в 1953 году географический факультет МГУ. По специальности экономико-географ, преподаватель и научный работник, кандидат географических наук, доцент, член Географического общества АН СССР. Автор около 30 статей и разделов в монографиях и многих научно-популярных статей по географии городских поселений. В альманахе выступает «первые. В настоящее время работает над книгой «Рассказы о городах».

Талызин Федор Федорович. Родился в 1903 году в Нерчинске. Окончил медицинский факультет Иркутского государственного университета. Специалист по ядовитым животным и паразитолог. Доктор медицинских наук, член-корреспондент Академии медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, работает заведующим кафедрой биологии с общей генетикой 1-го Московского ордена Ленина медицинского института. Автор более ста научных работ, учебников и монографий. Им опубликовано свыше 20 научно-популярных книг, в том числе таких: «По городам США» (в соавторстве), «Под солнцем Мексики», «Секреты природы», «По Ирану и Ираку» и другие. В альманахе выступает впервые. Сейчас работает над книгами «Зоонозы» и «Ядовитые животные».

Малиничев Герман Дмитриевич, член Союза журналистов СССР. Родился в 1926 году в Москве. Публиковаться начал как автор научно-популярных статей в 1952 году в журнале «Техника — молодежи». Многие его очерки и статьи напечатаны в газетах «Комсомольская правда», ««Неделя», «Москоу ньюс», журналах «Вокруг света», «Огонек» и других изданиях. В альманахе публиковался неоднократно. В настоящее время работает над научно-фантастическим рассказом.

Кречетов Владимир, член Союза журналистов СССР. Родился в 1928 году в Москве. По образованию историк. Автор нескольких очерков и научно-популярных статей на историко-географические темы. Сотрудничает в географическом ежегоднике «Земля и люди». В альманахе публикуется в третий раз.

Эйдельман Давид Яковлевич. Родился в 1918 году в Москве. Окончил кораблестроительный институт. По специальности инженер-кораблестроитель, работает в Инспекции Регистра СССР по судостроению. Автор опубликовал около 30 научных и научно-популярных статей и книгу «SOS», В альманахе выступает впервые. Сейчас работает над научно-популярной книгой «Приключения в царстве Нептуна».

Мчедлишвили Георгий Ираклиевич. Родился в 1927 году в Грузии. Окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию (отделение генетики) и аспирантуру при ней, кандидат сельскохозяйственных наук. Автор многих научных работ и ряда научно-популярных статей в местной и центральной печати. В альманахе выступает впервые. В последнее время работает над циклом научно-популярных статей «Беседы о жизни»

Астапенко Павел Дмитриевич, профессор, доктор географических наук. Родился в 1917 году на Украине в Корсуни (ныне Корсунь-Шевченковский). Работает проректором Ленинградского высшего авиационного училища гражданской авиации и заведующим кафедрой авиационной метеорологии; участвовал в 3-й и 7-й советских антарктических экспедициях; в 1964—1966 годах занимал пост заместителя генерального секретаря Всемирной метеорологической организации в Женеве.

Автор более 70 научных работ, в том числе пяти монографий по проблемам авиационной метеорологии, климатографии, биометеорологии и природы Антарктики. П. Д. Астапенко опубликовано 10 научно-популярных очерков и книг о своих путешествиях, в том числе «Литл Америка», «Путешествие за тридевять земель», «Путешествие к острову четырех вулканов», а также статьи в журналах «Природа», «Знание—сила», «Нева» и другие. В альманахе печатается второй раз.

Гранов Константин Григорьевич. Родился в 1918 году в Днепропетровске. По образованию военный инженер, в настоящее время киносценарист студии «Центрнаучфильм», член Союза кинематографистов СССР. Автор многих сценариев научно-популярных фильмов и научно-популярных статей. В альманахе выступает впервые. В настоящее время работает над киносценарием «Философское наследие Фридриха Энгельса».

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Димчевский. ОЛЕНИЙ УЗОР. Повесть. Рис. В. Сурикова .. 9

Владимир Толмасов. ПО СТВОРАМ. Рассказ. Заставка В. Сурикова . . . 47

Вл. Монастырев. ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ. Повесть. Рис. **В.** Носкова 56

Евгений Кондратьев. КЛЮКВЕНКА. Рассказ. Рис. Н. Кирюхиной 103

В. Гуляев. ГИБЕЛЬ ПАДАЮЩЕГО ОРЛА. Судьба последнего императора ацтеков 115

Эрнст Кренкель. РОЖДЕНИЕ КОРОТКОЙ ВОЛНЫ. Очерк. Рис. М. Лисогорского 134

Василий Казанский. В ЛЕСАХ ИЗВЕЧНЫХ. Рассказ. Рис. В. Макеева . . 148

Сергей Цебаковский. ДАША-ДЖАН. Рассказ. Рис. В. Макеева 168

Владимир Рыбин. И ПАХАРИ, И СЕЯТЕЛИ... Очерк. Заставка худ. Г. Метченко. Фото автора 181

Ю. Малое. ЗАНЗИБАР ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ. Очерк. Заставка худ. Г. Метченко. Фото автора 196

В. Тарасова. ФЕНЬКА. Рассказ. Рис. В. Симонова 209

Сергей Наумов. «73 SK» Рассказ. Рис. С. Соколова 221

Александр Кулешов. ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА ДО МЕХИКО. Очерк. Заставка худ. Г. Метченко 233

Феликс Штильмарк. ЗАВЕТНЫЕ ЧЕЛНЫ. Очерк. Заставка худ. В. Найденко. Фото автора 258

Алексей Рыжов. ЗА ГНИЛОЙ ЛОЖБИНОЙ. Рассказ. Рис. В. Мухина . .273

Александр Старостин. СТУДЕНАЯ КУПЕЛЬ. Рассказ. Рис. В.Масленникова 284

Е. Иорданишвили. В СНЕГАХ ЭКВАТОРА. Очерк. Заставка худ. В. Найденко. Фото автора 302

Владимир Бардин. ГОСТЕПРИИМНАЯ АНТАРКТИКА. Очерк. Рис. В. Мухина 325

Владимир Казаков. ОПЕРАЦИЯ «ТИХАЯ НОЧЬ». Рассказ. Рис. В. Белова. 340

Вера Шапошникова. ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ. Очерк. Рис. А. Шикина 355

Сергей Мараков. ПОБЫВАЙТЕ НА ПТИЧЬЕМ БАЗАРЕ. Фотоочерк. Заставка худ. В. Орловой 371

Жан Франко, Лионель Терре. БИТВА ЗА ЖАННУ. Фрагменты из книги. Перевод с французского Л. Ремизова. Заставка худ. В. Орловой. Фото из книги 374

И. Верин. ПИСЬМО ЗЕМЛЯНАМ. Из дневника ученого. Фантастическое повествование. Рис. Н. Гришина 401

Юрий Моисеев. **СМЕРТЬ НАПРОКАТ.** Научно-фантастический рассказ. Рис. М. Лисогорского 425

О. Гурский. СОПЕРНИК СОГОРА. Фантазия. Рис. М. Лисогорского . . 433

В. Михановский. **ЗАЛИВ ДОХЛОГО КИТА.** Фантастический рассказ. Рис. В. Белова 448

Э. Михеев, А. Пирожков. ДАНАЙСКИЙ ДАР. Фантастический рассказ. Рис. В. Носкова 468

Л. Спрг де Камп. С РУЖЬЕМ НА ДИНОЗАВРА. Фантастический рассказ. Перевод с английского Я. Пазара. Рис. Г. Чижевского 496

Джером Биксби. АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ. Фантастический рассказ. Перевод с английского Н. Кондратьева. Рис. Г. Чижевского . . 524

Н. Петров. ПРАВО СИЛЫ — ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ! Послесловие к фантастическим рассказам Спрэга де Кампа и Джерома Биксби 541

ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУЧАИ 543

Заставки худ. А. Белова

Игорь Акимушкин. ВОСЬМИНОГИЕ НАШИ СОСЕДИ. Рис. М. Сергеевой 545

Г. Лаппо. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДАХ БУДУЩЕГО. Рис. **А. Б**елова .554

Федор Талызин. ОСТОРОЖНО — МОРСКИЕ ЧУДИЩА! Рис. из книги Браса У. Халстида «Ядовитые морские животные» 564

Вл. Кречетов. НА ПЛОТАХ И ЛОДКАХ — ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ. Рис. В. Сурикова 574

Герман Малиничев. ГДЕ ЖЕ БЫЛО ЭЛЬДОРАДО! 590

Д. Эйдельман. НОВАЯ ВЕРСИЯ ТАЙНЫ «МЭРИ СЕЛИСТ» 596

Георгий Мчедлишвили. «КЛЮЧИ ЖИЗНИ» 605

П. Астапенко. МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОГОДОЙ! 609

К. Гранов. ВОДА ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ 615

КОРОТКО О РАЗНОМ (факты подобраны Г. Малиничевым)

На суше и на море. Повести, рассказы, очерки,
Н12 статьи. Ред. коллегия: Н. Я. Болотников (сост.) и др. М., «Мысль», 1970.

621 с. с илл. и карт.; 16 л. илл. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Десятый выпуск художественно-географического сборника «На суше и на море» открывается повестью Николая Димчевского «Олений узор» об оленеводах Севера,

В сборник включены повести, рассказы и очерки о природе и людях Советского Союза и зарубежных стран, зарисовки из жизни животного мира, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены статьи на самые разнообразные темы.

2-8-1
128-70

На суше и на море

Художественно-географическая книга

Редактор **Н. Н. Пронин**

Младший редактор О. В. Гриднева
Художественный редактор А. Г. Шикин
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор Л. Ф. Селютина

Сдано в набор 20 августа 1969 г. Подписано в печать 4 января **1970** г. Формат бумаги бОхЭО'/и, *Ni* 1- Усл. печатных листов 41 с вкл. Учетно-издательских листов 44,81 с вкл. Тираж l0o 00 0 экз. А01Я01 Заказ № 241. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Москва, М-54, Валовая, 2S,

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вышел из печати десятый выпуск художественно-географического сборника «На суше и на море». Редколлегия сборника хотела бы узнать Ваше мнение о книге, Ваши пожелания и замечания, которые помогли бы нам сделать это издание более содержательным и интересным, улучшить его оформление.

Просим Вас ответить на несколько вопросов:

1. Какие выпуски сборника «На суше и на море» (1960—1970 годы) Вам знакомы и какие из них Вы считаете лучшими?

2. Какие повести, рассказы, очерки, статьи Вас особенно заинтересовали?

3. О чем бы Вы хотели узнать в разделе «Факты. Догадки. Случаи...»?

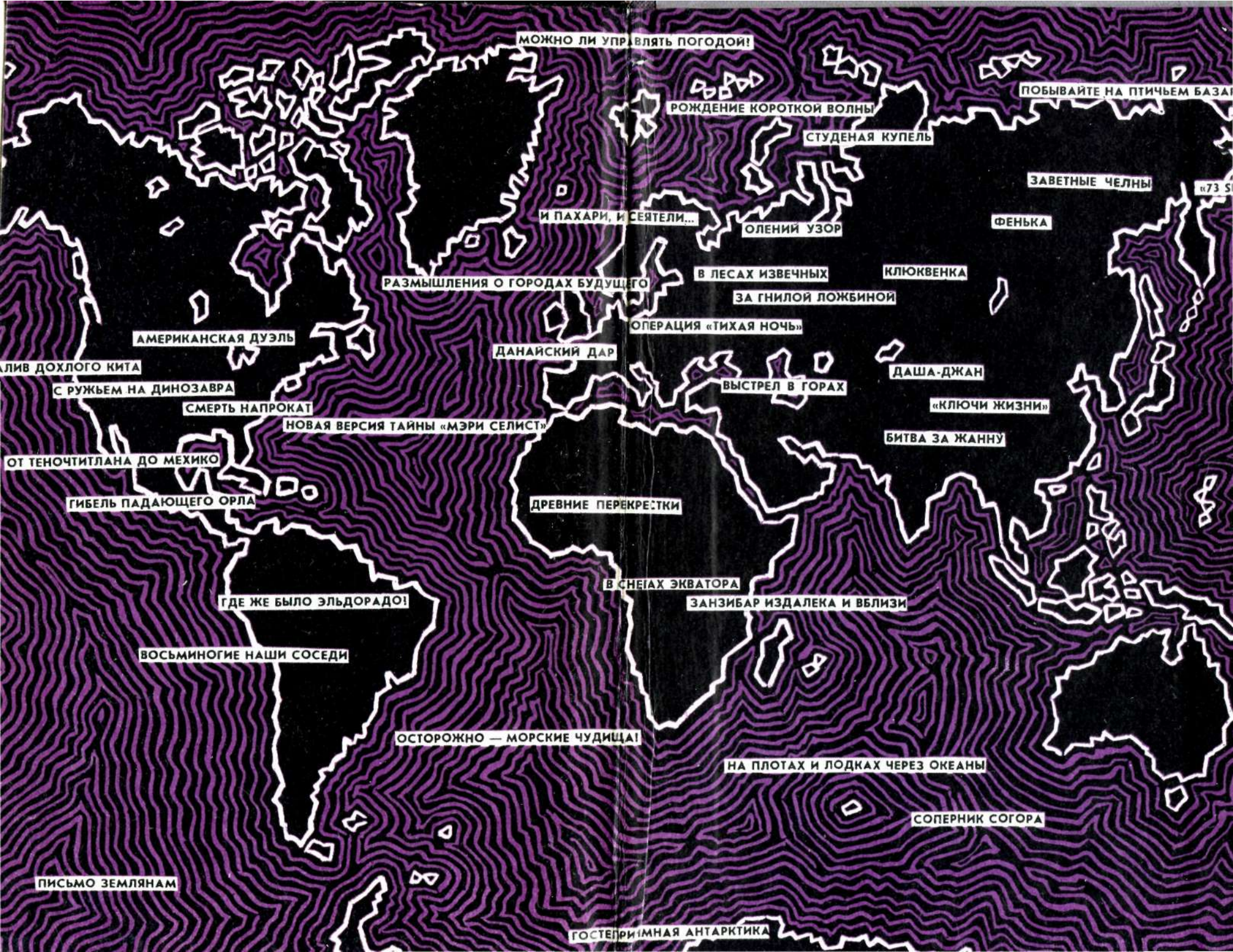
4. Какие новые темы и материалы Вы хотели бы найти в ежегоднике?

5. Нравятся ли Вам оформление сборника, карты, рисунки и фотографии?

6. Можно ли купить сборник в Вашем городе (поселке, селе)?

7. Укажите Ваш возраст и род занятий.

Ваши ответы присылайте по адресу:
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15,
Главная редакция географической литературы
издательства „Мысль", „На суше и на море".


МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОГОДОЙ!
ПОБЫВАЙТЕ НА ПТИЧЬЕМ БАЗА
РОЖДЕНИЕ КОРОТКОЙ ВОЛНЫ
СТУДЕНАЯ КУПЕЛЬ
ЗАВЕТНЫЕ ЧЕЛНЫ
«73 S
И ПАХАРИ, И СЕЯТЕЛИ...
ОЛЕНИЙ УЗОР
ФЕНЬКА
В ЛЕСАХ ИЗВЕЧНЫХ
КЛЮКВЕНКА
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДАХ БУДУЩЕГО
ЗА ГНИЛОЙ ЛОЖБИНОЙ
ОПЕРАЦИЯ «ТИХАЯ НОЧЬ»
АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ
ДАНАЙСКИЙ ДАР
АЛИВ ДОХЛОГО КИТА
ДАША-ДЖАН
ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ
С РУЖЬЕМ НА ДИНОЗАВРА
«КЛЮЧИ ЖИЗНИ»
СМЕРТЬ НАПРОКАТ
НОВАЯ ВЕРСИЯ ТАЙНЫ «МЭРИ СЕЛИСТ»
БИТВА ЗА ЖАННУ
ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА ДО МЕХИКО
ГИБЕЛЬ ПАДАЮЩЕГО ОРЛА
ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ
В СНЕГАХ ЭКВАТОРА
ГДЕ ЖЕ БЫЛО ЭЛЬДОРАДО!
ЗАНЗИБАР ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ
ВОСЬМИНОГИЕ НАШИ СОСЕДИ
ОСТОРОЖНО — МОРСКИЕ ЧУДИЩА!
НА ПЛОТАХ И ЛОДКАХ ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ
СОПЕРНИК СОГОРА
ПИСЬМО ЗЕМЛЯНАМ
ГОСТЕПРИИМНАЯ АНТАРКТИКА